



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

(Allan)

3217

~~3217~~

ВЪВЕДЕНІЕ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынскаго. Барона Брамбеуса. Ф. В. Булгарска. А. Ф. Воейкова. Кн. П. А. Вяземскаго. Ф. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирзевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кувольнича. М. Е. Лобанова. А. М. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго. Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорьльскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго. Пашко. П. П. Свинына. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Синигрева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. А. С. Хомякова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

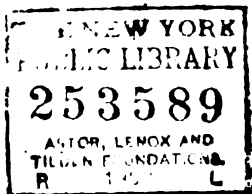
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1834.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 1834 года Генваря 31 дня.

Ценсоръ *Никитенко*.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.



I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.



ПОЭЗІЯ.

=

СКАЗКА

О

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

=

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился,
И Царица у окна
Съла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотрить въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи

Съ бѣлой зори до ночи,
 Не видать милова друга!
 Только видить: вѣтся вьюга,
 Снѣгъ валится на поля,
 Вся бѣлешенька земля.
 Девять мѣсяцевъ проходить,
 Съ поля глазъ она не сводить.
 Вотъ въ сочельникъ самый, въ ночь
 Богъ даетъ Царицѣ дочь.
 Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Издалеча, наконецъ
 Воротился Царь отецъ.
 На него она взглянула,
 Тяжелешенько вздохнула,
 Восхищенья не снесла,
 И къ обѣднѣ умерла.

Долго Царь былъ неутѣшенъ,
 Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
 Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодлица
 Ужъ и впрямь была Царица:
 Высока, стройна, бѣла,
 И умомъ и всѣмъ взяла;
 Но за то горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говорить оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела,
 Съ нимъ привѣтливо шутила,
 И красуясь говорила:
 «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,

«Да всю правду доложи:
 «Я ль на свѣтъ всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяній и бѣлѣ?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты, конечно, спору нѣтъ;
 «Ты, Царица, всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяній и бѣлѣ.»
 И Царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядясь.

Но Царевна молодая,
 Тихомолкомъ разцвѣтая,
 Между тѣмъ росла, росла,
 Поднялась — и разцвѣла.
 Бѣлолица, черноброва,
 Нраву кроткаго такова.
 И женихъ сыскался ей,
 Королевичъ Елисей.
 Сватъ прѣихаль, Царь далъ слово,
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ теремовъ.

На двичникъ собираясь,
 Вотъ Царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ.
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяній и бѣлѣ?»
 Что же зеркальце въ отвѣтъ?
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 «Но Царевна всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяній и бѣлѣ.»

Какъ Царица отпрыгнетъ,
 Да какъ ручку замахнетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!.....,
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что была;
 Мать беременна сидѣла,
 Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь мѣръ; мнѣ ровной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А Царевна все жъ милѣе,
 Все жъ румяней и бѣлѣе.»
 Дѣлать нѣчего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сынной дѣвушкѣ своей,
 Везть Царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ.
 На създеніе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
 Спорить нѣчего. Съ Царевной
 Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что Царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,

И взмолилась. «Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я Царица,
 Я пожалую тебя.»
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинься, Богъ съ тобой.»
 А сама пришла домой.
 «Что?» сказала ей Царица,
 «Гдѣ красавица-дѣвица?»
 — «Тамъ въ лѣсу, стоитъ одна,»
 Отвѣчаетъ ей она;
 «Крѣпко связаны ей локти;
 Попадется звѣрю въ когти,
 Меньше будетъ ей терпѣть,
 Легче будетъ умереть.»

И молва трезвонить стала:
 Дочка Царская пропала!
 Тужить бѣдный Царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,
 Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
 До зари въ лѣсу блуждая,
 Между тѣмъ все шла да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей на встрѣчу песь, заяя,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
 Въ ворота вошла она,
 На подворьѣ тишина.
 Песь бѣжить за ней, ласкался,

А Царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И Царевна очутилась
 Въ светлой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крытыя ковромъ,
 Подъ святыми столъ дубовый,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно.
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ Царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала,
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Затопила жарко печку,
 На палаты взобралась
 И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался,
 Топотъ по двору раздался:
 Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «Что за диво!
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибиралъ,
 Да хозяевъ поджидалъ.
 Кто же? выдь и покажися,
 Съ нами чинно подружися:
 Коль ты старый человекъ,
 Дядей будешь намъ навѣкъ.
 Коли парепъ ты румяный,
 Будешь братецъ намъ названный.
 Коль старушка, будь намъ мать,
 Такъ и станемъ величать.

Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И Царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломилла,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А Царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Вызжаютъ погулять,
Сърыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ

У Татарина отсъчь,
 Или вытравить изъ лѣса
 Пятигорскаго Черкеса.
 А хозяйюшкой она
 Въ терему межъ тѣмъ одна
 Приберетъ и приготовить.
 Имъ она не прекословить,
 Не перечать ей они.
 Такъ идутъ за днями дни.

Братя милую дѣвицу
 Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
 Разъ, лишь только разсвѣло,
 Всѣхъ ихъ семеро вошло.
 Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
 Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
 Всѣхъ насъ семеро, тебя
 Всѣ мы любимъ, за себя
 Взять тебя мы всѣ бы ради,
 Да нельзя, такъ Бога ради,
 Помири насъ какъ нибудь:
 Одному женою будь,
 Прочимъ ласковой сестрою.
 Что жъ качаешь головою?
 Аль отказываешь намъ?
 Аль товаръ не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
 Братцы вы мои родные,»
 Имъ Царевна говорить:
 «Коли лгу, пусть Богъ велить
 Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
 Какъ мнѣ быть? вѣдь я певѣста.
 Для меня вы всѣ равны,
 Всѣ удалы, всѣ умны,
 Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
 Но другому я навѣчно

Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
Спрось не грѣхъ. «Прости ты насъ,»
Старшій молвилъ поклонясь:
«Коли такъ, не закнуся
Ужъ о томъ.» — «Я не сержуся,»
Тихо молвила она;
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ Царица злая,
Про Царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и съвѣ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живеть безъ всякой славы.
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.»
И Царица налетѣла

На Чернавку: «Какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ!....»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль Царевну погубить.

Рать Царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ поджидая,
 Пряма, сидя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песъ залаялъ, и дѣвица
 Видить: нищая черница
 Ходить по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко,»
 Ей кричить она въ окошко,
 «Пригрожу сама я псу
 И кой-что тебѣ снесу.»
 Отвѣчаетъ ей черница:
 «Охъ ты, дитяtko дѣвица!
 Песъ проклятый одолялъ,
 Чуть до смерти не залялъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
 Выдь ко мнѣ. — Царевна хочетъ
 Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
 Но съ крылечка лишь сошла,
 Песъ ей подъ ноги — и лааетъ,
 И къ старухѣ не пускаетъ;
 Лишь пойдетъ старуха къ ней,
 Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
 На старуху. Что за чудо?
 «Видно выпался онъ худо,»
 Ей Царевна говорить;
 «На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
 Старушонка хлѣбъ поймала;

«Благодарствую, сказала,
 Богъ тебя благослови;
 Вотъ за то тебѣ, лови!»
 И къ Царевнѣ наливное,
 Молодое, золотое,
 Прямо яблочко летить....
 Песъ какъ прыгнуть, завизжить....
 Но Царевна въ объ руки,
 Хватъ — поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свѣтъ.
 Благодарствуй за обѣдъ,»
 Старушоночка сказала,
 Поклонилась и пропала.
 И съ Царевной на крыльцо
 Песъ бвжигъ и ей въ лицо
 Жалко смотреть, громко воетъ,
 Словно сердце песе ноетъ,
 Словно хочетъ ей сказать:
 Брось! Она его ласкать,
 Треплетъ нѣжною рукою;
 Что, Соколко, что съ тобою?
 Лягъ! и въ комнату вошла,
 Дверь тихонько заперла,
 Подъ окно за пражу съела
 Ждать хозяевъ, а глядѣла
 Все на яблоко. Оно
 Соку спѣлаго полно,
 Такъ свѣжо и такъ душисто,
 Такъ румяно золотисто,
 Будто медомъ налилось!
 Видны сѣмечки насквозь.
 Подождать она хотѣла
 До обѣда, не стерпѣла,
 Въ руки яблочко взяла,
 Къ алымъ губкамъ поднесла,
 Потихоньку прокусила,
 И кусочикъ проглотила....

Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила,
 Плодъ румяный уронила,
 Закатилися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала
 И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ на встрѣчу, громко воя,
 Песъ бѣжить и ко двору
 Путь имъ кажетъ. Не къ добру!
 Братья молвили; печали
 Не минуемъ. Прискакали,
 Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Песъ на яблоко стремглавъ
 Съ лаемъ кинулся, озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И издохъ. Напоено
 Было ядомъ знать оно.
 Передъ мертвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ поникли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Она,
 Какъ подъ крылышкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вотъ они во гробъ хрустальный

Трупъ Царевны молодой
 Положили, в толпой
 Понесли въ Пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградили;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «Спи во гробъ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
 На землѣ твоя краса;
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима —
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»

Въ тотъ же день Царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣтъ,
 Ты на свѣтъ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своею
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
 И кого ни спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
 Кто въ глаза ему смѣется,

Кто скорѣ отвернется;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодецъ.
 «Свѣтъ нашъ солнышко! Ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зиму съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтъ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой,»
 Красно солнце отвѣчало:
 «Я Царевны не видало.
 «Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 «Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 «Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 «Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тмѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотрятъ на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтъ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — «Братецъ мой,»
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 «Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня Царевна видно

Пробѣжала.» — «Какъ обидно!»
 Королевичъ отвѣчалъ.
 Ясный мѣсяць продолжалъ:
 «Погоди; объ ней быть можетъ
 Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
 Ты къ нему теперь ступай,
 Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая
 Къ вѣтру кинулся, зывая:
 «Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
 Ты гоняешь стаи тучъ,
 Ты волнуешь синее море,
 Всюду вѣешь на просторъ,
 Не боишься никого,
 Кромѣ Бога одного.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ея.» — «Постой,»
 Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
 «Тамъ за рѣчкой тихоструйной
 Есть высокая гора,
 Въ ней глубокая нора;
 Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной
 На цѣпяхъ между столбовъ.
 Не видать ни чьихъ слѣдовъ
 Вкругъ того пустаго мѣста,
 Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
 Королевичъ зарыдалъ,
 И пошелъ къ пустому мѣсту,
 На прекрасную невѣсту
 Посмотрѣть еще хоть разъ.
 Вотъ идетъ; и поднялась

Передъ нимъ гора крутая;
 Вкругъ нее страна пустая;
 Подъ горою темный входъ.
 Онъ туда скорѣй идетъ.
 Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной,
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ
 Спитъ Царевна вѣчнымъ сномъ.

И о гробъ невесты милой
 Онъ ударился всей силой.
 Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
 Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами,
 И качаясь надъ цѣпями,
 Привздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И встаетъ она изъ гроба....
 Ахъ!... и зарыдали оба.
 Въ руки онъ ее беретъ
 И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
 И бесѣдуя пріятно,
 Въ путь пускаются обратно,
 И трубить уже молва:
 Дочка Царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, слова нѣтъ,
 Но Царевна все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.»
 Злая мачиха, вскочивъ,

Объ полъ зеркальце разбивъ,
 Въ двери прямо побѣжала
 И Царевну повстрѣчала.
 Тутъ ее тоска взяла,
 И Царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу тотчасъ учинили,
 И съ невестою своею
 Обвѣнчался Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видалъ такого пира;
 Я тамъ былъ, медъ цѣло пилъ,
 Да усы лишь обмочилъ.

А. ПУШКИНЪ.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

Онъ былъ въ веснѣ своей
 Въ землѣ обѣтованной,
 И много славныхъ дней
 Провелъ въ тревогъ бранной.
 Тамъ вѣтку отъ святой
 Оливы оторвалъ онъ;
 На шлемъ желѣзный свой
 Ту вѣтку навязалъ онъ.
 Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
 Нося ту вѣтку, бился,
 И съ нею въ отчій домъ
 Прославленъ возвратился.
 Ту вѣтку посадилъ
 Самъ въ землю онъ родную,
 И часто приносилъ
 Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ съдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душею погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далѣкой.

8 Декабря. Вернех.

В. ЖУКОВСКИЙ.

ИЗРЕЧЕНИЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА.

=

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнью, съдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

К. БАТЮШКОВЪ.

ПРОЗА.

=

ЗНАКОМСТВО

СЪ ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

=

Въ 1806 году, 4-го Іюля, я былъ переведенъ изъ Ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, что нынѣ полкъ Принца Оранскаго, Лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ Поручикомъ *. Въ концѣ Сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ, и немедленно перешалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ. Эскадронный командиръ былъ давній мой другъ и одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію. Во всемъ полку нашемъ было больше дружбы, чѣмъ службы, больше разсказовъ, чѣмъ дѣла, больше золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, больше шампанскаго, чѣмъ печали..... Всегда веселы и всегда на-весель!

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ бы участь мою и не желалъ болѣе; но мнѣ тогда было двадцать два года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни.

* Сентября 13, 1804, я былъ переведенъ изъ Поручиковъ Кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ Ротмистромъ. Подробности этого обстоятельства изложены въ моихъ Запискахъ.

*

Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно нестерпимо. Оставя гвардію, неслыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провель два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ. Я говорилъ о рвеніи моемъ, — мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, тогда меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструилъ чашу радости.

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи Прусской арміи подъ Іеной. Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и Фельдмаршалъ Графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшенный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ Адъютанты, или быть приписаннымъ къ какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои. Я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя мало-мальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ. Вездѣ встрѣчалъ я въ отвѣтъ на поэзію, кипящую и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ словахъ моихъ, прозаическое словцо: «это вамъ дѣлаетъ честь!» — Умилосердитесь! я не похвалы прошу; я прошу помощи: не дайте мнѣ загдохнуть въ свѣтѣ въ бездѣльи. Вы знаете, что нынѣ не посылаютъ въ армію волонтеровъ. — Тѣмъ заключились всѣ попытки мои у людей могучихъ.

Между-тѣмъ, колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ, какъ-будто войско, принадлежавшее Наполеону, лзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной Гостинницы, гдѣ остановился Фельдмар-

шалъ. Всякой просилъ его о своемъ кровномъ; всѣ просьбы были удовлетворяемы, — и къ большому моему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отъѣзду въ армию многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Отчаяніе рѣшило меня: 16 Ноября, въ четвертомъ часу *по - полночи* я надѣлъ мундиръ, сѣлъ на дрожки и пріѣхалъ прямо къ самому Фельдмаршалу. Я избралъ часъ этотъ для того, чтобы предупредить новую колонну родственниковъ, готовившуюся на разсвѣтъ къ новому приступу. Къ тому жъ, всякой чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго Поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго Фельдмаршала, живаго, яраго и стропгиваго, не такъ-то близокъ былъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. Все спало на дворъ и въ гостиницѣ. Номеръ 9-й, къ которому вела крутая, тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находился въ третьемъ этажѣ *. У входа въ него былъ маленькій корридоръ, въ которомъ теплился фонарь. Погода была холодная. Пришедъ къ дверямъ номера, я завернулся въ шинель, и прислонился къ стѣнѣ, въ ожиданіи какого нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика Фельдмаршала.

Однако первый пылъ рѣшимости моей убавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщенный гаснувшимъ уже фонаремъ, и со-

* Въ самомъ этомъ номерѣ стоялъ сынъ Фельдмаршала, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курсеромъ изъ Финляндской нашей арміи къ Военному Министру, я навѣщалъ Графа въ этой квартирѣ, и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія видѣлъ то мѣсто, гдѣ предпринялъ первую мою попытку на боевую службу.

образилъ съ этими очевидными предметами часть, избраннѣйшій мною на торжественное представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своенравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, принадлежащими лично Фельдмаршалу, Графу Каменскому. Подумавъ немного; я сбросилъ съ себя шинель, дававшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего игрища въ одномъ мундирѣ. Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является предо мною въ халатъ, съ повязанной бѣлою тряпицею головой и съ незажженнымъ въ рукѣ огаркомъ. Это былъ Фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. — Кто вы таковы? спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя. — Къ кому пришли? — Къ Вашему Сіятельству. — Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль корридора къ фонарю, зажегъ свой огарокъ, и, на обратномъ пути, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: — Пожалуйте сюда. — Я пошелъ за нимъ; онъ молчалъ и шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ входомъ въ спальню, я изъ уваженія хотѣлъ — было остановиться, пока удостоюсь особаго зова. Примѣтя это, онъ сказалъ довольно сердито: — Нѣтъ, пожалуйте сюда. — Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столікѣ подле кровати, спросилъ меня: — Что вамъ надо? — Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ, и почти въ изступленіи говорить: — Да что это за мученье! Всякой молокососъ лѣзетъ проситься въ армию, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Замучили меня просьбами! — Да кто вы таковы? — Я повторилъ мое имя. — Какой Давыдовъ? — Я сказалъ имя отца моего. Тутъ онъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже

съ дѣдомъ моимъ, началъ поимянно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выхода изъ Золотой Орды, Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія сказалъ: — Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю правду, какъ бы ты сказалъ ее покойному отцу своему. — Я разсказалъ приключеніе это со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я какъ яспребъ взмывалъ надъ мѣстами, отъ которыхъ примѣчалъ, что брови его начинаютъ смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ конхъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: — Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же буду просить тебя съ собою; разскажу все, какъ ты ночью — слыхано ли это! — ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя принялъ — прости меня! — за неблагонамѣреннаго чловѣка.... Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу. Признайся! — Я извинялся, что осмѣлился обезпокоить его въ такой необыкновенный часъ. — Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ! возразилъ онъ съ пылкію: эшо мнѣ пріятно, это я люблю, это значить ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце.... это я знаю, я чувствую!

И такъ, распростясь съ Фельдмаршаломъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалося радостію, чадъ бродилъ въ головѣ моей, уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ; уже я рѣшилъ важное сраженіе, и едва ли не побѣдите-

лемъ Наполеона бросился на постель, на которой не могъ сомкнуть глазъ отъ душевнаго волненія. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на подлинность!

Поутру заговорили въ гвардіи и въ городѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на Фельдмаршала; но отъ него я ничего не получалъ. На-завтра я пріѣхалъ къ нему въ девятомъ часу утра, чтобъ узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами. Я вошелъ въ комнаты, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ мнѣ: — Я говорилъ о тебѣ, любимый Давыдовъ! Просилъ тебя въ Адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказано подъ предлогомъ, что тебѣ надо еще служить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что по всему я вижу невозможность выпросить тебя туда, гдѣ бы тебѣ быть хотѣлось. Ищи самъ собою средства, и повѣрь, что какіе бы ты ни нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и доставлю тебѣ случай отличиться. — Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопанный!... Но когда вслѣдъ за нимъ и мимо меня потянулась процессія избранныхъ, я взглянулъ на нее, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда Сатана не улыбался!

Я не распространился бы въ описаніи этого случая, мало любопытнаго для другихъ, хотя насладительнаго для меня воспоминаніемъ о первомъ порывѣ моемъ къ поприщу, столь давно, столь неослабно, горячо и страстно мною пробѣгаемому, если бъ случай этотъ не выводилъ на сцену человѣка, поколѣніемъ нашимъ забытаго и новому поколѣнію почти неизвѣстнаго; а между — тѣмъ этотъ человѣкъ имѣлъ счастье, въ теченіе пятидесятилѣтняго слу-

женія отечеству, нести высокую честь во мнѣніи самого Суворова, единственнаго его соперника въ эпоху людей превосходныхъ. Такая честь не есть удѣлъ посредственности.....

Казалось, что приговоръ мой былъ подписанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своей улыбкой. Чтожъ вышло? Пріѣзжаетъ курьеръ, Валуевъ, съ извѣстіемъ о болѣзни Фельдмаршала и объ отбытіи его изъ арміи. Спустя два дня, является другой курьеръ, Гр. Васильевъ, съ донесеніемъ отъ Бенигсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и Государь назначаетъ Князя Петра Ивановича Багратиона Командиромъ авангарда дѣйствующей арміи, которую препоручаетъ Генералу Бенигсену.

Какое, по видимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго Поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговою чашею съ товарищами, — Фельдмаршалъ, или Пултускѣ, или Бенигсенъ, или Багратионъ? Первому отказали на счетъ меня, когда ему ни въ чемъ не отказывали; Бенигсенъ не вѣдалъ даже о моемъ существованіи; о Пултускѣ я узналъ только по картѣ, а Багратионъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, — и все тутъ!.....

Января 5-го 1807, я уже летѣлъ на курьерской тройкѣ въ армію вслѣдъ за Багратиономъ, къ которому я назначенъ былъ Адъютантомъ. Никогда не забуду той радости, съ которою я въ первый разъ въ жизни переѣхалъ чрезъ границу нашу! Какъ все было для меня ново, необыкновенно! Весьма естественно любоваться и чистыми, красивыми городками, и селеніями, и каткими дорогами, и осѣненны-

ми деревьями. Меня радовали и аккуратные Нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками на счетъ Наполеона, отъ нашествія котораго однако жъ не въ шутку ихъ въ дрожь бросало, и бирь-супъ, и буттеръ-бродъ, и грубые почталіоны, такъ учтиво обходящіяся съ лошадьми! Я ѣхалъ на Августово, Ликъ, Рейнъ, Гутштадъ, и 15-го числа, въ 9 часовъ утра, пріѣхалъ въ Липштадъ, въ минуту выступленія главной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ атакованъ Бернадоттомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій частію авангарда арміи.

Получивъ въ Петербургъ и на пути нѣсколько пакетовъ на имя Главнокомандующаго, я былъ представленъ ему, и имѣлъ честь вручить ихъ ему лично. Мнѣ пріятно было встрѣтить въ комнатѣ его множество моихъ Петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякой спрашивалъ о друзьяхъ, о *любезныхъ*, оставленныхъ въ Петербургъ. Многимъ изъ нашей молодежи надѣла война, производимая въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при всякаго рода недостаткахъ. Многіе вздыхали о Петербургской роскошной жизни. — Они представляли мнѣ разныя трудности, меня ожидающія. — Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду: туда, гдѣ дерутся, а не туда, гдѣ цѣлуются, и увѣренъ былъ и буду, что война — похлѣбка не на стерляжемъ бульонѣ. И по-длинно: я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ: такъ неограниченность надеждъ, и, къ этому еще, такъ сильно новое мое положеніе, такъ сильно новыя, разнообразныя и живыя картины дѣйствовали на мои чувства! Довольно сказать, съ дѣтства моего я дышалъ только боевою службою, былъ честолюбивъ до крайности, и имѣлъ двадцать два года отъ роду!

Прибывъ на почтовыхъ, я не имѣлъ верховой лошади, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ войсками. Одинъ изъ пріятелей моихъ уступилъ мнѣ, на переходъ до Морунгена, одну изъ заводныхъ лошадей своихъ, и мы отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ его Шефомъ, Генераломъ Чаплицомъ, и Полковникомъ Графомъ Оруркомъ, нынѣ Генералъ-Лейтенантомъ. На походъ я познакомился съ нѣкоторыми офицерами, между коими были Князь Баратаевъ, Асонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ, и заключу съ нимъ братскую дружбу на кровавыхъ пирахъ отечественной войны.

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ я глядѣлъ на все, что мнѣ въ глаза бросалось! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовые къ движенію, облегалі еще возвышенія справа и слева въ одно время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ колесъ пушечныхъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ пѣхоты, идущей по-колѣни въ снѣгу, скачка Адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, Генераловъ съ ихъ свитами, самое небреженіе, самая неопрятность одежды войскъ, два мѣсяца невидавшихъ крыши, законченныхъ дымомъ биваковъ и сраженій, съ оледенѣлыми усами, съ прострѣленными киверами и плащами, — всё это благородное безобразіе, знаменующее понесенные труды и опасности, все неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу. Наконецъ я попалъ въ мою стихію.

Но сколь чувства и мысли человѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ военное ремесло казалось мнѣ съ привлекательнѣйшей стороны:

пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей нагой отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгенталь, къ тому самому полю, гдѣ, за два дня передъ нашимъ приходомъ, сражался Марковъ. Селеніе это было разбираемо на костры частію нашихъ войскъ, которой опредѣлено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестію, безъ слезъ и ропота, что всегда для меня было и есть поразительнѣе вопля и стенаній. Неопытный воинъ, я досель полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи, и доставляющими необходимыя потребности въ армию посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся и костры зажигаются не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корнѣ; словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, вовсе не подвержены ни какому несчастію и разоренію, и что они не болѣе, какъ покойные жители происшествій, подобно жителямъ Краснаго - Села на маневрахъ гвардіи. Каково было удивленіе мое при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, солдатамъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, но и послѣдняго куска хлѣба; не только жизни, но чести женъ и дочерей, и умираетъ тощій и пораженный во всемъ, что у него есть милаго и святаго, на дымящихся развалинахъ родины.

На томъ же полѣ позорище другаго рода потрясло мою душу. Мы вступили, какъ я сказала, на рав-

нину Морунгенской битвы. Уже, какъ говорить одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, уже отстояло поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы, съ отверзтыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли. Они валялись разбросанные, какъ сосуды драгоценнаго напитка, раздробленные насильственной рукою. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины челоуѣчества, въ которыхъ недавно предъ тѣмъ шумѣли страсти, играли надежды, и свѣжія желанія кипѣли, какъ лѣта пылкой юности.

Я изъ любопытства разсматривалъ поле сраженія. Прежде ѣздилъ по нашей, а потомъ по непріятельской позиціи. Видно было, гдѣ огонь и гдѣ натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда Полковникъ Алексій Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было, во всемъ смыслѣ слова, разрушительно въ пѣхотныхъ колоннахъ и линіяхъ непріятельской конницы, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали у деревни Пфаресь-Фельдшенъ, пораженные ядрами и картечью, въ томъ порядкѣ, какъ шли или стояли во время битвы.

Вначалѣ, эта равнина смерти, попираемая нами, спѣшившими къ подобной участи, эти лица и тѣла, искаженные и обезображенные огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не произвели надо мною ни какого особаго впечатлѣнія; но, по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію, я, съ стыдомъ признаюсь, дошелъ до той степени безпокойства относительно самого себя, или, по-просту сказать, я такъ

струсилъ, что, прѣвхавъ въ Морунгенъ, долго не могъ сомкнуть глазъ, пугался такого же искаженія и безобразія. Если бъ разсудокъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи моего воображенія, то я легко бы увидѣлъ, что такая смерть не только не ужасна, но завидна, ибо чѣмъ рана смертельнѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе, — а какое дѣло до того, что послѣ смерти будешь пугать живыхъ людей своимъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя! Слава Богу, съ разсвѣтомъ дня воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе. Пришедъ въ первобытное состояніе, я самъ надъ собою смѣялся, и, какъ помнится, въ теченіе долговременной службы никогда уже не впадалъ въ подобный пароксизмъ большаго воображенія.

16-го Января, рано поутру, купивъ себѣ верховую лошадь, отправился я, въ сопровожденіи одного казака, къ Князю Багратиону, принявшему уже начальство надъ авангардами Маркова, Баркляя-де-Толли и Багговута. Команды перваго и послѣдняго находились тогда въ деревнѣ Биберсвальдъ, лежащей на пути изъ Лебемиля въ Дейчъ-Эйлау; команда Баркляя была въ отдѣлѣ. На пути моемъ я объѣхалъ конницу Корфа и Графа Петра Петровича Палена у Госсъ-Готсвальде; далѣе въ Остерродскомъ лѣсу проѣхалъ мимо кочевавшей на дорогѣ около озера Борлингъ-зе дивизіи Графа Остермана; ночью явился къ Тучкову, дивизія котораго находилась въ этомъ городѣ, и рано поутру прибылъ къ моему мѣсту.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ Прусскаго поселанина. Въ свитѣ его тогда находились Кавалергардскаго полка Полковникъ Князь Трубецкой, нынѣ Генераль отъ Кавалеріи и Генераль-Адъютантъ, Графъ де-Бальмень, Графъ Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ, и прочіе. Вскорѣ я

увидѣлъ Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута, тогда въ Генераль-Маіорскихъ чинахъ. Я помню, что въ то время Барклай украшенъ былъ тремя только орденами: онъ имѣлъ Георгія и Владиміра четвертыхъ степеней и штурмовой Очаковскій крестъ, — не болѣе, но уже пользовался именемъ знающаго свое дѣло Генерала. Аванпостами авангарда командовалъ Полковникъ Юрковскій, артиллеріею Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ теченіе пяти-лѣтней моей службы при Князѣ Багратионѣ въ качествѣ Адъютанта, во время военныхъ дѣйствій я не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью. Сонъ его былъ весьма короткій, — три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если привезенное имъ извѣстіе того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего у него было вдоволь, но для другихъ, а не для него. Самъ онъ довольствовался весьма малымъ и былъ чрезвычайно трезвъ. Я не видалъ, чтобы онъ когда-либо пилъ водку или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время, одежда его была сертукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка на плечахъ и на бедрѣ шпага, которую носилъ онъ въ Италіи при Суворовѣ; на головѣ картузь изъ сѣрой смушки, и въ рукъ казацкая нагайка.

Отъ суровости времени года въ эту кампанію не глядѣли за формою, и мы все то носили, что болѣе другаго грѣло:

ДЕНЕСЪ ДАВЫДОВЪ.

НЕЧАЯННАЯ СВАДЬБА.

=

МОСКОВСКАЯ ВЪЛЪ.

РАЗСКАЗЪ МОЛОДАГО ПОЛКОВНИКА К.... Д....

=

Дѣдъ матери моей, Владиміръ Львовичъ Щ..... въ, былъ, судя по реляціямъ его Генерала и тестя, отличнымъ офицеромъ, по словамъ моей бабушки, а его дочери, чадолюбивымъ отцемъ, по рассказамъ стариннаго его слуги, добрымъ господиномъ; а по портрету, списанному съ него какимъ-то славнымъ Италіянцемъ, прекраснымъ мужчиною. Однако же, не смотря на всѣ эти достоинства, его записали только простымъ рейтаромъ въ новоформированную конную гвардію, гдѣ потерши, какъ у насъ говорится, лямку, онъ произведенъ въ ефрейтъ-капралы, въ вице-вахмистры, наконецъ въ вахмистры, и въ этомъ чинѣ отправился въ армію съ гвардейскимъ эскадрономъ, назначеннымъ, для почести, въ конвой Графа Миниха. Подъ Хотинымъ пожалованъ въ Корнеты, но, по неимѣнію достатка, нужнаго для содержанія себя въ гвардіи, выпросился въ драгунскій полкъ Секундъ-Маіоромъ. Въ этомъ новомъ званіи онъ отличился въ какомъ-то шармицелѣ при глазахъ Генераль-Аншефа Князя Б....., и вскорѣ поступилъ къ нему въ Генеральс-Адьютанты, что уже само собою производило его въ Преміеръ-Маіоры. По окончаніи кампаніи, когда Генералы съ ихъ Адьютантами отправились на зиму въ столицы, Князь Б....., оставившій въ Москвѣ свое семейство, возвратился въ нее, и, въѣхавъ въ княжескія бѣлокаменные палаты, приказалъ для Адьютантовъ своихъ нанять по близости приличныя

квартиры, кажется для того, что, имѣя взрослую дочь, не хотѣлъ, чтобы молодые офицеры жили съ нею подь одной кровлей, а пуще Княгиня боялась, чтобъ дочь ея не попалась на языкъ нашимъ Московскимъ тараторкамъ, отъ которыхъ, какъ говаривалъ шутъ Андрюшка, сами щебетуньи сороки изъ Москвы, стыда ради, вылетѣли и не смѣютъ въ нее носа показать. Какъ бы то ни было, только Генеральсь-Адъютантъ долженъ былъ помѣститься въ деревянномъ домѣ, купленномъ подь чужимъ именемъ княжимъ крѣпостнымъ управителемъ.

По уставу Петра Великаго, Адъютанты давались Генераламъ не для одной только воинской службы, но и для облегченія ихъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Прадѣдъ мой долженъ былъ принять на себя надзоръ за княжимъ домомъ и трехсотною его дворней, на что бы я никакъ не согласился, и лучше бы хотѣлъ тереться во фронтѣ десять лѣтъ Секундъ-Маіоромъ, чѣмъ три года, изъ генеральской кухни и конюшни, выскочить въ Подполковники. Но тогда видѣли все иначе, и извѣстный своею щекоплативою честью прадѣдъ мой, Владиміръ Львовичъ, ни мало не оскорбляясь, былъ, можно сказать, главнымъ дворецкимъ своего начальника и находилъ по причинѣ, которую скоро узнаете, эту обязанность не только не тягостною, но даже пріятною. Исполняя съ достойною всякаго Нѣмца акуратностью порученія Князя Юрія Богдановича, угождая домашними распоряженіями и дешевыми покупками Княгинѣ Марѣ Андреевнѣ, и танцуя совершенно курантъ и лабуре съ Княжной Марьей Юрьевной, онъ заслужилъ отъ всѣхъ трехъ сѣятельствъ большую довѣренность, и они всѣ, каждый по своему, очень его любили. Вся Москва, согласно съ молодою Княжною, находила Владиміра Львовича прекраснымъ и любезнымъ человѣкомъ: да по несчастью онъ былъ

только Премьеръ-Маіоромъ, то есть, почти ничѣмъ передъ своимъ Генераль-Аншефомъ. За нимъ, нераздѣльно съ четырьмя братьями и двумя сестрами, считалось около пяти сотъ степныхъ душъ, что, по вѣрной смѣтѣ его Генеральши, едва ли составляло сотую часть ихъ княжескаго имѣнія. Родъ его хотя происходилъ отъ какого-то Мурзы Золотой Орды, получившаго при крещеніи отъ Царя Іоанна Васильевича богатое имѣніе, но, по большому распложенію своему, попалъ почти въ мелкопомѣстное дворянство, и эти причины заставляли Князей Б....., братьевъ и племянниковъ его начальника, и Графовъ С....., родственниковъ его повелительницы, удостоивать бѣднаго Адъютанта ласковымъ словомъ и готовностію покровительствовать, — а не больше. Но молодая родственница Ихъ Сіятельствъ находила его лучшимъ мужчиной и первымъ танцовщикомъ по всей Москвѣ, и этого было для нея довольно. Бабушка моя, любя рассказывать похождение своего отца, объяснила взаимныя чувства его съ Княжной Марьей Юрьевой Русскою пословицей: «Сердце сердцу вѣсть подаетъ.» Но у Княгини Марѣы Андреевны, какъ она же сказывала, были на языкѣ другія пословицы, напримѣръ: «знай сверчокъ свой шестокъ,» — «не летай ворона въ высокія хоромы,» и — «не въ свои сани не садись.» Всякой разъ, когда мой прадѣдъ задумывалъ о красотѣ доброй Княжны и о благополучіи того, кто сподобится быть ея супругомъ, эти княгинины пословицы отдавались въ памяти его зловѣщимъ крикомъ ворона: тогда тяжкій вздохъ вылеталъ изъ его груди; но онъ иногда, вспомнивъ свои воинскія удачи, пріободрясь, говаривалъ въ свою очередь: «Терпи казакъ, атаманъ будешь;» — а иногда, повѣся голову и прошептавъ: «плетью обуха не перешибешь,» — шелъ уныло, чтобъ размыкать грусть свою, къ исполненію своей долж-

ности, которая часто давала ему случай схватывать на лету ласковый взгляд Княжны Марьи Юрьевны.

Въ это самое время прїѣхалъ изъ Петербурга въ Москву извѣстный тогда Франтъ, Каммергеръ Графъ Ч....., промотавшійся при Дворѣ Императрицы Анны Иоанновны. Тогда, какъ рассказывала бабушка, придворные кавалеры должны были, ко всякому высокотожественному дню и большому празднику, шить себѣ новые кафтаны изъ парчей, бархата съ золотыми накладками и пуэндеспанами, которые становились, каждый, по крайней мѣрѣ въ триста тогдашнихъ рублей, а большіе щеголи платили за одну пару кружевныхъ манжетъ до пятидесяти червонныхъ, и отсылали мыть бѣлье въ Голландію. Графъ Ч....., не хотѣвшій ни отъ кого отстать въ роскоши, принужденъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, то есть, поскакать въ Москву, чтобы подняться на ноги женитьбой, что обѣщала ему сладить тетушка его, Варвара Селиверстовна, принятая за свою во всѣхъ знатныхъ домахъ. Она, какъ водится еще и теперь у цеховыхъ свахъ, на первый случай представила племяннику своему формулярные списки всѣхъ тогдашнихъ невѣстъ, приличныхъ его званію и чину, съ означеніемъ ихъ лѣтъ, примѣтъ, имѣнія и обученія. Но 1, по старшинству, совсѣмъ не понравился нашему Петербургскому Графу; надъ Но 2 онъ позадумался: все было хорошо, да невѣста слишкомъ позасидѣлась въ дѣвицахъ; Но 3 и очень бы годился, по личнымъ качествамъ, да не довольно богатъ; Но 4 былъ бы совершенно удовлетворителенъ, когда бы, къ несчастію, батюшка невѣстинъ, по старо-Русскому упрямству, не былъ въ размолвкѣ со всѣми случайными людьми. На Но 5 пришелъ женихъ въ восторгъ: подъ нимъ было поставлено: «Княжна Марья Юрьевна, единородная дочь Генералъ-Аншефа и Кавалера, 18 лѣтъ, 9000 душъ от-

«цовскихъ, а матери приходитъ большое наследство
«отъ восьмидесяти-лѣтняго дѣда; росту высокаго, во-
«лосы темнорусые, брови черныя, лицемъ красави-
«ца, говорить по-Нѣмецки, разумѣть по-Французски,
«играетъ по нотамъ на клавирахъ, и танцуетъ такъ,
«что заглядѣнье....»

— Ахъ, тетушка! вскричалъ Каммергеръ, цѣлуя ручку Варвары Селиверстовны: вотъ, когда бы вы, по милости своей, высватали мнѣ эту невѣсту, то благодарность моя была бы безпредѣльна.....

— Охъ, охъ, Графушка! отвѣчала тетка: ты уже слишкомъ затѣливъ. Отецъ ея мѣтитъ въ Генераль-Фельдмаршалы; матушка куда заносчива!.... Да она что-то не путемъ и прихотлива: отболрнула уже двухъ жениховъ, — да какихъ!.... Ивана Сергѣевича Ш***, за которымъ безъ малаго 15,000 душъ, и Барона Карла Астафьевича Б***, въ которомъ самъ Герцогъ Курляндскій души не слышитъ. Мать была готова вести ее подъ вѣнецъ, хоть съ тѣмъ, хоть съ другимъ; и отецъ бы вѣрно не прочь; да какъ она сказала ему на отрезъ: «Воля ваша, батюшка! Я не могу вамъ не повиноваться, но я ихъ обоихъ не люблю; и если вы не желаете моей погибели, не выдавайте ни за того, ни за другаго.....» Генераль разжалобился, и мои женишки снова просили меня хлопотать о другихъ невѣстахъ, которыхъ, слава Богу, у насъ, на Москвѣ, не занимать стать: найдется и для нихъ, и для тебя, кромѣ этой причудницы.

— Да почему же вы думаете, возразилъ племянникъ, что она меня не полюбитъ? Моя фамилія гораздо знатнѣе, и самъ я, безъ самолюбія скажу, могу больше понравиться благовоспитанной дѣвицѣ: я принять вездѣ хорошо, знаю и по-Французски, бывалъ при посольствѣ въ чужихъ краяхъ, а по

родству съ Вице-Канцлеромъ надѣюсь самъ, при первой вакансіи, попасть куда-нибудь въ Посланники.

— Все это такъ, и избави меня Господи, порочить твои достоинства: да знаешь ли, какая молва идетъ у насъ по Москвѣ? И я сама подмѣтила кое-что, а слышала отъ домашнихъ княгининыхъ еще больше.

— Что такое, тетушка?

— Наша невѣста избалована батюшкою, который самъ сходить съ ума на своихъ военныхъ людяхъ. Ей всѣ безмундирные сдѣлались трънь-травой, и она пустилась вотъ въ какія продерзости: у ея отца есть фаворитъ, Адъютантъ, малой впрочемъ хорошій, да безъ рода и племени; за нимъ ни кола, ни двора, и изъ гвардіи вышелъ затѣмъ, что не на что мундиришка сдѣлать: только на бѣду мастеръ танцовать, и такой на все услужливый, что и сама Княгиня имъ не нахвалится. Да это не пуцая бѣда: она женщина характерная, и не захочетъ себѣ срама; но дочка пошла въ батюшку, и безъ всякаго стыда обходится съ его Адъютантомъ, какъ съ равнымъ себѣ. Я сама своими ушами подслушала, какъ на куртагѣ у Главнокомандующаго она, уронивши опахало, которое онъ по должности поднималъ, сказала ему: «Какъ я вамъ благодарна! вы такъ снисходительны!» Снисходительны! И кто же? — Маіорчикъ! «что не откажете мнѣ,» — въ чемъ бы ты думалъ? — «протанцовать со мною курантъ!» — И въ самую ту минуту, какъ Баронъ Карлъ Астафьевичъ уже ей кланялся и поднималъ танцовать, она, будто этого не замѣтя, подала ручку Адъютанту и пустилась съ нимъ выфантаживать, — правду сказать, всѣмъ на диво.

— Да что жъ, тетушка; и это за бѣда? Пусть Маіорчикъ ей нравится, но неужели вы думаете, что онъ

можетъ отбить у меня невѣсту, которую вы изволите за меня сватать?

— Сватать я рада, а за свадьбу не отвѣчаю. Развѣ не удастся ли стороной, черезъ пріятельницъ, остеречь бѣдную Княгиню отъ адъютантскаго умысла. Дивлюсь, какъ еще, до сей поры, никто изъ Христіанскаго долга и изъ уваженія къ ихъ знатному дому не вступился за ихъ честь, и не уговорилъ Князя, сбѣгнуть скорѣе съ рукъ неблагодарнаго наглеца!...

Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора Графа Ч..... съ его теткой, Княгиня вдругъ стала очень сухо обходиться съ Генеральсь-Адъютантомъ своего мужа; начала придираться ко всемъ неисправностямъ слугъ, находить, что пьяница поварь, вѣрно влюбившись, пересаливалъ всѣ кушанья, и отпускала разные подобныя обиняки. Наконецъ и самъ Князь заговорилъ о выпрашиваніи своего любимца въ Подполковники, хотя онъ еще не выслужилъ при немъ положенныхъ лѣтъ. Графъ Ч....., представленный уже въ домъ къ Его Сіятельству, услышавъ Генералово желаніе, просилъ, въ присутствіи прадѣда моего, позволенія писать въ Петербургъ къ своему другу, о скорѣйшемъ представленіи предположенной просьбы, что очень оскорбило Владиміра Львовича, и онъ пречутливо попросилъ подозрительнаго ему Графа не трудиться за него и не лишать его удовольствія быть обязаннымъ только одному своему начальнику и благодѣтелю. Тогда еще никто не стыдился признаваться публично въ получаемыхъ благодѣянїяхъ. Каммергеръ принялъ эту просьбу съ сладко-кислою улыбкой, и отдѣлся изъ уваженія къ военному званію довольно вѣжливымъ поклономъ. Но Князь, замѣтивъ въ глазахъ своего Адъютанта батальный огонь, сказалъ ему: — Я благодарю Графа за его предложенія, но почитаю ненужнымъ утру-

ждать его, и надюсь, что наше дѣло и само собою не замедлится.

Можетъ-быть, никому ни какая надежда не была такъ непріятной, какъ эта моему прадѣду; однако онъ принужденъ былъ, не поморщась, ее проглотить, и доложить своему начальнику, что не чувствуетъ еще себя достойнымъ лестной награды, которую угодно Его Сіятельству ему испрашивать, и ни какъ не желаетъ прослать въ Армію счастливымъ выскочкой. Князь, въ свою очередь, попросилъ Адьютанта, предоставить ему знать и цѣнить достоинства его подчиненныхъ. Такимъ образомъ, эта круговая просьба, непріятная ни одному изъ трехъ просимыхъ, окончила разговоръ о производствѣ. Прадѣд мой, взявъ шляпу, потупя голову, и по обыкновенію выговоря мысленно: «плетью оуба не перешибешь!» отправился вздыхать на свою квартиру и ждать по неволѣ съ терпѣніемъ воли Божіей.

Уже нѣсколько дней продолжалось холодное съ нимъ обращеніе всѣхъ сіятельствъ, домашнихъ и пріѣзжающихъ, кромѣ самаго младшаго, но важнѣйшаго для него. Чѣмъ больше хмурились другіе, тѣмъ больше оно прояснялось, только, какъ будто украдкой. Между-тѣмъ Графъ Ч., подъ штандартомъ своей тетки, открылъ кампанію, сперва партизански, нападая нечаянно на слабыя мѣста непріятеля, а наконецъ, ободренный извѣстіями переметчиковъ, предпринялъ формальную атаку на главную баттарею, то есть, на Княгиню, которая хотя при всѣхъ цѣловала ручки своего почтеннаго супруга, однако, одинъ-на-одинъ, не пропускала случая завладѣть его ухомъ, а иногда потихоньку и за носъ водить. Варвара Селиверстовна, какъ вдова Инженеръ-Полковника, подвела мины и пустила племянника своего по покрытому пути, въ ожиданіи взрыва, который былъ произведенъ слѣдующимъ образомъ. Ши-

онъ Инженерши, бѣдная Бригадирша, проживавшая для гаданія въ карты у Княгини, замѣтила, что Адъютантъ въ то время, когда Княжна Марья Юрьевна протверживаетъ въ маленькой гостиной уроки на клавирахъ, обыкновенно прислуживался ей перевертываніемъ нотъ и разговаривалъ съ нею: о чемъ донесено Варварѣ Селиверстовнѣ, а Варвара Селиверстовна научила ее намѣкнуть объ этомъ Княгинѣ, которая, въ слѣдствіе того, попросила свою добрую пріятельницу, наблюдать за Машей и сказывать ей все, что замѣтитъ. Однажды, — это было послѣ обѣда, — когда гости разъѣхались, Князь ушелъ къ себѣ отдохнуть, а Княгиня въ уборной что-то приказывала своимъ барскимъ барынямъ, Княжна занялась музыкой, и Адъютантъ явился къ своей прислугѣ и заговорилъ о чемъ-то похожемъ на любовь. Бригадирша, сидѣвшая въ углу съ чулкомъ, будто не ея дѣло, подслушала нѣсколько подозрительныхъ словъ и — шмыгъ! — тихонько съ рапортомъ къ Ея Сіятельству, которая подѣла у не совсемъ дотворенной двери маленькой гостиной. На бѣду моего прадеда, онъ, чтобы ловче переворачивать ноты, положилъ шляпу свою на клавикорды, а Княжна невзначай ее сронила. Вѣжливый кавалеръ бросился не допустить ее поднимать, она поторопилась предупредить его, учтивость столкнула ихъ лбами, и очень больно; оба начали просить прощенія, и Адъютантъ, увлеченный извиненіями, не могъ не поцѣловать ручки у дочери своего Генерала. Поцѣлуй, данный отъ всего сердца, раздался по комнатѣ. Княгиня его услышала, вошла, и увела дочь свою въ образную, гдѣ цѣлый часъ читала ей нотации, не слушая ни какихъ оправданій, и наконецъ послала ее на антресоли, грозя все сказать отцу. Это дѣйствіе подведенной мины было тотчасъ передано въ непріятельскій лагерь, и искусный стратегикъ,

Варвара Селиверстовна, не теряя времени, хотѣла итъ воспользоваться. Данъ приказъ племяннику, отправить немедленно парламентаря, съ предложеніемъ о сдачѣ. Расчетъ свахи оказался очень вѣрнымъ. Княгиня, считая, по звучности подѣлуя, дѣла дочери своей гораздо въ опаснѣйшемъ положеніи, рада была первому приличному сватовству, чтобъ спасти ее отъ невмѣстной «инклинаціи,» а можетъ-быть, — чего Боже упаси! — и отъ «пасквильной исторіи.» Братъ ея, Графъ С....., на другой же день явился парламентаремъ отъ Каммергера, помѣстившаго уже въ пажы его сына. Княгиня выслушала предложеніе, поблагодарила за дружбу братца, и общалась, какъ должно, сообщить мужу, что и было черезъ часъ исполнено, — хотя съ утайкой громкаго поцѣлуя, по съ сильными убѣжденіями, для избѣжанія всякихъ хлопотъ, выдать скорѣе Машу за порядочнаго и притомъ случайнаго человѣка. Князь хотя и не очень былъ противъ Каммергера, не столько по его личнымъ достоинствамъ, какъ по родственнымъ связямъ; однако не хотѣлъ приступить къ дѣлу, не поговоривъ прежде съ дочерью, чего крайне не хотѣлось матушкѣ. Зная, что явнымъ противорѣчіемъ ничего, кромѣ бѣды, отъ Генерала не добиться, она сама велѣла позвать Княжну къ батюшкѣ въ кабинетъ. Бѣдная невѣста съ заплаканными глазами входитъ; отецъ, будто не примѣчая ея грусти, ласково сажаетъ подлѣ себя, и, послѣ маленькаго предисловія о необходимости устроить ея участь, о обязанностяхъ дочери и о всемъ, что при такихъ случаяхъ говорится, объявляетъ ей предложеніе Графа Ч..... Дочь поблѣднѣла, какъ смерть, упала къ отцовскимъ ногамъ, просила именемъ Божиимъ не выдавать, ея ни за кого замужъ; а для спасенія души и моленія за него позволить ей итти въ монастырь. Эти слова производили тогда ужасное дѣйствіе, и

оробѣвшій въ первый разъ Генераль готовъ былъ сдаться на условіяхъ; но храбрая Генеральша, притаившаяся за Китайскими ширмами, подоспѣла къ нему на помощь, и внезапно открыла ужасный огонь противъ непослушной дочери, которая выдержала его съ непоколебимою твердостію; но все, чего наступательница въ продолженіи двухъ часовъ могла добиться, состояло въ томъ, что дочь ея призналась въ отличномъ уваженіи своемъ къ Владиміру Львовичу, котораго предпочитала всѣмъ бывшимъ, настоящимъ и будущимъ женихамъ. Со всѣмъ тѣмъ, не требуя неугоднаго родителямъ, она просила только не выдавать ея за Графа и не противиться небесному влеченію души ея. Отецъ, вступившій въ посредничество, умилилъ ласкою сердце дочери, но не могъ долго переносить ея чрезвычайной горести, и договоръ заключенъ, какъ по большей части бываетъ, уступкою требованій съ обѣихъ сторонъ. Княжнѣ дано слово не говорить больше о сватовствѣ Графа Ч....., а она обѣщала не упоминать о монастырѣ, и обѣ уговорившіяся стороны разстались съ нѣжными обниманіями. Все это немедленно было доведено до свѣдѣнія Варвары Селиверстовны, которая заключила по слышанному, что дѣло съ No 5 было совершенно коңчено, и что ей должно для племянника попробовать счастья съ NNo 6 или 7. Но какъ честь ея была чувствительно оскорблена неудачею сватовства, то она не могла преминуть, чтобы не распустить стороной кое-какихъ слуховъ о несчастной страсти Княжны Марьи Юрьевны къ бѣдному Адъютанту ея отца.

Пришли святки. Генераль получилъ изъ Петербурга увѣдомленіе, что производство, о которомъ онъ просилъ, выйдетъ непременно въ новый годъ, и, если Его Сіятельству не противно, самъ Генераль-Фельдмаршалъ Ласси, знавъ лично новаго Подпол-

ковника, охотно возьметъ его къ себѣ, на вакансію Генеральсь-Адъютанта его, Брауна, поступившаго въ Полковники. Князю вдругъ сдѣлалось очень грустно, что онъ долженъ разстаться и уступить другому храброго и вѣрнаго сподвижника; но слухи, распущенные свахою и доведенные до него, не позволяли ему оставаться въ нерѣшимости. Скрѣпя сердце, онъ позвалъ къ себѣ, наканунѣ Новаго года, любимѣйшаго изъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, и будто съ радостію объявилъ ему о Государской милости. Обрадованный еще менѣе своего начальника, прадедъ мой, поблагодаря его, торопился къ старшему княжескому Флигель-Адъютанту, сказать, что онъ очистилъ ему вакансію, и утѣшить себя удовольствіемъ, доставленнымъ другому.

Шпіонка Бригадирша, догадавшись, что ея покровительниця, Варваръ Селиверстовна, не везетъ въ княземъ домъ, и что дочка поставила на своемъ, перекинулась къ ней, стала раскладывать карты, въ которыхъ всегда червонная масть ложилась на сердце крестовой дамы, а крестовая надъ головою червоннаго короля, и входя насильно въ горькое положеніе доброй своей Княжны, уговаривала ее, такъ, для разогнанія скуки, позабавиться свиточнымъ гаданьемъ о суженомъ-ряженомъ. Бригадиршины уговоры отвергались для соблюденія приличія, но Княжна не совсѣмъ насильно была выведена ею за ворота. Спросили у прохожаго, какъ его зовутъ. Судьба или шутка, а можетъ-быть и сама главнал загадчица, заставили какого-то бѣжавшаго мальчика назваться Владиміромъ. Всѣ сѣнныя дѣвушки засмѣялись, и сама барышня улыбнулась. А какъ она вышла уже одинъ разъ, то ничего не стоило ей остановиться и послушать у людскаго окошка, чье имя тамъ вымолвятъ: и тамъ опять услышала: «Эхъ, братъ, иди куда велятъ, или я пожалуюсь Влади-

міру Львовичу.» При этомъ имени слушательница отскочила отъ окна, и возвратилась тихомолкомъ въ свою комнату. Тамъ прислужливая Бригадирша предложила третіе и самое вѣрное гаданье: въ Васильевъ вечеръ, то есть, наканунѣ Новаго года, въ княгининой теплой кладовой, въ самомъ верхнемъ этажѣ, накрыть столъ, поставить на немъ два прибора, три большія восковыя свѣчи и зеркало, а невѣсть, свѣши за нимъ, загадать: суженой-ряженой, прійди со мной ужинать, и кто покажется въ зеркалѣ, за тѣмъ и быть. Хотя это гаданье и не пугало Княжни, но ей казалось неприличнымъ итти передъ полночью почти на чердакъ: притомъ и кастелянша, у которой ключъ отъ кладовой, можетъ сказать матушкѣ. Но Бригадирша взялась достать ключъ, такъ, что сама кастелянша не провѣдаетъ; побожилась, что дѣвушки не измѣнятъ своей доброй боярышнѣ, всѣ въ домъ улягутся спать, огонь вездѣ погасить, — такъ кому увидѣть? А бояться одной нечего: всѣ стануть въ коридоръ, близехонько отъ двери. Если суженой покажется въ зеркалѣ, стоитъ только промолвить три раза: «чуръ меня!» легонько ударить по стеклу, и онъ мигомъ исчезнетъ.

Кто изъ насъ, когда ему двѣ загадки удались, откажется отъ третьей? Дѣло было скоро рѣшено, ключъ украденъ, столъ накрытъ, свѣчи и зеркало поставлены, Княжна проведена въ кладовую, посажена за столъ, дѣвушки и сама профессорша ворожбы вышли, прижались въ коридоръ и на лѣстницѣ, и ожидали съ замираніемъ сердца, появится ли суженой.

Уже давно въ Кремль пробило одиннадцать часовъ, когда прадедъ мой, отужинавъ у обрадованнаго имъ товарища и выпивъ за здоровье будущаго Премьеръ-Маіора, возвращался мимо генеральскаго дома въ свою квартиру. Проходя подъ окнами той, кого

страстно любишь и съ кѣмъ должно разстаться, какъ не поглядѣть на нихъ, какъ не припомнить и того и другаго, случившагося тамъ, гдѣ уже скоро не будетъ несчастнаго любовника? А какъ Владимиръ Львовичъ считалъ себя самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ страстно-влюбленныхъ, то онъ не только поглядѣлъ на окна, но остановился передъ домомъ, и, перенося воспоминація изъ потемнѣлаго бельэтажа въ антресоли, вдругъ поднялъ глаза вверхъ. Увидѣвъ необыкновенный свѣтъ въ подкровельныхъ окошечкахъ, онъ очень удивился, но не могъ придумать, у кого бы это былъ тамъ въ полночь огонь, да еще такой яркой. Онъ началъ съ угла считать окошки, и досчитавшись, что непременно должна быть освѣщена кладовая, въ которую даже и съ фонаремъ никто не ходитъ, очень испугался и по словицъ: «У страха глаза велики,» — ему показалось уже пламя. Увѣренный, что тамъ пожаръ, онъ пустился опретью по задней лѣстницѣ: вбѣгаетъ въ самый верхній коридоръ, что-то бѣлое, какъ будто женское платье, мелькнуло передъ нимъ. Онъ окликнулъ: никто не отвѣчаетъ ему. Боясь потерять время, онъ бѣжитъ далѣе: маленькій просвѣтъ, выходящій изъ не вовсе дотворенной двери, его останавливаетъ, онъ распахиваетъ дверь, и только переступилъ черезъ порогъ, какъ слышитъ крикъ: «Чуръ меня!» — и звукъ разбитаго въ дребезги зеркала. Онъ бросается на крикъ, и видитъ передъ столомъ женщину, лежащую безъ чувствъ и въ крови. Ужасъ поражаетъ его: онъ всматривается, и узнаетъ самую Княжну! Не постигая, что это значитъ, онъ почти падаетъ на полъ, хочетъ поднять бездыханную, но вдругъ визгъ женскихъ голосовъ пронзаетъ его уши. Онъ оглядывается, и видитъ вбѣжавшую Бригадиршу и двухъ дѣвушекъ, которыя, только успѣвъ взглянуть на него и на Княжну, убѣгаютъ изъ ком-

наты, крича: помогите, помогите!.... Старуха хотѣла было бѣжать, но ноги ея подкосились, и она упала на сундукъ, рыдая и приговаривая: — Ахъ! что я надѣлала?.. Ахъ! что будетъ со мною?

— Эхъ! не въ васъ дѣло! вскричалъ, опаматовавшись, Адъютантъ: смотрите, въ какомъ она положеніи! Ступайте сюда, помогите мнѣ посадить ее на стулъ, привести въ чувства.

Говоря это, онъ дрожавшими руками и съ трепещущимъ сердцемъ поднялъ безчувственную, посадилъ или, лучше сказать, положилъ на стулъ. Бригадирша, увидѣвъ на рукахъ, груди и лицѣ ея кровь, всплеснула руками и пуце прежняго заревѣла: — Ахъ, я старая дура! Ахъ, я грѣхотворница! Вотъ тебѣ и суженой!.... А суженой между тѣмъ, держа одной рукой положенную на стулъ, притянулъ другою старую дуру, и заставилъ ее придерживать Княжну: самъ бросился передъ нею на колѣни, и не зная, съ чего начать, грѣлъ на сердцѣ оледенѣлыя руки, теръ подошвы ногъ, и, забывшись, поцѣловалъ ихъ съ такимъ жаромъ, что возбудилъ замерзлую жизнь въ прелестной гадательницѣ. Только что успѣла она открыть глаза, и вскрикнуть, увидѣвъ у ногъ своего суженаго, какъ вся кладовая наполнилась народомъ. Слуги съ водой, дѣвушки съ унгарской водкой, домашній лекарь съ цѣлою аптекой, и наконецъ самъ Князь съ своей Княгинею вбѣжали и остолбенѣли отъ ужаса и удивленія...

— Что это?.. Какъ ты здѣсь? спросилъ наконецъ Генераль своего Адъютанта, продолжавшаго помогать Княжнѣ, какъ будто никого передъ нимъ не было.

Не дождавшись его отвѣта, спрашивалъ дочь: Что съ тобою сдѣлалось? — Бригадиршу: — Боже мой! она въ крови? — Лекаря: — Не ранена ли она? — Жену: — Что это значитъ? — Всѣ эти вопросы, пущенные

бѣглымъ огнемъ, не мѣшали однако же ему ошупывать руки и голову своей дочери, и прижимать ихъ къ сердцу. Очнувшись отъ испуга, всѣ вдругъ бросились помогать больной и чуть не повалили ее опять на полъ; но лекаръ, растолкнувъ толпу, водою и спиртомъ привелъ обмершую въ чувство. Первое ея слово, когда она очнулась, было: — Я видѣла моего суженаго..... Онъ..... тутъ!.....

Она взглянула на принятаго ею за привидѣніе, вздрогнула, и упала, рыдая, на отцовскую грудь.

— Онъ твой суженый! вскричалъ отецъ, съ выраженіемъ, похожимъ и на вопросъ, и на отвѣтъ: потомъ вдругъ остановился, задумался, отеръ съ лица потъ, текущій градомъ, и, какъ будто собравшись съ мыслями и духомъ, произнесъ рѣшительно: — Да, точно суженый!.. Я увѣренъ, къ чести рода моего, что еще ни съ одной Княжной Б. . . . посторонній мужчина не бывалъ въ полночь наединѣ, не падалъ передъ нею на колѣни и не цѣловалъ ея ногъ, кромѣ ея суженаго!

— Ахъ! батюшка, Князь Юрій Богдановичъ! сказала Княгиня, уже между тѣмъ услышавшая отъ Бригадирши, въ чемъ дѣло: знаешь ли ты, отъ чего произошло? . . .

— Не мудрено догадаться, отвѣчалъ мужъ: твоя прихвостница заманила сюда Машу праздновать святочному бѣсу. Вотъ улики: накрытый столъ, разбитое зеркало и три свѣчи.... онъ вошелъ.

— Клянусь, сударь, прервалъ Адъютантъ, что я не зналъ, а проходя мимо, увидѣлъ огонь въ необыкновенномъ мѣстѣ, и, страшась пожара, прибѣжалъ.....

— Въ самую пору, договорилъ Князь. Я давно знаю, что ты никогда не опаздывалъ въ огонь, и бралъ всѣ награды съ бою: такъ и теперь, грѣхъ будетъ лишить тебя заслуженнаго!

— Какъ, батюшка? спросила трепещущая отъ страха при мужниныхъ словахъ Княгиня.

— Такъ же, сударыня! Вотъ нашъ зять, люби его и жалуй.

Съ этимъ словомъ, онъ сложилъ руки своей дочери и Адъютанта, и сжавъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ: — Поцѣлуй ее теперь въ губы, а не въ ногу: это приличнѣй нашему брату воину.

Слезы, восклицанія благодарности, коленнопреклоненія и всѣ, вездѣ описанныя, изъясненія радостнаго восторга, заставили плакать не одну Бригадиршу. Княгиня, видя, что ужъ нечего дѣлать, принуждена была радоваться, когда самовластный во многихъ случаяхъ супругъ ей сказалъ: — Что же ты не обвинишь зятя? Развѣ бы тебѣ пріятнѣе было, чтобы она, открывшись въ любви къ одному человѣку, вышла за другаго, съ тѣмъ, чтобы его обманывать, или узнавъ, что ему извѣстна страсть ея, стыдиться, а можетъ-быть презирать мужа, который взялъ ее не по склонности, изъ одного приданаго, и быть вѣчной страдальцей? Чѣмъ онъ тебѣ не нравится? Онъ не чиновень, но кто помѣшаетъ ему дослужиться до чиновъ? Онъ бѣденъ, да мы за себя и за него богаты. Родъ его честный и благородный, а главное то, что онъ ей милъ и мнѣ любовь: впрочемъ не мы его искали, не онъ хитростью или силой вошелъ въ наше семейство, — Богъ его намъ далъ; а отъ Него, какъ сама знаешь, всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ. Ну, дѣти, да благословить васъ Богъ!

— Да благословить васъ Богъ! примолвила Княгиня.

И чрезъ нѣсколько дней была празднуема нечаянная свадьба моего прадеда.

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

ВЕНГЕРСКІЙ ГУСАРЪ.

=

РАЗСКАЗЪ.

=

Въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ, сумрачныхъ дней первой половины минувшаго Августа, когда скупое Петербургское небо, какъ бы въ отмщеніе за прекрасный Іюнь, какимъ и въ Италіи не всегда наслаждаются, хмурилось на насъ съ невѣроятнымъ постоянствомъ; когда осенній дождь то ливня лилъ, то моросилъ томительно съ утра до вечера; когда барометръ по нѣскольку дней сряду не подымался выше переменнаго, а термометръ упалъ до четырехъ градусовъ; когда большая часть жителей столицы, жертва любви къ удовольствіямъ загородной жизни, заключенные въ карточныхъ домикахъ, называемыхъ дачами, не смѣли показать носа за ворота, и, не краснѣя предъ иностранцами, топили; когда..... Но всѣхъ удовольствій прошедшаго лѣта не перечесть; дѣло въ томъ, что въ одинъ изъ такихъ благодатныхъ дней случился я въ Петергофѣ, въ гостяхъ у стараго моего сослуживца, столь же постоянного въ пріязни, какъ и тогдашнее ненастье въ своемъ упрямствѣ. Люблю Петергофъ, съ его историческими воспоминаніями, съ его стариннымъ дворцомъ, гдѣ еще живы слѣды Петра, Екатерины, Меншикова, Миниха, великаго духомъ и умомъ даже въ глубокой старости; люблю колоссальныя тамошніе фонтаны, которыхъ оглушительный шумъ невольно погружаетъ въ думы и такъ легко переноситъ воображеніе во времена, кото-

рыхъ вкуса служить они самымъ явственнымъ отпечаткомъ. Прелестна и Александрія, эта юная сосѣдка Петергофа, это мирное сельское убѣжище Отца Отечества, гдѣ, не покидая тяжкихъ заботъ о благѣ Государства, наслаждается онъ всеми благами семейной жизни и почерпаетъ въ ней новыя побужденія къ любви своей къ народу. Но мѣста сіи очаровательны только въ погоду ясную, въ знойные лѣтніе дни. Не то бываетъ въ ненастье: обширный садъ, раскинутый въ прямыхъ направленіяхъ по низменному взморью, наполняется сыростью; лазурная поверхность моря замѣняется какою-то свинцовою пеленою, безпрестанно прорываемою напоромъ волнъ, которыхъ съдые гребни грозно надъ нею возвышаются; юго-западный вѣтеръ, пользуясь широкимъ раздольемъ Финскаго залива, свободно ломить деревья, рветъ крыши, страшно воеетъ въ окнахъ.

Такъ былъ онъ и въ тотъ разъ, когда я, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими гостями изъ города и Кронштата, случился у Петергофскаго моего пріятеля. Хотя окна, обращенныя къ морю, нечего сказать, были зеркальныя, но должно признаться, что въ нихъ дуло такъ же, какъ и въ обыкновенныя. Мы зябли, и, не смотря на сытный обѣдъ, которому, кажется, слѣдовало бы поразогрѣть насъ, невольно жались къ горящему камину. Въ тѣсномъ кружку, около огонька, разговоръ скоро становится живымъ и общимъ, а особливо подъ председательствомъ такого оратора, каковъ былъ нашъ хозяинъ. Обладая большимъ запасомъ разнообразныхъ анекдотовъ и завиднымъ даромъ хорошо ихъ рассказывать, онъ витійствовалъ болѣе прочихъ, и мѣняя сцену своихъ повѣствованій, перешелъ наконецъ къ происшествіямъ войны 1812 года, въ которой самъ участвовалъ. Болѣе двадцати лѣтъ протекло послѣ сей достопа-

мятной эпохи: событія оной почти всякой изъ насъ знаетъ наизусть; но можно ли говорить и слушать о нихъ безъ особеннаго, неизъяснимаго волненія души, понятнаго всего болѣе современникамъ и участникамъ событій? Какія битвы, какіе подвиги, какія лица предстають воображенію!... Мы невольно смолкли, погруженныя въ море великихъ воспоминаній. Въ сію минуту глаза мои остановились на одномъ изъ посквителей, съ которымъ прежде нигдѣ я не встрѣчался, и котораго открытое чело, осыненное сѣдыми волосами, находившимися въ рѣзкой противоположности съ чернымъ цвѣтомъ бровей, привлекало еще за обѣдомъ мое вниманіе. До сихъ поръ онъ говорилъ менѣе прочихъ; теперь оживленный взоръ его ясно показывалъ, что наконецъ и онъ хочетъ заставить себя слушать.

«Да, господа!» началъ онъ, и всѣ къ нему обратились: «вы вспомнили достопамятное время, торжество Россіи и конецъ торжества Наполеона; но въ моей памяти воскресаетъ еще болѣе происшествій. Я видѣлъ начало блистательныхъ подвиговъ этого необыкновеннаго челоуѣка; я зналъ его еще двадцатишести-лѣтнимъ юношей, который изумилъ Европу мгновеннымъ завоеваніемъ Италіи.»

Такое вступленіе привлекло все наше вниманіе.

«Вы удивляетесь? Да и какъ не удивляться? Какъ предполагать, чтобы, подъ этою педагогическою униформою (онъ былъ въ синемъ мундирномъ фракѣ съ синимъ же бархатнымъ воротникомъ и золотыми пуговицами) скрывался нѣкогда гусарь, видѣвшій Наполеона въ пылу Маренгской битвы? Но теперь рѣчь не о немъ: его имя, его начальныя подвиги напомнили мнѣ собственныя мои походы, которыя хочу разсказать вамъ въ свою очередь.»

Въ 1794 году, во времена терроризма, когда звѣрство тирановъ, управлявшихъ Франціею, возбужда-

ло общее негодование народовъ Европы, я, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, летѣлъ вслѣдъ за другими Венгерцами развѣдаться на полѣ чести съ убійцами Маріи Антуанеты. Гусарскій полкъ, въ которомъ я служилъ, находился въ арміи, расположенной на Верхнемъ Рейнѣ, и составлялъ часть небольшого отдѣльнаго отряда. Генераль, командовавшій этимъ отрядомъ, вздумалъ однажды предпринять рекогносцировку, и, если представится возможность, разбить находившійся противъ него Французскій отрядъ; но какъ онъ былъ болѣе пылокъ, нежели опытенъ, и не взялъ нужныхъ предосторожностей, то наткнулся на цѣлый пѣхотный корпусъ. Поспѣшная ретирада могла бы еще спасти его, но онъ рѣшился атаковать Французовъ, не заботясь о числѣ ихъ и о невыгодахъ своей позиціи, упиравшейся въ довольно значительную рѣчку, протекавшую позади его фронта. Онъ полагалъ, что найдетъ Французовъ не совсѣмъ готовыми принять сраженіе; но весьма ошибся: они не только съ твердостью отразили нападеніе, но сами съ яростію насъ атаковали,—и чрезъ нѣсколько минутъ отрядъ нашъ не существовалъ: большая часть перетонула въ рѣкѣ, не успѣвъ перебраться черезъ узкій мостъ; прочіе или легли на мѣстѣ, или взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и я, по милости убитой моей лошади, которая, повалившись вмѣстѣ со мною, повредила мнѣ ногу. Мнѣ немедленно была оказана нужная помощь; я не былъ даже ограбленъ, и вмѣстѣ съ другими плѣнными отправленъ въ Мецъ. Но ни хорошее содержаніе, ни пріятливое обращеніе жителей не могли усладить моего положенія: мнѣ хотѣлось не дружить, а драться съ Французами, видѣть себя снова на конѣ, въ строю удалыхъ гусаръ, въ передовыхъ рядахъ нашей арміи: словомъ, я походилъ на орленка, если не въ клѣт-

къ, то по крайней мѣрѣ съ подрѣзанными крыльями, и рѣшился бѣжать. Знаніе Французскаго языка помогло мнѣ пробраться до Тіонвиля; но тутъ я былъ узанъ, схваченъ жандармами, и не очень вѣжливо препровожденъ обратно въ Мець, а оттуда въ Нанси, гдѣ вѣрно было присматривать за мною строго.

Можетъ-быть, другой на моемъ мѣстѣ, послѣ такой неудачи, не рѣшился бы испытать ее снова, тѣмъ болѣе, что вторичное покушеніе, въ случаѣ поимки, могло имѣть гибельныя для меня послѣдствія. Со мною было напротивъ: мысль объ освобожденіи преслѣдовала меня денно и ночно, не давала мнѣ покою, а неудача сдѣлала только осторожнѣе, хитрѣе. Я началъ съ того, что прикинулся самымъ смиреннымъ, самымъ послушнымъ изъ всѣхъ плѣнныхъ: потомъ, при помощи нѣсколькихъ золотыхъ монетъ, тщательно зашитыхъ въ моей шинели, мнѣ удалось до такой степени расположить пристава въ мою пользу, что онъ согласился купить мнѣ партикулярное платье и отпускать иногда въ публичный садъ на гулянье. Точность, съ какою возвращался я домой къ назначенному сроку, утвердила его ко мнѣ довѣренность. Онъ постепенно становился снисходительнѣе; даже позволялъ мнѣ гулять не въ одномъ саду, а по всему городу, опаздывать и отлучаться по вечерамъ, а я между тѣмъ, знакомясь съ мѣстностію города, обдумывалъ планъ новаго побѣга; но меня крушило и останавливало одно,—недостатокъ въ деньгахъ, безъ которыхъ далеко уйти было невозможно.

Однажды, въ какой-то праздничный день, пробираясь сквозь толпу народа, тѣснившася въ главной аллеѣ публичнаго сада, я сошелся почти носъ съ носомъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго лице показалось мнѣ знакомымъ. Въ подоб-

ныхъ случаяхъ, а особливо на чужой сторонѣ, обыкновенно бросаютъ такой жадный, такой примѣчательный взоръ, что и самъ встрѣчный, какъ-бы повинувшись тому могущественному взгляду, обращаетъ на тебя невольное вниманіе. Мы выпучили глаза другъ на друга, но на этотъ разъ разошлись, разумѣется, не безъ оглядки. Дойдя до конца аллеи, я поверотилъ назадъ, въ тайной надеждѣ встрѣтить опять этого молодого человѣка, — и не обманулъ: незнакомецъ сдѣлалъ то же; мы сошлись снова. Тутъ, не желая упускать минуты къ объясненію, я рѣшился ему поклониться; онъ также снялъ шляпу: этого было довольно, чтобы узнать въ немъ вахмистра нашего полка, удалаго Гримма, пропавшаго безъ вѣсти въ одномъ сраженіи, года передъ тѣмъ за два. Я назвалъ его по имени. Радость, изобразившаяся на лицѣ его, когда вслѣдъ за тѣмъ услышалъ онъ и мое имя, была неизяснима. Мы крепко сжали другъ другу руку, и поспѣшили выбратъся изъ толпы въ отдаленную часть сада, чтобы на свободѣ досыта наговориться.

Мой старый камарадъ разсказалъ мнѣ, что, попавшись въ плѣнъ и будучи отосланъ также въ Нанси, онъ скоро влюбился въ одну хорошенькую Французскую мѣщаночку, которой взаимно понравились Венгерскіе усы его; что эта любовь заставила его забыть на время отчизну; что онъ женился, сдѣлался гражданиномъ Республики, и принялся за ремесло дамскаго башмачника, которому гораздъ былъ еще до поступленія въ военную службу, и которое приносить ему теперь не мало выгодъ.

Гриммъ считался у насъ въ полку изъ первыхъ весельчаковъ, и хотя обыкновенный довольный видъ его и, въ добавокъ, щеголеватый нарядъ, — за исключеніемъ, разумѣется, пуклей, косы и кошелька, которые пали уже тогда во всей Франціи подъ

длинными ножницами революціи,—показывали, что ему дѣйствительно не худо въ новомъ его отечествѣ, однако жъ подѣ конецъ онъ признался, что часто груститъ по родинѣ, и дожидается только заключенія мира, чтобы наострить лыжи во-свои. — «Какая это жизнь, говорилъ онъ, когда за всякое неосторожное слово, за малѣйшее противорѣчіе этимъ собакамъ, республиканцамъ, которые изъ мясниковъ да пивоваровъ подѣлались теперь значительными людьми и несутъ такой вздоръ, тебя завтра же потащатъ на гильотину?»

Откровенность Гримма сдѣлала и меня откровеннымъ: я сообщилъ ему намѣреніе мое бѣжать, во что бы то ни стало. Онъ ужаснулся.—«Да развѣ не знаешь ты, сказалъ онъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Французская армія снова находится по сію сторону Рейна, весь берегъ его обставленъ часовыми, для предупрежденія сношеній съ противоположною стороною, и что покушеніе твое, въ силу новаго закона премудрой Республики, влечетъ за собою неизбежную смерть безъ всякаго суда и слѣдствія?» — Я въ самомъ дѣлѣ не зналъ о строгихъ этихъ мѣрахъ, но подумавъ немного, отвѣчалъ: — «Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Я рѣшился; не откажись только мнѣ помогать. Прежде всего нужны деньги, а потомъ какой нибудь видъ, на чужое имя, для проѣзда въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ Франціи: тамъ лучше могу я сообразиться о возможности перебраться чрезъ Рейнъ.»

Моя рѣшимость восхитила Гримма: онъ съ жаромъ обнялъ меня, и, пренебрегая собственною опасностію, изъявилъ готовность всѣми мѣрами въспомоществовать моему предпріятію; даже вызвался снабдить меня деньгами; но я отклонилъ послѣднее предложеніе, чувствуя, что предпріятіе мое слишкомъ невѣрно, и что въ случаѣ смерти моей на по-

прищъ бѣгства, я могу остаться должникомъ его до втораго пришествія. Въмѣсто того, я просилъ его написать, — разумѣется, со всѣми нужными предосторожностями, — къ отцу моему о присылкѣ на его имя 500 червонныхъ. Уладивъ такимъ образомъ дѣло, мы разстались вполне довольными другъ другомъ и въ надеждѣ перѣдкихъ свиданій.

Однажды, спустя уже недѣль шесть послѣ первой нашей встрѣчи, когда я по обыкновенію дожидаясь его въ публичномъ саду, Гриммъ предсталъ передъ меня съ самымъ веселымъ лицомъ. — «Чувствую, сказалъ я, подавая ему руку, слышу сердцемъ, что ты являешься ко мнѣ съ родными денежками, а по расчету времени пора уже имъ доѣхать сюда изъ Песта.»

— «Ты угадалъ; но я обрадую тебя не одними денежками: вотъ и паспортъ на имя Страсбургскаго купца до Парижа и обратно.»

— «Другъ, Гриммъ! вскричалъ я, цѣлуя его. Но какъ же ты успѣлъ въ одно время и получить деньги, и достать паспортъ?»

— «Это случилось совсѣмъ не въ одно время: деньги получены только сегодня, а паспортъ гоститъ у меня въ карманѣ по крайней мѣрѣ недѣли три; но я не отдавалъ его тебѣ, потому, что ты, пожалуй, пустился бы съ нимъ отъ радости и безъ денегъ, а деньги въ дорогѣ такъ же нужны, какъ и сало для смазки колесъ.»

Мы положили, чтобы я, въ тотъ же день, сдѣлавъ приставу моему новый подарокъ, убѣдилъ его купить мнѣ плащъ и хорошенькую пару платья, которая бы соответствовала купеческому моему званію, и чтобы Гриммъ завтра къ вечеру нанялъ мнѣ лошадей, до первой станціи по дорогѣ къ Страсбургу.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На другой день, въ восемь часовъ вечера, почтовія лошади стояли

уже у крыльца одной отдаленной кофейни, гдѣ мы на прощанье выпили бутылку шампанскаго, а въ половинѣ девятаго повозка моя катилась уже по широкой Страсбургской дорогѣ.

Мнѣ почти не вѣрилось, что я былъ на свободѣ, и могъ произвольно располагать собою. Сладокъ казался мнѣ свѣжій загородный воздухъ, привлекательны окрестности дороги. Но тутъ взяло меня раздумье. — Что за крайность, говорилъ я самъ себѣ, спѣшить на Рейнь, и, не насладившись ни сколько свободою, подвергать себя опасности, быть чрезъ нѣсколько дней разстрѣляннымъ или гильотинированнымъ? Что за утѣшеніе, если бѣ мнѣ и удалось перепрыгнуть его, сидѣть на кантонирь-квартирахъ, сложа руки? Австрійцы ничего не предпринимають, не пользуются настоящимъ безпорядкомъ Франціи.... Да и какъ оставить навсегда Францію, не выдавъ Парижа? Парижа, о которомъ съ ребячества столько я слышалъ и читалъ, и который, не смотря на ужасы настоящаго времени, былъ, кромѣ всего прочаго, любопытнѣе своими революціонными сценами. Успѣю и послѣ испытать счастья въ моемъ опасномъ предпріятіи!

Въ такомъ раздумьѣ доѣхалъ я до Люневиля; но здѣсь эти разсужденія одержали верхъ, и, вмѣсто того, чтобы сближаться къ Рейну, я велѣлъ везти себя въ Парижъ, и въ Нанси остановился только для перемѣны лошадей. Грустно было мнѣ проѣзжать этотъ городъ и еще разъ не повидаться съ Гриммомъ, тѣмъ болѣе, что послѣ того я никогда уже съ нимъ не встрѣчался; но опасеніе быть признаннымъ требовало, чтобы я поступилъ такимъ образомъ. Чрезъ нѣсколько дней очутился я въ Парижѣ.

Благоразуміе требовало жить и вести себя поскромнѣе: я нанялъ небольшую комнатку въ од-

ной изъ невидныхъ гостинницъ, и въ тотъ же вечеръ занялся соображеніемъ средствъ моихъ съ будущими расходами, чтобы напередъ знать, на сколько времени станетъ мнѣ моихъ денегъ. Для этого, разумѣется, надобно было пересчитать ихъ; а какъ онѣ все еще лежали въ томъ кожаномъ мѣшкѣ, въ которомъ были получены, — потому, что ни въ Нанси, ни на станціяхъ не удалось мнѣ дать имъ поглядѣть на вольный свѣтъ, — то въ первый еще разъ вытряхнулъ я ихъ всѣ на столъ. Червонцы брякнули, — и образовали на срединѣ стола небольшую золотую горку, на верху которой очутился маленькой яркаго голубаго цвѣта кошелекъ. Я раскрылъ его: въ немъ было десять червонцевъ, завернутыхъ въ бумажку, съ надписью: *отъ Стефаніи*, а подъ ними тоненькая, тщательно свернутая цѣпочка изъ мягкихъ темнорусыхъ волосъ. Изумленіе мое могло равняться только тому сладкому чувству признательности и воспоминанія, которымъ обдало мнѣ душу. Это былъ подарокъ Стефаніи, той милой, четырнадцати-лѣтней дѣвушки, которая воспитывалась въ нашемъ домѣ, которая была ко мнѣ такъ внимательна, которую и я бывало ласкалъ, мимоходомъ, едва замѣчая. Но въ ней, видно, созрѣвало ко мнѣ другое, болѣе нѣжное чувство: она не забывала меня въ отсутствіи, не такъ какъ я; она хотѣла и помочь мнѣ, чѣмъ могла, и напомнить о себѣ..... Ей теперь должно быть шестнадцать лѣтъ, потому, что прошло уже два полныхъ года со времени нашей разлуки: думаю, она очень похорошѣла. Какъ я ей благодаренъ! Съ какимъ бы удовольствіемъ поцѣловалъ ее за эти счастливыя минуты, которыми теперь наслаждаюсь!

Такъ я говорилъ самъ себѣ, и дѣйствительно наслаждался въ этотъ вечеръ. Дѣтскія мои лѣта, домъ родительскій, благословенная Венгрія, рисовались въ

воображеніи моемъ самую привлекательною картиною, и на первомъ планѣ безпрестанно мелькала Стефанія; заснулъ, — и то же повторилось въ сновидѣніяхъ.

Четыре мѣсяца провелъ я въ Парижѣ. Не стану описывать всѣхъ ужасовъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ: они довольно извѣстны. При мнѣ совершилось возмущеніе 9-го Термидора и паденіе Робеспьера, на котораго однако жъ успѣлъ я наглядѣться; при мнѣ явился на сцену Баррасъ; при мнѣ въ клубахъ и обществахъ начали поговаривать о томъ артиллерійскомъ офицерѣ, которому предназначено было поразить гидру революціи и пролетѣть такимъ шумнымъ, такимъ блестящимъ метеоромъ по горизонту Европы.

Во все время пребыванія моего въ Парижѣ, не случилось со мною ничего непріятнаго: геній Стефаніи хранилъ меня отъ соблазновъ, а молитвы матери спасали отъ ярости изступленныхъ республиканцевъ, которые, при тогдашней борьбѣ партій, пробудившейся съ смертію Робеспьера, находились въ ужасномъ ожесточеніи. Такое состояніе дѣлъ чрезвычайно мнѣ опротивѣло; къ тому же и капиталъ мой поистощился. Пора было подумать объ исполненіи предпріятія, которое не только не выходило у меня изъ головы, но, при воспоминаніи о Стефаніи, о свиданіи съ нею, — пбо, равнодушный прежде, я горѣлъ теперь нетерпѣніемъ съ нею увидѣться! — укоренялось сильнѣе, и, возбужденное любовію къ отечеству, поддерживалось еще инымъ чувствомъ.

Собираясь въ путь и разсудивъ, что, по тогдашнему движенію войскъ и народныхъ ополченій къ границамъ, могу встрѣтить недостатокъ въ лошадяхъ и экипажахъ, слѣдственно остановку, подчасъ весьма для меня невыгодную, я рѣшился купить себѣ кабріолетъ и лошадь; сверхъ того, запасся палкою

съ скрытымъ кинжаломъ, бывшею тогда въ большомъ употребленіи, парюю карманныхъ пистолетовъ и стальною Англійскою пилочкою, которую зашилъ въ рукавъ платья.

Я выѣхалъ изъ Парижа по дорогѣ къ Страсбургу, и безъ всякаго приключенія достигъ Тюнвиля; но приближаясь къ городу, въ которомъ за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ попался въ руки жандармовъ, невольно лишній разъ вспомнилъ объ опасности, какая мнѣ угрожала. Хотѣлъ было проѣхать его, не останавливаясь; но хорошій аппетитъ и усталость лошади заставили меня перемѣнить намѣреніе. Я остановился въ первомъ попавшемся мнѣ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ кормили мою лошадь, спросилъ себя объѣдать. Хозяинъ предложилъ мнѣ итти за общимъ столомъ, вѣжливо объяснивъ, что въ нынѣшнее подозрительное время всѣ гости его должны быть на лицо. Въ назначенный часъ являюсь къ столу: гостей было не много; въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, изъ которыхъ одна, прекрасная, живая брюнетка, обращала на себя общее вниманіе своею любезностью. Вскорѣ не безъ удовольствія замѣтилъ я, что становлюсь исключительнымъ предметомъ очаровательной ея пріветливости, — можетъ-быть, отъ того, что я былъ половчѣе прочихъ собесѣдниковъ; и хотя, признаться, мнѣ совсѣмъ было не до любезничанья, однако жъ я мало-по-малу развѣрнулся. Остроты, шутки, вѣжливости, сыпались съ обѣихъ сторонъ, притомъ безъ всякой изысканности, съ какимъ-то чистосердечіемъ. Наконецъ, я узналъ отъ нея, что мы попутчики, ѣдемъ по одной дорогѣ, съ тою только разницею, что она не имѣетъ своего экипажа, не нашла мѣста ни въ одной почтовой каретѣ, и должна по-неволѣ пробыть здѣсь болѣе сутокъ, тогда, какъ ей дорогà каждая минута, отдаляющая прибытіе ея въ Страсбургъ. При сихъ послѣднихъ сло-

вахъ, веселость на минуту сбѣжала съ открытаго, яснаго чела ея. Увлеченный искренностию прекрасной незнакомки и тронутый ея положеніемъ, я предложилъ ей мѣсто въ моемъ кабриолетѣ.....

Вы улыбаются, господа! продолжалъ раскащикъ, замѣтивъ, что мы дѣйствительно перемигнулись съ улыбкою: но могу васъ увѣрить, что ни одна дурная мысль не сопровождала моего предложенія, и что оно принято было съ равнымъ простодушіемъ; только мгновенная стыдливость легкимъ румянцемъ проглянула на лицѣ Элизы, но исчезла, кажется, скорѣе, чѣмъ успѣлъ я выговорить мое приглашеніе.

Вскорѣ послѣ обѣда пустились мы въ дальнѣйшій путь. Надобно однако жъ сказать правду: мнѣ очень пріятно было сидѣть подлѣ прекрасной моей сопутницы, слушать милыя ея рѣчи, останавливать взоръ мой на большихъ черныхъ глазахъ ея; я почти не обращалъ ни какого вниманія на окрестные предметы, и, заглядываясь на Элизу, такъ дурно правилъ лошадыю, что раза два чуть не опрокинулъ кабриолета; но при всемъ томъ рыцарская добродѣтель моя торжествовала, и эта трудная борьба, въ которой не мало вспомоществовало мнѣ воспоминаніе о подругѣ моего дѣтства, возвышала мою душу.

При въѣздѣ въ Саръ-Луи, на заставѣ, приказано намъ было явиться въ муниципалитетъ для осмотра и прописки паспорта. Видно, подумалъ я, чѣмъ ближе къ границамъ, тѣмъ болѣе предосторожностей, — и отправился въ муниципалитетъ, вмѣстѣ съ моею сопутницею.

Входимъ. За столомъ, посреди комнаты, сидѣлъ, разваливъ въ старинныхъ золоченныхъ креслахъ, толстый, съ грубымъ, багроваго цвѣта, лицомъ, мужчина лѣтъ пятидесяти. Это былъ Г. Меръ, а до революціи, какъ я послѣ узналъ, — мясникъ. За дру-

гимъ, столомъ, у окна, занимался бумагами челоувѣкъ среднихъ лѣтъ, котораго благородная наружность много говорила въ его пользу. Это былъ Секретарь муниципалитета.

Сторожъ, отворившій намъ двери, доложилъ, что мы проѣзжіе.

— «Ужъ не хотѣлъ ли и этотъ молодець, сказалъ Меръ, такъ же проскользнуть здѣсь, какъ давшій Парижскій вѣтрогонъ, который вообразилъ себѣ, что Саръ-Луи не такой городъ, въ которомъ бы стоило останавливаться для осмотра паспорта. Нѣтъ! я не таковъ, какъ другіе господа Меры: у меня здѣсь и муха не пролетитъ безъ моего вѣдома.»

Сторожъ отвѣчалъ, что, по словамъ жандарма, провожавшаго насъ отъ заставы, мы не оказали ни какаго сопротивленія.

— «Тѣмъ лучше для нихъ. Подавай-ка свой видъ, Г. проѣзжій! Посмотримъ, что ты за птица?»

Я подалъ ему паспортъ. Спутница моя, вслѣдъ за мною, также приблизилась къ столу.

Меръ надѣлъ очки и принялся читать мой паспортъ. Видно, что грамота далась ему плохо; ибо минутъ десять держалъ онъ бумагу передъ краснымъ своимъ носомъ, а, по шевелящимся губамъ и медленному движенію глазъ, легко было заключить, что онъ читалъ по складамъ.

— «А, понимаю! сказалъ онъ наконецъ: Страсбургскій купецъ Дювилли? Да кто же ты, гражданка?» примолвилъ онъ, обращаясь къ мой спутницѣ.

— «Я жена его,» отвѣчала она рѣшительно. И лице ея запымало.

Едва устоялъ я на ногахъ отъ такого внезапнаго отвѣта; чувствовалъ только, что холодъ, подымающійся съ ногъ, готовъ былъ заморозить мое сердце; но въ ту же самую минуту Элиза бросила на меня

такой умоляющій, такой выразительный взоръ, что я, не думая о послѣдствіяхъ, подтвердилъ ея показаніе.

Ни мое, ни ея смущеніе не обратило на себя вниманія Мера.

— Теперь понимаю! продолжалъ онъ: ты, гражданка, жена его; но все таки не понимаю, отъ чего тебя нѣтъ въ паспортъ? Хорошъ нынчѣ порядокъ въ Страсбургъ: даютъ видъ мужу съ женою, а пишутъ только мужа! Это не-по нашему; не правда ли, гражданинъ Секретарь?

Въ это время, Секретарь, давно уже положившій перо свое и съ изумленіемъ смотрѣвшій на происходившее передъ его глазами, подошелъ къ Меру, взявъ у него мой паспортъ, сказалъ, что рассмотреть это обстоятельство внимательно, увидить, можно ли поправить ошибку Страсбургскаго начальства, и завтра ему доложить, а между тѣмъ далъ мнѣ знакъ послѣдовать за нимъ къ столу его.

Я подошелъ. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, и наклонясь къ развернутому передъ нимъ паспорту, тихо сказалъ мнѣ:— «Тутъ нѣтъ ошибки; тутъ должно быть чтонибудь другое. Отъ меня не укрылось ваше замѣшательство: дѣло можетъ принять худой оборотъ; но мнѣ жаль васъ, надобно помочь вамъ; остановитесь въ трактиръ Лебеда, и ждите меня въ 6 часовъ вечера.»

Меръ не слыжалъ этихъ словъ, — да ему было и не до того: взглянувъ хорошенько въ красоту моей сопутницы, которой щеки пылали яркимъ румянцемъ, онъ въ это время шутилъ съ нею.

— «Ну, чего тутъ краснѣть? Что за бѣда признаться, что ты замужемъ? говорилъ онъ улыбаясь: вѣдь это не что другое, это дѣло житейское. Не правда ли, красавица? Хоть конечно еще недавно..... однако пора ужъ забыть, что ты была дѣвицею..... Ха, ха, ха!

Да пора и мнѣ перестать болтать съ тобою и заняться текущими дѣлами, а то, пожалуй, засмотрѣвшись на тебя, я такъ же навру, какъ и тотъ, кто писалъ вашъ паспортъ, — если ты также передъ нимъ тогда стояла. И такъ, до завтра; завтра лучше будемъ знать, что намъ съ вами дѣлать; а паспортъ покаиѣсть останется здѣсь.» — Онъ кивнулъ головою; мы вышли.

Не прежде, какъ уже на улицѣ, могъ я свободно перевести духъ, опомниться отъ случившагося со мною въ муниципалитетъ; понималъ ясно, что обстоятельства, побудившія Элизу такъ рѣшительно, съ такою надеждою прибѣгнуть къ моему великодушію, должны быть важны; но видѣлъ и возрастающую опасность моего положенія. Ложный купецъ, титулярный мужъ неизвѣстной женщины!..... Къ чему наконецъ приведутъ меня такія метаморфозы? Тутъ только, съ упрекомъ самому себѣ, вспомнилъ я, что, желая отвратить всякіе распросы со стороны моей сопутницы, ни разу во всю дорогу не спросилъ ея ни объ имени, ни о званіи мужа, ни о цѣли ея путешествія. Можетъ-быть, не совсѣмъ ласково взглянулъ я на нее послѣ этого внутренняго упрека; но она отвѣтствовала мнѣ взоромъ, исполненнымъ признательности, схватила мою руку, и съ живостію сказала: — «Ради Бога, скорѣе куда нибудь, гдѣ бы я свободно могла объяснить вамъ причину моего поступка, и умолять васъ о снисхожденіи!» — Чрезъ нѣсколько минутъ мы были въ трактиръ Лебеда, находившемся, по-счастію, на той же улицѣ, и спросили себѣ особую комнату.

Едва служанка, которой излишняя заботливость была на этотъ разъ совсѣмъ некстати, удалилась, какъ Элиза, бросаясь передо мною на колѣни, рассказала мнѣ, что она, вышедши по страсти замужъ за одного армейскаго Комиссара, Дюбуа, должна была

черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы съ нимъ разлучиться; что мужъ ея, по обязанностямъ званія своего, находится теперь въ Страсбургѣ; что, не смотря на строжайшее запрещеніе слѣдовать женамъ за мужьями своими въ армію, она не могла противиться влеченію любви и рѣшилась къ нему ѣхать, въ надеждѣ какъ-нибудь пробраться до Страсбурга; и что если бы объявила Меру настоящее свое имя и цѣль поѣздки, то немедленно была бы схвачена. Она заключила рассказъ свой изъясненіемъ самой трогательной благодарности.

Разумѣется, что она только начала на колыняхъ это повѣствованіе, а продолжала на диванѣ, на который я поснѣшилъ посадить ее; разумѣется, что выслушавъ его, я не раскаивался въ необдуманномъ согласіи назваться ея мужемъ, и почувствовалъ къ ней еще болѣе уваженія; разумѣется также, что не счелъ нужнымъ платить за ея искренность взаимною откровенностію, потому, что вообще не слишкомъ доверялъ женской молчаливости.

Успокоивъ ее надеждою на участіе Секретаря, я однако жъ, для лучшаго въ томъ удостовѣренія, пошелъ къ хозяину трактира, и искуснымъ образомъ пораспросилъ его о свойствахъ лицъ городского правительства. Оказалось, что Секретарь былъ столько же достойный, доброжелательный и всѣми уважаемый человекъ, сколько презрителенъ и ненавистенъ его начальникъ, круглый невѣжда, закоренелый республиканецъ.

Въ шесть часовъ ожидаемый нами геній хранитель явился. Элиза откровенно рассказала ему все, что я отъ нее слышалъ. Секретарь дивился ея рѣшимости, представилъ ей опасность положенія, въ которое и себя, и меня ввергала она необдуманнымъ своимъ поступкомъ, увѣрилъ въ искренности своего участія, и тутъ же, вынувъ изъ кармана пас-

портъ, внесъ ее въ оный подъ именемъ жены моей, съ отмѣткою внизу, что она пропущена была по ошибкѣ писца. Поѣзжайте сегодня же, сказалъ онъ, прощаясь съ нами; а я уже буду уметь объяснить Меру причину обратной выдачи вамъ паспорта.»

Мы проводили его, какъ лучшаго друга, и немедленно пустились въ путь. Приятно было мнѣ сидѣть опять подлѣ прекрасной моей сопутницы; но пріятность эта была какъ-то другаго уже рода. Элиза вновь предавалась живости и чистосердечію своего характера, но я слушалъ ее не съ такимъ уже упоеніемъ, не засматривался на блестящіе глаза ея, могъ любоваться окрестностями дороги, и ни разу не повихнулъ моего кабриолета.

По мѣрѣ приближенія къ Страсбургу меня начинало затруднять собственное положеніе. Называясь тамошнимъ жителемъ, я не имѣлъ однако жъ ни какаго понятія о расположеніи города. Распрашивать о томъ постороннихъ на станціяхъ, значило бы подать спутницѣ моей подозрѣніе въ обманѣ. И такъ я рѣшился въ ней самой искать помощи для сокрытія отъ нея моей тайны.

— Какъ же мы отыщемъ въ Страсбургѣ вашего мужа? спросилъ я съ притворнымъ разсѣяніемъ.

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчала она: онъ служить въ штатѣ провіантскомъ; такихъ чиновниковъ знаетъ каждый солдатъ; стоитъ только спросить перваго, который попадется.

Этого было довольно къ моему успокоенію.

Наконецъ, мы у Страсбургской заставы. Спрашиваемъ караульнаго унтеръ-офицера, гдѣ живетъ провіантской чиновникъ Дюбуа. Унтеръ-офицеръ дѣйствительно знаетъ его квартиру и приказываетъ проводить насъ.

Сцена свиданія супруговъ была бы трогательна для всякаго посторонняго зрителя, но для меня, какъ виновника ихъ счастья, была она вдвойнѣ усладительна. Элиза, представляя меня мужу, называла своимъ покровителемъ, благодѣтелемъ, и со всѣмъ краснорѣчіемъ женскаго сердца рассказала случай въ Сарь-Луи. Мужъ благодарилъ меня съ полнымъ чувствомъ одолженнаго чловѣка, и на благородномъ чель его не мелькнуло ни тѣни ревности. Цѣлый вечеръ провели мы съ нимъ въ неистощимыхъ разговорахъ, сквозь которые ярко блистала высокая образъ его мыслей. Наконецъ, въ надеждѣ на честь Французовъ, которою нѣкогда столько они славились, въ надеждѣ на личныя его достоинства и оказанную мною услугу женѣ его, я рѣшился ему открыться. Онъ изумился, увидѣвъ предъ собою плѣннаго непріятеля, признающагося въ намѣреніи бѣжать; но, помолчавъ съ минуту и крѣпко сжавъ мнѣ руку, обѣщавъ уважить мою тайну, безопасно выпроводить изъ города, и сообщить напередъ все, что могу встрѣтить при исполненіи опаснаго моего предпріятія, и объявилъ, что завтра же я долженъ съ нимъ ѣхать.

На другое утро, прежде чѣмъ проснулась жена его, мы выѣхали изъ города, въ моемъ кабриолетѣ, по дорогѣ, ведущей къ Рейну. Остановивъ лошадь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и указывая на Рейнъ, онъ сказалъ мнѣ: — Вотъ рѣка, отдѣляющая васъ отъ вашей арміи. Пространство не велико, но препятствія неодолимы: только вашей рѣшимости возможна попытка побѣдить ихъ. Смотрите! весь берегъ обставленъ пикетами: тутъ, кажется, нельзя переплыть и кошкѣ, не бывъ замѣченною. Притомъ, всякое покушеніе къ переправѣ наказуется, безъ всякихъ околнчностей, пулею въ лобъ. Срединна Рейна составляетъ пограничную линію; но съ нашей стороны, для большей предосторож-

*

ности, въ различныхъ мѣстахъ устроены и прикрѣплены къ берегу пловучіе мосты, которые въ случаѣ тревоги освобождаются съ одного конца отъ веревки, и теченіемъ рѣки, съ находящимися на нихъ людьми, выносятся на средину оной, преграждая путь отчаянному дезертеру, если бы онъ ускользнулъ отъ береговыхъ пикетовъ. Теперь вы видите, есть ли какая возможность къ бѣгству? Оставайтесь лучше съ нами, откажитесь отъ вашего отчаяннаго предпріятія; можетъ-быть, мнѣ удастся укрыть васъ въ моемъ домѣ до временъ благопріятнѣйшихъ.»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: мое намѣреніе непременно. Благодарю васъ за великодушное ваше предложеніе, но не хочу имъ воспользоваться. Меня могутъ узнать и въ Страсбургѣ, могутъ такъ же разстрѣлять, какъ разстрѣляли бы здѣсь: чего ждать плавнику, двукратно покусившемуся на бѣгство? Разница будетъ только въ томъ, что я и васъ увлеку въ мою погибель. Предоставьте меня судьбѣ моей и тому стремленію къ знаменамъ отечества, которымъ исполнена душа моя.

« Если такъ, то да благословить Богъ это святое чувство и направить стопы ваши къ освобожденію, Кабриолетъ и лошадь вашу я покупаю: вотъ деньги. Прощайте.»

Мы обіялись. Я выпрыгнулъ изъ кабриолета и пошелъ къ Рейну, а онъ поѣхалъ обратно въ Страсбургъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пикеты такъ часто разставлены были по берегу, что могли перекликаться; сверхъ того подлѣ каждаго, на случай ночной тревоги, стояла смоляная бочка.

Долго бродилъ я вдоль рѣки, подлѣ маскою прогуливающагося мечтателя, стараясь высмотрѣть мѣстоположеніе и найти лодку. Наконецъ, нашелъ ихъ

нѣсколько, въ небольшомъ заливѣ, углубившемся въ неширокой оврагъ; но всѣ онѣ были прикованы къ сваямъ моста, перекинутого черезъ этотъ оврагъ. Я выбралъ одну изъ нихъ, полегче, и которой цѣпь скорѣе могла уступить Англійской моей пилочкѣ, пригодившейся теперь такъ кстати. Но вотъ бѣда: въ лодкахъ не было весель. Что тутъ дѣлать? Смотрю кругомъ: вижу въ сторонѣ, шагахъ въ трехъ стахъ, уединенный трактиръ. Туда! авось не найду ли тамъ весла!

Но тутъ опять новая, неожиданная встрѣча. Лице хозяина трактира кажется мнѣ знакомымъ: я гдѣ-то видалъ его прежде. Онъ также смотритъ на меня съ любопытствомъ и недоумѣніемъ; наконецъ говорить: — «Послушай, гражданинъ! если бы ты былъ не здѣсь, въ моемъ домѣ, на лѣвомъ берегу Рейна, и не въ этомъ партикулярномъ платьѣ, я присягнулъ бы, что ты Австрійскій гусарскій офицеръ, который въ прошедшемъ году спасъ меня отъ разоренія.» Послѣ сихъ словъ, я узналъ въ немъ того Французскаго трактирщика, который, полагая, что Французы, перешедшіе Рейнъ, утвердятся на правой сторонѣ, поторопился открыть ресторацію въ Бингенъ; но успѣхъ нашей арміи заставилъ ихъ перебраться обратно, и домъ его былъ бы навѣрное разграбленъ, если бы я, поспѣшивъ занять его, не защитилъ отъ неистовства нашихъ солдатъ.

Я однако жъ не прежде подтвердилъ догадки Бингенскаго моего знакома, какъ удостовѣряясь изъ распросовъ о сердечной привязанности его къ своему избавителю. Но привязанность эта чуть было не ушла, какъ говорится, въ пятки, когда я, сказавъ ему мои похождения, сообщилъ намѣреніе бѣжать на ту сторону Рейна. Онъ ужаснулся; заклиналъ меня оставить это сумасбродное предпріи-

тіе, предсказывалъ мнѣ вѣрную смерть, да и себя прочиталъ порядочную надгробную предикю, — на случай, если узнаютъ о нашемъ знакомствѣ.

— «Эхъ, Г. офицеръ! (такъ заключилъ онъ свое убѣжденіе): не прогнѣвайтесь, а, право, надо быть полоумнымъ, чтобы пускаться на такую явную опасность!»

— «Не тужи обо мнѣ, любезный Бертранъ!» отвѣчалъ я: «двухъ смертей не будетъ, одной не миновать. Не безпокойся также и о себѣ: я и подъ пыткую не повинюсь въ нашей дружбѣ. Скажи-ка лучше, нѣтъ ли у тебя добраго весла?»

— «Какія, сударь, у меня весла? На что мнѣ ихъ? — развѣ я рыбакъ? А, пожалуй, пошарьте гдѣ-нибудь на дворѣ или въ огородѣ; можетъ-быть, найдете какое нибудь завалящее, да только не мое: мнѣ они не надобны!»

Я пошелъ искать веселъ, и дѣйствительно нашелъ въ огородѣ славную пару новенькихъ, только что окрашенныхъ; возвратясь, спросилъ объѣдать, а отобѣдавъ, легъ уснуть, чтобы собраться съ силами къ предстоящему походу, который рѣшился предпринять въ ту же ночь.

Сонъ мой походилъ на сонъ приговореннаго къ смерти, то есть, былъ глубокъ и дологъ. Я проснулся около девяти часовъ вечера; побесѣдовалъ наединѣ съ собою; помолился усердно Богу; потомъ спросилъ бутылку шампанскаго, и велѣлъ позвать къ себѣ хозяина.

Мы часа два съ нимъ болтали, и порядочно выпили на прощанье. Я былъ отменно веселъ: таково всегда состояніе духа послѣ твердой, обдуманной рѣшимости въ случаяхъ неизбѣжныхъ; но добраго Бертрана и вино не развеселило. Онъ не переста-

валъ крушиться объ ожидающей меня участи, и пресерьёзно желалъ мнѣ не успѣха, которому не вѣрилъ, а меткаго выстрѣла прямо въ лобъ или въ сердце, для сокращенія мученій.

Бодро, съ веслами на плечь, часу въ двѣнадцатомъ, выступилъ я за ворота трактира. Ночь, какъ нарочно, была самая благопріятная моему предпріятію: густыя, черныя облака застилали небо; частый, мелкій дождь единообразнымъ шумомъ своимъ наполнялъ всю окрестность, только изрѣдка слышались оклики береговой стражи. Познакомясь заранѣе съ мѣстностью пространства, отдѣляющаго мостъ, подъ которымъ стояли лодки, отъ Бертранова жилища, я пробрался къ нимъ виноградниками, то есть, самымъ незамѣтнымъ и кратчайшимъ путемъ. Черезъ полчаса цѣпь выбранной мною лодки перепилена. Сажусь въ нее, тихо спускаюсь по заливу. Вотъ уже лодка моя скользнула по струямъ Рейна. Вижу неясно, сквозь темноту, часоваго, который шагахъ отъ меня въ пятидесяти медленно прохаживается взадъ и впередъ. Что тутъ дѣлать? — грести? — шумъ веселъ обратитъ его вниманіе; отталкиваться вдоль берега, вверхъ, чтобы послѣ пуститься по теченію? — значить проплыть у него, такъ сказать, подъ носомъ. Въ нерѣшимости, медлю нѣсколько минутъ, напрягаю зрѣніе, чтобъ лучше разглядѣть часоваго, чтобъ изъ движеній его вывести какое-нибудь заключеніе объ его смѣтливости. Наконецъ, примѣчаю, что, по милости дождя, онъ крѣпко закутался въ свой плащъ. Выборъ рѣшенъ! — начинаю тихо пробираться берегомъ. Вотъ, я уже противъ самаго того мѣста, по которому расхаживаетъ часовой. Онъ не обращаетъ на меня вниманія. Вотъ, я уже скоро долженъ миновать это мѣсто; — слава Богу!..... Но вдругъ собака, принадлежавшая, вѣроятно, часовому, которой прежде я не

примѣтилъ, съ громкимъ лаемъ бросается къ берегу. Изумленный вопль оставивъ, всматривается, кричитъ: *qui vive!* Я не отвѣчаю, съ силою отталкиваюсь отъ берега, и начинаю грести по прямой линіи къ фарватеру. Часовой стрѣляетъ, — мимо! Въ одну минуту тревога распространяется по всему берегу; бѣгутъ съ огнемъ къ смолянымъ бочкамъ; онѣ воспламеняются и ярко освѣщаютъ рѣку. Въ то же время, летучій мостъ освобождается отъ привязи, и, освѣщенный также фонарями, съ цѣлымъ взводомъ солдатъ, летитъ раздавить дерзкаго бѣглеца. Но онъ уже внѣ опасности. Отчаяніе придамо мнѣ исполинскія силы: каждый взмахъ весла подвигалъ меня впередъ на цѣлую сажень, и то же теченіе рѣки, по которому стремился на меня, какъ разъяренное чудовище, этотъ мостъ, умчало меня за черту границы. Я упредилъ его, можетъ быть, пятью только минутами. Нѣсколько сдѣланныхъ съ него выстрѣловъ были неудачны. Наконецъ, когда они не могли уже доставать меня, я опустилъ весла, и, преисполненный счастья свободы, бросилъ спокойный взоръ на противоположащій Французскій берегъ: освѣщенный по всему пространству множествомъ пылавшихъ смоляныхъ бочекъ, онъ представлялъ самое великолѣпное зрѣлище!..... Вы угадаете, куда потомъ взглянулъ я: я взглянулъ на небо! — и рѣдкія звѣзды, блиставшія сквозь разорванныя тучи, отразились въ глазахъ моихъ тысячью серебряныхъ искръ, — отъ того, что глаза мои были полны слезъ благодарности къ Всемогущему Богу!

Безпечность Австрійскихъ шкотовъ, къ которымъ явился я, утомленный, едва двигающійся, представляла крайнюю противоположность съ бдительностію Французскихъ. Не было ничего подобнаго мѣрамъ, принятымъ на сторонѣ непріятельской. Это меня

огорчили. За то утѣшилъ приемъ, сдѣланный мнѣ въ арміи. Мнѣ дали слѣдующій чинъ, но не дали отпуска, потому, что ждали открытія военныхъ дѣйствій, которыя впрочемъ только готовились здѣсь, а не начинались, продолжаясь между тѣмъ въ Италиі. Наконецъ, спустя годъ, когда съ одной стороны Моро и Журданъ, а съ другой Бонапарте, грозили нанести Австріи рѣшительный ударъ, Фельдмаршалъ Вурмсера назначенъ Главнокомандующимъ огромной Италианской арміи. Корпусъ, къ которому принадлежалъ полкъ нашъ, отряженъ былъ въ составъ этой арміи. Надѣялись вѣрныхъ побѣдъ въ Италиі; во геній юнаго Наполеона и несчастная звезда Вурмсера приготовили одни пораженія.

Послѣ бѣдственнаго для насъ дня при Ровередо, я имѣлъ несчастье услышать о смерти Дюбуа. Вознесенный вихремъ революціи и силою своихъ дарованій на степень Генерала, Дюбуа отличился и погибъ въ этомъ дѣлѣ: онъ палъ въ блистательной атакѣ, пораженный тремя пулями, и, умирая, сказалъ: «Утѣшите меня извѣстіемъ о побѣдѣ!» Несчастье преслѣдовало Вурмсера въ каждой битвѣ. Наконецъ, этотъ достопочтенный старецъ, этотъ отличный полководецъ; едва успѣлъ спастись съ небольшимъ остаткомъ своего войска въ стѣнахъ Мантуи. Гибной судьбѣ угодно было, чтобы и я, извѣдавшій столько опасностей, испыталъ еще всѣ неизобразимые ужасы голода, которому подвергнуть былъ тридцатитысячный гарнизонъ этой неприступной крѣпости. Солдаты мерли, какъ мухи, но не роптали, я мужественный Вурмсера не сдавался. Наконецъ, когда осталось насъ не болѣе пяти тысячъ человекъ онъ вступилъ въ переговоры. Уваженіе, оказанное при этомъ случаѣ Наполеономъ престарѣлому, заслуженному воину привлекло къ нему уваженіе Евро-

пы, а великодушіе, съ которымъ, онъ заботился о томъ, чтобы мы, по выходъ изъ крѣпости, не погубили себя неумѣреннымъ употребленіемъ пищи, имъ же радушно намъ предложенной, кажется, примирило его съ тѣнями погибшихъ въ Яффѣ.

Отпущенный на честное слово, не служить годъ противъ Французовъ, я провелъ его на родинѣ; но тутъ..... снова увлекся на поле чести! Дивился твердости Австрійскаго Императора, который мужественно продолжалъ отчаянную борьбу противъ возрастающаго могущества Франціи; былъ еще во многихъ сраженіяхъ, видѣлъ вновь пораженіе нашихъ войскъ, но послѣ Маренгскаго рѣшительно вышелъ въ отставку, — и уѣхалъ въ Россію.»

Здѣсь повѣствователь умолкъ.

— Но Стефанія? что сдѣлалось съ нею? спросили нѣкоторые изъ слушателей, а одинъ изъ нихъ, — Математикъ, — замѣтилъ, что во время Маренгскаго сраженія ей было только двадцать два года: следовательно.....?

— Объ этомъ послѣ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: когда нибудь въ другое время; а теперь уже смерклось, вѣтеръ утихъ, и мнѣ пора въ Кронштатъ.

В. ПАНАЕВЪ.

РАЗСКАЗЪ

РУССКАГО ИНВАЛИДА.

=

Изъ жизни твоей я успѣлъ уже собрать изрядный запасъ различныхъ проказъ, сказалъ мнѣ однажды добрый мой пріятель, Ванчоусовъ!—Къ чему тебѣ онъ, и изъ чего ты хлопчешь? спросилъ я его. — Чтобъ вслѣдъ за эпитафіею отвалить твою біографію, отвѣчалъ пріятель. Вотъ новое горе, думалъ я, возвраться въ свой скромный уголокъ; какъ люди услужливы! Они и въ могилу готовятъ гостинцы страдалцу; не менѣ того: что напишется перомъ, не вырубишь топоромъ! На выдумки слово купится: за чѣмъ же стало?... Предупрежу бредни, примусь писать исторію собственной жизни съ полною откровенностію, обрисую сцены со всѣми окрестностями, и оградясь законною десятилѣтнею давностію, черкну смѣло за цѣлые полвѣка о себѣ и о товарищахъ, хорошее и дурное! Положимъ, что трудъ мой и не принесетъ пользы человечеству, по крайности я оставляю по себѣ въ наслѣдство горящую истину о предметахъ, коротко и близко мнѣ извѣстныхъ! А это не бездѣлица! Но вотъ — я ужъ и въ походъ: дѣло мое растеть, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ! Слогъ не хорошъ, происшествія связываются и того хуже; но вѣрность и точность ихъ замѣняютъ собою всѣ недостатки логики и краснорѣчія.

Чѣмъ ты занятъ? спросилъ меня Ванчоусовъ, разсудившій навѣстить уroda. — Бесѣдую съ живыми и съ мертвыми... рѣшился... и пишу собственную исто-

рію. — Прочти пожалуйста что нибудь! — Изволь! — Помилуй, братецъ! возопилъ пріятель, прервавъ чтеніе: да это ни на что не похоже! Какая надобность изъ доброй воли выставлять себя чудакомъ! По мосму, что въ насъ было нѣкогда грѣшно и смѣшно, и чему свидѣтелей ужъ нѣтъ, въ мѣшокъ, да съ камнемъ въ воду! А по мосму нельзя: я хочу сказать суцую правду; былъ молодцу не укора! твердить пословица..... Но оставимъ споръ; пустимъ статью въ свѣтъ, и подслушаемъ мнѣнія публики, лучшаго судьи..... Вотъ статья!

Прошу простить, если въ порядокъ разсказа втрутся новыя обстоятельства, и если съ большой дороги сверну я на проселочную. Это будетъ новымъ доказательствомъ, что удѣлъ безграмотныхъ: охота смертная.... а участь горькая!

Имѣя въ одной рукѣ указку и ухватясь другою за штыкъ, опредѣлился я въ войско, стоявшее на стражѣ по Оренбургской линіи, гдѣ кинжалъ и винтовка, по мнѣнію пограничныхъ дикарей, вмѣщали въ себѣ *честь* и *славу*; гдѣ умъ и способности денно и ноцно истощались въ изысканіяхъ средствъ пролить кровь ближняго; гдѣ душа смертнаго не озарялась лучами Христіанскаго просвѣщенія, Святая Вѣра не имѣла участія въ жизни чловѣка, не производила на нравственность спасительнаго вліянія, и люди отличались отъ звѣрей только наружнымъ видомъ! Тамъ буйная Чудь, движимая мщеніемъ; корыстолюбіемъ и другими столь же низкими страстями, суетилась въ ежедневныхъ вымыслахъ на пагубу другъ друга и упражнялась почти въ ежедневныхъ убійствахъ! Кочующіе Киргизцы, вторгаясь въ предѣлы Россіи, отгоняли у пограничныхъ Казаковъ и Башкирцевъ скотъ, схватывали цѣлыми селеніями беззащитныхъ хлѣбопаш-

цевъ, и убивая старыхъ и малыхъ, обращали въ пастухи способныхъ къ работѣ или продавали въ Бухарию; причеиъ и Казаки съ Башкирцами вели себя на ту же стать. Они, подъ предлогомъ преслѣдованія хищниковъ, отнюдь не заботясь объ отысканіи виновныхъ, ниже объ освобожденіи несчастныхъ страдальцевъ, нападали на мирныхъ, невинныхъ Киргизцевъ, лишали ихъ жизни и имущества, каковыми поступками посъвали повую, пагубную вражду, новые гибельные раздоры, и взаимному ищению не было конца.

Вотъ слабый очеркъ положенія края, благословеннаго Творцемъ, обезображеннаго вкравшимися злоупотребленіями и характеромъ жителей, посреди коихъ поступающимъ на службу юнымъ, неопытнымъ воинамъ надлежало учиться военному ремеслу, впитать первые уроки образованія, познавать святой долгъ брани, и знакомиться съ Божескими и человѣческими законами!

Въ послѣдствіи благотворные лучи прямо-полезнаго, а вмѣстѣ и криво-моднаго воспитанія, не смотря на обширность Россіи, проникли во всѣ отдаленнѣйшіе предѣлы. Нынѣ и на Оренбургской линіи хлопчуть о заморскихъ языкахъ; судятъ, рядятъ и частенько проникають сокровеннѣйшія тайны мудрой заморской политики!... Но въ мое время, въ понятіяхъ коренныхъ обитателей сей страны, порокъ и добродѣтель въ высшей степени отражались только въ томъ убѣжденіи, что лизнуть въ Пятницу сметанки, ужасное, непростительное преступленіе, а зарѣзать сосѣдственнаго Киргизца, мирно и съ радушіемъ угощающаго бишбармакомъ и кумысомъ, менѣе грѣха, нежели спугнуть съвшую на носъ муху. Короче сказать тамъ рука сильнаго слошь душила и слабаго собрата.

Но всему есть конецъ! Насталъ часъ воли Божіей: застоналъ корень зла, затряслось оно въ самой маковкѣ, и святая матка-правда торжественно вступила въ права свои!.... Мощная десница Императора Павла мгновенно опредѣлила преступному злодѣянію достойную по заслугамъ кару, указала каждому свои обязанности, свое мѣсто, и на другой же годъ царствованія сего Монарха, пограничный житель носилъ сѣно свое, какъ будто въ подмосковной. Черезъ густой туманъ дикаго, звѣрскаго невѣжества, на мрачномъ горизонтѣ страдавшаго края, величественно и важно явились законъ, спасительная строгость и благотворное милосердіе, чѣмъ въ совокупности положено твердое основаніе неизбѣмому блаженству, въ которомъ сія призрачная Провидѣніемъ и Монархами страна часъ отъ часу болѣе процвѣтаетъ.

Столь быстрый переходъ безнравственнаго, но весьма притомъ храбраго народа, отъ жизни варварской, буйной, къ жизни Христіанской, мирной, подалъ молодымъ людямъ полезный примѣръ и внушилъ вразумительный урокъ. По крайности на меня обстоятельство сіе произвело сильное впечатлѣніе. Это было то именно время, въ которое съ чувствами сердца сочеталась во мнѣ мысль, что лишиться жизни себѣ подобнаго человѣка, чтобъ присвоить принадлежащую ему лошадь; есть подвигъ, въ общемъ мнѣніи не совсѣмъ хорошій, и что въ Питерѣ, за подобныя продѣлки.... не очень хвалятъ!

Въ это время, какъ на Оренбургской линіи всѣ дѣла часъ отъ часу улучшались, и какъ ретивые изъ дикихъ Ордынцевъ, волею и неволею, оставя обоюдноневыгодную брань, обратились къ торгамъ, и даже къ хлѣбопашеству, а лѣнныя, чтобъ вы-

манить кусокъ хлѣба, подъ окнами у Русскихъ за-
гнѣли соловья, Германія застонала подъ желѣз-
нымъ скипетромъ исполина, и всѣ войска, стоявшія
на Сибирской и Оренбургской линіи, двинулись въ
новомъ устройствѣ къ Прусской границѣ.

Въ 26й егерскій полкъ, (въ составъ коего съ
утлыми понятіями, но въ званіи уже офицера, по-
ступилъ и я) назначень былъ Шефомъ Полковникъ
Эриксонъ. — Пословица: *маль золотникъ, да до-
рогъ*, выдумана кажется собственно для Ивана Ма-
твѣевича! * Ростъ его: два аршина два вершка,
а тутъ и все, что можно было свѣситъ и смѣрить;
но умъ и способности сего благороднѣйшаго и хра-
брѣйшаго полководца были необыкновенны! Онъ
не любилъ говорить много; за то сказанное имъ сло-
во, вторгаясь въ душу, на всю жизнь оставалось па-
мятнымъ. Казалось, что въ особѣ его сочетались
узми брака нѣжная попечительность отца со стро-
гостію справедливѣйшаго командира, а посему всѣ
чины безъ изыятія любили его, какъ любятъ кра-
сное солнце въ зимнее время, и боялись, какъ
боятся грѣшникъ тяжелой смерти!

Неустранимѣ Эриксона нельзя быть въ сраженіи,
но хвалить въ немъ храбрость, значить оскорблять
священную память героя. Достоинство сіе было въ
немъ послѣднее. Барклай-де-Толли, Князь Баграти-
онъ, Раевскій, Каменскій и другіе извѣстные Генера-
лы дорожили дружбою Эриксона и уважали его
какъ воина, обладающаго, при необыкновенныхъ
дарованіяхъ, опытностію, приобретенною въ много-
трудныхъ кампаніяхъ. Я могъ бы назвать людей и
означить время, въ которое совѣты скромнаго Эрик-
сона ихъ прославили. Личность и зависть въ душѣ

* Имъ Эриксона, умершаго въ чинѣ Генералъ-Маіора, 1810 года.

сего славнаго мужа не имѣли мѣста: часто случалось, что трудъ его награждался въ лицѣ другаго. Эриксонъ, восхищаясь полезнымъ дѣломъ, радовался отъ души успѣхамъ счастливца, и..... Боже упаси, кто бы рѣшился указать ему на несправедливость начальника, погрѣшившаго въ донесеніи! Увѣренный въ отличной своей службѣ, онъ не сомнѣвался въ лестномъ къ себѣ расположеніи Правительства, и это составляло благородному его честолюбію достойную награду.

Эриксона украшали семь ранъ, изъ которыхъ заслуживаетъ особенное вниманіе рана, полученная въ послѣднюю кампанію безсмертнаго Суворова противъ Французовъ, въ сраженіи при Нови. Ружейная пуля ударила ему прямо въ знакъ, бывшій на груди, подъ которымъ, по счастью, хранился свернутый платокъ; пробивъ то и другое насквозь, пуля остановилась въ грудной кости, а въ послѣдствіи, когда рана излечилась, рубцы отъ нея образовали собою точь въ точь — Георгіевскій крестъ.

Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, зная отличную службу славнаго Эриксона, Высочайше повелѣлъ, пробитой знакъ носить ему во всякомъ родѣ службы.

Будучи человекомъ вполне добродѣтельнымъ, чистымъ, онъ всегда былъ веселъ, страдалъ при переменѣ погоды отъ тяжкихъ ранъ, но не жаловался, и вздыхалъ рѣдко. Онъ любилъ бесѣды въ женскомъ обществѣ, и съ удовольствіемъ спѣшилъ на балъ, гдѣ смертельныя его боли врачевались въ кругу прелестныхъ. Нынѣ балныя формы вовсе не тѣ, и страдалецъ Эриксонъ не нашелъ бы въ нихъ отрады..... Виновать!..... не вытерплю!.... Сорву съ души, что давно лежитъ на ней, исполню свое желаніе, поговорю съ вами, милыя деревенскія сосѣдки!

Честію увѣряю васъ, благороднѣйшія командирши, что на скучныхъ, изъ-за моря, даже и къ намъ на Жиздру, * перенесшихся балахъ, при всей любезности вашей, иногда дрожь пройметъ, и Русскому сердцу нечѣмъ согрѣться. По нашему, если балъ не подправленъ разудалою мазуркою и плѣнительными Русскими танцами, онъ просто игра въ кулюшки, и — курамъ на смѣхъ!..... Не все то хорошо, что Русское. Нечѣмъ было восхищаться и прежде, слушая добрыхъ, почтенныхъ старушекъ нашихъ, когда онѣ затягивали любимую свою пѣсенку:

Ходи, миленькой, почаще,
 Носи пряничковъ послаще;
 Винограду,
 Хоть для взгляду,
 А изюму —
 Ради уму!

Но вы забыли все свое родное, то, чѣмъ Рускіе бываютъ очарованы, и чему учатся даже многіе иностранцы. Напримѣръ: гряньте хоть на фортепіано: *Во саду ли, въ огородѣ, дѣвица гуляла!* — и скажите, вспомя чась смертный, не прелесть ли это, не совершенство ли?..... Теперь пусть изъ прекрасныхъ обладательницъ счастливою наружностію, подъ эту же пѣсню пройдутъ по Русски! Даю голову на плаху, если во всемъ подлунномъ мірѣ, изъ всего хорошаго, эта плѣнительная продѣлка не будетъ лучшая! Но это не конецъ: вы не знаете всѣхъ выгодъ вашихъ, заключающихъ въ себѣ важную государственную пользу: изъ устъ милой красавицы, хорошая пѣсня, спѣтая, какъ говорится, на чистоту, и Русская пляска, удобны подстрекнуть въ насъ пламенную любовь къ отечеству. Услышавъ одно,

* Рѣка, въ мѣстѣ жительства Сочинителя.

Т. II. — Отд. I.

увидѣвъ другое, до смерти, бывало, грустно, что мы не идемъ въ огонь прямо съ балу.

— Да будетъ извѣстно, что въ первомъ же дѣлѣ, какъ левъ я дерусь за Вѣру, которая божественно пѣла! — Я, товарищи, умру за Надежду, которая мастерски плясала! — А я, друзья, пролью кровь за Любовь, которая отличалась и тѣмъ и другимъ! — толкують, бывало, восхищенные офицеры на другой день послѣ бала, въ походѣ; солдаты превнимательно вслушиваются, и, желая, по естественному ходу вещей, подражать начальникамъ, припоминаютъ милыхъ, — кто Машу, кто Наташу, — въ дополненіе къ священному долгу даютъ новый сердцу объѣтъ, и..... горе супостатамъ!

Вамъ, славныя наши современницы, нынѣ сороколѣтнія красавицы, принадлежитъ лавровый вѣнокъ! Прелести ваши, вмѣстѣ съ прелестными Русскими пѣснями и пляскою, имѣли творческую силу, и творили героевъ. Однимъ словомъ, патріотизмъ и амазонская любовь ваша къ родному, къ Русскому служили отечеству вмѣстѣ съ нами. Но у васъ теперь, сосѣдки, все наизнанку! Говорите вы не по-Русски, танцуете не свое, поете чужое: да и Русскій-то хлѣбъ кушаете не вчасъ, не впору — ну, право, не по-Русски! Посмотришь, — все у васъ идетъ вверхъ ногами, а судьба все-таки виновата!

Нынѣ нѣтъ прямой, чистой любви. Женихи ищутъ невѣсть богатыхъ; сватовство — коммерція; безъ приданаго, бракъ — горе. Съ прискорбіемъ вопіете вы, страшаетъ званія царь-дѣвы. На кого же роптать за карманную чахотку, послѣ огромнаго, родительскимъ невѣжествомъ упроченнаго вамъ состоянія, при зрѣлыхъ расчетахъ вашихъ переплавившагося въ наполеондоры? Неужели вся бѣда падаетъ исклю-

чительно на волшебное искусство чародѣекъ — гувернантокъ и смѣтливыхъ мадамъ на Кузнецкомъ мосту, прославившихся исторически?..... Это, воля ваша, несправедливо! Подъ вліяніемъ этихъ благотѣльницъ, цѣль ваша вполне достигнута. Заразясь заморской ересью, вы взлелѣяли въ себѣ всѣ причины, по которымъ родной край путеводительницамъ вашимъ сдѣлался чуждымъ. Стало, волки сыты: а овцы?..... Но не въ томъ сила: это дѣло почти побочное; вся важность въ любви къ отечеству.

Что науки полезны и пріятны, никто не будетъ спорить; но чтобъ съ успѣхомъ правиться землякамъ, преимущественно надобно бы учиться по-Русски, и не презирать родными обычаями святой старицы. Вѣрьте, что науки, просвѣщающія умъ и сердце, пойдутъ безъ прискорбія нога въ ногу не только съ Русскимъ языкомъ, но съ сарафанами и кокошниками, и съ умиленіемъ будутъ взирать на безмолвныхъ представителей покойныхъ прапрабабушекъ вашихъ!

Перелетите воображеніемъ въ землю Нѣмцевъ, — пожалуй, хоть нашихъ! — и полюбуйтесь: тамъ воспитываютъ на чистоту! Французскій языкъ, о которомъ вы безъ угону хлопчете, которымъ гордитесь, и который нерѣдко покупаете благомъ жизни цѣлаго потомства, знаютъ тамъ многіе, и не хуже васъ, но вы узнаете о томъ не прежде, какъ назовете себя Француженкою или... Русскою. Не менѣе того дворянка научитъ васъ долгу жены, матери, хозяйки, и буквально растолкуетъ обязанности поселанина, хлѣбопашца, а супруга купца расскажетъ вамъ торговые пути по всѣмъ частямъ блага свѣта. Согласитесь, милыя сосѣдки, что это также, въ свою очередь, полезно и пріятно!

*

Да безъ Французскаго языка въ столицахъ нашихъ, и на тротуаръ нельзя показать глазъ! — со словъ полузаморскихъ Франтовъ толкуете, бывало, вы мнѣ, горе — горькому простяку. Не вѣрьте, ради Бога! Французскій языкъ употребляется въ столицахъ болѣе по необходимости. Я живу въ Питерѣ слишкомъ годъ, и, по точнымъ наблюденіямъ, рѣшительно опредѣляю, что Французскимъ языкомъ говорятъ здѣсь Русскіе съ иностранцами, и обратно, иностранцы съ Русскими; но какъ по, числу тѣхъ и другихъ, выходитъ пліе, то языкъ этотъ слышу я не рѣдко. Говорятъ по-Французски и Русскіе съ Русскими; но это именно тѣ, которые, въ борьбѣ спасительнаго просвѣщенія съ моднымъ, попались подъ сюркупъ, по-Русски вовсе не учились, и всѣ свѣдѣнія о родной сторонѣ скомкали въ нуль. Такъ виноваты ли они, сердечные? И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! У меня есть пріятель, который частенько посылкается говорить по-Французски, даже и со мною. Но Богъ его суди! — онъ добрый малой, и я, при каждой встрѣчѣ, страдаю, видя, съ какими корчами, трудомъ и усиліемъ, ловить и связываетъ онъ, бѣдняга, Русскія слова, чтобъ сказать..... хоть нѣсколько побольше, нежели ничего.

Въ заключеніе, скажу наотрѣзъ, что прямой сынъ Россіи, на берегахъ Невы, Дона, Волги и Оки, всюду свой, кровный, и за Русскую въ себѣ натуру, не краснѣеть.

«Да будетъ мнѣ стыдно!» говорили доблестные предки наши, желая произнести въ дѣлѣ правды ужаснѣйшую клятву. Какова клятва! Каковы предки!..... И послѣ этого краснѣть!

Да поразить крапивная лихорадка и куриная слѣпота cadaго, кто не хочетъ знать цѣны див-

ной чистоты и чести столь оригинальныхъ праотцевъ, кто потеряетъ уваженіе къ собственной славъ, лишится способности чтить достоинство народной гордости, вмѣстѣ съжизнію въ грудь нашу, отнихъ снисшедшей на незыблемомъ фундаментѣ основанной и прочно утвержденной.

Пріавъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
Изображеніемъ вселемся въ сердца —

сказалъ нѣкогда Сумароковъ, который зналъ языки, но не хрипѣлъ по-заморски въ угожденіе модѣ, какъ говорится, — ни къ селу, ни къ городу.

Не вѣрьте также, почтенныя сосѣдки, и молодымъ Русскимъ воинамъ, восхищающимся въ васъ Парижскою ловкостію и порицающимъ Русскіе нравы. Они вамъ льстятъ, но мысль у нихъ другая. Посмотрѣли бы вы, какъ эти варвары дерутся за матушку святую Русь! Какъ умираютъ за честь драгоценнѣйшаго, милаго имъ отечества: тогда легко бы угадали, что они васъ, злодѣи, просто надуваютъ! Притомъ, весьма здраво рассуждаютъ, что: стремящемуся къ славъ Русскому герою, не приходится столь возвышенныя, благородныя чувствованія подчинять прелестямъ покорной послушницы чуждыхъ обычаевъ и заморскихъ бредней; но если уже угодно судьбѣ толкуютъ они сочетать молодца съ жалкимъ полу-оригиналомъ, милости просимъ! — ради стараться! — только съ прилагательнымъ, по крайности полу-шкатулки..... Опять таки соединеніе полезнаго съ пріятнымъ, и дѣльно! Bravo, товарищи!..... Ужъ если надобно дражайшую половину перевоспитывать снова, такъ лучше при богатствѣ, сказалъ кто-то изъ ученыхъ, подсластившій горькій опытъ умозрительною Философіею.

А ты самъ какъ женился? — неравно спросятъ сосѣдки. А вотъ какъ, прошу прислушать. Рожденный къ военной службѣ, я ближе видѣлъ себя къ монашескому клобуку, нежели къ злату съ суженой вѣнцу. Всѣ невѣсты для меня были на одно лице, и не болѣе нравились, какъ портретъ на чайномъ ящикѣ любимой камеръ-юнгферы Китайской Богдыханши. Но нашла коса на камень. Дѣвка дѣломъ смѣкнула; проникла въ свинцовую душу, — до ижицы разгадала, — и, какъ пить дала, Русака подкузьмила! Во время бала нарядилась, разбойница, въ сарафанъ; вѣсила въ русу косу алу ленту, шепнула музыкѣ заиграть: *Ужъ я въ три косы косила муравую*, — да какъ хватить, злодѣйка, по нашему! — Мгновенно, съ быстротою молніи, искра любви къ родному зажгла во мнѣ всю внутренность. Кровь закипѣла. Я, было, бѣжать! — Но ужъ было поздно. Отзывъ забыть, крѣпость разрушилась, штыкъ въ дребезги, и бѣдное сердце, вырвавшись изъ груди, замерло, шлепнулось и растянулось у ногъ побѣдительницы! Совѣтую всѣмъ, кто замужъ спѣшитъ: шейте сарафаны! Учитесь по-Русски, и дѣло будетъ.... какъ бы сказать — хоть не въ шляпѣ — а въ вашемъ ридикюлѣ.

Съ родной стороны и кошка была бы здѣсь дорога гостя! Прелестныхъ много, а милыхъ нѣтъ; чужія хороши.... да не по нашему!.... Пестры, остры — но не по сердцу! Вотъ какъ обыкновенно, въ дружеской откровенной бесѣдѣ, на бивуакахъ, Русскіе воины, находясь вдали, подъ чуждымъ небомъ, отзываются о заморскихъ красавицахъ!

Теперь не трудно угадать, что задѣтъ молодецъ за живое, легче всего пламенною любовію къ своему родному, къ Русскому!... Попробуйте, дорогія

еосѣдки : ну, хоть притворитесь; отвѣчаю вамъ за успѣхъ. Берусь быть вашимъ свѣтомъ, вашимъ Кудимычемъ, и торжественную пѣснь: *Отлетала лебедушка отъ стада лебединаго, затыну самъ, первый!*

Виновать! Простите великодушно, благосклоннѣйшіе читатели! — Простыкнулся, утомилъ васъ бреднями, и почти слышу справедливый ропотъ на урода. Да что же дѣлать! Отцы и командиры, научите, куда дѣваться съ сердцемъ. Оно, вѣдь, Русское! Кампаніи на три еще хватило бы мнѣ крови, которая до основанія высушена дивною, непонятною, рабскою покорностью странныхъ монаховъ сосѣдокъ къ вѣтреннымъ, непостояннымъ Парижскимъ затѣямъ, ко всесокрушающему, всепожирающему и всеистребляющему идолу, — модѣ!.....

Съ умиленіемъ вспоминаю отвѣтъ Боярина, Князя Репнина, Царю Іоанну Васильевичу Грозному, хотѣвшему учредить въ Россіи маскарадъ: «Лучше умру, но личины не надѣну!» — * и съ горестью слышу частыя восклицанія сосѣдокъ: «Лучше умру, но и за ворота не выйду неодѣтою по послѣдней изъ Парижа полученной модной картинкѣ!» Какъ согласить такую разительную противоположность? И къ чему послѣдствіе довело бы насъ, грѣшныхъ, если бъ подобныхъ сосѣдокъ развелось побольше?... Здѣсь по неволѣ умъ за разумъ заходитъ. Но обратимся къ предмету.

Въ благодарности, которою одушевлялся Эриксонъ, судя по мнѣнію модныхъ людей настоящаго времени, было что-то сверхъ-естественное. Имѣя при себѣ портретъ Генерала Анрена, бывшаго его начальника,

* См. Лѣтопись Курбскаго.

онъ каждодневно, послѣ утренней молитвы, отвѣшивалъ портрету этому земной поклонъ. — «Неблагодарный человекъ пустая кубышка,» отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ на вопросъ мой, какую услугу оказалъ ему Анрепъ. «Мы должны быть благодарны даже и тому, кто, поражая встрѣчнаго и поперечнаго изъ одного только тщеславія, по милости Божіей не сдѣлаетъ намъ зла. Природа пестра: есть люди, которые при недостаткѣ ума и дарованій, но по расчету гнѣздящихся въ слабой душѣ — сильнаго идола, себялюбія и зависти, ненавидятъ весь человѣческій родъ; а въ незабвенномъ мнѣ Анрепѣ я имѣлъ отца, начальника и друга. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ неблагодарный человекъ — жалкой уродъ, лишенный гнѣвнымъ къ нему Провидѣніемъ самаго богатѣйшаго чувства, и горе тому, кому отказать этотъ благороднѣйшій даръ! Благодарность, по законамъ природы, ощущаютъ и безсловесныя твари.»

Все, что принадлежитъ Царю и Отечеству, было свято Эриксону; но собственная польза далеко была ниже помышленийъ моего героя. Онъ не умѣлъ хвалиться ни избыткомъ, ни жаловаться на недостатокъ.

Во время нахождения полка въ авангардѣ Князя Багратіона, при встрѣтившемся затрудненіи въ продовольствіи нижнихъ чиновъ, когда фунтъ чернаго хлѣба продавался по рублю серебромъ, * сей вѣрный другъ чести и человечества, увидя изъ вѣдомости, что въ казенномъ ящикѣ хранятся собственно ему принадлежащія тридцать двѣ тысячи рублей ассигнаціями, приказалъ каждодневно пріобрѣтать

* Рубль серебра стоить—рубль шестьдесятъ копѣекъ на ассигнаціи.

покупкою по одному съ половиною фунту хлѣба на каждаго солдата, которыхъ состояло на лице до двухъ тысячъ человекъ, и варить общій супъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ; и когда израсходовалась вся сказанная сумма, а недостатокъ въ провiантъ увеличился, онъ велѣлъ продать все свое серебро, всѣхъ излишнихъ лошадей, всѣ даже завѣтныя свои вещи, и — деревянную свою ложку промѣнялъ на серебряную уже въ Мемель, послѣ Тильзитскаго мира.

Легчайшимъ средствомъ не понравиться Эриксо-ну и отдалить его отъ себя на всю жизнь, было — солгать. Будучи врагомъ всякой неправды, онъ весьма искусно испытывалъ подчиненныхъ съ сей стороны, даже и на счетъ незавидной своей наружности.

— У меня славный полкъ и люди молодцы! Я увѣренъ, что они важно подерутся! — сказалъ онъ мнѣ при первомъ свиданiи, прибывъ къ полку на походъ, когда я, находясь въ званiи полковаго Квартермистра, вошелъ къ нему съ квартирнымъ расписанiемъ. — Безъ всякаго сомнѣнiя! отвѣчалъ я. — По Сенькѣ шапка! продолжалъ Эриксонъ. Вы безъ сомнѣнiя и меня находите молодцемъ?..... Что жъ вы молчите? — Не имѣя чести знать васъ коротко, боюсь сказать мое мнѣнiе, молвилъ я, почувствовавъ морозъ по кожѣ. — Когда жъ вы его скажете? — Вѣрнѣе всего, послѣ перваго сраженiя. — Bravo, козель*, подхватилъ Полковникъ. Какъ отрѣзалъ! Это хоть бы не полу-Татарину!.... * За то, съ сей минуты въ полку ты Квартермистръ, а у меня Адъютантъ! —

** Вседашняя его поговорка. Онъ всѣхъ называлъ козлами, и въ веселомъ расположенiи, и въ гнѣвѣ.

* Такъ, въ шуткахъ, именовалъ онъ всѣхъ служившихъ въ Азiатскомъ краѣ.

Но выборъ этотъ въ самомъ началѣ навлекъ ему большую непріятность.

Не въдая вовсе, что такое большой свѣтъ и посвященіе, а, бывъ просто машиною, движущеюся по мановенію власти, я скоро доказалъ на дѣлѣ жестокою ошибку Ивана Матвѣевича.

При прохожденіи полка чрезъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, Гражданскимъ Губернаторомъ былъ тамъ Князь И. М. Долгорукій. Онъ съ давнихъ временъ зналъ Эриксона, и, какъ доброму пріятелю, заблаговременно приготовилъ, во время растага, блестящій балъ. Въ самый же день прибытія Князь пригласилъ его къ себѣ на семейный вечеръ, — разумѣется, съ Адъютантомъ. Съ восхищеніемъ выслушалъ я повелѣніе шефа, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и, среди заботъ, чтобъ не ударить себя лицомъ въ грязь, тотчасъ смѣкнулъ, что при появленіи на такомъ новомъ и лестномъ для меня поприщѣ, необходимо опрыскать себя благовонными духами. Казенный денщикъ, раздѣляя славу господина, опростельно бросился на рынокъ, и, безъ торга, въ первой мелочной лавочкѣ купилъ пузырекъ пресквернаго розоваго масла и банку полу-сгнившей жасминовой помады. Успѣхъ въ столь важномъ, по мнѣнію моему, артикулѣ крайне меня обрадовалъ. — Теперь уже не до экономіи! сказалъ я денщику: одинъ вечеръ не разорить насъ; лей розовое масло во всѣ карманы, и щедрою рукою мажь меня помадою, съ ногъ до головы! — Что сказано, то сдѣлано. Туалетныя заботы заключились преузорочными похвалами велсумнаго слуги, и я прибѣжалъ къ шефу въ самое то время, какъ онъ садился уже въ экипажъ, слѣдственно и не могъ замѣтить проказъ, подготовленныхъ мною къ горю его.

Войдя въ гостиную, увидѣлъ я нѣсколькихъ дамъ и съ полдюжины рѣзвенькихъ, пригоженькихъ барышень, въ числѣ которыхъ, по странному стеченію обстоятельствъ, независящихъ отъ воли смертнаго, была и та, которая ровно чрезъ двѣнадцать лѣтъ, по силѣ вышерѣченной сарафанной экспедиціи, учинилась спутницею моею жизни, то есть, просто женою. Сердце мое росло, и, какъ-будто предчувствуя будущность, вырывалось изъ груди. Я былъ счастливъ, но увы! — не надолго.

Проклятое розовое масло и жасминная помада, постепенно разогрѣваясь буйно кипящею во мнѣ кровью, заразили въ комнатѣ воздухъ. Дамы почувствовали дурноту; Француженка, мамзель, упала въ обморокъ; у милыхъ малютокъ разболѣлись головки; всѣ какъ серны разбѣжались, и я остался одинъ. Хорошъ молодецъ!..... Но чтобъ поправить прежнія и отвратить новыя бѣды, мнѣ представилось лучшимъ, дать стречка, — что, подѣ предлогомъ казенной надобности, и учинилъ я съ желаемымъ успѣхомъ.

— Прежде намъ съ тобою нужно выучиться, какъ между людьми жить въ свѣтѣ; но до того, извини братъ, товарищъ, я не только не поѣду съ тобою въ порядочной домъ на балъ, но и на поспѣлки! сказалъ мнѣ Эриксонъ, при встрѣчѣ на другой день утромъ, — и съ сей же минуты началось мое воспитаніе.

Миръ священному для меня праху твоему, благороднѣйшій другъ, отецъ и командиръ! Въ Русскомъ Царствѣ не писанъ твой портретъ, слѣдственно и я его не имѣю; но вписано благодѣтельное имя твое между покойными моими родителями, и въ подножій образа Спасителя, сопутствующаго мнѣ всюду,

врезано драгоценное наследіе, — гербовая печать твоя. Нѣтъ дня въ жизни моей, чтобы ты не встрѣтился со мною въ памяти и не откликнулся во вновь созданномъ, и, по возможности, обработанномъ тобою сердцѣ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

=

Былъ удалецъ и отважный наездникъ Роллонъ;
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Бѣжалъ, и видѣть, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было такъ темно, такъ темно, хотъ выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну; — и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видѣть, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путѣмъ;
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
Этой перчаткой другою завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

Треплетъ и гладитъ перчатку другою онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой.
— Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смыло на гостя ночнаго ударилъ Роллонъ ;
 Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
 «Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
 «Объсуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить.»

Молвилъ нечистый; а Рыцарь сказалъ ему: «на!
 «Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
 «Вотъ тебѣ объ перчатки; отдай черезъ годъ.»
 — Слышу! прости до свиданья! — отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
 Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
 Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту;
 Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется, ближе и ближе, и вотъ
 Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведётъ
 Сзади слуга въ поводахъ воронаго коня;
 Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги Паладинъ:
 Кто воронаго коня твоего господинъ?
 — «Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
 «Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

«Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ ;
 «Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ.»
 Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
 «Горе мнѣ!» въ страхъ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
 Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
 Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй.
 Только молись о душѣ осужденной моей.»

Въ ближній пришедь монастырь, онъ Пріору сказалъ:
 «Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
 Ангельскій чинъ я еще не достоинъ носить;
 Службой простымъ я желаю въ обители быть.»

— Вижу, ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
 Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конѣмъ. —
 Служить Роллонъ на конюшнѣ, а время идѣтъ;
 Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
 Вдругъ привели въ монастырь молодого коня:
 Статень, красивъ, но еще не обвѣженъ былъ онъ.
 Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнувъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
 Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
 Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
 Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ и его не нашли.
 Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
 Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
 Чернаго, злаго коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
 Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
 Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
 Слѣдъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

В. ЖУКОВСКІЙ.

Верте, на берегу Женевского озера,
 5 Декабря 1832.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

ЛИТОВСКАЯ БАЛЛАДА.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестуть Воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранить васъ Литовскіе боги!)
Нынче самъ я не вду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всемъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новъградъ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоценныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта. —
Янтаря — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Лаха пусть ударить безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтъ Царицы краше Польской дѣвицы.

Весела — что котенокъ у печки —

И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;

Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съвздумалъ я тоже

И оттуда привезъ себѣ жѣнку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю

Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.

Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,

Дни за днями проводить, ни одинъ не приходитъ.

Будрысь думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,

И подъ буркою ноша большая.

«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»

— «Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.»

Снѣгъ пушистый валится; всадникъ съ ношею мчится,

Черной буркой ее покрывая.

«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»

— «Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.»

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится;

Черной буркой ее прикрываетъ.

Старый Будрысь хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,

А гостей на три свадьбы сзываетъ.

А. ПУШКИНЪ.

ВОЕВОДА.

=

ПОЛЬСКАЯ БАЛЛАДА.

=

Поздно ночью из похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велить молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ..... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ.....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я, васъ, хамы!..... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!..... я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фойгана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говорить онъ: «Все пропало,
 Чѣмъ лишь только я, бывало,
 Наслаждаясь, что любилъ:
 Бѣлой груди воздыханье,
 Нѣжной ручки пожиманье,
 Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
 Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
 Отъ меня ты отперлась.
 Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
 Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
 И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракъ ночи
 Милой панны видѣть очн,
 Руку нѣжную пожать;
 Пожелать для новоселья
 Много лѣтъ ей и веселья,
 И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
 Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
 А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
 Ружья на земь опустили,
 По патрону откусили,
 Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
 «Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
 Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
 «Вѣтеръ, что ли, плачутъ очн,
 Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
 Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тише ты, гайдучье племя!
 Будешь плакать, дай мнѣ время!

Сыпь на полку.... Наводи....
 Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ.... выше.
 Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
 Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
 Хлопецъ пана не дождался;
 Воевода закричалъ,
 Воевода пошатнулся.....
 Хлопецъ видно промахнулся:
 Прямо въ лобъ ему попалъ.

А. ПУШКИНЪ.

С. А. Ж.

ПРИ ВЫХОДѢ ЕЯ ИЗЪ ПАНСИОНА.

Путь новой жизни предъ тобою;
 Тернисть и трудень этотъ путь;
 Все можетъ встрѣтиться съ тобою;
 Но ты хранима небомъ будь!
 Да окружать тебя, Софія,
 Да идутъ за тобою вновь
 Твои сопутницы младыя:
 Надежда, Вѣра и Любовь,
 Союзъ прекрасный и священный!
 Когда ему не измѣнишь,
 То, вѣрь, стопой непереткнувенной
 Ты жизни поприще свершишь.

В. ПАНКОВЪ.

Н О Ч Ь.

=

Э Л Е Г И Я.

=

Корабль нашъ разсѣкалъ стекло морскихъ равнинъ,
И сѣялъ искрами бездонный мракъ пучинъ;
Ужъ мѣсяцъ пламенѣлъ, вздымался нарѣ душистой,
И снопь серебряной дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волць; и звѣздъ лелѣяла краса,
И волны, и эфиръ, и мракъ и небеса.
На палубѣ сидѣлъ, накинувъ плащъ широкий,
Влюбленный юноша, красивый, черноокій;
Онъ думой тайною въ родимый край леталъ,
Гдѣ бракъ съ прекрасною счастливица ожидалъ;
Гитары трепетной со звонкими струнами
Сливадъ онъ пѣснь любви надъ тихими волнами;
Онъ пѣлъ, воспламененъ двичьей красотой,
И встрѣчу первую съ невестой молодой,
И взгляды робкіе, и лепетъ торопливый,
И буйный пламень свой, и жаръ ея стыдливый,
И грудь лилейную, и шелкъ ея кудрей,
И алыя уста, и томный блескъ очей;
Онъ пѣлъ, — а сердце въ немъ отъ нѣги замирадо,
Одной невестою, одною ей дышало, —
И мнилось, для нея, для ихъ святой любви,
Часы полночные такъ сладостно текли;
Для нихъ вокругъ корабля вздымался нарѣ душистой,
И снопь серебряной дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волнь; и звѣздъ лелѣяла краса
И волны, и эфиръ, и мракъ и небеса.

Н. КОЗЛОВЪ.

ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ.

I.

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слёзъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.

Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни,
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчить;
Надгробный факель мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать земля! съ сей данью горкихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

II.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любить мой полуистлѣвшій пенъ!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завяль, но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ оставшись на земли.

В. БАТЮШКОВЪ.

ЦЫГАНКА.

=

Ко мнѣ, Вакхантка молодая,
Краса кочующихъ цыганъ!
Быть можетъ, пѣсня удалая
Разгонитъ горести туманъ,
Быть можетъ.....

Вотъ, вскочила, полетѣла,
Цѣспю громкую запѣла;
Вотъ, пустилася плясать,
Члены всѣ ея дрожать,
Ясно чувствамъ говорить.

Смѣлые взгляды
Черныхъ очей,
Кольцы густыя
Темныхъ кудрей,
Страстные вздохи
Юныхъ грудей,
Свѣжій румянецъ
Смутлыхъ ланить,
Все къ наслажденью,
Къ нѣгѣ манить.

Взоръ за ней не успѣваетъ,
Быстро такъ она летитъ;
Вдругъ совсѣмъ изнемогаетъ,
Чуть жива — едва стоитъ.
То въ неистовомъ волненьѣ
Снова вихремъ понеслась,
И въ какомъ-то изступленьѣ
Звонкой трелью залилась.

Цыганка.

Грусть, печали прочь гоните,
 Жизнь на радость намъ дана;
 Пойте, пейте и любите,
 Въ жизни разъ цвѣтеть весна.

Овщій хоръ.

Пойте, пейте и любите,
 Жизнь для радостей дана.

Цыганка.

Намъ одинъ законъ, — природа;
 Намъ всего милѣй — свобода,
 Ей одною дорожимъ.
 Если любимъ,
 Прямо скажемъ;
 Если любимъ,
 То докажемъ,
 Но себя не продадимъ.

Овщій хоръ.

Такъ! себя не продадимъ.

Цыганка.

Гей! — печали прочь гоните,
 Жизнь на радость намъ дана;
 Пойте, пейте и любите,
 Въ жизни разъ цвѣтеть весна.

Овщій хоръ.

Пойте, пейте и любите,
 Жизнь для радостей дана.

Замолчала въ утомленьѣ,
 Щеки пламенемъ горять,
 Сердце бьется — всѣ движенья
 Ясно чувствамъ говорить.
 Грудь вздымается волнами,
 Вся желаніемъ кипить,
 И волшебными красами
 Упоеніе сулить.

Сладострастія слезою
 Отуманенъ свѣтлый взоръ,
 И уста полуоткрыты
 Манять жаркой поцѣлуй.

Пой, Вакхантка молодая,
 Прой, степей свободныхъ дочь!
 Пѣсня вольная, живая,
 Грусть отъ сердца гонить прочь.

Пой! живая наслажденья,
 На минуту все забудь,
 И въ восторгахъ упоенья
 Упадѣ ко мнѣ на грудь!

В. ВАКУНИНЪ.

У Л А Н Ы.

Крутя передъ стаканомъ
 Свой усь, какъ лунь съдой,
 Уланъ сказалъ уланамъ:
 «Съ разсвѣтомъ, братцы, бой!

«За Вислой зрѣть жатва
 «Для сабель и мечей!
 «Туда, друзья!..... вотъ клятва
 «Героевъ — усачей!

«Туда, бойцы лихіе!
 «И слава вторить намъ:
 «Да здравствуетъ Россія,
 «И смерть ея врагамъ!

«Вы возмужали въ дракъ,
 «Вамъ свыченъ гуль ядра,
 «Вашъ отзывъ при атакъ:
 «Георгій и Ура!

«Но вѣкъ нося кольчуги,
 «Глотая пыль и кровь,
 «Вы не забыли, други,
 «Ни женщинъ, ни любовь!

«И такъ наполнимъ стѣлянки
 «И выпьемъ заодно:
 «Здоровье маркитанки,
 «Прекрасной какъ вино!

Вдругъ выстрѣлъ съ аванпоста!
 Сядь! мундштучь! садись!
 Готовы!..... (не до тоста)
 И въ поле понеслись.

ВЕРЕВКИНЪ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ

ВЪ ВАЛЕНШТЕЙНОВОМЪ ЛАГЕРѢ.

Изъ Шиллера.

=

Ну, братцы! вставай, на коней, на коней!
И въ поле, къ свободѣ, скорѣе!
Тамъ удалъ и храбрость безстрашныхъ видны
И сердце тамъ бьется живѣе!
На мѣсто твое тамъ не станеть другой,
И всякъ отвѣчай тамъ своей головой!

Приволья на свѣтъ не стало давно,
Тщету и позоръ лишь встрѣчаютъ;
А смертными хитрость и ложь заодно
Всегда и вездѣ управляютъ.
Солдатъ отъ того и свободенъ душой,
Что съ смертью онъ свыкъся въ грозѣ боевой.

Забылъ онъ печали, забылъ суеты,
Чего жъ ему больъ страшиться?
И бодро летитъ онъ на встрѣчу судьбы,
Сегодня или завтра онъ съ жизнью простится.
Пусть завтра! такъ нынѣшнимъ пользуюсь днемъ,
Мы, други, въ раздолѣ хотъ мигъ проживемъ.

Веселая доля съ небесъ упадеть,
Солдату трудиться не стоитъ!
Работникъ мечтаетъ, что кладъ онъ найдетъ
И землю все роетъ и роетъ;
Какой же конецъ его вѣчнымъ трудамъ?
Себѣ же могилу онъ выроетъ самъ.

И всадникъ съ своимъ окриленнымъ конемъ
 На праздникъ незваный являлся;
 Все въ замкъ, на свадьбѣ, блистало огнемъ,
 Но грозныхъ гостей всякъ боялся!
 Онъ златомъ, тоскою, любви не искалъ,
 Утѣхи жъ ея на полетѣ хваталъ.

Что дѣвица плачетъ?... грустить отъ чего?
 Въ путь должно ему непременно,
 Угла постоянного нѣтъ у него,
 Что жъ ждешь ты любви неизменной?
 А рокъ его мощный такъ быстро влечетъ,
 Что мѣста на отдыхъ нигдѣ не найдетъ!

Скорый же, дружина! на борзыхъ коней,
 Чтобъ битва намъ грудь освѣжила;
 Въ насъ юность кипитъ, насладимся мы ей,
 Пока въ насъ душа не застыла.
 Но жизнью играя въ кровавомъ пиру,
 Вы жизни безумно не ставьте въ игру.

АВДОТЯ ГЛИНКА.

ПАДГРОБИЕ Н. И. ГИЪДИЧУ.

Прохожій! Гиѣдичъ здѣсь, наперсникъ Музъ и славы;
 Безъ спора гдѣ рожденъ сынъ громкія Полтавы,
 Въ семь мѣрв суеты хотя не долго жилъ, —
 Омира древняго онъ Россамъ подарилъ.

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

ПИКОВАЯ ДАМА.

=
ПОВѢСТЬ.
=

Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая задательная книга.

I.

А въ несчастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Богъ ихъ прости! —
Отъ 50
На 100,
И выигрывали,
И отписывали
Дьяломъ.
Такъ, въ несчастные дни,
Занимались они
Дьяломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; съѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые оставались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандомемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на руте?... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодаго инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного

пароли, а до пяти часовъ сидить съ нами, и смотреть на нашу игру!

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ: но я не въ состояннн жертвовать, необходимыи въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ Нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, Графиня Анна Федотовна.

— Какъ? что? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какии образои бабушка моя не понтируетъ!

— Да что жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ, что осьмидесятилѣтная старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте! Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ, и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть *la Vénus moscovite*; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при Дворѣ она проиграла на слово Герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости. На

другой день она велѣла позвать мужа, надвѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу розь, и что есть разница между Принцемъ и каретникомъ. — Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать. Съ нею былъ коротко знакомъ человекъ очень замѣчательный. Вы слышали о Графѣ Сень-Жерменѣ, о которомъ рассказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ, впрочемъ Сень-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность, и былъ въ обществѣ человекъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти, и сердится если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сень-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку, и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ, и засталъ въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа, и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность. Сень-Жерменъ задумался. — «Я могу вамъ услужить этой суммою,» сказалъ онъ, «но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.» — «Но, любезный Графъ,» отвѣчала бабушка, «я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.» — «Деньги тутъ не нужны,» возразилъ Сень-Жерменъ: «извольте меня

выслушать.» Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякой изъ насъ дорого бы даль.....

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся, и продолжалъ.

Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію, и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнь.

— Можетъ статья, порошковые карты? подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты досихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?

Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ трое отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ рассказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честию. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищету, прометавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ — помнится Зоричу, — около трехъ сотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они съи

играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ, и выигралъ соника; загнулъ паролъ, паролъ-пе, — отыгрался, и остался еще въ выигрышѣ....

Однако пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало: молодые люди допили свои рюмки, и развѣхались.

==

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій Разговоръ.

Старая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ, и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пальцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'-papa, сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'-papa, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

— Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья Петровна?...

Кстати: я чай она ужъ очень постарѣла, Княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой Графини тайли смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Графиня услышала вѣсть, для нея новуя, съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины, и когда мы представились, то Государыня.....

И Графиня въ сотый разъ рассказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И Графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный, или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась, и не отвѣчала ни слова.

— Paul! закричала Графиня изъ-за ширмовъ: пришли мнѣ какойнибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.

— Какъ это, grand'-taman?

— То есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

— А развѣ есть Русскіе романы?... Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'-tata: я сгѣшу.... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла Графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поведемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли! закричала Графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подалъ Графинѣ книги отъ Князя Павла Александровича:

— Хорошо! Благодарить, сказала Графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Усидишь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ....

Барышня взяла книгу, и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала Графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе, ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня звнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздорь! отошли это Князю Павлу, и вели благодарить.... Да что-жь карета?...

Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Чтожъ ты не одѣта? сказала Графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несосно.

Лиза-побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, Графиня начала звонить изъ всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ Графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капоть и въ шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала Графиня. Что за наряды! За чѣмъ это?... кого прельщать?... А какова погода? — кажется, вѣтеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

И вотъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говорить Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и потружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго

свѣтъ; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили прѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лице. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посыдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы, и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала Княгиню въ ея прогулкахъ, и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тѣмъ требовали отъ нее, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть, какъ очень немногія. Въ свѣтъ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцевала только тогда, какъ не доставало *vis-à-vis*, и дамы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ имъ нужно было итти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе, и глядѣла кругомъ себя, — съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды, — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подѣ окошкѣмъ за пальцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодаго инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять, — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу, и шла около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пальцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла....

Дня черезъ два, выходя съ Княгиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самага подъѣзда, закрывъ лице бобровымъ воротничкомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку, — офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человекъ, въ извѣстный часъ, не являлся подѣ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились безусловенныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе, — подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человекъ, казалось, былъ за

то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія представить Княгиню своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ, не инженеръ а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе, но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо рассчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее*, — а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. — Что, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: что, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою тайну! — или назначить мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастья?... Представиться ей, подбиться въ ея милость, — пожалуй, сдѣлаться ея лю-

бовникомъ, — но на все это требуется время — а ей 87 лѣтъ, — она можетъ умереть черезъ недѣлю, — черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему вѣрить?... Нѣтъ! расчетъ, умеренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроить, усмерить мой капиталъ, и доставить мнѣ покой и независимость! — Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрѣзились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился, и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или

надъ работой. Головка приподнялась: Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

=

III.

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капоть и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самага колеса увидѣла своего инженера; онѣ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, и молодой человекъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукъ. Она спрятала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? — какъ зовутъ этотъ мостъ? — что тамъ написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя! Столбнякъ на тебя нашель, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь?...! Слава Богу, я не картавлю, и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочтала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо беспокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? — отослать ли ему письмо? — отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посоветоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за писменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо, — и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманномъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе.»

На другой день, увидя идущаго Германа, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодаго офицера. Германъ подбѣжалъ, поднялъ его, и вошелъ въ кандидатерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизавета Ивановна молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее

съ безпокойствомъ, предвидя денежные требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитатъ!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ-быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ!

— И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно.....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Онъ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки частъ отъ часу становились длиннѣе и пѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— «Сегодня балъ у ***скаго Посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдетъ, ея люди вѣроятно разойдутся, въ свѣняхъ останется швейцарь, но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ

двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то выспросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ, — и дѣлать нечего. Вы должны будете воротиться. Но вѣроятно вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на-лѣво, идите все прямо до Графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда Графиня никогда не входитъ; слева въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату.»

Германнъ тренеталь, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домою Графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Вамька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сторбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вослѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатила по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома: онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы, — было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальные минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенный сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, замачканныхъ креслахъ. Лег-

книжъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметрии около стѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ М^с Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полного, въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ и со звездою; другой, молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всемъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовыя часы работы славнаго Lecoq, коробочки, рулетки; вѣра и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтя вмѣстѣ съ Монгольскими шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы.... Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всемъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать, — и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровнѣе, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра, — и онъ услышалъ дальнѣйшій стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домъ засуетились. Люди побѣжали, раз-

дались голоса и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и Графиня, чуть живая, вошла, и опустилась въ Вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нее чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея съдой и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ тайнствъ ея туалета: наконецъ, Графиня осталась въ спальнѣй кофѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старыя люди вообще, Графиня страдала бессонницею. Раздѣвшись, она съѣла у окна въ Вольтеровы кресла, и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствию скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось вѣнзъясно. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намеренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его

не слышала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастье моея жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду.....

Германнъ остановился. Графиня казалось, поняла, чего отъ нее требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ, это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыгаться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души, но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищету, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!.....

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чув-

ствами супруги, любовницы, матери, — всѣмъ, что ни есть святаго въ жизни, — не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! — откройте мнѣ вашу тайну! — что вамъ въ ней?..... Можетъ-быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ; съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ..... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужъ недолго, — я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастье человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню.....

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать.....

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во второй разъ оказалась сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла..... Потомъ покатила навзничь.. и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? — да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

=

IV.

7 Mai 18**.

Homme sans mœurs et sans religion!

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила

отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, — сказала, что раздвнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна, и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она съѣла, не раздваяясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодого челоуѣка, — и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, — и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала..... до самаго сего вечера. Странное дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полинну^{***}, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желала отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: челоуѣка очень замѣчательнаго!

— Кто жъ этотъ замѣчательный челоуѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Елизавета Ивановна не отвѣчала ничего; но ея руки и ноги поледенѣли.....

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице

истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!.....

— У меня голова болитъ..... Что же говорилъ вамъ Германнъ, — или какъ бишь его?.....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріателемъ: онъ говоритъ, что на его мѣсть онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе..... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленные восклицанія своего пріателя.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ-быть, — на гулянь!..... Богъ его знаетъ! можетъ-быть въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станеть.....

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами — *oublі ou regret?* — прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая Графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это, уже пошрое лице, пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную

цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала.....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

— Въ спальнѣ у старой Графини, отвѣчалъ Германнъ: я сей часъ отъ нее. Графиня умерла.

— Боже мой!..... что вы говорите?.....

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого челоуька по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нее, и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эти страстные письма, эти пламенные требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, все это было не любовь! Деньги, — вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!..... Горько заплакала она, въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

— Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолеть мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея ком-

нату. Она отерла заплаканныя глаза, и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ отъ меня выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ, но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову, и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, оцупалъ за обоями дверь, и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ, а сердце престарѣлой его любовницы сего дня перестало биться....

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

=

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ-В***. Она была вся въ бѣломъ, и сказала мнѣ: «Здравствуйте, господинъ Советникъ!»

Шведенборгъ.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей Графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной Вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, — и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощенія.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечъ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ, — дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы — une affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Славный Проповѣдникъ произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное усненіе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангель смерти обрѣлъ ее, сказалъ

ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго.» Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли, — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился..... Въ эту минуту показалось ему что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился, и навзничъ грянулся объ землю. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокъ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh!

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой,

онъ бросился, не раздвываясь, на кровать, и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко, — и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то ни какого вниманія. Черезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее въ темную пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ, — и Германнъ узналъ Графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ вѣрно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, — но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобы во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобы ты женился на моей воспитаницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ.....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ, и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было до-

биться ни какого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германіи возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку, и записалъ свое видѣніе.

=

VI.

— *Атанде!*

— Какъ вы смѣли мнѣ сказать *атанде*?

— Ваше Превосходительство, я сказахъ *атанде-съ!*

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ — скоро заслонили въ воображеніи Германина образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ — не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: — Какъ она стройна!..... Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ: онъ отвѣчалъ: — безъ пяти минутъ семерка. — Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ — преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну, — воспользоваться тайной, которая дорога ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подѣ председательствомъ славнаго Чекалинска-

го, проведшаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поварь, ласковость и веселость приобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Всѣ были полны пароду. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснилось человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова, покрыта серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лице изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться, и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокладки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголь, загибаемый разсвѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-

же понтировавшего. Чекалинскій улыбнулся и поклонился, молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста, и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, написавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометь: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. — Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что жъ? возразилъ Германнъ: бѣете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я конечно увѣренъ, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ, и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. На право легла девятка, на лѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопоть. Чекалинскій нахмурился, но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

— Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, и тотчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ вышилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тали, поставилъ карту, положивъ на нее свои 47,000 и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валеть выпалъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ 94,000, и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ, и въ ту же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали. Генералы и Тайные Советники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ дивановъ; всѣ официанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося, Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ

снялъ, и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налѣво тузь.

— Тузь выигралъ! сказалъ Германнъ, и открывъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его.....

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасъ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. — Славно спонтировалъ! говорили игроки. — Чекалинскій снова стасовалъ карты: игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 номерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы, и бормочетъ необыкновенно скоро: — Тройка, семерка, тузь! Тройка, семерка, дама!.....

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ Ротмистры и женился на Княжнѣ Полинѣ.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

НОЧНОЕ МЕЧТАНІЕ.

— Кто тамъ?

— Я-съ!.... Петръ!

— Чего хочешь?

— Тотъ высокій, блѣдный господинъ, въ очкахъ, который объдалъ у насъ въ понедѣльникъ, — какъ бишь его фамилія? — пріѣзжалъ сюда вчера, поздно, безъ васъ, и оставилъ какія-то бумаги.

— Покажи. Отдавая, онъ ничего не сказалъ тебѣ?

— Ничего-съ! Онъ только сказалъ: отдай эту статью барину, и попроси, чтобъ онъ прочелъ.

— Хорошо, ступай! Посмотримъ, что это такое..... «Любовь и смерть, *ночное мечтаніе*:» слава Богу, что не Повесть! Надо прочитать ночное мечтаніе. Ночью люди иногда мечтаютъ умнѣе, нежели днемъ.

Знаете ли вы сладость, или, говоря языкомъ вѣка, поэзію одинокаго, но совершенно одинокаго, сидѣнія въ третьемъ часу ночи, въ огромной и пустой залѣ передъ каминомъ, когда двѣ стоявшія подле васъ на подвижномъ столикѣ свѣчи уже испарились въ тюлиповое пламя, и самое пламя медленно умерло въ прозрачномъ жерлѣ стекла, оберегающаго металлъ подсвѣчника? Когда ваша любимая книга, товарищъ вашихъ думъ и источникъ наслажденій, упала изъ вашихъ рукъ, и какое-то странное оцѣпе-

нѣніе всѣхъ членовъ, въ которое повергаетъ чловѣка мысль, сильно овладѣвшая его мозгомъ, какъ бы приковываетъ васъ къ кресламъ, и запрещаетъ поднять ее съ земли подъ карою мгновеннаго устройства всего блага? Когда догорающая глыба каменнаго угля, еще вся насыщенная огнистою матеріею, но уже потерявшая игру пламени, мертво лежитъ на черныхъ ребрахъ огнива, и вокругъ васъ разливаетъ тусклый красный свѣтъ, отражающійся кровавыми полосами на мебели, картинахъ и картинахъ, оставляя по угламъ комнаты грозныя колонны мрака, храмины таинственности, и образуя въ ближайшей части воздуха страшный растворъ огня и ночи, — какой-то румяно-бурый отливъ яву, — отливъ скорѣе черный нежели румяный, — одинъ изъ тѣхъ зловѣщихъ свѣтовъ, какими, я представляю себѣ, должны освѣщаться пещеры ада?..... О, если вы никогда не испытывали на себѣ дѣйствія подобной поэзіи, то приходите ко мнѣ въ эту минуту, и присядьте здѣсь со мною!.... Нѣтъ, лучше не приходите! Оставьте меня здѣсь одного; не мѣшайте моему упоенію: я теперь счастливъ. Не похищайте у меня моего счастья, моего бѣднаго счастья: оно такъ рѣдко меня навѣщаетъ!.... Оно заглядываетъ ко мнѣ только ночью, и то украдкою, на минутку, когда вы спите, когда исполнило оно свою службу при вашихъ особахъ, уложило васъ въ постели, и болѣе нечего ему дѣлать въ вашей передней; навѣщаетъ только изъ состраданія, какъ навѣщаютъ больнаго, чтобъ узнать, скоро ли кончатся его мученія. Оставьте его теперь со мною: съ райскою улыбкою, съ улыбкою самаго счастья, оно бросило въ душу мою утѣшительную мечту..... Если бъ вы теперь исторгли эту мечту изъ моей груди, вмѣстѣ съ нею исторгли бъ и жизнь мою!.....

Я не тронусь съ этихъ кресель, не пошевельюсь, пробуду здѣсь неподвижно, пока эта мечта, драгоценный даръ навѣстившаго меня счастья, сама собою не потухнетъ въ моей головѣ, подобно послѣдней искрѣ огня въ каминѣ, передающей терпкому минеральному холоду то мѣсто, которое согревала она эфирнымъ веществомъ своимъ. Долго, долго пробуду здѣсь въ роскошныхъ объятіяхъ моей очаровательной мечты, страстно прижавъ ее къ сердцу, объявъ ее всею душою; и приклоню мое чело къ бѣлой и пахучей ея груди, и вопьюсь въ эту сладкую грудь устами, и не отторгну ихъ до самой смерти или до новаго страданія. Пребуду такъ на ея груди камнемъ, — мыслящимъ камнемъ, потому, что въ эту минуту душа моя слилась въ одну массу съ тѣломъ; я даже не чувствую тѣла; его нѣтъ на мнѣ!.... Я свободенъ отъ тѣла: тѣмъ лучше! — оно всегда мѣшало мнѣ въ счастіи. Я весь превратился въ мысль. Я духъ!..... или все мое тѣло мысль!

И гдѣ я?... Я здѣсь! я на Землѣ! на томъ же мѣстѣ, гдѣ недавно чувствовалъ и страдалъ, гдѣ черезъ часъ опять буду чувствовать и страдать. Этотъ слабый огонекъ, повисшій въ туманномъ воздухѣ, какъ звезда въ промежуткѣ разорванной бурей тучи — блѣдный, дрожащій, осѣненный короткими лучами, съ трудомъ пробирающійся сквозь стекло моихъ оконъ, — это свѣтъ фонаря, освѣщающаго ту сторону улицы. Его оставили тамъ люди. И такъ, я не только на Землѣ, но даже въ ихъ обществѣ!..... Гдѣ же они!..... Сонъ, періодическая смерть всего одушевленнаго, положилъ ихъ въ кратковременную могилу, спряталъ ихъ на нѣсколько часовъ отъ нихъ самихъ, изъ опасенія, чтобъ ихъ не растерзали доавтра собственныя ихъ страсти: завтра онъ опять возвратитъ имъ жизнь и страсти, и позволить

играть въ нихъ весь день; завтра они опять будут сожалѣть о вчерашнемъ, и надѣяться на завтрашнее!....

Зенеида, Зенеида! Зачѣмъ не можешь и ты возвратиться къ жизни вмѣстѣ съ ними, когда лучи солнца поутру вскипятятъ въ этой атмосферѣ все видимое и невидимое движущееся бытіе!... Ты уже не проснешься, несчастная!.... Вѣчный сонъ закрылъ для меня навсегда твои большіе, голубые глаза! Горсть сырой земли лежитъ на твоихъ бѣлыхъ, атласныхъ вѣкахъ, тогда, какъ я еще попираю эту Землю и нищу твоей тѣни печальнымъ взоромъ въ этихъ массахъ мрака, скитающихся по угламъ пустаго моего жилища. Зенеида, я знаю, что ты здѣсь!.... Явись!.... Я тебя вижу!....

Ты исчезаешь!.....

Нѣтъ, тебя здѣсь не было!.... Ты теперь на небѣ я вижу тебя между Ангелами, вижу, какъ ты прелестно тамъ движешь твоими крыльями изъ бриллиантовыхъ разноцвѣтныхъ лучей!.... Вотъ теперь ты превратилась въ звезду!.... Ты опять исчезла!... О! какъ далеко до тебя!.... Увы, я на Землѣ!....

Да, я здѣсь, на Землѣ!.... Я ощущаю присутствіе времени, то есть, живу, — потому, что время не что иное какъ жизнь. Смотрю на движеніе маятника въ часахъ, стоящихъ на моемъ каминѣ, и вижу какъ измѣряетъ онъ мою жизнь. О, какъ быстро она летитъ!.... Лети, лети, жизнь моя! лети въ свою сторону: я тебя не удерживаю, — ты не можешь ужь возвратиться ко мнѣ, не принесешь мнѣ изъ твоего воздушнаго путешествія, какъ голубица Ноева зеленой ветки надежды!.... Я вижу быстрое теченіе моей жизни, вижу въ глаза жизнь и время... Время и жизнь одно и то же: въ этомъ никто меня не разувѣритъ. Терять время, значитъ — терять жизнь, терять жизнь, значитъ — терять время. Когда умру

я лишусь только чувства времени, и часы не будут нужны. Смерть есть то состояніе, въ которомъ не можетъ быть часоваго мастера.....

Уже молотокъ трижды ударилъ по звонку: пробило три часа моей жизни!.... Серебряный звукъ троекратнаго удара распрыснулся по красному воздуху, пронесся мимо меня съ эхомъ, и исчезъ въ отдаленныхъ столбахъ мрака. Я слышалъ, — нѣтъ! я видѣлъ этотъ звукъ собственными глазами. Я его видѣлъ, какъ нельзя лучше. При каждомъ прикосновеніи молотка къ пустому металлу, отъ точки прикосновенія разбѣгались во всѣ стороны по этой легкой и упругой жидкости, по этому красному воздуху, безчисленные дрожащія круги, бѣлые, тонкіе обручи летучихъ волнъ, погоняющіе другъ друга и расширяющіеся по мѣрѣ удаленія отъ центра, похожіе на кругообразныя черты, зыблющіяся на поверхности воды около того мѣста, гдѣ въ нее упалъ камень, — и эти обручи были звукъ. На этихъ тонкихъ, дрожащихъ обручахъ основана наша слава, которая вся состоитъ въ звукахъ. Мы можемъ быть славными, потому, что воздухъ упругъ!.....

Но точно ли я на Землѣ?.... Напротивъ, я въ Землѣ: я нахожусь въ недрахъ огромнаго шара, а не на его поверхности; не вижу ея, и не знаю, что на ней происходитъ. Границы этого плавающего въ пространствѣ шара, въ которомъ я роюсь, высоко надъ моею головою. Почва, по которой ползаю, обложена вся толстымъ слоемъ воздуха, облита глубокимъ океаномъ тонкой, упругой, сухой матеріи. Воздухъ есть сухая вода. О, какъ внѣшняя поверхность этого огромнаго воздушнаго океана должна быть красива и блестяща! На ней-то пылаетъ то чистое огненное мерцаніе, которымъ красуются яркія сестры нашей Земли, текущія вмѣстѣ съ нею около солнца. Зачѣмъ не могу я посмотреть издали

на планету, въ которой погруженъ какъ рыба, внутри которой обитаю какъ червь. Она должна быть великолѣпна!... Да! я купаюсь въ летучей жидкости; я на днѣ сухаго, но очень глубокаго океана. Въ немъ есть еще другія жидкости, плотнѣе и тяжеле первой: одна изъ нихъ, вода, составляя родную осаду, заняла всѣ углубленія и впадины дна большаго воздушнаго океана, и на днѣ его образуетъ другія, влажныя моря. Дно сухаго океана и влажныхъ морей та же жидкость, только погуще воды и воздуха, жидкость сыпучая, опирающаяся на слои другой жидкости, еще болѣе сгущенной, — сгущенной до степени камня. Камень, гранитъ, тоже жидкость, но которой уже мы не можемъ укусить нашими мягкими зубами. Въ Природѣ, въ мірозданіи все жидкость, только въ разныхъ состояніяхъ, — жидкость безпрестанно кипящая, перерабатывающая плавящая одна другую.

Что такое пласта! — едва замѣтный шарикъ скомканныхъ паровъ, клочекъ летучей, внутри застылой, сверху расплавленной, жидкости; безпрестанно текущій въ другой жидкости, весьма тонкой разлитой вокругъ солнца; кружащійся около этого свѣтлаго центра жизни, какъ атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка, около будущаго сердца будущей птицы.

Что же такое я самъ? — я тоже жидкость, маленькая мѣрка жидкости, сгущенной до известной степени, вылитой по особенному образу, и зажженной внутри искрою небеснаго огня. Въ мірѣ все жидкость — все жизнь: жизнь есть различныя состоянія различныхъ жидкихъ составовъ мірозданія. Міръ бродитъ, движется, живетъ. Земля, бродитъ, движется, живетъ; всѣ ея части живутъ; камень живетъ тоже — живетъ подобно мнѣ, подобно мнѣ ощущаетъ

время, имѣеть начало и конецъ : онъ только живеть жизнью неорганическою, быть-можетъ совсѣмъ безчувственною, хотя еще имѣеть свои движенія, потому что самъ собою образуетъ свои кристаллы, растетъ и сокрушается, нѣсколько иначе чѣмъ я. Камень слишкомъ удалился отъ летучаго и жидкаго состоянія матеріи, и его частицы потеряли ту способность химически сочетаться съ духомъ, которая свойственна самому совершенному и замысловатому составу различныхъ жидкостей, человеку. И такъ, въ Природѣ нѣтъ смерти : то, что мы называемъ смертію, есть только переходъ изъ одного состоянія всеобщей жизни въ другое, простая перемѣна званія. Духъ, данный мнѣ на время моей органической жизни, по ея окончаніи воспарить выше, туда, гдѣ ему назначено ; мое тѣло будетъ жить другою, неорганическою жизнью ; будетъ перерабатываться, скитаться по другимъ тѣламъ, одушевленнымъ или бездушнымъ, — но будетъ жить, будетъ еще сочетаться въ разныхъ видахъ со временемъ, то есть, со всеобщею жизнью созданнаго, доколѣ Божеству не подобаеть уничтожить самое время, для исполненія высокой тайны Откровенія ; доколѣ вся матерія міра опять не расплавится, не испарится въ летучую жидкость, въ газъ, въ эфиръ, — въ самое тончайшее и почти нематеріальное вещество, изъ котораго оно возвратится къ духу ; доколѣ все не исчезнетъ, а останется только духъ, — Богъ, Провидѣніе.

Между-тѣмъ, какъ теперь, моя планета оборотилась другою стороною къ своему солнцу, и та половина, на которой я нахожусь, лишена его лучей, погружена въ тѣни, во мракъ, — и вся жизнь органическая, дѣйствующая и бродящая только его теплотою, вокругъ меня поверглась въ оцѣпенѣніе, изъ котораго скоро опять разбудить ее сіяніе того же средо-

точного свѣтила, — и мысль моя блуждаетъ между отдаленными солнцами мірозданія, едва примѣчая въ его пространствахъ мелкое движущееся пятнышко, называемое Землею, — между-тѣмъ, я вижу себя въ этой Землѣ; вижу издали мѣсто, занимаемое мною въ планетѣ. Я лежу на днѣ глубокаго, прозрачнаго океана, какъ блестящая пылинка слюды, какъ крошечная фосфорная букашка, которую цловець съ любопытствомъ наблюдаетъ съ палубы на днѣ моря, сквозь хрустальныя пучины тропическихъ водъ. Я вижу себя въ этой глубинѣ: это свѣтлое зерно, эта точка свѣта, такъ ярко пылающая въ какомъ-то родѣ болота, есть моя безсмертная душа. Вознеситесь надъ Землею: вы увидите то же; увидите миллионы другихъ подобныхъ точекъ, рдѣющихъ такимъ же небеснымъ огнемъ въ песокъ того же океана, — увидите самихъ себя, ваши души, управляющія вашею временною органическою жизнью. О, если бъ вы теперь были со мною тамъ, гдѣ повисла моя мысль между звѣздами, въ далекой странѣ міра, и могли видѣть то, что я вижу!.... Какъ эта маленькая планета красива! Я вижу все дно синяго воздушнаго ея океана усѣянными этими огненными точками: посреди черной ночи, разлитой въ его пучинахъ, это дно горитъ въ глубинѣ тучею алмазныхъ искръ, издающихъ самые великолѣпные радужные лучи и освѣщающихъ засоренную его поверхность. Одной только не достаетъ тутъ блесстки, и самой драгоценной!.... Но нѣтъ ничего прелестнѣе и восхитительнѣе этого зрѣлища. Люди! услышите меня: когда вы проснетесь, когда станете шевелиться тѣломъ по дну этого океана, шевелитесь осторожно, — какъ-можно осторожно, — чтобъ не затоптать въ песокъ, въ тину, этихъ чудесныхъ, неподобныхъ искръ: это частицы Божества!.... Я не затопчу, увѣряю васъ, ни одной изъ нихъ: но вы! —

вы ставьте ваши ноги со вниманіемъ, и не забейте въ грязь гордою пятою этихъ свѣтлыхъ пылиночекъ, а вмѣстѣ съ ними и моею еще кое-какъ мерцающей тамъ пылинки.....

Люди! почитайте эти благородныя пылинки: это настоящее золото мірозданія!.... Что такое ваша органическая жизнь! — Хаосъ всеобщаго, взаимнаго пожранія. Воздухъ, которымъ вы дышите, вода, которую пьете, кровь, которая течетъ въ вашихъ жилахъ, набиты неосязаемыми для зрѣнія, органическими, такими же какъ вы, существами: онъ, подобно намъ, живутъ, движутся, веселятся, страждутъ, плодятся и пожираютъ другъ друга. Открыто вы пожираете видимыхъ звѣрей, птицъ и растенія; непримѣтно и невольно въ каждой каплѣ воды вы глотаете милліоны невидимыхъ змѣй и разныхъ чудовищныхъ животныхъ, которыхъ можете примѣтить только съ помощію микроскопа; въ каждой каплѣ воздуха вы втягиваете въ себя другіе милліоны такихъ же уродливыхъ и хищныхъ тварей, которыхъ уже и при пособіи орудій различить вы не въ состояніи. Звѣри, сильнѣе васъ, обращаютъ жизнь вашу себѣ на пищу; въ вашей кровп, въ сокахъ, въ каждой частицѣ тѣла, гнѣзятся другія подобныя тмы змѣй, гидръ, червей и разныхъ невидимыхъ уродовъ, которые пожираютъ васъ даже тогда, когда вы растете, пожираете другихъ, увеличиваетесь объемомъ и укрепляете свои силы. Вотъ ваша органическая жизнь! Она только сцѣпленіе безчисленныхъ милліоновъ другихъ жизней; я только мелкій клочекъ огромной органической жизни моей планеты, который пожираетъ и пожирается, — и тутъ съ благоговѣніемъ повергаюсь передъ всеобъемлющею мудростью Создателя, могущество котораго поражаетъ меня ужасомъ, непостижимыя намѣренія котораго превосходятъ всѣ сред-

ства моего понятія. Я не смѣю ихъ испытывать. Я только вижу ясно, что моя душа, мои умственные силы, даны мнѣ лишь для того, чтобъ я узналъ все свое ничтожество, и смирился передъ Творцемъ; что мое тѣло, мои физическія силы, дарованы мнѣ для того, чтобъ я какъ-можно скорѣе спасалъ свой родъ отъ истребленія въ этой ужасной общей борьбѣ жизней, быстро поглощающихъ одна другую. Самосохраненіе и взаимноепоглощеніе, — любовь и смерть, вотъ двѣ главныя точки, около которыхъ обращается временное наше существованіе въ человѣческомъ видѣ, два полюса моего бытія и бытія всего созданнаго, два великія, таинственные состоянія челоѵка.

Любовь и смерть! — кромѣ этого, болѣе нѣтъ ничего въ органической жизни. Да! въ жизни есть только любовь и смерть. Остальное — суета. Хотя смерть животнаго тѣла не смерть, — это только жизнь отрицательная; но какъ переходъ изъ одной жизни въ другую названъ у людей смертію, то пусть его такъ и называется. Смерть есть жизнь безъ любви. Жизнь до смерти есть любовь, окруженная формами животнаго существованія. Жизнь и любовь одно и то же. Любовь — цвѣтъ органической жизни, верховная точка высоты всей горы земнаго бытія, возносящейся между двумя ея границами, — рожденіемъ и смертію. Это положительный полюсъ органической жизни: вся ея сила, вся теплота, все духовное и животное начало, стремятся съ цѣлой ея поверхности къ этой главной точкѣ существованія. Если въ челоѵкѣ есть что-либо возвышеннаго, отраднаго, добродѣтельнаго, прекраснаго, — все это сильно течетъ туда, и скопляется у этого полюса, какъ электричество, и, какъ оно, выскакиваетъ изъ нашего сердца въ видѣ мощной искры, чтобъ передать свое начало другому существу. Любовь есть самое сильное, доведенное до послѣдней степени

напряженія восторженное состояніе органической жизни, и въ этомъ восторгѣ, въ этомъ напряженіи бытія, заключается человѣческое счастье, — счастье единственное, неподдѣльное, совершенное, потому что въ немъ сосредоточиваются и участвуютъ всѣ силы духа и тѣла, все существо. Да! любовь есть цѣль жизни, исполненіе великаго намѣренія Божества и высочайшій пунктъ одушевленнаго бытія. И вся животная жизнь есть только феноменъ любви, — осуществленное, осязаемое чувствомъ, проявленіе этой великой души міроздація. Посмотрите на этихъ мелкихъ насѣкомыхъ, которыя живутъ всего только полчаса времени: они рождаются, цѣлуются, несутъ яйца и умираютъ, даже безъ обѣда. Не есть ли это молнія жизни, — и молнія любви въ то же время? Напротивъ, это одна молнія. Жизнь органическая и любовь одно и то же: время, жизнь органическая и любовь — три однозначачія названія одного феномена. Наша молнія длиннѣе, — вотъ вся разница! Она сначала долго тлѣетъ, пока возгорится. Но отъ первой минуты рожденія всѣ наши жизненные силы, духовныя и тѣлесныя, уже восходятъ, бѣгутъ, рвутся къ этой заоблачной вершинѣ жизни. Наконецъ, мы достигли вершины, на которой долженъ раздаться, съ ослѣпительнымъ для чувствъ блескомъ, громъ нашего жизненнаго начала. Увы! не долго остаемся мы на ней; не рѣдко, возвращеніе искусственными потребностями и условіями общественнаго быта, не примѣчаемъ даже того, что мы уже на ней находимся, и не умѣемъ пользоваться всемірною сладостью, приготовленною для насъ Провидѣніемъ въ этомъ взрывѣ жизни. Но скоро, скоро наступаетъ время оставить цвѣтушую вершину, гдѣ стоитъ и единственный храмъ нашего счастья: самая Природа безъ чиновъ выводитъ насъ за руку оттуда, и жестоко сталкиваетъ съ горы по противоположному скату.

Всякой шагъ по этой отлогости есть уже прямой шагъ къ смерти; стремленіе наше усиливается по мѣрѣ пути; у подошвы мы уже катимся шаромъ, и вырытая внизу яма поглощаетъ насъ навсегда. Молнія погасла! Жизнь неорганическая достается въ удѣлъ нашему тѣлу.

Неужели любовь оканчивается органическою жизнію?... Неужели благодатный Создатель отказалъ въ этой единственной сладости существованія неподвижнымъ тѣламъ? Неужели дерево во время цвѣта, или камень, въ минуту превращенія своего въ кристаллъ, не ощущаетъ дѣйствія волшебной теплоты, которая привела его въ броженіе, и возбудила въ немъ жизнь? Неужели его частицы не дрожатъ тогда ея роскошью? Неужели что либо можетъ создаться въ Природѣ безъ этого небеснаго отголоска воли Творца въ членахъ создающагося тѣла? Неужели любовь не есть общая сила матеріи?... Войдите въ пальмовую рощу: эти деревья стоятъ на весьма низкой ступени органической жизни, — еще одинъ шагъ, и вы очутитесь въ неорганическомъ царствѣ. Но взгляните на эту наклоненную пальму, тощую, блѣдную, почти безжизненную!... Подъ нея, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоитъ величественная пальма самецъ, съ богатымъ вѣнцомъ длинныхъ и здоровыхъ листьевъ; подъ вѣнцомъ висятъ, подобно молочнымъ сосцамъ лани, огромныя кисти цвѣтовъ, покрытыхъ бѣлою какъ снѣгъ пылію; но блѣдная, тощая пальма отворачивается отъ своего сосѣда: она наклонилась къ другому дереву самцу, красующемуся въ отдаленномъ углу рощи, и ни какая сила не можетъ дать ей другаго направленія. — Она больна! говоритъ вамъ смуглый Аравитянецъ, вздыхая, — она больна любовію! — Уже три года сряду не посылаетъ она ему финиковъ; тщетно всякую весну переносить онъ на ея цвѣты снѣжную

пыль кистей ея сосѣда: она не даетъ плодовъ, и сохнетъ. И, — несчастная страдалица! — она не порадуется его сборомъ, пока онъ не отыщетъ ея любезнаго, и не принесетъ ей плодотворной пыли съ его кистей: тогда она зазеленѣетъ и будетъ весела по-прежнему. Нѣтъ! не здѣсь предѣль этой могущественной силъ! Она еще такъ мощно дѣйствуетъ въ неподвижномъ деревѣ, — она должна простираться еще далѣе, проникать и до холодной, неподвижной матеріи минерала, согрѣвать самое ядро планеты. Назовите ее силою притяженія, силою сцѣпленія, какою угодно силою, — все это одна и та же сила, — сила всемірной любви, являющаяся нашему уму въ видѣ трехъ различныхъ понятій, — жизни органической, неорганической и времени. Любовь, — я въ томъ увѣренъ! — любовь не оканчивается съ нашею жизнію: она еще рѣбѣтъ въ нашемъ тѣлѣ и въ гробу; она, вѣроятно, еще приводитъ въ сладостное дрожаніе всякую отдѣльную пылинку нашей персти, ежели при жизни мы чувствовали ее сильно, истинно, безпредѣльно..... Эта мысль не можетъ разстаться со мною: она слита съ моимъ существованіемъ.

Эта мысль лежитъ на моемъ сердцѣ, какъ камень: я умру съ нею, и желалъ бы, чтобъ она выросла цвѣткомъ на моей могилѣ!....

Да, моя несчастная Зенеида! я вѣрю въ любовь нослѣ смерти: ты убѣдила меня въ этой священной для моего сердца истинѣ. Я бы сейчасъ умеръ, или, еще хуже, — я бы сошелъ съ ума, если бъ потерялъ эту вѣру.

Ты давно уже не существуешь, давно уже земля держитъ въ ледовитыхъ своихъ объятіяхъ то прекрасное тѣло, которое никогда не долженствовало бѣ выходить изъ моихъ; но ты еще меня любишь,

Зенеида?..... Не права ли?..... ты меня любишь въ твоей могилѣ?.....

Явись, мой другъ, моимъ взорамъ! Если ты теперь стоишь въ этомъ столбѣ мрака, если твоя робкая тѣнь прячется въ этомъ черномъ воздухѣ, который теперь такъ страшно скопился въ углу комнаты, — выйди оттуда, Зенеида, и присядь здѣсь, здѣсь на моихъ козняхъ! Зенеида!..... Ты вступи меня слышишь!..... Зенеида! ты должна быть гдѣ нибудь близъ меня!.... Покажись! Я теперь тебя не испугаюсь.

Она теперь не хочетъ предстать передъ меня!..... Но я чувствую ея присутствіе; она непременно должна быть теперь въ этой комнатѣ.....

Она бросила въ юную душу мою свой волшебный образъ, и поспѣшно ушла съ сего свѣта, да того, чтобъ я ни когда не могъ отдать ей обратнаго безцѣннаго ея подарка!.... Она исчезла, какъ падающая звѣзда, нарисовавъ по всему небу моего воображенія длинную огненную черту, которая никогда не исчезнетъ. Какъ тѣнь высокой горы, увеличивающаяся по мѣрѣ склоненія солнца къ закату, такъ во мнѣ продолжается воспоминаніе объ ней, разстилающая безконечную черную полосу сквозь всю длину моей жизни. Этимъ воспоминаіемъ оканчиваются всѣ мои мысли.....

Я люблю воспоминать о подробностяхъ моего съ нею знакомства. Всякой вечеръ я объ нихъ воспоминаю, и на слѣдующій день они опять кажутся мнѣ новыми.

Гдѣ та красивая дача, въ девяти верстахъ отъ Петербурга, на которой я впервые, сквозь зыблущуюся сѣтку листьевъ аллеи, увидѣлъ двое волшебныхъ голубыхъ глазъ, мерцающихъ блескомъ утренней росы? Эта дача уже не существуетъ; эта аллея

уже истреблена; но я и теперь вижу тв же листья, то же дрожаніе листьевъ, — могъ бы и теперь вѣрно нарисовать положеніе всякаго листочка въ той зеленой движущейся путаницѣ, сквозь которую въ первый разъ блеснули предо мною эти глаза, отрываясь отъ зеленой книги, и медленно направляясь въ ту сторону, гдѣ я давно уже стоялъ за кустомъ акаціи, — откуда слишкомъ полчаса смотрѣлъ на нее украдкой, подстрекаемый дѣтскимъ любопытствомъ подсмотреть лице читающей дамы. На этихъ глазахъ волновались двѣ крупныя слезы: одна изъ нихъ упала на книгу, — въ ней заключалась судьба цѣлой моей жизни!....

То была слеза огорченія, а не удовольствія: я прочиталъ это въ лицѣ Зенеиды, которое было молодо и очаровательно.

О, если бъ могъ я тогда испытать эту слезу!....

Мы были сосѣди по дачѣ. Я успѣлъ познакомиться съ нею. Сколько хитростей употребилъ я, чтобъ достигнуть этого счастья! Сколько бессонныхъ, мучительныхъ ночей провелъ я съ тѣхъ поръ, какъ достигъ его!....

Зенеида была замужня: это ужасное для меня обстоятельство узналъ я только при первомъ съ нею разговорѣ. Мои надежды, — мои милыя, сладкія, блистательныя надежды, были разражены этимъ извѣстіемъ, какъ громомъ. Я поблѣднѣлъ, и она это примѣтила. Въ послѣдствіи, она часто напоминала мнѣ объ этомъ, — и потомъ, обернувшись, вздыхала. Я не смѣлъ даже спросить, о чемъ она вздыхаетъ: ея глаза, волшебные голубые глаза, для которыхъ я бросился бы въ огонь и въ воду, положительно запрещали мнѣ быть любопытнымъ.

Я скоро проникъ тайну ея души, хотя она старалась скрыть ее отъ меня: она была несчастна. Мужъ ея, ужас-

ный мужъ, былъ одинъ изъ тѣхъ дикихъ мужчинъ, пойманныхъ въ лѣсахъ Канады и пріодѣтыхъ въ Европейское платье, которыхъ какая-то злобредная рука безпрестанно выпускаетъ въ нашу образованность, чтобъ они свирѣпствовали въ ней какъ на полѣ сраженія, устланномъ трупами враждебнаго поколѣнія. О, сколько я знаю такихъ дикихъ людей! Они рождены и воспитаны посреди самыхъ утонченныхъ формъ общества, и остались дикими. Смѣло и безнаказанно производятъ они неслыханныя опустошенія въ нашсмъ нравственномъ мірѣ, позволяя себѣ дѣлать всякія неистовства въ виду нашихъ сентиментальныхъ Романовъ и Нравоученій, и мы, вмѣсто того, чтобъ прогнать ихъ за Аллеганскія Горы, еще верѣдко удивляемся ихъ молодечеству. Раздавить благородное чувство и осквернить его своимъ хохотомъ — для нихъ величайшее удовольствіе, торжество. Поймать бѣлую и слабую Европейку хитростью, исторгнуть сердце изъ ея груди, и потомъ выжимать изъ него кровь, и терзать его зубами, и бить ее по лицу собственнымъ ея сердцемъ съ насмѣшками палача XVI вѣка, — для нихъ дѣло такое же естественное, какъ для Патагонца пить вино изъ вражяго черепа. Повергнуть въ послѣднее рабство, въ самое унизительное и жестокое рабство, завоеванную приверженность, есть, по ихъ мнѣнію, доказательство доблести. Мужъ Зененды былъ одинъ изъ тѣхъ дикарей. Онъ былъ красавецъ собою, отлично хорошо воспитанъ, милъ въ обществѣ и съ большими дарованіями, гордъ и честолюбивъ до крайности. Онъ нѣкогда тронулъ ея молодое сердце; быть-можетъ и самъ въ нее былъ влюбленъ, — не любить ея было невозможно! Чтобъ получить ея руку, онъ припадалъ къ ея ногамъ, къ ногамъ родителей, даже къ ногамъ послѣдней служанки въ домѣ: отецъ ея считался тогда богатымъ и значительнымъ человѣкомъ. Но скоро послѣ свадьбы, несчастія лишили отца ея всего состоянія и знатности. Обманутый въ своихъ расчетахъ на огромное

приданое и протекцію, супругъ превратился въ мстителя за свою обиду. Онъ началъ гнать дочь за несчастіе родителей, и она претерпѣла отъ него весь родъ домашней тираніи. Онъ, однако жъ, скоро возвысился посредствомъ собственныхъ своихъ дарованій; но и тогда не простилъ несчастной за то, что союзъ съ нею былъ ему бесполезенъ. Онъ презрѣлъ ея любовь, сталъ насмѣхаться надъ ея нѣжностью, и находилъ удовольствіе унижать ее въ глазахъ другихъ и ея полъ въ собственныхъ ея глазахъ; онъ поносилъ передъ нею супружество и его обязанности, и безчеловѣчно издѣвался надъ ея скорбію. На устахъ его для всѣхъ была улыбка; для ней были только упрекъ и горечь. Всякой ея поступокъ, всякое несправившееся ему слово становились уголовными преступленіями, которыя слѣдовало выкупать мольбою, рыданіемъ, отчаяніемъ. Вся тяжесть обязанностей была свалена на слабыя ея плеча: онъ ее почиталъ себя ни къ чему обязаннымъ. И съ какою ангельскою кротостью, съ какою покорностію, достойною только Персидской рабыни, — съ какою добродѣтельною улыбкою, несла она это ужасное бремя! Она никогда не жаловалась на свое положеніе даже передъ сестрою, которую любила, какъ только можно любить друга въ несчастіи.

Въ заключеніе, онъ связался съ какою-то безнравственною женщиною, не получившею даже приличнаго воспитанія, и приказалъ своей женѣ быть пріятельницею его любовницы. Она сочла своимъ долгомъ и въ этомъ повиноваться ему безпрекословно.

Я зналъ все это, — жестокость и грубіанство въ обращеніи его съ женою были всѣмъ извѣстны, — и удивлялся небесной красотѣ ея души, неземному ея терпѣнію: сердце разрывалось у меня въ груди. Бѣдная, бѣдная Зенеда!.....

Онъ пріѣзжалъ къ ней изъ города, но только для того, чтобъ пообѣдать, погулять въ саду, побранить ее и са-

довника, и уѣхать назадъ къ ночи. Иногда забывалъ онъ объ ней по цѣлымъ недѣлямъ. Я тогда навѣщалъ ее, и читывалъ ей новыя книги на крыльцѣ ихъ дачи, въ великолѣпной рошѣ, составленной изъ огромныхъ миртовъ, камелій, розъ, гортензій, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Большую часть времени мы проводили въ этой миниатурной Италіи, устроенной на доскахъ и озаренной однимъ изъ прекраснѣйшихъ свѣрныхъ¹ лѣтъ, прибывшимъ нарочно изъ полуденныхъ краевъ, чтобъ довершить прелесть этого пріюта и произвести полный обманъ надъ моими чувствами, въ которыхъ небо Италіи оставило неизгладимое впечатленіе. Въ этой рошѣ мы часто разсуждали объ Италіи, которую пылкое и исполненное Изящнаго ея воображеніе представляло себѣ очарованною землею, — землею, гдѣ всѣ должны быть счастливы!.... Въ этой роскошной рошѣ она никогда не плакала, и глаза ея, казалось, благодарили меня за это.

Но она, несчастная, плакала всякой день въ той аллеѣ, въ которой я подсмотрѣлъ ее въ первый разъ изъ-за куста акацій. Уединенно, скорыми шагами, прохаживалась она по ней всякое утро, въ страшномъ волненіи; потомъ вдругъ садилась на скамейкѣ, раскрывала свою зеленую книгу, и приближала ее къ лицу, представляя видъ читающей. Яобыкновенно стоялъ за тѣмъ же кустомъ, пронзенный жгучею грустью, съ заломанными руками, неподвижно, не смѣя ни пошевелиться, ни перевести дыханіе, чтобъ не быть ею примѣченнымъ. Во время этого чтенія, страница ни однажды не перекидывалась, и слезы лились градомъ въ книгу. Она даже не догадывалась, что въ то же время другія слезы, — слезы состраданія, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда орошали кустъ акацій.

Потомъ она внезапно закрывала перемокшую книгу, осушала глаза платкомъ, и тихими шагами направлялась въ конецъ аллеи, гдѣ былъ небольшой, но прекраснѣйшій каскадъ, осѣненный пышнымъ тисомъ. Я пѣснѣшалъ

а другою дорожкой, и мы всегда встречались
каскада, всегда въ одинъ и тотъ же часъ, и всегда
наивно, — къ обоюдному и неизъяснимому удивле-
: иногда на свѣтъ бывають странные случаи!

говоришь ей:

Какая прекрасная погода!... Что жъ? вы опять
альны?...

она говорила мнѣ:

Кажется, будетъ дождь?... нѣтъ, я совсѣмъ не пе-
на!... Какая жара!... Съ чего вы это всегда берете?
онецъ стану на васъ сердиться....

Эти слова произносила съ такою ангельскою улыб-
ю, что я никогда не боялся слѣдствія опасной угрозы.
да начинала она жаловаться на мигрень, и увѣрять
я въ своемъ счастьи, — въ своемъ совершенномъ счастьи!
мянувъ, какъ-будто не нарочно, о своемъ мужѣ, она
часъ заводила рѣчь объ его добромъ сердцѣ, его
кности, кротости и другихъ отличныхъ качествахъ
ни. — Надобно его знать такъ, какъ она знаетъ,
объ оцѣнить безчисленныя его добродѣтели! — Дру-
о такого мужа нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ! — Она
е не достойна того счастья, которое нашла въ союзѣ
нимъ! — Онъ такой вѣжливый! онъ такой снисхо-
ельный! — И я видѣлъ, какъ говоря это, она робко
ремляла на меня дрожащій взоръ, чтобъ испытать,
но ли я словамъ ея. Всего болѣе она боялась, чтобъ
е презиралъ ея мужа. Злополучная! сквозь мою
сливость, сквозь приличіе совершеннаго согласія съ
мнѣніемъ, она ясно читала въ глубинѣ души моей
ожденіе въ противномъ, и съ отчаяніемъ простирала
мнѣ взоръ, блѣдный, умоляющій, который, казалось,
енемъ всего священнаго въ мірѣ заклиналъ меня,
объ я не презиралъ его, — для ея счастья! Но этотъ
рѣчь, отъ котораго растрескался бы гранитъ, не могъ
торгнуть у меня ничего, кромѣ безпредѣльнаго ува-
нія къ просительницѣ.

Отъ каскада я провожалъ ея до ея дома, и на крыльцѣ, въ роцѣ, еще оставался съ нею по нѣскольку часовъ въ день. То были самыя очаровательныя часы юности моей жизни, въ которой все казалось мнѣ очаровательнымъ: она столько же сіяла умомъ, какъ и красотою, и превосходное воспитаніе, усовершенное обширнымъ начитанностью, дѣлало бесѣду съ нею истиннымъ наслажденіемъ. Но нельзя сказать, чтобъ эти очаровательныя часы были для насъ обонхъ самыя счастливыя, особенно подь конецъ лѣта. Ея твердость въ добродѣтели, для исполненія долга которой такъ благородно жертвовала она собою; мое почтеніе къ священному ея намѣренію остаться всегда вѣрною и доброю супругою, и къ собственному ея спокойствію, сдѣлавшему для меня священнѣе всего въ мірѣ, нерѣдко поставляла неносную преграду непринужденности нашего разговора: случались минуты истинной пытки. Мы говорили одно, а думали другое, — знали, что обманываемъ друга друга, что притворно терзаемъ себя холодными вырженіями, произносимыми, какъ-бы мимоходомъ, для скртія настоящей мысли, — и терзали изъ приличія. Съ того времени, какъ она, добродушно и невинно, удостоила меня имени друга, положеніе наше сдѣлалось подлинно нестерпимымъ. Сколько короткихъ изліяній мысленачатыхъ неосторожно, въ минуту сладостной разсѣяности, и вдругъ прерванныхъ, вдругъ жестоко переламанныхъ въ самомъ сердцѣ! Сколько ночей, проведенныхъ въ слезахъ и мученіяхъ послѣ подобныхъ полнизліяній!... Я увѣрялъ самого себя, что отнюдь не чувствую къ ней любви, что это только уваженіе;..... почти сожалѣлъ, что она имѣеть столько правъ на мое уваженіе.

Одно лишнее слово было въ состояніи рѣшить и всегда нашу участь; уже не доставало только одного слова, и мы трепетали передъ этимъ словомъ, страшась его, какъ искры, которая всякую минуту гр

вить упасть на подкопанную подь насъ мину и мгновенно взорвать насъ на воздухъ. Одно роковое слово, — и она преступница! — я виновникъ ея срама, несчастія, угрызения совѣсти!.....

Мы боялись, чтобы оно не вырвалось изъ нашей груди, и не имѣли довольно твердости благовременно оставить другъ друга.

У меня было тоненькое колечко съ именемъ моей сестры: однажды я потерялъ его въ саду. Ея слуги нашли его у крыльца, и отдали ей. Она мнѣ о томъ сказала, обѣщала отослать его ко мнѣ, и потомъ забыла.

Я просилъ ее, шутя, подарить мнѣ ту зеленую книгу, которую всегда читаетъ она въ аллеѣ. Она смутилась, и хотѣла знать причину подобнаго желанія.

Я сказалъ, съ чувствомъ какой-то невольной грусти, что подозреваю, что частія ея мигрени происходятъ отъ этой книги: по моему мнѣнію, ей было бы здоровѣе, если бъ книга находилась въ моихъ рукахъ.

Она покраснѣла и отвѣчала мнѣ съ безпокойствомъ, что мнѣ всегда странныя идеи приходятъ въ голову, и что книга не ея, а чужая.

И слезы мелькнули въ ея глазахъ. Я строго укорялъ себя за то, что необдуманно тронулъ эту жестокую рану ея сердца, и опечалилъ добрую Зенеиду. На другой день она была блѣдна и разстроена. На третій, я нашелъ зеленую книгу, забытую на скамейкѣ въ аллеѣ. Съ какою радостью схватилъ я ее въ руки, тотчасъ рѣшась овладѣть ею и не разставаться съ ней никогда! И съ какою скорбію увидѣлъ я тутъ же, что почти всѣ страницы носили на себѣ широкіе слѣды засохшихъ слезъ, а нѣкоторыя были еще промочены ими! Бѣдная Зенеида!..... Но она меня поняла; я думаю, она нарочно забыла здѣсь эту книгу; она не могла вѣрить своей ужасной тайны лучшему и вѣрнѣйшему другу!..... Бѣдная женщина! сколько ду-

шевныхъ бореній должна была вынести ея слабая грудь въ теченіе этихъ трехъ дней, пока рѣшилась она сдѣлать подобное признаніе!..... Я долго стоялъ на мѣстѣ, перелистывая драгоценную книгу дрожащею рукою; тысячи горестныхъ ощущеній раздирали мою внутренность, тысячи пасмурныхъ мыслей бурно неслись по моему воображенію, какъ голубое платье мелькнуло между деревьями. — Это она!..... Она идетъ въ эту аллею!..... Быть-можетъ, она ищетъ этой книги! — И я выскочилъ изъ аллеи съ книгою, и спрятался за кустомъ акаціи.

Я сталъ внимательнѣе разсматривать книгу. То былъ второй томъ Вальтеръ-Скоттова Романа, *Шотландскіе Пуритане*, по-Англійски. На внутренней сторонѣ переплета было написано по-Французски карандашемъ: *Silence à jamais**! Я съ умиленіемъ поцѣловалъ эти слова.

Между-тѣмъ она быстро шла по аллеѣ, устремивъ безпокойный взоръ на скамейку. Увидѣвъ, что на ней уже нѣтъ книги, она вдругъ умѣрила шаги. Она тихо подошла къ скамейкѣ, бросилась на нее, какъ-бы отъ усталости, и, закрывая глаза платкомъ, больно издышала изъ угнетенной груди нѣсколько словъ по-Французски: — *A!*!..... Теперь мнѣ легче!..... По крайней мѣрѣ хоть одинъ человекъ въ свѣтѣ будетъ сожалѣть о моемъ несчастіи!

Просидѣвъ четверть часа въ глубокой задумчивости, она вдругъ вскочила съ мѣста, и воскликнула почти внѣ себя: — Я несчастна!..... я сдѣлала глупость!..... Дай Богъ, чтобъ онъ былъ великодушень!.....

— О, не опасайся, бѣдная Зенеда! съ своей стороны воскликнулъ я въ душѣ, восторженный ея довѣренностью и растерзанный этою безмолвною, убійствен-

* Секретъ навсегда!

вою вценою. Почти не помню, что со мною дѣлалось потомъ.....

Поди ко мнѣ, безцѣнная книга! Поди, другъ мой, вѣрная спутница мой жизни! Я уронилъ тебя среди разстройства чувствъ и мыслей. Ты долго пролежала у моихъ ногъ: твое мѣсто на моемъ сердцѣ, а потомъ — въ моемъ гробу.....

Какъ сильно моя судьба занимала добрую Зенеиду! Какъ часто и съ какимъ дружескимъ вниманіемъ слушала она юныя мои мечтанія и рассматривала живописные планы только-что начинавшагося существованія моего въ міръ! Женитьба тоже бывала предметомъ вашихъ разсужденій: мнѣ тогда было двадцать два года. Я говорилъ ей, что женюсь только на той, которую она для меня выберетъ. И я говорилъ это очень серьезно, не думая даже о важности подобнаго предложенія. Она приняла порученіе, какъ нежная сестра, не далѣе меня вникая въ его существо. Дѣло это было рѣшено между нами, — даже утверждено мужемъ Зенеиды, который, въ своей конской игривости, говорилъ мнѣ съ хохотомъ: — Ну, ужъ выберетъ она вамъ невесту! Чувствительности будетъ на миллионъ, а приданаго на копѣйку!..... Повѣрьте мнѣ, любезный Н***, что женщина безъ приданаго все равно, что кошелекъ безъ денегъ.

Мы часто разсуждали съ нею объ этомъ порученіи. Ужасный вечеръ!..... Какъ сильно врѣзался онъ въ мое сердце! Сколько онъ стоилъ мнѣ здоровья!..... мнѣ и ей тоже!.....

— Вы знаете, какъ мы васъ любимъ! сказала она мнѣ растроганнымъ голосомъ, сидя со мною одна, — что весьма рѣдко случалось! — въ роцѣ, потерявшей уже свой блескъ и свѣжесть отъ холодныхъ ночей Августа. — Мы считаемъ васъ болѣе нежели нашимъ сыномъ.....

Она принуждена была сама улыбнуться при этомъ словѣ: я былъ моложе ея только двумя годами. Впрочемъ привязанность ихъ ко мнѣ могла оправдываться тою дружескою готовностью, съ которою я, со времени кратковременнаго нашего знакомства, оказалъ имъ разныя мелкія услуги.

— Хорошо! сказалъ я: послѣ этого вступленія я долженъ ожидать, что вы дадите мнѣ родительское наставленіе, чтобъ я былъ пай, умница, не дѣлалъ глупостей..... Слушаю, добрая маменька!

Она разсмѣялась.

— Нѣтъ, не маменька! сказала она: я бы желала носить въ разсужденіи васъ совсѣмъ другое званіе, и качество вашей сестры болѣе льстило бы моему самолюбію. Выслушайте то, что я вамъ скажу, какъ отъ вашего друга. Мы такъ васъ любимъ, что желали бъ всегда видѣть васъ въ нашемъ семействѣ. Я, можетъ-быть, скажу нелпность, но вы меня простите, — не правда ли?..... Впрочемъ, это только моя мысль, моя собственная. Дайте мнѣ слово, что она останется между нами.....

— Это вовсе не нужно.

— Вѣрю. Хотите ли принять изъ моихъ рукъ невесту?

— Лишь бы не Г-жу Г***.

Г-жа Г*** была общая наша сосѣдка, красавица прошлаго столѣтія, искавшая себѣ жениха по всѣмъ смежнымъ сѣдамъ.

— Не бойтесь! Я лучше отдамъ въ ваши руки судьбу родной моей сестры.

Эта мысль мгновенно прельстила мое воображеніе: я видѣлъ въ ней средство опредѣлить чѣмъ-нибудь родъ нашей дружбы; я чувствовалъ только счастье называть Зененду сестрою, и, въ первое мгновеніе, не подумалъ даже о той, которая долженствовала быть моею женою. Я принялъ съ восторгомъ ея предложеніе. О, какъ она была счастлива въ ту минуту!.....

Цѣлый вечеръ говорили мы съ нею объ этомъ. Лиза была красавица и очень добрая дѣвушка. Ей тогда былъ только шестнадцатый годъ. Слѣдственно, было еще довольно времени, чтобъ приготовиться къ супружескому сану, и насладиться прелестью важной тайны, которая отнынѣ такъ свято связывала меня съ Зенеидою. Но въ теченіе разговора о супружествѣ, трудно было избѣгнуть вопроса — о любви.

— А любовь? сказалъ я. Мы совсѣмъ забыли объ этомъ ничтожномъ дѣлѣ!

— Лиза васъ будетъ любить! сказала она съ жаромъ. Охъ, она будетъ любить васъ!... Вы въ состояніи сдѣлать ея счастье!... Вы его сдѣлаете!.... Я отвѣчаю, что она васъ будетъ любить.

— А я?

— Вы тоже будете ее лю.....

Голосъ ея пресѣкся въ половинѣ слова: она потомъ повторила его вполнѣ, но слабо, съ большимъ усиліемъ, и лице ея попеременно покрывалось то румянцемъ, то блѣдностью, и уста ея дрожали: она не могла скрыть смятенія.

— Вы располагаете моимъ сердцемъ, произнесъ я разсѣянно, борясь съ собственными чувствами, уже похищаемый внезапно нахлынувшимъ потокомъ печальныхъ мыслей: вы располагаете моимъ сердцемъ, не зная,..... въ состояніи ли я любить что-нибудь внѣ того, что.....

Она молчала. Грудь ея вздымалась. Мрачныя думы быстро проходили по разстроенному лицу. Все нѣжное ея тѣло дрожало какъ отъ испуга, или какъ въ припадкѣ лихорадки. Мы почувствовали нашу неосмотрительность!....

Она хотѣла что-то сказать, и сильный вздохъ поглотилъ ея слова. Мои уста казались склееными. Я схватилъ шляпу; она вскочила съ мѣста въ то же время.

— Прощайте, прощайте! сказала она въ себя. Я безразсудна!....

— Простите! сказалъ я съ отчаяніемъ. Забудьте!.....

— Да! да!... воскликнула она раздирающимъ голо-
сомъ, опрومتью удаляясь съ крыльца въ залу.

Я ушелъ домой. Колѣни шатались подо мною, голова горѣла, дачи и деревья кружились радужнымъ жерновомъ около меня. Состояніе моей души было ужасное. Сорванный вихремъ думъ, мой умъ носился высоко, въ пустомъ пространствѣ, гдѣ прежде обитали мои мечты и надежды, или падалъ и разражался о темныя вершины будущности, низвергаясь изъ одной пропасти въ другую, не видя выхода изъ этого безконечнаго ряда жерлъ страданія, смуты, опасности. Кто виноватъ въ этомъ, что случилось?.... Не я! — и не она!... Кто жъ? Правдивое неблагоустройство нашихъ обществъ. Не надобно даже быть слишкомъ проницательнымъ, — довольно имѣть столько природной независимости души, сколько нужно челоуку, чтобъ рѣшиться наблюдать вещи собственными глазами, и не думать чужими, готовыми мыслями, — чтобъ вдругъ примѣтить весь хаосъ нашей Европейской образованности, такъ сильно ослѣпляющей блескомъ своей поверхности обыкновенныя понятія. Это непрерывное и страшное бореніе безчисленнаго множества хорошихъ и дурныхъ нравственныхъ началъ, которыя явно и скрытно истребляютъ, пожираютъ другъ друга, такъ точно, какъ разнородные населенцы органическаго царства. Ни одно изъ нихъ не обезпечено въ своихъ правахъ, ни одно не ограждено безопасностью: повсюду пропасти или камни преткновенія, о которые разбиваются самыя добродѣтельныя мысли и поступки. Въ домашнемъ быту слабость совершенно лишена защиты. Образованность наша, презирая всякія положительныя учрежденія общежитія, отвергая всякое дѣй-

ствіе человѣческаго закона на нравственное поведеніе, избрала умъ и честь для удержанія въ порядкѣ этихъ враждебныхъ началъ; она довѣрила имъ все спокойствіе частной жизни: слабыя орудія! — они едва могутъ прикрыть беспорядокъ, едва въ силахъ удержать общество, чтобъ оно безстыдно не сорвало съ себя личныя благопристойности, которою обманываетъ насъ и себя на счетъ безопасности общаго нашего положенія. Я, конечно, не проповѣдую Китайскаго Устава о десяти тысячахъ церемоній, но не могу не видѣть, что умъ и честь, въ Китайской Стѣны, дурно исполняютъ свою обязанность въ отношеніи къ нашему счастью. Эта бѣдная Зененда!.... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ лицѣ погибели хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее своимъ призракомъ супружескаго счастья; уже смюла ея существованіе въ своей пасти, и бросила его безъ всякой доски въ омутъ домашняго насилія: теперь она еще увлекаетъ ее далѣе и далѣе, въ новыя, гораздо ужаснѣйшія испытанія!.... Какъ — бы подать ей руку? Какъ спасти ее?.... Всему этому причиною безтолковыя условія общества, которое украшаетъ она собою, и которое оставило ее безъ защиты! Необходимость устроить такъ называемымъ приличнымъ образомъ судьбу сестры, принудила ее хорошо принимать меня въ домъ, потому что я молодъ и богатъ, — тогда, какъ личная ея безопасность повелѣвала ей запретить входъ въ него всякому мужчине!... И что бы изъ этого вышло, если бъ я, случайно, не сохранилъ въ себѣ юношескаго энтузіазма къ добродѣтели, если бъ не составилъ себѣ собственнаго своего понятія о чести, или былъ развращенъ только двумя годами?.... Нѣтъ! она не пострадаетъ: я беру ее подъ

защиту моей чести. Но вы, господа мужья, которые посылаете вашихъ женъ на дачи, чтобъ удобнѣе предаваться въ городѣ вашимъ страстямъ, разврату или честолюбію; которые не заглядываете къ нимъ по цѣлымъ недѣлямъ, — какъ часто, какъ жестоко бываете наказаны!....

Я, по истинѣ, не зналъ, что съ собою дѣлать, и какъ исторгнуть бѣдную Зенеиду изъ этого плачевнаго состоянія души. Я готовъ былъ тотчасъ пожертвовать собою, и предложить свою руку молодой Лизе: быть-можетъ, Зенеида мало-по-малу привыкнетъ къ родственнымъ сношеніямъ съ врагомъ своего спокойствія, и, въ чистомъ своемъ воображеніи, назоветъ братскою любовію то чувство, которое теперь разорветъ ея сердце и усугубляетъ несчастье?... Но въ такомъ случаѣ надобно пожертвовать и невинною Лизою! — я не могу любить ея; я буду принужденъ обманывать ея всю жизнь; за любовь, которою юная и пламенная душа ея окружить меня, злосчастнаго, она не найдетъ на груди своего супруга ни одного пламеннаго, ни одного искренняго пожатія! Можно ли надѣяться, что ревность не прольетъ новой чаши яду въ сердце Зенеиды?... Она не могла даже вымолвить, что я буду любить другую! Страсть пылаетъ въ ней со всею силою, — съ цѣлымъ напряженіемъ жизни, личной обиды и домашняго несчастья. Боже мой! Боже мой! что будетъ съ нею, когда къ судорожнымъ усиліямъ, которыя употребляетъ она теперь для подавленія въ себѣ пожирающаго ея пламени, присоединятся еще мученія ревности!... Но съ другой стороны непреоборимая преграда кровной связи, можетъ-статься, внушить ей болѣе довѣрія къ собственнымъ силамъ, и она восторжествуетъ надъ собою?... Я терялся въ соображеніяхъ, и, думаю, былъ несчастнѣе самой Зенеиды. Жестокое положеніе!.... И оно было чистый результатъ формъ нашей образованности. Тутъ завязка драмы состояла

не въ игрѣ случайныхъ препятствій; — нѣтъ! это было единорство, на жизнь и на смерть, Природы съ нравственнымъ безпорядкомъ утонченно-образованнаго общества, препоручившаго свой частный бытъ одному уму и слабой его помощницѣ, — чести. Умъ и честь, однако жъ, всегда почти бываютъ постыдно опрокинуты на землю въ этой неровной борьбѣ. Тогда общество, съ отчаяніемъ въ лицѣ, прибѣгаетъ на поле сраженія, чтобъ закрыть шитою золотомъ полою низложеніе своихъ слугъ и дать имъ время приподняться съ грязи. Оно спасло ихъ сегодня въ одномъ мѣстѣ; на другой день они опять лежатъ въ двухъ шагахъ оттуда подъ ногами гордой Природы. Скоро ли дойдемъ мы этимъ путемъ къ идеальному совершенству?

Я не видалъ Зенеиды нѣсколько дней сряду, и не искалъ встрѣчи съ нею. Впрочемъ, и сама она не показывалась.

Они съѣзжали съ дачи 25 Августа. Я намѣревался прожить за городомъ еще десять дней. Уединеніе въ мѣстѣ, освященномъ ея страданіями, обѣщало моему воображенію какую-то прелесть ночнаго ужаса на кладбищѣ: я желалъ насладиться ею непремѣнно.

Наканунъ того дня, мужъ ея пришелъ ко мнѣ, и обременилъ меня упреками, что я ихъ забываю. Онъ всегда былъ чрезвычайно въжливъ со мною, — и мнѣ кажется, что мысль женить меня на Лизѣ первоначально родилась въ его головѣ!..... Я долженъ былъ отобѣдать съ ними: пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей изъ города. Зенеида была блѣдна какъ смерть. Мы не смѣли взглянуть другъ на друга.

Послѣ обѣда, всѣ мы пошли гулять въ садъ. Я примѣтилъ въ ней безпокойство: она, казалось, хотѣла переговорить со мною. При первой удобности, когда толпа гуляющихъ разсѣялась по узкой дорожкѣ, которую мы шли, я поровнялся съ нею. При по-

воротѣ на другую дорожку, мы благополучно очутились впереди нашихъ спутниковъ. За нами шла Лиза съ какою-то незнакомою барышнею: онѣ разговаривали объ осеннихъ шляпкахъ.

— Я желала сказать вамъ два слова.

— Я это примѣтилъ.

— Вы, по несчастію, удивительно какъ все примѣчаете!..... Могу ли я полагаться на ваше великодушіе?

— Сударыня, полагайтесь на мой долгъ и на мое къ вамъ уваженіе.

— Скажите мнѣ правду: просилъ ли васъ мой мужъ посѣщать насъ въ городъ?

— Нѣсколько разъ.

— Вы ему обѣщали?

— Отъ всей души!

— И вы намѣрены сдержать обѣщаніе, — не правда ли?....

Я не отвѣчалъ ни слова.

Она быстро взглянула на меня: глаза ея мгновенно наполнились росой, сквозь которую вдругъ пробилась лучи удивительнаго свѣта, и проникли до глубины моего сердца. Она была въ сильномъ волненіи.

— Я прибѣгаю къ вашему великодушію!.... Здѣсь объясненія не нужны..... Вы знаете все... Ахъ, вы все знаете!!..... Я несчастна: болѣе не могу сказать вамъ.... Но если еще смѣю называть васъ другомъ.... Да! вы не можете быть врагомъ моимъ!.... Именемъ этой дружбы заклинаю васъ, сжальтесь надъ несчастною, надъ самою несчастною женщиною въ міръ!....

— Довольно, довольно! Вы желаете, чтобъ я не сдержалъ моего слова?.... такъ ли?.... Будьте совершенно спокойны: это давно уже рѣшено въ душѣ

моей. Мы никогда не увидимся, и я беру на себя весь послѣдствія.

— А!!.... У меня отлегло сердце!.... Я не обманулась въ разсужденіи васъ..... Я была въ томъ увѣрена!....

Разговоръ такого рода не могъ быть продолжительнѣе. Мы слишкомъ хорошо понимали другъ друга, и долѣе не могли мучить себя словами. Казалось, будто громъ упалъ въ нашу грудь, и будто въ то же самое время мы были спасены отъ какой-то погибели. Мы шли въ безмолвіи минутъ десять: потомъ говорили о погодѣ, говорили о росѣ, говорили о занимательности осенней пестроты деревъ.....

— Я еще въ долгу передъ вами.

— Какъ! что такое, сударыня?

— Помните, кольцо вашей сестры?... Мнѣ его отдали; я все хотѣла отослать его къ вамъ, и потеряла. Но, вмѣсто его, я купила другое, которое прошу васъ принять въ замѣну потеряннаго.....

Она вынула изъ платка гладкое золотое кольцо со звѣздочкою наверху, и подала его мнѣ робкою рукою.

Я взялъ его.

— Нужды нѣтъ! сказалъ я съ натянутою холодностію. Оно всегда будетъ считаться у меня сестринимъ кольцомъ.

Удовольствіе мелькнуло на прекрасномъ ея челѣ.

Я все лѣто видѣлъ это кольцо на пальчикъ Зелены, и она, казалось, была мнѣ очень благодарна, что я притворился, будто не узнаю его.

Возвратясь къ крыльцу дома, я простился съ хозяиномъ, и сказалъ ему, что намѣренъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга..... О, кто мнѣ

теперь укажетъ то волшебное сіяніе, какимъ при этихъ словахъ озарилось ея лице! Радость прыснула изъ ея взоровъ струею радужныхъ искръ. Она торжествовала; она видѣла, что самовластно располагаетъ мною..... Несчастливая! она была благодарна за то, что я вонзалъ ей ножъ въ сердце по ея приказанію.

Прошло полтора года: я не выѣзжалъ изъ Петербурга, но совершенно оставилъ общества, въ которыхъ безъ нея не предвидѣлъ для себя удовольствія, и гдѣ однако жъ боялся встрѣтиться съ нею. Я мучился, я грустилъ, плакалъ, приходилъ въ отчаяніе, — даже былъ боленъ. Потомъ мнѣ казалось, будто я забылъ объ ней, — и двадцать разъ въ день повторялъ я про себя: — Да! я забылъ объ ней!.....

Это, какъ говорятъ многіе, ничтожное событіе сообщило моей жизни совсѣмъ другое направленіе: прежде я существовалъ въ свѣтъ для людей, то есть, для себя; теперь пристрастился къ Наукамъ, къ Словесности, къ размышленію, сталъ даже писать со скуки, и жилъ совершенно для себя, то есть, для людей. Я писалъ! Любители чтенія меня читали; любители Словесности меня преслѣдовали: все было, какъ должно быть, и очень весело.

Въ городѣ свирѣпствовала нервическая горячка. Я занемогъ, и чуть не умеръ. Въ припадкахъ бреда, мнѣ грѣзилось, что на какомъ-то балѣ я вальсирую съ Зенеидою: на другой день сказывалъ мнѣ камердинеръ, что я кружился по комнатахъ съ подушкою. Однажды, я увѣрялъ доктора, что иду за ея гробомъ на кладбище, и описывалъ ему всѣ подробности погребальнаго шествія. Я выздоровѣлъ, послѣ трехмѣсячной болѣзни, и всѣ видѣнія кончились.

Выздоравливая, я тоже думалъ о Зенеидѣ, но совсемъ иначе: любимая моя мечта была, — представлять ее себя счастливою, веселою, забывшею обо мнѣ, и только по-временамъ воспоминающею о существованіи гдѣ-то на землѣ, въ неопредѣленномъ мѣстѣ, совершенно преданнаго ей человѣка.

Весна случилась прекрасная: я скоро началъ въѣзжать, и разъ вздумалъ навѣстить одну родственницу, которая всегда была дружна съ семействомъ Зенеиды. Я надѣялся услышать отъ нея что-нибудь о той, которой образъ и идеальное счастье съ такою отрадою лелѣлъ въ своемъ воображеніи. Еще до моей болѣзни я слышалъ, что мужъ ея оставилъ свою любовницу: мнѣ пріятно было предполагать, что теперь онъ хорошо живетъ съ женою. Впрочемъ, я рѣшился самъ ни объ чемъ не спрашивать.

Въ передней засталъ я чужаго лакея въ траурѣ, и не обратилъ на него вниманія. Я вошелъ въ гостиную безъ доклада. На диванѣ, подлѣ моей родственницы, сидѣла молодая и прекрасная собою дама, также въ траурѣ. Лице ея казалось мнѣ знакомымъ, и недовѣрчивое любопытство, съ какимъ всматривалась она въ меня, произвело во мнѣ какое-то раздражительное дѣйствіе: я приписывалъ его слѣдствіямъ болѣзни, чрезвычайно усилившей чувствительность моихъ нервовъ. Вдругъ хозяйка, случайно, произнесла мою фамилію.

— А!!!... Такъ это вы? воскликнула незнакомая дама съ радостнымъ движеніемъ тѣла. Вѣрно меня не узнаете?

Я узналъ ее по голосу: то была Лиза. Какъ она выросла, какъ пополнила!... Ей тогда было только восемнадцать лѣтъ, но она казалась двадцати двухъ или трехъ. Я извинился передъ нею обыкновенными фразами, будучи еще не въ силахъ сочинять новыя.

— Но я васъ вижу въ этомъ печальномъ нарядѣ!
По комъ это?

У доброй двушки слезы градомъ покатились по розовому личику; она сказала со вздохомъ :

- По моей сестрѣ, Зенендѣ!
- По Зенендѣ!!.... Она умерла?
- Уже пятый мѣсяць!

Страшный огонь пробѣжалъ у меня отъ мозга по всѣмъ жиламъ, и вспыхнулъ подобно пороху въ желудкѣ, заливая всю внутренность удушливымъ жаромъ нервическаго припадка; голова закружилась; я чуть не лишился чувствъ. Съ трудомъ соединилъ я разбѣжавшіяся изъ тѣла силы, чтобъ распросить о подробностяхъ. Лиза рыдала, рассказывая мнѣ объ ея кончинѣ; я закрылъ глаза платкомъ; хозяйка оставила насъ однихъ въ гостиной, не желая быть свидѣтельницею невеселой сцены. Бѣдная Зененда занемогла тою же болѣзнію, какъ и я, только двумя сутками прежде меня, и умерла на девятый день. Первые семь дней провела она въ безпамятствѣ; два послѣдніе, пользовалась совершеннымъ присутвіемъ духа, предчувствовала свой конецъ, и говорила объ немъ равнодушно, — даже съ удовольствіемъ, — какъ объ избавленіи своемъ отъ гoryкой и несносной жизни. Лиза въ особеннсти была озлоблена на ея недостойнаго мужа: она приписывала ея смерть огорченіямъ, обидамъ и жестокому рабству, подъ которыми покойная непрерывно стонала, хотя никогда не жаловалась на свое положеніе, стараясь до послѣдней минуты извинять супруга передъ собою и обезпечивать для него уваженіе остающихся въ живыхъ. Она сообщила мнѣ нѣсколько такихъ гнусныхъ подробностейъ объ его жестокомъ поведеніи съ добродѣтельною и нѣжною женою, что я содрогнулся всѣмъ тѣломъ. Те-

— Онъ чувствуетъ всю важность своей потери, и уходитъ въ отчаяніе. Киргизецъ!.....

— У меня есть къ вамъ одно порученіе, присовокупя она.

— Что такое, сударыня?

— За два часа до смерти, бѣдная моя Зенеида пришла мнѣ спросить у васъ, если когда нибудь съ вами увижусь: у васъ ли та зеленая книга, которую потеряла она на дачѣ въ 18** году? Если она у васъ, Зенеида приказала васъ просить, чтобъ вы сохранили ее навсегда и никому не отдавали.

— Ахъ, она у меня!..... У меня эта святая книга, и она никогда не разлучится со мною.....

Я не могъ сказать болѣе ни слова: мнѣ дѣлалось тошно..... Лиза еще довершила мое разстройство, опираясь съ чувствомъ разныя обстоятельства кончины несчастной сестры. За часъ до смерти она простилась съ родными и домашними: мужъ ея, вѣроятно жгиваемый угрызеніемъ совѣсти, не могъ вынести вида лица умирающей жены, которую такъ жестоко обидѣлъ, такъ измѣннически ограбилъ со всей славы жизни: онъ заперся плакать въ своемъ кабинетѣ только отъ времени до времени приходилъ посмотреть на нее минутку, въ раздрающемъ уныніи. Лиза одна осталась у ея постели. Чувствуя въ груди послѣдній вздохъ угасающей жизни, Зенеида просила сестру приставить къ ней изъ ящика, въ которомъ хранились ея драгоценности, тонкое гладкое кольцо, съ эмалевою оправой вокругъ и съ надписью внутри, «Александра»: этимъ примѣтамъ я не могъ не узнать кольца моей сестры, которое нѣкогда потерялъ съ пальца на пухъ. Лиза вынула его изъ ящика.

— Возьми мою руку, Лиза! сказала она слабымъ

голосомъ, сляясь улыбнуться въ послѣдній разъ. Она уже холодна?.....

— Да! отвѣчала Лиза уныло.

— Она уже умерла!..... примолвила злополучная. Теперь она свободна..... Теперь она не принадлежитъ..... никому въ свѣтъ!..... никому!..... Я могу располагать ею.....

Она просила Лизу надѣть ей это кольцо на охладѣлый палецъ и имѣть попеченіе, чтобъ его не сняли по ея кончинѣ.

— Я желаю носить его..... на томъ свѣтъ..... въ моги.....

То были послѣднія ея слова, которыхъ уже она не кончила: нечаянно повторенныя предо мною Лизою, они лишили меня чувствъ. Я упалъ съ кресель. Когда свѣтъ опять проникъ въ мои зѣницы, я увидѣлъ себя въ своей спальнѣ, на постели. Подлѣ меня сидѣлъ незнакомый докторъ, и скоро вошла ко мнѣ моя родственница, у которой случилось это со мною. Я узналъ, что, при этихъ словахъ, глаза у меня запылали; лице, блѣдное какъ снѣгъ, искривилось ужаснымъ образомъ, волосы съжались на головѣ, и я судорожно схватилъ зубами кольцо, бывшее у меня на пальцѣ, — данное мнѣ нѣкогда Зенеидою въ замѣнъ моего, — и держалъ его такъ крѣпко, что съ трудомъ вырвали у меня изо рта согнутый колыномъ палецъ, когда устрашенная Лиза подняла своимъ крикомъ весь домъ моей родственницы. Г-жа Х*** не понимала, что это значитъ: я обѣщалъ ей объяснить послѣ.

Сильная невралгія, — самый мучительный и жестокий недугъ измятаго образованностью чловѣка, — былъ послѣдствіемъ этого свиданія съ сестрою покойницы. Лекарства принесли мнѣ нѣкоторое облегченіе, но корень болѣзни навсегда остался въ моихъ истерзанныхъ нервахъ. Теперь я съ пользою могъ бы

ть повѣшенъ на стѣнѣ въ кабинетъ ученаго иста-
тателя Природы, и служить ему превосходнѣйшимъ
мѣръ барометромъ и электрометромъ. Никто луч-
ше меня не въ состояннн сказать, сколько сырости
электричества въ атмосферѣ; а слышу громъ за
четверть часа до отраженія его треска въ нижнихъ
ряхъ воздуха. Иногда скрипъ пера по бумагѣ кажется
мнѣ громомъ..... Варвары не могутъ ощущать такой
чуждой болѣзни.

— Дѣло конченное! сказалъ я про себя, какъ ско-
рости позволили мнѣ разсуждать нѣсколько связно.
Всѣмъ ясно! я никогда не женюсь: она моя жена!.....
она отдала мнѣ свою мертвую руку, и я не отрицу
этого драгоценнаго, добродѣтельнаго дара. Ея образъ,
ея стѣнъ, трупъ ея, будутъ сопутствовать моей жиз-
ни, какъ звезда странникамъ, идущимъ безконеч-
но пустынею на поклоненіе колыбели Мессіи!.....
Одно лѣто, проведенное на дачѣ, для забавы, да-
етъ такой дивный оборотъ цѣлой моей жизни!.....
я не вѣрю многому, — не считая безпристрастія,
чужды театру, для правды и «Промысла наро-
да», — но что-то непонятное, однако отнюдь не
чуждое естественное, связывало и связываетъ мое су-
ществованіе съ этою женщиною. Съ перваго дня на-
шего знакомства мы страстно, безпредѣльно любили
другъ друга, хотя никогда слово «любовь» не выхо-
дило изъ нашихъ устъ, никогда нескромный взглядъ
не объявлялъ того, чего уста произнести не смѣли.
Съ словъ, мы понимали себя такъ ясно, что ни
одна мысль не могла родиться въ умѣ одного,
не бывъ тотчасъ извѣстною другому, когда бывали
вмѣстѣ; — а раздѣленныхъ пространствомъ, безъ
какого вещественнаго сообщенія, скажите мнѣ, ка-
кимъ волшебнымъ цѣпью невидимо окружала наши жиз-
ни и сковывала ихъ въ одну жизнь? Эта одинако

вая болѣзнь въ одно и то же время, — эта ея уверенность въ минуту самой смерти, что я люблю ея и теперь, какъ прежде, хотя и прежде никогда не говорилъ ей объ этомъ, — это видѣніе въ бреду будто я слѣдую за ея гробомъ, именно въ тотъ самый день, когда душа ея улетѣла на небо!..... Мой докторъ утверждалъ, что все это вещь очень понятная; что это магнетизмъ, животное электричество, симпатія, восторженіе перваго сока: словомъ именно то нѣчто-такое, которое есть, — есть! — но чего схватить, ни понять никакъ невозможно.

— Теперь понимаю! отвѣчалъ я ему.

— Вы помните исторію того Нѣмецкаго монаха, которымъ упоминаетъ Бюффонъ? Того, который от продолжительнаго цѣломудрія вдругъ, не учась музыкъ, сталъ превосходно играть на всѣхъ инструментахъ и пѣть лучше Г-жи Каталани? — и потерялъ эти чудесныя свойства, нарушивъ чистоту цѣоти? Это тоже одна изъ тѣхъ очень понятныхъ вещей, которыхъ никакъ нельзя понять.

— Понимаю!

— Вы знаете, что многіе, въ порывѣ сильной любви, писали прекрасныя стихи и отличныя картины или разрѣшали алгебраическія задачи, хотя до наркисизма и по его прошествіи ни писать, ни читать, ни даже счесть до десяти не умѣли?

— Понимаю!

— Постойте. Гдѣ ваша соната?

— Какая?

— Та, которую часто играли вы мнѣ на фортепіано.

— *Sonnata del diavolo*?

— Да! Чертовская соната!..... Ну, вотъ она! Знаете ли ея исторію? Тартини, весьма посредственный музыкантъ, долго мучился и не могъ сочинить

ничего порядочнаго. Онъ легъ спать, и ему приснилось, будто чортъ, пришедши къ нему въ гости, взялъ крышку и сыгралъ надъ самымъ его ухомъ восхитительную сонату. Онъ проснулся, и тотчасъ поожилъ на ноты слышанную во снѣ музыку. Тартини во всю жизнь не сочинилъ ничего подобнаго. Эта соната произведеіе геніальное. Какъ же это галось?..... Вы понимаете!

— Понимаю!

— Вы мнѣ сказывали сами, что лично знали извѣстную Г-жу Беркманнъ, жену извѣстнаго часоваго мастера, о которой извѣстнѣйшій изъ извѣстныхъ, Докторъ Іосифъ Франкъ, столько писалъ въ Вѣнскихъ Лейпцигскихъ Журналахъ. Вы знаете, что, во время своего эпилептического сна она говорила и читала книги на всѣхъ языкахъ; переводила съ греческаго, Латинскаго, Халдейскаго, Бискайскаго, и прочая; объясняла составныя части химическихъ веществъ, положенныхъ у ней на груди подъ ложкою; видѣла насквозь внутренность особъ, стоящихъ передъ нею, и описывала кроющіяся въ ихъ тѣлѣ поврежденія, и такъ далѣе. Безъ-сомнѣнія, вы были сами свидѣтелемъ этихъ чудесныхъ явленій?

— Нѣтъ! Я былъ раза три у Г-жи Беркманнъ, и въ эти дни, какъ нарочно, пароксизмъ не удавался. Но я очень хорошо понимаю это.

— Вы можете еще прибавить къ нимъ Нѣмецкаго муника Мюллера, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія предсказалъ политическія перемѣны, сбывшіяся потомъ въ 1813 и 1814 годахъ; Французскаго поселеннаго, который предостерегалъ Лудовика XVIII о погибели, угрожавшей Герцогу Беррійскому; молодую Княжну Любомирскую, падавшую всегда въ обморокъ при видѣ дверей, въ которыхъ въ послѣдствіи она погибла; Французскаго посла въ Лондонъ, съ которымъ случилось то же самое, когда его брилъ молодой Англій-

скій цырюльникъ, какъ потомъ оказалось, родной его сынъ, потерянный въ Германіи; наконецъ многочисленныя примѣры лицъ, видѣвшихъ и описывавшихъ другимъ кончину своихъ отцовъ, матерей и сестеръ, которые въ ту самую минуту разставались съ жизнью въ отдаленной странѣ. Сообразите все это, и тогда еще легче постигнете вы то, что теперь приключилось съ вами. А что касается до причины подобныхъ явленій, то вы понимаете ее такъ же хорошо, какъ и я.

— Какъ не понимать!...

Но едва докторъ уходилъ изъ спальни, я опять не понималъ ничего, и вѣрилъ только въ любовь, — въ которую и теперь вѣрю, — болѣе чѣмъ когда либо!.....

Я былъ неутѣшенъ, но спокоенъ, — спокоенъ, какъ любовникъ, который уже не боится разстаться съ предметомъ своей страсти. Казалось, я обладалъ Зенеидою, и она была моя навсегда. Какъ скоро находился одинъ въ своей комнатѣ, или оставлялъ занятіе, чтобъ предаться думѣ, я думалъ о Зенеидѣ, и тотчасъ ощущалъ ея присутствіе, — и былъ счастливъ. Это состояніе продолжается со мною и до сихъ поръ. И странное дѣло! — на улицѣ, въ полѣ, въ чужомъ домѣ, я не могу наслаждаться этою мечтою: тамъ мнѣ скучно; я спѣшу домой, бѣгу къ моей мечтѣ, какъ къ возлюбленной супругѣ, ожидающей меня съ тоскою въ сердцѣ и всегда готовой принять вѣрнаго друга въ пламенные свои объятія: удаляюсь въ кабинетъ, запираю дверь, и моя мечта является ко мнѣ съ свѣтлою, розовою улыбкою. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ Зенеиды обитаетъ въ моемъ домѣ!

Судьба Лизы очень меня озабочивала, и даже приводила въ большое затрудненіе. Она была не богата, и потерявъ сестру, теряла все. Родня ея была слишкомъ богата и знатна, чтобъ могла пособить ей. Дочь разорившихся родителей — самое несчастное созданіе въ

ть! Зенеда, такъ сказать, завѣщала мнѣ Лизу: те-
рѣ бы я долженъ былъ предложить мою руку..... Нѣтъ!
о сверхъ моихъ силъ!..... Посчастію, я узналъ, что
а была уже помолвлена за одного тогдашняго Фли-
ль-Адъютанта, храбраго и честнаго офицера, кото-
го уважалъ я отъ всей души. Она теперь счастлива.

Но мнѣ всегда хотѣлось увидѣть гробницу моей Зе-
иды, и я не имѣлъ смѣлости отправиться на Смо-
нское. Я боялся, что не вынесу вида ея могилы:
итомъ, какая-то невидимая сила всегда внезапно и
преоборимо останавливала меня въ самомъ намѣре-
и. Холодный потъ выступалъ на челѣ, при одной
сли о путешествіи на кладбище. Я сказалъ о томъ
нажды моему доктору, и онъ не совѣтовалъ мнѣ дѣ-
тъ опыта, утверждая, что когда, при такомъ какъ у меня
стояніи нервныхъ соковъ, самое предчувствіе противно
сполненію этого долга памяти о другѣ, то не слѣ-
етъ пренебрегать голосомъ Природы: это можетъ
тъ одно изъ тѣхъ ясновидѣній, въ которыя я и
тъ не вѣримъ, — одна изъ тѣхъ непонятныхъ вещей,
которыя очень хорошо понимаются, — словомъ, одна изъ
хъ глупостей, которыя иногда бываютъ умнѣе соро-
умныхъ вещей.

— Съ вами можетъ случиться несчаствіе, сказалъ
кторъ: ваши соки не даромъ боятся Смоленскаго
адбища.

— Пустое, любезный Эскулапъ! Мои соки не лю-
тъ Смоленскаго, потому, что знаютъ, что когда-ни-
удъ прійдется имъ изсякнуть въ его нескѣ.

— Но вы можете подвергнуться возврату прежней
льной невралгій, а я не люблю, когда мои годич-
ые пациенты хворають.

— Я обещаю вамъ быть здоровымъ круглый годъ
е въ счетъ нашихъ условій.

Я велѣлъ заложить коляску, и поѣхалъ на Смоленское. У самыхъ воротъ, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я принужденъ былъ скорѣе воротиться домой, и опять слегъ въ постель.

Съ тѣхъ поръ, я не пытался болѣе проникнуть въ ограду кладбища, но завелъ для себя особый родъ прогулки: въ хорошую погоду заѣхалъ на Васильевскій Островъ, оставлялъ коляску въ седьмой или восьмой линіи на Маломъ Проспектѣ, и оттуда ходилъ пешкомъ до воротъ кладбища, отъ которыхъ поворачивалъ назадъ, отправлялся къ экипажу, и увѣзжалъ домой или въ городъ. Такъ провелъ я пять лѣтъ.

Эти таинственныя прогулки, всегда въ одно время, всегда въ одно мѣсто и съ одинаковыми обстоятельствами, довольно похожими на мѣры предосторожности, крайне удивляли моихъ людей и подстрекали ихъ любопытство. Мой камердинеръ всегда горько улыбался, — онъ читалъ мои Русскіе Романы, и, негодяй, до тѣхъ поръ кривлялъ губы передъ зеркаломъ, пока не выучился, по точной мысли автора, улыбаться чистымъ перцемъ, — мой, говорю, камердинеръ горько улыбался, когда я приказывалъ кучеру ѣхать къ Исакиевскому Мосту, потому что, какъ говорить пословица, которую я самъ выдумалъ на прошедшей недѣлѣ: «у всякаго смертнаго человѣка есть своя Нюмочка на Васильевскомъ Острову!» Мнѣ надоели его горькія улыбки.

Я счелъ нужнымъ оправдать свое поведеніе передъ коварными слугами, и рѣшился впередъ оставлять экипажъ въ такомъ мѣстѣ, откуда бы мой кучеръ могъ видѣть всю невинность моихъ путешествій.

Въ Маѣ 18** года, по обыкновенію, поѣхалъ я на Островъ, въ исходѣ третьяго часа по-полудни. День былъ прелестный. Я приказалъ везти себя другимъ путемъ, по Большому Проспекту, и остановиться у Финляндскихъ казармъ. Оттуда пошелъ я тихо, задумчиво,

начально, но направленно къ кладбищу. Только одна тропинка была суха въ этомъ мѣстѣ, и на ней приходилось довольно часто миноваться съ мужиками и гуляющими островитянками, — что не весьма мнѣ нравилось. Однако, я пошелъ далѣе, чтобъ подать моему кучеру примѣръ хорошей нравственности. Пройдя тысячу шаговъ, увидѣлъ я впереди даму въ черной шляпкѣ и cloakъ особеннаго цвѣта, нѣсколько мнѣ знакомъ. Она была одна, безъ лакея, и шла очень тихо мнѣ на встрѣчу. Я началъ высматривать поблизести себя сухое мѣсто, куда бы могъ посторониться для нея съ тропинки. Мы скоро поровнялись. Чтобъ пропустить ее, я остановился, и не смотрѣлъ ей въ лице, къ учтивости. Она тоже остановилась.

— Вы уже на меня не смотрите! сказала она голосомъ, который разорвалъ мнѣ сердце.

Я приподнялъ глаза.

— Зенеида!!!.....

Я омеденѣлъ. То была она!.... Она! — та же, какъ семь лѣтъ тому назадъ, молодая, свѣжая, розовая, съ тѣми же голубыми глазами, — чистыми и голубыми, какъ пучины Средиземнаго Моря, — съ тою же плѣнительною улыбкою! Я видѣлъ ее наяву, среди бѣлаго дня, — видѣлъ, и не могъ не сомнѣваться. Но испугъ потушилъ во мнѣ голосъ; уста мои были заклеимены холоднымъ и тяжелымъ свинцомъ; я стоялъ неподвижно, подобно надгробному памятнику. Она смотрѣла мнѣ въ глаза, и улыбалась, какъ солнце.

— Что жъ вы меня боитесь? сказала она.

Я долго еще стоялъ въ безмолвіи, которое еще болѣе усиливало ея веселость. Наконецъ произнесъ робкимъ голосомъ:

— Мнѣ сказали, что вы умерли!

— Кто вамъ сказываль это?

— Лиза, всь!

— Я умерла для всьхъ, но для васъ я жива.

Говоря это, она опять улыбалась такъ прелестно, — такъ нѣжно на меня глядѣла, что я не зналъ, что думать.

— Да, мой другъ! сказала она съ умильною грустію перемѣняя и голосъ и выраженіе лица. Шутки въ сторону, тебѣ сказали правду: я умерла!... Не вѣришь! На, дай мнѣ руку!

Я снялъ перчатку, обливаясь холоднымъ потомъ по всему тѣлу, и подаль ей руку, которую она легонько пожала: это пожатіе оставило на моихъ пальцахъ ощущеніе долгаго тренія кускомъ льду по кожѣ.

— Видишь, что я умерла! присовокупила она, опять мило улыбаясь. Не бойся меня, мой другъ, мой добрый другъ!... Развѣ я не твоя жена?

— Да, Зенеида! воскликнулъ я, вдругъ воспламенясь всею силою моей любви: ты моя жена!... Нѣтъ, я тебя не боюсь! Я только изумился! Ты мечта моей жизни; ты наполняешь всю ее собою....

— Мой добрый Н***! прервала она, нѣжно прислонясь ко мнѣ и взявъ меня подъ руку. Я знаю, что ты меня любишь, и твоя любовь мнѣ жизнь по смерти. Я движусь твоею любовью: когда ты перестанешь любить меня, я не поднимусь болѣе изъ гроба; я тотчасъ рассыплюсь въ сѣрый прахъ.... Зачѣмъ прежде не хаживаль ты гулять по этой дорожкѣ?.... Я бы давно вышла тебѣ на встрѣчу. Тамъ мнѣ ходить не ловко: тамъ много народу.... и безпрестанно проѣзжаютъ покойники.... Хочешъ ли проводить меня въ мой домикъ?

— Да, мой ангель; хочу!

Она пустила мою руку, и поворотила къ кладбищу: я пошелъ за нею. Сердце страшно трепетало въ моей

судя. Слишкомъ полчаса шли мы тою же тропинкою, я, среди счастья, восторга, среди упоенія, котораго и какое перо описать не въ силахъ, — которое легко постигнуть только души, сильно любившія, — я всячески, же для обезпеченія моего счастья, старался объяснить себѣ здоровымъ разсудкомъ случившееся со мною заключеніе. Я долго думалъ, — думалъ на разные способы системы, — и принужденъ былъ сознаться, что это была одна изъ тѣхъ непонятныхъ вещей, которыя даже и не понимаются!..... Въ возможности ея не могъ я сомнѣваться, — это было днемъ и въ виду людей! — но она разрушала всѣ основанія вѣроятности и правдоподобія, но, съ другой стороны, иногда подвигаетъ дѣло ниже къ истинѣ. «Воображеніе человека, говоритъ одинъ Московскій философъ, еще не представляло себѣ невозможнаго: чего не было или нѣтъ, то сбудется.» Слышь этого я пересталъ и думать.

Взойдя на кладбище, она опять подала мнѣ руку. Мы миновали множество надгробныхъ памятниковъ, глядя даже на нихъ: у насъ было столько, что сказать другъ другу!..... «Тебя тутъ не было, когда тебя привезли сюда!» говорила добрая Зенеида. Ты былъ боленъ, и я очень боялась, чтобъ ты не перешелъ..... Я очень сожалѣла, что тебя не было на моемъ балѣ. То былъ мой балъ, мой свадебный балъ! Какъ мнѣ было легко на сердцѣ и отрадно!..... Странія мои кончились, — ужасныя страданія! — ты теперь знаешь!..... Для меня начиналась новая жизнь: я почувствовала, что теперь я твоя; что уже никто не можетъ надо мною права, кромѣ твоей любви, которой обязанъ я всѣмъ. Я теперь счастлива; я награждена за свою добродѣтель, и вижу Того, кого ты можешь видѣть, — но котораго и ты увидишь!...» Мы пришли къ одному небольшому, но чрезвычайно массивному памятнику, и остановились. Она указала на надпись.

— Вотъ злополучное имя, подь которымъ столько я страдала! Этотъ человекъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ погубить меня. Я стояла на краю пропасти: ты спасъ меня!..... Я молю Всевышняго за тебя днемъ и ночью: не бойся, мой другъ; люди не могутъ ничего тебѣ сдѣлать; я сторожу тебя. Знаешь ли? — я твой ангелъ хранитель!

Я смотрѣлъ ей въ глаза, и плакалъ. Мы обошли кругомъ памятникъ. Она взяла меня за руку, топнула ножкою, и мы вдругъ опустились подь землю. Я очутился съ нею въ небольшой квадратной комнатѣ, озаренной прекраснымъ свѣтомъ, хотя въ ней не было ни окна, ни видимаго отверстія. Комнатка снизу доверху была убрана цвѣтами, разливавшими въ воздухъ упоительное благоуханіе. Въ углу, на маленькомъ пьедесталѣ, стояло распятіе; съ боку, закрытый розовый гробъ, обитый богатыми серебряными галунами. Я узналъ его: я видѣлъ этотъ гробъ въ горячкѣ!...

Вотъ моя кровать! сказала она: присядь на ней со мною; у меня нѣтъ другой мебели. Теперь ты видишь мой домъ! Онъ не такъ великолѣпенъ, какъ твои комнаты, но здѣсь весело жить доброму. Останься здѣсь, другъ мой, со мною!... Хочешь ли здѣсь остаться?

— Хочу! ахъ, хочу! воскликнулъ я: къ людямъ возвращаться я не желаю! Здѣсь чувствую я себя проникнутымъ такою возвышенною, неизяснимою радостью, которой на землѣ мы не знаемъ; какою-то сладкою, огненною жизнію!..... Я здѣсь останусь съ тобою. Не высылай меня отсюда, добрая Зенеида!

— Нѣтъ, мой другъ! Ты еще долженъ возвратиться къ людямъ! грустно сказала она. Но я большею частію подлѣ тебя, хотя ты меня не видишь. Ночью я часто сижу у твоихъ ногъ; днемъ, сижу противъ

бя. Я тебѣ не показываюсь, чтобѣ не пугать твоего
ображенія.....

Долго бесѣдовалъ я съ нею въ ея прелестномъ
мѣстѣ: къ сожалѣнію, не могу упомнить всего, что
тамъ говорили; какое-то роскошное смятеніе,
оно вливалось въ мою душу, мгновенно поглощало все
въ ней, которыя, не останавливаясь, только мель-
комъ въ ней одни за другими съ неизвѣстной бы-
строю. Здѣсь выписываю единственно тѣ слова, ко-
торыя глубоко врезались въ мою память и навсегда
остались съ моею жизнію; ихъ хочу имѣть непре-
менно передъ моими глазами. Помню однако жъ,
она наконецъ она мнѣ замѣтила, что уже пора мнѣ
идти домой, и что болѣе никогда не увижу ея такимъ
образомъ. Помню, что показала мнѣ на своемъ пальцѣ
некое кольцо, и, снявъ его, сама надѣла мнѣ на па-
лецъ, въ память моего посѣщенія. Помню еще, —
это не только помню, но чувствую! — помню, что
она вставъ съ гроба, она тихонько приблизилась ко
мнѣ и вдругъ напечатлѣла на моихъ устахъ холод-
ный, какъ замерзшее желѣзо, поцѣлуй, который
вошелся по моимъ жиламъ жестокимъ морозомъ
замедлилъ кровь: она сказала, что я ощущу его
на моихъ устахъ всякой разъ, какъ стану думать объ ней
любовью. Я его ощущаю!

Уже собиралась она вывести меня изъ своего вол-
шебнаго жилища, какъ вдругъ остановилась, и ска-
зала:

— Пойди, Н***! я покажу тебѣ что-то.

Она придвинулась ко мнѣ легко и быстро какъ
птица, взяла меня подъ руку, привела къ розовому
окну, и тихонько подняла крышу. Я увидѣлъ вни-
зу его обнаженный скелетъ, съ торчащими изъ
рта острыми зубами, съ бѣлымъ костянымъ челомъ, без-

образно засореннымъ присохшими клочками волостъ съ глубокими ямами, налитыми мракомъ, вмѣстѣ съ глазь и щекъ.....

— Это твоя Зенеида! сказала она.

Я затрепеталъ отъ ужаса. И въ то же мгновение все исчезло; при мнѣ уже не было милой, молодой румяной Зенеиды. Повсюду темно и страшно!... Пространство вокругъ меня сжимается. Я спертъ съ всѣхъ боковъ землею. Что-то сильно душитъ меня въ горль: я хочу кричать, и голосъ не раздается въ моей груди. Я безъ чувствъ!.....

Спустя нѣсколько часовъ, я лежалъ на постелѣ въ своей комнатѣ. Все это странное, непостижимое происшествіе стояло у меня передъ глазами: я громко призывалъ имя Зенеиды..... Безъ всякаго сомнѣнія то была она! — то былъ ея духъ — мой ангель-хранитель!..... Я спрашивалъ, какимъ образомъ я себя, кто вынулъ меня изъ земли, кто принесъ сюда: мнѣ отвѣчали, что солдаты нашли меня почти мертвымъ на тропинкѣ, по которой я гулялъ, принесли къ казармамъ, гдѣ кучеръ узналъ меня, осторожно привезъ домой. Я послалъ въ казармы отыскать сострадательныхъ воиновъ, чтобъ наградить ихъ; приказалъ распросить о мѣстѣ, гдѣ былъ подобранъ, осмотрѣть мѣсто и замѣтить его съ точностію. Нашлось, что я лежалъ повергнутымъ на землю, безъ признака жизни, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ встрѣтился съ Зенеидою, — съ моею осуществленною мечтою! Между-тѣмъ неймовѣрное потрясеніе всего животнаго зданія уже превращалось во мнѣ въ лихорадку; пламя пожирало мои члены, и бѣлая горячка послѣдовала за этимъ страшнымъ, драгоценнымъ видѣніемъ. Мой докторъ былъ отчаяннъ, и, третично спасши меня отъ смерти, об-

являть, что я неминуемо убью себя своимъ несчастнымъ вображеніемъ.

Все это была бы шутка, игра разстроенной фантазии, дѣло непонятное, которое весьма удобно понимается, если бѣ, послѣ этого, на моемъ пальцѣ не нашлось въ самомъ дѣлѣ кольцо моей сестры, съ ея именемъ, — то самое кольцо, а не иное, — кольцо такъ же хорошо мнѣ знакомое, какъ мой собственный палецъ: я носилъ его шесть лѣтъ средѹ!..... Оправившись отъ болѣзни, я дѣлалъ всѣ возможныя разысканія, подозрѣвалъ всѣхъ и cadaго, — даже моего доктора; распрашивалъ у Лизы, которая по сіе время любитъ меня какъ брата, и съ удовольствіемъ слушаетъ, когда я называю ее Лизою и сестрою; хотѣлъ непременно добиться до «достаточной причины», чтобъ отдать себѣ отчетъ естественными средствами въ обратномъ появленіи на моемъ пальцѣ кольца, несомнѣнно зарытаго за семь лѣтъ въ могилу, — и до сихъ поръ теряюсь въ тщетныхъ догадкахъ!

— Докторъ! скажи, другъ мой, правду: что ты думаешь обо всемъ этомъ происшествіи?..... хотя ты сегодня завтракаешь что-то безъ аппетита. Возьми еще кусокъ *pâté fraise*.....

— Нѣчего не думаю!..... Гдѣ ты покупаешь вино?
— Твоя мантилья удивительная!... Восторженіе нервного сока, родъ магнетическаго полюса въ органическомъ тѣлѣ, животное электричество, котораго свойства, образъ дѣйствія и сила вѣроятно навсегда останутся непонятными.....

— Но это кольцо?

— А!!..... Это металлъ!..... хорошій проводникъ электричества!.....

Т. II. — Отд. I.

Пять часовъ!..... Какъ пролетѣло время! Уже свѣтаетъ!..... Пора мнѣ ложиться спать. Италія, Италія!.... Не правда ли, Зенеида, что ты и въ томъ далекомъ краю не разлучишься со мною?.... что ты будешь со мною повсюду?..... Да! ты меня не оставишь!.....

Н. Н.

=

Слава Богу, конецъ! Какое длинное вступленіе!... Какія странныя мысли!..... Что жъ это онъ написалъ, мой пріятель Н***?..... Въдь это родъ клиническаго журнала о невральгическомъ пациентѣ! Мочить ли онъ меня, или описываетъ истинное съ нимъ событіе?..... Я знаю, что онъ съ давняго времени страдаетъ невральгіей, и страдаетъ отъ какой-то несчастной любви. Что-то подобное въ самомъ дѣлѣ съ нимъ случилось: мнѣ рассказывалъ его докторъ..... Петръ!

— Слушаю-съ.

— Если въ мое отсутствіе забудетъ сюда этотъ блѣдный господинъ въ очкахъ, отдай ему обратно эту статью.

— Слушаю. А когда онъ спроситъ, не сказали ли вы чего-нибудь?

— Скажи ему, что онъ мечтатель, что все это нервы. Мечтатель! нервы!.... будешь ли помнить эти слова?

— Какъ не помнить!

— Повтори же ихъ.

Я скажу ему: Баронъ приказалъ вамъ, сударь, жить, что вы писатель—съ: не ври, сударь! ска- ему. Врать не хорошо!.....

Поди прочь, дуракъ! Лучше не говори ему ни за: я самъ съ нимъ увижусь..... Чего тебѣ еще цно?

Виновать, сударь, Ваше Высокородіе! Забылъ вамъ жить, что онъ сюда не забудетъ. Онъ пріѣзжалъ ститься съ вами: сегодня чуть свѣтъ хотѣлъ онъ ть за границу, а по утру нашли его въ Невѣ, живъ нашего дома. Вы еще спали.

Какъ! Онъ утонулъ!..... Сказать правду, послѣ статьи ему ничего болѣе не оставалось и дѣ- . Бѣдный Н***!..... Снеси же ее къ Издателю зе- го Журнала съ загнутымъ угломъ въ видѣ па- и, — и скажи, что она отъ меня.

самомъ дѣлѣ: пусть ее читаютъ!..... Я же имѣлъ бнѣ прочитать ее, всю!

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПРИПЕЯ МОДЕСТОВИЧА ГОМОЗЕЙКИ.

=

Критикъ. Какая цѣль вашей сказки?

Авторъ. *(униженно кланяясь)*.
Разсказать ее вамъ.

Въ бытность свою въ городъ Рѣженскъ, покойная моя бабушка была свидѣтельницею одного страннаго происшествія: будучи увѣренъ, что публикъ необходимо знать все, что касается до меня или до моихъ родственниковъ и знакомыхъ, я разскажу сіе происшествіе со всею подробностью, какъ мнѣ его разсказывали, и, по моему обыкновенію, не прибавляя отъ себя ни единого слова.

Много лѣтъ тому назадъ, находился въ нашемъ городѣ въ званіи Городничаго отставной Прапорщикъ, Иванъ Трофимовичъ Зернушкинъ. Давно уже исправлялъ онъ эту должность, — да и не мудрено: всѣ такъ имъ были довольны: никогда онъ ни во что не мѣшался; позволялъ всякому дѣлать, что ему было угодно: за то не позволялъ никому и въ свои дѣла вмѣшиваться. Нѣкоторые затѣйники, побывавшіе въ Петербургѣ, часто приступали къ нему съ разными, небывалыми у насъ и вредными нововведеніями; они, напримѣръ, толковали, что не

худо бы осматривать, хотя изрѣдка, лавки съ съѣстными припасами, потому, что Рѣженскіе торговцы имѣли, не знаю отъ чего, привычку продавать въ мясомяте баранину, а въ постъ рыбу, да такую, прости Господи! — что хоть вонъ бѣги съ рынка; иные прибавляли, что не худо бы хотя песку подсыпать по улицамъ и запретить выкидывать на нихъ всякой вздоръ изъ домовъ, ибо отъ того, будто бы, въ осень никуда пройти нельзя, и, будто бы, отъ того заражается воздухъ; бывали даже такіе, которые утверждали, что необходимо въ городъ завести хотя одну пожарную трубу съ лѣстницами, баграми, топорами и другими вычурами. Иванъ Трофимовичъ — на всѣ сіи неразумныя требованія отвѣчалъ весьма разсудительно; остроумно и съ твердостью. Онъ доказывалъ, что лавочники никому своего товару не навязываютъ, и что всякой самъ долженъ смотрѣть, что покупаетъ; что одни лишь пустодомы да непорядочные люди могутъ требовать отъ Городничаго наблюденія за такимъ дѣломъ, которое должна знать послѣдняя кухарка. Касательно мостовой онъ говорилъ, что Богъ даетъ дождь и хорошую погоду, и видно ужъ такой отъ Него положенъ предѣлъ, чтобы осенью была по улицамъ грязь по колѣно: сверхъ того добрые люди сидятъ дома, и не шатаются по улицамъ, а когда Русскому человѣку нужда, такъ онъ вездѣ пройдетъ. Если бы, прибавлялъ онъ, на улицу ничего не выкидывали, свиньямъ бѣдныхъ людей нечего было бы ѣсть въ осеннее и зимнее время. Что касается до воздуха, то воздухъ не человѣкъ и заразиться не можетъ. Относительно пожарной трубы, Иванъ Трофимовичъ доказывалъ, что таковой и прежде въ городъ Рѣженскъ не имѣлось, а нынѣ, когда три части онаго уже выгорѣли, для четвертой нечего уже затвѣвать такія затвѣ; что наконецъ онъ, карабинернаго

полка отставной Прапорщикъ, Иванъ Трофимовъ сынъ Зернушкинъ, уже не первый десятокъ на семь свѣтъ живетъ, и самъ знаетъ свою должность исправлять, городомъ управлять, и начальству отвѣчать. Такія благоразумныя и неоднократно повторенныя разсужденія скоро закрыли уста затѣйникамъ, особенно, когда однажды, въ сердитый часъ, Иванъ Трофимовичъ присовокупилъ, что его, Городничаго, должность, не за грязью на мостовыхъ и не за гнилою рыбою смотрѣть, а за тѣми, которые учнутъ въ фортеціи злые толки распускать и противу службы злое умышлять.

Всѣ въ городъ похвалили Ивана Трофимовича за его твердый нравъ и обычай, и, благодаря Бога, у насъ, въ Рѣженскъ, и до сихъ поръ все осталось по прежнему: на улицахъ грязь по колено, по рынкамъ пройти нельзя. Та только разница, что, вмѣсто пожарной трубы, въ послѣднее время у насъ заведена прекрасная зеленая бочка съ двумя также зелеными баграми, но, по завѣщанію Ивана Трофимовича, на пожаръ они никогда не вывозятся, ибо иначе легко могли бы испортиться, а хранятся за замкомъ, въ нарочно для того определенномъ сараѣ.

Время оправдало благоразумное распоряженіе Ивана Трофимовича: скоро потомъ, проѣзжавшій чинсвикъ долгомъ почелъ донести Губернатору объ отличномъ устройствѣ пожарныхъ инструментовъ въ городъ Рѣженскъ.

Какъ бы то ни было, Иванъ Трофимовичъ, избавившись отъ докуки Рѣженскихъ затѣйниковъ, обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ, которыхъ у него было два, — а именно: чай и кошка. Да, милостивые государи! Иванъ Трофимовичъ очень любилъ чай, и даже былъ въ немъ большой знатокъ.

По сей-то причинѣ, онъ часто хаживалъ по лавкамъ собирать у купцовъ чайныя пробочки, чтобы

не ошибиться. Такимъ образомъ у Ивана Трофимовича набиралось когда четверть, когда полфунтика. Не то, чтобы онъ всѣ пробочки мѣшалъ вмѣстѣ: нѣтъ! Какъ настоящій знатокъ, онъ выпивалъ каждую по одиначкѣ, и котораго чай онъ похвалить, тотъ купецъ и несетъ ему гостинецъ. Говорять однако же, къ чести Ивана Трофимовича, — такая была у него добрая душа! — что онъ при этомъ случаѣ руководствовался не столько качествомъ чая, сколько или очередью между купцами, или разными случавшимися обстоятельствами: такъ, напримѣръ, тотъ, у кого чтонибудь было на душѣ, уже навѣрное зналъ, что Иванъ Трофимовичъ прійдетъ къ нему за пробочкою. Не то, чтобы это можно было назвать взяткою! Нѣтъ! Наши Рѣженскіе лавочники такъ любили Ивана Трофимовича, что носили къ нему все изъ чести! Да не для чего было и взятки давать: дѣлъ такихъ, какъ нынче, не было. Разумѣется, и тогда въ городѣ было не безъ ссоръ, не безъ зависти, не безъ злости, — только тогда обычай былъ другой; прійдутъ, бывало, къ Ивану Трофимовичу тяжущіеся: оба говорятъ, говорятъ, — кто кого перекричить; а Иванъ Трофимовичъ послушаетъ, послушаетъ, — да одному толчекъ, другому другой: — никого не обидитъ, покойникъ, и вотъ тяжущіеся потолкуютъ между собою, потолкуютъ, много что подерутся, — душеньку отведутъ, да тутъ же въ питейномъ дому и помирятся, — да еще за здравіе Ивана Трофимовича выпьютъ. Счастливое тогда времечко было!

Любилъ кушать чай Иванъ Трофимовичъ, но не менѣе того любилъ онъ и кошку. Не то, чтобы онъ кошку любилъ, — нѣтъ! — а любилъ, чтобы кошка у него во кругъ шен ходила, ластилась, терлась, да на ухо ему шептала. Правду сказать, да что и за кошка! Нынче ужъ нѣтъ такихъ кошечекъ! Большая, лоснистая,

черная, а мордка, душка и лапки бѣлыя, какъ снѣгъ, словно въ перчаткахъ. Ужъ нѣчего и говорить: у Ивана Трофимовича мышей и въ заводѣ не бывало. Да какія у ней были милыя привычки! Говоривамъ, что нынче ужъ нѣтъ такихъ кошекъ. Бывало Иванъ Трофимовичъ проснется, а кошка прямо къ нему на постелю, то вытянется, то согнется дугою, то замурычитъ, то замяучитъ, — а зеленые глазки у ней такъ и катаются, словно изумруды. Тогда Иванъ Трофимовичъ вставалъ, разводилъ огонь, ставилъ чайникъ въ печку, падѣвалъ фризую шинель, брамъ кулечекъ и отправлялся на рынокъ, а кошка вельдъ за нимъ. Тутъ и собаки лають, и возы вежутъ, и народъ кричитъ, а ей горя мало: только что черезъ лужицы перепрыгиваетъ, да лапки отряхаетъ. Куда въ лавку Иванъ Трофимовичъ, туда и его кошка, — удивленье всему городу! — и вотъ ей гдѣ рыбку, гдѣ свѣжинки: она знай кушаетъ да мурычитъ! Возвратится Иванъ Трофимовичъ, возьметъ чайникъ, сядетъ къ столику возлѣ окошка, а кошка даромъ что сыта: не думайте, чтобы она какъ нынѣшнія кошки, свернулась въ кружокъ да захрапѣла, — нѣтъ! — она на столикъ проберется между чашки и сахарницы, ничего не задѣнетъ, или сядетъ на окошкѣ на солнышко, или на плечо къ Ивану Трофимовичу, и мурыкать не мурычетъ, а трется, трется вокругъ шеи, и шепчетъ — шепчетъ на ухо Ивану Трофимовичу; Иванъ же Трофимовичъ то погладитъ ея, то чайку прихлебнетъ... Такъ протекали долгіе дни.

Одинъ изъ новѣйшихъ сочинителей описалъ эти нѣмыя минуты семейственнаго счастья, когда въ головѣ не проходитъ ни одной мысли, въ душѣ раждается какое то тихое, невыразимое чувство; но кто опишетъ счастье Ивана Трофимовича въ этомъ уединеніи! Теплая избушка, теплый тулупъ, пе

трые обои, мыши кота погребаютъ во всю стѣну, треугольная шляпа, шпага; солнышко свѣтитъ, отъ таяю паръ столбомъ, мимо окошка всякой кланяется, вокругъ шеи теплая Васькина шкурка, и больше ничего, — ни дѣтей, ни жены, ни кухарки, и 300 верстъ отъ губернскаго города! И еще это тихое, невыразимое счастье повторяется каждый день; и не одинъ разъ въ день, а два, поутру и послѣ обѣда; иногда же и въ промежуткахъ! Двѣ было цѣли въ жизни Ивана Трофимовича, — напиться чаю и, молча, держать Ваську на шеѣ. Эта мысль не оставляла его ни на минуту: онъ засыпалъ съ нею, видѣлъ ее во снѣ и съ нею просыпался; къ этой мысли были привязаны всѣ его поступки, всѣ желанія, всѣ мѣткѣйшія движенія его души, — другихъ въ ней не было. Приставалъ ли къ нему кто нибудь съ дѣломъ, случалось ли что важное въ городѣ, онъ отлагалъ все, чтобъ не пропустить положеннаго часа для чаю. Говорили ли о ревизорѣ, — онъ боялся его только потому, что къ нему неловко будетъ явиться вмѣстѣ съ Ваською.

Но нѣтъ вѣчнаго счастья въ этой жизни! У Ивана Трофимовича была однофамилица, и даже нѣсколько съ родни, изъ дворянъ, — вдова Марѣя Осиповна Зернушкина. Случись у ней какое-то дѣло въ городѣ Реженскѣ: никакъ кто-то у ней мельницу околдовалъ, ртути въ плотину напустилъ. Марѣя Осиповна была женщина бойкая, умная, сконидомка, и хотя грамотъ не умѣла, но гадать дѣла знала лучше инаго приказнаго: потому рѣшилась она хлопотать о дѣлахъ сама, своею особою, а Иванъ Трофимовичъ былъ ей нуженъ, чтобы за нее, по родству, руку прикладывать. Она въѣхала къ нему прямо въ домъ. Соблазна тутъ ни какого быть не могло, потому, что имъ обоимъ вмѣстѣ было лѣтъ сотня слишкомъ: добрый Иванъ

Трофимовичъ съ радушіемъ отвелъ ей у себя к морку. Вотъ, разумется, при свиданіи родные обр довались. Пошли толки о томъ, о семъ, о старин о новизнѣ, объ урожаѣ, — а Васька туда же, то л стится, то трется, то замурычить, то замячит то посмотреть на нихъ прищуренными глазками.

— Э! да какая у тебя товарка! сказала Мар Осиповна: давно ли, батюшка, завелся?

— Да давно ужъ, матушка! лѣтъ восемь; съ тѣ поръ, какъ мы съ тобою не видались.....

— Да гдѣ, батюшка, и видѣться! Вѣдь восемьдесятъ версть не шутка! Ты человекъ служебный, а м ужъ не подь лѣта. Три дня, батюшка, къ те тащилась: вѣдь на своихъ!..... Чуть, было, въ гр зи не утонула, а еще все большой дороги держалас ты знаешь, у насъ новую дорогу сдѣлали! Кисан ка! Кисанька!..... Экая славная!..... Ну, вижу я, т право, домкомъ позавелся! Ужъ не жениться хочешь? На дворъ я у тебя видѣла матераго пѣтух а здѣсь кота заморскаго: а вѣдь по нашему, по баб ему рѣченью, котъ да пѣтухъ, что жена, миль другъ!

— Ну, ужъ, матушка, Марѳа Осиповна: что пѣтуха касается, то его хотъ бы не было. Такой кр кунъ — проваль его вььми! — глазъ свести дасть. Я, пожалуй, вамъ его хотъ даромъ отдамъ.

— Благодарствую, батюшка, Иванъ Трофимович Да зачѣмъ это?.....

— И! ничего, матушка! свои люди, сочтемся. ужъ Васька-то мой! То ужъ подлинно сказать, Мар Осиповна, что мой Васька милѣе иной жены. Каб вы знали, какой затѣйникъ, какой забавникъ! И только, что на охоту ходить, да пѣсни поеть, старую шею у меня грѣть; нѣтъ, матушка: вѣ отъ меня онъ крохи не получаетъ, а самъ со мно

по городу бродить, да съ лавочниковъ оброкъ беретъ!.....

— Неужели въ самомъ дѣль?

Не возможно описать всѣхъ разсказовъ Ивана Трофимовича и всѣхъ распросовъ Марѳы Осиповны, и я, подобно сочинителямъ чувствительныхъ романовъ, когда дѣло доходить до развязки, предоставляю читателямъ дополнить воображеніемъ все, что было сказано, недосказано и пересказано при этомъ свиданіи.

Прошло нѣсколько дней. Однажды, послѣ обѣда, сидя за чайнымъ столикомъ, Марѳа Осиповна сказала Ивану Трофимовичу:

— Смотрю я на тебя, батюшка!.....

— Да! отвѣчалъ Иванъ Трофимовичъ. Такъ что же?

— А то, что не хорошо!

— Что не хорошо?.....

— Да такъ! Не хорошо.....

— Да что оно такое не хорошо, матушка?

— А то, зачѣмъ ты позволяешь кошкѣ себѣ на ухо шептать!

— На ухо шептать?

— Да, вонъ видишь: ты, батюшка, ее отогналъ, а она тебѣ опять въ ухо лѣзетъ.

— Признательно вамъ сказать, Марѳа Осиповна, что же тутъ дурнаго? Оно тепло и пріятно.

— Да то тутъ дурнаго, Иванъ Трофимовичъ, что она тебѣ жабу въ головѣ нашепчетъ.

— Какъ, жабу нашепчетъ?

— Да такъ, что у тебя, ни съ того, ни съ сего, жаба въ головѣ заведется.

— Что ты, матушка, говоришь? Ужъ жаба въ головѣ заведется!..... Да какъ она туда зайдетъ?

— Какъ хочешь, Иванъ Трофимовичъ! вѣрь или не вѣрь: я тебѣ не свои слова говорю, а что отъ родителей слыхала. Ты помнишь батюшку покойника:

онъ, бывало, слова даромъ не проронить; а онъ частенько, — царство ему небесное! — толковалъ, что если кому кошка на ухо шепчетъ, у того непременно въ головѣ жаба заведется. —

Что эта баба мелеть? думалъ про себя Иванъ Трофимовичъ, ложась въ постелю и поглаживая Васюку. Вишь, кошка жабу можетъ нашептать! Чего эти бабы не выдумаютъ!

Однако жъ у Ивана Трофимовича въ головѣ и одинъ и два. Вотъ, кажется Ивану Трофимовичу, что египетское что-то въ голову стукнуло, и будто голова у него заболѣла. И онъ думаетъ: болить она, аль нѣтъ болить, точно болить!..... Нѣтъ, не болить, точно не болить!.....

Вставши поутру, Иванъ Трофимовичъ, какъ человекъ въкъ благоразумный, рассудилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего спросить человека знающаго. Былъ у него задушевный пріятель, Богданъ Ивановичъ, уѣздный лекаръ. Давно они уже съ нимъ не видались. — Дай-ка, зайду къ Богдашъ, сказалъ Иванъ Трофимовичъ, да спрошу: онъ человекъ искусный, и вѣрно мнѣ всю правду скажетъ. — Скажано, сдѣлано.

Не хотѣлось Ивану Трофимовичу признаться, что онъ повѣрилъ бабьимъ сплетнямъ, но, какъ человекъ въкъ тонкій, завелъ рѣчь стороною.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Иванъ Трофимовичъ сказалъ лекарю:

— Что это, батюшка, Богданъ Ивановичъ? У насъ въ городѣ, все головой жалуются. Отъ чего бы это?

— Да не мудрено, Иванъ Трофимовичъ! отвѣчалъ лекаръ. Теперь пора осенняя, а въ эту пору обыкновенно усиливается геморой.

— А развѣ только что отъ гемороя и можетъ болѣть голова?

тъ; она можетъ болеть и отъ разныхъ при-
отъ простуды, отъ угару, отъ несваренія

отъ какихъ ни есть другихъ причинъ можетъ
голова?

отъ какихъ же это?

примѣромъ сказать, правда ли это, ба-
что будто бы иногда у человѣка жаба заво-
тъ головъ?

но ли чудесъ въ тѣлѣ человѣческомъ! Быва-
кіе примѣры.

къ! Бывали?

Но, къ счастью, очень рѣдко.

кія чудеса на свѣтѣ бываютъ! Да какъ же
въ такомъ несчастномъ случаѣ?

тутъ ужъ надобно дѣлать операцію!
операцію?

И очень трудную. Вскрываютъ голову.

рываютъ голову! Да какъ же это?

вотъ, видишь: есть такой инструментъ; онъ
крышка съ чайника, только кругомъ его
зубчики, какъ у пилки.

тъ, на'головъ выбрѣютъ волосы, кожицу под-
кругомъ, да и примутся вертѣть этотъ ин-
тъ на черепъ: онъ и вышилить изъ него
екъ.

кружочекъ снимутъ: если лягушка или что
на томъ мѣстѣ, то.....

къ, если на томъ мѣстѣ!..... А если на дру-

такъ еще вертятъ черепъ.

оледенѣли у Ивана Трофимовича; однакожъ
рался съ силами и выговорилъ:

къ же это, батюшка! этакъ всю голову какъ

тыкву изрѣжутъ!..... Да что жъ съ человѣкомъ-то въ это время бываетъ?

— Чему быть съ человѣкомъ! Онъ лежитъ безъ памяти.

— И живутъ еще послѣ этакаго мученія?

— Признательно сказать, Иванъ Трофимовичъ, такъ почти всегда умираютъ.

Въ раздумьѣ пошелъ Иванъ Трофимовичъ отъ лекаря. — Не соврала баба! сказалъ онъ дорогою: не соврала! Экая бѣда какая! — И, пришедши домой, онъ увидѣлъ, что Марѳа Осиповна уже собирается въ путь.

— Куда съѣдешь, матушка?

— Да что, Иванъ Трофимовичъ, время терять! Спаси бо тебѣ, всѣ дѣла мои покончила; какіе концы остались, ты и безъ меня ихъ заправишь. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль.....

— Не на чемъ, матушка, не на чемъ!

Когда Марѳа Осиповна собралась совсѣмъ уже садиться въ кибитку, Иванъ Трофимовичъ, скрѣпя сердце, сказалъ ей.

— Послушай, матушка: подарилъ я тебѣ пѣтуха..... возьми ужъ..... и кошку!

Марѳа Осиповнѣ того только и хотѣлось.

— И! зачѣмъ это! отвѣчала она. Вѣдь у тебя Васька единое утѣшеніе.....

— Нѣтъ, матушка! Я вотъ, видишь, человѣкъ холостой, прибираться въ домъ некому, а вѣдь кошка блудница; прыгнетъ неравно куда, да задвнетъ, разобьетъ..... У тебя же въ деревнѣ просторъ большой.

— И подлинно такъ, Иванъ Трофимовичъ! Давай, давай; а я тебѣ за то къ Великому пришлю медку къ чаю, да грибковъ сушеныхъ..... Вѣдь ты, чай, постничаешь?.....

Почти слезы навернулись у Ивана Трофимовича, когда пришлось расставаться съ Ваською; но дѣ-

но нечего. Пѣтуха усадили въ лукошко, а мѣшокъ, Марѳу Осиповну въ кибитку, и нулось и покатилося.

Хоть поръ жизнь опостыла Ивану Трофимовичу. Все ему грустно, все холодно вокругъ шеи; а ему казался горькимъ, сколько онъ ни елъ сахара. Войдетъ ли въ комнату, — ему кажется, что Васька мурмычетъ; поидетъ ли по городу, — все оборачивается полюбоваться на него: хочется за холодную шею, — и нѣтъ Васьки!..... А когда Иванъ Трофимовичъ сидѣлъ за столомъ, и передъ нимъ стояла налитая чашка, пошелъ къ нему пріятель.

— Здравствуй, батюшка, Иванъ Трофимовичъ! Ты какъ, по здорову, поживаешь?.....

— Неважно, почтеннѣйшій!..... нездоровится! Даже и рвуться, а рвуться не рвуться.

— А что жъ такое съ вами, Иванъ Трофимовичъ? Не болитъ ли что!..... И голова побаливаетъ, и грустно все; ни на что глядѣть не хочется.

— Батюшка, Иванъ Трофимовичъ! Хотите, я вамъ что-нибудь научу?

— Не знаю, почтеннѣйшій!

— Пейте Кизлярской водочки къ чаю, — это вамъ поможетъ.

— Не знаю, почтеннѣйшій! Я съ роду хмельного не пью, и вкусу въ немъ не знаю.

— Не бойтесь. Вѣдь вамъ ужъ пьяницей не съчтутъ.

— А Кизлярская водка съ чаемъ, скажу вамъ, лучшее лекарство отъ всѣхъ болѣзней. Лекарства отъ нея не отговариваютъ отъ того, что это лекарство снимаетъ у нихъ барыши, а его дѣйствіе испытывалъ самъ на себѣ. Вотъ, оно меня, когда я лежалъ въ постели, а голова моя въ кибитку провалилась; я какъ-то удержался, а меня отбросило

въ промoinну, — по уши въ воду, батюшка! — Нитк сухой не осталось! Приѣхалъ домой, — день-то былъ морозный, — такая меня проняла трясавица, что свету Божіею не взвидѣлъ: въ голову бьетъ, зубы стучать, руки и ноги ходенемъ ходятъ. Чтожь я? Жена! давай чаю, давай водки! Да какъ вытянулъ стаканчика два, на другой день какъ рукой снялъ. Въдь это ужъ видимый опытъ!..... Какое бы лекарство такъ скоро подѣйствовало? Послушайтесь, Иванъ Трофимовичъ, попробуйте: право, благодарить меня будете! Въдь есть у васъ Кизлярская?.....

— Держу для пріятелей.

— Ну, попробуйте! Въдь разъ — ничего не стоитъ.

Иванъ Трофимовичъ послушался, попробовалъ сперва было поморщился, но потомъ онъ сказалъ: Странное дѣло!..... Водка лучше вкусу придаетъ чаю! Посмотримъ, какая-то будетъ польза.

Послѣ двухъ чашекъ въ самомъ дѣлѣ Ивану Трофимовичу сдѣлалось гораздо веселѣе. Это наслажденіе онъ повторилъ и на другой день, и на третій, и на четвертый и такъ далѣе.

Однажды сильная головная боль разбудила Иванъ Трофимовича: онъ вскочилъ съ постели, какъ угорелый. Скорѣй къ Кизляркѣ: вышилъ, — помогъ. Черезъ нѣсколько времени другой толчекъ, и сильнѣе перваго: опять къ Кизляркѣ, — и опять помогъ. Потомъ еще третій, — и Кизлярка уже не помогъ. Тщетно Иванъ Трофимовичъ увеличивалъ пріемъ своего лекарства: ему все было хуже, да хуже. Иванъ Трофимовичъ струсиль; ему уже кажется, что у него въ головѣ что-то шевелится и царапается бѣда и только!

И съ этого времени страшные сны пошли у Иванъ Трофимовича. То ему кажется, что у него черепъ снимаютъ, какъ крышку, а въ черепъ — то цѣлыя гнѣздо лягушекъ и всякихъ гадовъ. То ему к

будто онъ самъ обратился въ огромную и кабу : и горько и стыдно ему!..... Хочетъ науки, чтобъ прикрыться, а сертукъ не зася! — Лишь рукава по воздуху болтаются!..... нець, ему кажется, что у него въ головь родь Ръженскъ, — крикъ, шумъ, скриньть..... а по улицамъ все ходять не люди, а на заднихъ лапкахъ, и съ ножки на ножку заются!.....

шутку испугался Иванъ Трофимовичъ! И очь, и бросился онъ къ лекарю.

шка, Богданъ Ивановичъ! помогите, спасите! съ вами случилось, Иванъ Трофимовичъ? пульсъ пощупать.....

юлно, батюшка!..... Какой тутъ пульсъ! мы съ вами недавно разговоръ имъли обь анной болъзни.....?

помню. Такъ что же?

атюшка! Эта самая болъзнь со мною гръш-приключилась.....

съ не понимаю, Иванъ Трофимовичъ.....

тутъ не понимать, батюшка! Жаба у меня въ завелась. Да!..... жаба, понимаете? Жа-овъ.....

съ вами, Иванъ Трофимовичъ! Да съ чего яли?

съ чего взялъ! Я передъ вами, батюшка, дь отцемъ духовнымъ, таитья не буду;

раскажу. Пристрастился я къ кошкь.....

у меця кошка была, такая славная, теп-ровалъ ее возьми! — черная, лоснистая.....

овадилась она, окаянная, мнѣ на ухо шеп-тала, шептала, да жабу и нашептала.....

захохоталъ во все горло.

луйте, Иванъ Трофимовичъ! Съ вашимъ вѣрить такому вздору?.....

— Сми́йся, батюшка; сми́йся, какъ хочешь! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ сквозь слезы. Въдѣ ты не знаешь, что у меня въ головѣ дѣлается, а я такъ знаю; я въдѣ чувствую, какъ въ ней кто-то проклятой царапается, — инда голова трещить; а ужъ болить-то она, болить-то, — едва разсудка не теряю! Что за бѣда такая! ужъ шестой десятокъ живу на свѣтъ, на службѣ уже сороковой годъ, всегда вѣрой и правдой служилъ, и подѣ Турку ходилъ, и подѣ картечью бывалъ, дошелъ до званія Городничаго, и никогда со мною таковой окази не бывало, а теперь, подѣ старость лѣтъ, Богъ меня постигъ такимъ позоромъ!..... Помоги, батюшка; помоги, какъ хочешь, не то я самъ на себя руки наложу!.....

Лекарь, видя, что всѣ его увѣщанія будутъ тщетны въ эту минуту, рѣшился болѣе не противорѣчить старику, и сказалъ:

— Ну, слушайте жѣ, Иванъ Трофимовичъ! Если подлинно въ васъ есть такая болѣзнь, то возьмите нѣсколько терпѣнья: я уже вамъ, кажется, сказывалъ, что я только мелькомъ слыхалъ о такой странной болѣзни, но, признательно вамъ откроюсь, никогда въ глаза не видывалъ, ни въ книгахъ не читывалъ. Дайте мнѣ время немножко подумать, да въ книжкахъ справиться. Я самъ не замедлю къ вамъ отвѣтъ принести, а теперь вотъ, примите этотъ прохладительный порошокъ, да привяжите къ головѣ капустныхъ листьевъ, а-тамъ, дастъ Богъ, увидимъ, что надобно дѣлать.

По выходѣ Ивана Трофимовича, лекарь задумался. Въ немъ невольно взволновалась старая студенческая кровь; онъ невольно вспомнилъ то восхищеніе, съ какимъ, бывало, онъ и его товарищи узнавали о поступленіи въ клинику какого нибудь страннаго больного или страннаго мертваго. — «Что за несча-

стіе!» говаривали они: «зима уже давно началась, а еще такъ мало къ намъ привозятъ замороженныхъ кадаверовъ!» — Какое счастье!» кричали они другъ другу: «цѣлыхъ шесть славныхъ кадаверовъ привезли!» — А если между кадаверами попадетъ какойнибудь уродъ съ шестью пальцами, съ сердцемъ на правой сторонѣ, съ двойнымъ желудкомъ: то-то радость!..... то-то восхищеніе!..... Новое знаніе! надежда открытія! поясненіе наблюденій! новые толки Профессора! новыя системы!

Давно уже этотъ родъ наслажденія потерялся для нашего уѣзднаго лекаря; уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ оставилъ столицу; до него не дошло почти ни одного изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ продолженіе этого времени, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, — этого медицинскаго вѣка! Близъ него ни Академіи, ни Журналовъ, ни библіотеки, а одна почти механическая работа, одна нужда доставать себѣ пропитаніе, посреди людей необразованныхъ: не съ кѣмъ повѣрить даже самаго простаго наблюденія; нѣтъ минуты, чтобы привести въ порядокъ свои опыты! всѣ двадцать четыре часа въ сутки расходуются на разъѣзды, на слѣдствія, на самыя мелочныя занятія жизни. Съ отчаяніемъ врачъ посмотрѣлъ на свою скудную библіотеку: *Лаврентія Гейстера Анатомія*, изданная въ 1775 году; какой-то *Полный Врачъ* того же времени; школьная диссертація его пріятели, *О нервномъ сокѣ*; его собственная диссертація на степень лекаря, въ свое время надѣлавшая много шума, (*О пристойномъ жс.тѣлы наименованіи*), съ эпитафюмъ изъ Гейстера:

Желѣза, какая часть, чтобы сказалъ врачъ, трудно;

Ибо Доктора въ томъ всѣ учили скудно —

нѣсколько нумеровъ Московскихъ Вѣдомостей; школьныя тетрадки, — вотъ и все!.....

Съ чѣмъ справиться? Гдѣ найти не только сред-

*

ство леченія, но даже описаніе болѣзни своего паціента?.....

Въ досадѣ, въ увѣренности ничего не найти, онъ беретъ своего руководителя Гейстера, отыскиваетъ главу «О головѣ,» читаетъ: «содержимыя части (continentae partes) суть: мозгъ (cerebrum)..... Около мозга «головнаго жестокая мать, (dura mater), или твердая оболонка надъ мозгомъ, изъ волокъ сухожилий «ныхъ состоящая.....»

Онъ бросилъ отъ себя книгу: все это было имъ читано, перечитано, учено и переучено!.....

Тутъ ему пришла на мысль еще книга, которую нѣкогда получилъ онъ въ Университетѣ въ награду за прилежаніе, которую тщательно завертывалъ онъ въ бумажку, и бережно хранилъ особо отъ другихъ книгъ, по причинѣ ея дорогаго переплета: то былъ переводъ книги: *О предчувствіяхъ и видѣніяхъ*, только что тогда появившійся въ свѣтъ.

Развернувъ эту книгу, онъ попалъ на то мѣсто, гдѣ описывается извѣстный поступокъ знаменитаго Бургава въ Гарлемскомъ Сиротскомъ Домѣ. Одна изъ воспитанницъ дома впала въ судороги: на нее смотря, другая, третья, четвертая, и такимъ образомъ почти всѣ до послѣдней. Бургавъ, видя, что это было дѣйствіе одного воображенія, приказалъ принести въ комнату жаровню съ угольями и щипцы, и объявилъ, что у первой, которая впадетъ въ судороги, стануть жечь руку раскаленными щипцами. Это лекарство такъ устрашило больныхъ, что онъ всѣ въ одну минуту выздоровѣли.

Прочитавши это описаніе, Богданъ Ивановичъ задумался. Продолжая читать, онъ встрѣтилъ описаніе больнаго, который воображалъ, будто у него ноги хрустальныя, и котораго излечила служанка, уронивъ ему на ноги вязанку дровъ. Потомъ нашелъ онъ еще описаніе больнаго, который вообра-

удто у него на носу сидитъ муха, и без-
о махаль рукою, тщетно желая согнать ее.
ный врачъ,» сказано было въ книгѣ, «увѣ-
льнаго, что онъ имѣеть средство излечить
риль его по носу ланцетомъ, и въ ту же
показаль больному приготовленную прежде
муху.»

остроумный врачъ, знаменитый Бургавъ,»
остановили Богдана Ивановича.

сказаль онъ самъ себѣ: если бы и мнѣ
произвести въ дѣйствіе подобное леченіе!
саль подробно темпераментъ моего паціен-
мономаническіе припадки, средство, мною
ное для его излеченія, полный успѣхъ мой,
бо мнѣ пролилась бы во всемъ мірѣ, мое
послаль бы я въ Академію..... даже въ
ныхъ газетахъ возвѣстили бы міру о томъ,
ки и замѣчательны въ лѣтописяхъ Науки
случай, какую трудность представляль
Трофимовичъ для излеченія, какъ «остроум-
ачъ искусно воспользовался состояніемъ
сока въ своемъ паціентѣ, и прочая, и прочая:
быть, за это бы вызвали меня въ Петер-
иняли бы въ Академію?..... О радость! о
.. Рѣшено!

анъ Ивановичъ поспѣшно собралъ все на-
я у него инструменты, — кривыя и пря-
ицы, кривые и прямые ножички; при-
еще къ нимъ все, что только могло най-
его скудномъ хозяйствѣ: вертела, пи-
агибки, обломки невинныхъ щипцовъ, —
въ прокъ! За симъ, въ ближнемъ болотѣ
аль огромную лягушку, согнулъ ей ланки,
ее въ карманъ камзола, и съ этимъ за-
нахмутивъ брови какъ можно грознѣе,
Ивану Трофимовичу. Не говоря ни сло-

ва, онъ разложилъ на столъ возлѣ самаго окошка гдѣ обыкновенно сиживалъ Васька, всѣ свои военные снаряды. Иванъ Трофимовичъ поблѣднѣлъ.

— Что это? вскричалъ Городничій съ ужасомъ.

— Я долго размышлялъ, рылся въ книгахъ о этой болѣзни, Иванъ Трофимовичъ, сказалъ лекарь съ величайшею важностію: и нахожу, что единственное средство для вашего спасенія есть операція..... правда, ужасная.

— Операція! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ: есть, повертѣть мнѣ голову!..... Нѣтъ, ни за что свѣтъ! Ужъ лучше такъ умереть, нежели по твоими ножами.....

— Но это единственное средство.

— Нѣтъ! Ни за что на свѣтъ!

— Но вы чувствуете въ головѣ нестерпимую боль, которая будетъ усиливаться все больше и больше.

— Нѣтъ! Ничего не бывало!..... теперь ужъ прошло.....

— Но за два часа передъ симъ.....?

— Прошло, говорятъ тебѣ! Совсѣмъ прошло!

Тщетны были всѣ усилія лекаря: онъ видѣлъ, что цѣль его, испугать больнаго, была слишкомъ достигнута, и разсудилъ, что надобно нѣсколько уменьшить ее.

— Но, послушайте! сказалъ онъ. Въдь эта операція совсѣмъ не такъ опасна, какъ вы думаете.

— Нѣтъ, отецъ родной! Меня не перехитришь, я самъ человекъ лукавый. Я помню всѣ ужасы, которыя ты мнѣ рассказывалъ. Я какъ подумаю о томъ, то едва голова съ плечъ не валится.

— Но увѣряю васъ, что я сдѣлаю такъ искусно, такъ осторожно, что вы и не почувствуете.....

— Какое тутъ искусство поможетъ, какъ начнешь мнѣ черепъ сверлить!..... Дуракъ, что ли, я тебѣ дался?

ь былъ въ отчаяніи. Онъ къ Ивану Трофимовичу съ вертеломъ, и съ ланцетомъ, и съ щипцами Трофимовичъ не дается. Наконецъ Гомозейка разсердился, лекаръ также; минута была страшная: отъ нея зависѣли и будущая слава Ивановича, и богатство, и Академія, и статьи въ газетахъ, и завидная участь его ученаго сына. Вооруженный ланцетомъ, онъ въ отчаяніи бѣжитъ на своего паціента, стараясь хотя добраться до головы и показать ему успѣхъ операціи. Иванъ Трофимовичъ вдругъ вспомнилъ о молодецкую силу..... они борются: столъ дрожитъ; чашки, чайникъ, все въ дребезги: слышны крики о жизни и смерти!..... И въ самую эту минуту холодная свидѣтельница и невинная участница происшествія, пользуясь однимъ изъ движеній доктора, изо всѣхъ силъ шлепнулась на полъ.

— Что? вскричалъ удивленный Иванъ Трофимовичъ. Злодѣй! окаянный! Ты не только хотѣлъ отнять у меня, но и посадить мнѣ въ голову какаду!..... Вонъ отсюда, окаянный!..... вонъ, вонъ, вонъ!.....

И этими словами, Иванъ Трофимовичъ, понатужившись, выкинулъ Богдана Ивановича изъ окошка..... Богданъ въ архивъ Рѣженскаго Земскаго Суда подалъ жалоба отставнаго Прапорщика пѣхотнаго полка, Рѣженскаго Городничаго, Иванова сына Зернушкина, на такового же лекаря Богдана Иванова сына Горемыкина, о явномъ предатѣ его, Зернушкина, умертвіи и посадѣ въ голову нѣкую гадину. Старики говорятъ, что съ того времени Иванъ Трофимовичъ бѣжалъ на всегда отъ своего припадка.

В. БЕЗГЛАСНЫЙ.

ПОТОМКИ

и

СОВРЕМЕННОКИ ЛОМОНОСОВА.

=

Врожденныя наклонности или способности людей къ тому или другому занятію, къ той или другой страсти, составляютъ, конечно, одну изъ величайшихъ тайнъ мірозданія, суть, конечно, благороднѣйшее отличіе челоуѣка отъ прочихъ твореній Природы. Тогда какъ привитое дерево приноситъ всегда вкусныя плоды, а отъ худыхъ сѣмянъ или на тощей почвѣ произрастаютъ былія и плевелы, въ семействѣ рода челоуѣческаго происходитъ совершенно противное: твореніе генія не зависитъ ни отъ климата, ни отъ нравственнаго или физическаго положенія родителей. Великіе люди являлись во всѣхъ состояніяхъ: между порфиросныхъ и простолюдиновъ, на берегахъ Ледовитаго Моря и подъ знойнымъ небомъ Экватора, подобно тому, какъ исполнены и атлеты раждались отъ пигмеевъ, а существа со всѣми недостатками души и тѣла отъ людей совершенныхъ.

Я всегда радуюсь, когда нахожу достойныхъ потомковъ людей знаменитыхъ, а потому, по приѣздѣ въ Архангельскъ въ 1828 году, мнѣ крайне пріятно было узнать, что потомство Ломоносова пользуется доброю славою, — и, разумѣется, я поспѣшилъ съ нимъ познакомиться.

Главою рода безсмертнаго преобразователя Русскаго слова ссть его племянница, Матрена Евсеевна,

яти - лѣтняя старушка. Не смотря на прелѣта свои, Матрена Евсеевна весьма бомаждается всѣми чувствами; глаза ея столь, какъ гибокъ языкъ, какъ сильны мѣшцы легка поступь: только память нѣсколько; но она съ удовольствіемъ вспоминаетъ о житье - бытѣ у дядюшки въ Петербургѣ, въ шомъ каменномъ домикѣ, на берегу грязки *. Въ особенности, словоохотно разсказываетъ о гостепрїимствѣ Михайла Васильевича, въ широкомъ крыльцѣ накрывался дубовый столъ съ вера пировалъ до поздней ночи съ земляками своими, приходившими изъ Архангельска на корабляхъ и привозившими ему обыкновенно въ подарокъ моченой морожки и сельдей. Такое же угощеніе ожидало и прочихъ гостей, прїѣзжавшихъ по первому зимнему пути въ Петербургъ, съ трескою. Надобно замѣтить, что Евсеевна играла на сихъ банкетахъ немалую роль, ибо, не смотря на молодыя лѣта, не забывала погребомъ, а потому хлопотъ и бѣды было не мало. Точно такъ же въ жаркіе дни, когда дядюшка, обложенный бумагами, писалъ съ утра до вечера въ садъ, ей приходилось бѣгать въ западную заливомъ, дядюшка жаловалъ напитокъ сей прямо со льду. Въ старушки можно замѣтить, что поэтъ не любилъ заниматься на чистомъ воздухѣ: въ саду онъ почти не выходилъ изъ сада, за садомъ ухаживалъ, прививая и очищая деревья перочиннымъ ножикомъ, какъ видѣлъ то и нннн. Сидя въ саду или на крыльцѣ, въ кннн халатѣ, принималъ Ломоносовъ посѣщенія своихъ прїятелей, но и самыхъ вельможъ, дорожившихъ сей принадлежить Санктпетербургскому Почтамту.

жившихъ славою и достоинствами поэта, выше его гербовника; чаще же всѣхъ и долѣе всѣхъ нихъ сиживалъ у него знаменитый Меценатъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. — «Дай Богъ царю небесное этому доброму боярину!» присовокупляла старушка, перекрестясь трижды: «мы такъ привыкъ къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его расзолоченной ретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не имся; какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и толкаешь указешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни. Шувало,» присовокупляетъ Матрена Евсеевна, «сердечной мой такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю ни пьеть, ни ѣсть ничего, кромѣ маршалаго съ кускомъ хлѣба и масла.» Размышленіе и пылкость воображенія сдѣлали Ломоносова пристрастностью старости чрезвычайно разсѣяннѣе. Онъ нерѣдко въ время обѣда, вмѣсто пера, которое по школьной привычкѣ любилъ класть за ухо, клалъ ложку, которою хлѣбалъ горячее, или утирался своимъ парикомъ, который снималъ съ себя, когда принимался за работу. Рѣдко, бывало, напишетъ онъ бумагу, чтобъ не сыпать ея чернилами, вмѣсто песку...

Не знаю, многіе ли раздѣляютъ со мною удовольствіе, прочитавъ сія малыя, ничтожныя подробности о великомъ соотчичѣ своемъ: по крайней мѣрѣ я слушалъ ихъ съ жадностію, уподобляя словоохотливую старушку ветхой хартіи, которую разбираешь съ неусыпнымъ рвеніемъ, въ надеждѣ съ каждымъ словомъ приблизиться къ чему ни есть важному и любопытному, вознаградить труды и терпѣніе одинокимъ счастливою мыслію, одною самобытною истинною. Можетъ-быть, не найдутъ они въ семъ рассказѣ ничего изъ сего послѣдняго; по крайней мѣрѣ будущій биографъ Ломоносова скажетъ мнѣ спасибо за то, что я сохранилъ отъ совершеннаго забвѣ-

и черты частной жизни великаго по-
у-тѣмъ, какъ столько писано объ его ли-
хъ и ученыхъ подвигахъ, тогда, какъ
ускому, хотѣлось бы ближе познакомиться
знаменитымъ соотечественникомъ.

ни отражается на Матренѣ Евсеевнѣ лучъ
менитаго ея предка, но и собственно по
венно по своимъ трудамъ, заслуживаетъ
нное уваженіе. Матрена Евсеевна зани-
стоправствомъ, и съ такимъ искусствомъ,
ь радушіемъ помогаетъ страждущему че-
у, что имя ея благословляется повсюду въ
краю Россіи. Она летитъ на помощь по
ризыву, не страшась ни холоду, ни дур-
и, не разбирая ни часу времени, ни со-
радальца. Сколько переломленныхъ ногъ,
ыхъ рукъ, поврежденныхъ головъ, чрезъ
искусство Матрены Евсеевны, приведены
бытное состояніе, и людямъ, осужден-
о судьбою оставаться на вѣкъ колѣками
альцами, возвращены прежняя красота и
Со всѣмъ тѣмъ, она не гордится своимъ
мъ, а благодаритъ Бога за счастье быть из-
орудіемъ Его милосердія, мало говоритъ о
своихъ подвигахъ, и только изъ посторон-
ней и письменныхъ свидѣтельствъ благо-
можно получить о нихъ понятіе.

альнію, Матрена Евсеевна потеряла наде-
дать свое искусство въ родъ свой, не най-
ными къ тому ни дочь, ни невѣстку. —
далъ имъ сей благодати,» говоритъ по-
тарушка. — И подлинно, любовь къ помо-
нему, сіе глубокое познаніе челоувческаго
тонкое осязаніе, коимъ одарены руки ея,
сіе присутствіе духа, рѣдкое въ женщинѣ,

суть не что иное, какъ Божеская благодать, какъ назначеніе свыше къ сему предопредѣленію.

Тогда, какъ мать хлопочетъ о соединеніи и исцѣленіи костей, достойный сынъ ея, Лапатинъ, основываетъ свое благосостояніе и славу — на разрушеніи ихъ! Онъ безъ милосердія пилитъ, точитъ, рѣжетъ кости! — Вы ужасаетесь? — но подождите немного, и узнаете, что Г. Лапатинъ есть лучшій рѣщикъ изъ кости въ Архангельскѣ, пилитъ, рѣжетъ и точитъ кости слоновыя, мамонтовыя, моржевыя съ наименьшимъ искусствомъ, какъ почтенная матушка его складываетъ и справляетъ человѣческія.

Весьма сожалительно, что Лапатинъ не умѣетъ рисовать, а то бы, по вѣрности глаза, по деликатности отработки, онъ могъ сравняться въ произведеніяхъ рѣзца своего съ отличными иностранными художниками въ семь родъ. Это невѣжество въ рисунокъ Лапатина и прочихъ Архангельскихъ мастеровъ на кости, безъ сомнѣнія, причиною, что искусство сіе, столь прежде выгодное, нынѣ въ совершенномъ почти упадкѣ. Костяныя издѣлія, отправляемыя въ недавнихъ годахъ во множествѣ на всѣ ярмарки, теперь почти никуда не требуется, и я старался доказать Гг. художникамъ, что это не отъ чего другаго, какъ отъ естественнаго хода Изящныхъ Искусствъ, отъ распространенія лучшаго вкуса, между тѣмъ, какъ издѣлія ихъ мало подались впередъ. Давно ли еще у насъ лубочныя картинки украшали дома средняго класса людей, а плоскіе стихи съ рѣзками считались за поэзію!

Очень было бы любопытно узнать начало рѣзнаго ремесла на кости въ Архангельскѣ. Ужъ не отъ того ли, что мамонтовая и моржевая кость привозилась въ Архангельскъ изстари Самоѣдами и Лопарями съ береговъ Печоры и Новой Земли?

и Евсеевна утверждаетъ, что любезный весьма бы походилъ лицомъ на знаменитаго, если бъ чрезвычайная колоссальность казала желаннаго сходства. Лапатинъ нашего вѣка, и мудрено даже повѣрить, огромные пальцы могли производить рѣзную самой тонкой, узорчатой ткани. Лучшое вѣдѣніе Лапатина есть памятникъ его предку Маргоса.

Когда я былъ и на Куръ-Островъ, родинѣ Ломоносова, стану описывать на сей разъ путешествія мои по острову въ сіе, по многимъ отношеніямъ, особое мѣсто: скажу только, что я долго сидѣлъ въ кибиткахъ дома, въ коемъ родился человѣкъ, данный печатью любимца Природы. Тысячи пріятныхъ и горестныхъ толпились въ воображеніи: предъ глазами моими была сцѣна счастья незабвеннаго Ломоносова, а въ сердцѣ таялась нить всей его жизни. Врядъ ли въ исторіяхъ, подумалъ я, имѣеть столько правды и благодарности отечества, какъ Ломоносовства его, какъ отличнаго поэта, какъ великаго оратора, какъ глубокомысленнаго философа, какъ просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени, ничтожны передъ тою пользою, которую онъ сдѣлалъ въ умахъ своихъ соотечественниковъ своею ученостію сонмъ иностранцевъ, и даже нашихъ, нашихъ мнимую Русскую Академію! Потому, когда всѣ человѣческія свѣдѣнія остаются бездѣльны, когда бываютъ удѣломъ однихъ Ученыхъ, тогда дѣйствія ихъ не распространены въ народъ посредствомъ языка отечественнаго, каждаго и пріятнаго, Ломоносовъ пожертвовалъ своею Ученою между Учеными, и сталъ пускаться на языкъ Русскомъ, — языкомъ численнымъ, гармоническимъ, имъ самимъ откры-

тымъ, скажу лучше, имъ сотвореннымъ. И если употребленіе отечественнаго языка въ храмахъ молитвенныхъ, въ судилищахъ, въ станѣ воинскомъ и въ домахъ, есть лучшее свидѣтельство народа могущественнаго, независимаго, есть твердая ограда его благоденствія, то не должно ли назвать Ломоносова благодѣтелемъ своего отечества? Еще слово: безъ подвиговъ Ломоносова, едва ли бы ученые наши писали и теперь на языкъ своемъ, едва ли бы мы убѣдились, что Русская Академія Наукъ можетъ состоять изъ Русскихъ Ученыхъ.

Налюбовавшись живописнымъ положеніемъ селенія Куръ - Острова, лежащаго на высокомъ берегу рукава Двины, цынѣ весьма мелкаго, а въ недавнемъ времени еще носившаго на волнахъ своихъ большія барки и морскія суда, *напившись*, по выраженію Пушкина, *запахомъ луговъ*, — необозримыхъ, покрытыхъ стадами тучнаго, красиваго скота, я пустился на Ровнину - Гору, познакомиться съ современникомъ и пріятелемъ Ломоносова, столѣтнимъ старцемъ, Кочневымъ. Справедливо кто-то замѣтилъ, что съ первымъ шагомъ въ жилище челоувѣка, можно судить о характерѣ и положеніи сего послѣдняго. Вообразите же, что могъ я заключить объ Архангелогородскомъ крестьянинѣ, когда, по чистому тесовому крыльцу, ввели меня въ пространную залу съ шестью окошками по одну сторону и столькими же фальшивыми по другую, гдѣ, вмѣсто стеколъ, вставлены зеркала. Остальныя стѣны увѣшаны портретами Царской фамиліи, начиная съ Петра Великаго, — довольно хорошей работы, въ золоченыхъ рамахъ. Въ одномъ углу нѣсколько образовъ въ серебряныхъ окладахъ, а въ другомъ Англійскіе часы въ футлярѣ изъ орѣховаго дерева. Вмѣсто люстръ компасы, а мебель, хотя стариннаго фасона, но чистая и въ порядкѣ. Предъ домомъ садикъ и огородъ

Послѣ сего, я ни мало не удивился, когда вошелъ ко мнѣ съдовласой старецъ. самой пріятной наружности, опираясь на трость съ золотымъ набалдашникомъ, и одѣтый въ черное бархатное полукафтанье. Я восхищался уже заранѣе бесѣдою съ умнымъ представителемъ эпохи, столь для меня любопытной, но, увы! — рука времени положила на память и языкъ столѣтняго старца неумолимую печать свою: онъ весьма мало удовлетворилъ моимъ ожиданіямъ. Кочневъ съ трудомъ вспомнилъ, что посылалъ неоднократно Ломоносову камни и пески съ родныхъ рѣкъ и горъ; что подарилъ бывшему Архангельскому Намѣстнику, Тимоѣею Ивановичу Тутолмину, достопамятный кафтанъ Ломоносова, на бѣлой подкладкѣ котораго видны были школьныя заѣтки его; что Куръ-Островъ былъ родиною, кромѣ Ломоносова, многихъ отличныхъ людей, каковы Скульпторы Шубинъ, Дудинъ, Верещагинъ, и извѣстный Зеленковъ. Сверхъ того болѣе десяти человекъ изъ селенія сего жалованы медалями.

Кочневъ до глубокой старости дѣятельно занимался кораблестроеніемъ. Искусство его, честность, умъ и правила доставили ему всеобщее уваженіе и благосостояніе. Начальники не только съ удовольствіемъ принимали его къ себѣ, но сами ѣздили къ нему въ гости, и не рѣдко призывали его на совѣтъ въ дѣлахъ важныхъ. Кочневу предлагали чины и почести, но онъ никогда не хотѣлъ перемѣнить своего крестьянскаго состоянія, въ которомъ, говорилъ онъ, былъ столь счастливъ, и принялъ только званіе Члена Экономическаго Общества. Вотъ второй примѣръ Кульбина: желательно, чтобы ихъ было побольше....

Пріятности путешествія моего на родину Ломоносова заключились пріобрѣтеніемъ свертка черновыхъ

бумагъ, бѣльшую частію собственной руки его, Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Латинскѣхъ языкахъ, за весьма умѣренное пожертвованіе. Считаніе сей драгоценной рукописи служило во всю дорогу неисчерпаемымъ источникомъ удовольствій и любопытства, и убѣдило въ истинѣ, разнообразіе занятій есть необходимая пища генію въ истинѣ, доказанной Ломоносовымъ, Ньютономъ, Лейбницемъ, Вальтеръ-Скоттомъ. И здѣсь, въ небольшой тетради; видите образчики сихъ разнообразныхъ занятій великаго человѣка, отъ высокаго умозрѣній въ математическихъ и естественныхъ наукахъ до звучныхъ стиховъ; отъ разсужденій о наукѣ до проектовъ разнаго рода и официальныхъ бумагъ.

Въ 1828 году сообщилъ я, изъ сей рукописи, помѣщенія въ Горномъ Журналѣ, два небольшие отрывка, которые служатъ новымъ доказательствомъ, что неутомимый Ломоносовъ, занимаясь науками, слѣдовалъ и за ходомъ дѣлъ въ своемъ отечествѣ, и не упускалъ случая во всякомъ отношеніи быть ему полезнымъ.

П. СВИНЪИНЪ.

II.

ПРОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТРАСТЬ

НА ДВУХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СТУПЕНЯХЪ ОБЩЕСТВА *.

Я объедалъ у Гревилля: у него хорошо объедаютъ. Мы много пили и много врани. Всѣ вина въ бутылкахъ хозяина и всѣ предметы разговора въ глосахъ гостей были исчерпаны, когда мы встали изъ за стола. Я разстался съ нимъ позже другихъ: Г-жа Гревиль очаровательная женщина!.....

— О другъ мой! сказалъ я, идучи отъ Гревилля подъ руку съ моимъ товарищемъ: какая прекрасная ночь! Кто скажетъ, чтобъ въ большомъ городѣ меньше было Поэзіи, нежели въ пустыняхъ полей и водъ. Посмотри на Лондонъ! Безмолвіе этого огромнаго рынка промышленности, наслажденія и страстей;

* Повесть, которую сообщаемъ нашимъ читателямъ подъ этимъ заглавіемъ, заимствована изъ ряда превосходныхъ статей, украшающихъ одинъ изъ лучшихъ Англійскихъ журналовъ и прославившихся въ немъ подъ фантастическимъ названіемъ *Asmodeus at large*, «Асмодей на волю». Глубокая и неподражаемая Философія домашней жизни, основанная на знаніи человѣческаго сердца въ самыхъ тайныхъ, самыхъ семейственныхъ его изгибахъ, есть отличительная черта Англійскихъ романистовъ и повѣствователей. Она въ высокой степени господствуетъ въ этой Повѣсти, носящей притомъ на себѣ отпечатокъ великаго таланта.

таинственность, носящаяся надъ каждымъ домомъ такъ тихо и непроницаемо; былъ, и часто романтическая, — во внутренности; неясные человѣческіе образы, мелькающіе въ нихъ по временамъ; а если, миновавъ лучшія части города, пойдешь къ смраднымъ жилищамъ грубаго и бѣднаго человѣка, — шумъ, гвалъ, дикое ликованье отчаянныхъ сердець, мрачная, ужасная занимательность, принадлежащая злодѣйству! А тамъ, высоко гдѣ нибудь, въ окнѣ, видишь одинокій огонекъ, который ни исчезаетъ, ни свѣтитъ во мракъ! Какъ часто останавливался я и глядѣлъ на такой огонекъ, теряясь въ заключеніяхъ! Освѣщаетъ ли онъ глубокое наслажденіе ученаго, отверзтую книгу и поблекшее чело, или юношеское честолюбивое стремленіе къ наукѣ, — этому ложному другу, питающему болѣзнь и раннюю смерть въ груди? Не свидѣтель ли онъ безсонницы какого нибудь женскаго сердца, трепещущаго отъ приближенія преступной соперницы, или ожидающаго, цѣпенья отъ ужаса, скоро ли послышатся медленные, тяжелые шаги несчастнаго, который только что изъ гнусныхъ вертеповъ игры, — шаги супруга той женщины, быть можетъ, предмета ранней любви ея? Не больше ли въ этомъ Поэзіи, нежели въ пустыняхъ, обильныхъ только безумнымъ, животнымъ бытіемъ? Есть ли въ лѣсахъ и въ водѣ что нибудь подобное роману сердца человѣческаго?..... И какое тутъ раздолье для предприимчивости — этой жизни нашего гражданскаго бытія! Какое разнообразіе, какія встрѣчи!.... Ну, право, старинные рыцари не знали половины тѣхъ приключеній, которыя могутъ случиться съ молодымъ и смѣлымъ волокитомъ въ обширномъ городѣ. Не правда ли, другъ мой? Отвѣчай!

— Нечего сказать: ты говоришь правду. Но если ты такой охотникъ до приключеній, зачѣмъ же ихъ не ищешь? Смотри: вотъ, на крыльцѣ, которое отъ

во, мелькаетъ полоса чего-то блага: это женщина..... Вотъ тебѣ приключеніе! — бо за совѣтъ. Ужъ не пропущу случая. меня здѣсь; а если не скоро ворочусь, такъ ...

енный виномъ и ободренный возбуждительно-вѣтрѣмъ ночнаго воздуха, я въ самомъ дѣлѣ готовъ на всякое приключеніе: быстро скользнулъ на крыльце, подмѣченное моимъ товарищемъ, и къ полуотворенной двери. Это были тѣхъ неогромныхъ домовъ, которыми отличаются небольшія улицы Мейферской части. Лампа напротивъ свѣтло и ровно: блрое явленіе, опираясь на свое счастье, я порхнулъ на крыльцо и потомъ въ корридоръ. Вездѣ мракъ и

кто? пробормоталъ кто-то въ темнотѣ. Ктожъ другой? отвѣчалъ я шепотомъ, чуть слышно:

пожалуйте за мною, сказалъ прежній гонимый, и тихо заперлась.

ке я пришелъ? подумалъ я. Нужды нѣтъ! да выйдеть изъ этого..... Меня легонько за руку такіе мягкіе, нѣжные пальчики, какое-то ощущеніе пробѣгало по ней плеча, можетъ-быть и дальше. Я слѣдовалъ проводникомъ, который шелъ легкою по ступенямъ. Скоро мы начали всходить по лѣстницѣ на первую площадку. Слава Богу! есть надежда, что эта госпожа не работница. Я терпѣть не могу класса красавицъ! У меня волосъ дыбомъ и золотошвеекъ. Но рука ея?... Нѣтъ! эта женщина для утюга! На второй площадкѣ мы остановились. Проводница моя отворила дверь, и... и... кто ли здѣсь? Право, я такъ думаю. Нѣтъ! не должно. Вотъ я уже и въ комнатѣ,—и не

★

одинъ. Ахъ, зачѣмъ я не одинъ съ моею проводею! Я съ тремя другими дѣвушками, которыя сидятъ вкругъ стола, и всѣ моложе двадцати лѣтъ, восковыя свѣчи озаряли комнату: это была хорошая, но не блестящая, уборная. Я осмотрѣлся, раскланялся съ учтивѣйшею важностію. Дѣвицы немножко взвизгнули.

— Анна! Анна! кого ты сюда привела?»

Анна стояла, какъ вкопаная, и глядѣла на меня будто на краснаго бѣса въ Фрейшюцъ, и я глядѣлъ на нее. Она была, кажется, лѣтъ двадцати пяти, постепенно, но хорошо одѣта, роста небольшого, женія нѣжнаго, и цѣмножко рябовата. Но такіе красивые глазки! — и эти глазки скоро заблестали на меня!

— Кто вы, сударь? Какъ вы смѣете?.....

— И! полно браниться, сдѣлай милость! Мою вина, что я здѣсь, пригожая Аннушка? Ты видишь, что я ничего не могу вамъ сдѣлать. Васъ четверо, и чѣд одна лишняя рыбка въ цѣломъ озерѣ?

— Помилуйте, сударь!

— Милостивый Государь!

— Это уже слишкомъ!

— Я подниму весь домъ!

— Подите вонъ!

— Убирайтесь!

— За кого вы насъ принимаете?

— Извините: объ этомъ я васъ хотѣлъ спросить.

За кого вы меня приняли?

— Развѣ Г. Габріель говорилъ вамъ..... начала проводница, которая, рассмотрѣвъ меня хорошенько и увидѣвъ, что мнѣ менѣе тридцати лѣтъ, и что одѣтъ не по-воровски, стала понемногу смягчаться послѣ перваго порыва.

Габріель! Габріель! О мой ангель-хранитель! думалъ я, тотчасъ разгадавъ причину этой суматохи.

— Точно такъ! сказала я вслухъ. Г. Габріель говорилъ мнѣ, что вамъ угодно поворожить, и будучи самъ отозванъ, прислалъ сюда, вмѣсто себя, искуснѣйшаго ученика своего. О, Г. Габріель великій человекъ! Прошу садиться, сударыни, пера и чернилъ, сдѣлайте милость! Въ которомъ часу изволили родиться, сударыня?..... Позвольте мнѣ сѣсть на этотъ стулъ.

Кому въ Лондонѣ не извѣстно, что Габріель знаменитый ворожея, въ большой модѣ на Вестъ-Эндѣ, въ западномъ концѣ города? Съ нимъ совѣтовались все и всегда: онъ ворожилъ и мнѣ. Онъ предсказалъ мнѣ, что у меня будетъ семеро дѣтей, за которыхъ благодарю его, какъ слѣдуетъ. Я увѣренъ, что его предсказаніе сбудется: стоитъ только жениться. Онъ мнѣ пріятель, и вамъ также, — за наши денежки.

Дѣвицы посмотрѣли другъ на дружку, улыбка показалась на лицѣ Анны и распространилась какъ зараза, — превратилась даже въ маленькій хохотъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы стали большими друзьями. Къ счастью, тайнства ворожбы нѣсколько были мнѣ извѣстны: въ Хиромантіи я свѣдушъ хоть куда, а что касается до пророчества о потомствѣ, я такъ же хорошо, какъ и Г. Габріель, могу предсказать дѣтси всякой молодой дѣвушкѣ.

Мы подружились, какъ нельзя лучше. Дѣвушки были молоды, веселы, невинны, а какъ ихъ было четыре, то и не робки. Я считалъ черты на рукахъ ихъ, рисовалъ странныя фигуры изъ Эвклида, и, съ помощію «Ослинаго моста» предсказалъ Аннѣ, что мужемъ ея будетъ старшій сынъ какого нибудь Лорда. Подали бутылку краснаго вина и нѣсколько пирожковъ, — о, какъ мы были счастливы, разговорчивы, веселы! Я благословлялъ судьбу моего пріятеля, и пробылъ тамъ до часа за полночь. Я узналъ, что три молодыя дѣвицы были дочери

хозяина этого дома, а послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ сказали мнѣ и его имя: оно принадлежало чело-
 ку хорошей фамиліи, который женился на актрисѣ
 и пришелъ въ затруднительныя обстоятельства. Онъ
 не могъ ни трудиться, ни просить, но могъ думать
 своимъ умомъ: онъ игралъ, — выигралъ, — вошелъ
 въ долю съ однимъ извѣстнымъ игорнымъ домомъ
 и сдѣлалъ себѣ порядочное состояніе, безъ осознан-
 наго униженія себя въ глазахъ публики. Жена
 давно умерла. Она оставила ему трехъ дочерей,
 часто слыхалъ, что онѣ очень милы, но отецъ
 вольнохорошо умѣлъ прятать ихъ отъ любителей
 соты, держа въ заперти. Теперь я увидѣлъ
 точно, онѣ были веселы и невинны; плохое воспитаніе,
 недостатокъ материнскаго надзора и пренебреженіе
 ры не слишкомъ благонаправнаго родства сдѣлали
 ихъ склонными къ шалостямъ и приключеніямъ,
 именно такими, которыя могли пригласить къ себѣ
 стараго Габріеля, и простить ошибокъ, замѣшавшихъ
 къ нимъ, вмѣсто его, астролога помоложе, и
 четвертая дѣва! Теперь, теперь о ней: Вообразите
 дѣвушку лѣтъ семнадцати, лицомъ моложе, видомъ
 зрѣлѣе своего возраста; волосы ея темны, мягки,
 шелковисты и причесаны по-Христіански, то есть
 ни по-язычески, на манеръ Греческихъ богинь,
 ни по-жидовски, а съ проборомъ и двумя легкими
 челками по вискамъ; лобъ ея бѣлъ и прозраченъ,
 прямыя брови, длинныя рѣсницы, глаза истинно
 голубые, — не того холоднаго сѣраго цвѣта, котораго
 видѣть за голубой у незнающихъ, но роскошнаго,
 яснаго, бархатнаго, — какими бы создалъ ихъ
 Рафаэль въ мечтѣ о волюбомъ цвѣтѣ; носъ не
 особенно прекрасный (я, съ своей стороны, доволь-
 юсь въ женщинахъ второстепенными носами)
 увлекательный и на мѣсть; ротикъ такой свежий
 и молодой, что вы можете назвать его подоб-

хоть тому, изъ котораго, по словамъ волшебной сказки, падали вѣжнѣйше цвѣты; зубки бѣлые и мелкіе, съ легкими промежутками, что, на мой вкусъ, не дурно, хотя физиономисты называютъ эту черту обманчивою; прелестныя руки, атласная кожа, ямочки — и смѣхъ, будто серебро. Вотъ изображеніе Юліи Л***, и я влюбился въ нее по уши. Она мало говорила, а когда и заводила рѣчь, то робко смотрѣла въ сторону, очаровательно смѣялась и безпрестанно краснѣла. Все это было упоительно до чрезвычайности. Я былъ очень благодаренъ моему товарищу за то, что онъ навелъ меня на такой кладъ, и когда, въ часъ за полночь, Анна провожала меня съ лѣстницы и всѣ онѣ обѣщали мнѣ радушный пріемъ на другой день, я думалъ, что мнѣ опять восемнадцать лѣтъ. Ахъ, счастливый возрастъ! Какія у меня были тогда надежды, какое сердце! Могу ли снова полюбить другую?..... Конечно, нѣтъ! Очень хорошо: такъ я могу видаться съ Юліей-безъ всякаго опасенія.

На слѣдующее утро мой вчерашній товарищъ былъ у меня за завтракомъ. Я дружески трясъ его за руку, — только что не цѣловалъ ее. Отъ моихъ восторговъ, уста его искривлялись самою тлетворною улыбкою.

— Воздержись, любезный другъ! говорилъ онъ. Что ты затѣваешь? хочешь погрузиться въ эту любовь?

Любовь?.... погрузиться?.... — Что это! Я иду къ Юліи.

— Умываю руки отъ послѣдствій.

— Ты ихъ предвидишь, что ли?

— На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта; но развѣ каждый, въ комъ есть капля здраваго смысла, не видитъ, чѣмъ такія глупости непременно должны оканчиваться? Добро! вспомни старую басню о горшкахъ,

глиняномъ и золотомъ, пльвшихъ по рѣкѣ: глиняный такъ чванился своимъ другомъ, а лишь только теченіемъ снесло ихъ вмѣстѣ поплотнѣе, онъ разбился въ дребезги.

— Что это за выходка, Джонъ? Какое соотношеніе между золотымъ и глинянымъ горшками и Юліей?

— Въ любви всѣ женщины похожи на глиняные горшки. Хочешь ли ты разбить этотъ горшокъ своимъ столкновеніемъ?...

Предостерегательный тонъ моего пріятеля сдѣлалъ было во мнѣ нѣкоторое впечатлѣніе, но оно скоро миновало. Я пошелъ въ извѣстный домъ, былъ принятъ, и опять видѣлъ Юлію; она еще милѣе днемъ, нежели вечеромъ; въ ней такая свѣжесть, такая чистота; юность ея прозрачна, будто ткань изъ свѣта, и вся еще блеститъ росой дѣтства. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она побольше говорила: ея молчаніе бременитъ меня всею тягостію моихъ чувствованій; однако жъ глаза ея не такъ скромны, какъ уста, и съ ихъ помощію мы разговариваемъ самымъ пріятнымъ образомъ. И такъ я влюбленъ, какъ нельзя болѣе. Я давно предчувствовалъ, что этотъ пріятный случай меня ожидаетъ; но, кажется, я несу свой жребій съ надлежащею твердостью, хотя, надобно признаться, онъ имѣетъ свои невыгоды: при любви всѣ прочія наслажденія становятся пошлыми; игра перестаетъ быть упоительна, вино теряетъ свою силу, товарищи надѣдають, въ клубъ съ ума сойдешь отъ скуки. Надобно любви имѣть свои прелести, чтобъ вознаграждать за всѣ тѣ удовольствія, которыхъ она лишаетъ, — и я не дошелъ еще до самой усладительной эпохи въ этой исторіи, — до переписки! Когда станешь получать письма, тогда обновишься жизнию, эфиръ разольется по жиламъ. Какое сладостное торжество, вынудить у пера всѣ тѣ выраженія, которыя потомъ должны подтвердить

но, не смотря ни на какую застычивость! новыми предметами наполненъ день, какая возбужденность таится во времени! Черезъ я объ ней услышу! — и, произнося это, съ ожиданіи, съ какими надеждами, съ какою трепетаніемъ нервовъ, живешь до! Но, увы! — чѣмъ оканчиваются все эти Горемъ въ случаѣ неуспѣха, пресыщеніемъ въ удачи. Безъ сомнѣнія, чрезмѣрная любовь расчелъ. Я согласенъ съ Г. Миллемъ: намъ о бѣ имѣть иное воспитаніе. Но какъ, по о, я воспитанъ на старинный ладъ, то опаго мнѣ уже не справиться. Когда сбудется предсказаніе стараго Габріеля, когда у меня семеро дѣтей, я стану воспитать ихъ по о. Они у меня выростутъ на *политической страсти*, и никогда иначе не влюбятся, читавъ до послѣдней точности, во что имъ дется! Между тѣмъ я отвезу этотъ гераній

и моей страсти становится важнѣе и дѣльновеннаго. Но извольте ограничить своество одними подлунными приключеніями: естественнаго уже нѣтъ въ Европѣ: — развѣсь съ тѣмъ, что иногда приходитъ мнѣ въ то нѣтъ ничего столь дивнаго или чуждаго мной, обыкновенной Природѣ, какъ духъ, животворить и преображаетъ насъ въ тогда мы любимъ.

былъ ясный, и морозило; я стоялъ въ въ пустыхъ переулковъ, разсѣкающихъ Мей-ожидаль Юліи. Да! вотъ, до чего дошло комство: мы видались наединѣ и тайно. часа, какъ Юлія впервые согласилась на нія, я уже не видалъ моего пріятели. ѣ я ждалъ, въ уединенномъ переулкѣ,

прихода Юліи; слышалъ, какъ било восемь, на ченный часъ, — но черный плащъ и прелестный разъ не показывались изъ поперечной улицы, к рая вела къ мѣсту свиданія. А кто Юлія, и что кое? Она была бѣдная дѣвушка, — родственница рока, въ домъ и у дочерей котораго я видѣлъ ея первый разъ, и жила, въ довольно отдаленной ти города, съ сестрою, которая была вдова, ме торговка, и гораздо ея старше. Занятая своими лами и попеченіями о подрастающемъ семейс эта сестра предоставила Юлію въ руководство ственной ея живой фантазіи и дѣтской неопытно предоставила ей мыслить, мечтать, дѣйствовать, и угодно, — и слѣдствіемъ было то, что она влюбила. Въ ней не было ни сколько лукавства, и она п ничего не знала. Читала, это правда, но однѣ вѣсти, и то не самыя мудренныя; умѣла писать криво, и если сердце внушало ей чѣмъ замѣнить куство, то недовѣрчивость къ самой себѣ пре ствовала выразить это внушеніе. Она была ти задумчива, но скоро развеселялась; склонна къ ствительности, но чиста. Послѣ я замѣтилъ, гордость была господствующею чертою ея хара ра: сначала она не обнаруживалась. Я уже люб ее и за недостатки, ибо источникомъ ихъ был природа, а воспитаніе.

А кто и что такое ея любовникъ? Я празд кочующій по гостинымъ холостякъ, — богаче благородный, молодой, — много читалъ, пи кое — что, и жилъ для удовольствія, для тельности, а подъ часъ занимался и ученіемъ. тораго однако жъ никогда не пускалъ въ обор человекъ, готовый на все, что вамъ угодно, на кое бы то ни было предпріятіе, лишь бы оно щало какое нибудь новое потрясеніе въ душѣ. кая жизнь богаче воспоминаніями, нежели наде

носить мечтанія наши къ прошедшему, чтобъ летѣть съ ними въ будущее; она мѣла роскошью въ созерцаніи минувшихъ позитивъ пресыщеніемъ, если обратимся къ наслажденію юности — дорогой глотокъ, растворился перлъ, долженствовавшій общество. Но довольно о Юліиномъ любовномъ лучше сказать въ его пользу то, что было ею. Прошло полчаса, — прійдетъ ли? Какъ меня бьетъ? Ночь свѣтла и ясна: что можно ей? Слышу походку: ахъ, Юлія, ты самамъ дѣль!

Она взяла меня за руку, и пожала ее, молча; она сняла вуаль, и посмотрѣла ей въ лице у нее была слеза въ слезахъ.

— Это, жизнь моя?

— Да, да, да! Последнее письмо ваше ко мне пришла его, и.....

— Какой!.... какая неосторожность! Но надѣюсь, что вы не будете бѣда, — что-жъ сестрица?

— Да, она говоритъ, чтобъ мнѣ съ вами болѣть, а не бѣда.

— Да, да, да! Милостива. Однако жъ вы ее не полюбите, Юлія?

— Да, да, да! Какъ же можно?

— Да, да, да! Вы жъ? Вѣрно вы ходите со двора, когда

— Да, да, да! Я обѣщала не ходить. Сестрица все-таки мнѣ снисходительна, и..... объ этомъ..... она такъ снисходительно, что я не могу сказать ей, и не могу не сдержать обѣщанія. Сердце у меня разорвалось.

— Да, да, да! Вы ли этого какъ нибудь уладить? Скажите мнѣ, что вы говорите. Не лѣзя ли вамъ какъ-нибудь въ голову?..... Юлія, вы меня терпите?

— Чтожъ мнѣ дѣлать? молвила Юлія простодушно.

— Ангель мой! вѣрно обѣщаніе дано было не по доброй волѣ; у васъ его вынудили!

— Нѣтъ, сударь: я общала отъ чистаго сердца.

— Очень благодаренъ.

— Полпоте, полпоте! Не говорите со мною такъ холодно. Вы.... вы сами согласитесь, что отъ меня было очень нехорошо видаться съ вами; и чѣмъ бы это кончилось, Богъ знаетъ! — только не на добро мнѣ, и не къ чести моихъ родныхъ. Я прежде никогда объ этомъ хорошенько не думала: дальше да дальше, и наконецъ такъ запуталась, что не смѣла уже ни назадъ оглянуться, ни впередъ посмотреть; а теперь, какъ сестра порастолковала мнѣ, какихъ я надѣлала глупостей, я перепугалась, и..... и..... Да что тутъ говорить! — я не могу съ вами видаться.

— По крайней мѣрѣ я буду встрѣчать васъ у вашей родственницы, Миссъ***?

— Нѣтъ, сударь; я дала слово не ходить къ ней никогда безъ сестрицы.

— Чтобъ этой сестрицѣ!.... проворчалъ я съ сердцемъ. Такъ вы меня покидаете безъ единого вздоха, безъ малѣйшаго усилія?

Юлія заливалась слезами, не отвѣчая ни слова; сердце у меня смягчилось, совѣсть заговорила. Не права ли ея сестра? Не себялюбиво ли пренебрегъ я послѣдствія? Не долгъ ли мой, быть теперь великодушнымъ? Но развѣ отъ моего великодушія Юлія будетъ счастлива? Развѣ уже не до того дошло между нами, что сердце ея поддалось невозвратно? Покинуть ее, значить предоставить въ жертву горестямъ. Мы шли, не говоря ни слова. До тѣхъ поръ, я никогда не чувствовалъ, какъ нѣжно я любилъ эту невинную, прелестную дѣвочку; и отъ того, что я такъ нѣжно любилъ ее, страсть стала за нее брать

верхъ надъ досаднымъ, горькимъ оскорбленіемъ, которое я почувствовалъ прежде за самого себя. Мысли мои смутились, голова закружилась: я не зналъ, что дѣлать. Такъ шли мы нѣсколько минутъ въ молчаніи. Вдругъ, на углу той улицы, которая вела ее домой, Юлія обернулась, и сказала отрывистымъ голосомъ. — Прощайте, сударь; Богъ съ вами! разстанемся здѣсь; мнѣ пора.....! — Улица была совершенно пуста, не много фонарей, въ большомъ другъ отъ друга разстояніи, оставляли въ сумракъ то мѣсто, гдѣ мы тогда были. Я не совсѣмъ могъ разглядѣть ея лице сквозь ткань, которая нарочно скрывала ея слезы: я обхватилъ ее рукою, поцѣловалъ въ губки, и сказалъ: — Пусть будетъ такъ, какъ вы считаете для себя лучшимъ! Подите, будьте счастливы, и не думайте обо мнѣ.

Юлія молчала, колебалась, будто хотѣла что-то сказать; потомъ тихо покачала головкой, и, все молча — голосъ ея, казалось, замиралъ въ груди, — опустила вуаль и пошла. Отошедъ нѣсколько шаговъ, она оглянулась, и когда увидѣла, что я стою все на томъ же мѣстѣ и смотрю на нее, твердость начала оставлять ее: она воротилась, положила руку свою въ мою, и сказала тихимъ шепотомъ.

— Вы на меня не сердитесь?..... Не будете меня ненавидѣть?

— Юлія! до послѣдняго часа буду обожать тебя. Если я не упрекаю васъ, если не уговариваю оставить ваше намѣреніе, то это величайшее доказательство истинной, сильной любви моей; однако жъ подите, подите!..... или мнѣ не выдержать такого великодушія.

Юлія была сущій ребенокъ — сердцемъ болѣе, нежели годами, — и побужденія ея были ребяческія: послѣ краткаго молчанія и очевиднаго замѣшательства, она сняла съ своего пальчика простое, но пре-

красное кольцо, которымъ я однажды любова
и сказала застычиво:

— Если вамъ не противно будетъ принять эт

Я уже ничего не слышалъ. Клянусь, — сердце
мнѣ растаяло, и слезы градомъ катились по ще
моимъ, почти такъ же быстро, какъ по Юліи
Поступокъ ея былъ такъ простодушенъ, скривав
ся подъ нимъ чувство такъ трогательно и юно
Я схватилъ кольцо и поцѣловалъ его. Юлія
медлила; я видѣлъ, что у ней было на сердце
тя она не смѣла говорить. Она также хотѣла н
что нибудь въ память существовавшей между
дружбы, но никакъ не соглашалась взять отъ м
цѣпочку, сколько я ни упрасивалъ: она счи
ее слишкомъ дорогою, и единственный подаро
который ей понравился, и который она согласи
принять, было кольцо, не стоившее и вполн
подареннаго мнѣ ею. Этотъ мелочной обмѣнъ и
рожденныя имъ нѣжнѣйшія, но уже не такъ стр
ныя, чувствованія, какъ будто утѣшили Юлію
гда она отъ меня пошла, шаги ея были тверж
видъ не такъ унылъ. Бѣдная Юлія!... Я стоял
этомъ печальномъ мѣстѣ, пока послѣднее мерп
твоего свѣтлаго образа сокрылось отъ глазъ мо

Въ цѣлой жизни нѣтъ времени утомительнѣе
лѣе и бесплоднѣе того, которое слѣдуетъ за вне
но прерваннѣмъ эпизодомъ страсти. Любя по пр
нему, но лишенное предмета любви, сердце ш
вляется тягостію собственныхъ, раздражающихъ
чувствованій. День безъ событій, обременител
безпечность, томная, противная безчувственн
наполняютъ пустоту часовъ; время ползетъ на
веренькахъ передъ вашими глазами; вы видите
неловкія, безобразныя движенія..... а какъ сл
приустройство времени для насъ ощутительно, пр
стей жизни какъ не бывало!

... путешествовать, назначилъ день отъ-
... бѣ хоть это намѣреніе удалось мнѣ вы-
... Дня за три до того, въ который я пред-
... оставить Лондонъ, попалась мнѣ на улицѣ
... ца моя, Анна, старшая изъ дѣвушекъ, у
... я ворожилъ. Она, разумѣется, знала о
... и къ Юліи, и даже способствовала на-
... даніямъ. Теперь я увидѣлъ, что ей извѣст-
... наша разлука. Она пришла навѣстить
... тра Юліи рассказала ей объ этомъ, и вы-
... за потворство нашей связи. Эта дѣвуш-
... тала настоящее положеніе Юліи самыми
... ни красками. Она проводила цѣлый день
... ю собственнымъ словамъ вдовы, все почти
... , такъ, что лице ея утратило и цвѣтъ и
... я здоровье изнемогало отъ усилія, къ ко-
... такъ худо была приготовлена недостаточ-
... нитаніемъ, обогащавшимъ въ ней вообра-
... счетъ разсудка, и не предлагавшимъ ей
... пособія. А съ сестрою, при всей благо-
... сти этой женщины, она не имѣла ни ка-
... вствія: въ ней не находила она помощи,
... то и бесѣдовала съ нею.

... рассказъ сдѣлалъ сильный переворотъ въ
... й. До сихъ поръ я, по крайней мѣрѣ, утѣ-
... и мыслию, что поступки мои были внуше-
... ною нѣжностію къ Юліи,—и эта надежда
... рѣпляла. И размышленіе, и благоразуміе,
... тель, — все исчезло предъ мыслию о ея не-
... воротился домой, и, въ первомъ порывѣ,
... къ ней страстное, умоляющее письмо:
... ее бѣжать со мною. Вручилъ письмо сво-
... , иностранцу, опытному въ этихъ дѣлахъ,
... омъ-то удушливомъ, лихорадочномъ состоя-
... далъ отвѣта. И дождался: адресъ написанъ
... ннымъ почеркомъ. Я распечаталъ съ вос-

торгомъ: письмо мое, — и не распечатано; на оберткѣ были слѣдующія слова:

Я общала сестрѣ, возвращать вамъ письма, если вы будете писать ко мнѣ, и держу слово. Нѣтъ, не смѣю распечатать, — и не могу сказать вамъ, чего мнѣ стоитъ исполненіе моего намѣренія. Не воображала я, чтобъ до такой степени невозможно было забыть васъ, чтобъ мнѣ сдѣлаться такою несчастною. Но хотя не рѣшаюсь прочесть того, что вы написали, а знаю, что тутъ каждое слово отъ души, и чувствую все, какъ будто читала. Я, грѣшная, считаю благополучіемъ думать, что вы меня еще не забыли, хотя и скоро забудете. Сдѣлайте мнѣ милость, не пишите ко мнѣ больше. Не нужно просить васъ: вы знаете цѣну спокойствія, котораго я почти совсѣмъ лишилась. И такъ, сударь, болѣе ничего отъ Юліи, которая молится за васъ день и ночь, и не перестанетъ думать объ васъ, пока жива.

Что мнѣ было дѣлать послѣ такого письма?..... Юлія была такъ откровенна, что каждое слово, которымъ она хотѣла отклонить меня отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, какъ бы налагало необходимую обязанность удержаться. И какъ подтверждалось этими строками то, что мнѣ объ ней сказывали!..... Я дождался вечера, и пошелъ съ своимъ человѣкомъ въ часть города, гдѣ жила Юліина сестра; повисмотрѣлъ домъ, и въ первый разъ спросилъ у своего слуги: — Какъ же ты, Лудвигъ, доставилъ письмо?

— Я, сударь, отвѣчалъ Лудвигъ, прежде пошелъ къ знакомымъ вамъ родственницамъ Миссъ Юліи, въ — ой улицѣ, и спросилъ, нѣтъ ли у нихъ чегонибудь отнести къ ихъ кузинѣ. Онѣ догадались, и дали мнѣ узелокъ. Я сунулъ въ него письмо, и, вошедши съ малаго подъѣзда, попросилъ дѣвушку, которая отперла мнѣ дверь, отдать его въ руки Миссъ Юліи. Для вѣрности, далъ я служаночкѣ полъ-гинея. Миссъ Юлія вышла сама съ отвѣтомъ

— А!..... такъ ты ее видѣлъ?

ко не въ лице, сударь; оно было закрыто, и минуты меня не продержала. Этотъ разсказъ не было смѣда къ Юліиной а его-то мнѣ и надобно было открыть. Оды я понадѣялся на смѣтливость моего по, а немного и на мою собственную. То мой домъ, огромный, неправильный, въ вкусъ: одной стороною выходилъ онъ и тѣсный переулочекъ, другою на широкую людную улицу. Ходя взадъ и впередъ къ, я наконецъ увидѣлъ внезапный свѣтъ второго этажа, и сама Юлія — да, она сама! на минуту. Я высмотрѣлъ ея нѣжный проборъ ея волосъ, — и потомъ она опустилась, — все стало темно и блѣдно. Такъ, вотъ!..... По крайней мѣрѣ, я имѣлъ причинумать. Какъ попасть туда — это еще вочныя лѣстницы существуютъ только въ притомъ же полицейскіе!.... сверхъ того, ... Я вспомнилъ о служанкѣ: она оказала нѣкоторое снисхожденіе — нельзя ли поди на большее? Я позвалъ человека, и вепопытаться. Подумавъ немного, онъ поколокольчикъ: счастье мнѣ благопріятывышла таже дѣвка! Я былъ въ нѣкоторомъ и завернулся въ плащъ. Наконецъ дверь: Лудвигъ воротился ко мнѣ, — служангласна впустить меня черезъ два часа: но было видѣться съ Юліею безопасно. Лудвига, служанка не столько льстилась, сколько была тронута горемъ Юліи, естра принуждала, будто бы, отвергать гиннаго любовника. Черезъ два часа сеспать, все въ домъ утихнетъ. Боже мой! образныя ощущенія жгли мнѣ грудь, — я угрызенія, даже страхъ!.... Чтобъ не

привлечь на себя вниманія, стоя такъ долго на одномъ мѣстѣ, я на время удалился. Возвращаюсь въ назначенный часъ. Меня впустили. Вездѣ было темно; служанка, сама молоденькая, повела меня вверхъ по узкой лѣстницѣ. Мы подошли къ Юлиной двери: сквозь щели и вдоль порога видѣнъ былъ свѣтъ, и тутъ, въ первый разъ, я дрожалъ, блѣднѣлъ, ноги тряслись подо мною. Необыкновеннымъ усиленіемъ духа я побѣдилъ свои чувства. Что было дѣлать! — Если бъ я вошелъ нечаянно, Юлія, въ своемъ незапомъ испугѣ, могла бы разбудить весь домъ; если бъ послать служанку сказать ей, что я пришелъ, она можетъ быть не захотѣла бы меня видѣть. Нѣтъ! — это одно свиданіе я вымолю! Последнее средство было лучшее, единственное. И такъ я велѣлъ дѣвушкѣ приготовить молодую госпожу къ моему присутствію. Она вошла, и затворила дверь; я сѣлъ у порога. Подумайте, что я долженъ былъ чувствовать, сидя тамъ и прислушиваясь къ біенію собственнаго сердца! Служанка не выходила, — время текло; я слышалъ голосъ Юліи: казалось, страхъ и безнадежность сливались въ его звукъ. Я не могъ долѣе ждать; отворилъ потихоньку дверь, и сталъ передъ нею. Огонь тихо и ясно горѣлъ въ жаровнѣ; одна свѣча помогала ему освѣщать комнату; въ ней все дышало чистотою, дѣвственностію, которая мгновенно исполнила сердце мое благоговѣніемъ. Полочки съ книгами висѣли на стѣнѣ; Юліина работа лежала на столѣ близъ огня; неподалеку стояла кровать съ бѣлыми простыми занавѣсами; — во всемъ видна была та спокойная, чистая привлекательность, которою проникнута душа обитательницы. Я все окинулъ однимъ взглядомъ. А сама Юлія, прислонясь къ стулу, закрывала лице руками и рыдала!.... Служанка, блѣдная, испуганная, не знала, что дѣлать, какъ утѣшать свою барышню, а тѣмъ менѣе угово-

рить ее!..... Я упалъ къ Юліинымъ ногамъ, хотѣлъ взять ее за руку; она отскочила съ тихимъ воплемъ.

— Вы!..... сказала она съ горькимъ упрекомъ. Этого я отъ васъ не ожидала. Подите, подите! Что вамъ надобно? Что вы вздумали, въ этотъ часъ, — здѣсь? — И, произнося послѣднія слова, она опять закрыла лице руками, но на минуту. — Подите! закричала она суровымъ голосомъ. Подите сей часъ, или.....

— Или чтожь, Юлія? Вы поднимете весь домъ? Пускай! При всѣхъ, — друзейхъ и недругахъ, — буду я требовать права видѣться и говорить съ вами, — въ эту ночь и наединѣ. Теперь сзывайте всѣхъ. Клянусь именемъ неукротимой любви, — меня выслушаютъ.

Юлія только помавала рукою; кровь ея взволновалась сильнѣе прежняго.

— Чего вы боитесь? продолжалъ я тихимъ шепотомъ. Я ли это?.... Я, тотъ самый, который, для васъ, по сію пору, отказывалъ себѣ даже въ покушеніи васъ видѣть. И теперь, что меня привело сюда?..... Себялюбивое намѣреніе? Нѣтъ! — для вашего счастья я пришелъ сюда. Юлія, я думалъ, вы покойны, довольны, забываете меня, и сносилъ свое бѣдствіе безропотно. Я узналъ, что вамъ тяжело, что вы терзаетесь, живете однимъ прошедшимъ, — и вотъ я здѣсь! Теперь порицаете ли меня, воображаете ли еще, что этой любви вы имѣете причину бояться? Скажите, Юлія!

— Не могу!..... Не могу!..... Здѣсь! теперь! Подите, умоляю васъ; завтра увидимся.

— Нынѣшнюю ночь или никогда! — сказалъ я, вставъ и сложивъ руки.

Юлія обернулась, смотря мнѣ въ лице такимъ боязливымъ, испытующимъ и встревоженнымъ взоромъ, что возраставшее во мнѣ мужество отъ него упало; потомъ, обратясь къ служанкѣ, она крѣпко

ухватила за ея руку, и молвила: — ты меня оставишь!

— Юлія! заслужилъ ли я это? Прийдите въ с... и будьте ко мнѣ справедливы.

— Не здѣсь, я вамъ говорю, не здѣсь! закры... Юлія такъ громко, что я побоялся тревоги въ д...

— Тсъ, тсъ!..... Хорошо! сказалъ я: такъ со... те внизъ; вѣрно тамъ, въ гостиной, никого н... Позвольте мнѣ поговорить съ вами нѣсколько нуть, и я оставлю васъ довольною, счастливою

— Хорошо!... сказала Юлія, задыхаясь, по... я за вами буду.

— Общаете?

— Да, да; общаю!

— Конечно, я доволенъ.

Я опять сошелъ съ лѣстницы, и покойно ус... на послѣдней ступени. Не долго ждалъ. Засл... свѣчу рукою, Юлія спустилась потихоньку, и... ворила какую-то дверь въ корридоръ. Мы были... маленькой комнатъ; служанка, зѣвая, также хо... войти за нами, но я шепнулъ ей, чтобъ она с... новилась. Юлія какъ будто не замѣтила или н... ялась этого. Быть можетъ, она чувствовала себ... койною въ этой комнатъ, гдѣ все напоминало о д... номъ свѣтъ и безопасности. Она, казалось, ози... комнатку съ довольнымъ видомъ, и съ лица ея... тя очень блѣднаго, исчезло по крайней мѣрѣ в... женіе страха.

Комната была холодна, и довольно жалкой... ружности: Богъ съ нею! Мебель вся въ беспор... и разбросана, на столахъ соръ, постилка на в... ротъ, въ жаровнѣ зола. Но здѣсь Юлія позво... взять себя за руку, здѣсь Юлія прижалась къ... ей груди: я отиралъ ей слезы поцѣлуями, и... призналась, что была очень, очень несчастна.

Тутъ, со всѣмъ могуществомъ, которое даетъ в...

надъ милою, — нѣжнымъ деспотизмомъ, отъ
 таетъ воля, — я описалъ Юлію свои чув-
 моляя ея забыть весь міръ другъ для дру-
 не измѣнила добродѣтели; ея искреннее
 шіе и меня уже почти привело въ себя,
 ругъ я услышалъ, что служанка ахнула за
 — сердитый голосъ, — дверь отворилась: я
 женщину, въ которой мнѣ не трудно было
 Юліину сестру. Что это была за картина!
 я госпожа въ своемъ спальномъ чепцѣ, и
 вы! до шутокъ ли въ такой исторіи?.....
 къ, представьте, какъ мелочи сопряжены въ
 великими событіями: вдова сошла внизъ
 ми, которые забыла взять. Трогательное,
 е, — все испорчено связкою ключей! Она
 но посмотрѣла на меня прежде, нежели удо-
 взгляда мою собесѣдницу; потомъ, подошедъ
 схватила Юлію за руку довольно невѣжливо.
 и наверхъ, поди! сказала она. А! такъ ты
 танывала..... А вы, сударь, что вы здѣсь
 Кто вы такіе?

остивая государыня! прошу присѣсть, и по-
 о дѣлъ.

сударь, хотите ругаться надо мною, что ли?
 какъ это вы могли себѣ представить?

дите сейчасъ изъ моего дома, или я пошлю
 ю.

олноте!

! вы думаете, я этого не сдѣлаю?

рада была вырваться, и уже ускользнула
 аты.

рыня! сказалъ я: выслушайте меня. Не
 сюда до тѣхъ поръ, пока не отклоню отъ
 вашей всякаго упрека за это свиданіе. Я
 въ домъ безъ ея вѣдома. Явился вдругъ у
 омнать, — вы удивляетесь? — такъ точно, я

говорю правду. Я хотѣлъ говорить съ нею такъ же, какъ теперь хочу говорить съ вами, и если вы меня не выслушаете, вотъ что я сдѣлаю: буду ходить въ этотъ домъ, — стерегите, если можете; день и ночь буду ходить въ него, пока Юліи въ немъ не станетъ, пока она сдѣлается моею. Таковы ли слова человѣка, достойнаго вашихъ порицаній! Пожалуйте, садитесь и выслушайте меня.

Хозяйка дома машинально опустилась на стулъ. Мы разговаривали болѣе часа. И я узналъ, что за годъ сватался на Юліи человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, не старій и одного съ нею званія; что она прежде казалась расположена за него выйти, но съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась со мною, рѣшительно отвергла всѣ его предложенія. Сестрѣ очень хотѣлось, чтобъ она опять съ нимъ сблизилась. Она предоставляла на мой судъ, хорошили отъ меня будетъ упорствовать въ сношеніяхъ, которыя не могутъ кончиться къ Юліиной чести, тѣмъ болѣе, что по случаю ихъ отстраняются предложенія, упрочивающія ей судьбу, уваженіе, званіе въ обществѣ и семейное счастье. Это меня поразило.

Торговка, какъ обыкновенно въ ея сословіи, была женщина хитрая и довольно наблюдательная. Она тотчасъ воспользовалась произведеннымъ во мнѣ впечатлѣніемъ: краснорѣчіе ея воспламенилось, и, наконецъ, ободренная моимъ молчаніемъ и полагаясь на явную страсть мою къ Юліи, очень ясно намѣкнула, что единственное средство кончить дѣло приличнымъ и удовлетворительнымъ образомъ — было самому на ней жениться. Если богатому свѣтскому человѣку, одаренному чувствительностью, свойственна особенно какая нибудь склонность, такъ это склонность къ подозрѣнію. Я тотчасъ сталъ подозрѣвать, что мнѣ разставляютъ сѣти, что меня хотятъ *поймать*. Не по согласію ли съ самой Юліей, сдѣлано все это?

Не для того ли она такъ скромничала, и вмѣстѣ такъ выказывала свою любовь, чтобъ только заманить меня? Я не поддавался этому подозрѣнiю, однако жъ оно почти безъ моего вѣдома осталось у меня въ сердцѣ. Я столько любилъ Юлію, что если бъ подобное предложеніе явилось немножко естественнѣе или искуснѣе, днемъ, а не ночью, въ обыкновенномъ разговорѣ, а не при поимкѣ меня на самомъ преступленіи, я бы всѣмъ пожертвовалъ, и вѣрно бы на ней женился; но внезапныя страсти ни кому не внушаютъ уваженія. Вамъ стыдно, вы боптесь имъ повѣрить; вы видите, что вы уже игралище, если не другихъ, по крайней мѣрѣ собственныхъ чувствъ своихъ; и самое сознаніе въ чрезмѣрности вашей любви возбуждаетъ въ васъ всегдашнее опасеніе, чтобъ она васъ не выдала. Я ничего не отвѣчалъ на намѣкъ вдовы, но обхожденіемъ своимъ оставилъ ее въ томъ предположеніи, что онъ можетъ произвести свое дѣйствіе. Послѣ дружескаго переговора, я вышелъ изъ дому. Я, съ своей стороны, далъ ей слово не обращаться прямо къ Юліи; а вдова обѣщала, что, съ ея вѣдома, я буду видать Юлію во всякое время, и даже наединѣ.

Слѣдующіе два дня провелъ я въ жаркой борьбѣ съ самимъ собою. Могъ ли я отказаться отъ Юліи, когда любовь горѣла у меня во всѣхъ жилахъ? Но могъ ли и лишити ее священнаго, всѣми уважаемаго званія супруги, которое ей предлагали, для того, чтобъ продолжать свои преслѣдованія и достигнуть ихъ цѣли въ ея уничтоженіи? Оставался третій выборъ: послушаться намѣвка ея сестры и рѣшиться на бракъ. Бракъ съ прелестною, простодушною, любезною дѣвушкою, — въ томъ нѣтъ ничего непростительнаго; но она не знатнаго рода, но она безъ воспитанія, безъ сочувствія со мною въ единой мысли или привычкѣ! Но быть посмѣшищемъ ми-

нутнаго вождельнiя, и домогаться того, въ чемъ я самъ предвидѣлъ жизнь, исполненную неудовольствiй и неравенства, изъ одного обожанiя наружныхъ качествъ? Но, но, — словомъ, я какъ будто чувствовалъ, что мнѣ не рѣшится самому собою. Я вспомнилъ о своемъ другѣ, и къ нему прибѣгнулъ я за совѣтомъ.

Джонъ Меннерингъ человекъ лѣтъ сорока пяти; онъ кротокъ нравомъ, опытенъ, милъ въ обращенiи, и руководствуется нравственностью, которая не такъ строга, какъ удобоисполнима. Онъ уже отвелъ меня отъ многихъ глупостей. Я говорилъ съ нимъ долго и свободно. Его совѣтъ, какъ слѣдовало ожидать, былъ тотъ же, какъ и прежде, — отказаться отъ Юли. Я пришелъ домой, разсуждалъ самъ съ собою; съелъ писать, начиналъ двадцать писемъ, и разорвалъ ихъ въ бѣшенствѣ. Я не могъ удержаться, чтобъ не представить себѣ Юлию въ тоскѣ, въ отчаянiи, и, будто сострадая только объ ней, скорбѣлъ о своемъ собственномъ положенiи. Наконецъ любовь все превозмогла. Я рѣшился ѣхать ко вдовѣ, просить дозволенiя навѣщать Юлию въ ея домѣ, и, не общая жениться, по прежнему ухаживать за нею съ тѣмъ, чтобъ удостовѣриться, такъ ли согласны мы нравами и расположенiемъ духа, какъ сердцами. Я полагалъ, что эта мѣра будетъ чрезвычайно благоразумна. Послѣдствiй я тогда не расчитывалъ: зная, какого женщины мягкаго свойства въ молодости, я утѣшалъ себя мыслию, которою обманулось такъ много мечтателей, — будто могу усовершенствовать ея воспитанiе, — будто, побѣдивъ съ нею нѣсколько лѣтъ по Европѣ, я такъ же буду въ правѣ гордиться ея умомъ, какъ теперь восхищаюсь ея наружностью. О, какъ эта сдѣлка съ чувствами была искусительна! Я ее увижу, — буду говорить съ нею, —

тъ въ волшебной атмосферѣ ея прелестей!....
иду!

Той день, прихожу къ сестрѣ: черные, луглаза заблестали отъ моего предложенія. Слажено, — я увидѣлъ Юлію! Какимъ вѣемъ сіяло ея личико! Съ какой улыбкою, и слезами бросилась она въ мои объятія! Доволенъ и счастливъ.

Мѣ туда всякой день, и всякой день вижу, — но, послѣ перваго свиданія, очарованно!.... Я смотрѣлъ другими глазами. Старра, торговка въ душѣ, утѣшалась мыслию, которую меньшая скоро займетъ въ объятія. Радость вдовушки производила въ Юлію впечатлѣніе, и мечты о блескѣ явно смѣшались съ мечтами о любви: что этого естественно можетъ, любовь преобладала надъ всѣмъ; можно ли, чтобъ въ юномъ и пылкомъ умѣ суеты спали непробудно? Однако жъ, не знаю ли, что и во мнѣ проснулось подозрѣніе; не боятся, не обманываютъ ли меня, не обманываютъ ли меня въ это умышленно, не искусство ли это прежде казалось мнѣ въ Юліи природою?.....

Потрѣлъ ей въ лице, и солнечная, прелестная его меня разувѣрила. Но черезъ минутое мысль насильно ко мнѣ втѣснилась. Я замѣлъ всѣ извѣстные мнѣ примѣры неравноравно, и вездѣ видѣлъ одно несчастье: мнѣ что всегда высшій бывалъ очевидно обманомъ. Когда два лица стоятъ въ обществѣ на двухъ близкихъ и отдаленныхъ ступеняхъ, любовь можетъ перелетѣть это разстояніе изъ одного сердца въ другое; но взаимное довѣріе не имѣетъ той силы, и самая отдаленность ихъ положенія препятствуетъ свободному его дѣйствию, порождая въ

нась подозрѣнія и увеличивая призраки, пугающее наше воображеніе. Эта мысль меня убивала. Чувствительно какой-то холодъ охватилъ мою пламенность моего обхожденія, и въ замѣнъ той господствующей беззаботности, вмѣсто той райской вѣрчивости, съ которыми любовники должны даваться восторгу настоящаго и воображать друга средоточіемъ всѣхъ совершенствъ, я безпокоенъ и бдителенъ, я разыскивалъ всѣ недочеты и недостатки настоящаго. Когда душа моя настроилась на этотъ ладъ, волшебное облако, скрывавшее недостатки, разногласія характеровъ, начало постепенно разсѣваться: я замѣтилъ въ Юліи тысячу вѣщностей, которыя заставляли меня призадумываться отъ мысли, что она будетъ моею женою. Доколь бракъ не входилъ въ мои соображенія, до тѣхъ поръ эти недостатки какъ-будто до меня не касались, проходили мимо непримѣченные; теперь я смотрѣлъ на нихъ другими глазами. Когда искалъ я въ ней только любви и красоты, я былъ доволенъ, какъ и прежде. Теперь я искалъ болѣе: она должна была содѣлаться подругою всей жизни, и я боялся... я даже преувеличивалъ причины своего неудовольствія! Простодушная откровенность, неумелое слово, какого нибудь выраженія, забвеніе условныхъ правилъ, оскорбляли и сердили меня въ ней болѣе, нежели въ какой-либо другой женщинѣ, одной изъ мною званія. Стоитъ любви только взяться за свое, и она скоро останется въ дуракахъ. Я не совѣтовалъ ей говорить Юліи обо всѣхъ мелочахъ, или мажорныхъ недостаткахъ въ ея обращеніи, которыя ей не нравились; и увидѣлъ, что она, при всей осторожности моихъ внушеній, слушалась совсѣмъ не такъ, какъ я полагалъ себя въ состояніи ожидать. Она привыкла видѣть меня въ вос-

ждаго ея слова или движенія, и никакъ
а придинокъ и порицаній; ея лице, всег-
ее, тотчасъ высказало, какъ печалитъ ее
емьна. Она всегда считала меня непра-
осно взыскательнымъ и несправедливымъ.
а никогда явно не сердилась, только на-
преместную губку, и съ полчаса ни сло-
рила; но постепенно въ моей прекрасной
тъ проявляться *духъ*, — не совсѣмъ несвой-
кенщинъ, нешумливый, — *духъ* огорченія,
бъ гнѣва. Я былъ не слишкомъ велико-
ворила она : прежде я никогда не видалъ
ихъ недостатковъ, никогда не требовалъ
того совершенства; и потомъ она плакала,
дило до моего сердца, и я досадовалъ на
я до тѣхъ поръ, пока она опять не улыб-
тако жъ, легко было замѣтить, что, отъ
ія въ обществѣ другъ друга, мы перешли
жденности; опасеніе ссоры, сѣтованіе и
корбь замѣнили душевный, всеобъемлю-
гъ, и когда я думалъ о будущемъ, дрожь
имала. Словомъ, — я повторяю еще разъ:
исчезло!

въ исторіи страстей человѣческихъ! Сколь-
въ этихъ двухъ словахъ, какой горькій
димый обманъ, какое страшное убѣжденіе
ти надеждъ и лживости картинъ вообра-
гой холодный, мрачный переходъ отъ жиз-
мечтавшейся, къ жизни, какова она есть!
- то вечеромъ, послѣ одной изъ обыкно-
ашихъ ссоръ и мировыхъ, Юлія, противъ
наго, казалось, перешла изъ одной край-
другую. Тутъ были три или четыре ея
цы, — родъ собранія, и между прочими,
дныя сестры, охотницы до ворожбы. Она
ю всего круга. Вмѣстѣ съ ея веселостію

возрастало мое неудовольствіе; мнѣ чудилось, будто она заодно съ ненавистною вдовою, которую такъ и подмывало *казать меня* (ея милое выраженіе) за сестрина жениха, — а это такое положеніе, въ которомъ ни одному разборчивому чело­вѣку быть не весело! Прибавьте къ тому, что люди скромные и почтительные, пока они въ зависимости, всегда дѣлаютъ вамъ тысячу маленькихъ грубостей, когда возвысятся. Для молодой и любезной женщины, не получившей условнаго воспитанія, всего труднѣе выдержать опытъ собственнаго неограниченнаго веселья, безъ ущерба привлекательности. Ръзвость требуетъ образованія соразмѣрно съ участіемъ вашимъ къ той особѣ, которая ей предается; а ръзвость въ милой сердцу никогда почти не нравится страстному любовнику. Любовь такое важное, такое разборчивое божество! Словомъ, съ каждымъ мигомъ расло во мнѣ тайное негодованіе. Я измѣнялся въ лицѣ отъ бѣшенства при каждой шуткѣ, которою бѣдная Юлія перебрасывалась съ своими подругами. Клянусь, я бы кажется прибилъ ее, и безъ укора совѣсти. Гости уѣхали: теперь моя очередь. Я сталъ увѣщевать, Юлія возражала, мы оба вышли изъ себя. Мнѣ казалось тогда, что я совершенно правъ: теперь, увы! виню самъ себя; это сознаніе есть какъ бы нѣкоторая жертва страшному воспоминанію.

— Вы всегда оскорбляетесь моимъ счастіемъ, сказала Юлія: быть веселою, по вашему, всегда преступленіе. Я не могу сносить этого тиранства: я не жена ваша. Да если бъ и была ею, не стерпѣла бы!... Когда я вамъ теперь не нравлюсь, что жъ будетъ послѣ?

— Но, милая Юлія, вамъ такъ легко избѣгать тѣхъ маленькихъ странностей, которыхъ я не люблю. Считайте меня безразсуднымъ: быть можетъ, я таковъ. Для прекрасной души и то уже удовольствіе,

ображаться съ причудами любимаго чело-
вомъ, я чистосердечно скажу, что если все
я буду вѣстрѣчать въ васъ такое упор-
не можемъ быть счастливы, и..... и.....

прервала Юлія съ необыкновенною за-
тѣю, вижу, что вы хотите сказать: я вамъ
вы чувствуете, что я неиду къ вашимъ
тъ понятіямъ?.... Я казалась вамъ совер-
когда вы назначали меня себѣ въ жертву;
какъ вы понадумались, что и съ вашей
ужно нѣкоторое пожертвованіе, вы види-
о ничтожное пожертвованіе, и за него тре-
меня невозможнаго совершенства!

въ упрекъ было столько правды, что онъ
я за живое. Можетъ быть, со стороны
совсѣмъ прилично было его высказать, и
бнѣя неблагоприятно.

днѣль отъ гнѣва.

бнѣя!.... началъ я съ той вѣжливостію, ко-
на укоризны.

бнѣя?.... повторила Юлія, внезапно обер-
уста ея растворились, глаза сквозь слезы
и тревогою, горестію, и негодованіе тре-
всѣхъ ея мышцахъ. — Такъ, вотъ до че-
.... Прочь! Разстанемся! Конецъ моей лю-
ви вижу, что ваша миновала! Будьте вы
че, вдвое гордѣе, я не захочу унизиться
тобѣ быть обязанною не любви вашей, а
ельности. Лучше.....лучше.....о Боже!.....
жертвую собою..... отдамъ вамъ все, не-
му что нибудь отъ челоуѣка, который ду-
мать мнѣ этимъ честь. Разстанемся!

невидно приняла употребленное мною сло-
одномъ, колкомъ значеніи, за насмѣшку
ваніемъ и за доказательство холодности;
сталь долго думать, за дѣло ли она разсер-

дилась или нѣтъ. Ея презрѣніе къ пожертвованію, которое я почиталъ столь важнымъ, раздосадовало меня; необузданность ея гнѣва привела въ негодованіе. Я радовался только тому, что сама она предложила мнѣ отъ нея отдѣлаться. »Разстанемся!« — звенѣло у меня въ ушахъ, какъ отсрочка казни у осужденнаго. Я всталъ, взялъ спокойно шляпу и не отвѣчалъ, пока дошелъ до дверей.

— Довольно, Юлія: мы разстанемся навсегда. Завтра вы услышите обо мнѣ въ послѣдній разъ!

Я вышелъ изъ дому, и будто летѣлъ по воздуху. Давно ослабѣвавшая любовь моя къ Юліи, казалось, вдругъ была совершенно подавлена. Прѣжняя ея нѣжность воображалась мнѣ притворствомъ; я думалъ только, что избавился отъ живой напасти. Я поздравлялъ себя съ тѣмъ, что тяжелая цѣпь была разорвана ею самою, и что я освободился честнымъ образомъ. Я не вспомнилъ тогда, — нѣтъ! до тѣхъ самыхъ поръ, пока было уже поздно, — я не вспомнилъ объ отчаяніи, запечатлѣвшемся на ея лицѣ, когда покойный, тихій голосъ моей рѣшимости достигъ ея слуха и она увидѣла, что потеряла меня навсегда. Этотъ образъ встаетъ теперь передо мною, и онъ сведетъ меня въ могилу: ея блѣдное, окостенѣвшее лице, моя гордость, гнѣвъ, все исчезло! все слилось въ одинъ ужасный, дикій, каменный обликъ неблагодарно презрѣнной любви. Увы! увy! если бъ я только могъ думать, что она такъ глубоко чувствовала!..... Я писалъ къ ней на другой день кратко и умѣренно; но этимъ тономъ лишь растравилъ ея рану: я простился съ нею навсегда. Къ сестрѣ ея писалъ я обстоятельнѣе: говорилъ, что характеры наши совершенно несогласны, и что ни которому изъ насъ не лзя было надѣяться счастья отъ такого союза. Я просилъ ее не уговаривать и не обольщать сестры на замужество за прѣжняго же-

ни она не могла любить его взаимно. За
она ни вышла, обезпечить ея состояніе бу-
дью. Безъ сомнѣнія, въ короткое время
дѣлается для нея такъ же дорогъ, какъ
бракъ быть. »Тогда, говорилъ я, не оста-
йтесь за неравенствомъ состояній: я охотно
половину своего собственнаго, чтобъ иску-
сство, которое могъ ей причинить.»
письмомъ я совершенно успокоилъ свою

невѣроятю, въ какое короткое время
дѣлаются всѣ эти происшествія: въ немногихъ не-
средоточилась для меня вся исторія люб-
вое таинственное чувство, ея пламенная
размолвка, холодность, разрывъ, прощаніе

четыре дня я получилъ письмо отъ Юлі-
ры: ни слова отъ Юліи! Оно было напи-
скою дерзостью, что я болѣе нежели ког-
примирился съ настоящимъ положеніемъ
въ немъ заключалось извѣстіе, котораго я
равнодушно слышать. Юлія согласилась
женія прежняго жениха, и на слѣдую-
дѣла должна была выйти замужъ. «Она
меня сказать вамъ, писала вдова, что тотъ-
яла ваши намѣтки противъ этого честнаго
одъ личиною доброжелательства, которое
ей показываете; она видитъ, что вы все еще
аете себѣ право быть ея руководителемъ,
дѣлая ваши предложенія не что иное, какъ
тельность мнимаго превосходства. Впрочемъ
яетъ васъ, что счастье, котораго вы ей
для нея уже въ самомъ дѣлѣ наступило.»
аслуженное и оскорбительное посланіе до-
побѣду мою надъ всякимъ притаившимся
или сожалѣніемъ, и въ негодованіи на

Юлію несправедливость, я не видалъ, что было дѣйствіе уязвленнаго самолюбія въ сер-
дномъ отчаяніи.

Я все еще медлилъ отъѣздомъ за границу, и
стѣ нѣсколько времени, пошелъ обѣдать вблизи
минстера, къ одному изъ самыхъ веселыхъ
знакомцевъ. До сихъ поръ я убѣгалъ обществу,
этотъ перерывъ освѣжилъ во мнѣ охоту къ ег-
вольствіямъ. Часы быстро летѣли; я разгулялъ
настоящее показалось мнѣ такъ пріятно, какъ
но не бывало.

Идучи оттуда нѣшкомъ, я соблазнился прел-
ночи, съ ея морознымъ воздухомъ и свѣтлыми
дами; своротилъ съ прямой дороги, и машин-
побрелъ къ той картинѣ, которая всегда казалась
мнѣ чрезвычайно привлекательною въ ночное в-
то есть, къ мосту, отдѣляющему предмѣстіе
средоточія столицы, съ его гордымъ Аббатствомъ
и мрачнымъ Сенатомъ! Я ходилъ взадъ и впередъ
по мосту, временемъ глядя на темныя воды,
жавшія свѣтъ изъ едва видныхъ домовъ, и зорко
величественнаго неба. Душа моя исполнена
мрачныхъ, неопредѣленныхъ предчувствій; ужасъ
скорбь овладѣли мною безъ видимой причины
недавнимъ разгуломъ послѣдовало меланхолическое
противодѣйствіе. Я думалъ о разныхъ неудачахъ
своей жизни. Исторія съ Юліею составляла глав-
ную часть размышленій; образъ ея возникалъ
до мною неодолимо, и съ новыми прелестями
прасно хотѣлъ я прибѣгнуть къ чувствамъ са-
вольствія, обладавшимъ мною за нѣсколько ча-
сердце мое смягчилось, и память отказывала
отъ скорбительныхъ воспоминанійхъ: ея любовь, ея
винность, однѣ неотступно мнѣ представлялись
я вздыхалъ при мысли, что, можетъ-быть, она
невозвратно принадлежала другому. Я воро-

тѣмъ же слѣдомъ, и подходилъ къ концу моста, когда у самаго стога замѣтилъ толпу, и услышалъ неясный увеличивающійся шумъ. Тайное побужденіе меня торопило. Слышу, что городской говоритъ съ жаромъ, предполагающимъ увлекательность разсказа.

— Подозрѣніе родилось во мнѣ, говорилъ онъ, уже и въ то время, когда, проходя здѣсь, я привѣтилъ у моста женщину. Вотъ, видите, я и сталъ тамъ похаживать, а немного погодя, подошелъ опять и услышалъ, что молодка вздыхаетъ. Она ко мнѣ обернулась, я испугалъ ее, и никогда не забуду ея лица, — такъ уходило его горе! — а вѣдь молодая, хорошая!.... Вотъ я и заговорилъ съ ней: молодушка! я говорю: что ты тутъ дѣлаешь въ такую пору? А она говоритъ: «Жду лодки; у меня матушка будетъ изъ Ричмонда.» Только, какъ бы то ни было, я сдурю и повѣрю. Она съ виду была такая степенная, такая порядочная!.... Ушелъ я, знаете—а черезъ минуту (я былъ тутъ недалеко) и слышу, вода такъ тяжело всплеснулась: тутъ уже я все узналъ. Бѣгу; она разъ показалась изъ воды. Плавать—то я не умѣю; бую тревогу: вотъ, дали лодку, да ужъ не тутъ—то было!

— Бѣдная дѣвушка! сказала старая торговка: ужъ вѣрно ей поперечили въ любви.

— Что такое? спросилъ я, мѣшаясь въ толпу.

— Да вотъ, сударь, молодая женщина утопилась.

— Гдѣ?.... Тѣла не видно!

— Его взяли въ караульню, и лекаря пытаются оживить.

Ужасная мысль пробѣжала въ умъ моему! Какъ ни казалась она неосновательна и невѣроятна, я чувствовалъ въ себѣ необходимость подтвердить или

удалить ее. Я пошелъ въ караульню, растолкалъ народъ, подошелъ къ тѣлу. Боже!.... Это поблѣвшее лице, распущенные мокрые волосы, отеки члены, и вся эта дѣвственная красота подъ грубымъ, полунаброшеннымъ покровомъ!.... И тутъ же безчувственные лекаря!.... И Богъ знаетъ, что за женскія лица!.... Какал картина! какой смертный одръ! Юлія, Юлія!..... Ты отмщена!

И такъ ее-то я видѣлъ передъ собою, ее, жертву, самогубительницу!.... Скорѣе, прочь отъ страшнаго воспоминанія! Пишу собственный приговоръ, напечатая собственное проклятiе. При тѣлѣ нашли письмо: оно измокло, однако жъ я могъ разобрать его. Оно ко мнѣ; вотъ его содержаніе:

«Теперь вѣрю, что я очень заслуживала ваши упреки. Пишу спокойно, и съ твердою рѣшимостію не жить; вижу, до какой степени я не умѣла цѣнить любви, которую вы нѣкогда ко мнѣ питали. Однако жъ я васъ всегда любила, ни когда не говорила вамъ, сколько, и ни когда не могу сказать! Но когда вы стали, казалось, такъ много думать о своемъ, какъ бы это сказать? — о своемъ снисхожденіи на бракъ со мною, можетъ-быть и на любовь ко мнѣ, меня довело это до бышенства; и хотѣя бы я отдала вселенную за то, чтобъ вамъ нравиться, я не могла снести переменны въ вашемъ обращеніи съ тѣхъ поръ, какъ вы стали видаться со мною каждый день, и думать обо мнѣ, какъ должно о женѣ. Знаю, что отъ этого казалась я упряма, сердита, мелюбеана; но что жъ, когда я не могла иначе! И вы перестали любить меня: я это чувствовала, и до смерти хотѣла освободить

«васъ отъ связи, въ которой вы раскаявались. Наступила для меня такая минута, и мы разстались. Потомъ вы ко мнѣ писали: сестра показала мнѣ въ вашемъ письмѣ то, чего вы, можетъ-быть, и не думали; но въ самомъ дѣлѣ, меня поразила одна та мысль, что я потеряла васъ навсегда, и что вы меня презираете. Тутъ самолюбіе во мнѣ пробудилось: я знала, что вы меня еще любите, и думала отомстить вамъ замужествомъ съ другимъ. Но когда пришлось видаться съ другимъ, дарить его улыбку, и чувствовать приближеніе того дня, и думать, что вы всѣмъ для меня были, и что цѣлую жизнь должна я проводить съ непріятнымъ мнѣ человѣкомъ, извѣдавъ прежде полную, совершенную любовь — тогда я увидѣла, что слишкомъ надеялась на свои силы, и что не выдержать мнѣ долге своей твердости. Ничего не останется для меня въ жизни; тоска моя нестерпима, и я наконецъ готова умереть. Но не думайте, чтобъ я только была бѣдная, убитая любовью дѣвочка. Вы меня покинули, и я виню себя; но не могу снести того презрѣнія, которое бы вы ко мнѣ питали, если бъ я вышла замужъ. Заставлю васъ помнить обо мнѣ вѣчно, жалѣть меня, простить мнѣ, любить меня болѣе, чѣмъ когда нибудь любили. Вотъ, какъ отпущу за себя! Юлія».

И въ этомъ дикомъ бореніи чувствъ, — женской гордости съ нѣжностію, прощенія съ местию, высокихъ думъ съ ложными началами; съ этимъ обреченіемъ на смерть изъ одной надежды быть незабвенною, оплаканною; съ этой тревогою въ сердцахъ сошла ты въ свою влажную могилу!....

Что происходило въ груди твоей въ эти краткія, ужасныя минуты, когда ты стояла надъ мрачными водами, колебалась, медлила, страшилась, — и однако жъ полна была рѣшимости!.... Въ это время я былъ близъ тебя, и ничего не зналъ! съ тобою, — и не спасъ тебя! О, горько было отмщеніе, и нѣтъ конца воспоминанію. Съ тѣхъ поръ чуждаюсь сердечныхъ связей: я одинъ на земли!

Е. Е.

New Monthly Magazine.

АКТЕРЫ и АКТРИСЫ.

=

СЦЕНЫ ВОЛЬНАГО СВѢТА.

=

Не разъ спрашивалъ я себя: отъ чего не могу я преодолѣть отвращенія Леди Дильвортъ къ театру? отъ чего происходитъ ненависть ея къ актерамъ и актрисамъ? Предубѣжденіе ея противъ нихъ такъ сильно, что этому непременно должна быть какаля нибудь тайная причина. Но я проникну эту тайну.

Разсудивъ такимъ образомъ, я надѣлъ перчатки, вооружился тросточкою, пошелъ и сѣлъ противъ Леди Дильвортъ, Божіею и мужнею милостію Герцогини; она небрежно сидѣла на софѣ, и, увидя меня, выпустила изъ рукъ книгу, которую какъ-будто читала, но въ которой и листы не были еще разрѣзаны. По многимъ признакамъ я догадался, что почтенная Леди Дильвортъ скучаетъ, и что слѣдственно теперь можно заставить ее поразговориться.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ, сударыня, ложу на сегодняшній спектакль. Сегодня играетъ Миссъ Келли, актриса превосходная.

— О нѣтъ, благодарю васъ! Миссъ Келли актриса, если вамъ угодно, превосходная, безподобная, но я не хочу ее видѣть. Она актриса, и этого для меня довольно: я не люблю актрисъ. Я сама такъ долго отправляла это почтенное ремесло!

— Конечно, сказалъ я, вспомнивъ, что Леди Дильвортъ происходитъ по женской линіи отъ Плантагенетовъ, а по мужской отъ Ормондовъ: конечно вы были въ труппѣ Герцогини д'Узесъ, или Маркграфини, или Бриджеватера?

— О нѣтъ! я не была ни въ одной изъ этихъ труппъ. Но, увы! я такъ долго, такъ часто играла комедію, и мнѣ такъ трудно было играть ее, что одно воспоминаніе о моихъ драматическихъ подвигахъ бросаетъ меня въ лихорадку.

— Неужели! Позвольте же спросить, когда вы дебютировали?

— О! этому будетъ ужъ шестьдесятъ два года; давно, какъ вы видите, но я еще очень хорошо помню это важное время. Прежде всѣхъ выучила меня играть моя кормилица. У меня былъ почтенный дѣдушка; онъ нѣкогда служилъ въ арміи, носилъ усы, и отъ этихъ усовъ ужасно пахло табакомъ; притомъ уже одинъ взглядъ его пугалъ меня. Все это не мешало мнѣ играть роль мою, складывать ручки, какъ мнѣ было приказано, и просить дѣдушку, чтобы онъ поцѣловалъ, то есть, задушилъ меня. Поцѣлуй дѣдушки былъ ужаснѣйшая казнь, какую только можно погрозить маленькой дѣвочкѣ. Но это не мешало мнѣ каждый вечеръ начинать снова предписанное представленіе и усердно выпрашивать того, что я ненавидѣла. Правду сказать, я играла въ свою пользу: дѣдушка умеръ и оставилъ мнѣ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ чистаго дохода.

— Вы это называете своимъ дебютомъ?

— Признайтесь, что это было не дурно!

— Конечно; но потомъ вы, вѣрно, сошли съ театра?

— О, нѣтъ! Я принуждена была играть всѣхъ героинь новѣйшихъ романовъ. Я представляла дѣвическую стыдливость, невинность и незнаніе. Подъ руководствомъ моей гувернантки я играла роль дѣвушки набожной, учтивой, пріятливой; я ходила всегда съ потупленными глазами, восхищалась произведеніями Художествъ; я была стыдлива какъ Памела, благоразумна какъ Генриетта Байронъ, бережлива и воздержна какъ Кларисса Гарловъ. Ахъ,

какъ дорого платила я за мои успѣхи! Мнѣ хотѣлось бѣгать по полямъ, рѣзвиться, какъ молоденькая дѣвушка, а между-тѣмъ я припуждена была притворяться, какъ актриса. Какая скука! Но за то у меня были обожатели, и это меня утѣшало. Когда уже всѣ убѣдились, что я ангелъ, и что ни одна изъ романическихъ героинь не можетъ со мною сравниться, гувернантку мою отпустили: да и какая была въ ней надобность, когда я уже привыкла къ ремеслу своему! Я осталась одна, и начала читать запрещенныя книги, которыя попадались мнѣ подъ руку.

— И послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и репетицій, какойнибудь гвардейскій красавецъ помогъ вамъ сдѣлать развязку?

— О, нѣтъ! Это бы и плохая актриса сдѣлала. Убѣжать съ какимънибудь Полковникомъ! Нѣтъ, это слишкомъ просто, слишкомъ пошло; а я была истинная актриса, какъ вы сейчасъ увидите. Лордъ Дильвортъ, сказать вамъ правду, былъ человекъ пренесносный: онъ говорилъ Ирландскимъ нарѣчіемъ, какъ Коннаутскій мужикъ; онъ былъ тяжелъ, неулюжь, неловокъ; отъ него самого и отъ его разговоровъ пахло табакомъ и джиномъ. Я за него вышла. Посмотрѣли бы вы на мою благородную покорность волѣ родителей, на мою нѣжность къ жениху, на восхитительную стыдливость! Я трепетала какъ Памела, краснѣла какъ Кларисса. Всѣ журналы отдавали справедливость изящности, естественности, прелести моей игры.

— Прекрасно. Потомъ вы, конечно, начали представлять супружескую любовь?

— Нѣтъ, это было не нужно. Лишь бы только мой мужъ могъ пить, курить, играть на бильярдѣ и принимать всѣхъ своихъ Ирландскихъ родственниковъ, съ которыми онъ напивался; лишь бы толь-

*

ко я играла роль жены внимательной и покорной, онъ ничего отъ меня болѣе не требовалъ. Простую вамъ откровенно; что эта покорность была тогда очень тягостна, и что актриса, наскучивъ ролью, посматривала въ ложи, на одного красавца, молодого Пера. Другія актрисы, мои соперницы, тотчасъ замѣтили мою разсѣянность, свели партеръ людей со свистками, и въ лучшемъ моемъ роли, весь партеръ поднялся на меня. Я обратилась къ моему искусству, начала плакать, и они простили. Женщины распустили вѣеры и рыдали, что я интересная жертва; мужчины схватили шпаги, и поклялись, что выгонять моихъ хулигановъ и готовы защищать меня противъ всѣхъ и каждаго.

— Хорошо, очень хорошо: вотъ, что называю успѣхъ совершенный!

— Представленіе еще не кончилось: мнѣ охотилось сыграть еще фарсу. Молодой Перъ, для котораго я скомпрометировалась, былъ убитъ на дуэли, и многіе изъ его пріятелей и соперниковъ спешили занять его мѣсто. Они начали носить любовь и цвѣтъ мой и съ бѣшенствомъ мнѣ апплодировали. Это было лестно для моего самолюбія; но мой мужъ вздумалъ, что успѣхи мои будутъ невыгодны для него, и потребовалъ, чтобы я уѣхала изъ Лондона въ провинцію.

— Не весело, для такой превосходной актрисы.

— У кого есть дарованія, тотъ вездѣ найдетъ случай выказать ихъ. Я сначала играла роль хозяйки, мѣзницы, помѣщицы. Садилась въ вѣстку и въ ложи, и стояла съ добрыми деревенскими дворянами. Служила толкованія сновъ, разсужденія объ охотѣ, о собакахъ, кроликахъ и оленяхъ. Утвердившись въ роли, я сдѣлала нѣкоторыя перемѣны въ Мольеровомъ *Мнимомъ больномъ*, котораго уже играла въ молодости и знала наизусть. Я разлеглась и

Былась хворою, потомъ начала страдать сердца и мигренью. Я задержала занавѣ-ала никого принимать; получила право быть хъ, бранить людей и грубо обходиться съ Знаменитѣйшій провинціальный докторъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ бзни, и что она неизлечима.

роль должна быть довольно скучна: необ-ея принадлежности — микстуры, пилюли и я.

го не бывало. Вы совсѣмъ не понимаете и. Г. Пургона и Г. Діафоруса вычерки-тъ списка дѣйствующихъ лицъ. Можно быть ю, и лечиться музыкою, цвѣтами, благо-курениями, новыми романами и слезами: иногда лишаешься чувствъ, ѣшь конфекты шь о чувствительности и меланхоліи; по-тъ страдаешь спазмами. Трудность этой ро-тъ въ выздоровленіи: все пропало, если бешь слишкомъ скоро. Надобно оживать, понемножку, граціозно, съ тихою, почти тельною постепенностію. Надобно, чтобы ѣсколько разъ возвращалась; надобно пугать е заставляя его однако жъ страшиться за надобно наскучать ему, покуда отстанетъ; е ему ни минуты отдыха; утомить его такъ, ѣ наконецъ оставилъ васъ въ покоѣ и на но для этого надобно его увѣрить, что вы ѣ слабы, чтобы употребить во зло эту не-ть, и между-тѣмъ слишкомъ еще здоровы, ругъ отказаться отъ свѣта.

е удивительное притворство!

ите лучше, какое актерство: въ свѣтъ толь-ишь, что трагедіи и комедіи. Мы всѣ хо-маскахъ: кто искуснѣе, тотъ и счастливѣе. ѣ намъ умъ только для того, чтобы под-

держивать представленіе и дѣлать его занимательнымъ. Да притомъ, что жъ въ этомъ дурнаго? Чтенный Г. Дильвортъ, мужъ мой, былъ очень доволенъ мною, и когда я однажды играла Гривель въ Виндзорскомъ замкѣ, Е. В. Георгъ IV пріятельски въ такой восторгъ отъ моей пантомимы, что подарилъ мнѣ моему мѣсто, которое приносило ему въ годъ тысячу фунтовъ. А мы бы ничего не получили за скромной величавости всѣхъ моихъ движеній, пріятности положеній, которыя я принимала, прелесть чувствованій, которыя научилась я выражать въ моихъ остроумныхъ отвѣтовъ, выбранныхъ изъ разсужденій собраній остроумцевъ. Вы знаете, конечно, какое блестящее мѣсто занимала я долгое время при дворе.

— Знаю; матери и теперь еще поставляютъ меня въ примѣръ дочерямъ своимъ.

— Позвольте! вскричала Леди Дильвортъ, вставъ съ своего мѣста и прислонившись къ софѣ: какъ кажется, позиція, которая всего болѣе нравилась въ Виндзорѣ.

— Боже мой!.... точно Миссъ Сиддонсъ * въ краснѣйшія свои минуты!

— Когда величавость прежняго Двора замѣнена легкими пріятностями новаго, я перемѣнила характеръ моей роли; я стала играть роль комическую, остроумную, любезничала, капризничала, восхищалась, имѣла опять такой блистательный успѣхъ, что получила выгодныя мѣста всѣмъ моимъ родственникамъ и еще усилила мое вліяніе; а милый Адольфъ, то есть, мой мужъ, получилъ Герцогство Вильфордское.

— Это презанимательная исторія. Кажется, Герцогъ Йоркскій былъ вашимъ покровителемъ?

— Да! Я для него именно играла роль доброй

* Известная Англійская актриса.

ельзя же было ему не взять ложки въ мой
ь.

айте милость, продолжайте, сударыня: вы
е болѣе и болѣе удивляете.

дь Вильфордъ такъ сильно употреблялъ во
ть и казарменную жизнь, что черезъ два
ль того, какъ получилъ наслѣдство отъ дя-
врачи отъ него отказались. Я видѣла, что
о надобно будетъ лишиться его, — замѣтите
е: лишиться! — лишиться человѣка, кото-
илъ меня всю жизнь! Все богатство, кото-
былъ недостойнъ, доставалось мнѣ! Я дѣ-
воею госпожею! И повѣрите ли, я такъ хо-
терствовала, что обманула всѣхъ зрителей,
ьлые два года даже ни одинъ изъ людей
е усомнился ни на минуту въ искренности
али? Эта эпоха была величайшимъ торже-
оимъ: вы согласитесь, что не легко было
ать непрерывно радость мою, счастье, кото-
полнилось мое сердце при происшествіи бла-
омъ, такъ долго ожиданномъ; не легко было
авлять углы рта опускаться, чтобы выра-
мицъ не пылокое отчаяніе, но глубокую, не-
ю горестъ!

осходно! Даже и теперь я восхищаюсь ва-
кусствомъ.

все было тогда, когда мужъ мой еще толь-
мъ. Когда я овдовѣла, мнѣ не много на-
ло перемѣнять въ выраженіи лица: я опу-
е нѣсколько концы рта, сблизила брови;
и безъ того уже привыкло къ задумчиво-
грала вдову съ такимъ же искусствомъ,
съ другія мои роли. Въ первомъ дѣйствіи
горестъ, печальная покорность судьбъ; во
скорбь, нѣсколько уже облегченная; въ
веселіе начинаетъ уже проявляться; въ

четвертомъ кружева, диконькія волнистыя платья и лучъ надежды и утѣшенія, играющій на лицѣ.

— Вы, конечно, хотѣли остаться вдовою?

— Да! Но это не было твердымъ, непремѣннымъ моимъ намѣреніемъ.

— Какъ же вы дали знать публикѣ, что, можетъ быть, не всегда останетесь вдовою?

— Я приняла задумчивый видъ женщины, которая находится въ нерѣшимости, совѣтуется съ своимъ сердцемъ, разсуждаетъ и боится рѣшительнаго шага. Я составила себѣ важную, благородную и спокойную фізіономію Миссъ Сиддонсъ, когда, играя роль Королевы, она размышляетъ о судьбѣ царствъ. Но Евгенийъ, молодой адъютантъ, который нѣкогда игралъ со мною роли любовниковъ, женился, и я рѣшилась остаться вдовою.

— И вы, конечно, сдѣлались мизантропкою, стали играть роль героини оскорбленной, разгнѣванной?

— О, нѣтъ! это не нравится публикѣ. Напротивъ, я сдѣлалась веселою, шаловливою, — превосходная роль для женщины, которая еще не старѣется, но замѣчаетъ уже, что листья скоро начнутъ опадать! Прелестная игривость, улыбки, веселыя шутки, насмѣшки, — я все себѣ позволяла, и мною такъ восхищались, что соперницы мои чуть не умерли съ досады.

— Какое торжество!....

— Да! отвѣчала Леди Дильвортъ со вздохомъ: торжество! Я уходила за кулисы, и плакала!

— Но я думалъ, что вы въ то время были счастливы?

— Я была актриса, — и только! Подъ наружною веселостью скрывались слезы. Театральная жизнь не всегда пріятна. Я просила мѣста въ провинціи, и мнѣ отказали.

— Вамъ отказали? Какъ же это?

— Евгений жилъ въ Шотландіи; онъ лишился жены и обошелся со мною такъ гордо, что это походило на презрѣніе.

— Неблагодарный!

— Конечно, если вы хотите, неблагодарный; но онъ поступилъ разсудительно и благоразумно. Какой умный человекъ женится на актрисѣ?

— Позвольте вамъ сказать, сударыня: если вы такъ презираете актрисъ, зачѣмъ же вы сами были актрисою?

— Меня къ этому принудили. Я уже говорила вамъ, что сначала брала уроки у моей кормилицы; потомъ учила меня мать моя. Сначала надо было представить кротость, безотвѣтную послушность; потомъ ласковость и чистосердечіе; потомъ невинность и стыдливость. Всему этому, и только этому, меня учили. Какъ скоро къ намъ пріѣзжали гости, я думала, что выхожу на сцену. Разговоры мои, жесты, — все было заранѣе приготовлено. Я вступила въ свѣтъ актрисою, и нашла въ немъ только актрисъ и актеровъ. Глупо было бы выказывать истинныя свои чувства и выражать настоящія свои мысли: это значило бы сражаться безъ платья съ воиномъ въ латахъ. Я разсудила, что сдѣлаю неисправимую ошибку, если явлюсь съ открытымъ лицомъ въ обществѣ людей замаскированныхъ. Истинная привязанность, чистосердечныя чувствованія меня бы погубили, и я играла роль, которая правилась публикѣ. Ахъ!....

— Отъ чего этотъ вздохъ?..... Жизнь ваша была блистательна. Уваженіе къ вашему таланту должно было радовать васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Приходитъ время, когда скучно уже румянить морщины, когда голосъ суфлера становится несноснымъ, когда принуждена бываешь представлять пожилую и оставить блестящія роли. Это горько! Я сдѣлала, что было можно. Я укра-

шала лице мое улыбкою благоволенія къ юнству, видомъ снисходительности и добродушія, и роль привѣтливой хозяйки, покровительницы искусствъ, доброй родственницы. Наконецъ и чуждыя тропическія фразы, и моя неизмѣнная привѣтливость мнѣ жестоко наскучили. Я наняла компаніонку, оставаясь съ нею одна, вознаграждаю себя за притворство. Я перестала быть актрисою. Я стала хворою, капризною, взыскательною, сердитою. Съ тѣхъ поръ я играла дома естественную роль роль скучающей старухи.

— Скажите лучше, роль женщины доброй, молодой, снисходительной. Позвольте мнѣ думать, вы еще не отказались отъ театра. Отставка была бы несчастіемъ для свѣта. Такъ какъ вы такъ очень милы. Но позвольте мнѣ спросить отъ чего вздумалось вамъ открыть мнѣ тайну его искусства? Не замѣчаете ли вы во мнѣ склонности къ театру?

— Нѣтъ! Однако жъ.....

Она остановилась.

— Привычка во мнѣ такъ сильна, что я не могла было актерствовать и съ вами. Но, поразмысливъ, я увидѣла, что исповѣдь моя для васъ не только любезный Фредерикъ. Вы знали Евгенія, котораго вы видали меня за кулисами. Исторія моей театральной сцены была вамъ извѣстна. Не правда ли?

— Ахъ, сударыня, что вы говорите?

— Довольно!.... Ни слова болѣе. Но впередъ уже не станете приглашать меня въ театръ, вы не можете знать, отъ чего происходитъ непреодолимое возвращеніе мое къ актерамъ, актрисамъ, спектаклямъ, декораціямъ, костюмамъ, и ко всему, что въ театре свѣтъ комедія.

О.

Tait's Edinburg Magazine. — Biblioth.

О ЗАПИСКАХЪ

МАРКИЗЫ ДЕ КРЕКИ. *

=

МНѢНІЕ ОДНОГО МАРКИЗА.

=

Судя по самымъ Запискамъ, по примѣчаніямъ, по предисловію, надобно думать, что авторъ Воспоминаній Маркизы де Креки хотѣлъ выставить съ хорошей стороны и старыхъ вдовушекъ, и слогъ стараго времени. Авторъ, безъ сомнѣнія, человекъ весьма остроумный: онъ очень хорошо играетъ роль издателя; онъ такъ искусно поддѣляется подъ время, которое хотѣлъ изобразить, что его можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ ужъ черезъ чуръ тотъ, кѣмъ быть хотѣлъ; что тутъ «болѣе Арабскаго, чѣмъ въ самой Аравіи», какъ говорили, помнится,

* *Souvenirs et Mémoires de madame la Marquise de Créqui.* Сочиненію этому предназначено, кажется, играть банштательную роль въ Европейской Словесности нынѣшняго года. Некоторый родъ таинственности, искусно сообщенной отрывкамъ, напечатаннымъ изъ не-изданной рукописи въ *L'Europe Littéraire*, возбудилъ уже любопытство публики, столько разъ обманутой подложными Мемуарами, и надѣющейся получить въ этотъ разъ что-нибудь подлинное. Въ предвѣдущей книжкѣ мы извѣстали о выходѣ въ свѣтъ въ Парижѣ первой части этихъ Записокъ. У насъ любители Французскаго чтенія, ужеознакомившіеся съ этими отрывками посредствомъ издающагося здѣсь Журнала *Revue Ettrangère*, вѣроятно захотятъ читать и самые Мемуары, которые, въ самомъ дѣлѣ, общають много любопытнаго: по этому они безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ прочитають впередъ сужденіе объ нихъ одного изъ лучшихъ литературныхъ Журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ.

о сказкахъ Гамильтона. Но, хотя изъ подъ чепца старой Маркизы и выглядываетъ мужская голова, мы, въ угодность умному издателю, притворимся, будто этого не видимъ: мы ссориться съ нимъ не станемъ, — нашъ вѣкъ легковѣриѣе, чѣмъ думаютъ. Чтеніе этой книги принесло мнѣ столько удовольствія, что, право, не совѣстно немножко поддержать будущій успѣхъ Воспоминаній Маркизы де Креки: самъ я готовъ пособить мистификаціи; я предлагаю себя въ комперы, и буду усердно увѣрять всѣхъ въ ихъ подлинности. Притомъ, почему знать? Лѣтъ пять или шесть назадъ, Карлъ X ручался передъ всѣмъ своимъ Дворомъ за подлинность Записокъ Г-жи Дюбарри, и еще недавно знаменитый дипломатъ провозглашалъ въ Лондонѣ подлинность Мемуаровъ Лудовика XVIII. А если правда, что одинъ ученый Профессоръ сказалъ съ публичной кафедрѣ, что Романы могутъ быть подлиннѣе самой Исторіи, почему же мнѣ, простому свѣтскому человѣку, старому и суевѣрному Маркизу, — почему не сказать, не улыбаясь, что кто захочетъ изучить общество осмнадцатаго столѣтія, тотъ долженъ читать Воспоминанія Маркизы де Креки, какъ единственное достовѣрное изображеніе того времени? До сихъ поръ вышла только одна часть; но пусть выйдутъ другія, и я ихъ поставлю у себя въ библіотекѣ рядомъ съ маленько самолюбивою, но прелестною болтовнею Г-жи Дюдефанъ, дѣвицы де-л'Эпинасъ и другихъ умныхъ писательницъ осмнадцатаго вѣка.

Будто я не знаю, какой важный удѣлъ ожидаетъ женщинъ въ проповѣдуемомъ нынѣ порядкѣ вещей будущаго нашего общественнаго быта! Я читаю все, что пишутъ Сень-Симонисты съ бородами, и безбородые Философы во фракахъ и въ юбкахъ! Это дѣло рѣшеное: женщины свергнутъ иго мужскаго тира-

ства, — и будетъ на землѣ женскій полъ независимый отъ мужскаго пола; у него будетъ женское войско, женскіе драгуны, женскіе гренадеры, женскіе жандармы; женскіе судьи, Фельдмаршалы, Министры; будутъ даже женщины-мудрецы, женщины-Папы и женщины — Цари, которыя будутъ разбивать мужскихъ драгуновъ и гренадеровъ, судить мужчинъ-деспотовъ, держать весь этотъ злобный, завидливый, аристократическій полъ подъ каблучкомъ. Но позвольте мнѣ спросить васъ, милостивыя государыни, будутъ ли между вами любезныя женщины, такія, какъ бывали въ старое время, до Французской революціи?... Увы, я жалѣю не только о тѣхъ, которыхъ зналъ еще молодыми, но и о тѣхъ, которыхъ засталъ уже старушками, — о живыхъ воспоминаніяхъ моей юности. Не принимайте же въ дурную сторону того, что я сказалъ о Воспоминаніяхъ Маркизы де Креки, именно, что сочинитель ихъ хотѣлъ выставить съ хорошей стороны вдовушекъ осьмнадцатаго вѣка. Я любовался въ этой книгѣ драгоценнымъ отблескомъ Французскаго общества, какимъ зналъ его въ 1780 году..... Вы видите, что я очень старъ: будьте же снисходительны къ моей болтовнѣ и моимъ сожалѣніямъ.

Я не хочу злословить нынѣшнихъ Парижанокъ, и не стану говорить о томъ, какими нашель ихъ по возвращеніи изъ эмиграціи; но помню, какъ жестоко помяты были всѣ мои надежды на ожидающія меня удовольствія въ преобразующейся Франціи, когда, уходя отъ суматохи преобразования, очутился я вдругъ посреди Англійскаго общества, которое наши преобразователи принимали себѣ въ образецъ. Это часто было предметомъ моихъ разсужденій среди образцовыхъ мужчинъ и образцовыхъ женщинъ въ образцовыхъ Лондонскихъ отеляхъ.

До революціи Парижское общество могло назы-

ваться именно хорошимъ свѣтомъ по тремъ причинамъ: 1) потому, что изъ него исключены были всѣ различинцы; 2) по умственному превосходству женщинъ надъ мужчинами; 3) по отсутствію политики. Нѣтъ сомнѣнія, что первое необходимо для сохраненія утонченности хорошаго обращенія или, лучше сказать, его непринужденности и естественности. Исключить различинца, bourgeois, значило не только исключить грубыя и низкія формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и зависть, и взаимное презрѣніе, и столкновеніе между гордостью знати и плебеевъ. Тамъ, гдѣ всѣ благородны, тамъ всѣ равны между собою; гдѣ всякой на своемъ мѣстѣ, — тамъ всякой показывается такимъ, каковъ онъ есть, не боясь, что его почтутъ за челоуѣка низшаго себя или незнающаго приличій: когда у васъ есть гербъ, вы можете быть оригиналомъ, но никогда не будете челоуѣкомъ безъ воспитанія. Отсюда свобода, чинность, изящность обращенія въ обществѣ, всѣ члены котораго принадлежали къ одному большому семейству. Таково было до революціи Парижское хорошее общество. Допустите смѣшеніе классовъ, и вы отворите дверь всѣмъ претензіямъ купеческаго богатства, плебейскихъ знаменитостей, всѣмъ обиженнымъ тщеславіямъ. Разнородность скоро сдѣлается шумною, или осторожность и принужденность позволятъ вамъ только обмѣнъ холодныхъ и лицемѣрныхъ учтивостей. Каждый будетъ оставаться самъ про себя или подвергнется опасности прослыть хвастуномъ; разговоръ достанется въ руки какимъ-нибудь записнымъ пустомелямъ; но всѣ тѣ, которые не будутъ говорить ни слова, постараются придать своему молчанію видъ равнодушія или гордости, чтобы показать, будто ничтожность ихъ произвольна.

Но истинная прелесть Французскаго общества происходила отъ женщинъ. По признанію всей образо-

Европы, Французскія женщины, въ умствен-
номъ отношеніи, во всё время были равны муж-
чинамъ другихъ странъ. Смотри по модѣ и по тре-
бованіямъ времени, начиная съ лиги до революціи,
среди своими Судами жестокосердо уравни-
ли женщины, Французскія женщины иг-
равшую роль то въ политикѣ, то въ Литера-
турѣ, въ религіозныхъ преніяхъ. Въ послѣдніе
времена, можно сказать, не только давали на-
равку во всемъ, что касается до Литера-
турнаго Искусства, — составляющихъ умственную
часть общества, но, не смотря на законъ Салической,
были признаны и дѣятельными посредницами во
многихъ государственныхъ интригахъ. За то всё
мы удивлялись, видя въ нашихъ гостиныхъ
женщины, которыя были въ состояніи спорить съ
мужчинами обо всѣхъ общихъ вопросахъ. Дѣло въ
томъ, что если женщины образовывали мужчинъ,
то мужчины также образовывали женщинъ. Люди съ
высокимъ умомъ, люди порядочные, исключительно по-
сещали общество, и не были отвлекаемы отъ
своихъ многочисленными обязанностями нынѣшняго
вѣка, должностными, избирательными, де-
путатскими, муниципальными и прочая, и про-
стому сказать, беззаботные искали общества
потому только, что находили въ немъ
интересъ; честолюбивые, потому, что только чрезъ
общество можно было достигнуть до высшихъ сановни-
ковъ, даже до Короля. Не надобно думать, чтобы
тогдашнія любовницы, всѣ фаворитки, были толь-
ко изъ низшихъ Одамы, обреченныя на праздное
проживаніе внутреннихъ покоевъ и уборныхъ. Тогда
также привлекала любовь столько же умомъ,
какъ красотою: напротивъ, надлежало быть лю-
бовницею, чтобы быть красавицею. Любезная женщина
была женщиною. Такъ было прежде: но теперь,

когда Философы взялись преобразовать наше
ство на образованнѣйшій ладъ и учредить у
двѣ Палаты,—конечно все будетъ еще лучше
почти то, что я осмѣливался съ вѣжливостью
риннаго Маркиза говорить нашимъ образцамъ:
донскимъ Лордамъ и Леди, я, бѣднякъ, прин
ный оставить свое отечество потому, что как
Банкиру Неккеру вздумалось ввести во Фран
чала Англійскаго правленія.

Лорды и Леди всегда отвѣчали мнѣ:—«Конеч
Но одинъ Англичанинъ, человекъ съ дарова
писавшій въ послѣдствіи въ Лондонскихъ и
бургскихъ Журналахъ, сказалъ мнѣ однажды
кою-то смѣсью гордости политическаго чело
смиренія общественнаго человека:—«Маркизъ!
Англичанинъ былъ человекъ преучившій и
во время Республики называлъ меня Марки
превосходствомъ своимъ въ свѣтъ, вы, Фран
обязаны своему прежнему Правленію. Въ в
гостиныхъ общества лучше чѣмъ въ нашихъ
му, что у васъ нѣтъ ни Палаты Лордовъ, ни
ней Палаты, которыя бы отнимали у нихъ
говоруновъ. Ваше общество, если вы хотите,
образнѣе нашего: у васъ нѣтъ театра, на ко
вы могли бы выказать свои ораторскія дар
кромъ гостиныхъ и уборныхъ. У насъ на
онъ есть. У насъ общественныя забавы, ист
удовольствіе жизни, предоставлены безбородымъ
топрахамъ или старымъ глупцамъ, не отъ того,
у насъ недоставало дарованій для украшені
умомъ и любезностью, но отъ того, что наше
любіе и политикобъсіе влечетъ насъ въ другу
рону. Когда какой нибудь новый Кромвель
закроетъ Парламентъ, тогда общества наши
лаются и умнѣе и занимательнѣе. Намъ бы
дрено было имѣть Версальскіе сады, такіе же

Если бы мы захотѣли отказаться отъ своихъ; не мудрено было бы имѣть фонтаны и, если бы мы вздумали провести въ сады горые необходимы для напоенія полей; но не можемъ имѣть того, что пріятнѣе парковъ и — мы не можемъ имѣть любезныхъ жен-

ины наши, продолжалъ онъ, этотъ умный и Англичанинъ, гораздо ниже вашихъ, по- все мы государственные люди и бредимъ: онъ имѣютъ честь быть рабынями горныхъ людей, которые не въ правѣ имѣть. Во всякомъ другомъ образѣ правленія, бывають сближены съ мужчинами и вмѣ- ми думаютъ и чувствуютъ: это сближеніе ихъ съ людьми и дѣлами, со всѣми удовольствіями и занятіями мужчины, и общить имъ способность тонко наблюдать и нравиться въ разныхъ видахъ. Англичане, какъ глубокіе политики, не доводятъ до уму женщинъ. Вотъ, почему мы не хотимъ женщинамъ быть слишкомъ умными; къ тому мы обходимся съ ними, какъ съ существами низшими насъ; вотъ, почему заключаемъ мы ихъ въ кружокъ и приказываемъ имъ заниматься мелочами. Дѣло въ томъ, что нашимъ людямъ нѣкогда говорить объ умныхъ женщинахъ, а женщины, бывающія находятъ тамъ мужчинъ, столь же поверхностныхъ какъ и онъ, и также исключенныхъ изъ общественной жизни своими дѣлами, возрастомъ и т. п. Во Франціи, напротивъ того (то есть, въ самой Франціи: мой Англичанинъ не имѣлъ въ виду нынѣшней), во Франціи нашимъ умнымъ женщинамъ ничто не препятствуетъ быть умными дома, стараться нравиться женщинамъ

и обрабатывать умственные ихъ способности, возвысить ихъ въ уровень съ своими. Когда во Франціи, устроится такое же краснорѣчивое влеченіе, какъ у насъ, посмотримъ, каково тогда ваше общество!»

Собесѣдникъ мой могъ бы прибавить, что слѣднее время до революціи, хорошее общество нимало въ нѣдра свои писателей, — и это было бы выгодно и для писателей, и для Словесности для хорошаго общества. Тогда были у насъ литераторы свѣтскіе люди, и свѣтскіе люди литераторы. Не всѣ писатели были любезны, какъ Сень-Ламур, но и не всѣ такіе медвѣди, какъ Жанъ-Жакъ. Государственные люди, философы и поэты говорили женщинамъ свои идеи; женщины сообщали свою прелесть и тонкія наблюденія. Мужчины говорили женщинамъ, даже думать, женщины говорили мужчинамъ жить. Нынѣшніе наши литераторы, такъ много говорятъ объ XVIII вѣкѣ, должны бы сначала изучить тогдашнее общество, а потомъ, уже, если угодно, злословить его. По-этому я почитаю ихъ романамъ *исторіи* или, пожалуй, *манеры нравовъ*, которые называются Записки. В этомъ отношеніи я очень благодаренъ и Маркизы де Креки за то, что она собирается выставить прежнее время съ хорошею стороны. Я очень благодаренъ ему за его анализъ, даже за его злословіе; они драматически представятъ меня во Францію молодыхъ лѣтъ мои, когда мы встрѣчали въ нашихъ *мелочныхъ* господахъ мужчинъ, каковы были Господа де Вольтер, Дидро, тескіе, Бюфонъ, д'Аламберъ, Гено, Дидро, женщины, каковы Г-жи де Креки, Неккеръ, Шуазель и проч.

Для противоположности я, послѣ Записокъ Маркизы де Креки, стану говорить вамъ о Запискахъ

и д'Абрантесъ, которая съ такою же вѣр-
такою же любовію передала намъ гости-
внию время Имперіи. Любопытно срав-
тимистскую Маркизу съ либеральною Гер-
славу и пустошь прежнихъ время съ
пустошью время Имперіи. Признаюсь
ровенно, что любимыя мои книги — Запи-
санныя, какъ Записки Маркизы де Креки:
Литературы, въ которомъ Французскій умъ
и понынѣ все свое превосходство, по
о меморіографовъ Англійскихъ, Герман-
даже Италіанскихъ.

О.

Revue de Paris.

АНГЛИЧАНЕ

ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

=

Вообще говорятъ, что въ блаженныя старина, когда только Англійская знать ѣзжала жие краи, имя нашихъ соотечественниковъ валось лучшею славою, нежели теперь, и исключеніемъ той буль-дожьей свирьпости рою, по словамъ Смоллета, всегда извиняли и привычку налагать руку на таможенныхъ воровъ и городовыхъ, мы дѣйствительно съ твердой землѣ людьми порядочными. Но я искренно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. И въ время, по описаніямъ, Англійскій *милордъ, anglaise, минувшихъ дней*, былъ не многимъ Лондонскаго портнаго, который *теперь* путешествовалъ въ Европѣ въ этомъ благородномъ званіи, и называется *milord anglaise*. Да и безъ всякихъ сомнѣній мы должны допустить ту неоспоримую истину, что нѣтъ города, нѣтъ деревушки на материкѣ, которую бы можно было благовоспитанному англичанину посѣтить, не краснѣя отъ уморительныхъ карикатуръ, искажающихъ тамъ нашу національную славу. Пожалуйте въ Кале, въ Булонь, куда уйдете и посмотрите на уродливыя фигуры, которыми величаются именованіемъ образцовъ Англійскаго искусства. Взгляните, Бога ради, на ихъ стяннутыя распущенныя шляпы съ огромными полями, на ихъ нѣжный покррой ихъ платья, на ихъ бакенбарды, на ихъ чванство, невѣжество, наглость, и подумайте себѣ, что нарядъ и тонъ, нестерпимые въ гостяхъ.

ардена, благополучно сливуть себя у до-
дей, небывавшихъ въ Англіи, настоящими
ми вкуса и воспитанія заморскихъ Евро-
Повъжайте, говорю, куда хотите на твер-
о, и будьте увѣрены, что если съдѣлалось
ь очень необыкновенное, очень смѣшное,
асбродное, такъ ужъ конечно отъ Англи-
сли кто-нибудь ведетъ жизнь, забвеніемъ
личій соблазнительную даже для Италіян-
вовъ, такъ это соотечественникъ людей,
ся своею нравственностью и религіею.
я-нибудь женщина отличается передъ дру-
нною вольностью въ рѣчахъ, неизвини-
тескромностью въ поведеніи, такъ она на-
оженка пресыдливой, прескромной стра-
торой панталоны, невинная и самая бла-
ная часть мужскаго платья, называются у
енъ и сестеръ не иначе, какъ вещью не-
, *inexpressibles*. Англія въ гостяхъ и Ан-
двѣ страны столько же различныхъ ха-
, какъ Камчатка и Отаити. Англичане
ссовъ и всякаго пола какъ-будто нарочно
убѣдить весь свѣтъ, что мѣняютъ кожу
климатомъ, и что, ведя себя благопри-
Мейферъ и Флитъ-Стритъ, могутъ дѣлать
чуды и странности въ виду Полей Ели-
Колизея, или рѣшетки Лѣтняго Сада въ
тъ. Право, стоило бы хоть нѣсколько исто-
азываемыхъ о нашихъ соотечественникахъ
тъстахъ, гдѣ они себя показали, перенести
грозить имъ лоза общественнаго мнѣнія.
изъ нихъ, и самая достовѣрная.
маленькое вступленіе. Вамъ, я думаю, из-
то въ числѣ тысячи одной глупости, ко-
мичаются наши путешественники, есть одно
дурачество, — страсть тереться около людей,

почитаемыхъ ими за высшихъ и благороднѣйшихъ, нежели они сами. Оно отчасти свойственно всему народу, оно сильно прозябаетъ и на родимой нашей почвѣ: все это вамъ извѣстно, — но вы, быть-можетъ, не знаете, какъ смѣшно, а иногда и какъ бѣдственно разростается это дурачество въ чужихъ краяхъ, и какъ часто превращаетъ тамъ нашихъ добрыхъ горожанъ и деревенскихъ джентльменовъ въ игрушку и посмѣшище другихъ. Если это вамъ не извѣстно, такъ извольте выслушать.

Жило было одно Англійское семейство, которое съ 1815 года поселилось въ Парижѣ. Семейство, какъ у насъ говорится, *почтенное*, — въ той мѣрѣ, въ какой это прилагательное утверждалось за нимъ достаткомъ и изрядной родословною. Оно состояло изъ одного джентльмена съ женою и двумя дочерьями. Джентльменъ былъ прекрасный, добродушный человекъ, и состоялъ въ полномъ распоряженіи супруги, которая, истощивъ его доходы пошлою роскошью въ Англии, перевезла свою безответную жертву во Францію, чтобъ тамъ поисправиться бережливостью. Онъ и въ Лондонѣ зналъ не много, и мало чѣмъ занимался, кромѣ мѣстныхъ сплетней по своему уѣзду. Ему, на примѣръ, лучше всякаго другаго извѣстно было, сколько десятинъ земли у сосѣдей, каковы свойства и почва каждой изъ этихъ десятинъ, и когда именно поступили онѣ во владѣніе тѣхъ, кому принадлежать. Сверхъ того онъ могъ сказать въ совершенной точности, гдѣ лучше охотиться, — у Лорда Бомбаста или у Виконта Труппинтона, и кому больше надежды на титулъ Герцога или Графа, Сирь Джону Степфасту или Сирь Томасу Фрибутеру. Бывъ не слишкомъ дѣятельнымъ чиновникомъ по выборамъ жителей своей округи, но добродушнымъ, честнымъ гражданиномъ, онъ нѣкогда спокойно наслаждался ихъ расположеніемъ,

случайно выходила какая глупость или не-, то всегда обвиняли не его, а его супругу джентльмену, по переселеніи въ Палько надо было провѣдать, гдѣ сыскать газету, да безмятежный робберъ виста: еніемъ этихъ пунктовъ въ извѣстность, его было и хлопотать о присканіи друметовъ для упражненія его разговорчивомъ другое дѣло Г-жа Броутонъ: она еще въ привыкла удить по Лорду къ каждому готова была на какую угодно суматоху, подцѣпить къ себѣ на балъ Баронета; вся иность приходила въ броженіе, когда она бя въ кругу, плотно начиненномъ Кавалеями и Сирами, какъ трюфелями: да тутъ, шой сноровкою, можно достигъ даже до а съ Герцогомъ или Принцемъ! Она не бѣла,—глазь не смыкала, пока не поставишь Парижъ въ то положеніе, которое считимъ выгоднымъ для своихъ общественныхъ ий. Вотъ нанята квартира съ хорошею студуя двумя прекрасными гостиными. Правда, ни были къ нимъ не подъ стать, — да кто чальни! — и если Г-на Броутона упрятали, такъ что жъ въ томъ за бѣда, когда Г. быль именно такой чловѣкъ, которому, куда его ни сунь! Добыли хорошаго пона полгода наняли каретныхъ лошадей: асается до остальныхъ шести мѣсяцевъ, то е было надобности знать, гдѣ и какъ жие это время почтенное семейство, и потому но достаточно было одноколки, кухарки и кой избы. На этомъ основаніи, Г-жа Броутонвилась начать свое поприще въ шумной Франціи. Чтобъ добиться порядочнаго реельнаго письмаца къ Послу, Г. Броутонъ,

бывъ дотоль Вигомъ по семейственнымъ связямъ, долженъ былъ обѣщать свой голосъ и все свое содѣйствіе въ выборахъ депутата Сиръ Чарльсу Торнспиту, кандидату ихъ Графства изъ партіи Торри, сыну Лорда-Намѣстника, который доводился двоюроднымъ братомъ женѣ Посла, Леди Каролинѣ Гудсбери. Вотъ почему Леди Каролина, которая, какъ подобаетъ знатной дамѣ, брала живѣйшее участіе въ успѣхъ своего племянника, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ жребій будущаго выбора сдѣлался сомнительнымъ, начала оказывать Броутонамъ особенную въжливость въ Парижѣ, гдѣ тогда находился и Сиръ Чарльсъ Торнспитъ. Не упустить же такого случая: Сиръ Чарльсъ Торнспитъ и Леди Каролина Гудсбери смѣло были приглашены на обѣдъ, — и не отказались! Г-жа Броутонъ знала, къ чему идетъ дѣло, и теперь не безъ причины думала, что все для нея облегчилось. Правда, что ей некого было пригласить вмѣстѣ съ знатными ея гостями; а позвать кого-нибудь на обѣдъ запросто къ себѣ или къ себѣ съ Сиръ Чарльсомъ и Герцогинею Каролиною Гудсбери, было для господина и госпожи Броутонъ не одно и то же.

— Фанни, ты будешь нынѣшній вечеръ у Посла: гляди пристально на молодаго Князя Толстяковскаго; онъ попроситъ тебя танцовать, и если попроситъ, такъ ты, душенька, зови его къ намъ обѣдать въ будущую Пятницу съ Посланникомъ.

— Послушай-ка! продолжала Г-жа Броутонъ, обратясь къ мужу: знаешь ты этого высокаго старика, который стоитъ всегда у камина, на-право, во второй комнатѣ? Это Французскій Герцогъ, Дюкъ де Сень-Жермень: подойди и стань подлѣ него, и какъ войдешь съ нимъ въ разговоръ, — что для тебя не трудно, — такъ замѣть ему, что Посолъ премилый человѣкъ, и скажи, будто случайно, отходя прочь:

«Не угодно ли будетъ Вашей Свѣтлости вмѣстѣ съ нимъ отобѣдать у насъ въ Пятницу?» Не забудь же, смотри, въ Пятницу!

Г. Броутонъ, привыкши къ порученіямъ этого рода, — и будучи такъ старомоденъ и простосердеченъ, что ему и въ голову не приходило, какую онъ принимаетъ смѣлость, приглашая незнакомца къ себѣ на обѣдъ, въ особенности Француза, — исполнилъ данное ему порученіе. Въжливый Французъ подумалъ, что, бывши эмигрантомъ, онъ видалъ гдѣ-то этого Англійскаго чудака, и, потрепавъ свою табакерку, поднесъ ее Г. Броутону и сказалъ: — *Je serai charmé!* Миссъ Фанни дѣйствовала не такъ успѣшно. Сердце Князя Толстяковскаго, въ этотъ вечеръ, занято было новою актрисою, и потому оставалось непроницаемымъ для всѣхъ скромныхъ приманокъ. Наконецъ наступила роковая Пятница, чреватая судьбою Броутоновъ. Посолъ не могъ быть у нихъ, чрезвычайно занятый танцовщицею и отправкою бумагъ; Сиръ Чарльсъ повѣхалъ на охоту, — и все обѣденное общество, не смотря на разныя, хитро направленные усилія пополнить его новобранцами, ограничилось Леди Каролиною и Герцогомъ де Сенъ-Жерменомъ. Я тоже званъ былъ на обѣдъ, но пріѣхалъ только вечеромъ, и ввѣкъ не забуду радостнаго и смущеннаго вида Г-жи Броутонъ, когда, сидя за фортепіано между двумя своими жертвами, она была точно какъ паукъ, который радуется, поймавъ двухъ большихъ синихъ мухъ, хотя и не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Эта смѣшная неудача была Г-жѣ Броутонъ столько же съ руки, сколько успѣхъ самый совершенный. Леди Каролина Гудсбери и Герцогъ де Сенъ-Жерменъ были оба знатны по-своему до такой степени, что не могли быть очень коротки между собою; и каждая изъ этихъ двухъ особъ считала хозяйку за

душевною пріятельницею другой. И дѣйствително никто, кромѣ короткаго пріятеля, не могъ быть глашенъ на такого рода обѣдъ tête-à-tête. Ледеролина удалилась въ тѣхъ мысляхъ, что хотя Броутонъ показалась бы очень простообычна въ глѣзѣ, но видно — она въ самыхъ короткихъ свѣтъ съ лучшимъ Французскимъ обществомъ; а по le duc, съ своей стороны, пустился въ самыя вѣдательныя и философическія размышленія о рѣчи воспитанія, какое считается лучшимъ въ нѣкоторыхъ странахъ. — Смѣю сказать, говорилъ онъ тихоньку, что простая женщина, у которой и въ часъ былъ, можетъ казаться премилою только Посланицѣ!

И такъ съ этого вечера, Г-жа и дѣвицы Броутонъ спущены были, какъ нельзя лучше, въ Парижское общество; и въ гостиной, и за обѣдомъ было у нихъ столько народу, сколько душъ угодно.

Дочери Г-жи Броутонъ были въ самомъ дѣлѣ любезныя и хорошенькія дѣвушки; и если бы только благословило ихъ не такою маменькой и инымъ питаніемъ, не было бы ни какой причины быть смѣшными: а то совершенства ихъ ограничивалось тѣмъ, что онѣ плохо пѣли, хорошо танцовали и свободно говорили по-Французски, и сверхъ того по-Англійски, — достоинство, котораго впрочемъ Броутонъ никогда не могла достигнуть, хотя по роду своему, имѣла на него полное право. Для молодыхъ дѣвушекъ, въ другихъ обстоятельствахъ этого было бы очень довольно; но странное жеманство маменьки проливали и на нихъ не было выгодный свѣтъ. Маменька рѣшительно не была надѣлена отъ Природы филологическимъ органомъ: мудренныя слова всегда сбивали ее съ толку, и нажды она дома рассказывала о себѣ, что пригласила кого-то итти съ нею смотрѣть діаррею на

варь, а тотъ извинялся передъ ней діорамною въ животь. Нельзя было не смѣяться надъ нею и надъ всѣмъ ея семействомъ! Но къ этимъ легкимъ грамматическимъ особенностямъ, чужеземные ея знакомцы были совершенно равнодушны; такъ, что, при хорошихъ комнатахъ, искусномъ поварѣ, пригоженькихъ дочкахъ и смирномъ, въ вистъ играющемъ мужѣ, домъ Броутоновъ вошелъ въ большую извѣстность у Парижанъ, а какъ сборище хорошаго Французскаго общества, равно цѣнился и Англичанами. Г-жа Броутонъ достигла своей цѣли. Правда, все-таки считали ее простою женщиной, но домъ ея былъ сборищемъ хорошаго общества, а она этого-то и добивалась. Надъ ней, какъ надъ всѣми такими, смѣялись тѣ самые, которые удостоивали ее своихъ посѣщеній; но этого она не видала или не хотѣла видѣть, напрягая всѣ умственныя способности, чтобъ сыскать хорошихъ жениховъ своимъ дочкамъ. Какъ никто изъ прежнихъ посѣтителей ея гостиной не казался ей на-руку, то она тщательно развѣдывала о каждомъ новопришельцѣ, и если онъ былъ богатъ и чиновенъ, ревностно старалась упрочить его знакомство.

Четыре или пять лѣтъ протекли быстро, и вовсе не было предложеній, которыя, по возвышеннымъ видамъ Г-жи Броутонъ, могли бъ быть уважаемы. Тогда разнесся слухъ, что пріѣхалъ въ Парижъ знатный чужестранецъ. Г. Карьтонъ, Секретарь Англійскаго посольства, сказалъ ей, что онъ назывался Герцогъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: * человекъ среднихъ лѣтъ, кудрявый, съ черными усами, съ полу-Греческимъ и полу-Римскимъ носомъ, очаровательными глазами и выраженіемъ лица, чрезвычайно

* Зейдлицъ-Пудеръ, Seidlitz-Powders, есть названіе аптечныхъ порошковъ.

меланхолическимъ и интереснымъ. — Правда, рилъ Г. Карльтонъ, выраженіе это можно считать недавно случившемуся съ нимъ несчастіемъ, пруга, которую онъ обожалъ; похищена у него хоткою, и Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ привезъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобъ разсвѣяться, а часъ для того, продолжалъ Секретарь, чтобъ замѣнить свою потерю: нельзя-жъ ему оставить свой родной родъ безъ наследника!

— Какое печальное происшествіе! сказала Фанни.

— Какое интересное лице! сказала Миссъ Анна.

— А богатъ онъ? спросила Г-жа Броутонъ.

— Чрезвычайно, отвѣчалъ Секретарь. Знаете Броутонъ, — домъ его полу-Королевскій!

Г-жа Броутонъ кивнула головою въ знакъ согласия.

— Зейдлицъ-Пудеры одной линіи съ Вольфенбургерами, которые происходятъ отъ Беарбицеровъ, которые ведутъ родъ свой отъ Фоксбанроновъ, которые только десятию степенями отдѣляются отъ Бурговъ: да кто знакомѣ васъ съ Готскимъ манахомъ, Г-жа Броутонъ!.... Что-жъ касается его богатства, то можете судить сами, когда я вамъ, что оно заключается въ рудникахъ нецѣннаго лекарства, которое прозвано египетскимъ ломъ, и которое распространило это державное по всемъ фармакопеямъ въ Европѣ.

Г-жа Броутонъ казалась особенно довольна слѣдней фразою, потому, что въ ней было новое слово, котораго она не знала, думая, что не поздно отыщеть его въ Готскомъ альманахѣ.

— А въ вистъ-то онъ играетъ? сказалъ отецъ.

— Онъ вальсируетъ? сказали дочери.

— Обѣдаетъ онъ въ гостяхъ? сказала мать.

— То-то и бѣда, что врядъ-ли! отвѣчалъ ей

Г-нъ Принцъ — человекъ, преданный умствен-
ностямъ, и углубленный въ самого себя.
Онъ собирается теперь выдать сочиненіе, изъ кото-
раго видно, что онъ, родившійся на подвластной ему землѣ,
получилъ отъ своего позволенія, Фауста, составляющаго
главнѣйшій эпизодъ въ его дивномъ романѣ. Тѣ, кто его
говорятъ объ немъ, какъ о чудеснѣйшемъ
древняго и новаго генія. Будучи такъ за-
путешествуя для того, чтобъ жениться и
идти, онъ никуда не ѣздитъ, если не увѣренъ,
что онъ набрестъ тамъ на жену, и что притомъ
онъ не въ просакъ. Дѣйствительно, онъ жи-
ветъ въ совершенномъ удаленіи отъ общества, и
не принимаетъ меня, такъ единственно потому,
что мой имѣлъ когда-то одну любовницу съ
именемъ, что, какъ говоритъ онъ изъ вѣжливо-
сти, имѣетъ насъ изъ котораго рода свойствомъ.
Г-жа Броутонъ покраснѣла, а Г-жа Броутонъ,
Г-жа Секретаря по рукъ, сказала, чтобъ онъ
не воздерживаетъ на языкъ. Замышленное ею на-
именованіе Принца фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ отложи-
ло въ другомъ случаѣ, а между-тѣмъ рѣшилась
идти. Вскорѣ пріѣхали двое пріятелей Г-на
Карльтона, служившихъ при Англійскомъ посоль-
ствѣ Г-нъ Шанюлье — при Португальскомъ. Пер-
вый говорилъ о Принцѣ, которому представилъ
Г-нъ Карльтонъ, съ восхищеніемъ. По-
думавъ ихъ похвалы своими замѣчаніями
политическихъ мнѣній, которыя назывались
мнѣніями. Словомъ, въ этотъ день перебивало
Карльтонъ гостей болѣе обыкновеннаго, и на
всѣхъ былъ одинъ Принцъ фонъ-Зейдлицъ-
Пудеръ, кто его видѣлъ, кто объ немъ слышалъ, а
о томъ только о большомъ его черномъ мед-
ораго онъ кормитъ мороженымъ и сухарями.
Любопытство не возбуждалось въ женской

груди такъ сильно, какъ въ госпожѣ и дѣвицахъ Броутонъ.

На другой день утромъ, смотрѣли онъ въ окно на Королевскую улицу, rue royale, и увидѣли, что Г. Карльтонъ ѣдетъ мимо на прекрасной Арабской лошади. Она удивляла красотой, но еще болѣе цвѣтомъ шерсти. Морда и нижняя часть головы были совершенно черныя, уши также, грива и хвостъ золотыя, а тѣло бѣлое, — безъ отметинки. Дамы хотѣли обратить на себя вниманіе Секретаря, но не могли. Онъ увидѣли его вечеромъ.

— На чьей это прекрасной лошади ѣхали вы утромъ?

— Лошадь! Какая лошадь?... Я, кажется, не ѣздилъ верхомъ? Ахъ, да! это скакунъ Принца фонъ-Зейдлицъ-Пудера.

— Что за чудесная шерсть?

— О, это его завода: у него теперь въ Парижъ двадцать такихъ лошадей; онъ вырощены въ рудоконьяхъ, и кромѣ растительнаго мозга ничего въ ротъ не берутъ.

— Вообразите, маменька, какой долженъ быть странный человекъ Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: у него медвѣдь питается мороженымъ и сухарями, а двадцать бѣлыхъ лошадей съ черными мордами и ушами, съ золотыми хвостами и гривами, только и ѣдятъ, что растительный мозгъ!

На слѣдующее утро, Г. Карльтонъ, какъ бы неутомимый въ усердіи служить Принцу, своему другу, опять прѣсѣхалъ мимо оконъ, но ужъ не верхомъ, а въ большой коляскѣ, съ огромнымъ ящикомъ прекрасныхъ ароматическихъ цвѣтовъ. На этотъ разъ онъ замѣтилъ нашихъ дамъ, которыя, смѣючись, спрашивали, что значитъ такое путешествіе.

— Чортъ возьми этого Принца! отвѣчалъ онъ: ей Богу, онъ меня такъ заколдовалъ, что я истинно

не знаю, чего бы я не сдѣлалъ ему въ угодность? Я провѣтриваю его цвѣты.

— Провѣтриваете его цвѣты?... Пустое! сказала Миссъ Фанни.

— У васъ не то на умѣ? сказала Миссъ Каролина.

— Это длинная исторія, сказалъ Секретарь, приближаясь къ окну, которое было не высоко отъ земли: но если вамъ угодно выслушать.....

— Да, да! сказали вдругъ обѣ дѣвушки.

— Хорошо: такъ вамъ должно знать, что когда умерла Принцева жена, у него не было даже ея портрета. Надо же имѣть что-нибудь въ знакъ памяти — и поэтическое воображеніе внушило ему, что ни какая вещь не изобразить совершенствъ ея такъ ясно для его чувствъ, и не напомнить ихъ ему такъ сильно, какъ запахъ множества тщательно подобранныхъ цвѣтовъ. Ящикъ, который вы тамъ видите, есть изображеніе Принцессы, которое Принцъ всегда возитъ съ собою; и, открывъ посредствомъ нѣжныхъ своихъ оргацовъ и глубокихъ познаній, что всѣ женскія растенія, каковы вѣроятно и эти, требуютъ постоянныхъ забавъ и развлеченій для сохраненія своего запаха, онъ посылаетъ ихъ каждый день въ хорошую погоду, за городъ, дышать чистымъ воздухомъ, и видаться съ родными и друзьями. Какъ дама, которая обыкновенно сопровождаетъ ихъ, нездорова, — да и самъ Принцъ въ жару авторства, — то онъ просилъ меня прогуляться съ ними.

— О, да вы надъ нами шутите! сказали въ голосъ обѣ дѣвушки. Никто въ мірѣ не слыхивалъ о портретахъ изъ цвѣтовъ. Вы очень искусны, Г. Карльтонъ, однако жъ нѣтъ!.....

— Шучу надъ вами! сказалъ удивленный Секретарь весьма серіозно. Спросите маменьку: обѣ этихъ вещахъ никто не читалъ больше ея.

Г-жа Броутонъ кивнула головою.

— Извольте спросить маменьку: развѣ не няютъ пѣсень, не пишутъ писемъ, не даютъ с цвѣтами въ Греціи, въ Германіи, въ Мароккѣ, въ Мессопотаміи?... А портреты изъ цвѣтовъ вѣдь самая обыкновенная: вся трудность въ томъ, чтобы прибавить совершенное сходство. Кто ни видалъ цвѣтца, всякой говорить, что этотъ цвѣтъ ничто иное, какъ чистое подобіе. Впрочемъ, вы сами можете сказать объ этомъ Принца, если пожалуете сегодня на сейскія Поля, и — угодно? — я буду имѣть честь его представить.

Предложеніе, какъ надлежало ожидать, было принято. Воображенія двушекъ немедленно занялись изобрѣтеніемъ нарядовъ, которые бы какъ-можно болѣе къ лицу, и разговоръ прекратился.

Вотъ онъ на Елисейскихъ Поляхъ. Въ эту часть ожиданія, на каждого мужчину, котораго дали казался кудрявымъ и черноусымъ, и на него въ весь глаза; въ теченіе втораго часа всѣ усердно высматривали Секретаря; послѣдній былъ проведенъ въ бышенствѣ и въ безнадежномъ поперемѣнно.

Миссъ Фанни знала, что Г. Карльтонъ тутъ будетъ: онъ охотникъ подразнить. Миссъ Карльтонъ полагала, что если Принцъ склоненъ къ мѣстамъ, то онъ могъ ожидать встрѣчи съ ними въ тихихъ частяхъ Булонскаго лѣса. Г-жа Булонская говорила имъ, чтобъ онъ не выходили изъ парка: нетерпѣніе вредно для желудка, а отъ здоровья варенія зависитъ здоровый видъ.

— Ахъ, негодный! воскликнули всѣ три дамы, услышавъ одинъ голосъ, но съ сверкающими отъ радости глазами, когда дворникъ подалъ имъ карточку Карльтона и красивый лоскутокъ папки, на которомъ отлично выгравировано было имя Принца Зейдлицъ-Пудеръ: на уголокъ мелкимъ почеркомъ

было написано: Hôtel de Castille, — можетъ-быть рукою самого Принца!

Онъ спрашивали дворника о господинѣ, который оставилъ карточку, и объ экипажѣ, въ которомъ онъ прѣѣхалъ.

Онъ зналъ только, что у подъезда остановилась великолѣпная карета, и егеръ въ богатѣйшемъ нарядѣ спросилъ, дома ли госпожи, а услышавъ, что ихъ нѣтъ, оставилъ карточку.

Г. Броутонъ получилъ приказъ ѣхать на другой день въ трактиръ Hôtel de Castille, и, если увидится съ Принцемъ, просить его, въ первый свободный день, къ обѣду.

— Le prince n'est pas chez lui, сказалъ швейцаръ: mais son ours y est. *

— Такъ отдай карточку и скажи мое нижайшее почтеніе, молвилъ Г. Броутонъ въ разсѣяніи.

— Принцу или медвѣдю? спросилъ швейцаръ, улыбаясь и кланяясь очень вѣжливо.

Г. Броутонъ уже не слышалъ его. Надо было посоветоваться съ Г. Карльтономъ, какъ лучше приступить къ приглашенію на обѣдъ.

— Не показаться бы слишкомъ назойливымъ, говорила Г-жа Броутонъ.

— Нѣтъ! этого еще мало! сказалъ Г. Карльтонъ, приложивъ руку къ подбородку, и будто размышляя. Да ужъ я за васъ это обѣдаю. Есть у васъ календарь? Принцъ не иначе обѣдаетъ въ гостяхъ, какъ въ полнолуніе!

Подали календарь: полнолуніе приходилось на третій день, и Секретарь обѣщалъ, что если Принцъ не далъ слова прежде, о чемъ онъ черезъ полчаса освѣдомится, то Его Светлость будетъ обѣдать въ этотъ день у Г-жи Броутонъ. — Но, говорилъ онъ,

* Принца нѣтъ дома, но его медвѣдь у себя.

прежде чѣмъ приглашать его, подумайте хорошо: онъ гость хлопотливый, и всегда хочетъ списокъ лицъ, съ которыми приглашаютъ е вмѣстѣ.

— О, только бы залучить намъ Принца! Г-жа Броутонъ въ восхищеніи: даю вамъ бл просите, кого угодно.

Черезъ часъ Г. Карльтонъ воротился и что Принцъ послалъ съ извиненіемъ къ одному Камчатскому дворянину, который живъ въ Парижѣ инкогнито, и что онъ навѣрно будетъ честь обѣдать у Г-на и Г-жи Броутонъ. Г. тонъ принесъ и списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ пригласить, поставляя главнымъ условіемъ, содержать въ совершенной тайнѣ отъ всѣхъ дамъ и намѣрсія знаменитаго чужеземца, который вовлеченъ будетъ въ безконечныя ссоры со ствомъ людей, получавшихъ отъ него отъ свои приглашенія. — И если дойдетъ до Принца, вѣрилъ Секретарь, что кто-нибудь, чьего имени въ этомъ спискѣ, — всѣ помѣщенные въ него обязаны дать клятву въ сохраненіи тайны, — что вы его ожидали, онъ вѣрно воротится даже съ половины вашей лѣстницы.

Въ два слѣдующіе дня, каждый замѣчалъ новое выраженіе радости и самодовольства, бывшее въ глазахъ трехъ дамъ, и что-то не важное около ихъ устъ, такъ что, если бы и не было бы чешскія мнѣнія Г-на Броутона не были хороши, вѣстны, это вѣроятно возбудило бы вниманіе пражской Полиціи. Наступилъ рѣшительный моментъ: Г-на Карльтона спрашивали, нѣтъ ли такихъ лицъ, которыя бы Его Свѣтлость особенно жалова

— Ужъ если вы мнѣ напомнили, сказалъ онъ, то точно есть! Онъ большой охотникъ до розов

пирожковъ изъ геранія: почти только этимъ
ся.

ый супъ и пирожки изъ геранія! сказала
тунъ. Ну, право, я никогда о нихъ не слы-

о ужъ вѣрно не слышали! сказалъ Г. Карль-
можетъ-быть и вашъ поварь! Это Королев-
на, наследственныя въ домъ фонъ-Зейдлицъ-
. Въ Германіи частнымъ людямъ строжай-
щено не только ѣсть розы, но даже ихъ
и въ собственныхъ владѣніяхъ Принца, гдѣ
самое отеческое, если бѣ кто-нибудь взду-
готовить или покушать розоваго супу или
ихъ пирожковъ, на первый разъ его зато-
на три года; за вторую вину послали бѣ
десять на галеры; за третью бы повѣсили.
и на то, этотъ родъ пищи такъ обаятеленъ,
въ первой казни, никто не въ силахъ усто-
ивъ искушенія подвергнуться второй и
Но такъ какъ Принцъ, быть-можетъ, не
бы сообщить свою тайну вашей кухнѣ, то
ите ли, чтобъ эти кушанья были доста-
вамъ съ его собственной?

ается! что и говорить! сказала Г-жа Броу-
лько судите сами, — ѣсть розы и гераній!
му жъ не такъ? Ужъ вѣрно онъ привлека-
грибовъ и трюфелей, гадкихъ, запчканныхъ
кабы, которые обязаны только случайно-
ітїемъ ихъ превосходства; а за прїятность
еранія одинъ органъ ручается другому. Не
замъ, Г-жа Броутонъ, это извѣстїе, неже-
нибудь другому! — было изобрѣтателемъ слав-
скаго кушанья изъ соловьиныхъ языковъ?
къ же носъ поселилъ въ Зейдлицъ-Пуде-
льственную страсть къ розовому супу и
ымъ пирожкамъ.

Съѣхались гости, прибыли супъ и пироги. Карльтонъ также. Когда онъ побѣхаль сюда отъ ца, тотъ выщипываль себѣ усы, и его на ожидать ежеминутно.

Всѣ присутствующіе были о немъ насильнымъ казалось, что видѣли его съ трубкой другимъ, что подслушали его свистъ, прохочкомъ; но никто не имѣлъ чести быть лицомъ съ Принцемъ, кромѣ Секретаря Англическаго посольства; и на цето-то устремлялись всѣ, когда карета за каретой гремяли у подъезда.

А въ Броутонахъ каждый нервъ былъ въ раздражительномъ состояніи нетерпѣливаго. Напрасно хотѣли скрыть истину, — цѣль перешель за урочное обѣденное время, и въ мѣ Г-на Карльтона, казались встревожены неіемъ Принца. Онъ одинъ былъ совершененъ, совершенно увѣренъ, что ни какое предсказаніе не помѣшаетъ его приѣзду.

— Онъ можетъ немного замѣшкаться: это бываетъ; или онъ получилъ какія-нибудь новости, или, можетъ-быть, доканчиваетъ оду, родъ ція, которымъ онъ обыкновенно занимается умываетъ руки. Конечно, можно бѣ было столъ, если онъ скоро не будетъ; но что въ до его прибытія, то всякое опасеніе на это совершенно напрасно.

Однако жъ, пошли заключеніе за заключеніемъ Медвѣдь, ледъ и сухари; лошади и растительный мозгъ; Принцесса и ароматическій портретъ; вѣрный супъ и геранійные пирожки, всѣ Пространности, и потомъ странное его имя, пощно были предметами разговора. Молодые дивы разныхъ державъ говорили съ натянутой ищительностью, денди съ прищептомъ, военные клятвами, дамы били тревогу.

— Вотъ ужъ странное-то имя, такъ странное! говорилъ Маркизь Буваль, семидесятилѣтній и полонный. Подлинно странное!... Да что-то я и не слыхивалъ его до революціи?

— Имя ни чуть не странное! сказалъ Г. Карльтонъ.

— Не страннѣе же *Труфита*, воскликнулъ Лордъ Г-тъ.

— Ни *Литля*, шепнула Миссъ Фанни.

— Ни *Ясмина*, молвила со вздохомъ Миссъ Каролина.

— Ни *Шилшанкса*, сказалъ Графъ П-ій.

— Ни *Гиггинботтома*, сказала Леди Г***.

— Ни *Рамсботтома*, сказала Г-жа Броутонъ.

Однако жъ, сколько ни дивовались Принцевымъ именовемъ, а наконецъ съ диву дались, отъ чего онъ такъ долго не ѣдетъ; и когда старый Графъ де-Суассонъ въ другой разъ уже начиналъ жаловаться на корчи въ желудкѣ, Г-жа Броутонъ была вынуждена велѣть ставить кушанье, строго наказавъ, чтобъ розовый супъ и геранійные пирожки отнюдь не проствали.

Подали кушанье, гости усѣлись, — вдругъ всѣ голоса смолкли, всѣ ложки съ супомъ остановились въ воздухѣ, когда Г-жѣ Броутонъ подали письмо, на бумагѣ шафраннаго цвѣта, и съ печатью въ добрый талеръ, изображавшею, какъ послѣ замѣтили, коробку Зейдлицъ-Пудеру (Зейдлицкаго порошку), поддерживаемую двумя щитодержателями.

— Боже мой! сказалъ Г. Карльтонъ: это Принцева печать: вѣрно что-нибудь случилось! Не безпокойтесь, милая Г-жа Броутонъ; сдѣлайте милость, Г-жа Броутонъ, позвольте мнѣ прочесть письмо.

Съ сердцемъ, полнымъ чувства неудачи и прискорбїя, она едва могла вздохнуть въ знакъ согла-

сія, а Г. Карльтонъ уже вскрыль конвертъ тая про себя, говорилъ:

— Такъ и есть! Я былъ увѣренъ въ этомъ что, кромъ величайшаго бѣдствія, не могло вить Принца. Прочестъ ли?

Всѣ глаза отвѣчали — да, всѣ уши встрепи и прикикли....

«Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ, къ кр сожальнію своему, не можетъ имѣть чести Г-жи Броутонъ, потому, что медвѣдь, котор такъ обожаетъ, откусилъ у него носъ и р ротъ отъ уха до уха.»

Не нужно говорить, что всѣ, кромъ хозяй дочерей, тотчасъ догадались, что это была шутка Г. Карльтона, извѣстнаго своимъ сар скимъ остроуміемъ, и желавшаго, для удов своихъ пріятелей, сдѣлать, въ ихъ же прво опытъ, какъ далеко можетъ простираться . ріе его соотечественниковъ, когда они ос страстию, столь обыкновенною въ нашемъ водиться со знатію, во что бы то ни стало ни сумасбродна была выдумка, все — еще Броутоновъ осталась ниже точки вѣроятност манныхъ обстоятельствъ.

— Бѣдный Принцъ! сказала хозяйка со сл глазами. Я не могу ничего взять въ ротъ чаю его несчастія.

— Съ разорваннымъ ртомъ и безъ носа!.... я не хочу за него замужъ ни за что въ свѣ думала про себя каждая изъ дочерей пороз

— Странно!.. почти не вѣроятно! присов Г-нъ Броутонъ, разрѣзывая пидѣйку: но ст Нѣмцами всегда случаются подобныя вещи!

Е. П.

New Monthly Mag

МИСТРИСЪ ИНЧБАЛДЪ,

ЕЯ ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

=

никалась, и была актрисою; она отличалась
шиемъ, и была скупа; она писала, и была
; въ презрѣніи своемъ къ общественному
доходила она до самаго крайняго цинизма,
ніи приличій до безразсудства, въ безкоры-
возвышеннѣйшаго героизма.

а была Мистрисъ Инчбалдъ, женщина пе-
енная, дочь одного откущика въ Граф-
кастерскомъ, родившаяся въ 1753, умер-
1821 году, чуть не въ крайней бѣдно-
щина, которой Г. Боденъ теперь издалъ
которой имя извѣстно публикѣ особен-
Романамъ, исполненнымъ самаго тонкаго
восхищавшимъ всю Европу, доставив-
редметы для многихъ драматическихъ про-
й во Франціи и въ Германіи, и одна-
де пріобрѣтшимъ всей заслуженной славы.
я страніе всего на свѣтѣ: пребывала на
она была въ сношеніяхъ съ замѣчатель-
и лицами своего времени, и ни сколько не
овалась ими для улучшенія своей судьбы.
сила обвиненія въ скряжничествѣ, а каждый
существованія былъ ознаменованъ велико-
пожертвованіями. Попавъ напередъ въ
кочевыхъ актеровъ, странствовавшихъ въ ея

провинціи, она бывала потѣмъ въ гостинныхъ Сталь, не оставляя ни на минуту своей умѣсти въ привычкахъ: хлѣбъ, вода и чердакъ, было для нея достаточно.

Мистрисъ Инчбалдъ, урожденная Елисавета сонъ, была очень хороша собою: высока, стнѣжно сложена, — а головка, замѣчательная рмилловидностью и совершенствомъ очерковъ! — ные глаза, полные выразительности, смышле ума! — притомъ смѣсь лукавства, живости, чистечія, придавали всей ея физиономіи несодолиму лость. Эта наружность была довольно вѣрное женіе ума своеобразнаго, наблюдательнаго, дошаго разсудительность до глубокомыслія, — прямой, способной къ чувствованіямъ болѣе нымъ, нежели нѣжнымъ, къ преданности одной — нибудь идеѣ, и къ удивительному упо вся ея жизнь была тому доказательствомъ. И дая скрытной могучести своего характера, она рала житейскими бѣдами, легко управляла стми, которыхъ мы такъ часто бываемъ жертвою ла сносить — и умереть, если бѣ это было н. Но отсюда происходила странная суровость, строгая и непреклонная, что-то нелюдимое и кое, порожденное борьбою этой женщины с столѣтельствами и съ самой собою. Она не подда ла какому соблазну, не пала ни предъ одною изъ жавшихъ ее опасностей. Она побѣждала, но с скорбіемъ; и когда свѣтъ смѣялся надъ тѣмъ называли ея причудами, она отважно выдерж продолжительный и великодушный бой съ со со свѣтомъ. Сходная съ Жанъ — Жакомъ Рус многихъ отношеніяхъ, она тоже писала свою повѣдь», которую слишкомъ совѣстливые изда къ несчастію, истребили; но Г. Боденъ, нмѣ

ея семейственныя бумаги и переписку, и привелъ въ порядокъ много подробностей

ство семейныхъ обстоятельствъ, причисчастіями въ торговль, внушило ей же на сцену, и помогать будущими доходами матери, которые едва перебивались въ бедности: и такъ она хотѣла быть актрискалась! Въ пансіонъ, куда ее отдали, она горя, и молодыя подруги безжалостно ее насмѣшками. Какъ показаться на театрѣ произносить Шекспировы стихи передъ живою публикой? Елисавета, — ей было тогда двѣнадцать лѣтъ, — выбираетъ по лексикону затруднительныя своей длинотой или странности произношенія; запирается въ свою комнату и читаетъ ихъ безпрестанно. Наконецъ она нашла, что лучшее средство къ излеченію отъ остатка — вооружиться терпѣніемъ, и произносить очень медленно. Проходить два года, — и совершенно преодолѣла, побѣдила это препятствіе; но оставалось другое, еще — дебюты!

Въ орломъ Норвичскаго театра былъ какой-то Гриффитсъ, человекъ неглухой и особенный въ дипломатіи, необходимой въ театральномъ званіи, которому онъ себя посвятилъ. Къ нему обратилась Миссъ Симпсонъ: онъ совѣтовалъ, но не выходя однако жъ изъ круга той поговорки, которая не лишаетъ надежды, и не слышитъ надеживаешь. Юное сердце Миссъ Симпсонъ было по Гриффитсъ: то была единственная любовь ея жизни. Съ дѣтства привыкла она внимательно перечень своихъ поступковъ и чув-

ствованій, и въ дневникъ ея, около того времени, когда она познакомилась съ Норвичскимъ докторомъ, вписано большими буквами имя Гриффитса, точками, какъ надписи на Римскихъ храмахъ, и надъ нимъ слова: «Каждая буква этого имени звучна для моего уха.» Надобны воображеніи молодой дѣвушки и все чародѣйство любви, чтобы слушать сладкозвучіе въ этихъ сильныхъ согласныхъ въ этихъ терпкихъ гортанныхъ буквахъ, изъ которыхъ состояло имя Г. Ричарда Гриффитса. Потомъ явился другой обожатель, Г. Инчбалдъ, терпѣливый, мотъ, шалунъ, впрочемъ добрый малой. Симпсонъ любила Гриффитса, но о супружескомъ съ нимъ не было и помину, а Г. Инчбалдъ искалъ ея руки. Нѣсколько времени оставалась она въ тягостномъ положеніи, преслѣдуемая Гриффитсомъ и сердечно желая выйти замужъ, хоть за Инчбалда. Вотъ три очень короткія, но значительныя строки, заставившія насъ улыбнуться, и которыя мы выписываемъ изъ ея дневника. Тутъ не много толкованій: только благосклонныя читательныя замечанія, если придется ихъ и на долю нашей статьи, должны стоять эти строки своего тонкаго и пронизывающаго вниманія.

•22 Января. Видѣла портретъ Гриффитса.

•28 Января. Украла его.

•29 Января. Ни слуху, ни духу о Г. Инчбалдѣ: не бываетъ, — это ужасно!

Въ этихъ трехъ строчкахъ, — не правда ли? — рѣчь женскаго сердца высказывается лучше, живѣе, живописнѣе, нежели въ другомъ преданіи. Романъ, будь онъ даже Романъ Г. Бальзака, не можетъ выдумать женщинъ.

дъ она вышла за Инчбалда, и дебютировала успѣха. Первая ея роль была *ревнивая* жъ скоро заставилъ ее представлять, какъ естественнѣе, ту же роль въ домашнемъ интимная Мистрисъ Инчбалдъ, которая, по неги къ драматическому искусству, для просебя, была однажды вынуждена, — какъ сама, — рвать дикую рѣпу въ окрестностяхъ; которая, ухаживая за больнымъ страдавшимъ отъ распутства, должна была видать того, кого любила, — Мистрисъ Инчбалдъ и всемъ этомъ, являла такую добродетельную силу души, которыя будутъ вполне оцѣнены зрителями ея Записокъ.

Послѣ мужа, она сдѣлалась писательницею. Ея совершенно этому соответствовало: она перенесла, много наблюдала, много боролась. Природа надѣлила ее умомъ проникающимъ, душою сильною, чувствительностью собою и необычайною. Желая сдѣлаться актрисою она читала и перечитывала Шекспира, и лучшихъ Англійскихъ писателей: ея Драма «Простая Повѣсть,» доставилъ ей первенство между писательницами того времени. Ея талантъ ея видѣть и узнать. Миссъ Эджвортъ сдѣлалась ей пріятельницею. Г-жа Сталь сдѣлалась съ нею подружиться; но пылкость, энергичность и трибунское краснорѣчье Г-жи Сталь Мистрисъ Инчбалдъ, которая, и актрисою и сочинительницею, всегда жила въ пятомъ этажѣ на однихонька и, буквально, на хлѣбъ и соль. Значительныя выгоды, которыя получала отъ своихъ пьесъ, раздѣлялись между старыми

немошными родителями и бѣдной двоюродною сестрою, о воспитаніи которой пеклась Мистрисъ Инчбалдъ. Первая любовь, — и любовь несчастная, — всегда оставила въ сердцѣ ея живое чувство.

— Что вы не показываетесь въ свѣтъ? спрашиваетъ ее Г-жа Сталь: вы тамъ наслаждались бы своими заслуженными успѣхами.

— Зачѣмъ! отвѣчала Мистрисъ Инчбалдъ. Дома: никто не насладится ими со мною.

Отвѣтъ, исполненный чувствительности, и особенно характеризующій ту, о которой желаютъ дать понятіе. Въ ея Романахъ, какъ и въ ея жизни, сила, наблюдательность, добродѣтели сокровенны и глубоки. Миссъ Эджвортъ судитъ о ней, какъ нельзя лучше. «Мистрисъ Инчбалдъ воритъ она, употребляетъ мало словъ, а въ ея словесахъ — сильною выразительностью слога: въ ея писаніи есть таинственная сила, смѣшанная съ скромностью, до которой не достигла ни одна ея соперница.»

Е. П.

Literary Gazette

III.

РУСЬ И ХУДОЖЕСТВА.

Eymundar Saga.

ЭЙМУНДОВА САГА 1.

=

1.

НАЧИНАЕТСЯ СКАЗАНИЕ ОВЪ ЭЙМУНДЪ И КОНУНГЪ ОЛАФЪ.

Конунгъ, по имени Рингъ: онъ являлся Уш-
въ Норвегии. Удѣлъ этотъ назывался Ринга-
тому, что онъ былъ надъ нимъ Конунгомъ.
умень, милостивъ, очень добръ и богатъ,
сынъ Дага Ринговича, внукъ Гаральда-

.....
Hér hefr upp þátt

Eymundar ok Olafs konungs.

Þeir konungur heitit, er ræð fyrir Upplöndum í Noregi; þat
er Hringaríki, er hann var konungur yfir; hann var vitr ok
forn ok vellauðigr; hann var Dagsson, Hringssonar, Haralds-
sonar; ok þótti sú ætt best ok göfgust í Noregi, at eiga
þa. Hringur átti 3 sonu, ok voru allir konungar: einn hét
þan var þeirra elztr; annar hét Eymundr, þriðí Dagr. Þeir

Отд. III.

Прекрасноволосаго, а тѣ, которые были и познаменитѣе (происхожденіемъ) въ Норвегю, него себя производили. У Ринга было три сына, всѣ они были Конунги: одинъ назывался Рюрикъ), и тотъ былъ старшій; второй, Эгилъ, третій, Дагъ. Всѣ они были храбрые мужи, и на мѣсто отца своего въ воюдахъ и въ (мощныхъ) вѣдѣньяхъ, и тѣмъ весьма прославились. Эгилъ въ то время, когда и Конунгъ Сигурдъ-Свинольдъ въ Упландіи: онъ имѣлъ (женою) Асгуду Гудбрандову и мать Олафа-Святаго. Сестра его была Торни, и была матерью Галльварда-Сильварда, вторая сестра, Исридъ, была бабушка Стейнвалда-Реру. Они воспитывались и выросли вмѣстѣ у Гаральдовича и Эймунда Ринговича; и были равныхъ лѣтъ. Они были обучены всему, и дасть человѣка отличнѣмъ, и проживали частію у Конунга Сигурда, частію у Конунга Ринга, отца Олафа. Когда Конунгъ Олафъ отправился въ Норвегю, Эймундъ отправился тоже: съ ними былъ енаръ Агнарвичъ, внукъ Рагнара-Риккиля Гаральда-Прекрасноволосаго, и многіе другіе добрые и сильные мужи. Они становились тѣмъ достопочтѣннѣе, чѣмъ дальше странствовали, какъ тѣ

.....

voru allir harðfengir menn, ok voru í útgerðum fyrir söður sáttu vikingum, ok öflugdu sér svá metorða. Þetta var í þann tíma, er konungur sýtt ræð fyrir Upplöndum; hann átti Astu Guðbrandar dóttur Olafs konungs hins helga. Þoruný hét systir hennar, móðir vards hins helga, en önnur Isríf, móðurmóðir Steigar-Þóris. Þeir föstbræðr, er þeir óxu upp, Olafur Haraldsson ok Eymundur Rinnarson. Þeir voru ok mjök jafnaldr. Þeir vöndast við spröttir allar þeirra menn hetti, ok voru ýmist með Sigurði konungi eðr með Haraldsi konungi, söður Eymundar. En þá er Olafur konungur fór til Englands, fór Eymundur með honum; þar var ok með þeim Ragnar Agnarssonar sonar rykkils, Haralds sonar hárfagra, ok mart annarra ríkum. Voru þeir þvfi ágætari ok víðfrægri, sem þeir fóru víðara, sem þeir raun á vordit um Olaf konung hinn helga, at hans nafn er þvfi vordit um alla Norðrhálfuna; ok þá er hann fékk vald yfir Norðrhálfuna.

сбылось потомъ въ разсужденіи Олафа-Святаго, ибо имя его сдѣлалось извѣстнымъ по всему Сѣверу: когда достигъ онъ власти въ Норвегіи, то покорилъ себя всю страну, и истребилъ всѣхъ удѣльныхъ Конунговъ, какъ о томъ сказано въ его Сагъ, употребивъ къ тому различныя средства, о чемъ писали мудрые мужи¹. Повѣствуется достовѣрнымъ образомъ, что онъ отнялъ владѣнія у пяти Конунговъ въ одно утро, а всего отнялъ владѣнія у девяти Конунговъ той страны, по сказанію Стюрмера-Мудреца: нѣкоторыхъ убилъ, другихъ изувѣчилъ, иныхъ прогналъ изъ отчизны. Въ это несчастье попали и Рингъ съ Рёрекомъ и Дагомъ: Эймундъ и Ярль Рагнарь Агнаровичъ, были тогда на витяжествѣ, когда эти дѣла происходили. Уѣхали они изъ отчизны, Рингъ и Дагъ, — и долго проживали въ набѣгахъ: потомъ отправились на востокъ, въ Готландію, и тамъ еще долго они рядили потомъ. А Конунгъ Рёрекъ былъ лишень зрѣнія, и оставался при Конунгъ Олафъ, доколѣ не измѣнилъ ему, возмутьивъ его придворныхъ мужей, которые перерезались между собою: онъ нанесъ Конунгу Олафу ударъ въ день Вознесенія Господня въ оградѣ Христовой церкви, и разсѣкъ платье, въ которомъ былъ Конунгъ; но Богъ помиловалъ, что

hann undir sik allt land, ok eyddi öllum fylkiskonúngum, sem segir í sögu hans, með ýmsum atburðum, sem fróðir menn hafa ritat; þvíat þat er jafnan sagt, at hann tók ríki af fimm konúngum á einum morgni, en alls tæki hann ríki af 9 konúngum þar innan lands, eptir sögn Styrmis hins fróða; lét hann drepa suma, en suma meða, suma rak hann or landi. Í þessu slóði urðu þeir Hríngr ok Hrærekr ok Dagr, en Eymundr ok Ragnar jarl Agnarsson voru pá í víkingu, er þessi tíðindi gerðust. Fóru þeir or landi, Hríngr ok Dagr, ok voru lengi í hernáði; síðan fóru þeir austr í Gautland, ok réðu þeir þar lengi síðan. En Hrærekr konúgr var blind-adr, ok var með Olafi konúngi, þar til er hann sveik hann, ok ræðði saman hirðmenn hans, svá at þeir drápu; en hann veitti Olafi konúngi tilræði Uppstigningardag í kórnum í Kristkirkju, ok skárust pellsklæðin, er konúngrinn var í, en guð barg er konúngrinn varð ekki sár; en síðan varð Olaf konúgr honum veitr, ok sendi hann til Grænlands, ef byri

Конунгъ остался нераненъ. Отъ чего, потомъ нунгъ Олафъ на него разгнѣвался, и послалъ Гренландію, если вѣтеръ дозволитъ, съ Тора Нефюльфовичемъ; но они прибыли въ Исландію, гдѣ онъ и остался у Гудмунда-Знатнаго, въ Мадалахъ, въ Эйяфирдъ, и умеръ въ Кальфскинн.

2.

ОБЪ ЭЙМУНДЪ И РАГНАРЪ.

Напередъ сказать, что Эймундъ и Рагнаръ ушли въ Норвегію скоро послѣ этого, со младьями. Конунгъ Олафъ былъ тогда въ другомъ сторонѣ. Они свѣдали про тѣ дѣла, о которыхъ было сказано выше. Эймундъ составилъ вѣче изъ женолюбивыхъ области, и говорилъ такимъ образомъ: «Здѣсь произошли большія вещи, въ области, съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали вдаль. Мы потеряли родныхъ и близкихъ, а нѣкоторые изъ нихъ изгнаны изъ отечества въ несчастномъ видѣ. Срамъ и убытокъ понесли послѣ (истребленія) знаменитыхъ и достойныхъ родственниковъ нашихъ. Теперь одинъ Конунгъ въ Норвегіи, тогда, какъ прежде былъ

gafi, með Þórarni Nefúlssyni; en þeir komu til Íslands, ok var þeir Guðmundi ríka á Möðruvöllum í Eyjafirði, ok dó hann á Kálfrúði.

Fra Eymundi ok Ragnarí.

2. Nú er þat fyrst at segja, at þeir Eymundr ok Ragnar Noregs litlu sifar með mörgum skipum. Þá var Olafur konungr kominn nær. Þeir spyrja nú þessi títindi, er fyrr var frásagt. Eymundr þing við landsmenn, ok talar á þá lund: hær hafa orðit mikil illa landi, síðan vér fórum í broit; höfum mist frændr vora, en þeir landi reknir með harmkvælum; höfum vér bæði skömm ok sár vora göfga frændr ok ættstóra; er nú einn konungr yfir Noregi, ok áðr voru margir; ætla ek þat ríki vel komit, er Olafur konungr bródir minn, stýrir, þóat þat þiki nú nokkut með ofsa gánga um landi. Vænti ek mér af honum góðrar sæmdar, utan konungs nafn. Nú

много. Я полагаю, что это государство пойдет хорошо, будучи управляемо Конунгом Олафомъ, моимъ совоспитанникомъ, хотя иное кажется что-то весьма страннымъ въ его правительствѣ. Я надѣюсь получить отъ него много милостей и почестей, исключая званіе Конунга.» Тутъ друзья обоихъ стали совѣтовать ему, отправиться къ Конунгу Олафу, чтобъ увидѣть, не дастъ ли онъ ему званія Конунга. Эймундъ отвѣчалъ: «Ни самъ щита не подниму противъ Конунга Олафа, ни пойду на него съ непріятельскою ратію; но, послѣ тѣхъ ужасныхъ дѣлъ, какія произошли между нами, не могу итти связываться съ нимъ и добровольно слагать съ себя свое достоинство. Такъ что же, полагаете вы, предстоитъ намъ дѣлать, если мы не хотимъ ни примириться съ нимъ, ни итти въ его присутствіе? Я знаю, что онъ окажетъ мнѣ великія почести, если мы съ нимъ повидаемся, чтобъ только не я находилъ на его владѣніе; но мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы вамъ, моимъ жукамъ, было у него столь же хорошо, когда увидите вы родныхъ вашихъ тяжело униженными. Но если вы того отъ меня требуете, я готовъ стерпеть (это униженіе): только мы напередъ должны поклясться присягою, и тогда ужъ будемъ держаться

.....

vinir hvortatveggju, at hann skyldi hitta Olaf konung, ok reyna ef hann vildi gefa honum konungsnafu. Eymundr svarar: eigi mun ek bera her-skjold í móti Olafi konungi, ok eigi vera í andskota flokki í móti honum, en eigi nenni ek af þessum sökum hinum miklum, er nú eru vorðnar vor í meðal, at gánga nú á hans miskun, ok leggja niðr mitt tignarsafu; en hvat ætli þér pá fyrirleggja, ef vér viljum eigi til sætta leggja, nema koma ekki á hans fund. Veit ek, at hann mun mér mikla sænd veita, ef við finnumst, þvíat eigi mun ek gánga á ríki hans; en hitt þiki mér ósynna, at þér standizt jafn vel, er mínir menn eruð, ef þér sjáid frændr yðra svívirða mjök; en ef þér eggid mik fram, pá þiki mér þat skapraun, þvíat vér mundum áðr verða eiða at sverja, ok hæfir oss pá vel at halda. Pá mæltu líðsmenn Eymundar: hvat byggir pá, ef eigi skal til sætta gánga, nema koma ekki á konungs fund, ok fara útlægr af eignum sínum, enda koma ekki í andskota flokk konungs. Ragnar mælti:

крѣпко.» На то сказали Эймундовы люди: «Чты думаешь дѣлать, если намъ ни примирни итти въ присутствіе Конунга, ни, ухавъ изъ нашихъ вотчинъ, приставать къ враждебнорати?» Рагнаръ примолвилъ: «Эймундъ сказалъ сходно съ тѣмъ, что мнѣ самому мнится въ я тоже не хотѣлъ бы судьбу нашу ввѣрять нунгу Олафу. Но, я полагаю, надобно напередумать о томъ: если сбѣжимъ съ нашихъ двобудемъ ли мы казаться (людямъ) чѣмъ-то по какихъ-нибудь купцовъ?» Эймундъ сказалъ: «те ли принять нарядъ, который задумалъ я всли? Я скажу вамъ мое мнѣніе, если вы желаете узнать о кончинѣ Конунга Вальдамара (Владна востокъ, въ Гардарикъ, и теперь это владѣнжать три его сына, мужи самыя доблестныя. И раздѣлилъ владѣніе свое между ними едва-ли ровну, потому, что одинъ изъ нихъ имѣеть обольве, нежели два другіе. Одинъ называется слейфъ (Буриславъ, Святополкъ), и получилъ большую часть отцовскаго наслѣдства: онъ же мый старшій между ними; другому имя Ярисл третьему Вратилафъ (Вратиславъ, Брючиславъ). слейфъ имѣеть Кенугардъ (Кіевъ-городъ), Яр

mjök hefir Eymundr talat eptir því sem mér er í skapi; ok eir ek vorri hamingju í móti giptu Olafs konungs; en svá piki mér v fyrir at sjá, ef vér skulum slýja jarðir vorar, ef vér pikim pá ve enn aðrir kaupmenn. Eymundr mælti: ef þér vilid þat ráð sem mér er í skapi, ok mun ek segja yðr mína ætlan, ef þér v ek hefi frétt andlát Valdamars konungs austan í Garðariki, ok þat ríki synir hans þrír, hinir ágætastu menn; en hann skipti m ríkinu varla at jafnabi, þvíat nú hefir einn meira ríki enn hinir heitir einn Burisleifr, er mest hefir af fodburleifðinni, ok er hann elztr; annar heitir Jarisleifr; hinn þriði Vartilaf. Burisleifr hefir garð, ok er hans best ríki í öllu Garðariki; Jarisleifr hefir H en hinn þriði Palteskju, ok þat ríki allt er þar liggtr til; en þe nú eigi ásáttir um ríkin sín á milli, ok unir sá nú sizt sínum mest hefir ok best haft or skiptum, ok þikir honum þat minka

ардъ (Новгородъ), а третій править Палтескомъ
комъ) и всею тою областью, которая лежитъ
но они теперь въ несогласіи за свои вла-
недовольствуется своимъ добромъ тотъ, кото-
ержитъ самую бѣольшую и лучшую часть раз-
думая, что у него мало государства потому, что
нежели какъ было у отца, и отъ того счи-
бѣ ниже своихъ предковъ. Теперь мнѣ при-
голова: не покажется ли вамъ удобнымъ,
мы отправились туда, и повидались съ тѣми
нами, да пристали бѣ къ которому-нибудь изъ
а всего лучше къ тому, кто хочетъ удержать
надѣніе за собою и доволенъ такъ, какъ отецъ
блжилъ между ними? Для насъ это было бы
какъ въ разсужденіи богатства, такъ и поче-
укрѣплю этотъ нарядъ за вами!» — И всѣ они
ли то же желаніе. Были тамъ многіе мужи, ко-
котѣли стяжать себѣ богатство и имѣли въвиду
радитъ обиды свои въ Норвегін: они скорѣе
или покинуть отчизну, нежели оставаться и
бъ послѣднюю бѣду отъ Конунга и своихъ вра-
бѣжились итти на чужбинну съ Эймундомъ и
омъ, и поплыли вдаль, со многими людьми и
шою, по мужеству и храбрости, силою, держа

hefir minna enn faðir hans, ok pikist hann af því minni sínum
. Nú kemr mér þat í hug, ef yðr synist svá, at seekja þángat ok
konúnga, ok vera með öðrumhvorum, ok heldr með þeim, er
silja halda, ok una því, er faðir þeirra hefir skipt meðal þeirra;
at verða gott, bæði til fjár ok virðingar; nú skal ek festa þetta
ss. Ok er þetta allra þeirra vili. Voru þar margir þeir menn, er
fjár afla, en áttu at reka harma sína í Noregi; vildu þeir heldr
, enn eptirsitja ok sæta afarkostum af konúngi ok úvinum
áðast nú á brott með Eymundi ok Ragnari, ok sigla á brott
u líði ok völdu at breysti ok harðfengi, ok hældu í Austrveg.
frétti Olafur konúngr eigi fyrri, enn þeir voru í brottu, ok hann
illa vera, er þeir Eymundr höfðu eigi fundizt, þvíat (við) skyl-
vinir skilizt hafa; ok er þat, sem von er, at hann hafí grim-
oss; en þar er sá maðr farinn or landi, er vèr mundum mestra

путь на Аустурвегъ (Россію). Обо всемъ этомъ Ко
Олафъ узналъ не прежде, какъ послѣ ихъ от
и сказалъ: «Дурно случилось, что Эймундъ
люди не повидались (со мною), ибо я застави
его считать другъ друга лучшими пріятелями.
правда что подъя́дмъ онъ можетъ быть озлобле
меня!....но вотъ теперъ выбылъ изъ нашей зем
кой мужъ, которому бы я предоставилъ велич
почести, кромъ званія Конунга!» Когда Олафу р
зали, что Эймундъ говорилъ на вѣчъ, Конунг
звался, что Эймундъ всегда былъ способенъ пр
хорошую мѣру. И какъ о томъ нечего сказать
то обратимъ повѣсть къ Эймунду и Ярлу Рагн

3.

ЭЙМУНДЪ ПРИВЪЗЖАЕТЪ ВЪ ГАРДАРИКЪ.

Эймундовцы не прежде оставили путеше
какъ прибывъ на востокъ, въ Гольмгардію, к
нунгу Ярислейфу. Они рѣшились, (не предлагая
службы другимъ), напередъ явиться къ Ко
Ярислейфу, согласно настоянію Рагнара. Ко
Ярислейфъ былъ въ родствѣ со Шведскимъ К
гомъ, Олафомъ: онъ имѣлъ (въ супружествѣ)
его, Ингигерду. Какъ скоро свѣдалъ Конунгъ

semdir veitt hafa í Noregi, utan konungsnafn. Sagt hafði ve
konungi, hvat Eymundr hafði sagt á þinginu; ok sagði konungr,
var líkligr til þess at taka gott orræði. Ok er nú ekki fleira h
segja; víkr nú sögunni aprt til Eymundar ok Ragnars jarls.

Eymundr kom í Gardhariki.

3. Þeir Eymundr létu nú eigi fyrr síni ferð, enn þeir ko
í Hólmgarð til Jarisleifs konungs; sækja þeir nú fyrst á fund
konungs, eptir því sem Ragnar beiddi. Jarisleifr konungr va
við Olaf Sviakonung; hann átti dóttur hans Ingigerði. Ok er
spyrir kvomu þeirra þangat í land, sendir hann menn (til) þei
eyrindis at bjóða þeim lífþland ok á konungs fund til frítrar
o kpatpekkjastþeir vel. Ok er þeir sitja at veizlunni, spyrja þ
úngr ok drottning vandliga tðinda or Noregi frá Olafi konú

ихъ въ ту страну, послалъ къ нимъ мужей, жить имъ безопасность въ дружеской землѣ ихъ къ) его присутствію на веселый пиръ; они хорошо возблагодарили. Когда услылись у, Конунгъ и Господиня, (его супруга), разсказывали у нихъ о разныхъ Норвежскихъ дѣлахъ о Конунгъ Олафъ Гаральдовичъ. Эймундъ имъ много хорошаго объ немъ и объ его дѣлахъ, говоря, что долгое время былъ онъ его защитникомъ и товарищемъ (на полѣ брани); хотѣлъ распространяться о томъ, что его огорчительно къ происшествіямъ, о которыхъ онъ знаетъ лучше. Эймунду и Рагнару понравилось разсказывающееся какъ до Конунга, такъ и до Господини, ибо она была рѣшительна (въ дѣлахъ) и щедрѣе на пенязь (т. е., щедра); Конунгъ же Ярихотъ хотя отнюдь не славился мягкостью своею, но былъ Князь способный къ правленію новидный.

4.

ОТРЪ ЭЙМУНДА СЪ КОНУНГОМЪ ЯРИСЛЕЙФОМЪ.

Конунгъ спросилъ у нихъ, куда думаютъ они идти дальнѣйшій путь; но они сказали: «Мы

En Eymundr kvæð þar mart gott frá honum at segja ok um; sagði þá lángi hafa verið fóstbræðr ok félaga; en Eymundr tala þat, er honum mislíkabi um þau tilfelli, er fyrr var getit. Þat þeim Eymundi ok Ragnari vel allt til konúngs, en eigi verr þingar; þvíat hún var hinn mesti skörúngr ok mild af fê; en konúngr var ekki kallaðr mildr af fê, en var stjórnsamr konúngsklundadr.

Skindagi Eymundar vidh Jarisleif konung.

Þú spyrst konúngr, hvert þeir ætla sína ferð eðr farlengð at stofna; segja svá: vèr höfum þat spurt, herra! at þèr verðit at míuka þvart ríki fyrir bræðrum yðrum, en vèr erum flæmdir or landi, þat sótt austr hingat í Garðaríki á yðvarn fund; þriggja bræðra; þat þann yðvarn at athyllast, er mestan gerir vorn sóma at veg

свѣдали, Господарь, что ты будешь въ нѣкото
убыткѣ по твоему владѣнію изъ-за твоихъ брат
мы же изгнаны изъ нашей отчизны, и отпра
къ востоку, сюда, въ Гардарикъ, чтобъ пов
васъ, троиухъ родныхъ. Мы намѣрены помогати
изъ васъ, кто болѣе всѣхъ доставитъ намъ ува
и почестей, потому, что желаемъ сами стяжать
богатство и славу, а вамъ быть благодарными за по
и уваженіе. Пришло намъ въ голову, что вы
тите имѣть при себѣ бодрыхъ мужей, когда н
шу честь станеть нападать кто-нибудь изъ род
тѣхъ самыхъ, которые оборотились теперь ва
врагами. Мы просимся быть Защитниками этого
днѣя⁴, (хотимъ) сойтись съ вами на условіяхъ, и
чать отъ васъ зомото, и серебро, и хорошее пла
если вы не намѣрены тотчасъ согласиться
наше предложеніе, мы получимъ то же самое
отъ другихъ Конунговъ, когда вы отъ насъ
няетесь.» Конунгъ Ярислейфъ отвѣчалъ: «И
нуждаемся мы въ вашей дружинѣ и распоряд
ствѣ, потому, что вы умные и храбрые мужи,
манны; но мнѣ не извѣстно, сколько потребуе
жалованья за вашу службу.» Эймундъ отвѣ
«Во-первыхъ, ты пожалуешь домъ для насъ и
нашихъ людей, и не откажешь намъ ни въ ка

.....

ok virðingu; þviat vèr viljum afla oss fjár ok frægtar, ok piggi
ok sóma af yðr; kom oss þat í hug, at þèr mundð vilja hafa n
vaska menn, ef um sæmd yðra er setit af frændum yðrum, þeim
sömu, er nu gerast yðr at fjandmönnum. Nú bjóðumst vèr til a
varnarmenn rikis þessa, ok gánga hèr á mála, ok taka af yðr
silfr ok góð klæði; en ef yðr sýnist eigi þetta ráð með skjótu a
þá tókum vèr þenna sama hlut með öðrum konúngi, ef þèr v
frá. Jarisleifr konúngr svarar: mjök þurfum vèr yðvars líðsinnis
agerða, þviat þèr eruð vitrir menn ok harðfengir, Norðmenn; en
ókunnigt, hvers þèr beiðizt af voru fé í yðra þjónustu Eymundr sva
er fyrst, at þú skalt fá oss eina höll ok líði voru öllu; ok láta oss
hlut skorta af hinum beztum tilföngum yðrum, þann er vèr þur
hafa. Þann kost vil ek, segir konúngr. Eymundr mælti: þá er

добръ изъ лучшихъ твоихъ припасовъ, въ которомъ будемъ мы имѣть надобность.» — «На это иждивеніе я согласенъ,» сказалъ Конунгъ. Эймундъ примолвилъ: «Тогда эти люди готовы сражаться впереди тебя, и итти (на врага) первые за твоихъ людей и за твое владѣніе. Сверхъ того, долженъ ты отпустить на каждого нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику ладьи платить еще по полунціи.» Конунгъ возразилъ: «Этого мы не можемъ!» Эймундъ сказалъ ему: «Можешь, Господарь, потому, что, вмѣсто этой платы, мы примемъ бобровъ, и соболей, и другое добро, какое здѣсь, въ вашей землѣ, водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами, (а не наши воины). А если случится какая добыча, тогда можете отпустить намъ пенязями. Если будемъ сидѣть безъ дѣла, то добра жаловать намъ меньше.» Конунгъ изъяснилъ на все это свое согласіе, и заключенное условіе должно было продолжаться двѣнадцать мѣсяцевъ.

5.

ЭЙМУНДЪ ОДЕРЖИВАЕТЪ ПОБѢДУ ВЪ ГАРДАРИКЪ.

Тогда Эймундовцы вытащили свои ладьи на берегъ, и прилично ихъ пристроили. Конунгъ Яри-

þetta lið til foristu þer ok frangaungu fyrir liði þínu ok ríki. Hér með skaltu greiða hverjum liðsmanni vorum eyri veginn silfrs, en skipstjórnarmanni hverjum ofaná hálfan eyri. Konúgr svarar: þat megum vér eigi. Eymundr mælti: þat megi þer, herra! þvíat vér skulum taka í þetta fé bjór ok safala ok þá hluti aðra, er hér eru auðfengir í yðru landi; ok skulu vér þat meta, en eigi liðsmenn vorir; ok ef herfáng verðr nokkut. þá máttu oss uppgreiða fêð; en ef vér situm kyrrir, þá skal mínaka vorn hlut. Ok nú játar konúgr þessu; ok skal þessi máli standa 12 mánaði.

Eymundr fékk sigr í Gardhariki.

5. Nú setja þeir Eymundr upp skip sín, ok búa vel um. En Jarisleifr konúgr lætr þeim búa eina steinhöll, ok lét hana vel tjalda með gubvesfjarpelli; en þein var fengit þat, er þeir þurftu at hafa, með hinum

слейфъ повелѣлъ построить для нихъ каменный и обить его (внутри) краснымъ сукномъ⁵; всеное было имъ доставляемо въ исправности, изъшихъ его припасовъ. Они проводили всякой д Конунгомъ и Господыней въ большой рад потѣхъ. Но когда прожили они недолгое в добромъ почитаніи, (вдругъ) пришли письма о нунга Бурислейфа къ Конунгу Ярислейфу, в рыхъ было сказано такъ, что онъ требуетъ о нунга нѣсколькихъ деревень и торговъ, прим щихъ къ его владѣнію, изъясная, что они у ему для сбора доходовъ. Конунгъ Ярислейфъ сказалъ Конунгу Эймунду о требованіи брата отвѣчалъ: «Мало могу я о томъ судить, но о помощь готова, если вамъ угодно употребить о обходимость повѣлеваетъ кротко обходиться о томъ, когда онъ поступаетъ кротко; но если, предугадываю, онъ будетъ требовать болѣе, по это, тогда тебѣ самому (предстоитъ) избрать, х ли отказаться, или нѣтъ, отъ своихъ владѣні же пожелаешь держаться въ нихъ силою и пр вить оружію (рѣшить распрю) съ братомъ, еж дѣешься потомъ удержаться самъ собою⁶. Безо было бы миролюбно уступить ему то, чего онт гаεται; но многимъ покажется малодушнымъ и

bestum faungum. Voru þeir nú hvern dag í mikilli gleði ok með konungi ok drottningu. En er þeir höfðu þar eigi lengi ve yfirlæti, komu bréf frá Burisleifi konungi til Jarisleifs konungs, svá, at hann beiddist nokkurra héraða ok kaupúna af konungi liggja ríki hans, ok kvað sér þat tilfalla til aftekta. Jarisleifr sagði nú Eymundi konungi, hvers bróðir hans beiddi hann. H ar: sátu kann ek til þess at leggja, en heimöl er yðr vor fylg vilid þat upptaka; en nauðsýn þerr til at vægja við bróður sin góðu gengr; en ef hitt er, sem mik grunar, at hann mun bei ef þetta er tillátit, þá áttu við þik kjörít, hvort þú vill afleggja, ríki þitt; eðr viltu halda þvi með drengskap, ok láta sverfa með ykk bræðrum, ef þú sér at þú getir haldit þit síðan; er þ samara at láta jafnan uppi, er hann heidir, en mörgum mun

военъ болѣе для виду, нежели для многочи-
 ни въ немъ народа; но теперь другое дѣло:
 мнѣнствуютъ число своихъ шатровъ; не то
 же спятъ внѣ ставокъ, тогда, какъ множе-
 ственно убѣгаетъ отъ васъ домой, въ деревни,
 гдѣ нельзя на нее полагаться.» Конунгъ спро-
 ситъ: «Что же теперь рѣшить?» Эймундовъ отвѣтъ
 такой: «Теперь все стало труднѣе, нежели какъ
 прежде: сидя, мы упустили побѣду изъ рукъ.
 Теперь тѣмъ, мы, Нордманны, не сидѣли празд-
 но наши лады и военный снарядъ оттащили
 прочь по рѣкѣ. Мы отправимся туда съ на-
 шими людьми, и нападѣмъ на нихъ въ тылъ, а став-
 ки будутъ здѣсь порожнія: вы же поспѣшите,
 конечно скорѣе, завязать бой при помощи сво-
 ихъ людей.» Такъ и сдѣлано: поднялся бранный
 возвысили знамена и распредѣлили рать къ
 себѣ ратные народа сошлись вмѣстѣ: наступи-
 ная битва, и гибло очень много людей. Ко-
 нунгъ и Рагнаръ направили на Конунга
 сильный ударъ, напавъ на него по ту
 сторону: воспослѣдовала жесточайшая бит-
 ва. Вслѣдъ за тѣмъ, Бурислейфова рать бы-
 ла, и его люди начали бѣжать. Но Эймундъ

herlið í hverju tjaldi, ok meir gervar herbúðir til fjölganar,
 en þú mart lið í vera; en nú mun annat vera, at þeir verða
 herbúðir sínar, eðr byggja utan búða ella; en mikill herr hefir
 þitt heim í hérað, ok mun þér ótraustr vera herinn. Konungr
 er nú til ráða? Eymundr svarar: allt er nú óhægra enn fyrr
 en vér setit or hendi oss sigr þenna; en at höfum vér nok-
 korrómenn: skip vor öll höfum vér flutt upp eptir möðunni,
 þú; munu vér þáingat fara með voru liði, ok koma á bak á
 öldin skulu standa auð eptir; en þér skjótið á fylking sem
 eð yðru liði. Nú var svá gert, ok var blásinn herblástr, ok
 þútt, ok skipuðu hvorirtveggju til orrostu. Gengu nú saman
 þútt tekst þar hin snarpasta sóku, ok var brátt mikit mannfall.
 Eðr konungr ok Ragnar veittu þeim Burisleifi konungi hart
 þútt komu honum í opna skjöldu; varð þar hin snarpasta orrosta,

заступилъ имъ путь, и избилъ такое множество жей, что долго было бы прописывать имена во ихъ. (Вражии) полчища были опрокинуты, такъ, (скоро) не съ кѣмъ было сражаться; а тѣ, кото остались цѣлы, разбѣжались по лугамъ и по л чтобъ спасти жизнь свою: но въ этой суматохѣ несся слухъ, будто и самъ Конунгъ Бурислейфъ убитъ. Ярислейфъ взялъ огромную добычу изъ этого сраженія. Большая часть приписывала поб Конунгу Эймунду и Нордманнамъ: они стяжали бь великую знаменитость, но торжество ихъ и изошло также и отъ справедливости дѣла, ибо сподь Богъ, Исусъ Христосъ, такъ рѣшилъ это, и рѣшаетъ онъ все прочее. Отсюда отправились домой, а Конунгъ Ярислейфъ удержалъ за со оба владѣнія и всю добычу, какая была приобр на въ этомъ сраженіи.

6.

ЭЙМУНДОВЪ СОВѢТЪ.

Потомъ, все лѣто и зиму, было спокойствіе бездѣйствіе: Конунгъ Ярислейфъ управлялъ обо

ok mikit manntjón; ok eptir þat raufst fylking Burisleifs konungs tók lið hans at flýja, en Eymundr konungr gekk í gegnum lið þess ok feldi svá margan mann, at langt er at skrá nöfn þeirra allra; ok brestr slótti í liðinu, svá at ekki varð viðnám, ok flýja á merkr ok s þeir er undan komust, ok pága svá lifit; en í þeirri svipan var þat at Burisleifr konungr væri fallinn. Tók Jarisleifr konungr nú mikit fáng eptir þenna bardaga. Eigna flestir Eymundi konungi sigrið Norðmönnum; höfðu (þeir) hér af mikin metnað; ok gekk þat málaefnum, þvíat guð drottinn Jesús Kristus var réttðæmr um þess sem um allt annat. Fóru þeir nú heim í ríki sitt, ok hafði Jarisleifr konungr nú bæði ríki sitt ok herfáng þat, er hann fékk í þessi orrostu

Radh Eymundar.

6. Eptir um sumarit ok um vetrinn var kyrt ok tíðindalaust, ok Jarisleifr konungr báðum ríkjunum með ráðum ok umsjá Eymundar.

«Тогда я избираю, что нашъ торгъ уничтож
 — «Это въ вашей власти,» сказалъ Конунгъ Эй
 «но вѣрно ли вы знаете, что Бурислейфъ по
 — «Я думаю, что это достовѣрно,» сказалъ Ко
 Эймундъ спросилъ: «Приличная ли гробница
 ему построена? Гдѣ же его могила?» Конунгъ
 чалъ: «Этого мы не знаемъ навѣрное.» На ч
 мундъ примолвилъ: «Однако жъ вамъ, Госп
 следовало бы знать могилу такого знаменитаго
 и (мѣсто), гдѣ онъ лежитъ! Но мнѣ кажется, чт
 люди изъ раболѣпства говорятъ вамъ (объ ег
 ти), а, на этотъ разъ, истины вы не знаете.»
 же истиннѣйшаго съумѣете вы сказать, что
 могли скорѣе вамъ повѣрить?» Эймундъ отв
 «А мнѣ-то сказывали такъ, что Конунгъ Бурис
 прожилъ зиму въ Бярми. Мы свѣдали съ дос
 ностью, что онъ составляетъ тамъ рать прот
 бя изъ огромнаго множества людей; и это ис
 всего.» Конунгъ сказалъ: «Скоро ли онъ н
 сюда, въ наше господарство?» Эймундъ отв
 «Мнѣ сказывали такъ, что онъ будетъ сюда чере
 недѣли.» Послѣ этого, Конунгъ Ярислейфъ
 тель лишиться ихъ дружины: они приторго
 еще на двѣнадцать мѣсяцевъ. Конунгъ спр

daubr. Pat hygg ek satt vera, segir konúgr. Eymundr spurði
 mun leiði hans búit, eðr hvar er gróftir hans? Konúgr svarar:
 um vér þat glógt. Eymundr mælti: þat byrjar, herra! yðvarn
 vita um jafngöfgan broður yðvarn, hvar leg hans er; en hit
 mik, at líbsinenn yðrir muni vilhallt sagt hala, ok eigi viti þér
 indi þessa máls. Hvat viti þér sannara af at segja, þat at vér m
 heldr trúa? Eymundr svarar: svá er mér sagt, at Burisleifr ko
 í Bjarmalandi í vetr; ok þat höfum vér spurt með sannindum.
 eflir her á hendr þér með miklu fjölmenni; ok mun þetta vera
 Konúgr mælti: nær mun hann hér koma í vort ríki? Eymundr
 svá er mér sagt, at hann muni hér koma á þriggja vikna fresti
 vill Jarisleifr konúgr eigi missa þeirra líbsinnis; kaupa þeir
 saman um 12 mánuði. Þá spurði konúgr: hvat liggir nú fyrir
 skulu vér líði safna, ok berjast við þá? Eymundr svarar: þ

«Предстоитъ намъ дѣлать? Созвать ли людей, и
 ся съ нимъ?» Эймундъ отвѣчалъ: «Пусть дѣло
 по моему ряду, если хотите удержать Гарда-
 (Россію) противъ Конунга Бурислейфа.» Ярис-
 спросилъ еще: «Сюда ли собирать народъ,
 ти ему на встречу?» Эймундъ сказалъ: «Пусть
 сколько можетъ притти, собираются сюда, въ
 ; а когда люди соберутся, тогда приступимъ
 ому-нибудь ряду,—къ тому, что намъ покажетъ
 ежнѣ по обстоятельствомъ.»

7.

СРАЖЕНИЕ СЪ БРАТОМЪ.

дъ за тѣмъ, Конунгъ Ярислейфъ послалъ ратъ-
 приказъ по всему своему владѣнію, и собралась
 у большая рать изъ вольныхъ поселянъ". Тогда
 гъ Эймундъ послалъ своихъ мужей въ лѣсъ, ру-
 еревья, переносить ихъ въ городъ, и ставить на
 кой стѣнъ: онѣ велѣлъ вѣтви всякаго дерева
 странять (такъ, чтобъ онѣ выходили) за городъ-
 ствну), и чтобы нельзя было метать стрѣлъ въ
 . Въ города, приказалъ онъ напередъ выко-
 громный ровъ и убрать прочь землю, а потомъ

er vilð halda Garðaríki fyrir Burisleifi konungi. Jarisleifr spurð:
 al hingat stefna liðinu, eðr í móti þeim? Eymundr svarar: hingat
 stefna því, sem má komast, til borgarinnar; ok er liðit kemr, þá
 er enn leggja till nokkúr ráð, þau er ós þikja vænst at dugi.

Bardagi theirra bræðra.

essu næst lætr Jarisleifr konungr senda herboð um allt sitt ríki,
 ná til hans mikill bóndaherr. Eptir þetta sendir Eymundr kon-
 unn sína á mörkina, ok lætr fella víðu, ok færa heim at þorginni,
 upp á borgararmana; hann lætr snúa liminu hvers træs út af
 , at eigi mætti skjóta upp í borgina. Mikit diki lét hanu ok
 ir utan borgina, ok færa brott moldina, ok veita vatni í eptir;
 hann leggja ofan yfir víðu, ok búa svá um, at ekki mætti á
 em heil væri jörðin. En er þessi sýslu var lokit, þá spurðu
 Burisleifs konungs, at hann var kominn í Garðaríki, ok stefndi

Они помчались быстро, въ военномъ порядкѣ¹⁰, но не обращая вниманія; многіе ихъ мужи упали въ битвѣ, и тамъ погибли. Конунгъ Бурислейфъ, сзади за полчищемъ, увидѣлъ это несчастіе и сказалъ: «Быть-можетъ, что здѣсь не такъ бы управился, какъ намъ казалось: эти Норд-большіе рядители!» Тутъ сталъ онъ обдумывать куда бы лучше сдѣлать нападеніе, а между тѣмъ праздничное убранство, прежде мелькавшее, исчезло. Онъ примѣтилъ, что всѣ ворота заперты, и ключа двое, но что и къ тѣмъ не легко приступить, ибо за ними нѣтъ недостатка въ сильномъ и многочисленной рати. Немедленно призванъ военный призывъ, и горожане построились по знаменамъ: оба Конунга, Ярислейфъ и Эймундъ, выступили въ своихъ ворота. Началась жестокая битва, и пало много ратнаго народа. Тамъ, гдѣ наваливался Конунгъ Ярислейфъ, приступъ былъ особенно опасный, что черезъ тѣ ворота послѣдовало наибольшее поврежденіе, и Конунгъ тяжело былъ раненъ въ бою. Противникъ претерпѣлъ огромный уронъ, и Конунгъ овладѣлъ воротами. Конунгъ Эймундъ сказалъ: «Теперь пошло дѣло на неудачу, когда нашъ конунгъ раненъ! Они убили у насъ много народа,

.....

gr. Hann mælti svá: vera má, at eigi verði hér jafn auðsött, og þú til; ok eru þeir ráðgerðarmenn miklir, Norðmennirnir. En nú at, hvar þezt mun at at sækja; ok var nú í brottu öll þú es sýnd var; sēr hann nú, at öll borgarhlíð eru aprlokinn þú, ok er þar ekki auðvælligt inn at komast, þvíat skortir eigi þú á þing ok fjölmenni; þvínaest var slegit upp herópi, ok eru þú á þing til bardaga; við sitt borgarhlíð var hvort þeirra konungar Jarisleifr ok Eymundr. Tókst nú harðr bardagi, ok féll mart umrumtveggjum. Þar var nú svá mikil atsókn, er fyrir var Jarisleifr, at þar var uppganga veitt í því borgarhlíði, er hann konungr varð særðr á sæti mjök; varð þar mikit mannsPELL, ok var borgarhlíðið. Þá mælti Eymundr konungr: nú ferr í þú, er konungr vor er sár vörðinn, en þeir hafa drépit margan þú, ok komast nú upp í borgina. Gjör nú, hvort er þú vill,

и уже вторгаются въ городъ. Дьлай, Рагнарь хочешь, продолжалъ онъ: защищай эти ворота, ступай къ нашему Конунгу, и веди къ нему (въ помощь).» Рагнарь отвѣчалъ: «Я буду здѣсь жаться: ты отправляйся къ Конунгу, потому тамъ нужно рядить.» И такъ Эймундъ пошелъ со многими людьми: онъ увидѣлъ, что Бярмійцы проникаютъ въ городъ. Тутъ нанесъ онъ имъ кое и страшное пораженіе, и убилъ множество рода у Конунга Бурислейфа, дѣлая сильныя и дѣла нія съ большою пылакостью и усердно ободривъ ихъ мужей: никогда еще такая жестокая битва продолжалась столько времени. Бярмійцы къ бѣжати изъ города, всѣ, которые стояли еще въ орагахъ; но Эймундъ съ своими мужами преслѣдовалъ до самаго лѣса: они убили Бурислейфова ходоносца, и опять пронесся слухъ, будто и самъ Конунгъ погибъ. Великая побѣда была одержана, и Конунгъ Эймундъ весьма прославился въ этомъ сраженіи, и томъ Норманнамъ былъ отдыхъ. Они пользовались большимъ уваженіемъ у Конунга и честію у мужей страны; но жалованье опять шло трясинно и несвоевременно, такъ, что не все отпускало по договору.

Ragnar! segir hann; ver þetta borgarhlöð, eðr far til með konungi ok veit honum lið. Ragnar svarar: hér mun ek viðhafast, en konungi, þvíat þar mun ráða við þurfa. Fór Eymundur nú þar mikit lið, ok sá at Bjarmar voru nú komin inn í borgina veitti þeim þegar mikit slag ok illt; drápu þeir þegar mikit lið sleifi konungi; sækir Eymundur konungi at fast með miklu kver eggjar mjök sína menn; ok eigi hefir verið harðari sókn jafnlöng ok nú flyja Bjarmar or borginni, allir þeir er upp stöðu. Ok Burisleifr konungi með miklu manntjóni; en Eymundur konungi menn reka flóttann till skógar, ok drápu merkismann konungs; enn þat sagt, at konungrimu muni fallinn vera. Ok er nú mikill at hrósa; hefir Eymundur konungi nú framat sik mjök í þessum. Ok er nú kyrt at sinni; sitja þeir nú í miklum sóma með konungi virðast þeir hverjum manni vel innan lands; en málagjöldin sein af konungi ok torsótt, svá at þau greiddust ekki eptir skilningi.

8.

ОБЪ ЭЙМУНДЪ 13.

тѣ еще немного, такъ случилось, что Эймундъ
 Конунгу, что онъ долженъ отпустить изъ
 слѣдующую имъ плату, какъ прилично знат-
 Конунгу: онъ упомянулъ и утверждалъ, что
 если ему болѣе пенязей въ руку, нежели какъ
 мось на ихъ жалованье. «И мы называемъ
 разсуднымъ съ вашей стороны¹⁴: развѣ теперь
 не будете имѣть надобности въ нашемъ посо-
 вашей дружинѣ?» Конунгъ примолвилъ: «Те-
 бытъ-можетъ, пойдетъ хорошо, хотя вы и не
 подавать мнѣ помощи. Однако жъ, вы сослу-
 мнѣ большую службу. Но, говорятъ, ваши лю-
 разбогатыли, что) уже не смотрятъ ни на ка-
 бро.» Эймундъ отвѣчалъ: «Что это значить,
 аръ, что вы хотите одни за всѣхъ рѣшать?
 мнѣ кажется, изъ моихъ мужей потерѣли
 я потери! Тѣ лишились ногъ, рукъ или дру-
 меновъ; иные подверглись вреду въ оружїи,
 будетъ намъ стоить большихъ издержекъ. Вы
 можете все исправить. И такъ, избирайте одно
 хъ: да, или нѣтъ?» Конунгъ сказалъ: «Я не

Fra Eymundi.

ber til enn einhveru tíma, at Eymundr konúgr talar til kon-
 am skuli greiða af hendi mála þeirra; svá sem ríkum konúgi
 eðst ok hyggja, at þeir hafi honum meira fé í hendr umnit,
 n átti at vera. Ok köllum vér þetta yðvart missýni; ok eigi
 ná þurfa vors gengis eðr lífsinnis? Konúgr mælti: vera kann
 vel hlyði, þóat þér gefið eigi yðvart fulltíng til; ok hafi þér
 it líð veitt; en þat er mér sagt, at líð yðvart sé vant at öl-
 m. Eymundr svarar: hvat er nú undir því, herra! er þér
 um allt dæma? Þikjast nú ok margir mínir menn mjúls mist
 r fóta eðr handa, eðr nokkurra lima, eðr fengit skaba á ber-
 num; ok verðr mikill kostnaðr vor, ok enn máttu þat bæta;
 nú annathvort, til eðr frá! Konúgr mælti: eigi kys ek yðr
 ekki gefum vér yðr jafnmikit fé, þegar vér vitum eigi von

хочу (прогнать) васъ прочь, но и не дамъ вамъ кой большой платы, тѣмъ болѣе, что не вижу ни какихъ смятеній.» Эймундъ примолвилъ: «Мы требуемъ платы, и мои люди не хотятъ съидти изъ-за одной пищи. Не то мы отправимся въ другаго Конунга, и тамъ стяжаемъ себѣ почестіи притомъ, вѣроятно ли это, что теперь уже не деть здѣсь, въ этой странѣ, смятенія? Навѣрны вы знаете, что Конунгъ убитъ?» — «Я думаю правда, сказалъ Конунгъ: тѣмъ болѣе, что мы емъ (въ рукахъ) его знамя.» Эймундъ спросилъ: «Знаете ли тогда его могилу?» — «Нѣтъ!» сказалъ Конунгъ. Эймундъ присовокупилъ: «Неблагоприятно не знать этого!» Но Конунгъ сказалъ ему: «Какъ же знаете вы это лучше другихъ людей, которые имѣютъ о томъ достоверное свѣдѣніе?» Эймундъ отвѣтствовалъ: «Онъ нашелъ удобнѣе оставить знамя, нежели жизнь, и, я думаю, здоровъ отсюда. *(Большой пропускъ въ Исландскомъ текстѣ*¹⁸).....

..... И провелъ зиму въ Туркландіи¹⁹, и думалъ еще ратовать противъ тебя. Съ нимъ идетъ

.....

ófríðarins. Eymundr svarar: þú þurfum vér, ok eigi vilja mið vinna til matar eins; ok heldr munu vér fara í annarra konungar ok leita þar eptir vorri sæmd: en líkligt er þat, at eigi muni úfríðr hér í landi! eðr veiztu nú víst, at konúnginn er drep hyggjum vér satt, segir konúngur, fyrir því at vér höfum með Eymundr spyr: veiztu nú þá gróft hans? Nei! segir konúngur. mælti: þat er óvitrligt at vita þat eigi. Konúngur svarar: hví þat gjörð enn aðrir menn, þeir er sannan vísdóm bera á þetta. svarar: miuna þótti þonum at láta merkit enn lífit; ok hyggjum undan komist þafa

..... ok verit á Tyrklandi í vetr, ok ætlar enn á hendr yðr, ok hefir hann með sér óljýjanda her, ok eru þar ok Blókumenn, ok mörg önnur ill þjóf; ok þat hefi ek heyrð,

(т. е., храброе) войско: это Турки, и Бьялы, и многие другие злые (т. е., хищные) на-
Я слышалъ, что, — и это очень вѣроятно! —
отступится отъ Христіанской Вѣры, и даже
ренъ подѣлиться областями съ тѣми злыми на-
17, если отыметъ у васъ весь Гардарикъ; но
такъ будетъ, какъ онъ думаетъ, то весьма
ельно, что всѣхъ вашихъ родныхъ прогонитъ
съ этой земли съ посрамленіемъ.» Конунгъ
илъ: «Какъ скоро, думаете вы, будетъ онъ
съ тѣми злыми людьми?» Эймундъ отвѣчалъ:
съ полмѣсяца.» — «Какъ же теперь рѣдить про-
того? сказалъ Конунгъ: ибо нынѣ мы не мо-
обойтись безъ вашей предусмотрительности.»
илъ сказалъ 18, что онъ хочетъ, чтобы они прочь
и, желая Конунгу рѣдить одному. Эймундъ
илъ: «Ввроломствомъ будетъ названо, если
сойдемся съ Конунгомъ въ такой опасности,
и, что Конунгъ былъ въ мирѣ, когда мы къ
пришли, и я не иначе хочу съ нимъ разстаться,
чтобы и послѣ меня сидѣлъ онъ въ покоѣ. Ско-
нторгуемся съ нимъ на тѣ двѣнадцать мѣсяцевъ,
улучшить наше жалованье, согласно тому,
прежде рѣшено между нами 19. Теперь же надо

at hann gangi af kristninni, ok hann setlar at skipa þessi hinni
ríkin, ef hann fær unnit Garðaríki undan yðr; en ef svá verðr
n setlar, þá er þat vænst, at alla yðra frændr reki hann or lan-
svífröngu. Konúngur spyr: hversu skjótt man hann hér koma
hit illa líð? Eymundr svarar: á hálfis mánaðar fresti. Hvat er
þs? sagdi konúngur; þvíat nú megum vér eigi missa yðvarrar for-
gnar sagdi, at hann vildi, at þeir færi þá í brott, ok hað kon-
sín ráð. Eymundr mælti: ámalis allar þat, ef vér skiljumst
konúng, í þvílíkum háska, þvíat konúngur var þá í fríði, er vér
til hans; nú vil ek eigi svá við hann skilja, at hann sitt eigi í
þr, ok munum vér ein heldr kaupa við hann þessa 12 mánuði,
hann mála vorn, sem skilit var með oss. Er nú at hyggja at
um, hvort líti skal safna; eðr villi þér, herra! at vér verjum
dit, Norðmenn, en þá sitr kyrr hjá vorum víðskiptum, ok takir

подумать о распорядительствѣ: будемъ ли с
вой, или же захотите вы, Господарь, чтобъ о
Нордманны, защищали эту землю, а ты бы
покойно во время нашей защиты, и тогда
прибѣгнуль къ своимъ людямъ, когда мы
побѣждены.» — «Да! я такъ хочу,» сказалъ К
Эймундъ примолвилъ: «Не поступай такъ о
чиво въ этихъ дѣлахъ, Господарь! Есть дру
бужденіе) къ тому, чтобъ ты держалъ соз
рать, что, по моему мнѣнію, было бы при
и для твоего сана: мы, Нордманны, не побѣжи
вые, — но я знаю, что многіе будутъ къ том
вы, такъ же, какъ прежде были готовы не
ся стрѣлы; а того я не знаю, будутъ ли ины
щаться такъ храбро во время ихъ побѣга, к
перь усердно и болѣе всѣхъ поощряють васт
щить^о. Если же такъ случится, Господарь,
преодолѣемъ Конунга, тогда что? — прикаж
убить его, или нѣтъ? — потому, что никогда
не будетъ этимъ суматохамъ, пока вы оба
тесь въ живыхъ¹.» Конунгъ отвѣчалъ: «Нич
го я не сдѣлаю: ни настраивать никого не ст
(личному, грудь на грудь) сраженію съ Кон
Бурислейфомъ, ни порицать кого-либо, есл

.....

pá til lífs þíns, er vèr erum yfirkomnir. Pat vil ek, segir
Eymundr mælti: ger eigi avá bráðlitt á þetta, herra! hinn er
at halda saman herliðinu, ok pat lízt mér sómasamligra, ok eigi
vèr fyrstir renna, Norðmenn; en (pat) veit ek, at margr mun
albuinn verða, þeir sem fyrir spjótsoddum eru hafðir, en þá
eigi, hversu þeir munu í rauninni gefast, sem nú eggja þessa
hversu skal þat vera, herra! ef vèr komumst í færi við konungi
skulum vèr drepa konunginn, eðr eigi? þviat aldri verðr endir
ófríði, meðan þið lífið báðir. Konungr svarar: eigi man ek hv
gera, at eggja menn til bardaga við Burisleif konung, enda ge
at hann er dreppinn. Nú fara hvorir heim til hallar sinnar, ok
ki safna líði, ok óngan viðbáning veittu þeir; ok þetta pikir öllu
um undarligt, er nú er sízt viðbúzt, er mest ógn ferr at hendi
la sifar frétta þeir til Burisleifs konunga, at hann var kominn

убить»²².» Затѣмъ оба они отправились домой, и дворець, не велѣвъ ни собирать людей, ни приготовлений²³. Всѣмъ это показалось удивительнымъ, что тогда именно менѣе всего думаютъ о томъ, когда опасность угрожаетъ болѣе чѣмъ когда-либо скоро потомъ получили они извѣстie, что Ко-Бурислейфъ вошелъ въ Гардарикъ съ огромною и многими злыми народами. Конунгъ же показывалъ видъ, какъ-будто ничего этого не знаетъ. Многіе мужи говорили, что онъ не посмѣетъ бороться съ Бурислейфомъ.

9.

КАКЪ УМЕРЩВЛЯЕТЪ КОНУНГА БУРИСЛЕЙФА.

Кажды утромъ, очень рано, Эймундъ позвалъ своего родственника своего, Рагнара, и десятирѣхъ своихъ мужей. Онъ приказалъ имъ сѣдлатъ коней, поѣхали за городъ, всѣ двѣнадцать человекъ, составляя горстку народа, а прочихъ воиновъ оставилъ дома. (Въ дружинѣ) былъ Исландскій мужъ, тотъ поѣхалъ съ ними, равно какъ мужъ и оба Торда. Они взяли съ собою лишнюю

mikinn her ok marga illa þjóð. Svá lét Eymundr konúgr, þá vissi eigi, hvat um var, ok liann hefði ekki spurt. Margir segja þat, at hann mundi eigi þora at berjast við Burisleif.

Eymundr drap Burislaf konung.

Þann morgun árla kveðr Eymundr með sér Ragnar, frænda sinn, ok önnur aðra. Hann lét sóðla þeim hesta. Ríða nú 12 saman út til ni, en eigi fleiri, en allt lið annat var eptir. Björn hét íslenzkrinn, ok fór með þeim, ok Garða-Ketill, ok Askell hét maðr, ok Þórðarsonir Eymundr höfðu með sér lausan hest, ok voru þar á herstrá ok vist. Nú ríða þeir allir í brott í kaupmannsgerfi, ok með þeim eigi, hvat er undir þjó þessi ferð, eðr hvat þeir mundu fyrir þoröðum. Þeir ríða nú í skóg einn, ok fara allan þann dag, ok þá kom at nótt; þá koma þeir or skóginum fram, ok at einni

лошадь, на которой были нагружены ихъ и съѣстные припасы. Такъ ѡхали они далеко одѣтые всѣ въ купеческое платье: никто не ни цѣли этого путешествія, ни какія они шляютъ хитрости. Они вступили въ какой-то и ѡхали весь этотъ день, пока не настала ночь. Тогда выѡхали изъ лѣсу, и прибыли къ одному большому дубу, гдѣ была прекрасная поляна и ровнаго мѣста. Конунгъ Эймундъ сказалъ (товарищамъ): «Надо здѣсь остановиться. Я слышу, что Конунгъ Бурислейфъ въ этомъ мѣстѣ имѣть ночлегъ и учредить свой станъ къ ночи. Мы обошли дерево и поляну, соображая, гдѣ бы почетительнѣе станъ могъ расположиться. Поэтому Конунгъ Эймундъ сказалъ: «Здѣсь непременно Бурислейфъ велитъ раскинуть палатки: мнѣ кажется, что онъ всегда учреждаетъ станъ подлѣ самаго себя, если только дозволяетъ мѣстоположеніе, было куда спастись въ потребномъ случаѣ. Я взялъ крѣпкую корабельную веревку, и привязалъ къ ней всѣмъ намъ собраться на поляну, подлѣ этого дерева; потомъ, предложилъ мужамъ взлѣзть на дерево и завязать ее тамъ узломъ, что и было сдѣлано. Затѣмъ принатагнули они верхушку такъ, что

mikilli eik; þar var hjá völlum fagr ok víða slétt. Þá mælti konungur: hér munum vér stað nema; þat hefi ek spurt, at konungur mun hér náttstað hafa ok tjaldstað í nátt. Þeir gánga hverfis tréb, ok með rjóðrinu, ok hugðu at, hvar beztr mundi staðrinn. Þá mælti Eymundur konungur: hér mun Burisleifr komta setja herbáðir sínar; mér er sagt, at hann tjaldi jafnan nær því má viðkoma, ok eiga þar þá undanbragð, ef hann þarf til. Eymundur konungur tók þá einn streng eðr kaðal, ok bað þá gátt rit hér at þessu trénu; hann mælti, at einnhvert maðr skyldi í limarnar, ok bera þar á strenginn; ok svá var gert. Síðan þeir tréb, allt til þess er limarnar voru komnar, allt at jörðu undu svá tréb allt at rótinni. Þá mælti Eymundur konungur: þat mér nú vel, ok má oss þetta koma at góðu gagni. Eptir þat strenginn, ok festa endana; ok er lokit var þessu starfi, þá var

сь самой земли, и согнули все дерево до кор-
 нунгъ Эймундъ сказалъ: «Это я люблю! Оно
 послужить намъ къ хорошему успѣху.» Тутъ
 скинули веревку, и прикрѣпили концы ея.
 кончилась эта работа, было уже около полови-
 нуденнаго времени²⁴, и они, услышавъ (шумъ)
 жающихся людей Конунга, ушли скорѣе въ
 своимъ конямъ. Скоро увидѣли они огром-
 ную и богатую колесницу, за которою слѣдо-
 ножество мужей: впереди ея несли знамя.
 люди распространились до (кряжа) лѣса и
 поляну въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ она пред-
 ла самое удобное положеніе для ставокъ, какъ
 усмотрѣлъ Эймундъ. Тамъ они разбили го-
 венную палатку²⁵, а по сторонамъ, подлѣ лѣ-
 положилась вся рать. Это продолжалось до тем-
 ноты. Палатка Конунга была чрезвычайно богата и
 изящно сдѣлана: она состояла изъ четырехъ полосъ;
 и шесть (staung, stöng, *стягъ*) торчалъ надъ
 (окрашаясь) золотымъ шаромъ съ вымпелами. Всѣ
 вещи видны были Нордманнамъ изъ лѣсу; (они
 знали происходящее) въ рати, сохраняя глубо-
 чинаніе. Какъ скоро сдѣлалось темно, огни за-
 гасли въ ставкахъ, и они увидѣли, что тамъ сби-

meyra þeir til liðs konungsins, hvar þat fór; gánga þeir nú í
 besta sinna; þeir sjá nú lið mikit ok einn dýrligan vagn, ok
 margir menn, ok þar var merki fyrir borit. Þeir snúa at
 ok í rjóðrit, ok at þáingat, er beztr var tjaldstaðrinn, sem Ey-
 múngr gat til; reisa þeir þar landtjaldit, ok svá allt herliðit út
 skóginum. Gekk því allt til myrkr. Konungs tjaldit var
 lígt ok vel gert; þar voru fjórar stúkur af, ok staung mikil
 ok knappr á or gulli, ok veðrviti með. Þeir sá öll tǫfandi or
 til herliðsins, ok létu hljótt yfir sér. Ok er myrkt var orðit,
 g kveikt í tjöldunum, ok vita þeir, at nú mun til matar búist
 n. Þá mælti Eymundr konúngr: vèr höfum litlar vistir, ok
 at eigi; ok man ek ráða til búðarvarðar, ok fara til herbuða
 mundr tekr nú stafkarls búning, bindr sér geitarskegg, ok
 tvo staf; hann ferr í konungs tjaldit, ok biðr sér matar, ok

раются къ ужину. Тутъ Конунгъ Эймундъ с
 «У насъ мало съѣстныхъ припасовъ: это не
 комъ удобно! Я буду ядить о хозяйствѣ, и
 влюсь къ нимъ въ палатки.» Онъ нарядился и
 подвязалъ себѣ бороду изъ козихъ волосъ,
 шелъ на двухъ костыляхъ. Онъ проникъ до
 княжеской ставки, и сталъ просить подавнiя,
 да ко всякому мужу; потомъ, посѣтилъ сѣ
 шатры, отягощенный полученнымъ добромъ, и
 вно благодаря за милостыню; наконецъ выше
 стана, съ большимъ количествомъ припасовъ.
 гда ратные люди напились и наѣлись, сколько
 было угодно, молчанiе водворилось (въ станѣ
 мундъ раздѣлялъ свою дружину на два
 шесть человѣкъ мужей остались въ лѣсу, сто
 коней и держать ихъ въ готовности на случ
 ли бь вдругъ произошла въ нихъ надобность;
 ные шестеро, — въ томъ числѣ и самъ Эйму
 отправились въ станъ, и вошли между ставокъ
 будто не было ни какого препятствiя. Тогда Э
 сказалъ: «Рогнвальдъ и Бiорнъ, вы, Исландс
 жи»! ступайте къ дереву, которое мы нагну
 каждому изъ нихъ далъ онъ по топору въ руку
 мужи полноударные: докажите же это въ н

gengr fyrir hvern mann. Hann fór ok í hin næstu tjöld, ok va
 fengjar, ok þakkaði vel góðan þeina; ferr hann nú í brott frá tjöldu
 ok skortir nú eigi vistir. En er menn höfdu drukkit ok etit, þá
 vildu, þá var hljótt eptir þat. Eymundr konungr skipti nú l
 í tvo stabi; lét vera eptir 6 menn í mörkinni, at gæta hesta
 láta þína vera, ef skjótt skal tiltaka. Nú gánga þeir Eymundr
 6 saman til herbúðanna, ok láta sem ekki sé at vandræðum.
 Eymundr: Rognvaldr og Björn, ok þeir hinir Íslenzku menn s
 ga til trésins, þar sem vér höfum þat niðrveigt. Hann seir s
 í hendr hverjum þeirra: þér eruð menn stórhoggir, ok neyt
 þess í þörf. Þeir gánga þá þar til sein limarnar voru niðrveig
 enn mælti Eymundr konungr: hér skal hinn þriði maðr standa
 ni til rjðrsins; sá skal ekki gera, nema háfa strenginn í hend
 láta gánga sem vér heimtum, en vér höfum annan enda; ok

шли къ мѣсту, гдѣ вѣтви были притянуты
 ъ. Конунгъ Эймундъ продолжалъ: «Третій
 усть стоять здѣсь, на тропинкѣ, (ведущей)
 нѣ: ему ничего не дѣлать, только дер-
 рукахъ веревку, и отпускать ее по мѣрѣ
 къ мы будемъ тащить ее, имѣя въ рукахъ
 другой ея конецъ. Когда мы устроимъ все,
 тимъ, тогда долженъ онъ ударить по ве-
 порищемъ, — тотъ, которому я это пре-
 ; а тотъ, кто будетъ держать веревку,
 имѣчаетъ, отъ того ли она шевелится, что
 ащимъ, или отъ удара. Какъ скоро подадимъ
 этотъ знакъ, необходимо для насъ нужный
 сопряженный съ успѣхомъ дѣла, онъ дол-
 азать, — тотъ, который держитъ за верев-
 то ударъ сдѣланъ); и тогда слѣдуетъ рубить
 нутыя) вѣтви дѣрева, которое вдругъ вы-
 я, сильно и быстро.» Они все такъ испол-
 къ имъ было сказано. Біорнъ пошелъ съ Эй-
 и Рагнаромъ къ государственной палаткѣ
 , гдѣ они сдѣлали изъ (другой) веревки пет-
 поднявъ ее на алебардахъ, закинули на вым-
 вшіе на шесть надъ палаткою: она, сколь-
 нулась подъ шаромъ, и тамъ остановилась.

úit, sem vèr viljum, þá skal sá drepa óxarskapti á snærit,
 silætlát; en sá skal vita, er á strenginum heldr, hvort hann
 í, er vèr hrærum hann, eðr af högginu; ok þá er vèr höf-
 ssa bendíng, er fram skal koma, ok oss liggir við, ef hamíngi-
 s, þá skal sá segja, er strenginn hefir, ok skal þá höggva.
 ; ok mun þat þá hart ok skjótt uppspretta. Nú gera þeir,
 ar fyrirsagt. Björn ferr með þeim Eymundi konúngi ok Ragn-
 ra nú at tjaldinu, ok gera rúmsnúru á strenginn, ok hafa við
 ok fara á veðrvitann, er upp var af stönginni á landtjaldi
 ok rann hún upp at knappinum, ok var kyrt at farit; en
 fast í öllum tjöldum, er þeir voru farmóðir ok mjök drukk-
 þetta var gert, þá heimta þeir endana, ok stytta svá streng-
 ráð sín. Gengr Eymundr konúgr nú nærr tjaldi konúngs-
 vera eigi sjarri, er kipt er tjaldinu. Er nú drepit á snærit,

въ Кіевъ) утромъ, очень рано, и пошли пря-
 присутствіе Конунга Ярислейфа, которому на-
 донесли съ достовѣрностью о (послѣдовавшей)
 в Конунга Бурислейфа. «На! вотъ тебѣ голова,
 ры! Можешь ли ее узнать?» (воскликнулъ
 ъ). Конунгъ покраснѣлъ при видѣ этой го-
 Эймундъ молвилъ: «Этотъ великій подвигъ
 ти совершили мы, Норманны, Господарь!
 ките теперь прилично похоронить вашего бра-
 адлежащими почестями.» Конунгъ Ярислейфъ
 ъ: «Опрометчивое дѣло вы сдѣлали, и на
 жко лежащее! Но вы же должны озаботиться
 погребеніемъ. Ну, какой рядъ стануть теперь
 ть, которые ему слѣдовали?» Эймундъ ска-
 «Я полагаю, что они соберутся на вѣче, и
 другъ друга подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ, по-
 то насъ они не примѣтили. Поссорившись,
 ойдутся, не стануть болѣе довѣрять одни дру-
 побредуть толпами во-свояси. Я увѣренъ, что
 е изъ нихъ будутъ думать о пристроеніи
 своего Конунга.» Вслѣдъ за тѣмъ, Норманны
 изъ города, и поѣхали тѣмъ же путемъ въ
 ни прибыли къ стану. Тамъ дѣло сбилось такъ,
 редполагалъ Эймундъ: Бурислейфовы люди

vars vel ok sœmiliga. Jarisleifr konúgr svarar: bráðráðin tíð-
 þér gert ok oss nálag, en þér skuluð gróft hans þúa; eðr hvert
 þeir taka nú, er honum hafa fylgt? Eymundr svarar: þess
 þeir eigi þing, ok mun hverr þeirra annan gruna um þetta
 at þeir urðu ekki við oss varir; ok munu þeir skiljast með
 i, ok mun engi öðrum trúa, ok fara saman sveitum; ok þess
 k, at fátt af þeirra mönnum veiti umbúning konúgi sinum. Nú
 enn or borginni, ok ríða hinn sama veg um mörkina, ok þar
 koma til herbúanna; ok gekk eptir því, sem Eymundr kon-
 il, at líð Burisleifs konúgs var allt í brottu, ok skildist með
 i. Ferr Eymundr konúgr nú í rjóðrit, ok lá þar lík konúgs-
 gvir mann hjá. Þúa þeir nú um lík hans, ok setja þeir nú
 þ holim, ok fóru heim með. Var hans gróftir pá á margra
 orði. Gekk nu allt landsfólk á hönd Jarisleifi konúgi með

всѣ ушли прочь, перессорившись между собою
разстаніи. Эймундъ отправился на поляну :
лежалъ трупъ Конунга, а при немъ не было
никого мужа. Они срубили гробъ, приложили
къ тѣлу, и поѣхали съ нимъ домой, (въ Кіе
гда и сдѣлалось погребеніе его извѣстнымъ
лицамъ. Послѣ этого, весь народъ той страны
пилъ въ руки Ярислейфу, поклявшись ему
гою, и онъ сдѣлался Конунгомъ тѣхъ в.
въ которыхъ прежде княжили они вдвоемъ.

10.

ЭЙМУНДЪ ОТЪ ЯРИСЛЕЙФА УВЪХАЛЪ КЪ ЕГО

Потомъ истекло лѣто и зима²², и нечего б
лать: жалованье опять не отпускалось. Нѣко
людьми было представлено Конунгу, что в
наніе объ убійствѣ брата великое дѣло²³: о
рили также, что Нордманны теперь считают
себя за лучшихъ, нежели самъ Конунгъ. На
день, въ который жалованье долженствовал
выдано: они пошли къ Конунгову жилищ

svörðum eðrum, ok er hann nú konúngi yfir því ríki, sem
átr háðir haft.

Eymundr for fra Jarislafi ok til broðhur hans.

10. Nú lífr sumarit ok vetrinn, ok verðr ekki tíðinda; ok
ekki greiddr málinn. Þat var ok fyrir konúnginum tjáð af sumum
at mikils var at minnast um broðurdrápit, ok sögðu svá, at þ
nú konúngi æðri vera, Norðmennirnir. Ok nú keur sá dagr,
skyldi greiðast; þá ganga þeir til konúngs herbergja. Hann f
vel, ok spyr, hvat þeir vilja svá snemma morgins. Eymund
svarar: þat kann vera, herra! at þér þurfið ekki vors lífs lengr
þér nú vel af hendi þann mála, er vèr eigum at hafa. Konú

ихъ хорошо, и спросиль, чего хотять они
 но утромъ. Эймундъ отвѣчалъ: «Можетъ-быть,
 вы не нуждаетесь болѣе въ нашихъ лю-
 исправно отпустите намъ изъ рукъ жало-
 которое должны мы получить?» Конунгъ вос-
 : «Много вещей надѣлало ваше сюда при-
 — «Это правда, Господарь!» сказалъ Эймундъ:
 что давно уже былъ бы ты изгнанъ изъ
 владѣній, если бь не воспользовался нами.
 касается) до погибели твоего брата, то дѣло
 поръ ни сколько не перемѣнилось: оно) и
 такъ же, какъ было тогда, когда ты далъ на
 сие.» Конунгъ примолвилъ: «Что же думаете
 дѣлать?» Ему отвѣчалъ Эймундъ: «А чего
 бы ты всего менѣе?» — «Этого - то и я не
 возразилъ Конунгъ. Эймундъ продолжалъ: «А
 это очень хорошо! Всего менѣе ты желалъ
 бь мы отправились къ Конунгу Вартилафу
 наву), брату твоему, — а мы именно туда
 вимся, и сослужимъ ему все, что только мо-
 жиди теперъ здорово, Господарь!» Они по-
 вышли (изъ дворца), и (обратились) къ сво-
 ѣямъ, которыя стояли уже готовыя. Конунгъ
 Фъ сказалъ: «Скоро ушли они прочь! — мнѣ

afgerzt yð varri hegatkvomu. Satt er þat, herra! segir Eymundr,
 laungu varir þú af ríki rekim, ef eigi nytir þú vor við; en
 bróður þíns er nú, sem þá er þú gasti þat kvitt. Konúngr
 er ráð taki þér nú upp? Eymundr svarar: hvert mundir þú sízt
 veit ek þat, segir konúngr. Eymund svarar: ek veit þó gerla;
 þú, at vèr færir till Vartilafs konúngs, bróður þíns; en vèr
 þó þáingat fara, ok veita honom allt þat, er vèr megum; ok
 þat, herra! Gánga þeir nú út skjótt, ok till skípa sinna, er þá voru
 sleifr konungr mælti: skjótt fóru þeir nu í brott, ok eigi at
 þat. Drottning svarar: svá mun fara, ef þið Eymundr konungr
 þat at skipta, at hann mun verða yðr þúngr í skauti. Konungr
 varir gott ráð, ef þeir yrði afráðnir! Drottning svarar: fyrr

*

этого не хотѣлось.» Господиня примолвила выйдеть такъ, что, если прійдется тебѣ съ домъ соперничать въ ряженіи, ты найдешь опаснаго противника!» Конунгъ сказалъ: «Во бы хорошій рядъ, если бѣ можно было его!» Господиня присовокупила: «Такъ бы сдѣлать это (поскорѣ), прежде, нежели лучишь отъ нихъ какую-нибудь обиду!» отправила она къ ладьямъ, съ Ярломъ Родомъ Ульфовичемъ и нѣсколькими мужами гдѣ Эймундовцы стояли у берега¹¹. Известно, что Господиня жемаетъ видѣться съ домъ. Конунгъ примолвилъ: «Я ей не доверю, тому, что она умнѣе Конунга (Ярислейфа), хочу уклоняться отъ бесѣды съ нею¹².» — «Комъ случаѣ, я пойду съ вами!» сказалъ Конунгъ — «Нѣтъ! (не нужно), возразилъ Эймундъ: не военный походъ! Притомъ же, не пропасть пришла съ нею.» На Эймундѣ былъ плащъ вязанными) тесемками, а въ рукъ (несъ онъ мечъ. Они усѣлись на одномъ бугрѣ, подлѣ него внизу была глина. Господиня и Рогнвалдъ ли къ нему близко, и налегли на его платъ. Господиня молвила: «Это дурно, что вы такъ р

mun hitt at hendi koma, at þer munuð fá af þeim nokkuru snæm
fór hún til skipa, ok Rögnvaldr jarl Ulfsson við nokkura meir
þeir Eymundr lágu við land; ok var þeim sagt, at drottning
Eymund. Konúgr mælti: trúum henni ekki, þvíat hún
vittrari, en eigi vil ek varna henni viðtals. Þá vil ek fylgja
Ragnar. Nei! segir Eymundr, ekki er þetta úr þarf, enda er
essi lífs tilkomit. Eymundr hafði tuglamottul ok sverð í hendi
ust niðr á bakka einum, þar sem leira var undir niðri; þau
honum, drottning ok Rögnvaldr jarl, ok nálaga á klæði hans.
mælti: þat er illa, er þið konúgr skuluð svá skilja; vilja ek
í eiga, at þetr færi með ykkur enn verr. Þá hafði hvorki þeir
sinar kyrrar; hann leysti möttulbönd sín, en hún dró af sér g

Конунгомъ! Я бы охотно приняла участіе
 , чтобы вы разстались другъ съ другомъ ско-
 рошо, чѣмъ дурно.» Между - тѣмъ ни тотъ,
 гая, не держали рукъ своихъ въ покоѣ: онъ
 вивалъ завязки своего плаща, а она скинула
 какъ (съ руки), и подняла его вверхъ, выше
 головы. Эймундъ ясно видѣлъ, что дѣло не
 варства: и дѣйствительно, она нарядила-бы-
 ей, чтобъ убить его, и, какъ скоро подняла
 вверхъ, они выбѣжали (изъ засады). Но Эй-
 примѣтилъ ихъ прежде, чѣмъ они достигли
 а, и, быстро вскочивъ на ноги, скорѣе, не-
 какъ тѣ предполагали, освободился изъ своего
 который остался на землѣ. Такимъ образомъ,
 не отвѣдали. Рагнаръ, видѣвшій это, мигомъ
 гнулъ съ ладьи на берегъ; за нимъ (послѣ-
 оварищи) одинъ послѣ другаго, и они хотѣ-
 отвить людей Господини; но Эймундъ объ-
 что этого не должно быть. Они стащили ихъ
 истаго бугра, и держали въ рукахъ. Рагнаръ
 мль: «Теперь отъ тебя, Эймундъ, не требу-
 совета. Мы поплывемъ вдаль съ ними³³!»
 ь отвѣчалъ ему: «Этого намъ не слѣдуетъ
 Пусть они идутъ домой въ покоѣ. Такъ не

ir höfuð sér. Hann sér nú, at eigi er svikalaust; ok þar var
 hún hafði sett menn till at drepa hann, ok hafði þat at marki,
 gði upp glófanum, ok þegar blaupá þeir maun fram. Eymundr
 i enn þeir komu at honum; sprettr hann þá upp skjótt, ok
 þeir hugðu, varð möttullinn eptir; áttu þeir hans þá ekki kosti.
 þetta, ok hljóp á land af skipunum, ok svá hverr at öðrum,
 þepa menn drottningar; en Eymundr kvað eigi skyldu svá vera.
 r þeim ofan fyrir leirbakkann, ok höfðu á þeim hendr. Ragnar
 munum var eigi meta við þik, Eymund! ráðin; skulu vèr nú
 burt með oss. Eymundr svarar: eigi byrjar oss þat, ok skulu
 fara í friði, þvíat eigi vil ek svá slita vináttu við drottningu.
 nú heim, ok eigi eyrindi fegin; en þeir sigla í burt, ok létta

хочу я расторгнуть дружбу свою съ Госпо
И такъ, она поѣхала домой, не много потѣ
(пронсшествіемъ), а Нордманны поплыли
и не прежде остановились, какъ прибывъ в
Конунга Вартилафа, гдѣ они тотчасъ пошли
присутствіе. Вартилафъ принялъ ихъ хорош
просилъ о дѣлѣ; но Эймундъ разсказалъ ему
какъ случилось, и о началъ своей службы, и
размолвкъ съ Ярислейфомъ. — «Что же пола
дѣлать впередъ?» спросилъ Конунгъ. Эймун
чалъ: «Я объявилъ Конунгу Ярислейфу, что
правляемся сюда, къ вамъ; ибо я подозрѣв
онъ хочетъ оставить тебя въ убыткѣ по тво
дѣнію, подобно тому, какъ братъ его съ н
лалъ. Теперь посмотри въ свой рядъ, Господа
почтешь ли (принять) насъ къ себѣ, или
прочъ; и не думаешь ли, что по чему — ни
жешь нуждаться въ нашемъ пособіи.» — «Д
залъ Конунгъ: я желалъ бы воспользоваться
помощію; но на какихъ условіяхъ вы дого
тешь?» Эймундъ отвѣчалъ: «Мы желаемъ
же самое иждивеніе, какое имѣли у твоего
Конунгъ примолвилъ: «Дайте мнѣ время п
ваться съ моими мужами, потому, что они

fyrr eigi enn þeir koma í ríki Vartilafs konungs; ok sækja á
en hann tekri við þeim vel, ok spurði þá tíðinda; en Eymundr
sem gengit hafði, bæði upphaf ok skilnað þeirra Jarisleifs ko
ætligt þér nú fyrir? segir konungur. Eymundur svarar: því hæt
konungi, at vér mundum hingat leita til yðvar, þvíat mik
hann munni minka vilja ríki þitt, sem bróðir hans gerði við
sjái þér nú ráð yðvart, herra! hvort þér kjósið oss til yðvar
hvort þú þikist nokkut þursa vors gengis. Já, segir konungur,
vér til yðvars fylgis; eðr til hvers mælið þér? Eymundur s
sama kost viljum vér hafa sem vér höfðum með bróður þínum
mælti: gef mér stund til at ráðast um við mína menn, þvíat
fæð fram, þóat ek greiða af hendi. Þessu jatar Eymundur kon

енги, хотя я отпускаю ихъ изъ рукъ.» Ко-
 Вартилафъ составилъ вѣче съ своими мужа-
 сообщилъ имъ, какія извѣстія получилъ онъ
 унгу Ярислейфъ, своемъ братъ,—что онъ умыш-
 на его удѣль; присовокупляя, что Конунгъ
 дъ прибылъ сюда, и просится (подать) свою
 и драться впереди. Они очень заохочивали
 га принять Нордманновъ къ себѣ, и, на этомъ
 нии, онъ приторговался съ ними, предоставивъ
 право пользоваться совѣтами Эймунда: — «Ибо
 какой. рядительный мужъ, какъ мой братъ, Ко-
 Ярислейфъ, (сказалъ Вартилафъ): а и съ нимъ
 пошло на ссору! Я желаю часто держать съ
 бесѣду (о дѣлахъ), но платить вамъ буду все
 овору.» Съ того времени они были у Конунга
 ьшой чести и почитаніи.

11.

МЕЖДУ ЯРИСЛЕЙФОМЪ И ВАРТИЛАФОМЪ ³⁴.

и случилось, что послы прибыли отъ Ко-
 Ярислейфа, требовать весей и городовъ, ле-
 въ близости его владѣнія, отъ Конунга Вар-
 . Онъ сообщилъ о томъ Конунгу Эймунду, но

úngur stefnir þing við menn sína, ok segir þeim, hver frétt kominn
 Jarisleifi konungi, bróður hans, at hann sitr um ríki hans; ok
 Eymundur konúgr er þar kominn ok býðr þeim sitt traust ok
 Þeir fýsa konúgr mjök at taka við þeim; ok við þetta kaup-
 n, ok skilr konungsr sér ráðagerðar hans: þvíat ek er minni
 maðr enn Jarisleifr kenúgr, bróðir minn, ok varð yðvar þó í
 gít; viljum vér ópt eiga ræður við yðr, enn gjalda yðr allt
 dögum. Nú eru þeir þar í miklum sóma ok góðu yfirlæti af

Sætt theirra bræðhra Jarisleifs ok Vartilafs.

atburðr varð, at sendimenn komu frá Jarisleifi konungi, at
 þa ok borga, er lágú við ríki hans af Vartilafi konungi. Hann

ь отвѣчалъ: «Предоставьте мнѣ рядить объ
ибо въ бѣдѣ лучшее дѣло отсрочка¹⁶»; при-
ще не пріѣхала Господыня Ингигерда, ко-
держитъ рядъ за всѣхъ ихъ, хотя Конунгъ
ся предводителемъ ихъ людей. Самъ я буду
тъ стражу, Господарь!» Конунгъ сказалъ:
будеть такъ, какъ вы хотите!» Они простоя-
ночей съ ратью¹⁷..... Въ одну ночь вѣтеръ
мой и темнота большая: тогда Конунгъ Эй-
и Рагнаръ (вспримѣтно) улизнули отъ сво-
дей. Они поѣхали въ лѣсъ, позади стана Ко-
Прислейфа, (ожидавшаго пріѣзда Господыни),
и тамъ подлѣ одной дорожки. Тутъ Конунгъ
ь сказалъ: «Вѣрно этою тропою поѣдутъ Яри-
вы мужи (съ его супругою): если бѣ самъ я
проѣхать скрытно, я бы тоже избралъ этотъ
станемся напередъ здѣсь!» Они просидѣли
тъ мѣствъ извѣстное время. Конунгъ Эймундъ
кнулъ: «Безразсудно мы здѣсь сидимъ!» Но
за тѣмъ посылали они (шумъ) ѣдущихъ
ковъ), такъ, что, (казалось), женщина была
путниками. Они подмѣтили, что одинъ мужъ
верхомъ впереди женщины, а другой позади
огда сказалъ Эймундъ: «Вѣрно проѣзжаетъ

.....

erþáðir símar, ok eru þar nokkurar nætr. Vartílafr konúngr
at skulum vér hér sitja til einskis? hófum eigi sigrinn or hendi
undr mælti: lát mik fyrir ráða, þviat frest eru ills bezt, ok er
komin Ingigerðr drottning, er ráð hefir fyrir þeim öll, þóat
è foringi liðs þeirra; ok skal ek nú vörð halda, herra! Konúngr
vá sein þér villð! Þeir sitja nú þar 7 nætr með herinn.....
mótt var veðr íllt ok myrkt mjök, þá hvarf Eymundr konúngr
ínu ok Ragnar; þeir fóru í skóg ok á bak herbúum Jarisleifs
ok setjast niðr hjá götu einni. Þá mælti Eymundr: þessi gata
riðin af mönnum Jarisleifs konúngs; ok ef ek vilda leynast,
ek nú fara; ok verum nú hér fyrst. Ok er þeir höfðu setit
, þá mælti Eymundr konúngr: óvitrliga sitjum vér! Því næst

Господыня! Раздѣлимся, мы съ тобою, по имъ сторонамъ дорожки: когда они подъѣдутъ намъ, я раню коня подъ нею, а ты, Рагнаръ, ее.» Путники подъѣхали, и, прежде чѣмъ они хватились, конь былъ повергнутъ мертвымъ подыня (унесена) далеко въ сторону. Второй закричалъ, что онъ видѣлъ образъ челоуѣка, рый перепрыгнулъ черезъ дорогу; но ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ явиться къ Конунгу (Яриславу) потому, что они не знали, люди ли это были духи. Они тайно уѣхали во-свои, и болѣе казывались. Господыня сказала своимъ землякамъ: «Вы, Нордманны, видно, никогда не перестанете обижать меня!» На что отвѣчала Эймундъ: «Будемъ хорошо поступать съ вами, Господыня, ужъ не знаю, удастся ли вамъ въ нынѣшнюю ночь цѣловаться съ своимъ Конунгомъ!» Затѣмъ увидѣлись они въ станѣ Конунга Вартилафа, и знали, что Господыня къ нему прѣехала. Онъ очень обрадованъ, и самъ взялся сторожить конюшню на (слѣдующее) утро, она велѣла просить къ Конунгу Эймунда, и, когда онъ явился, сказала: «Самый лучший рядъ былъ бы тотъ, если бы вы примирились, и я готова стараться, чтобъ водъ

heyra þeir, at riðit var, ok svá þat, at kona var í ferðinni; u þess varir, at maðr reið fyrir konungi, en annar fór síðar. Eymundr konúgr: þar mun drottning fara; ok skipumst vér megin götunnar; ok er þeir koma at oss, þá særi þér hestin und en þá, Ragnar! tak við henni. Ok er þessir ríða fram hjá, þá eigi fyrr enn hestrinn fell niðr dauðr, en drottning var öll Annar segir, at hann sá svipinn mannsins, er stökk yfir gö þortu eigi at hitta konúnginn, þvíat þeir vissu eigi, hvort þ menn eðr tröll; leyndust nú heim at fara, ok gera eigi vart Drottning mælti við þá fóstbræðr: seint létti þér, Norðmenn, s við mik. Eymundr mælti: vel skulu vér við yðr gera, drottning veit ek, hvort þá kyssir nu fyrst konúnginn at sinni. Fara þ herbúta Vartilafs konúngs, ok segja honum, at drottning er þar

е между вами. Но должна объявить вамъ впечат-
 что всего болѣе буду я пещись о выгодахъ
 га Ярислейфа.» Эймундъ отвѣчалъ: «Въ этомъ
 Конунга (Вартилафа)!» Госпоdynя возразила:
 мой рядъ считается здѣсь самымъ важнѣй-
 ?.....» Эймундъ отправился отъ нея къ Конун-
 ртилафу, и спросилъ, желаетъ ли онъ, чтобы
 dynя примирила его съ братомъ. Конунгъ
 лъ: «Я не назову этого благоразумнымъ, коль
 она объявила, что хочетъ уменьшить мою до-
 Эймундъ примолвилъ: «Будешь ли доволенъ,
 и впередъ то, что имѣлъ досель?» — «Да!»
 ь Конунгъ». Эймундъ возразилъ: «Но я не
 этого дѣльнымъ, если онъ не увеличитъ твоей
 потому, что ты долженъ взять послѣ брата
 о съ нимъ часть наслѣдства». Конунгъ отвѣ-
 «Если ты убѣждаешь меня избрать ея посред-
 тво, то пусть будетъ такъ!» Эймундъ донесъ
 dynя, что Вартилафъ согласенъ, чтобы она у-
 ла миръ между нимъ и ея супругомъ. — «Это
 авѣрное твой рядъ!» сказала она. «Ты долженъ
 идѣть, что мое участіе не будетъ невыгодно,
 ы то ни сдѣлалось.....» Эймундъ примолвилъ:
 внаю! но, во всякомъ случаѣ), я не подавалъ

.....

gnar því, ok vakir s'álfr yfir henni. En um morguninn biðr hún
 konúng koma til sín; ok er þau hittust, pá mælti drottning:
 ezst ráð, at vèr sættumst, ok vil ek bjóðast til at gera á milli
 vil ek því lýsa áðr, at ek mun Jarisleif konúng mest meta.
 r konúngr svarar: konúngr á hær vald yfir. Drottning svarar:
 munu þó mest höfð. Eptir þat hittir Eymundr Vartilavum kon-
 k spyr, ef hann vill at drottning geri þeirra á milli. Kon-
 rar: eigi kalla ek þat ráðligt, er hún hefir þó því heitit at
 vörn hlut. Eymundr nælti: muntu una því, at hafa þat, er
 áðr? Já! segir konúngr. Eymundr mælti: ekki kalla ek þat
 ef eigi er aukinn þinn hlutr, þvíat jafnt áttu at taka arf ep-
 ur þinn sem hann. Konúngr svarar: þess ertu fúsari, at ek
 unar gerð á, ok sè þat pá. Eymundr konúngr segir nu drottningu,

совѣта, чтобы вамъ не было оказываемо д уваженіе⁴⁰.» Тогда затрубили сборъ, и было объявлено, что Господыня Ингигерда хочетъ рить съ Конунгомъ и его (ратными) людьми гда собрались люди, мужи увидѣли, что Гос Ингигерда находится въ Нордманнской дружв нунга Эймунда⁴¹. Въ то же время обнародова имени Конунга Вартилафа, что Господыня творить (миръ)..... Она сказала Конунгу Ярисл что ему держать впередъ самую важную час дарика, то есть, Гольмгардъ (Новгородъ), а лафу владѣть Кунигардомъ (Кіевомъ), друго шею частію всѣхъ владній, съ податями и ми⁴², — отъ чего будетъ онъ имѣть вдвое бол днія, нежели какъ имѣлъ прежде; Палтеск лоцкъ) и область, лежащую подлѣ, имѣть К Эймунду, и быть ему тамъ, (надъ этою обл Конунгомъ, пользуясь всеми земскими сбора кие тамъ положены⁴³, — «потому, что мы не х чтобъ онъ уѣзжалъ прочь изъ Гардарика.» Ес нунгъ Эймундъ оставить послѣ себя наследн то наследникамъ его имѣть по немъ ту обла если у него не будетъ ни одного сына, то вратиться къ обоимъ братьямъ. Конунгу Эйму

at því er játat, at hún skal gera sætt milli konúnganna. Pat nu rád, segir hún; ok muntu sjá, á hverjum minnst mein eru, gerð vera skal. Eymundr konúgr mælti: ekki latta ek, at y veri gerr. Pá var blásit til móts, ok sagt at Ingigerðr drottning við konúnga ok liðsmenn þeirra; ok er liðit kom saman, pá s at Ingigerðr drottning er í flokki þeirra Eymundar konúgs manna. Er nú boðit af hendi Vartiláfs konúgs, at drottning s Hún segir Jarisleifi konúngi, at hann skal hafa hinn ætta hlut C en pat er Hólmgarð; en Varfiláfr skal hafa Kænugarð, pat er a ríki, með sköttum ok skyldum; pat er hálfu meira ríki, enn h áðr haft; en Pallteskju, ok pat ríki, er þar liggir til, skal hafa konúgr, ok vera þar konúgr yfir, ok hafa allar landskyldir þær er þar liggja til: þvíat vér viljum hann eigi í brott or

защиту земель (landvagn) за обоихъ братьевъ и Гардарика, а имъ снабжать его людьми и (поддерживать) своею властью. Ярислейфу быть Конунгомъ Гардарика⁴⁵. Ярль Рогнвальдъ будетъ владѣть Юборгомъ, который уже имѣлъ онъ прежде. Миръ и раздѣлъ областей были одобрены и приняты всѣмъ народомъ тѣхъ странъ. (Сверхъ того условлено, что) всѣ недоразумѣнія (между домогающимися) рѣшатъ Конунгъ Эймундъ и Господинъ Ингигерда. Потомъ, каждый изъ нихъ уѣхалъ въ владѣніе⁴⁶.....Конунгъ Вартилафъ жилъ еще трехъ зимъ: тогда захворалъ онъ и умеръ. Онъ самый обожаемый Конунгъ. Послѣ него, (онъ) владѣніе взялъ Конунгъ Ярислейфъ, и онъ поръ одинъ управлялъ обоими удѣлами. Но онъ владѣлъ своею областью, и умеръ не старъ. Кончался безъ наследниковъ, отъ тяжелой бо- лезни. Его смерть была весьма прискорбна всѣмъ людямъ тѣхъ странъ, ибо изъ иностранцевъ ни- кто было умнѣе Конунга Эймунда въ Гардари- ке. Непріятельскихъ набѣговъ не случалось въ тѣхъ странахъ, доколь онъ держалъ защиту ея (landvagn) и ея Конунга Ярислейфа. Будучи больнымъ, онъ передалъ свою область совоспитаннику сво-

.....

dr konúgr á erfingja eptir sik, pá sè þeir erfingjar eptir hann
 i; en ef hann á úngan son eptir sik, pá skal hverfa apr til
 þra. Eymundr konúgr skal ok hafa landvörn fyrir þeim bræð-
 ru Garðaríki, en þeir skulu efla hann at lífi ok sínum styrk.
 konúgr skal vera yfir í Garðaríki. Rognvaldr jarl skal hafa
 borg, eptir því sem hann hefir áðr haft. Var þessi sætt ok ríkja-
 þykkt ok staðfest af öllum landslýð. Skyldu þau Eymundr kon-
 ungigerðr drottning gera um öll vandamál. Fór nú hverr heim
 síns..... Varfílafr konúgr lifði eigi lengr eun 3 vetr; tók
 ótt ok andaðist, ok var hinn vinsælasti konúgr. Eptir hann
 Yrisleifr konúgr, ok stýrði nú einu báðum ríkjunum. En Ey-
 mungr ræð fyrir sínu ríki, ok varð eigi gamall. Hann andaðist
 s, ok varð sótt dauðr, ok þótti þat hinn mesti mannskaði öllu

ему, Рагнару, считая его достойнѣйшимъ воспользоваться ею: это состоялось по соизволенію Конунга Ярислейфа и Господини Ингигерды. Рогивальдъ Ульфовичъ остался Ярломъ Альдегиоборга: онъ былъ двоюродный по сестрѣ братъ Господинѣ Ингигердѣ. Рогивальдъ былъ тоже очень знаменитый мужъ, платилъ дань Конунгу Ярислейфу, и умеръ въ старыхъ лѣтахъ. Когда Олафъ-Святой, Гаральдовичъ, былъ (въ гостяхъ) въ Гардарикѣ, онъ много бесѣдовалъ съ Рогивальдомъ Ульфовичемъ, и они тѣсно подружились, ибо всѣ знатные мужи весьма уважали Конунга Олафа во время пребыванія его въ томъ краю, но всѣхъ болѣе Ярль Рагивальдъ и Господиня Ингигерда, которая даже имѣла съ нимъ тайную любовную связь.

.....

landsfólki, þvíat eigi hefir verið meiri spekingr útlendr í Garðaríki en Eymundr konungr; en eigi varð herskatt í Garðaríki, meðan hann hafði landvörn fyrir Jarisleif konung. En í sótt Eymundar konungs, þá gaf hann ríki sitt Ragnari, fóstbróður sínum, þvíat hann unni honum bezt at njóta; var þat í leyfi Jarisleifs konungs ok Ingigerðar drottningar. Rögnvaldr Ulfsson var jarl yfir Aldægiuborg; þau voru systrahörm ok Ingigerðr drottning. Hann var göfðingi mikill, ok var skattgildr undir Jarisleif konung, ok varð gamall. Ok þá er hinn heilagi Olaf Haraldsson var í Garðaríki, þá var hann með Rögnvaldi Ulfssyni, ok var þeirra vinátta hin mesta, þvíat allir göfgir menn virðu Olaf konung mikils, meðan hann var þar, en þó aungir meira enn þau Rögnvaldr jarl ok Ingigerðr drottning; þvíat hvort þeirra unni öðru með leyndriást.



ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЭЙМУНДОВОЙ САГЪ.

=

еводъ, который здѣсь сообщаемъ, сдѣланъ прямо съ
каго подлинника, а не съ Латинскаго перевода Саги,
о Королевскимъ Обществомъ Сѣверныхъ Антикваровъ
Копенгагенъ. Последний, хотя вѣрный и прекра-
санннй, представляетъ многія невыгоды для Рус-
читателя. Употребляя чужой, и притомъ древній,
къ переводу какаго бы ни было текста, писатель
не обходится съ его формами и риторическими
иями съ большимъ почтеніемъ, и перелагаемыя мы-
инять его духу: онъ не смѣетъ ломать его такъ
е, какъ ломалъ бы природный свой языкъ. Латин-
еводы Исландскихъ Сагъ, конечно, могутъ дать точ-
іе объ ихъ содержаніи, но они истребляютъ ихъ
ьность, ихъ подлинный цвѣтъ, всю привлекатель-
стоту и рѣзкость разсказа, и понятія X или XI вѣ-
раженныя условными фразами и оборотами I-го сто-
чуждаго и отдаленнаго народа, всегда являются
вому читателю идеологическими анахронизмами.
обство весьма легко, по крайней мѣрѣ въ извѣстной
можетъ быть устранено переводомъ сѣверныхъ
съ Скандинавскаго языка прямо на Русскій, ибо пе-
къ тотчасъ примѣчаетъ удивительное сходство боль-
ги старинныхъ нашихъ оборотовъ и выраженій съ
и Норманскими: онъ имѣетъ, кажется, передъ глаза
грубый, жесткій, но живописный, литографическій
Исторіи, съ котораго оттиснута собственная наша
первый экземпляръ нашего политическаго быта, —
отъ его искусства зависить, болѣе или менѣе
охранить въ новомъ оттискѣ, въ переводѣ на но-
языкъ, тонъ и цвѣтъ древней повѣсти. Нигдѣ такъ
обнаруживается то обширное и рѣшительное влі-
орое произвели надъ нашими нравами и языкомъ
ы, варварски и неприлично называемые у насъ Варя-
къ при чтеніи Сагъ въ Скандинавскомъ подлинни-
орудномъ языкѣ Руссовъ. Не только древній нашъ

образъ мыслей, но и цѣлыя изрѣченія тѣхъ времявъ ка-
 ся буквально переведенными съ Норвежскаго на языкъ
 ловѣковъ, нерѣдко съ сохраненіемъ тѣхъ же словъ во
 отгѣнкахъ Забалтійскаго ихъ значенія. Чувствуя всю
 ность и, для многихъ изъ насъ, всю новостъ подобнаго
 мы старались въ этомъ переводѣ въ точности придержи-
 ся подлинника, большею частію слѣдуя за нимъ даже
 расположенію словъ періода, и отступая только тамъ,
 ясность смысла и духъ нынѣшняго языка повелѣвали
 заться отъ принятаго правила, подъ опасеніемъ сдѣла-
 смѣшными и скучными, или попросту, гдѣ не умѣли
 дить трудностей. Такимъ образомъ, почти повсюду у-
 жали мы въ переводѣ Норманскія слова *рядъ, ряжа*
рядить, gadh, gadha, gadhagerd, въ тогдашнемъ ихъ
 нив: они играли чрезвычайно важную роль въ нашемъ
 литическомъ и гражданскомъ быту, и составляютъ,
 сказать, филологическое клеймо образа мыслей эпохи.
 вительственные и военные термины того времени,
 образованы по примѣру Скандинавскихъ терминовъ э-
 рода, или цѣликомъ перенесены изъ Норманскаго въ
 Русскихъ Человѣковъ, заслуживали также остаться въ
 бытномъ своемъ видѣ въ переводѣ сказанія XI вѣка. Сл-
 напримѣръ, *государь*, въ смыслѣ *владыка, князь*, есть
 ный переводъ Скандинавскаго *hegg*; но, вмѣсто *государь*
государыня (drottning), мы рѣшились употребить стар-
 ныя формы, *господарь* и *господыня*, встрѣчающіяся
 въ Литовскомъ Статутѣ, писанномъ на языкъ Белорусско-
 или Русскомъ. *Люди, ljudi, lidh, lidhinn*, въ значеніи
 иновъ, солдатъ,» и *мужи, madh*, въ значеніи «рыцарь,
 дворянъ, офицеровъ,» сохраняли у насъ весьма долго
 Норвежское употребленіе; но мы сожалѣемъ, что не мо-
 также возвратить слову *дружина* настоящаго его значе-
 оно слишкомъ отклонилось отъ первоначальнаго смысла
 въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упоминается въ подлинникѣ, мы
 нуждены были замѣнить его словомъ *сотоварищество*, и
 разумѣвая въ немъ «договоръ, условіе, заключенное съ
 странными воинами.» Слово *дружина* есть буквальный
 реводъ Норманскаго *felag* (Англ. *fellow*), и — что важнѣе
 въ то же время буквальный переводъ слова *Варягъ* и

во, Væging, которое, по-видимому есть само пере-
 другой диалектъ, того же слова félag, такъ, что
 и дружина суть выраженія совершенно однозначны
 будемъ имѣть случай говорить ниже о происхо-
 значенія слова «Варягъ.» Предоставляя самимъ чи-
 дальнѣйшій разборъ сходства другихъ старинныхъ
 выраженій съ Нордманнскими, скажемъ только, что
 глаголь тѣхъ временъ, greidha, «жаловать, платить
 ъе,» отъ котораго остались у насъ производныя гри-
 идня, то есть, «жалованники, лица получающіе отъ
 жалованье, плату,» — мы переводили всегда глаголомъ
 «платить» плату или пенязи (félb, pfenning), предпочитая
 гдѣнее наименованіе монеты Татарскому слову «день-
 которое въ сказаніи XI вѣка было бы слишкомъ пре-
 тенно и неумѣстно. (Старинное слово гридница зна-
 атата, въ которой жили или собирались гридни, чи-
 или воины, получающіе отъ казны жалованье, по-
 же, что «казенная квартира» и принадлежащее казе-
 е). Для избѣжанія подобнаго же филологическаго
 изма, мы не употребляемъ слова отечество, ибо
 е есть простой и позднѣйшій переводъ Латинскаго
 Настоящее понятіе отечества тогда еще было чуждо
 мъ народамъ, какъ теперь оно чуждо всей Азій, и
 пѣтъ распространилось изъ книгъ Цицерона. Слово
 , которое, для разнообразія, принуждены мы были
 вѣтъ переводъ, также не старое и заимствовано изъ
 го; но мы принимаемъ его только въ смыслѣ «вот-
 одины», land, а не «отечества», о которомъ тогда
 дманны, ни Славяне, не имѣли понятія.

дрые мужи, то есть, люди грамотные, умвющіе
 переписчики Сагъ и лѣтописцы.

изъ-то получше какихъ-нибудь купцовъ. Мы желаемъ
 обратить вниманіе нашихъ читателей на эту фразу: въ
 ой заключается полное опроверженіе мысли нѣкото-
 ториковъ, будто Нордманны сообщили намъ «выго-
 днѣйшій торговли и полезныхъ для народа учрежденій.»
 ни думать о сообщеніи выгодъ торговли людямъ, вы-
 — Отд. III.

ражающіеся съ такимъ пресрвнїемъ о купеческомъ званїи, страшащїеся, при выходѣ изъ отечества, одного только — быть принятыми за купцовъ! Латинскій переводчикъ Эмундовой Саги замѣнилъ союзъ *ef* (*если*) послѣдняго предложенія частицею *at*, *чтобы* (*at væg þikim þá vega þeirgi enn aðgig kaupmenn*), и перевелъ это мѣсто нѣсколько иначе. Мы придерживаемся подлинника, считая эту поправку излишнею, ибо смыслъ ясенъ и съ двумя условными союзами *ef*, а оборотъ несравненно оригинальнѣе того, который находимъ мы въ Латинскомъ переводѣ. Въ слѣдующемъ періодѣ союзъ *ef*, *если*, означаетъ тоже простое вопрошеніе: легко привести множество примѣровъ подобнаго употребленія, которое впрочемъ не чуждо и другимъ языкамъ.

* Мы просимся быть защитниками этого владнїя. Если гдѣ-либо, то въ этой Сагѣ слово *Варяги*, *Vægingar* или *Vægingjar*, должноствовало бы встрѣчаться на каждой страницѣ, ибо повѣствователи сами служили здѣсь въ званїи *Варяговъ*, сами исполняли ихъ должность: къ удивленію, оно нигдѣ не встрѣчается, и кажется имъ неизвѣстнымъ! Здѣсь и они, сами себя, и другіе, въ рѣчахъ своихъ объ нихъ, называютъ ихъ, не иначе какъ *Нордманнами*. Спорри упоминаетъ о Варягахъ, *Vægingjar*: но они только назывались такъ въ Константинополѣ, и состояли не изъ однихъ Нордманновъ, а изъ людей разныхъ сѣверныхъ народовъ. До 1040 года это слово, по-видимому было неизвѣстно Скандинавамъ. Шлѣцеръ производилъ его отъ слова *væge*, союзъ, и соображалъ это значеніе съ наименованіемъ иностранной стражи при Дворѣ Римскихъ (Византійскихъ) Императоровъ, *Foederati*, или Союзники. Но слово *væge* употреблялось въ этомъ смыслѣ только въ Англо-Саксонскомъ и Гоекомъ нарѣчїяхъ: въ Скандинавскомъ языкѣ союзъ выражается словами *skyldagi* и *malí*. Все заставляетъ думать, что названіе Варяговъ, *Варенги*, *Варинги*, *Vægingjar*, есть чуждое Скандинавскому языку, и что оно образовалось въ Царьградѣ, гораздо прежде появленія тамъ первыхъ Нордманновъ. Какимъ же образомъ переншло оно къ вамъ? Мы полагаемъ, что оно сдѣлалось извѣстнымъ въ Русь не прежде половины XI столѣтія; что ни Рурикъ,

ни его товарищи, ни его наследники, до введенія Христианской Вѣры въ Кіевъ, не знали этого имени, и если оно присвоено имъ нашими Лѣтописями, то единственно по небытельству первыхъ лѣтописцевъ. Въ первой только половинѣ XI вѣка, Скандинавы изъ Норвегій и Швеціи бросались толпами путешествовать (чрезъ Россію) въ Константинополь, чтобъ служить тамъ въ званіи *Варяговъ*, или *Варенговъ*, *Федератовъ*, *Союзниковъ*; а другіе, обогащенные выгодною службою, возвращались тѣмъ же путемъ оттуда во-своися, — и безъ-сомнѣнія тогда только Норманновъ стали у насъ называть Варягами: во времена Нестора это названіе было уже такъ обыкновенно, что всякой Скандинавецъ получалъ у насъ имя «Варяга», слово *Норманнъ* пришло въ забвеніе, и Лѣтописецъ, который сверхъ того любилъ употреблять наименованія Византійскія, нарекъ всѣхъ Норвежцевъ, даже самого Рурика, «Варягами». Поздность, простонародность, или, яснѣе сказать, несообразность этого имени, очевидны: Эймундова Сага, писанная въ первой половинѣ XI вѣка, еще ничего не знаетъ о Варягахъ на Руси. Здѣсь Норманнѣ служатъ еще не въ качествѣ Византійскихъ *Варенговъ*, или *Союзниковъ*, но подъ названіемъ *Варнарменнъ*, *Ваглагшеппъ*, «Защитниковъ, Оберегателей» государства, и служба ихъ, въ договорахъ и трактатахъ, именуется *landvagi* «земле-защитою.» Сага эта имѣетъ для насъ необыкновенную важность и по тому даже уваженію, что здѣсь мы въ первый разъ видимъ въ подлинникѣ тѣхъ, которыхъ ученымъ просторѣчьемъ XI вѣка называемъ «Варягами»; въ первый разъ слышимъ ихъ говорящихъ о себѣ, о своей службѣ и занятіяхъ своихъ въ нашемъ отечествѣ. Все содержаніе главы доказываетъ, что положеніе нашихъ (такъ называемыхъ) Варяговъ было совершенно различное отъ положенія Варенговъ въ Византіи: начальникъ Норманнской дружины при нашихъ Норманнскихъ (а не Варяжскихъ) Князьяхъ былъ въ то же время начальникомъ военной и тайной полиціи. Эймундъ исправлялъ именно эту должность при Ярославі и при Брячиславі. Не споримъ, что слово *Варягъ*, въ подражаніе Византійскому придворному обычаю, въ концѣ XI столѣтія было уже обще принято наименованіе для иностранной стражи и при Дворахъ нашихъ Князей, но не менѣе того ясно, что оно не Скандинавское и не могло быть

принесено на Русь Норманнами въ то время, когда сами они еще его не знали: называть же нашихъ Норманскихъ Князей *Варяжскими* и этотъ періодъ Исторіи *Варяжскими* временами, значить то же, что говорить — *Князья драгунскіе, времена гусарскія, времена гранадерскія, жандармскія*, и т. п., ибо «Варягъ» есть названіе особеннаго рода войска. Между Варягомъ и Рурикомъ или другимъ Норманно-Русскимъ Княземъ всегда такое же различіе, какъ между господиномъ и слугою.

* *Построить для нихъ каменный домъ и обить его краснымъ сукномъ.* Подъ словомъ «для нихъ» Исландскій текстъ понимаетъ здѣсь только Эймунда и Рагнара. Красное сукно или багряница почиталось тогда предметомъ чрезвычайной роскоши, и подобные шпалеры доказываютъ большую пышность Новгородскаго Двора.

* *Если надъпнешься потомъ удержишься самъ собою.* Оборотъ довольно темный: онъ можетъ относиться и къ личной умѣренности, и къ защитѣ владѣнія. Последнее значеніе болѣе логическое, но и первое довольно вѣроятное, соображая его съ тѣмъ, что сказано выше о необходимости кроткаго обхожденія съ братомъ. Однако жъ, какъ дѣло идетъ о войнѣ оборонительной, а не наступательной, то благовременное предположеніе умѣренности въ защищающемся не слишкомъ согласно съ существомъ обстоятельства. Выраженіе *ef þu sêr at þu getir haldit þik sidan* — значить буквально: *если ты самъ въ себя можешь удержать тебя потомъ.*

* *А его рядъ ничтоженъ!....* Согласно сказанному выше, слово *рядъ* употребили мы здѣсь въ старинномъ его значеніи, *распоряженіе, мнѣніе, совѣтъ*, чтобъ ближе выравнять оборотъ Исландскаго текста, въ которомъ то же самое слово *рядъ*, *gað* употребляется совершенно въ томъ же смыслѣ.

* *Такое множество мужей, что долго было бы прописывать ихъ имена.* Издатели Саги замѣчаютъ, что въ этомъ мѣстѣ перо сокращателя очевидно коснулось цѣлости первоначальнаго текста повѣсти, и что въ подлинномъ сказаніи имена убитыхъ враговъ вѣроятно всѣ были прописаны.

*Ужа Кожунгу щитомъ (опорою) въ рясеніи и гра-
Грабежъ, добыча, herfang, есть техническое слово
означенія всякаго военнаго похода.*

*гда я избираю, что нашъ торгъ уничтоженъ! Тре-
золота, вмѣсто серебра, могло по-справедливости
Ярослава. По прежнему договору, они получали
по унціи серебра на каждаго мужа, а начальники
о полуторы унціи.*

*бралась къ нему большая рать изъ вольныхъ поселель.
bonda, употребленное здѣсь для означенія состоянія
изъ котораго набрано было войско Ярослава, весь-
ойно примѣчанія. Скандинавскія Саги дѣлають боль-
мичіе между bonda, и trölle: первые были поселя-
зующіеся личною свободою, и притомъ владѣльцы
вторые были невольники или крестьяне, крѣпкіе
Бонды пользовались всѣми политическими правами,
ризываемы на вѣче и могли носить оружіе. Кажет-
мѣстные Человѣки, или покоренные Руссами Слова-
и обращены ими въ это состояніе, не дворянское,
нее между благороднымъ происхожденіемъ «отъ
рода» и холопствомъ, или рабствомъ. Вообще
тво общества въ той эпохѣ, кажется было у насъ
нно Скандинавское.*

*и помчались быстро, въ военномъ порядкѣ. Слово
къ» отнюдь не принято нами въ строгомъ его зна-
Въ подлинникѣ сказано hermannlika, т. е., военно-*

*въ Эймундѣ. Въ этой именно главѣ примѣчается про-
сыма значительной части первоначальнаго текста Саги,
ше сказать, глава эта есть не что иное, какъ неис-
міяніе начала одной главы съ концемъ другой, весьма
ной, но описывавшей подобное же происшествіе, такъ,
повѣствованіе, заключавшееся между двумя этими
ми, попросту выкинуто сокращателемъ, который не
даже на себя труда согласить конецъ главы, со-
нимъ изъ двухъ отрывковъ, съ ея началомъ. До из-
мѣста, которое означимъ мы ниже точками, раз-*

сказъ ясенъ, правиленъ, и ничто не поражаетъ читателя несообразностью съ предъидущимъ; но съ того мѣста, все начинаетъ противорѣчить сказанному въ первой половинѣ главы, многія предложенія дѣлаются непонятными, отъ того, что очевидно относятся къ выпущеннымъ обстоятельствамъ, и даже въ разговорахъ встрѣчаются лица, о прибытіи которыхъ на сцену прежде ничего не сказано. Даже, слишкомъ общее заглавіе главы не много сходствуетъ съ ея содержаніемъ, и, кажется, выставлено на обумъ, или осталось отъ разсказа о совершенно другомъ обстоятельстве. Всѣ эти противорѣчія и несообразности отмѣтимъ мы въ своихъ мѣстахъ, чтобъ оправдать твердое наше убѣжденіе въ томъ, что пропускъ дѣйствительно послѣдовалъ въ этой главѣ.

¹⁴ *И мы навываемъ это безразсуднымъ.* Здѣсь тоже должно быть пропущено нѣсколько словъ. Но настоящій пропускъ гораздо ниже.

¹⁵ *Большой пропускъ.* Этотъ пропускъ обнимаетъ весь періодъ Польской войны. По первобытному подлиннику, Эй-мундъ вѣроятно сказалъ здѣсь Князю, что Буриславъ (Святополкъ) находится теперь въ Пулиапдѣ, Польшѣ. Быть-можетъ, что Нордманны въ этомъ мѣстѣ поссорились съ Ярославомъ, и не помогали ему въ борьбѣ съ Польскимъ Королемъ. Съ другой стороны, если они по, прежнему оставались въ его службѣ, какъ эта борьба была весьма неудачна для Князя и не много принесла чести Нордманнамъ, то ея происшествія могли быть разсказаны въ подлинной Сагѣ сокращенно и неясно. Во всякомъ случаѣ, нельзя предполагать, чтобы сраженіе при Альтѣ, въ которомъ несомнѣнно Нордманны участвовали, было въ ней умолчано. Сокращатель Саги пропустилъ его вмѣстѣ съ прочимъ, мы думаемъ, единственно по незанимательности для него этого происшествія, сходнаго въ существѣ своемъ съ двумя другими, уже выше описанными, и перешелъ прямо къ тому, что болѣе дѣйствовало на его воображеніе, именно, къ случаю, по которому узнали въ Кіевѣ, что Святославъ находится у Половцевъ, тогда, какъ полагали, что онъ ушелъ между Чехи и Лехи. Въ слѣдующихъ строкахъ рѣчь идетъ уже объ

время и обстоятельства уже совсѣмъ различны съ со-
дѣемъ первой части главы.

*Онъ провелъ зиму въ Турканди, то есть, въ Тур-
Турокъ, или Половцевъ.* Въ началѣ главы дѣйствіе
одило скоро послѣ сраженія съ Бярмійцами, кото-
о содержанію предшествующаго разсказа, случилось
. Ярославъ говорить тамъ о недавнемъ подвигѣ
анновъ, Эймундъ упоминаетъ о раненыхъ и потеряв-
ружіе въ сраженіи, и Князь полагаетъ, что послѣ
побѣды и взятія княжескаго знамени брата, все бу-
покойно, — а здѣсь повѣствованіе уже переносится за
ы зимы. Эпоха очевидно совсѣмъ другая! Въ преж-
мавахъ, когда прошло лѣто или зима, о томъ ясно
помянуто, ибо главный интересъ повѣствователей
ся вездѣ къ расчету въ жаловань за выслуженное
а здѣсь сказано было только — *til enn einhvern tíma*,
спорно означаетъ весьма короткій промежутокъ вре-
ослѣ сраженія.

Онъ хочетъ отступить отъ Христіанской Вѣры.
не согласиться; что все содержаніе носить на себѣ
рокъ величайшей подлинности, и что повѣствователи
коротко были знакомы со всеми подробностями со-
ной Русской Исторіи. Почти не возможно сомнѣвать-
гошь, что Святополкъ былъ весьма дурной Христіа-
овлобленіе Духовенства противъ него отразилось въ
в со всею силою, и оно не могло имѣть другаго
ія; кромѣ колебанія его въ Вѣрь, принятой Влади-
и опасенія, возбужденнаго имъ въ Духовенствѣ,
въ возвратъ язычества. Люди, которые такъ хорошо
положеніе дѣлъ Россіи, не могли невѣжествомъ сво-
такой степени запутать картины происшествій, слу-
ся при ихъ глазахъ, и смѣшеніе двухъ отдаленныхъ
очевидно есть дѣло чужой руки.

Рagnarъ сказалъ. Въ началѣ главы одинъ Эймундъ
въ присутствіи Князя: тутъ является Ragnarъ, о
тъ прежде ничего не сказано!

*Улучшить жалованье согласно тому, какъ прежде
между нами.* Не нужно, кажется, объяснять, что эти

слова явно относятся къ выпущеннымъ изъ текста событіямъ. Ни о *тѣхъ* двѣнадцати мѣсяцахъ, ни о *рѣшеніи* увеличить жалованье, не было и дѣла въ первой части главы. Латинскій переводчикъ, чтобъ исправить смыслъ, сказалъ — *in proximo duodecim mensēs*; но Исландскій текстъ говоритъ не о *будущихъ* мѣсяцахъ, а о «*pessa 12 manudr*», о *тѣхъ* 12 мѣсяцахъ, — подразумѣвается, о которыхъ сказано выше.

²⁰ *Усердно и больше всѣхъ поощряютъ васъ къ защитѣ.* Весь этотъ періодъ очень теменъ въ подлинникѣ, ибо намѣкаетъ на какое-то обстоятельство, исключенное изъ текста при сокращеніи. Мы старались сколько возможно яснѣе выразить мысль сочинителя, не отступая отъ формы его оборота, и не слишкомъ въ томъ успѣли. Латинскій переводчикъ передалъ другими словами, но едва ли вразумительнѣе: *Scio quidem multos eorum, qui spiculis hostium obijciuntur, ad hoc paratos fore; nescio autem, ut se in ipso discrimine praebituri sint, qui nunc hanc rem maxime suadent.* Впрочемъ настоящій смыслъ этого періода вещь неважная: дѣло въ томъ, что въ первой части главы Ярославъ ничего не зналъ о мѣствѣ пребыванія брата, былъ увѣренъ, что онъ убитъ, и упрекалъ Эймунда словами: *какъ можетъ онъ знать лучше другихъ людей, имѣющихъ достовѣрное свидѣніе о смерти Святополка?* — а тутъ Эймундъ предостерегаетъ его не слишкомъ полагаться на тѣхъ, которые теперь «*всѣхъ болѣе*» (*mest eggja*) совѣтуютъ ему защищаться противъ брата! Безспорно, начало главы и это мѣсто принадлежатъ къ двумъ совсемъ различнымъ эпохамъ и предметамъ. Нѣсколько строкъ ниже встрѣчаемъ мы другое выраженіе, которое дѣлаетъ эту истину еще яснѣе. Тамъ сказано, что *всѣ удивлялись, почему Ярославъ не собираетъ войска, когда опасность угрожаетъ ему болѣе, чѣмъ когда-либо.* Слѣдственно пребываніе Святополка у Комановъ и его приготовленія были всемъ извѣстны, а судя по началу главы, никто не долженствовалъ бы знать объ этомъ.

²¹ *Потому, что никогда конца не будетъ этимъ суматохамъ.* Эти слова могутъ относиться только къ длинному ряду происшествій, который неминуемо долженъ быть весь

пропущенъ послѣ начальныхъ строкъ главы, ибо до тѣхъ поръ говорилось единственно о первомъ нападеніи Святослава на брата съ Бярмійцами, о самомъ началѣ суматохи. *Никогда конца не будетъ* — явно намѣкаетъ на длинную и несчастную войну съ Болеславомъ.

²² *Ни настраивать къ личному сраженію, ни порицать кого - либо.* То есть, что онъ готовъ сражаться съ войскомъ своего брата, но на лице его посягать не хочетъ, и не мѣшается въ это дѣло.

²³ *Затѣмъ они отправились домой, въ свой дворецъ.* Опять обстоятельство, существенно обнаруживающее, что дѣйствіе этой части главы происходитъ не только въ другое время, но и въ другомъ мѣстѣ. Въ началѣ оно происходило въ Кіевѣ, у Ярослава, между нимъ и Эймундомъ только. Потомъ, въ ихъ разговорѣ появился Рагнаръ. Теперь Рагнаръ опять исчезъ, и Ярославъ съ Эймундомъ ѣдутъ вдвоемъ во дворецъ, и еще домой: употребленное здѣсь слово heim, *домой, во-свои*, ясно показываетъ, что теперь они находились внѣ города. Всѣхъ этихъ обстоятельствъ, кажется, слишкомъ достаточно для удостовѣренія всякаго въ той истинѣ, что пропускъ значительной части стариннаго текста случился именно въ этой главѣ, которою сокращатель хотѣлъ заштукатурить *какъ-нибудь* сдѣланный имъ проломъ въ древнемъ разсказѣ.

²⁴ *Около половины по-полуденнаго времени,* то есть, около шести часовъ по-полудни.

²⁵ *Государственную палатку, landtjald,* то есть, Княжескую палатку. У всѣхъ древнихъ народовъ, и позже у Восточныхъ, были ставки особеннаго рода для предводителя войска: у Турецкихъ народовъ онъ даже имѣютъ особое наименованіе, *отакъ*, которымъ, какъ и своею пышностью, отличаются отъ обыкновенныхъ палатокъ, *чатыръ*, или шатровъ.

²⁶ *Рогнвальдъ и Біорнъ, вы, Исландскіе мужи!* Въ подлинникѣ находится Исландская выноска, въ которой сказа-

но, что Рогнвальдъ и Рагнаръ есть одно и то же лице. Намъ кажется это толкованіе натянутымъ: оно придумано единственно для поясненія исковерканнаго текста, но отнюдь его не поясняетъ. Гораздо вѣроятнѣе, что, въ выраженіи — Rögvaldr. og Biörn ok þeir hinnir íslenzku menn (*Рогнвальдъ и Біорнъ и тѣ Исландскіе мужи*), союзъ ok (*и*) излишенъ, и что, вмѣсто þeir (*тѣ*) должно читать þeir, (*вы*), то есть: *Рогнвальдъ и Біорнъ, вы Исландскіе мужи!* Что здѣсь рѣчь идетъ только о *двухъ* лицахъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо ниже говорится: *третій же мужъ*, и проч. Да и по расчету числа людей, выходитъ то же: *два* человека поставлены были у дерева; *третій* держалъ веревку; *четвертый* долженъ былъ ударить ее рукояткою топора; *пятый* съ Эймундомъ пошелъ задѣвать концомъ веревки шатеръ Святослава: и того, 6 человекъ. Эймундъ говоритъ: *когда устроимъ мы*, — следовательно, съ нимъ былъ по крайней мѣрѣ *одинъ* человекъ; а если бъ Эймундъ сперва хотѣлъ идти туда одинъ, то и такъ, объ одномъ остающемся по расчету человекѣ, не могъ бы онъ сказать: *и тѣ Исландскіе мужи*. Онъ пошелъ туда съ Рагнаромъ: и такъ Рогнвальдъ есть совсѣмъ другое лице, родомъ Исландецъ, тогда, какъ Рагнаръ былъ Норвежецъ. Выноска подлинника очевидно имѣетъ въ виду согласить это мѣсто съ другимъ, находящимся ниже, гдѣ сказано, что Эймундъ отправился къ Княжескому шатру съ *Рагнаромъ* и *Біорномъ*, тогда какъ прежде съ *Біорномъ* упомянуть былъ *Рогнвальдъ*, но этотъ трудъ со стороны комментатора былъ совершенно напрасенъ: Эймундъ съ Рагнаромъ могли взять Біорна отъ дерева, у котораго былъ онъ поставленъ, для пособія имъ въ работѣ, и отпустить его благовременно опять къ дереву. Самая форма оборота показываетъ, что Біорнъ пошелъ туда съ ними въ противность древнему распорядкѣ. Текстъ изъясняетъ: *Біорнъ тоже пошелъ съ Эймундомъ и Рагнаромъ*, а слѣдующаго объясненію комментатора, слѣдовало бы сказать: *Эймундъ пошелъ съ Рагнаромъ и Біорномъ*.

²⁷ *Начали рѣдить*. То есть, посоветовались другъ съ другомъ; условились, что должно дѣлать.

отомъ истекло лето и зима. Мы должны, въ под-
 ение сказаннаго нами выше, обратить вниманіе чита-
 на это выраженіе: вездѣ, гдѣ нѣтъ пропуска въ
 ясно упоминается о временахъ года, проведенныхъ
 аннами въ службѣ Русскаго Князя. Какъ война съ
 явомъ началась, по Несторову лѣтосчисленію, въ
 году, а по содержанію Саги, спустя годъ послѣ убій-
 вятополка; то смерть послѣдняго слѣдуетъ отнести
 0 году, если только Несторово лѣтосчисленіе заслу-
 ь безусловное доверіе, — что весьма сомнительно.

вспоминаніе объ убійствѣ брата великое дѣло. Въ
 никъ сказано — at mikils var at minnast um brodurdráp-
 б значитъ буквально: что велико было вспоминать
 оминать) о братоубійствѣ. Латинскій переводчикъ
 яль: Egant, qui representarent, quam gravis esset fra-
 caedis memoria. Кажется, что ученый переводчикъ
 онялъ эти слова въ томъ смыслѣ, будто братоубійство
 о Князя въ глазахъ народа. Но братоубійство было
 и весьма не многіе объ немъ знали; притомъ, подоб-
 роисшествія не считались тогда столь важными у
 , привыкшаго къ зрѣлищу разнаго рода семейныхъ
 ній. Придерживаясь точнаго значенія словъ подлин-
 ны понимаемъ это мѣсто такъ, какъ изъяснили въ
 двѣ, то есть, что противники Норманновъ, знавшіе
 ихъ поступокъ, говорили Князю, что онъ не долженъ
 ь при себѣ тѣхъ, присутствіе которыхъ напоминаетъ
 вершенное ими убійство его брата. Дальнѣйшій раз-
 полнѣ, кажется, подтверждаетъ предпочитаемый нами
 этой лаконической фразы: Эймундъ, въ оправданіе
 потомъ лукаво упрекаетъ Князя, что согласіе на это
 ніе было дано имъ самимъ.

отъ былъ бы хороший рядъ, если бы можно было
 ь его! — то есть, Эймунда. Мы сочли нужнымъ
 ь эту фразу въ Русскомъ переводѣ во всей ея
 навской дикости, съ условіемъ, объяснить ее читате-
 въ Примѣчаніи. Она показалась намъ очень живо-
 о, ибо резко изображаетъ духъ времени, и обнару-
 ь настоящій смыслъ словъ *рядъ, рядить, рожение,*

срдить, безпрестанно выходявшихъ изъ устъ германцевъ и XI вѣковъ: глаголь *срдить*, агаца, принятъ въ русский языкъ въ смыслѣ словъ *спроводить*, *известить*, *уходить*, хотя бы мы употребили, потому, что они, особенно последнее, гораздо новѣе въ Русскомъ языкѣ, бытъ ствованы изъ Польскаго. По-этому, *рядь* и *рядилъ* до въ то время то же, что *коварство*, *хитрость*, и т. д. Арабскіе Писатели, особенно Ибнъ-Батута, свѣдѣствуютъ, что Руссы славились коварствомъ своего времени: впрочемъ это недостатокъ или добродѣтель варварскихъ народовъ.

³¹ *Съ Ярломъ Рогнвальдомъ Ульфовичемъ.* Ярль (Болринъ) Рагнвальдъ Ульфовичъ, Rognvald Ulfsson, въ лицѣ, совершенно различное отъ Рогнвальда Иварсона упомянутаго въ предшествующемъ описаніи брата Юри. Ярль Рогнвальдъ былъ двоюродный братъ Ингвальда, который служилъ тоже Ярославу съ дружиною своихъ Нордманнъ и въ послѣдствіи получилъ отъ него небольшой удѣлъ.

³² *Она умнѣе Конунга.* Достойно примѣчанія, что Нордманны называли *умомъ*: Эймундъ хотѣлъ сказать, что эта Шведка *коварнѣе* своего супруга.

³³ *Мы поплывемъ вдаль съ ними.* Надобно думать, что они говорятъ здѣсь о похищеніи Княгини и Рогнвальда не ея людей, ибо — что пользы увозить съ собою смѣлыхъ убійцъ, которыхъ могли они истребить на мѣстѣ. Слѣдующій за этими словами отвѣтъ Эймунда очевидно носитъ къ Княгинѣ и ея товарищу.

³⁴ *Миръ между братьями.* Самое заглавіе этой главы, которое невзначай говоритъ намъ о мирѣ, ничего не сообщая о войнѣ, извѣщаетъ уже, что содержаніе древняго повѣствованія нарушено, и что опять начинаются сокращенія. Слово *умомъ* дѣлаетъ, новый, весьма значительный пропускъ, и означимъ мы ниже, вторично лишаетъ насъ важной подробности повѣствованія. Но здѣсь представляется одно замѣчаніе. Нордманны очевидно пришли къ Брячиславу еще до изгнанія его на Новгородъ. У Нестора это событіе описано нечаянно, какъ молнія, въ Исторію: не извѣстно,

образомъ, ни по какому поводу, Брячиславъ вдругъ
ль на сильнаго тогда Ярослава, уже соединившаго
ую власть два огромные удѣла, тогда какъ въ про-
е всѣхъ несчастій Новгородскаго Князя сидѣлъ онъ
и не думалъ его тревожить. Тихій и неблестатель-
актеръ Брячислава, изображенный имъ самимъ въ
ихъ ответахъ Эймунду, дѣлалъ бы это событіе еще
тѣйшимъ, если бъ дѣло не объяснялось само собою.
тъ къ нападенію на Новгородъ были безъ-сомнѣнія
ны, перешедшіе къ нему отъ Ярослава. Чтобъ ото-
послѣднему, Эймундъ, кажется, подстрекнулъ спокой-
лоцкаго Князя разграбить Новгородъ, ручаясь ему
хъ предпріятія. О совершенномъ разбитіи Брячи-
овращающагося съ добычею въ Полоцкъ, можно
ведливости сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что въ словахъ
замѣтны здѣсь нѣкоторая сбивчивость и противо-
Ярославъ могъ отбить у него часть добычи, но не
ь главныхъ его силъ. Войны тогда оканчивались,
перъ въ Азіи, однимъ проиграннымъ сраженіемъ;
ячиславомъ война еще продолжалась, и кончилась
ользу Великаго Князя. Должно еще замѣтить, что
іе Брячислава братомъ Великаго Князя и всѣ не-
ости выраженной относительно къ родству Русскихъ
еуть погрѣшности сокращателя, который прибавилъ
наименованія главъ.

Замѣтительный пропускъ въ текстъ. Въ этомъ мѣстѣ
по нашему мнѣнію, быть помѣщено внезапное на-
Брячислава на Новгородъ. Позволительно предпо-
что, отпустивъ Кіевскихъ пословъ, Полоцкій Князь
дѣ рѣшились воспользоваться временемъ и, пока
ь успѣетъ собрать войско и выступить въ поле, на-
му ударъ въ Новгородъ. Сокращатель Саги пропус-
исаніе этого нападенія и послѣдовавшихъ за тѣмъ
й, и отъ первыхъ приготовленій къ войнѣ перешелъ
ь романическому событію, которое предшествовало
нію мира. Вникая въ духъ его разсказа, при пособіи
ыкновенной проницательности легко можно примѣ-
го допущенные имъ пропуски сдѣланы не наудачу,
ны и приведены въ дѣйствіе систематически. Онъ

выбрасывает повсюду описанія обыкновенныхъ сраженій и набѣговъ, какъ неинтересныя для Исландцевъ, ибо они происходили въ чужой и неизвѣстной имъ странѣ, и удерживаетъ только описанія необыкновенныхъ случаевъ и романическихъ событій, въ которыхъ дерзкій и фантастическій характеръ Норманновъ объявляется въ полной своей занимательности. Такъ, изъ всѣхъ войнъ Ярослава съ Святополкомъ и его покровителями, онъ избралъ только сраженіе при Любечѣ, потому, что оно было первое и притомъ лестное для его героевъ, защиту Кіева противъ Бярмійцевъ и умерщвленіе Святополка. Изъ войны съ Брячиславомъ онъ сохранилъ одно похищеніе Ингитерды, примѣръ почти столь же отчаяннаго молодечества Норманновъ, какъ и убійство Брячислава, выпустивъ все, болѣе или менѣе обыкновенныя, военныя событія. Впрочемъ, это общій духъ Сагъ, обработанныхъ въ XIII столѣтіи: онъ уже не составляли живой современной Исторіи для своихъ слушателей, но были только предметомъ пріятнаго чтенія, и тѣ, которые ихъ переписывали, болѣе заботились объ ихъ занимательности, нежели о вѣрности древняго ихъ содержанія. Сокращатель Эймундовой Саги, соединяя начало происшествія съ его концемъ, склеилъ ихъ краткою повѣстью о назначеніи Брячиславомъ мѣста, гдѣ должно было происходить сраженіе. Эта невинная повѣсть вѣроятно прибавлена имъ самимъ, ибо она совершенно въ духѣ старинныхъ военныхъ понятій Скандинавіи, гдѣ враждующія стороны нерѣдко определяли поле брани съ общаго согласія, или вызывали враговъ своихъ явиться съ войскомъ въ указанное ими мѣсто, хотя, съ другой стороны, этотъ обычай существовалъ и у здѣшнихъ Норманновъ, или Русскихъ Конунговъ, всегда страстно придерживавшихся военныхъ и правительственныхъ обыкновеній прежняго своего отечества. Какъ бы то ни было, мы все еще обязаны многимъ этой главѣ: она по крайней мѣрѣ открываетъ намъ причину войны съ Брячиславомъ, и даетъ понятіе объ ея окончаніи, — чего никогда не узнали бы мы изъ нашихъ летописей. По-несчастью, то, что здѣсь выпущено, не можетъ даже быть пополнено послѣдними, какъ въ прежнемъ пропускѣ: Деять строкъ, которыя Несторъ посвятилъ всему этому событію, такъ сбивчивы, наполнены такими противорѣчіями, что нельзя извлечь изъ нихъ

огического. Вотъ его слова: «Въ лето (1021) при-
числавъ на Новгородъ, и зая Новгородъ, и поимъ
дцы и имвнїе ихъ, и приде къ Полоцку опять.
едшу ему ко Судомъри рѣцъ, Ярославъ въ седь-
изъ Кіева постиже и, и побѣди, и Новгородцы
къ Новугороду, а Брячиславъ побѣжа къ Полоц-
къ же это? Брячиславъ однажды уже пришелъ къ
уже воротился домой съ Новгородцами; и вслѣдъ
рославъ настигъ его у рѣки Судомъри, въ Псков-
рнїи! Несторъ, кажется, не слишкомъ былъ твердъ
афин Россїи. Сверхъ того, какъ можно предполо-
обы Ярославъ прошелъ въ семь дней около 1000
тъ Кіева до Судомъри? Какъ ни чудесны были
среднихъ вѣковъ, но ни какое войско не въ состоя-
тъ по 150 верстъ въ сутки. И еще: Новгородцы
и приведены въ Полоцкъ, а Ярославъ воротилъ
къ отъ береговъ Судомъри! Объясните это мѣсто,
дно, все-таки не выведете вы ничего правдоподоб-
но лишь слѣдующее предположеніе было бы спо-
скольکو уменьшить запутанность, — именно, что
отдѣльныя экспедиціи; что Брячиславъ сперва
Новгородъ и воротился въ Полоцкъ съ добычею,
уже вышелъ на встрѣчу Ярославу, — только не
Судомърь, ибо она не по дорогѣ въ Кіевъ. Когда
но захотимъ удержать эту рѣку, тогда нужно
вмѣстѣ и показаніе Саги о назначенїи мѣста сраже-
мать, что Брячиславъ *опредѣлилъ* берега Судомъ-
тъ брани. Что касается до Новгородцевъ, то они,
были возвращены не съ полн сраженїа, но по
Ярославъ могъ одержать въ стычкѣ поверхность
оцкимъ Княземъ, но Нордманны рѣшили войну въ
слѣдствїа похищенїемъ Имгигерды, и Великій Князь,
отно получить жену, которая имѣла большую власть
характеромъ; принужденъ былъ согласиться на
выгодныя для Брячислава и для самого Эймунда.
е видно изъ Саги; догадки о первомъ предоста-
обственному соображенїю всякаго.

лучшее дѣло съ бѣдѣ отсрочка. Это выраженїе
дасть и существованїе пропуски, и сказанное нами

въ предъидущемъ Примѣчаніи, что Ярославъ одержалъ только поверхность надъ Полоцкимъ Княземъ, но не разбилъ его совершенно, и послѣдній былъ еще въ состояніи защищаться. Слово *въ бѣдѣ* ясно доказываетъ, что они претерпѣли поражение и находились въ сомнительныхъ обстоятельствахъ. Необходимость замедленія дѣла и самое средство, къ которому прибѣгнулъ Эймундъ, чтобъ нанести чувствительный ударъ Ярославу не оружіемъ, но хитростью, обнаруживаютъ отчаянное ихъ положеніе. Наши монашествующіе лѣтописцы систематически скрыли отъ потомства все участіе женщинъ въ событіяхъ этой эпохи: онѣ однако жъ имѣли здѣсь, какъ и въ Скандинавіи, большое вліяніе на дѣла общественныя, что можно видѣть изъ дальнѣйшаго содержанія главы, и что мы уже видѣли выше, когда супруга Ярослава взялась *срядить* Эймунда. Запомнимъ еще, что, отпуская Ярославовыхъ пословъ, Эймундъ сказалъ: *Они, я думаю, скоро увидятъ нашъ рядъ!* Нельзя, кажется, сомнѣваться, что эти слова намекаютъ на Новгородскую экспедицію, и значать, что Эймундъ съ Брячиславомъ разграбить Новгородъ прежде, нежели Ярославъ спохватится. Но этого *ряду* не видно въ Сагъ: онъ пропущенъ; Брячиславъ и Нордманны стоятъ и ничего не дѣлаютъ; они принуждены выдумывать уже другой *рядъ*. Сокращатель выкинулъ этотъ первый *рядъ* съ явнымъ умысломъ, и предпочелъ ему другой *рядъ*, гораздо забавнѣе перваго, о томъ, какъ Эймундъ, въ воздаяніе за свою обиду, рѣшился *срядить* Ингигерду.

²⁷ *Семь ночей.* Выраженіе — *они простояли семь ночей* (дней) *съ ратью*, также весьма достойно примѣчанія. Не смѣшалъ ли Несторъ этихъ *семи* дней съ временемъ похода Ярослава изъ Кіева?.... Это очень вѣроятно. Разбирая описанія Любецкаго сраженія у Нестора и въ Сагъ, мы замѣтили въ предъидущей книжкѣ Журнала, что разные, брошенные наудачу, слова лѣтописца дѣйствительно напоминаютъ приводимыя Исландцами обстоятельства дѣла, но что у него все перепутано, недосказано, или одно принято за другое съ удивительною небрежностью. Мы поставили и въ этомъ мѣствѣ нѣсколько точекъ, ибо подозреваемъ, что и здѣсь произошелъ какой-нибудь пропускъ въ текстѣ. Предъиду-

годъ не вяжется съ послѣдующимъ. Въ первомъ семь ночей, а во второмъ говорится не въ осьмую, а въ одну ночь, *eina natt*, совсѣмъ неопредѣленно. Можно думать, что, послѣ этихъ семи ночей, воспользовавшись пораженіемъ, согласно сказанному у Нестора, постиже и *иный день* (только не изъ Кіева, а «простоявъ семь дней въ виду другъ друга»), и что происшествіе, случившееся въ одну ночь», относится къ позднѣйшему времени.

дешь ли доволенъ, имья и впередъ то, что имьялъ
— *Да! отвѣчалъ Конунгъ.* Это мѣсто также относится къ некоторымъ образомъ прежнее пораженіе Бря-

долженъ взять равную часть наслѣдства. Обращеніе на эту фразу: она показываетъ, какія именныя пораженія служили основаніемъ договору. Изъ нея видно, что единое государство не было ни въ понятіяхъ, ни въ дѣлахъ тогдашнихъ нашихъ Князей; что области только тогда соединялись подъ скипетромъ одного владыки, когда соединялись не для основанія прочной Державы, а только для того, чтобы соединившіи ихъ имѣли право разлучить ихъ опять по своему произволу; что, наконецъ, удѣльная система Удѣловъ была тогда у насъ единственное политическое правило, почитаемое священнымъ и незыблемымъ. Удѣлъ Святополка былъ завоеванъ Ярославомъ, но другіе Князья не признавали ему правъ владѣнія, и, какъ скоро первый скончался, послѣдніе опять раздѣла его наслѣдства по равнымъ частямъ. На основаніи понятія кореннаго закона заключенъ и договоръ съ Брячиславомъ, и самъ Ярославъ, кажется, не признавалъ справедливости подобнаго требованія, коль скоро онъ принужденъ къ тому обстоятельствами. Эта черта брошена въ большую свѣтъ и на причину внезапнаго возстанія Ярослава на Великаго Князя: очевидно, онъ тоже домогался раздѣла Кіевского владѣнія по смерти Святополка. Ярославъ, какъ ниже увидимъ, предоставилъ по договору большія выгоды Брячиславу и Эймунду, то единственно для того, чтобъ соединить ихъ силы съ своими, и тѣмъ образомъ сдѣлать грознѣйшій оплотъ неизбежнымъ притязаніямъ Князей.

¹⁰ Я не подавалъ совѣта, чтобы ея не было оказываемо должное уваженіе. Ответъ весьма искусный, истинно дипломатическій: мы принуждены были къ его началу прибавить нѣсколько словъ, не для того, чтобы сообщить ему другой смыслъ, но чтобы сдѣлать вѣжливый Скандинавскій лаконизмъ понятнѣйшимъ для всѣхъ вообще читателей. Впрочемъ Эймундъ самъ былъ Князь и воспитанъ лучше другихъ.

¹¹ Что Господыня находится въ Нордманской дружинѣ. Должно заключить изъ соображенія предъидущаго ответа съ этими словами, что «оказаніе должнаго уваженія» Ингердъ состояло въ томъ, чтобы, для чести Великой Книгини, скрыть отъ народа похищеніе ея ночью, — и она явилась войску не плѣнницею Брячислава, но среди Нордманнской дружины, какъ-будто добровольно прибывшею къ своимъ землякамъ съ предложеніемъ посредничества. Подобное соблюденіе приличій дѣлаетъ по-истинѣ честь Сѣверу XI вѣка.

¹² Она сказала Кюнугу Ярислейфу. Здѣсь также сокращенъ рассказъ: по-видимому, выкинуты всѣ предварительныя сношенія съ Ярославомъ и прибытіе его къ мѣсту переговоровъ.

¹³ Владѣть Кунигардомъ съ податями и сборами. Слова съ податями и сборами показываютъ, что Кіевъ былъ уступленъ Брячиславу не въ полное и безусловное его владѣніе, — ибо въ такомъ случаѣ не нужно было бы и говорить о податяхъ и сборахъ, — но только въ управленіе отъ имени Ярослава съ присвоеніемъ управителю извѣстныхъ выгодъ, въ вознагражденіе притязаній его на часть наслѣдства Святополкова. Въ самомъ дѣлѣ, видно и по Нестору, что съ тѣхъ поръ Ярославъ уже проживалъ въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ, настоящей столицѣ начальника династіи, а Лѣтопись говоритъ, что онъ правилъ Кіевомъ посредствомъ своихъ намѣстниковъ (мужей). Этимъ намѣстникомъ могъ быть Брячиславъ, по крайней мѣрѣ пока Мстиславъ не прогналъ его отсюда, возставъ на нихъ обоихъ за присвоеніе себѣ этою сдѣлкою всего наслѣдства Святополкова. Известно, что въ 1026 году Ярославъ принужденъ былъ подѣлиться этимъ наслѣдствомъ также съ Мстиславомъ. Впро-

е надо принимать имени *Кунигардъ* въ точномъ смы-
 рода Кіева»: оно у Скандинавовъ означаетъ и го-
 всю область, то есть, весь удѣлъ Кіевскій. Слова —
Кунигардомъ, такъ же легко могутъ заключать въ
 смыслъ — владѣть частію Кунигарда, или Кіевского
 какъ и Кіевомъ. Текстъ присовокупляетъ, что Бря-
 по этой сдѣлкѣ «удвоилъ» пространство своихъ вла-
 присоединеніемъ всего Кіевского Удѣла къ Полоц-
 не удвоилъ бы, а впятеро увеличилъ бы свои
 . Надобно помнить, что сокращатель, не знающій
 и Россіи, не могъ даже и соблюсти точности въ вы-
 хъ и понять эту сдѣлку во всѣхъ ея подробностяхъ:
 древнемъ текстѣ говорилось о какихъ-нибудь неиз-
 къ ему областяхъ, принадлежащихъ *Кенугарду*, и
 нныхъ Брячиславу, онъ счелъ кратчайшимъ и яснѣй-
 сказать, что уступленъ былъ *Кенугардъ*, подразумѣ-
 этомъ словѣ и часть, и цѣлое. Одно, что съ нѣко-
 достовѣрностью можно заключить изъ его словъ, —
 о Ярославъ въ самомъ дѣлѣ уступилъ Брячиславу нѣ-
 областей въ видѣ удовлетворенія за право Полоц-
 лязя на часть оставшагося послѣ Святополка наслед-
 одобно тому, какъ потомъ уступилъ другую часть
 аву, и что Брячиславъ почти удвоилъ пространство
 владѣній.

ользоваться *всѣми земскими сборами, какіе тамъ*
ны. То же самое замѣчаніе вполнѣ примѣняется и
 статьѣ. Дважды повторенное слово *тамъ* относит-
 нашему мнѣнію и по точному смыслу подлинника,
ласти, лежащей подлѣ, а не къ Полоцку. Чѣмъ бо-
 га приближается къ концу, тѣмъ яснѣе замѣтно не-
 е сокращателя скорѣе окончить рассказъ, который
 онъ въ общія и тѣсныя выраженія; но самое на-
 ніе *области, лежащей подлѣ*, ясно показываетъ,
 нъ идетъ здѣсь о двухъ различныхъ предметахъ, — о
 в и объ этой области. Эймунду предоставлено было
 онунгомъ, или Княземъ, только *тамъ*, въ *области*,
ей подлѣ, а не въ Полоцкѣ. Можно полагать, что Бря-
 , получая Кіевъ въ условное содержаніе, управленіе
 омъ предоставилъ Эймунду съ тѣми же ограниченія-

ми, то есть, что онъ будетъ править имъ отъ имени Брячислава, а, въ воздаяніе оказанной имъ услуги и въ возвратъ принимаемыхъ имъ обязанностей, о которыхъ сказано ниже, далъ ему какой-то городъ (подлѣ лежащую область), со званіемъ Князя и съ особенными, но тоже условными, преимуществами. Предположеніе это получаетъ еще большую вѣроятность отъ обстоятельства, что Ярмъ Рогвальдъ Ульфовичъ, двоюродный братъ Ингигерды, получилъ при этомъ случаѣ такую же область, именно, городъ Альдегіборгъ, которымъ скорѣе могла быть Нарва, нежели Ладога. Впрочемъ, если уже осмыслимся противорѣчить въ этомъ отношеніи мнѣнію ученаго Латинскаго переводчика Саги, то скажемъ утвердительно, что дѣло идетъ здѣсь только о области, лежащей подлѣ, *at riki, er rar ligg til*, а не о Полоцкѣ, ибо въ дальнѣйшихъ условіяхъ о образѣ Эймундова княженія повторяется только то же самое слово *riki*, область, а о Полоцкѣ не говорится болѣе ни слова: «Если Эймундъ оставитъ послѣ себя наследника, кто и онъ имѣетъ княжить въ той области, *at rvi riki*; «если нѣтъ, то она возвратится къ обоимъ братьямъ.» И такъ эта область, *riki*, сверхъ того еще составляла общую, или по крайней мѣрѣ спорную, собственность Брячислава и Ярослава, и очевидно была независима отъ Полоцка, на который послѣдній не имѣлъ ни какого права. Слѣдственно Эймундъ, и по немъ Рагнаръ, были не *Polteskiaie dynastiae*, какъ то сказано учеными издателями Саги, но *dynastiae* (владѣльцы) этой неизвѣстной области, *riki er rar ligg til*, лежащей подлѣ, которой имя исчезло подъ рукою сокращателя. Можетъ-статься, мы во зло уже употребляемъ даръ человѣческой проницательности, — намъ однако жъ хочется еще подвести это мѣсто подъ одно выраженіе второй главы Саги, чтобъ не только извлечь новое доказательство для нашего мнѣнія, но и разгадать настоящую мысль сокращателя. Во второй главѣ, сокращатель или сочинитель, представляя Эймунда увѣщавающимъ своихъ людей отправиться въ Россію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Норвежскій витязь объясняетъ имъ состояніе дѣлъ Гардарика по смерти Владиміра и раздѣлъ Имперіи, положилъ ему въ уста слѣдующія слова: *a третій (Брячиславъ) правитъ Полоцкомъ и всею тою областю, которая тамъ лежитъ подлѣ, ok rar riki allt, er rar ligg til.*

ательно, что совершенно одни и те же слова употреблены въ началѣ и въ концѣ сказанія, и нѣтъ сомнѣнія, къ тамъ, такъ и тутъ, говорится объ одной и той же области, которою, кажется, была Ливонія. Сочинитель или редакторъ Саги, упоминая въ первый разъ о Брячиславо Полоцкѣ, тотчасъ присовокупилъ, что сверхъ того, область еще *подлѣ лежащею областю*, — а для чего? — потому, что эта область была важна для повѣствователя, и она уже предназначалась Эймунду; что онъ долженъ былъ говорить объ ней въ концѣ своего сочиненія, и началъ говорить объ ней потомъ теми же, какъ и въ началѣ, словами. Онъ очевидно съ намѣреніемъ упомянулъ о ней во второй главѣ. И такъ Эймундъ получилъ не только эту область, а эту область. Показавъ такимъ образомъ существованіе связи между началомъ и концемъ сказанія, котораго переводчикъ не примѣтилъ, и ясный намѣкъ на то, что въ этихъ мѣстахъ на ту отдѣльную область, съ самаго начала повѣсти уже предназначенную играть особую роль, Эймундъ примѣлъ къ чистой Филологической Критикѣ, и поставилъ объяснить рѣшительно, что текстъ отнюдь не говоритъ о томъ, чтобы Полоцкъ былъ отданъ даже въ управленіе Эймунду; что, напротивъ, онъ утверждаетъ, что Полоцкъ остался въ рукахъ Брячислава, а Эймундъ получилъ только подлѣ лежащую область; что, наконецъ, переводчикъ невольно былъ приведенъ въ заблужденіе неправильно поставленными точкою съ запятою, и что эти должны стоять двумя словами ниже: известно, что въ самыхъ древнихъ рукописяхъ не употреблялись знаменія, и что они прибавлены къ текстамъ позднѣйшими переписчиками, нерѣдко весьма произвольно. Вотъ длинныя слова текста: *Она сказала Конунгу Яри-ку, что ему держать впередъ самую лучшую часть области, то есть, Гольмгардъ; а Вартилафу вла-дѣтелю Кенугардомъ, который есть другая самая лучшая часть, съ податлями и сборами, то есть, вдвое больше, нежели какъ онъ имѣлъ прежде*, (здѣсь должна быть запятая, а не точка съ запятою, какъ въ Исландскомъ текстѣ) — *нежели Полоцкъ*; (здѣсь точка съ запятою, а не запятая, поставленной въ текстѣ) — *а ту область, которая лежитъ подлѣ, имѣть Конунгу Эймунду: halfu*

meira ríki, enn hann hefir aðr haft, (запятая), enn Pallteskju; (точка съ запятою); ok þat ríki, er þar liggir til etc. Въ текстъ, напечатанномъ въ Копенгагенъ, точка съ запятою напротивъ поставлена послѣ haft, а послѣ Palltheskju стоять запятая, которая впрочемъ была бы вовсе не нужна, если бь слѣдующее предложіе соединилось логически или грамматически со словомъ Pallteskju, ибо здѣсь слѣдуетъ союзъ ok (и), и по смыслу, сообщенному переводчикомъ цѣлой фразы, выходить — *а Полоцкъ и область лежащая подль.* Вся запутанность произошла отъ того, что часница enn значить въ то же время и *нежели* и *но*, а, употребляясь произвольно вмѣсто en (но, а), потому, что правописаніе Исландскихъ текстовъ весьма неостоянно, и нерѣдко на одной и той же страницѣ встрѣчаются enn вмѣсто en и en вмѣсто enn, такъ, что почти нѣтъ на то правила. Какъ здѣсь попались два enn, одно очень близко другаго, и второе enn было неправильно отдѣлено отъ перваго точкою съ запятою (halfu meira ríki, enn hann hefir aðr haft; enn Pallteskju, ok þat ríki, er etc), то Латинскій переводчикъ первое enn понялъ въ смыслъ *нежели*, а второе въ смыслъ *а*, и вышло — *вдвое больше области, нежели онъ* (Брачиславъ) *имѣлъ прежде; а Полоцкъ, и ту область, которая,* и проч. Напротивъ, перенеся точку съ запятою послѣ слова Palltheskju, Полоцкъ, и соединивъ оба enn въ одну фразу (halfu meira ríki, enn hann hefir aðr haft, enn Pallteskju, ok þat ríki, er etc.), получается смыслъ весьма простой и ясный — *вдвое больше области, нежели какъ онъ имѣлъ прежде, нежели (какъ) Полоцкъ; а ту область, которая лежитъ подль имѣть Конунгу Эймунду.* Логика, Исторія и Филологическая Критика, вполне утверждаютъ эту легкую и естественную поправку въ знакахъ препинанія, а достовѣрность ея оправдывается и самымъ устройствомъ періода: въ началъ его, гдѣ говорится — *Ярославу имѣть лучшую часть Гардарика*, повѣствователь тотчасъ присовокупилъ пояснительное выраженіе — *то есть Гольмеардъ*; здѣсь также, сказавъ — *вдвое больше области, нежели какъ онъ имѣлъ прежде*, подобнымъ же образомъ спѣшить онъ пояснить — *нежели какъ Полоцкъ.*

⁴⁵ *Ярислейфу быть Конунгомъ всего Гардарика.* Эти слова воиольнъ оправдываютъ приведенное нами въ примѣч-

бъ предположеніе. «Ярислейфу быть Копунгомъ (Князю всего Гардарика)» — несомнѣнно значить, что Ярославъ былъ при своемъ званіи Великаго Князя Кіевскаго, и вѣроятно Кіевъ принадлежитъ ему, а Брячславъ получилъ только часть Кіевскаго Удѣла, условно, съ правомъ владѣться податями и сборами, и, само собою разумѣется, обязанностью быть всегда готовымъ доставлять ратниковъ народу, подѣ главную команду Эймунда.

Конунгъ Вартилавъ жилъ не болѣе трехъ зимъ. Пронѣсколькихъ строкъ или смѣшеніе обстоятельствъ исказли подлинникъ въ этомъ мѣствѣ. Въ текстѣ — «Вартилавъ жилъ не болѣе 3 зимъ: тогда онъ захворалъ и умеръ»: вѣроятно, въ древнемъ текстѣ было здѣсь упомянуто еще о какомъ-нибудь происшествіи, случившемся до этого, послѣ котораго, спустя 3 года, умеръ Брячславъ, ибо послѣ заключенія мира онъ жилъ еще 25 года, по Нестору, въ 10¹/₄. Съ другой стороны, быть можетъ, что въ спискѣ Саги по ошибкѣ поставлено 3, вмѣсто 25. Но правдоподобіе всего, что, при сокращеніи, упомянутыя обстоятельства небрежно слиты въ одно, то есть, въ древнемъ подлинникѣ могло быть сказано, что Брячславъ жилъ въ Кіевѣ или владѣлъ уступленною ему частью Кіевскаго Удѣла не болѣе трехъ зимъ; потомъ случилось что-то, и проч. и проч.; тогда онъ захворалъ и умеръ. Поэтому, въ Сагахъ никогда не должно искать вѣрности эпохъ. Это относится къ лицамъ, что составляетъ біографію или картину его подвиговъ, бываетъ сохранено въ текстѣ цѣлостно; общія событія, напротивъ, всегда показаны сбивчиво, или искажены невѣжественными сокращеніями, ненаходившимися въ нихъ ничего для себя занимательнаго, и часто даже позволявшими себѣ передѣлывать текстъ по своему. Лучшимъ доказательствомъ новаго пропуска и искаженія смысла служить періодъ, непосредственно слѣдующій за этимъ показаніемъ. Въ немъ сказано: «Эймундъ владѣлъ своею областью и умеръ не старъ.» Вѣрно, Брячславъ былъ изгнанъ изъ уступленной области Кіевскаго Удѣла, и умеръ довольно старъ.

СЕНКОВСКІЙ.

РАТНОЕ ДѢЛО

ВЪ РОССІИ

ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТРЫВОКЪ.

=

Съ конца XV столѣтія, въ Россіи настала новыи порядокъ вещей: власть Монголовъ рушилась; Удѣлы были искоренены; самодержавіе утвердилось на непоколебимой основѣ; мы познакомились съ Европою. Все это, давъ иное направленіе гражданской жизни, измѣнило въ извѣстной степени и наше ратное дѣло, сравненіе котораго съ нынѣшнимъ состояніемъ у насъ военной части и блистательными успѣхами, сдѣланными на семь поприщѣ, представляетъ много любопытнаго какъ для историка, такъ и для всякаго гражданина, для всякаго Русскаго воина.

Честь оборонять отечество принадлежала еще, какъ прежде, преимущественно и почти исключительно высшему, благороднѣйшему классу подданныхъ, который во время Удѣльной системы составлялъ дружины мелкихъ Князей, и дружину Московскую, переименованную потомъ въ *Московский Дворъ* *. Званіе Боярина и Дворянина обязывало, по-прежнему, къ службѣ гражданской и военной. Какъ при Удѣльныхъ Князьяхъ, Бояре и Отроки производили судъ и расправу, собирали подати и во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ были помощниками Князя, такъ и теперь тѣ же самые сановники, которые въ случаѣ войны вооружались на защиту отечества, въ

* Дружина начала именоваться *Дворомъ* со времени Андрея Боголюбскаго.

е время, сообразно степени достоинства, уча-
ли въ Царской Думѣ, или въ Государствен-
Совѣтъ, правили должность Воеводъ и город-
наместниковъ, наблюдали за внутреннимъ
швиемъ, служили тѣлохранителями и царе-
ми. Много сходствуя въ главной идеѣ съ древ-
дружинами Князей, *Дворъ Московскій* уже от-
я отъ нихъ своимъ устройствомъ, средствами
канія, разнообразіемъ обязанностей, обширнѣй-
кругомъ дѣйствія, наконецъ многолюдствомъ
тскою пышностью.

ло новому порядку вещей положилъ Иоаннъ
стинный главный виновникъ величія и могу-
Россіи: для охраненія народной независимо-
я возвращенія утраченныхъ во время рабства
, для искорененія Удѣльной системы, всту-
въ трудную борьбу съ врагами внѣшними и
нными, онъ старался приготовить вѣрныя
ва къ исполненію своихъ отважныхъ замы-
Думать о правильномъ устройствѣ войска по-
аго было еще рано: понятіе о семъ предметъ
ой Европѣ не созрѣло, и Иоаннъ, воспитанный
ичаяхъ прародительскихъ, помышлялъ един-
о о лучшемъ устройствѣ своей Державы, не
съ объ ея преобразованіи. Но великій умъ его
въ важную для XV вѣка истину, что война не
быть дѣломъ всего народа, а должна обя-
только извѣстный классъ подданныхъ. И такъ,
ивъ свой *Дворъ* присоединеніемъ къ нему
ныхъ дружинъ, и назначивъ его главною опо-
сударства, онъ въ то же время увеличилъ чн-
евъ, раздавъ помѣстья многочисленному клас-
пей боярскихъ. Сверхъ того, для единства дѣй-
принялъ постояннымъ правиломъ раздѣлять
на полки, ввелъ разряды, опредѣлилъ вза-
отношенія Воеводъ; а для вѣрнѣйшаго успѣ-

ха войны, усилилъ снарядъ, или артиллерію только съ его времени стала непременною нашего ратнаго дѣла *. Након же положилъ начало постоянному войску, и въ исключительную службу воинскую многотовцевъ и Нѣмцевъ.

Преемники сего мудраго Государя, слѣдуя его, увеличили средства къ оборонѣ Государства. Двѣ главныя идеи, родившіяся въ умѣ Іоанна, руководствовали ихъ дѣйствіями: они старались, въ первыхъ, правильнымъ распределеніемъ помножить число людей служивыхъ; во-вторыхъ, дѣленіемъ Европейскаго устройства образовали регулярное войско. Такъ дѣйствовали Іоаннъ IV, Годуновъ, Михаилъ Теодоровичъ и Алексѣй Лавровичъ. Военное Искусство наше, въ теченіи вѣковъ развиваясь по плану Іоанна III, къ XVII столѣтію получило полное, свое особенное устройство, и предъ началомъ великаго преобразованія, совершеннаго Петромъ I, находилось въ дующемъ состояніи.

Главнымъ основаніемъ нашихъ ратей XVI столѣтія, опорою Государства, былъ многочисленный классъ людей свободныхъ, владѣвшихъ землями и крестьянами, съ правомъ помѣщиковъ и обязанностію оборонять отечество. То были *Дворяне боярскіе*. Встарину, Удѣльные Князья рода имѣли свои воинскія дружины изъ Бояръ и Отроковъ. Княжескіе Отроки, въ послѣдствіи

* Мы начали употреблять огнестрѣльное оружіе со времени Дмитрія Донскаго: въ одной Лѣтописи сказано, что сей Князь въ первый годъ своего правленія, въ 1389 году, выписалъ изъ Нѣмецкой земли, начало было слѣдственно, доколь Іоаннъ не вызвалъ изъ Италіи искусныхъ пушечниковъ.

менованіемъ дружинъ въ Дворы, получили на Дворянъ, а Отроки городовые, Дѣтей бояр-
 Съ постепеннымъ паденіемъ Удѣльной систе-
 судари Московскіе, сосредоточивая въ своемъ
 всю власть войны и мира, суда и расправы,
 али Дворянъ Удѣльныхъ и Дѣтей боярскихъ
 цій классъ помѣщиковъ и людей служивыхъ,
 яя за нимъ принадлежавшія имъ земли, но
 ычивая ихъ съ своими Дворянами, то есть, съ
 вскими. Такимъ образомъ, въ XVI и XVII сто-
 ь мы видимъ три класса помѣщиковъ, — Дво-
 Московскихъ, Дворянъ городскихъ и Дѣтей
 кихъ. Права и обязанности ихъ, въ главномъ,
 одинаковы: раздѣляясь обыкновенно на три
 , на лучшую, среднюю и худшую, Дворяне
 вскіе, городовые и Дѣти боярскіе владѣли въ
 ь уѣздахъ землею определенной мѣры, обык-
 но отъ 150 до 300 и 500 четвертей, или отъ
 250 десятинъ, одни какъ родовою вотчиною,
 какъ пожизненнымъ помѣстьемъ, съ извѣ-
 ь числомъ дворовъ крестьянскихъ. Они поль-
 ь съ своего участка всеми доходами, и пла-
 въ казну опредѣленные закономъ подати. За-
 , послѣ Боярь и Окольничихъ, вторую степень
 сударствъ, одни изъ Дворянъ и Дѣтей бояр-
 , въ мирное время, служили при Царскомъ
 въ званіи Стольниковъ и Стряпчихъ; другіе
 яляли почетную стражу Государя; иныхъ по-
 и Воеводами и Намѣстниками. Большая часть
 тояла въ пограничныхъ городахъ, для защиты
 ечаяннаго нападенія. Всѣ прочіе жили въ сво-
 отчинахъ и помѣстьяхъ, ожидая указа, чтобы
 ся на Царскую службу; военную или граждан-
 Ни сами они, ни дѣти ихъ, не могли пере-
 ь въ другія званія, — купцовъ, посадскихъ,
 ьянъ или холопей боярскихъ, ибо на нихъ ле-

жала обязанность оборонять Государство. Сыно достигнувъ семнадцати лѣтъ, записывались н бу въ томъ же классѣ, къ которому принадле цы, и, если родовыя отчины были малозе получали новыя помѣстья, смотря по роду н ностямъ. Для сего, города имѣли своихъ С ковъ, которые, въ извѣстные сроки, иногда самой войны, разбирали новиковъ и нед и верстами ихъ помѣстьями, иногда и ден окладами. Каждый верстанный помѣщикъ былъ, по первому Царскому, указу явиться н бу, гражданскую или военную, въ опред срокъ, и привести съ собою нѣсколько своо дей, число которыхъ опредѣлялось величн мѣстья *, въ полномъ вооруженіи и съ потр на время похода количествомъ съѣстныхъ пр Въ этомъ существенно заключались права и ности Дворянъ и Дѣтей боярскихъ. Впрочем между ними и различіе. Дворяне Московскіе выше Дворянъ городивыхъ и Дѣтей боярскіе лучали большіе оклады; чаще исправляли до Царскихъ тѣлохранителей, скорѣе достигали Думныхъ Дворянъ, Стольниковъ, Стряпчихъ янно жили въ Москвѣ, и имѣли право пріѣз Двору, съ Боярами и Окольничими, въ пар и бархатныхъ ферязяхъ. Особенныя заслуги равное право Дворянамъ городовымъ и Дѣт ярскимъ: *лучшіе* изъ нихъ, подъ названіемъ *ранъ выборныхъ и Жильцевъ*, жили также в въ для Царской службы, смѣняясь чрезъ другими, и участвовали во многихъ выгода рянь Московскихъ. Какъ многочисленъ бн классъ воинскихъ людей, опредѣлить не во

* Со 100 четвертей доброй земли помѣщика обыкновенно вляло по 1 всаднику и 1 пѣхотинцу, вооружая ихъ лукомъ ш мъ и рогатиною.

но только, что въ Москвѣ находились постоянно, кромѣ царедворцевъ и тѣлохранителей Царскихъ, 10,000 Дворянъ, и что въ однихъ городахъ за-Ок- въ мирное время при Царѣ Алексѣ Михай- вѣ находилось болѣе 15,000 Дѣтей боярскихъ.

Ордыне и Дѣти боярскіе, вооружаясь только на войны и всѣ безъ исключенія выступая въ походъ на коняхъ, при нечаянныхъ вторженіяхъ являлись на защиту отечества, и не могли дѣй- ствовать съ успѣхомъ противъ пѣхоты Польской и Крымской. Государи Московскіе старались замѣнить недостатокъ введеніемъ постояннаго пѣшаго войска: оно возымѣло первое начало въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Іоанна Грознаго, и по- лучило имя *Стрѣльцовъ*. Такъ назывались ратники пѣхотные, набираемые изъ волостныхъ сельскихъ людей, вооруженные пищалями. Они составляли войска въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ. В мирное время охраняли они сіи города отъ вне- шняго нападенія; въ военное, присоединялись къ пѣхотѣ, служили опорой коннымъ ратникамъ, и бы- вали употребляемы преимущественно для осады. Въ XVII вѣкѣ, число Стрѣльцовъ Московскихъ возросло до 10,000. Въ пограничныхъ горо- дахъ было ихъ гораздо болѣе. Они раздѣлялись на роты, или роты, въ 500 человекъ каждый. При- чинъ состоялъ изъ 5 сотенъ; сотня изъ 10 десятенъ. Во главе каждой сотенъ начальствовалъ Голова, сотнею Сотникъ, ротой Десятникъ. Голова получалъ жалованья до 60 рублей (на нынѣшнія деньги отъ 350 руб. асс.); сверхъ того, земли отъ 300 до 500 че- рековъ. Сотникъ получалъ отъ 10 до 20 рублей. Де- сятень отъ 4 до 5 рублей (болѣе 50 копѣекъ), да ржи и овса по 12 четвертей. Въ походѣ, давали имъ лошадей на подъемъ изъ

Царскихъ табуновъ и телъги для перевоза състныхъ припасовъ; назначаемы были даже люди, готовившіе имъ пищу. Кромъ полевой воинской службы, они обязаны были стоять на стражъ при дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ; наблюдали за порядкомъ въ городѣ; употреблялись въ разныя посылки; а въ торжественные дни, когда Царь принималъ пословъ, относили на Посольскій Дворъ почетный обѣдъ, въ числѣ 300 и 400 человекъ. Во всѣхъ сихъ обязанностяхъ и самомъ составѣ новаго войска нельзя не примѣтить удивительнаго сходства Стрѣльцовъ съ Янычарами. Въ XVI вѣкѣ, не взирая на свою малочисленность, Стрѣльцы много содѣйствовали успехамъ нашего оружія. Посему, Царь Алексѣй Михайловичъ увеличилъ число ихъ до 40,000, и Уложеніемъ утвердилъ приобретенныя ими со временъ Іоанна IV важныя преимущества — свободу отъ платежа судныхъ и печатныхъ пошлинъ, право торговли и винокурения, зависимость отъ особеннаго вѣдомства, Стрѣлецкаго Приказа. Столь важныя права побуждали многихъ торговцевъ записываться въ Стрѣльцы; и дали поводъ къ большимъ безпорядкамъ.

При всей народной гордости, при всей привязанности своей къ обычаямъ предковъ, умные Государя Московскіе чѣмъ болѣе знакомились съ Европою, тѣмъ болѣе убѣждались въ превосходствѣ Европейскаго оружія надъ Русскимъ. При томъ, въ постоянномъ стремленіи къ самодержавію, встрѣчая нерѣдко препоны въ гордости Бояръ, первые преемники Іоанна III старались уже окружить себя непрекословными исполнителями своей воли: уже Іоаннъ III имѣлъ въ своемъ войскѣ многихъ наемниковъ иноземныхъ. Іоаннъ IV увеличилъ ихъ число, и сверхъ того учредилъ особенный отрядъ тылохранителей, подъ названіемъ *Опричниковъ*, сперва изъ 1000, потомъ изъ 6000 че-

ловѣжъ. Въ Опричники были принимаемы большею частію безпомѣстные Дѣти боярскіе, обязавшіеся клятвою служить Царю вѣрою и правдою, оберегать его денно и ночно, доносить на измѣнниковъ, не дружитья съ Боярами, не знать ни отца, ни матери. Это было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, военное братство. Вооруженные мечами и бердышами, они носили одежду, большею частію, парчевую, подъ черною рясою, и символомъ ихъ обязанности были собачьи головы и метлы. Сей отрядъ существовалъ не болѣе шести лѣтъ; но мысль о необходимости особенныхъ вѣрныхъ тѣлохранителей Царскихъ осталась. Служба ихъ поручена была въ послѣдствіи иноземнымъ наемникамъ, изъ которыхъ Борисъ Годуновъ образовалъ сильную дружину, по примѣру прочихъ Европейскихъ Государей того времени. Она состояла изъ 2,500 Нѣмцевъ, Шотландцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (отъ 150 до 700 нынѣшнихъ). *Капитаны* ея получали до 120 рублей (до 1,500 р.), и земли въ помѣстьѣ отъ 600 до 1000 четвертей. Въ смутное время Самозванцевъ дружина сія разсѣялась. Михаилъ Феодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ столь же благосклонно принимали въ свою службу иноземцевъ, только съ иною цѣлію. Поручивъ свою особу Русской вѣрности, они вызывали ихъ частію для усиленія своихъ ратей регулярнымъ войскомъ, которое нанимали только на время войны, частію для введенія въ свои полки Европейскаго устройства. Для первой цѣли приглашалъ ихъ Михаилъ, для второй мудрый сынъ его. Такъ, въ трудномъ бореніи съ Польшею, Михаилъ Феодоровичъ набиралъ неоднократно въ Голландіи, Галліи, Швеціи и Англіи цѣлыя полки изъ *охотнѣйшихъ Нѣмцевъ*, кромѣ «Французанъ и Панистовъ», съ полнымъ вооруженіемъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Русской службѣ мы уже находимъ двухъ

Генераловъ, болѣе 100 *Полковниковъ*, многихъ *Подполковниковъ*, *Капитановъ*, *Поручиковъ*, — все изъ иностранцевъ, изъ Нѣмцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, Шотландцевъ. Поручая главное начальство надъ войскомъ Русскимъ Боярамъ, Царь принялъ постояннымъ правиломъ назначать *Полковниковъ* и *Капитановъ* изъ иностранцевъ. Многие изъ нихъ постоянно поселились въ Россіи, получивъ обширныя помѣстья. Подъ руководствомъ сихъ опытныхъ наемниковъ, уже со временъ Михаила Феодоровича составилось у насъ нѣсколько полковъ конныхъ, по образцу Европейскому, подъ названіемъ *Драгунъ* и *Рейтаровъ*, изъ безпомѣстныхъ Дѣтей боярскихъ и сельскихъ обывателей.

Дворяне, Дѣти боярскіе, Стрѣльцы и частію иноземцы были главными силами нашими въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Число ихъ простиралось обыкновенно до 200,000. Въ случаѣ затруднительной войны, къ нимъ присоединялись люди *даточные*, то есть, поселане изъ отчинъ боярскихъ, церковныхъ и купеческихъ, по 1 человѣку съ 20 и 30 дворовъ, вооруженные луками, топорами и рогатинами, и Ногаи, Черкесы, Мордва, Черемиса. При такомъ устройствѣ, Россія могла выставить въ поле около 300,000 ратниковъ.

Со времени Іоанна III до Петра Великаго, не измѣняя состава своей рати, Россія столь же постоянно держалась и прежнихъ правилъ войны. Со всѣхъ сторонъ окруженная врагами, изъ которыхъ одни простирали жадный взоръ на ея земли, другіе силлись свергнуть иго Москвы, третьи искали случая ограбить ее, среди самаго мира наблюдала она благоразумную осторожность и изыскивала средства къ оборонѣ. Въ XVI вѣкѣ, до начала народной борьбы съ Польшею, Правительство наиболѣе заботилось о безопасности юговосточной границы, отъ Казанцевъ и

Крымцевъ; въ XVII, съ паденіемъ Царства Казанскаго, съ присоединеніемъ Сибири и Малороссіи, все наше вниманіе было устремлено на сѣверозападные предѣлы, къ сторонѣ Польши и Швеціи. Мы постоянно слѣдовали правилу, ограждать свои земли рядомъ крѣпостей, которыя, останавливая непріятеля, могли дать нашему войску время собраться. Съ сею цѣлю всѣ пограничные города были укрѣплены, а нѣкоторые весьма искусными инженерами. Въ особенности славились твердыни Смоленска, съ подземными выходами, гдѣ осажденные могли противодѣйствовать землянымъ работамъ осаждающихъ. Въ каждомъ городѣ находился постоянный гарнизонъ изъ Дѣтей Боярскихъ, сибняемыхъ, по прошествіи извѣстнаго срока, другими, изъ Стрѣльцовъ и Казаковъ. Сверхъ того, по южной границѣ, отъ Брянска до Мурома, при Борисѣ Годуновѣ и Михаилѣ Феодоровичѣ устроена была засѣка, родъ Китайской стѣны, въ мѣстахъ лѣсистыхъ изъ заваловъ срубленными деревьями, въ мѣстахъ безлѣсныхъ изъ земляныхъ валовъ съ деревянными острожками, по рѣкамъ на переправахъ изъ свай и кольевъ. На югъ отъ засѣки простирались обширныя, безлюдныя степи, почти непроходимыя для нашего войска отъ густой высокой травы, но весьма удобныя для вторженія самыхъ хищныхъ нашихъ враговъ, Крымскихъ Татаръ. Извѣстными только имъ путями, или *шлягами*, Муравскимъ, Калміюскимъ, Изюмскимъ и другими, они вторгались въ наши предѣлы, всегда неожиданно: предавали все огню и мечу, и уводили въ плѣнъ множество народа. Для наблюденія за сими хищниками, Правительство высылало каждое лѣто въ Украинскія стени *станицы*, — изъ одного Бѣлгорода выходило 20 станицъ, — то есть, небольшіе отряды *пѣдочковъ* и *вожей*, подъ начальствомъ одно-

го Сына Боярскаго. Станичники, доѣзжая до урочныхъ мѣстъ, — до верховьевъ Самары, до Айдара и проч., — обизаны были немедленно извѣщать городовыхъ Воеводъ, если встрѣтятъ Татаръ, увидятъ сакму, свѣжій слѣдъ ихъ похода, или узнаютъ отъ языковъ о намѣреніяхъ Хана. Напавъ на сакму, они старались узнать по ней о числѣ непріятеля, съ опасеніемъ вперяли взоръ въ степи, и нерѣдко табуны дикихъ лошадей принявъ за отрядъ войска, скакали стремглавъ къ Воёводамъ, съ пустыми вѣстями, которыя часто заставляли Правительство собирать войско. Та же осторожность была наблюдаема и по западной границѣ, въ особенности въ отношеніи къ Польшѣ: при малѣйшемъ несогласіи, наши вѣстовщики ловили языковъ, и старались вывѣдать отъ нихъ, идутъ ли Ляхи на Москву, нѣтъ ли въ Польшѣ «розни», далъ ли Король Панамъ «гроши», на сколько времени, и прочее. Наконецъ по доставленіи свѣдѣній «польныхъ», достовѣрныхъ, Россія бралась за оружіе, дѣйствуя одинаковымъ образомъ въ войнахъ оборонительныхъ и наступательныхъ, касательно сбора и вооруженія людей служивыхъ, раздѣленія ихъ на отряды, назначенія Воеводъ, и прочее.

Прежде всего объявляли Царскій Указъ на Постельномъ крыльцѣ Стольниковъ, Стряпчимъ, Дворянамъ Московскимъ, Жильцамъ и другимъ служивымъ людямъ, о намѣреніи Государя итти войною на «супостатовъ,» или о необходимости оборонять отечество. Для сего, повелѣвалось имъ «быть готовыми на Государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить». Указы подобнаго содержанія разсылались съ гонцами въ города, ближайшіе къ театру войны, для объявленія Дворянамъ и Дѣтямъ

имъ. Черезъ нѣсколько времени, иногда чрезъ и болѣе, разсылали другіе указы изъ Разряднаго приказа въ родъ Военнаго Министерства, котораго опредѣлялось, въ какіе города людямъ слугамъ отправлять свои запасы, къ какому сроку имъ мѣсть самимъ являться. Въ войнахъ съ Литвою и Поляками назначались обыкновенно мѣстамъ города Серпуховъ, Коломна, Дмитровъ или Смоленскъ, а срокомъ Ильинъ день, или Ильинъ день, Свѣтлое Воскресенье, и т. п. Слугамъ и гонцы скакали съ новыми указами объ отсрочкѣ служивымъ людямъ во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ татевныхъ, разбойныхъ и ворованныхъ. Между тѣмъ *высылщики* отправляли помѣстья Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, съ указомъ, кто именно долженъ выступить въ походъ, руководствуясь списками, присланными изъ Разряда или данными отъ городскихъ Воеводъ. Но по случаю подачи списковъ въ Разрядъ многіе Дворяне и жребій службы нерѣдко падалъ на малолѣтнихъ, то Бояре и Думные Дворяне, съ званіемъ *окладчиковъ*, верстали въ то же время на мѣсто умершихъ, недорослей и новиковъ. Каждый дворянинъ долженъ былъ явиться въ свою команду, или отрядъ, состоящій не изъ 10, а изъ 100 и 500 человекъ, съ извѣстнымъ числомъ лошадей и оружія, а также съ известными *«холопей»* на коняхъ, смотря по числу помѣстья.

Въ дѣствіе сихъ указовъ поднималось наконецъ по всѣмъ дорогамъ возы съ съѣстными припасами и провіантъ, сухари, толокно, сушеное и соевое мясо, хлѣбъ и проч., ибо каждый помѣщикъ долженъ былъ заботиться о своемъ продовольствіи. Въ время похода, получая денежное жалованье, а въ самыхъ продолжительныхъ войнахъ. Дво-

ряне и Дѣти Боярскіе спѣшили въ сборное мѣсто къ извѣстному сроку. Тутъ дѣлали имъ смотръ. Назначенный для сего Бояринъ выкликалъ поименно каждаго ратника изъ многочисленной нестройной толпы, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы всѣ были на лицѣ по спискамъ. Но какъ многіе избѣгали службы, сказываясь больными и скрываясь въ лесахъ, то за неявившимися, *нѣтями*, отправляли *высылщиковъ*. Ленивыхъ привозили подъ стражею, наказывали батогами, сажали въ тюрьму, и выпускали изъ ней не иначе, какъ на поруки. Многіе лишались отчинъ и помѣстьевъ.

По собраніи всѣхъ служивыхъ людей изъ областей и по присоединеніи къ нимъ Стрѣльцовъ, Иноземцевъ, Казаковъ, Мурзъ Татарскихъ, людей дачныхъ, войско раздѣлялось, по Монгольскому обычаю, на пять полковъ: Большой полкъ, Правую руку, Левую руку, Сторожевой и Передовой. Каждый полкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отрядовъ, числомъ до 10, 20 и 40 тысячъ, раздѣленныхъ на сотни, и означенныхъ именемъ городовъ, къ которымъ были приписаны служивые люди. Если была рать судовая или плавная, ее также раздѣляли на пять полковъ. Вообще правило сіе наблюдали и въ такомъ случаѣ, когда вели войну въ одно время съ двумя или тремя народами; рать Литовская, Крымская, Казанская, раздѣлялись каждая на пять полковъ. Большой полкъ былъ главнымъ отрядомъ; Правая рука и Левая рука были не флангами, а отдѣльными арміями, и часто находились отъ Большаго полка въ разстояніи ста, двухъ и трехъ сотъ верстъ. Полкъ Сторожевой былъ резервомъ Большаго Полка, а Передовой авангардомъ, дѣйствуя однако отдѣльно, въ видѣ особенныхъ корпусовъ. *Снарядъ*, артиллерія, находился при Большемъ полку, подъ начальствомъ

Воеводы, и состоялъ изъ пушечниковъ, затинь, и проч.

дымъ полкомъ начальствовали непременно иногда три предводителя, обыкновенно изъ и Окольниковъ, рѣдко изъ Стольниковъ, съ зъ Воеводъ, имѣя въ своей зависимости Сотниковъ и другихъ. «Первый Воевода» былъ имъ; «Второй,» его товарищемъ. Ихъ назначалъ Государь, наблюдая не только личнаго достоинства, но и знатность рода. Онъ спрашивалъ съ родословными ихъ книгами, чтобы не ошибиться младшаго по роду Первымъ Воеводою или старшаго Вторымъ или въ Передовой и Передовой полки*. Въ противномъ случаѣ, въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, они ссорились и не хотѣли помогать другъ другу. Это съ похода присылали они просьбы къ Царю жаловались на безчестье, и просили перевода одного полка въ другой, или отказывались отъ службы. Для предупрежденія сихъ жалобъ, Государь иногда повелевалъ Боярамъ *быть безъ мѣсты* при походахъ, то есть, не считаться мѣстными; но часто надобно было наряжать комиссію для сбора претензій ихъ по Разряднымъ спискамъ. Если жалоба оказывалась справедливою, проситель получалъ удовлетвореніе; въ противномъ случаѣ, вѣдали, что онъ «просить не по мѣрѣ,» или «дуруетъ,» и приказывали быть, гдѣ назначено. За упорство наказывали батожемъ, кнутомъ, а буяновъ сажали въ тюрьму и желѣза.

Обычно принято было правиломъ, что первую степеню

высшимъ въ родѣ считался тотъ, коего отецъ, дѣдъ или прадедъ занималъ высшее мѣсто въ сравненіи съ предками его това-

пень занималъ Первый Воевода Большаго полка; вторую степень товарищъ его и первые Воеводы въ Правой и Лъвой рукъ; третью степень третій товарищъ Воеводы Большаго полка, вторые Воеводы Правой и Лъвой руки, и Воеводы полковъ Сторожеваго и Передоваго.

По собраніи и раздѣленіи всего войска, наконецъ выступали въ походъ. Впереди шель *Ертоуль*, то есть, отрядъ легкой кавалеріи для развѣдыванія пути; за нимъ тянулось войско съ *снарядомъ* или артиллеріею*. Воеводы были въ срединѣ полковъ, имѣя при себѣ *набаты*, или литавры, которыми управляли они движеніемъ войска. На пути наблюдали величайшую осторожность; разѣзды во всѣхъ направленіяхъ на нѣсколько десятковъ верстъ обозрѣвали страну, ловили языковъ и распрашивали о непріятель. Вообще, какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ войнахъ, Русскія войска старались какъ можно ближе держаться крѣпостей, и лучше любили ожидать враговъ на стѣнахъ, нежели въ чистомъ полѣ. Можно сказать, что это было отличительною чертою тогдашней системы нашей войны. Даже встрѣясь съ непріятелемъ въ открытомъ мѣстѣ, наши войска ограждали себя особеннаго рода укрѣпленіемъ, *гулемъ*: такъ называли нѣсколько сотъ телѣгъ или саней, особеннаго устройства, съ досчатыми щитами: ихъ ставили предъ сраженіемъ вокругъ пѣхоты; за каждымъ щитомъ располагались по десяти стрѣльцовъ, которые стрѣ-

* Она была довольно многочисленна, и состояла изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, изъ картаунъ, полевыхъ пушекъ и фалконетовъ. Современъ Іоанна III, Русскіе умѣли лить орудія сами; сверхъ того получали много пушекъ изъ Ливоніи и Польши. *Снарядъ* въ мирное время хранился въ Москвѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ.

изъ за нихъ, какъ изъ за каменной стѣны. Подъ тою гуляя Русская пѣхота была непобѣдима. Битва начинала сраженіе: бросалась по Татарско-обычаю съ ужаснымъ крикомъ, и старалась дружнымъ ударомъ поколебать непріятели. Если враги отступали отъ перваго натиска, мы выигрывали битву; но если они стояли твердо, наши всадники не могли справиться. Имѣя малыхъ, весьма быстрыхъ коней, больше Нагайской породы, Русскіе сидѣли на нихъ вѣдьми, поджавъ ноги, такъ, что легко обратились во все стороны и могли стрѣлять и рубить въ всѣхъ направленіяхъ; но отъ того именно сидѣли не твердо и такъ легко были сбиваемы въ битву, что никогда не выдерживали упорной битвы. Въ случаѣ разстройства конницы, вся надежда возлагалась на пѣхоту, которая въ своемъ гуляе удерживала непріятели, и давала время искусному Воеводѣ собрать всадниковъ и снова вести ихъ въ атаку. Къ сему наиболѣе личное мужество Воеводѣ содѣйствовало успѣхамъ: о томъ свидѣлствуютъ всѣ историческія описанія нашихъ XVI и XVII вѣковъ. Въ битвахъ полевыхъ сраженія и разсылавъ врага, Русскіе не столько заботились о его преслѣдованіи, сколько о разореніи непріятельской земли. Во всей нашей войнѣ была бичемъ мирныхъ гражданъ; Русскіе не уступали другимъ въ жестокихъ опустошеніяхъ наносимыхъ вѣрежеской стражнѣ. При осадѣ крѣпостей, наши войска рѣдко отваживались на приступъ: они бѣжали ихъ со всѣхъ сторонъ, пресѣкая подвозъ продовольствія, и старались одолѣть осажденныхъ голодомъ. Между тѣмъ, они беспокоили ихъ артиллеріею: для этого подкатывали къ нимъ самыя стѣны туры, изъ которыхъ стрѣляли въ умулку. Траншеи вели рѣдко, хотя и знали ихъ устройство. Иногда, впрочемъ, прибѣгали къ подкопамъ

и къ взрыву ствнѣ, поручая это дѣло *Размысламъ*, по большой части наемнымъ инженерамъ Нѣмецкимъ.

За удачное окончаніе похода или за блистательную побѣду, Царь награждалъ Воеводъ и войско такимъ образомъ: во-первыхъ, онъ спрашивалъ о здоровьѣ Большаго Воеводы, Меньшихъ и всего войска; во-вторыхъ, присылалъ въ раздачу нѣсколько *золотыхъ*, то есть, монетъ, большею частію иностранныхъ, которыя носили на шеѣ, какъ нынѣ купцы носятъ медали; далѣе, жаловалъ, по Восточному обыкновенію, дорогими шубами, кафтанами, золотыми и серебряными чашами, ковшами, кубками, наконецъ прибавкою окладовъ и помѣстьевъ. За ошибки и нерадѣніе наказывалъ *опалою*, то есть, удалялъ отъ Двора, лишалъ помѣстьевъ; за измѣну, смертною казнію. Войско, по заключеніи мирнаго трактата, распускалось по домамъ.

Н. УСТЯЛОВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЯ

ТЕЙЕРМЕНА И БЕННЕТА.

=

JOURNAL OF VOYAGES AND TRAVELS, etc. — Дневникъ публичнаго Пастора Д. Тейермена и Дж. Беннета (Tuegman and Bennett), посѣщавшихъ, по порученію Лондонскаго Общества Миссіонерскаго, заведенія его на островахъ Южнаго Моря, въ Китаѣ, Индіи и Австраліи въ 1821 по 1829 годъ. Составленъ съ подлинныхъ документовъ въ 2 томахъ Монгомери. 2 тома, Лондонъ, 1833.

Эта занимательная книга! Просто, какъ дневникъ путешествій, заслуживаетъ она вниманіе тѣхъ, кто интересуется исторіею и географіею; воображеніе услаждается картинами чужихъ странъ; но она рѣшительно имѣетъ право и на уваженіе; по ней видна важность. Здѣсь найдете вы любопытныя явленія Исторіи и быта дикихъ народовъ, общую картину состоянія міра языческаго, исходящую надъ нимъ зарею гражданственно-общественнаго развитія и Религіи.

По сущности это отчетъ депутаціи, отправленной Лондонскимъ Обществомъ Миссіонеровъ, для сбора вѣдомостей о состояніи миссій Общества въ цѣломъ Свѣтѣ. Членами депутаціи были пасторъ Даніиль Тейермень, жившій прежде на островѣ Вайтъ, и Г. Джоржъ Беннетъ, изъ Шеффилда. Учрежденіе этого Общества чисто вселеннаго характера, не придавая себѣ отличительнаго наименованія, оно исповѣдуетъ соединеніе всѣхъ Христіанъ великимъ дѣломъ просвѣщенія Христіанствомъ міра языческаго. Путешественники наши были его агентами по собственному желанію и безмездно. Они выѣхали изъ Англіи въ Маѣ 1821 года, и оставались въ живыхъ, — ибо Г. Тейермень не дожилъ

до свиданія съ роднымъ краемъ, — возвратился въ Юль 1829 года. Бывъ восемь лѣтъ въ отсутствіи, они совершили плаваніе вокругъ Свѣта, и обозрѣли труды миссій на островахъ Южнаго Моря, Маврикія (Иль-де-Франсъ), Мадагаскаръ, въ Англійской Индіи и въ Южной Африкѣ. Наблюденія, сдѣланныя ими на островахъ Южнаго Моря, части Свѣта, особенно занимательной въ настоящее время, представляютъ взорамъ самыя замѣчательныя нравственныя успѣхи, какіе только видѣлъ міръ отъ начала распространенія Христіанской Вѣры. На островъ Таити, куда они прибыли и вышли на берегъ 25 Сентября 1821, приняли ихъ два Миссіонера, Гг. Ноттъ и Вильсонъ. Царь Помаръ былъ тогда въ отсутствіи, но они узнали множество занимательныхъ подробностей объ этомъ властелинѣ, который во многихъ отношеніяхъ столько же освободился отъ привычекъ дикой жизни, сколько въ другихъ еще имъ рабоблѣствовалъ. Выпишемъ нѣсколько статей, объясняющихъ характеръ его и успѣхи на пути образованности.

«Близъ большаго навѣса было жильѣ поменьше, котораго стѣны состояли изъ тонкихъ бамбуковыхъ тростей, воткнутыхъ перпендикулярно въ землю; съ каждаго конца въ немъ было по двери. Когда Король здѣсь, въ это малое убѣжище удаляется онъ съ Г. Ноттомъ для перевода частей Св. Писанія, и часто по нѣскольку дней занимались они съ утра до вечера толкованіемъ текста и переписываніемъ конченныя статей. Король большой охотникъ до письма: онъ первый изъ своихъ соотечественниковъ выучился этому искусству, и вѣроятно успѣлъ въ немъ болѣе ихъ всѣхъ; онъ пишетъ, лежа на полу, грудью на подушкѣ, и съ налоемъ передъ собою.

«Г. Ноттъ, между прочими достопримѣчательностями, показывалъ намъ переводъ Евангелія Св. Луки, переписанный рукою Короля Помара самымъ чистымъ, мелкимъ по-

ъ. Съ этого списка напечатано было первое изданіе вангелиста. Г. Ноттъ сказывалъ, что Помаръ много мѣ ему въ этомъ переводѣ, ибо Таитянскій языкъ, ми его оборотами, знакомѣ Королю, нежели большасти его подданныхъ. Вѣроятно нѣтъ другаго причтобъ Государь, — и притомъ не безсильный, ибо его простиралась на жизнь и смерть, а воля была закономъ для цѣлой области, — посвящалъ время и нія такому медленному и многотрудному занятію, ка-реперовдъ Св. Книгъ, и переписываніе ихъ для печаственною рукою, съ тѣмъ единственно, чтобъ самому ть ими народъ свой.»

довольствуясь тѣмъ, что сдѣлался величай-ученымъ и лучшимъ переписчикомъ изъ своихъ подданныхъ, Помаръ былъ и школь-ихъ учителемъ.

огда сидятъ вокругъ него двадцать или болѣе стар-и читаютъ вслухъ по очереди. Изъ нихъ многихъ нѣ выучилъ грамотъ, другихъ охотно упражняетъ въ Онъ выучился читать въ 1802 году, и сталъ пи-коло того же времени. Можно сказать, что онъ пре-ственно самъ собою достигъ этихъ совершенствъ, до-хъ прежде не доходилъ ни одинъ островитянинъ о Моря. Онъ просилъ Миссіонеровъ задавать ему енные уроки, слоги, слова, рѣченія, періоды, на лос-бумаги, которые бралъ онъ съ собою въ путеше-списывалъ въ свободное время съ неутомимою рев-и прилежаніемъ, и такимъ образомъ навикалъ чи-писать вмѣстѣ, весьма мало озабочивая своихъ на-ковъ.»

ъ жаль, если такой человекъ не въ силахъ ь противъ искушенія передъ стаканомъ джи-о такъ именно было. Помаръ просвѣтился о, что постигалъ вредныя слѣдствія привыч-ь крѣпкимъ напиткамъ. Онъ запретилъ упо-ить ихъ, рѣшился даже истребить всѣ пере-

гонные снаряды на своемъ островѣ, и отнюдь не допускать этого рода промышленности, хотя поданные его имѣютъ для нея обильные матеріалы въ сахарномъ тростникѣ и чайномъ деревѣ, и очень искусны въ перегонкѣ напитковъ; но когда соблазнъ занесенъ былъ съ иностранныхъ кораблей, онъ впалъ въ него вопреки своему разсудку, и, говоря, сдѣлался наконецъ жертвою неводержанія. Однако жъ нельзя отнять у него здраваго ума. Когда убѣдился онъ въ истинѣ и пользѣ ученія и перемѣнъ, проповѣдуемыхъ Миссіонерами, мѣры его сдѣлались рѣшительными. Религія островитянъ вся почти заключалась въ безсмысленныхъ ограниченіяхъ касательно употребленія извѣстныхъ яствъ, которыя почитались священными, и къ которымъ, до приношенія ихъ идолу, запрещено было прикасаться. Къ числу этихъ яствъ принадлежали горницы. Однажды поймали такую птицу, и Помаръ, къ ужасу всѣхъ предстоявшихъ, объявилъ, что она должна быть изготовлена для него, безъ предварительнаго приношенія части ея богу. Когда кушанье было готово, никто кромѣ Царя не дерзнулъ его отвѣдать. Старшины сидѣли и смотрѣли на него, ожидая безпрестанно, что небесное мщеніе поразитъ святотатца. Этотъ опытъ утвердилъ Помара въ прежнихъ подозрѣніяхъ его на счетъ безсилія туземныхъ боговъ, и онъ немедленно объявилъ, что вѣрить одному только Богу Миссіонеровъ. Онъ всѣмъ предоставилъ полную свободу, слѣдовать его примѣру, или нѣтъ; однако жъ новооткрытая истина быстро распространилась между его подданными, и древнія божества повсюду утратили свое владычество. Много любопытныхъ анекдотовъ, относящихся къ этой эпохѣ, рассказываютъ наши путешественники. Тати, одинъ изъ главныхъ Помаровыхъ старшинъ, описывалъ Г. Беннету, что онъ чувствовалъ, когда

сталъ подозрѣвать, что прежніе предметы его ужаса были просто деревянные истуканы, и когда, въ то же время, не могъ еще отречься отъ уваженія, которое привыкъ имъ оказывать. Получивъ отъ Помара повелѣніе изрубить нѣсколько идоловъ въ куски, онъ приступилъ къ исполненію трепещущею рукою, ожидая, что при первомъ ударѣ, оскорбленный духъ явится для отмщенія. Въ другой разъ нѣсколько простолюдиновъ, собираясь потѣшиться сожженіемъ бога войны, Оро, съ деревянными его товарищами, вздумали, что всего благоразумнѣе начать дѣло стрѣльбою въ капище, для вызова боговъ на битву. Ободренные молчаніемъ истукановъ, они рѣшились наконецъ сожигать ихъ вмѣстѣ съ капищами.

Чѣмъ болѣе слышишь о прежнемъ бытѣ этихъ островитянъ, тѣмъ удивительнѣе кажется противоположность, какую представляеть нынѣшнее ихъ образованіе.

«Въ язычествѣ, подобно всѣмъ необразованнымъ племенамъ, были они чрезвычайно мстительны; преслѣдовали предметъ своей неприязни съ мѣста на мѣсто, изъ края въ край, стерегли его цѣлые годы, если прежде не было случая къ удовлетворенію свирѣпой ярости. Когда наконецъ они умерщвляли свою жертву, тогда убійца размаживалъ трупъ большими камнями, и, высушивъ его на солнцѣ, какъ кожу, прорѣзывалъ отверстіе посреди, въ которое проходила бы голова, и носилъ его такъ, что руки болтались спереди, а ноги сзади, до тѣхъ поръ, пока все тѣло распадалось на части.—Одинъ Таитянскій Царь бралъ заживо дѣтей врага, убитаго въ сраженіи, сверлилъ имъ въ головѣ отверстія у самой шеи, и прoderнувъ въ язвы веревку, влачилъ по землѣ невинныхъ малютокъ, которые бились и кричали до тѣхъ поръ, пока наконецъ выпускали духъ въ терзаніяхъ, а свирѣпый побѣдитель, неукорямый совѣстью, веселился своими трофеями, какъ дьяволъ воплощенный. — Однимъ изъ варварскихъ обыкновеній острови-

тять, до принятія ими Св. Евангелія, было погребеніе заживо друзей, когда недуги содѣлывали ихъ обременительными для молодыхъ и здоровыхъ. Они выкапывали яму на песчаномъ берегу; потомъ, подѣ предлогомъ, что старому или больному ихъ родственнику нужно выкупаться, клали его на носилки, и, прибывъ на мѣсто, сбрасывали въ приготовленную могилу, тотчасъ же заваливали камнями и землею, и утапывали, не заботясь о томъ, умеръ ли онъ или еще живъ, лишь бы только не встать ему изъ могилы. Иногда жестокосердые родственники врывались вдругъ съ разныхъ сторонъ въ жилище недужнаго, и вонзали въ тѣло его свои копыя. Потомъ хладнокровно подымали небольшое его имущество, и расходились, думая только о томъ, что сбыли съ рукъ тягостное бремя, и приобрѣли цѣною крови какой нибудь ничтожный нарядъ или домашній скарбъ.»

Дѣтубійство было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Въ этомъ трогательно сознался одинъ туземецъ на сходкѣ, или въ бесѣдѣ, гдѣ присутствовали Гг. Беннетъ и Тейермень. «Одинъ мужчина, сидѣвшій на полу вмѣстѣ съ другими, вдругъ закричалъ въ чрезвычайномъ волненіи духа:—Что мнѣ дѣлать? У меня безпрестанно передъ глазами по добія малютокъ, дѣтей моихъ, которыхъ я убилъ, бывши язычникомъ! Куда ни пойду, они передо мною; будто вижу ихъ въ то самое время, когда, едва они родились, я взялъ ихъ съ рукъ у жены и убилъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать!»

Съ такою картиною передъ глазами, какъ поучительно прочесть, «что промышленность, общественное образованіе и добрая нравственность совершенно «измѣняютъ ихъ характеръ, привычки, удовольствія и занятія!» Теперь завелись у нихъ чистые домики, цвѣтушія поля и сады, своя промышленность, свой умъ, и все это вмѣстѣ особенную прелесть. Сами они чрезвычайно поражены этою противоположно-стью, и сравниваютъ настоящій бытъ свой и преж-

ь миромъ послѣ войны, съ урожаемъ послѣ и засухи, съ освѣжительнымъ сномъ послѣ и бѣдствій. Однако жъ, они не утратили простоты природнаго своего характера, и путешественники сообщаютъ объ этомъ очень занимательные анекдоты. Первый гвоздь, который увидѣнъ на островѣ Таити, почитался сокровищемъ немалымъ, и хозяинъ отдавалъ его на прокатъ за пять отвертій въ доскахъ для лодокъ. Добытъ гвоздь другой счастливецъ, и будучи отъ пристрастивъ, расчелъ, что если бъ размножить этой заморской тростинки, то больше можно было бы получить выгоды, нежели отъ отдачи ее на прокатъ. Онъ посадилъ гвоздь въ землю, и долгие годы отпрысковъ и плодовъ отъ своей рассадототъ чловѣкъ былъ еще живъ, когда путешественники наши посѣтили островъ, и, по слухамъ ихъ, не они послѣдніе слышали о хитрой его выдумкѣ.

довольствуясь собственными успѣхами въ гражданственности и религіи, эти островитяне начали помогать распространенію своихъ познаній у другихъ, менѣе ихъ счастливыхъ. Занимательно именно то, что у нихъ происходило по случаю прибытія нѣкоторыхъ изъ нихъ на корабль Капитана Кента для наставленія жителей Маркизскихъ острововъ, которыхъ описываютъ самыми свирѣдыми дикарями этой части Океана. Назначенъ былъ съобраніе для выбора двухъ туземцевъ, дозволенныхъ перенести къ этимъ дикарямъ истинно Христіанской Вѣры. Около тысячи двухъ сотъ человекъ собралось по этому случаю. Послѣ краткаго наставленія со стороны Миссіонеровъ —

на, главный старшина, бывшій прежде начальникомъ племени и жрецомъ Гаиро, бога воровъ, выступилъ на

средины собранія. Его высокій ростъ и величественная осанка, его лице, свѣтлѣющее добродушіемъ и умомъ, наполнили сердце каждаго чувствами уваженія, радости и ожиданія. Онъ оглянулся съ видомъ необыкновенной робости и замѣшательства, и сначала, — можетъ-быть впервые отъ роду, — колебался излить всенародно свои чувствованія. Наконецъ, съ благородною скромностію, онъ началъ: *Mea майтай тейе*—«дѣло доброе, если кто нибудь изъ насъ съ «Гюагайна перенесетъ Христіанскую Вѣру къ тѣмъ людямъ, «которые еще въ такомъ же невѣжественномъ, грѣховномъ «и бѣдственномъ состояніи, въ какомъ мы сами были не-«задолго предъ симъ. И такъ обязанность наша взять съ «собою на Маркизскіе Острова доброе слово Божіе (*парау «майтай нате атеа*), посланное намъ изъ Англій (*Бере-«тане*) чрезъ Миссіонеровъ, и содѣлавшее насъ столь счаст-«ливыми. По этому, мнѣ нужно сказать собранію краткую «рѣчь, состоящую вотъ въ чемъ: если бъ насъ съ женою «послали къ язычникамъ на Маркизскіе Острова, — можетъ «быть, мы этого не стоимъ!—однако жъ, если бъ насъ по-«чли способными на это великое и доброе дѣло, жена моя «и я, мы оба были бы очень счастливы.»

«Сказавъ это, онъ сѣлъ на свое мѣсто, ожидая съ трогательнымъ смиреніемъ, чѣмъ рѣшитъ собраніе. Предсѣдатель, Гатія, тотчасъ всталъ съ мѣста, и произнесъ: «Ауну отправимъ!» — «Ауну!» закричали другіе. Тогда выступилъ одинъ старшина, и объявилъ, что ему также нужно сказать небольшую рѣчь, состоящую въ томъ, что Ауну всего лучше послать, не только потому, что онъ можетъ вмѣстѣ и научить многому, и показать примѣръ во всемъ, чему научить, но и потому, что Ауна «человѣкъ съ двумя руками»—у него добрая жена, которая будетъ помогать мужу во всякомъ дѣлѣ, и выучить женщинъ читать и молиться, одѣваться пристойно, шить себѣ платье, хозяйничать, и воспитывать дѣтей, какъ должно. Когда на это последовало всеобщее одобреніе, Ауна съ женою были выбраны почти въ одинъ голосъ.»

Потомъ другой старшина вызвался подобнымъ образомъ, и предложеніе его было принято. Это про-

исходило 21 Февраля, а 25 числа они отправились. Однако жъ предначертаніе въ пользу Маркизскихъ островитянъ измѣнилось по обстоятельствамъ, случившимся на пути, и другое поприще было уделомъ посланцевъ. За противными вѣтрами, они прежде всего пристали къ Сандвичевымъ Островамъ, и вышли на островъ Гавайи, тотъ самый, который извѣстенъ былъ прежде подъ именемъ Овайги. Здѣсь видимъ мы состояніе общества, совершенно различное отъ всѣхъ, доселѣ описанныхъ. Сандвичевы Острова часто служили прибѣжищемъ Европейскимъ кораблямъ съ того печальнаго событія, которымъ заключилось поприще великаго мореходца. Странно, сказать мимоходомъ, что туземцы почитали потомъ Капитана Кука за божество, и поклонялись его образу въ одномъ изъ своихъ капищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что частое обращеніе съ Европейцами и вліяніе какого-то Г. Юнга, который, въ 18²² году, жилъ уже тридцать шестой годъ на островъ, произвело въкоторое дѣйствіе надъ ихъ умами; но намъ неизвѣстны ближайшія причины, приготовившія тотъ чрезвычайный шагъ, который въ 1819 году сдѣлалъ юный Царь Ріо-Ріо, или правильнѣе Тамеама II. На большомъ пиру, который данъ имъ былъ въ память отца, онъ вдругъ вскочилъ, бросился къ женскому столу, и началъ ѣсть съ такимъ изступленіемъ и трепетомъ, что, казалось, онъ едва перемогаетъ свои чувства. Ёсть съ женами было величайшее святотатство, какое только могъ онъ совершить, и весь народъ воскликнулъ въ одинъ голосъ: «Табу (священный запретъ) нарушенъ! Табу оубѣ нарушенъ!» Этимъ опытомъ потрясенъ былъ краугольный камень идолопоклонства, и оно вдругъ упало. Въ короткое время весь народъ отрекся отъ боговъ своихъ; канища были разрушены, кумиры сожжены. Все это совершилось, когда еще не бы-

вало здѣсь ни одного Миссіонера. Сандвичане отвергли древнюю религію, не замѣнивъ ея другою. Въ это самое время Американскіе Миссіонеры были на пути къ нимъ. Но, кажется, по прибытіи ихъ, туземцы не оказывали особенной готовности внимать ихъ наставленіямъ. Изъ разказа нашихъ путешественниковъ видно въ самомъ дѣлѣ, что освобожденіе отъ языческихъ суевѣрій ограничивалось тѣмъ, что обожавшій прежде идола не обожалъ потомъ ничего. Однако жъ нѣкоторый успѣхъ нравственности былъ и тогда уже замѣтенъ, а съ той поры возросъ еще болѣе. Посѣщеніе острововъ нашими путешественниками сдѣлалось важнымъ для того края событіемъ. «Кто-то присовѣтовалъ наложить *табу* «на нашего товарища, Г. Эллиса, чтобъ онъ уже не возвращался на южные острова. Мы сказали имъ, «что если они такъ сдѣлаютъ, то должны также *затабуировать* жену и дѣтей Г. Эллиса, съ которыми онъ не захочетъ разстаться, и которымъ не любо будетъ потерять его.»—«О! сказали они, мы пошлемъ за ними корабль въ Гюагаинъ.» Послѣ многихъ споровъ и разсужденій, предложенный планъ состоялся. Въ слѣдствіе этого, Г. Эллисъ съ Таитянами основались на островъ Гавайи, съ согласія Ріо-Ріо, и чистосердечно обласканные Американскими Миссіонерами.

Много анекдотовъ объ этомъ Государь, въ которомъ разсвѣтавшее сознаніе выгодъ, предложенныхъ ему и его народу, сильно омрачалось склонностью къ пьянству.

«20 Іюня. Въ последнее Воскресенье, когда мы послали уведомить Царя, что скоро начнется богослуженіе, и что присутствіе его насъ бы порадовало, онъ отвѣчалъ, что въ немъ *пулука*, то есть, дурное: онъ пилъ тогда ромъ, и зналъ, что это очень дурно. Теперь, говорятъ, онъ про-

я отъ продолжительнаго запоя, и приказалъ всемъ намъ своимъ учиться грамотъ.»

рѣ потомъ началъ онъ учиться самъ, и, ска-
въ, очень прилежно твердилъ уроки съ Ца-
и приближенными. Примѣру ихъ усердно
овали подданные.

а къ ученію такъ велика, что всѣ маленькіе школь-
въ свободные часы, ежедневно приглашаются въ
Трое старшинъ, люди высокаго роста и величе-
й осанки, пришли (9 Августа) рано утромъ про-
въ куму, или учителя. Они не сыскали никого,
пестилѣтнаго ребенка, только что лепставшаго аз-
о замѣтивъ, что онъ знаетъ буквы, и умѣетъ скла-
ба, бе, би, бо, бу, одинъ изъ нихъ поймалъ его за
осадила малютку къ себѣ на плечо, и понесъ его
ествомъ, восклицая: «Онъ будетъ моимъ куму!»
ти съ большимъ удовольствіемъ передають стар-
ростые свои уроки, и помогаютъ отцамъ и мате-
ердить азбуку.»

тели наши едва узнають въ державномъ уче-
ва азбукою, того Государя, который гостилъ
у Короля Англійскаго, и котораго прежде-
ная смерть посѣтила въ Лондонъ, вмѣстѣ съ
ю супругою, въ Іюль 1824 года.

ь Рио-Рио наследовалъ ему въ верховной вла-
оторую однакожъ раздѣляетъ онъ, кажется,
рою, по описаніямъ, отличною молодою жен-
воспитанною подъ надзоромъ Миссіонеровъ,
рѣ совершенно привыкшею къ обычаямъ об-
иной жизни. Г. Стюартъ, въ путешествіи сво-
эти острова, въ 1830 году, сообщаетъ очень
тельные свѣдѣнія о братѣ ея, объ ней и о
етномъ имъ народѣ. Онъ коротко ознакомилъ
этими островами, живши тамъ прежде; слѣд-
о могъ вѣрно судить о сдѣланныхъ ими успѣ-

хъ, и описываетъ перемѣны, вездѣ встрѣчавшіяся его наблюдательному взору, съ такимъ ревностнымъ участіемъ, съ такимъ сердечнымъ удовольствіемъ, что эти чувства, хотя и безъ намѣренія сочинителя, но, кажется намъ, придали новую прелесть яркому колориту его описаній. Выпишемъ нѣсколько строкъ, изображающихъ часть перемѣнъ, которыя имъ замѣчены.

«Вся внутренность (говоритъ онъ о дворцѣ молодой Королевы), отъ пола до верху кровли, по крайней мѣрѣ на сорокъ футовъ въ вышину, покрыта нѣкотораго рода обшивкою прекраснаго каштановаго цвѣта, изъ лозъ горнаго винограда, связанныхъ вмѣстѣ горизонтально, какъ можно плотнѣе. Она какъ будто вся цѣльная, и придаетъ комнатѣ пышный видъ, подобно нашимъ обоямъ. Полъ здѣсь также новостъ, и первый опытъ въ своемъ родѣ: это уже не земля, застланная травою и сверху рогожками, какъ водилось прежде, а настоящій каменный помостъ, залитый глинистымъ цементомъ, который гладокъ и твердъ, какъ мраморъ. На немъ разостланы узорчатая рогожки, образующія такой красивый и соответственный климату коверъ, какъ только можно подумать. Большія окна, по правую и по лѣвую сторону, и створчатая стеклянная двери, съ обѣихъ концовъ, украшены малиновыми штофными занавѣсами; кромѣ того, убранство состоитъ въ красивыхъ одноножныхъ столахъ, съ большими зеркалами, въ цѣломъ рядѣ стеклянныхъ подсвѣчниковъ, развѣшенныхъ по срединѣ, съ бронзовыми люстрами и канделябрами на колоннахъ, стоящихъ по бокамъ и на концахъ залы, и въ портретахъ покойнаго Короля и Королевы, писанныхъ въ Лондонѣ масляными красками, и помѣщенныхъ въ переднемъ концѣ залы въ богатыхъ рамахъ.» *Путешествіе Стюарта.*

Путешественники наши съ Сандвичевыхъ Острововъ хотѣли возвратиться прямо въ Гюагайнъ, но неблагопріятными вѣтрами были снесены въ сторону. Этой помѣхъ обязаны мы весьма занимательнымъ описаніемъ острова Руруту. Онъ представляетъ утѣ-

шительный примѣръ благихъ переменъ, произведенныхъ Христіанскою Вѣрою и воспитаніемъ.

«Сент. 30. На разсвѣтъ мы ясно увидѣли островъ, простиравшійся миль на восемь въ длину, который не могли хорошо разглядѣть на кауунѣ вечеромъ. Онъ такъ живо напомнилъ намъ пріятныя мѣстоположенія, съ которыми глаза наши свыклись прежде въ южной части Тихаго Моря, что послѣ шести-мѣсячной отлучки на сѣверъ, намъ казалось, будто мы возвращаемся на родину. Высокая острокопечная гора по срединѣ, съ понижающимися къ берегу холмами и пересѣкающими ихъ долинами, по которымъ бѣжали плодотворные ручьи, индѣ оживляемые нагорными водопадами, — все это, вмѣстѣ съ роскошью тропическаго прозаченія, вдругъ напомнило намъ Таити, Гюагаинъ, Ратю, и проч., и возбудило въ насъ нетерпѣливое желаніе ознакомишься съ меньшимъ ихъ братомъ, какимъ казался этотъ островъ, одинокій въ пустынномъ морѣ, вдали отъ семейныхъ круговъ, если можно назвать такъ группы острововъ, Навѣтренныхъ и Подвѣтренныхъ. Мы не знали еще его имени, когда становились у входа въ лежавшую передъ нами бухту, которая вдается въ берегъ дугою почти на милью отъ открытаго моря, и имѣетъ до трехъ миль въ ширину. На оконечности бухты съ удивленіемъ увидѣли мы нѣсколько чистыхъ бѣлыхъ домиковъ, постросанныхъ въ Ангійскомъ вкусѣ, какъ обыкновенно водится на островахъ, просвѣщенныхъ Христіанскою Вѣрою, а на возвышеніи шесть, съ развивающимся на немъ бѣлымъ флагомъ, въ знакъ того, что насъ замѣтили, и приглашаютъ на островъ.

«Наши лодки были въ такомъ жалкомъ состояніи, что не могли держаться на водѣ, а между тѣмъ ни одна не подходила къ намъ отъ берега. Мы начали уже опасаться, что не достанемъ ни дровъ, ни воды, въ которыхъ такъ нуждались, что у насъ нечѣмъ было приготовить въ тотъ день обѣда. Тѣмъ болѣе мы обрадовались, замѣтивъ плывущаго къ намъ человека, въ чрезвычайно маломъ челнокѣ, который въ послѣдствіи оказался лоткомъ, имѣвшимъ около семи футовъ въ длину и тридцать дюймовъ въ ширину. Сидя на этомъ лоткѣ, онъ ударялъ по волнамъ, и скользилъ по

ихъ пѣнистой поверхности, одной рукою безпрестанно вычерпывая воду.»

Этотъ человекъ сказалъ имъ, что островъ называется Руруту, и что Царь послалъ его узнать, кто таковы чужестранцы, и куда держать путь. Онъ обрадовался, увидѣвъ на корабль уроженцевъ Гюагайна, и весело поплылъ назадъ съ добрыми вѣстями. Черезъ нѣсколько времени, путешественники вышли на берегъ.

«Почти весь народъ стоялъ на берегу, чтобъ насъ встрѣтить, и встрѣтилъ съ живѣйшею радостью, какъ друзей или братьевъ, возвращающихся на родину послѣ долговременнаго отсутствія, а не какъ посѣтителей изъ дальней стороны. Король вышелъ къ намъ на встрѣчу. Насъ подвелъ къ нему Г. Элисъ, говорящій на туземномъ языкѣ, и очень хорошо знающій исторію этого маленькаго Царства. Онъ молодой человекъ, лѣтъ восемнадцати, не совсѣмъ темнаго цвѣта, соединяющій съ видомъ, чрезвычайно кроткимъ, пріятность въ обхожденіи. Супруга его, кажется, также очень любезна и скромна. Малютка, сынъ ихъ, можетъ сравниться съ большею частію Европейскихъ дѣтей въ близкѣ кожи и нѣжности сложенія. Имя Царю Теуруарій: его сопровождалъ старшина высокаго роста, именемъ Аююра, другъ его и пѣстунъ, человекъ не только знатный, но и любезный. Два учителя, уроженцы Раятеи, присланные сюда за полтора года предъ тѣмъ, обрадовались, увидѣвъ Г. Элиса, котораго они знавали прежде.»

Отправились смотрѣть часовню, которой одна часть заслуживаетъ особенное вниманіе, представляя, по словамъ путешественниковъ, простой, но знаменательный трофей послѣдовавшей здѣсь благотельной перемѣны.

«Это были копья, правда, не передѣланныя въ земледѣльческія орудія, но превращенныя въ перила къ лѣстницѣ, ведущей на каѳедру! Здышніе жители отвергли орудія жестокости вмѣстѣ съ идолами.»

«Главное селеніе расположено при оконечности бухты, и состоятъ, кромѣ часовни, изъ шестидесяти или семидесяти домовъ, разсѣянныхъ на просторѣ между деревьями. Это красивыя овальныя строенія, на помостахъ изъ большихъ камней. Матеріалами служатъ здѣсь лѣсъ и бамбуковый тростникъ, которые скрѣпляются очень искусно, образуя съ обонхъ концевъ округлости, а кровли сходятся внутри наподобіе готическаго остраго свода. Часто дома очень затѣйливо украшаются внутри и снаружи; ибо жители отличны отъ всѣхъ другихъ островитянъ въ этомъ морѣ своимъ вкусомъ и способностію къ утонченнымъ издѣліямъ, начиная съ украшенныхъ перьями шлемовъ ихъ воиновъ до резьбы на лодкахъ.»

Народонаселеніе не превышало тогда 314 чело-вѣкъ, хотя говорятъ, что, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, оно простиралось за шесть тысячъ; но свирѣпствовавшая на островѣ зараза и лихорадки похищали каждый годъ множество людей. Эта зараза повлекла за собою рядъ событій, заключившійся нынѣшнимъ благосостояніемъ островитянъ. Когда она свирѣпствовала, Аююра, старшина, о которомъ сказано прежде, почувствовалъ непреодолимое желаніе покинуть свой островъ, и искать другаго, гдѣ бы могъ *услышать что нибудь доброе*. Уговоривъ жену и нѣкоторыхъ другихъ островитянъ ему сопутствовать, онъ отправился съ ними на двойной лодкѣ. По многодневномъ странствованіи, вышли они на островъ Тубуай, лежащій во стѣ миляхъ отъ ихъ родины. Здѣсь прожили они нѣсколько времени, и наконецъ опять отправились въ свою сторону, съ намѣреніемъ уговорить земляковъ переселиться на этотъ островъ, гдѣ житье было здоровѣе. Бурею отбило ихъ отъ предполагаемаго пути; нѣсколько недѣль блуждали они по морю, правили то въ ту, то въ другую сторону, а чаще совершенно предавались произволу валовъ и теченія. Почти совсѣмъ изнуренныхъ, безъ

воды и безъ пищи, прибило ихъ наконецъ къ острову Раятеи. Жители тотчасъ поспѣшили къ нимъ на помощь, и приняли со всею ласкою и радушіемъ, какихъ требовало бѣдственное положеніе странниковъ. Они поражены были удивленіемъ при видѣ новаго для нихъ порядка вещей. Въ умъ Ауюры это зрѣлище произвело сильное впечатлѣніе. Раятейцы немедленно начали учить гостей своихъ тѣмъ искусствамъ, которыя сами приобрѣли недавно. Ауюра былъ такъ ревностенъ, что въ кратковременное у нихъ пребываніе выучился грамотѣ; однако жъ ему не хотѣлось возвратиться въ Руруту безъ товарищей, болѣе его способныхъ научить и образовать тамошнихъ жителей.

«Бригъ Гопъ,» подѣ начальствомъ Капитана Греймза, изъ Лондона, зашелъ въ Раятею 3 Юля. Мы говорили съ Капитаномъ о желаніи нашемъ отправить этихъ бѣдныхъ людей на ихъ островъ: съ готовностью, которая дѣлаетъ ему вели айшую честь, онъ вызвался зайти къ острову, и отвезти туда одну изъ нашихъ лодокъ, чтобъ черезъ это, въ случаѣ возвращенія ея изъ неизвѣстнаго края, доставить намъ удобное средство къ открытію сообщеній съ туземцами. Мы послали за Ауурою и его женою, которые чрезвычайно обрадовались наступающему возвращенію; но Ауюра не хотѣлъ воротиться въ страну тмы безъ такихъ людей, которые бы могли научить его и весь народъ доброму. Мы не знали, что дѣлать; однако немедленно позвали дѣлконовъ, рассказали имъ, въ чемъ дѣло, и поручили провѣдать, кто добровольно изъявитъ желаніе итти въ учителя къ этимъ бѣднымъ людямъ.»

Двое туземцевъ тотчасъ предложили свои услуги. Одинъ изъ нихъ прозывался Пуна, другой Магаме-не. Дѣло было къ спѣху, — новымъ Миссіонерамъ оставалась одна ночь на приготовленіе, ибо бригъ долженъ былъ сняться съ якоря рано утромъ.

Каждый сынъ Церкви принесъ что-нибудь въ знакъ преданности: кто бритву, кто ножъ, кто сукна, кто

гвоздей, кто одну бездѣлушку, а кто другую; мы отдали всѣ учебныя книги, которыя могли удѣлать, и нѣсколько экземпляровъ Евангелія Св. Матѳея, на Таитянскомъ языкѣ. Такъ снарядили ихъ, по возможности, въ эту маленькую, но интересную миссію.

Капитанъ Греймъ, согласно съ обѣщаніемъ, взялъ лодку, посредствомъ которой надлежало доставить извѣстіе въ Раятею; и почти не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, Раятейцы обрадованы были возвращеніемъ своей ладьи, съ грузомъ низверженныхъ идоловъ Руруту! Съ нею же пришли письма къ Гг. Трелькельду и Вильямсу отъ Ауюры и туземныхъ посланцевъ.

«8 Іюля, старшины собрались вокругъ Царя, и Ауюра говорилъ:» Друзья! Вотъ мое желаніе: затѣмъ я воротился на «свою сторону. Мое желаніе — Злаго Духа тотчасъ бросить въ «огонь! Согласны ли вы на это, Царь и старшины? Не сжечь «ли Злаго Духа теперь же? Не разрушить ли его царства? «Пусть Іегова править этими земляцами, Онъ одинъ — у «меня сердце на васъ порадуется. Смотрите! Вы считали «меня съеденнымъ въ пучинѣ морской Злымъ Духомъ; по- «смотрите-жь, онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ! Хотите ли «чтобъ намъ всѣмъ собраться, и вмѣстѣ повѣсть?» — Царь «и старшины отвѣчали: «мы совершенно согласны! Намъ «любю, что ты говоришь: сжечь Злаго Духа въ огнѣ!»

Когда Король и старшины изъявили согласіе на это предложеніе, и засвидѣтельствовали готовность свою внимать новому ученію Ауюры и друзей его, онъ продолжалъ:

«Мнѣ нужно сказать вамъ еще одно слово. Эти два учи- «теля избраны Церковью въ Раятеѣ. Богъ вложилъ мысль «въ сердце Миссіонерамъ, и они прислали ихъ учить насъ «мудрости—читать. По великой любви ихъ къ намъ, при- «сланы они оба. Раятейцы думаютъ, что наша земля вар- «варская; а вы не дѣлайте этимъ людямъ зла, обходитесь «съ ними какъ можно ласковѣе, и тогда будетъ хорошо. «Царь и Старшины отвѣчали: — «мы совершенно согла-

«сны!» Царь прибавилъ: — «Надо быть очень кроткими. Я подамъ собою примѣръ кротости; и если кто осмѣлится съѣсть хоть одного учителя, того самъ я съѣмъ, какъ «устрицу! Пора намъ быть кроткими.»

На другой день они испытали истину Ауюриныхъ словъ, и ѣли всѣ вмѣстѣ священную пищу. Жрецы предрекали смерть всякой женщины, которая вкуситъ отъ запрещенныхъ яствъ, и потому всѣ условились, если предсказаніе сбудется, оставаться при старой вѣрѣ. Испытаніе кончилось благополучно; они немедленно приступили къ разоренію капищъ, и въ тотъ же день все было приведено къ концу. Слѣдствія мы видѣли прежде; а по новѣйшимъ извѣстіямъ, островъ Руруту не перестаетъ подвигаться впередъ на поприщѣ гражданской и нравственной образованности.

По необходимости умалчиваемъ о посѣщеніи нашими путешественниками прочихъ острововъ Южнаго Моря, хотя и здѣсь все та же занимательность. Нельзя однако жъ не упомянуть о засѣданіяхъ Парламента Навѣтренныхъ Острововъ, собравшагося въ Февраль 1824 года, толковать объ уложеніи. Засѣданія продолжались восемь дней. Очеркъ уложенія, по настоятельной просьбѣ членовъ, составленъ былъ Г. Ноттомъ. Онъ заключалъ въ себѣ статей сорокъ, и долженствовалъ быть подвергнутъ сужденію. Предлагаемъ образчикъ пренія, происшедшаго по случаю вопроса: смертію ли наказывать за убійство, или изгнаніемъ? Когда главные старшины сказали свое мнѣніе, —

«Выступилъ изъ *таата рии*, или малыхъ (простыхъ) людей, выборный, или представитель округа, и его слушали такъ же внимательно, какъ и предшествовавшихъ ему знатныхъ особъ. Онъ говорилъ: «Такъ какъ никто другой не «встаетъ съ мѣста, — я скажу свою маленькую рѣчь: много «пріятныхъ мыслей наросло у меня въ сердцѣ, и мнѣ же

«лательно, чтобъ вы ихъ слышали. Быть-можетъ, все, что «хорошо и что нужно, сказано уже старшинами: однако жъ «мы не для того здѣсь собрались, чтобъ принять тотъ или «другой законъ, потому, что тотъ или другой знатный че- «ловѣкъ его одобряетъ: напротивъ, и мы, *таата ри*, на- «равнѣ съ старшинами, должны сбросать вмѣстѣ всѣ мысли «наши, чтобъ изъ цѣлой кучи собраніе могло поднять на «ноги тѣ, которыя лучше, откуда бы онѣ ни вышли. По- «этому вотъ моя мысль. Все, сказанное Петіемъ, хорошо; «но онъ не упомянулъ, что наказаніе, какъ говорилъ одинъ «Миссіонеръ, читая намъ законъ у себя, установлено и для «того, чтобъ исправлять преступника, если можно. Но ко- «гда умертвимъ убійцу, какъ его исправимъ? А если по- «слать его на пустой островъ, гдѣ онъ будетъ одинъ-оди- «нехонекъ, и по неволѣ станеть думать самъ про себя: быть- «можетъ Богу, угодно будетъ, чтобъ зло въ сердцѣ его умер- «ло, а добро выросло. А если убьемъ его, что сдѣлаетъ «его душа?»

Путешественники наши достигли Новой Зеландіи 15 Іюля. Здѣсь были они на краю гибели. Ди- кихъ туземцевъ безпрепятственно пускали на ко- рабль по стольку человекъ вдругъ, что однажды, раздраженные, невзначай они схватили и готови- лись перебить и сожрать весь экипажъ; только бла- говременное прибытіе старшины, именемъ Джоржа, спасло его отъ явной опасности. Это былъ тотъ са- мый старшина, который, за пятнадцать лѣтъ назадъ, овладѣлъ съ товарищами кораблемъ «Бойдъ», умерт- вилъ и съѣлъ восемьдесятъ восемь человекъ экипа- жа. Теперь ему вздумалось играть роль избавителя, остаться на корабль и охранять его, покуда онъ тамъ пробьлъ.

Послѣ того, путешественники отправились въ Но- вую Голландію; и здѣсь опять видимъ мы обще- ственный бытъ совершенно новый. Коренные жи- тели составляютъ особое, обиженное Природой по- колѣніе, которое гораздо ниже сосѣдственнаго ему,

Новозеландскаго; не имѣя ни постоянныхъ жилищъ, ни стадъ, ни садовъ, ни полей, они питаются дикими произведеніями почвы, звѣрми, птицами и насѣкомыми, какія попадутся.

Посѣщенія нашими путешественниками Явы, Сингапوری, Кантона и Малакки, чрезвычайно занимательны; но предѣлы журнала не дозволяютъ о нихъ распространяться. Заключимъ эту статью перечнемъ сообщаемыхъ ими извѣстій о Мадагаскарѣ, частію почерпнутыхъ изъ рукописнаго дневника Г. Гасти, который былъ одно время Англійскимъ Резидентомъ при Дворѣ Короля Радамы. Г. Гасти посланъ былъ въ Мадагаскаръ для переговоровъ о прекращеніи торга невольниками, а послѣ остался при Радамѣ въ качествѣ Англійскаго Резидента, постепенно вошелъ къ нему въ довѣренность, сопровождалъ его въ путешествіяхъ, и сдѣлался однимъ изъ главныхъ его совѣтниковъ. Очень жаль, что, обладая такимъ случаемъ, Г. Гасти не подарилъ насъ полною и подробною исторіею такого замѣчательнаго человѣка и перемѣнъ, сдѣланныхъ имъ въ своемъ Королевствѣ. Радама свято исполнялъ договоры съ Англійскимъ Правительствомъ о прекращеніи торга невольниками. «Вездѣ, говоритъ Г. Гасти, настоятельно преслѣдовалъ онъ эту торговлю, и въ привозѣ, и въ вывозѣ, казня виновнаго смертію въ обоихъ случаяхъ.»

Власть его была неограниченна, и есть много примѣровъ жестокаго ея употребленія, хотя, временемъ, благороднѣйшія чувствованія преобладали въ его сердцѣ, и онъ умѣлъ иногда явить политическое милосердіе. Онъ постигалъ «выгодность сношеній съ Англичанами, приписывалъ все свое знаніе наставленіямъ Англійскаго народа и Правительства», и былъ постояннымъ покровителемъ Миссіонеровъ. Онъ устанавилъ строгіе законы противъ воровства и разбоя; и однажды разительно поддержалъ ихъ силу,

принудивъ союзнаго съ нимъ старшину возвратить неприязненному владѣльцу всю награбленную у него добычу. Онъ уничтожилъ испытаніе огнемъ и водою, и множество другихъ бесполезно жестокихъ, основанныхъ на суевѣріи обычаевъ, особенно обыкновеніе убивать всѣхъ младенцевъ, рожденныхъ въ черные дни, и быстро шелъ впередъ на поприщѣ совершенствованія, какъ вдругъ остановленъ былъ смертію, послѣдовавшею въ Іюль 1828*.

При выходѣ на берегъ, депутація встрѣчена была привѣтственнымъ письмомъ отъ Радамы, который озаботился также доставленіемъ ей способовъ для проѣзда во внутренность острова, приказавъ, чтобъ отрядъ туземныхъ солдатъ сопровождалъ путешественниковъ, и чтобъ вездѣ принимали ихъ, какъ его

* Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о странномъ случаѣ, относящемся къ этому великому преобразователю своего отечества, и напечатанномъ въ сочиненіи Г. Лейбеля (*Lyall's Embassy to Madagascar*). Г. Лейбель былъ посланъ Англійскимъ Правительствомъ на островъ Мадагаскаръ для заключенія съ Радамою торговаго трактата. Лондонское Общество Миссіонеровъ воспользовалось отправленіемъ этого посольства, чтобъ изъявить Мадекасскому властелину свою признательность и уваженіе нѣкоторыми съ своей стороны подарками. Подарки эти состояли изъ великолѣпной Англійской Библии, Черкесскаго ружья и — охотничьяго арапника, или плети, купленнаго въ Малороссіи извѣстнымъ Миссіонеромъ, Г. Гендерсономъ!..... Последняя незабудочка почетнаго Общества чрезвычайно изумила Радаму. Онъ никогда въ жизни не видалъ плети, и не постигалъ ея употребленія. Одинъ изъ Секретарей Посольства вздумалъ хлопнуть ею въ его прилежаніе: Король изумился еще болѣе, — потомъ вдругъ расхохотался. Секретарь хлопнулъ во второй разъ еще сильнѣе, и эта вторичная операція показалась Его Мадекасскому Величеству такъ забавною, такъ странною, что онъ сталъ помпирать со смѣху. Видя необыкновенную его веселость по случаю чудесныхъ свойствъ арапника, Англичане принялись повторять дѣйствіе, — Король смѣяться пуше прежняго, — и вся аудіенція прошла въ хлопаніи плетью. Радама не могъ надивиться уму Англичанъ, которые изобрѣли такой волшебный инструментъ; но Посоль, по скромности, признался, что честь этого изобретенія принадлежитъ не имъ, а другому народу. Съ той поры, Малороссійская плеть сдѣлалась любимою игрушкою Радамы: онъ выучился хлопать ею, велѣлъ опривить ее золотомъ, и всегда носилъ съ собою

собственныхъ гостей. Странствованіе ихъ было безпокойно, ибо въ политику Радамы входило правило: не дѣлать дорогъ. Во время этого утомительнаго путешествія, отъ котораго пострадалъ въ особенности Тейермень, они еще встревожены были вѣстію о томъ, что Радама опасно боленъ, и вѣроятностью кроваваго переворота въ случаѣ его кончины. 21 Іюля прибыли они въ столицу, гдѣ, по приказанію Радамы, приняли ихъ очень вѣжливо, но самъ онъ былъ такъ боленъ, что не могъ съ ними видѣться. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, а 30 Іюля съ Г. Тейерменомъ сдѣлался ударъ, и, не смотря ни на какія пособія, онъ скончался почти въ то же время. Послѣ такой печальной потери, Г. Беннетъ помышлялъ только объ оставленіи Мадагаскара, но не былъ до этого допущенъ. Пока еще скрывали, съ Воскресенья до Четвертка, смерть Радамы, во дворцѣ: произошелъ внезапный переворотъ наследникъ престола и многія знатныя особы были убиты, и Ранавалано, одна изъ женъ покойнаго Короля, захватила верховную власть. Г. Беннетъ не разъ испрашивалъ у нея дозволенія выѣхать, но единственнымъ ея отвѣтомъ было: «Я сама назначу день, въ который вы можете оставить Тананариво; и когда онъ наступитъ, я вамъ скажу». Г. Беннетъ нѣсколько обязанъ этой самоуправной женщинѣ за доставленіе ему случая видѣть Радамыны похороны, гдѣ варварская пышность развернулась въ полномъ блескѣ. Они происходили спустя пятнадцать дней по смерти Короля; а въ этотъ промежутокъ времени тысячи его подданныхъ трудились надъ огромной насыпью, изъ земли, гранита и дерева, съ жерломъ наверху, куда потомъ опущенъ былъ гробъ. Тѣло, между тѣмъ, выставлено было въ такъ называемомъ серебряномъ дворцѣ, гдѣ Король скончался.

«Этот дворец называется серебрянымъ потому, что онъ украшенъ съ верху до низу множествомъ большихъ плоско-шляпныхъ гвоздей и бляхъ изъ этого металла. Кровля его такъ высока, что отъ ея верушки до стѣны столько же разстоянiя, сколько отъ основанiя до кровли.»

«Онъ былъ тогда обвѣшанъ отъ самой крыши до низу богатыми атласами, бархатами, шелками, дорогими туземнаго издѣлiя шелковыми тканями, и проч.; а огромная кровля вся устлана была алымъ Англійскимъ сукномъ, лучшей доброты.»

«Противъ дворца построенъ былъ великолѣпнѣйшiй павильонъ, окруженный богатоубранными колоннами, вокругъ которыхъ обвивались разноцвѣтные шелки, атласы, и проч. Павильонъ, имѣвшiй десять футовъ въ квадратъ, возвышался на столбахъ, также богато украшенныхъ. На нихъ устроенъ былъ деревянный помостъ, надъ которымъ поддерживался поперечиною огромный балдахинъ или покровъ богатѣйшей золотой парчи, съ отдѣлкою изъ голубаго атласа и алаго сукна, а по краямъ обложенный золотымъ газомъ, съ густою золотой бахрамою. Все было сдѣлано со вкусомъ, и представляло въ цѣломъ блистательнѣйшее зрѣлище.»

На другой день происходило погребенiе.

«У подножiя насыпи стоялъ почти съ утра большой и вѣдьяжный *серебряный гробъ*, назначенный для тѣла Королевскаго; гробъ этотъ былъ футовъ восьми въ длину, трехъ съ половиною въ глубину, и столько же въ ширину. Онъ состоялъ изъ серебряныхъ пластовъ, крѣпко скованныхъ гвоздями того же металла; а все это было передѣлано изъ Испанскихъ пластровъ, которыхъ употреблено двѣнадцать тысячъ. Около шести часовъ вечера, гробъ поднять былъ на родомъ, по крутизнѣ насыпи, на самый верхъ, и опущенъ въ гробницу, или склепъ. Множество драгоценностей всякаго рода помещено было въ самый гробъ и подлѣ, — все вещи, принадлежавшия покойному Королю, особенно такіа, которыя онъ болѣе другихъ жаловалъ при жизни. *Десять тысячъ пластровъ* положили къ нему въ гробъ для *подстилки*, а на внутренней и преимущественно на вѣшной

сторонѣ гроба размѣстили весь его богатая платья, особенно военныя; тутъ было восемьдесятъ паръ дорогихъ Англійскихъ мундировъ, шляпъ и перьевъ, золотой шлемъ, пашейники, эполеты, перевязи, золотыя шпоры, дорогія шпаги, кинжалы, копыя (два золотыхъ), славныя пистолеты, ружья, часы, кольца, ожерелья и мелочи; превосходный столовый приборъ его, весь серебряный; большой и великолѣпный золотой кубокъ, съ множествомъ другихъ, подаренныхъ ему Королемъ Англійскимъ; груды дорогихъ шелковъ, атласовъ, суконъ, Мадагаскарскихъ шелковыхъ ламбовъ и проч.

«Намъ было скучно и жалко смотрѣть на такое множество дорогихъ вещей, заключаемыхъ въ гробницу. Вчера убито было десять любимыхъ его быковъ, сего дня шесть прекраснѣйшихъ лошадей пронзены копыями, и лежатъ близъ могилы; завтра убьютъ еще шесть лошадей. Если ко всемъ этимъ безразсуднымъ издержкамъ присоединить 20,000 быковъ, стоящихъ здѣсь по пяти Испанскихъ пиастровъ каждый, и розданныхъ народу, который употреблялъ ихъ въ пищу во время приготовленій къ похоронамъ и въ самыя похороны, то можно полагать, что обрядъ стоилъ не менѣе 60,000 фунтовъ стерлинговъ.»

Вскорѣ по совершеніи обряда, Г. Беннету приказано было, съ отрядомъ изъ семи сотъ солдатъ, слѣдовать къ берегу, откуда онъ отправился на островъ Маврикія (Иль-де-Франсъ), и потомъ на Мысъ Доброй Надежды. Въ этой колоніи прожилъ онъ четыре мѣсяца. Въ Мартъ 1829 года онъ отправился въ Англію, и, какъ сказано выше, прибылъ туда въ Іюнь, совершивъ одно изъ самыхъ разнообразныхъ, занимательныхъ и поучительныхъ путешествій, какія намъ только извѣстны.

Е. К.

Edinburgh Review.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

=

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ освободиться отъ предрасудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ: мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ есть уже необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ-будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.

«Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ только двадцать два года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ такого совершенства, великости на тронѣ...» (Кар. VIII, 197).

Очаровательные звуки! И если случится ихъ услышать въ первый разъ лѣтъ пятнадцати, семнадцати, когда душа ищетъ вездѣ идеаловъ, когда сердце пылаетъ въ полномъ значеніи этого слова любовью къ отечеству, они остаются надолго съ нами, часто являются на языкъ — И разставаться съ такою любимою мечтою? О какъ досадно бываетъ иногда на разсудокъ, на Критику!

Да! Іоаннѣ никогда не былъ великъ. Это ясно изъ документовъ историческихъ: стоитъ только взглянуть на нихъ безъ предубѣжденія.

Я не стану распространяться въ разсужденіяхъ, и буду приводить подлинныя свидѣтельства, съ необходимыми только поясненіями и замѣчаніями: дѣла здѣсь говорить сами.

Іоаннъ былъ сынъ Елены, племянницы Глинскаго, и Василія, который, послѣ развода съ первою своею супругою, на 49 году отъ роду, женился на этой молодой Полькѣ, и получилъ его чрезъ четыре года послѣ брака. Онъ остался двухъ лѣтъ послѣ отца, и осьми послѣ матери.

О воспитаніи его, никто не заботился то есть никто не внушалъ въ него страха Божія, не истреблялъ дурныхъ наклонностей, не училъ добру. Въ Думѣ одна партія смѣняла другую, Шуйскіе Оболенскихъ, Бѣльскіе Шуйскихъ, Шуйскіе Бѣльскихъ, Глинскіе Шуйскихъ. Всѣ они, напротивъ, потакали дитяти, чтобъ получить милость у будущаго Государя, и змыя сѣмена росли въ немъ безпрепятственно, развиваемые злыми честолюбцами.

«Потомъ питаша его, говоритъ Курбскій, величье гордые Паны, по ихъ языку Боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящися другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчу инья и инья, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, (а по ихъ языку, съ крылець, або съ теремовъ), тако жъ и инья многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти не милосердное произволеніе въ себѣ;... а пѣстуномъ ласкающимъ, попускающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятнадцатъ лѣту, и вяще; тогда началъ чловѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и

сродныхъ оныхъ предреченныхъ Сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ челоуѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкательмъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «о храбръ, глаголюще, будетъ сей Царь и мужественъ!» Егда же прииде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣ жъ прегордые Сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго.» (Сказанія Князя Курбскаго. Ч. I, стр. 5.)

Можно себѣ представить, какое вліяніе на нравъ его имѣли подобныя козни Бояръ, старавшихся губить другъ друга! къ какимъ привычкамъ подавали поводъ!

Сія извѣстія Курбскаго подтверждаются сходными сказаніями прочихъ нашихъ Лѣтописей, на примѣръ: «И того жъ лѣта на Коломнѣ, по діаволу дѣйству дѣяся сице: Государю Великому Князю выѣхавшу на прохладъ, поѣздити потѣшитися, и какъ бысть Государь за посадомъ, и начаша Государю бити-челоуѣ пищальники Новгородскіе; а ихъ было челоуѣкъ съ пятьдесятъ; и Государь велѣлъ ихъ отослати. Они же начаша посланникомъ Государскимъ сопротивитися, бити колпаки и грязью шибать; и Государь велѣлъ Дворяномъ своимъ, которые за нимъ ѣхали, ихъ отослати; они же начаша больно сопротивитися, и Дворяне на нихъ напустили. И какъ примчали ихъ къ посаду, и пищальники всѣ стали на бой, и почали битися ослопы и изъ пищалей стрѣлять, а Дворяне изъ луковъ и саблями; и бысть бой великъ, и мертвыхъ по пяти, по шести на обѣ стороны; и Государя не пропустили тѣмъ же мѣстомъ къ своему стану проѣхати, ао

объѣха Государь инымъ мѣстомъ. И Государь о семъ бысть въ сумнѣніи, и повелѣ о семъ провѣдати, по чьему науку бысть сіе сопротивление, а безъ науку сему быти не мощно; и повелѣ о семъ провѣдати Дьяку своему Василью Захарову, понеже онъ у Государя бысть въ приближеніи. Онъ же, невѣдомо какимъ обычаемъ извѣсти Государю сіе дѣло на Бояръ его, на Князя Ивана Кубенкаго, и на Ѳедора и на Василья Воронцовыхъ; а прежде того Государь Ѳедора пожаловалъ послѣ Шуйскаго Князя Андрея, и опять въ приближеніе у себя учинилъ; и кого Государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно. И Князь Великій, повѣря Дьяку своему, учалъ о томъ досадовати, и съ великія ярости положилъ на нихъ гнѣвъ свой и опалу по его словесемъ.» (Царств. Кн. 123—124.)

Подобныхъ казней опредѣлено было Іоанномъ очень много. Въ Архивской Псковской Лѣтописи, при описаніи частыхъ его путешествій по монастырямъ и на охоту, въ разныхъ мѣстахъ сказано: «а Князь Великій все гонялъ на мскахъ, а Христіаномъ многи протори учинилъ.» (Карам. VIII, пр. 153.)—

Семнадцати лѣтъ Іоаннъ женился на Анастасіи, и продолжалъ прежнюю праздную буйную жизнь; на примѣръ въ Псковской Лѣтописи есть извѣстіе: «Въ лѣто 7055 (1547) Псковичи послаша 70 человекъ на Москву жаловатися на Намѣстника на Туруптаю, и оны жалобщики били челомъ Государю на сельцѣ на Островкѣ, и Государь опалился на Псковичъ сихъ..... безчествовалъ обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчу зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря.» (Карам. VIII, пр. 167).

Тогда-то случились въ Москвѣ страшные пожа-

ры: городъ почти весь выгорѣлъ, и народъ началъ бунтовать. Іоаннъ удалился въ село Воробьево. Туда явился Священникъ Сильвестръ, лице удивительное въ нашей Исторіи и по своимъ качествамъ, и по образу дѣйствія. «Тогда убо,» говоритъ Курбскій: «тогда, глаголю, прииде къ нему единъ мужъ, Пресвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзъ заклинающе его страшнымъ Божиимъ именемъ.» (Сказ. Кн. Курбскаго I, 8.)

То есть: Сильвестръ раскрылъ предъ Іоанномъ Священное Писаніе, напугалъ его муками на томъ свѣтъ за безумное управленіе, а въ подтвержденіе вѣроятно указалъ на несчастія, которыя въ то время дѣйствительно случились, на смуты Боярскія; съ другой стороны представилъ ему награды, какія ожидаютъ Царей, исполняющихъ Божіи заповѣди, вызвался быть его руководителемъ, принималъ на свою душу его грѣхи.

Вотъ какъ самъ Іоаннъ описываетъ послѣ свое положеніе, въ разныхъ мѣстахъ писемъ къ Курбскому: «И Божій судъ восхищающе и прежь Божія суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложеніемъ, яко же съ своими начальники Попомъ и Алексѣемъ изложили есте (II, 24.)

«Посемъ же совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея, пріяхъ Попа Селивестра. (II, 55.)

«Сперва убо, яко благо нача, послѣдовавше Божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ Божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невѣдѣніи. (II, 56.)

«Насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творить, а не лукавствомъ. (II, 57.)

«И тако убо симъ бывающимъ: мнѣше убо, яко дивныя ради пользы сицевая убо утѣшенія творять намъ, а не лукавства ради.» (II, 59.)

Курбскій, въ письмѣ своемъ къ самому Иоанну, точно такъже описываетъ обстоятельства, по которымъ Сильвестръ приблизился къ Царю: «(Сильвестръ) душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выть носилъ, и взявши тя отъ прелественнѣйшихъ сквернъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ, поставилъ. (II, 121.)

«И свѣтлую побѣду изобрѣли тебѣ,» говоритъ онъ же..... «казнящъ тя, наказующе о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ. (II. 143.)

«...И еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключаются болѣзней на насъ и на Царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху.» (II, 61.)

Для большей силы Сильвестръ къ наставленіямъ своимъ присоединилъ какія-то видѣнія, которыми вѣроятно подѣйствовалъ еще болѣе на воображеніе слабого, устрашеннаго, неопытнаго юноши.

«Еще къ тому,» говоритъ Курбскій: «и чудеса и аки бы явленіе отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасовенія пушающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многожды и отцы повелѣвають слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами, и отъ излишнихъ игоръ презльхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлители умыслилъ. Яко и врачеве дѣлають, по неволѣ, согнившія гадрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подоб-

но, и онъ блаженный, лечецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ насталяюще на стезю правую. (I, 9.)

«Не мни мя,» говоритъ также самъ Іоаннъ объ сихъ благокозненіяхъ въ письмѣ къ Курбскому: «неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко жъ начальницы ваши Попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя *дѣтскими страшимы устрашити*, якожъ прежде сего съ Попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ советомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити? (II, 94.)

А Курбскій въ отвѣтъ такъ оправдываетъ сіе дѣйствіе Сильвестра: «Аще бы нѣчто и случилось, челоуѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго Пресвитера, иже бы ты устрашалъ *не истинными, но льстивыми видѣніи!*.... То же воистинну и врачеве премудрыя творять, дикія мяса и неудобъ цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожъ и онъ творилъ Пресвитеръ, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобныя ко исцѣленію.... прилагалъ пластыри, ово *кусательными словесы* нападающе на ты и ворицающе, яко бритвою непреподобныя нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще.... ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и преизлишнюю похоть и ярость твою востязающе.» (II, 122.)

Употребивъ сіи средства, благотѣльныя и благокозненныя, по выраженію Курбскаго, Сильвестръ овладѣлъ душою Іоанна, какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ лицемъ, и Іоаннъ предался ему совершенно, не смѣлъ выступить ни на шагъ изъ его во-

ли! Онъ пилъ, ѣлъ, одѣвался, жилъ по его урокамъ: «Кто же убо можетъ подробну исчести,» говоритъ онъ самъ: «еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстоіаніи и во всякомъ своемъ житіи и гоненіи и утѣсненіи. (II, 58.)

«Аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ челоуѣкомъ, обложенъ есть по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.» (II, 84.)

«Кольми же паче наша кровь на васъ вопіеть къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровнымъ капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпно; яко же по премнѣгу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многоаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и въздыханія и стенанія сердечная; и отъ сего убо пречресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя.» (II, 91.)

«Во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуца и спанія, вся не по своей воли бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ. (II, 58.)

«Понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, Фарисейскимъ обычаемъ, бдѣнъ носимо на мя наложисте.» (II, 92.)

«Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святымъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о Царицѣ нашей, и чадѣ нашихъ, и сія вся лукавымъ умъшленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася, въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помнуги тогда бяхе.» (II, 61.)

«Аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, (Смы-

вестра и Адашева,» — такъ говорили, по свидетельству Курбскаго, Іоанну новые его искренніе послѣ отдаленія первыхъ) очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіють тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ: обяжутъ тя паки и покорятъ ты аки въ неволю себя. Такъ худые люди и ничему годные чаровницы тебя, Государя, такъ великаго и славнаго и мудраго, Боговѣнчаннаго Царя, держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повѣлѣвающе тебѣ *въ мѣру ясти и пити и со Царицею жити*, не дающе тебѣ ни въ чемъ же своей воли, а ни въ малъ, а ни въ великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при Государѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ: а то творили они своими чаровствами, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовать и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки ты очаровавши, ослѣпятъ. Нынѣ же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое Царство, яко помазанецъ Божій, и ни кто же инъ, точию самъ единъ тое управляюще и имъ владѣюще.» (I, 101.)

И такъ Сильвестръ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ Іоанномъ и вмѣстѣ съ его Царствомъ. Это свидѣтельствуеть также во многихъ мѣстахъ самъ Іоаннъ, который, возмужавъ, образумившись, подвергшись другимъ вліяніямъ, свергнулъ съ себя противное иго. Вотъ сін убѣдительныя мѣста:

«Не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ ме-

ня все Государство сняли: словомъ, азъ былъ Государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ.» (II, 111.)

«И вся властію во всей своей волѣ имый, ни что же отъ насъ пытая, *аки нѣсть насъ*, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяще. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху!» (II, 57.)

«Вы убо, яко дѣволъ, съ Селивестромъ Попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовъ хваляся: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: *внялъ ли на моего Іова?* тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у васъ быти и всю Русскую землю: но вся матеръ ваша ни во что жъ бысть, Божиимъ изволеніемъ.» (II, 113.)

«Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобснаго умышленія, понеже съ Попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ Государь, а вы бѣ съ Попомъ владѣли.» (II, 35.)

«Или убо сіе свѣтло, Попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, Царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба.» (II, 34.)

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго Попа и вашего злочестія повелѣнія Самодержеству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію Попа быти съ вашего злодѣянія.» (II, 24.)

«Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися Царству отъ Попа невѣжи, отъ злодѣйственныхныхъ, измѣнныхъ человекъ, и Царю повелѣваему быти? И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному

Царю воцаритися? Ни гдѣ же бо обращаши, иже не разоритися Царству, еже отъ Поповъ владому.» (II, 33.)

О могуществѣ Сильвестра мы имѣли еще и другія свидѣтельства: въ Царственной книгѣ сказано: «Въ та же времена бысть у Благовѣщенія у церкви, иже на сънехъ, у Царскаго двора нѣкій Священникъ, зовомый Селивестръ, родомъ Новгородецъ. Бысть же сей Священникъ Селивестръ у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтъ въ духовномъ и въ думномъ, а бысть яко все мога, и вся его послушаху, и ни кто жъ смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради Царскаго жалованья, указываше бо и Митрополиту, и Владыкамъ, и Архимандритамъ, и Игуменомъ, и Чернцемъ, и Попомъ, и Бояромъ, и Дьякомъ, и приказнымъ людямъ, и Воеводомъ, и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ людямъ, испроста рици, какія дѣла и власти Спасительскія и Царскія правяше, и ни кто же смѣяше ни что жъ ради ни сотворити не по его велѣнію; и всѣми владѣяше обѣма властью, и Святительскаго и Царскаго, но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добре всѣми, и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками.» (С. 342.)

Сильвестръ для лучшаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ заключилъ союзъ съ однимъ изъ людей, близкихъ тогда къ Іоанну, Алексѣемъ Адашевымъ, какъ увидѣли читатели изъ предъидущихъ мѣсть. Вотъ какъ говоритъ о семъ Курбскій: «Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; Царевнѣ жъ той Алексѣй въ то время зело любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зело полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, Ангеломъ подобенъ.» (I, 9.)

Іоаннъ также, кромѣ приведенныхъ мѣсть объ

Адашевъ, говорить объ немъ еще вотъ что: «До того же времени бывшу сему собакъ Алексью, вашему начальнику въ нашего царствія дворъ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся, ... чающе отъ него прямыя службы.» (II, 55.)

Сильвестръ и Адашевъ наполнили Дворъ такими людьми, которые готовы были дѣйствовать въ его духъ, по его наставленіямъ, и не выпускали изъ новыхъ узъ молодаго боязливаго Царя.

»Что же сіе мужіе два творять полезное земль оной, спустошенной уже воистинну и зѣло бѣднѣ сокрушенной? Преклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творять, сіе дѣлають! Главную доброту начинаютъ — утверждають Царя, и якого Царя? Царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же удають и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придають? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ, завѣщаваеть оный Превзитеръ, и отгоняеть отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во Царствѣ, и отсылаеть и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляеть себѣ въ помощь Архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, Превзитерствомъ почтенныхъ; и возбуждають Царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко

подобаетъ, къ Богу приводятъ, и Святыхъ, непорочныхъ Христа нашего Таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

«И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему Совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистый сушихъ, благочестіемъ и страхомъ Божиимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, тако жъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроить или мыслити. Воистинну премудрому Соломону глаголющему: *Царь, рече, добрыми совѣтниками, яко градъ претвердыми столпы утверждень*; и паки: любяй, рече, *совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совѣтъмъ исчезнетъ*: понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оныя совѣтницы у него *Избранная Рада*; воистинну по дѣломъ и нареченію имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, не лицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наибъшее; и къ тому Воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, противъ враговъ избираютъ, и Стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижимыми. Нѣкоторые же отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А паразитовъ, или тумедцевъ, сирѣчь подобьдовъ или товарищей трапезамъ, аже блаженствомъ или шутками питаются, и

кормы хають, не токмо тогда не даровано, то и отгоняемо, вкупъ съ скомрахи, и со иными прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаянъми, каждому по достоянію. (I, 10, 11, 12.)

«Онъ же (Сильвестръ) восхитихся властію,» говоритъ самъ Іоаннъ объ этой новой партіи: «якоже Ілія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ.» (II, 56.)

«Такъ же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мѣтвше насъ не разсудныхъ суща: и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по-малу всѣхъ васъ Боярь начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще, молодыхъ же Дѣтей Боярскихъ съ вами честію подобяще; и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почаль причитати къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего Великаго Государя Уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даются, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего Уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, Князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ Сигклитію припустилъ..... И тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже свои угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улужиша. По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ Бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей

власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годъ, и яко же кто како восхощетъ: потому же утвердися дружбами.» (II, 56.)

«Такъ и вы хотѣте съ Попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со встми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти.» (II, 111.)

«Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату, — яко къ худѣйшему чесому надменная словеса неистовѣ изношаху, и сія вся благочестивѣ вмѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворитъ, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе! И тако убо намъ въ сичевомъ гоненіи и утѣсненіи пребывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно, сія умолахуся.» (II, 58.)

Надѣюсь, сихъ мѣсть достаточно для убѣжденія, что Юаннь съ 1547 года сдѣлался лицомъ совершенно страдательнымъ и не принималъ ни какого участія въ управленіи.

Въ такомъ положеніи, разумѣется, онъ былъ особенно въ первые два, три года своего удивительнаго подчиненія, — это безъ всякаго сомнѣнія, — и тогда-то вышелъ Судебникъ, Стоглавъ, Законъ о мѣстничествѣ, о Присяжныхъ и проч.

Спрашиваю: можно ли послѣ сихъ торжественныхъ и многократныхъ отреченій, въ разныя времена, приписать одну строку, одну мысль изъ всѣхъ сихъ постановленій собственно Іоанну?

Еще болѣе: если бы даже не было сихъ отреченій, можно ли приписать сіи постановленія Іоанну, которому было тогда менѣе двадцати лѣтъ, который до сихъ поръ только буянилъ, распутничалъ, ничего не дѣлалъ и ни объ чемъ не имѣлъ понятія?

Естественно перемѣнить образъ жизни, вольно или невольно; но узнать вдругъ нужды своихъ подданныхъ, ихъ отношенія между собою, отношенія къ Верховной Власти, опредѣлить ихъ вновь, — это не въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Очевидно, это дѣйствіе новой партіи при Дворѣ, непохожей на всѣ прежнія, и слава за оныя принадлежитъ ей, Сильвестру, основателю и руководителю ея, а не Іоанну.

Если бы Іоаннъ сдѣлалъ что нибудь знаменитое въ это время, вѣрно онъ не пропустилъ бы сказать о томъ въ письмахъ своихъ къ Курбскому, гдѣ онъ старался хвалиться предъ нимъ своими подвигами.

То же должно сказать и объ рѣчи семнадцатилѣтняго Іоанна къ народу, сохранившейся въ Степенной Книгѣ Хрущова, немедленно послѣ выступленія Сильвестра на сцену. Она, разумѣется, произнесена была по мысли и внушенію этого удивительнаго чело-вѣка. Самъ Іоаннъ намъкаетъ на это, какъ ясно видно изъ связи его словъ. (I, 56).

Между тѣмъ Казань бунтуетъ.

Замѣтить надо, что Казань взята была нами при Іоаннѣ Васильевичѣ III. Цари ея съ тѣхъ поръ были нашими присяжниками, и часто насъмались и смѣялись нами; впрочемъ происходило нѣсколько бунтовъ, для прекращенія коихъ отправляемы были изъ Москвы войска, приводившія городъ въ прежнее

подданство. Такъ въ малолѣтство Иоанна было нѣсколько подобныхъ походовъ подъ Казань, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Слѣдовательно взятіе Казани въ 1551 году есть одно изъ маловажныхъ происшествій Россійской Исторіи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; оно получило у насъ такой блескъ потому только, что есть современное подробное описаніе, перенесенное въ Исторію въ краснорѣчивомъ переводѣ. Но укрощеніе послѣдняго Кавказскаго бунта, столь краснорѣчиво описанное Г. Марлинскимъ въ Сѣверной Пчелѣ, можетъли теперьйти въ Русскую Исторію со всеми своими любопытными подробностями?

Впрочемъ, важно ли, не важно ли взятіе Казани, — Иоаннъ участвовалъ въ немъ столько же, какъ въ сочиненіи Судебника и Стоглава. Его взяли съ войскомъ, какъ прежде приказывали сказать рѣчь съ лобнаго мѣста. Иоаннъ, не имѣвъ понятія о военномъ искусствѣ, могъ ли распорядить осадой!

Всего лучше свидѣтельствуеъ это онъ самъ. «Тако убо: *аки пльнника всадишь въ судно, везяшу съ малѣйшими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагають, еже нашу душу во иноплеменныхъ руки тицатся предати!» (II, 59.) И мы прославляемъ его какъ героя за взятіе Казани!*

А какъ онъ дѣйствовалъ подъ Казанью! Вотъ какъ:

«Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати. Царевнѣ нашему и всемъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и злю ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокруши-

ся, уповая, иже все войско уже Христіанское Бурсурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные Сигклитове его, повелѣша хоругвь великую Христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ Царскихъ, подвинуть, и самого Царя, хотѣща, за бразды коня взявъ, близъ хоругви поставиша: понеже были ибцын, между Сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нанихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ.» (I, 39.)

=

При взятіи Казани однако жъ Іоаннъ, какъ молодой левенокъ, начинаетъ уже чувствовать силу свою, начинаетъ понимать, что онъ можетъ дѣйствовать по своей волѣ. Такъ, разсердясь на одного Боярина, онъ сказалъ ему: нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ. Противная партія, безъ которой не бываетъ при Дворѣ, партія людей, отстраненныхъ Сильвестромъ, искала, разумѣется, средствъ, шептать противъ его униженія, утверждаютъ его въ мысляхъ объ его волѣ, силѣ, чтобъ отвратить его отъ первой, и заступитъ со временемъ ея мѣсто. Доступъ былъ легокъ чрезъ родственницъ Царицы, которыхъ преимущественно обвиняетъ Курбскій, — и это очень естественно, ибо они по родству должны бѣ быть подлѣ Царя, а при Сильвестровой партіи не значили ничего! Совѣты ихъ пріятные для всякаго самолюбія, разумѣется, были еще пріятнѣе для Іоаннова, столько стѣсненнаго тогда. Не надо опускать изъ виду и темперамента Іоаннова, который держали въ такихъ оковахъ. Какъ это согласно съ здравымъ разсудкомъ, обстоятельствами, свидѣтельствами, событіями!

Іоаннъ тогда же началъ мало-по-малу выходить изъ-подъ опеки. Онъ настаиваетъ на своихъ желаніяхъ, слѣдуетъ уже иногда совѣту другихъ людей.

«Царь же вниде въ советъ о устроенію града новозятаго: и советовавше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями напривожено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство Бусурманское и Царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки; онъ же совета мудрыхъ Воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совета шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшитъ ко Царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами.» (I, 47.)

И такъ что же остается за Іоанномъ въ эту такъ называемую блистательную половину его царствования? Во взятіи Астрахани, точно какъ послѣ Сибири, въ заведеніи торговли съ Англіею, онъ не принималъ ни какого участія — это уже безспорно. Все это Россіи Богъ далъ.

Напротивъ, онъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами для Россіи, когда послѣ началъ мало-по-малу освобождаться отъ противной опеки. Такъ свидѣтельствуеъ Курбскій:

«Тогда время было надъ Бусурманы Христіанскимъ Царемъ мститися за многолѣтнюю кровь Христіанскую, безпрестаннѣ проливаемую отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точію того ради и помазаны бывають, еже прямо судити и Царство, врученное имъ отъ Бога, оброняти отъ нахождения варваровъ. Понеже и нашему тогда Цареви, Советницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, советовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго Царя...» (I, 80.)

«Добро бы и паки реку, зѣло добро избавити въ Ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтняя работы, и раз-

рѣшити окованныхъ отъ претягчайша неволи; но нашъ Царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую Орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими Стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же вышлыша Днѣпромъ на море и, надъ надежду Татарскую, не малую тщету учиниша въ Ордѣ: яко самихъ побивша, такожь женъ и дѣтей ихъ не мало плѣниша, и Христіанскихъ людей отъ работы свободили не мало, и возвратишась во-свояси здравы. *Мы же паки о семъ, и паки Царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потишлся итти, или бы войско великое послалъ въ то время на Орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрныя товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единокольныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго Епископа глаголемаго Топорка. (I, 81.)*

И такъ, повторяю, гдѣ великія двянія Іоанновы?

Мы видимъ изъ послѣднихъ свидѣтельствъ, что Іоаннъ началъ поступать самовольно. Это случилось, или лучше, это утвердилось по слѣдующему-стеченію обстоятельствъ, кромѣ причинъ и соображеній, уже предложенныхъ нами.

Черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія изъ Казани, Іоаннъ отчаянно занемогъ горячкою. Сильвестръ и Адашевъ со всею своею партією должны были ожидать себѣ гибели при новомъ Правленіи, подъ начальствомъ шурьевъ Іоанновыхъ, гибель, какую по очереди испытывали всѣ низверженныя партіи, Шуйскіе, Бѣльскіе, Глинскіе. Вѣроятно, они рѣшились

избрать на царство двоюроднаго брата Царскаго, Князя Владиміра Андреевича, какъ сталъ обвинять ихъ послѣ Іоаннъ. — Можетъ быть, они руководствовались и любовію къ отечеству, по объясненіямъ Карамзина, и не желали отказаться отъ своего, столь успешно начатаго дѣла. Отецъ Адашева прямо сказалъ умирающему Іоанну: «Тебѣ, Государь, и сыну твоему, Царевичу Князю Дмитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Даніилу съ братією не служити; сынъ твой Государь нашъ еще въ пеленицахъ, а владѣти намъ Захарьинымъ, Даніилу съ братією, а мы ужъ отъ Боярѣ до твоего возраста бѣды видали многія.» (339, Царств. Кн.)

Но Іоаннъ всталъ съ одра смерти. Какое поле открылось для противной партіи! Какой благовидный предлогъ для очерненія въ глазахъ Іоанновыхъ Сильвестра и Адашева, шедшихъ, такъ сказать, прямо противъ его вдовы и сына! Іоаннъ явно свидѣтельствуесть послѣ, что это такъ дѣйствительно тогда и было.

Въ Царственной Книгѣ сказано, что Сильвестръ выговаривалъ Боярамъ, зачѣмъ они не пускаютъ къ больному Іоанну брата его Владиміра, а тѣ ему противились: «и оттолъ бысть вражда межи Боярѣ и Сильвестромъ и его совѣтники.» (343.)

Однако жъ такая великая сила, какую имѣлъ Сильвестръ надъ Іоанномъ, первое глубокое впечатлѣніе, имъ произведенное, не могли ослабѣть вдругъ. Та трусость, робость, которая сначала подчинила его Сильвестру, которою отличался онъ всегда, приказывая дерзнуть побой посламъ нашимъ, бѣгая отъ Крымскаго Хана, приказывая бить ему челою, готовя себѣ убежище въ Англій, была причиною, что онъ не вдругъ оставилъ Сильвестра. Царственная Книга говоритъ, что Князь Владиміръ, заключен-

ный въ темницу въ слѣдствіе представленныхъ обстоятельствъ, и мать его: «его бо промысломъ изъятства вышущены.» (343.) Самъ Іоаннъ говоритъ тоже.

Къ этому времени относится знаменитый совѣтъ Вассіана Топоркова, Коломенскаго Епископа, данный Іоанну во время его путешествія послѣ болѣзни по монастырямъ, не держать совѣтниковъ умнѣ себя. (Этотъ совѣтъ былъ данъ безъ всякаго сомнѣнія: Курбскій, кромѣ своей Исторіи, говоритъ объ немъ прямо самому Іоанну). Іоаннъ, все еще двадцати только двухъ лѣтъ, поцѣловалъ руку Вассіанову, и сказавъ, что самъ отецъ не могъ бы совѣтовать ему лучше. Онъ чувствовалъ свои оковы.

Далѣе не было ни какихъ происшествій, кои могли бы быть причтены въ честь или безчестье Іоанну. Не зная происшествій придворныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ положеніи были партіи между собою и предъ Іоанномъ.

Въ 1558 г. началась война Ливонская. Сильвестръ тогда уже ничего не значилъ: онъ совѣтовалъ не начинать этой войны, но его не послушали: «Брань, еже на Германь», говоритъ Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому:..... «и отъ того времени отъ Попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробно глаголати! Ежели какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германь ради случися. (II, 74.) (Іоаннъ, кажется, разумѣетъ здѣсь мнимыя послѣдующіе заговоры противъ него. — Война съ Ливонскими Нѣмцами — не есть ли хитрая уловка противной партіи?)

Сильвестръ, видя, что онъ лишился своей силы надъ Царемъ, удалился отъ Двора: «А той Селивестръ», говоритъ Курбскій: «ежели прежь, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозь всякія

вещи начинаетъ, прѣтивъ ему и наказуя много, да во страхъ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жителъствуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много, онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: разсмотрѣвъ же вся сія Превзвѣтеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо во мнишествѣ будуще, нарочитое и чпстое свое жителъство препровожалъ. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣють оныя Мниси его, сего ради, завистию разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящеся, да не услышнтъ Царь о семъ и паки да не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательные, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначалныя пїянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ одного свѣтлаго: и оттуды похватиша его и заведоша на Соловки, яже прежь рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющихся, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.» (I, 105.)

Адашевъ былъ отправленъ въ войско.

Другая партія восторжествовала.

Впрочемъ въ Ливонской войнѣ Іоаннъ также не принималъ ни какого участія, оставшись спокойно въ Москвѣ.

Вотъ всѣ происшестія до 1560 года: читатели видятъ, что дѣлалъ Іоаннъ.

О дѣйствіяхъ другой партіи сначала, а послѣ о дѣйствіяхъ самого Іоанна, слишкомъ извѣстныхъ и безпутныхъ, объ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ къ развитію его и опредѣленію его характера — говорить здѣсь не мѣсто.

. Мнѣ остается только отвѣчать на нѣкоторыя инвѣнія противныя.

Курбскій, на коемъ я основалъ нѣкоторыя свои доказательства, славить Іоанна за средніе годы его царствованія, коихъ честь я отнимаю у него. См. I, 11, 14; II, 138, 147, 148, 149, 151.

Вотъ объясненіе. Всѣ письма Курбскаго къ Іоанну обращаются около одной мысли, какъ замѣтилъ и Г. Устряловъ: «вотъ каковъ былъ ты, когда слушалъ насъ; вотъ что сдѣлалось съ тобою, когда ты насъ оставилъ, и выбралъ себѣ другихъ наперсниковъ.» Слѣдовательно ему необходимо, такъ сказать, было хвалить Іоанна за первое время. Хваля его при этомъ условіи, онъ какъ будто бы надѣялся еще привлечь его на свою сторону; порицая его безусловно, онъ отказался бы отъ этой надежды, и привелъ бы въ подозрѣніе свое безпристрастіе. (Сказать Іоанну въ глаза, что онъ никогда ничего не дѣлалъ, это было бы ругательство. Какъ бы онъ могъ объяснить въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ и его друзья служили прежде Іоанну и искали его милостей? Словомъ — Курбскій не могъ писать иначе ни въ письмахъ своихъ, ни въ Исторіи, чтобъ не противурѣчить самому себѣ. Впрочемъ, всмотритесь внимательнѣе: похвалы его суть только общія мѣста; мы не видимъ дѣйствій, къ коимъ бы онъ прикладывались непосредственно, или видимъ противурѣчающія, которыя заставляютъ насъ сомнѣваться въ оныхъ напр. при описаніи взятія Казани, отношеній къ Крымскимъ Татарамъ. Сии слова или извѣстія вырываются у Курбскаго. невольно, противъ его намѣренія, и потому убѣждаютъ насъ наиболее въ своей истинѣ, по ничтожности Іоанновой во всѣ періоды его жизни.

Нѣкоторые наши Лѣтописатели говорятъ, что по смерти Анастасіи, «аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія Царскаго припаде, и нѣкако превратися многомудростной его умъ на яростный нравъ и проч.»— Это ни мало не служитъ доказательствомъ, что прежде онъ былъ великъ. Зло въ сердцѣ Іоанновомъ росло постепенно, и Лѣтописатели увидѣли, когда оно уже выросло наружу. Притомъ, какъ обыкновенно, дѣйствія партіи Іоанновой они приписывали самому Іоанну.

То же должно сказать и объ нѣкоторыхъ, очень немногихъ иностранцахъ, которые его хвалятъ изрѣдка.

Петръ Великій уважалъ его (если уважалъ), тоже за добро, которое получила Россія въ его царствованіе, смотря на него съ одной стороны.

Знаменитый нашъ Исторіографъ повѣрилъ съ перваго взгляда Курбскому и Лѣтописямъ, и увлекся блестящимъ предметомъ. Какъ писатель нашего времени, онъ избѣгнулъ, разумѣется, противорѣчій Курбскаго, пропустилъ нѣкоторыя и объяснилъ другія, сообразно съ своимъ образомъ мыслей. Еще болѣе: онъ отложилъ все дурное объ Іоаннѣ до смерти Анастасіи, то есть, до 9-го тома, между тѣмъ, какъ самъ Курбскій послѣ взятія Казани ослабѣваетъ въ своемъ рвеніи; между тѣмъ, какъ очень многое уже случилось, какъ мы видѣли, представляющее Іоанна совсѣмъ съ другой стороны.

Іоаннъ говоритъ самъ, что отъ 1547 до 1553 года, отъ 17 до 23 лѣтъ своей жизни, онъ не принималъ ни какого участія въ правленіи, и это согласно со всѣми прочими свидѣтельствами и соображеніями; а Карамзинъ объясняетъ (IX, 15) слова Іоанновы вотъ какъ: «Гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ

(Сильвестра и Адашева), клевететь на самого себя.» — Клеветать на самого себя — это очень мудро! Но развѣ Іоаннъ не могъ виписать ихъ и вмѣстѣ не отказываться отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, если бѣ были какія? «Гораздо върнѣе,» продолжаетъ Карамзинъ, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть. «А это очень отвлеченно — какъ, въ чемъ, могъ онъ узнать прелесть добра, гдѣ доказательство? Мало можно надѣяться на челоуѣка, особенно въ то время, когда кто только узнаетъ прелесть добра, а не чувствуетъ ея, а что Іоаннъ лишенъ былъ способности ее чувствовать — доказательство во всей его жизни. «И наконецъ увлеченный страстьми, только обузданными, неискорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ могъ всегда расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи.» Долго! Нѣтъ, не долго. Напуганный, онъ принуждалъ себя только года четыре, пока приходилъ, какъ говорится, въ свой разумъ и силу.

Г. Устряловъ замѣчаетъ нѣкоторыя мѣста въ Исторіи Курбскаго и перепискѣ его съ Іоанномъ, противурѣчащія общимъ понятіямъ объ Іоаннѣ; а въ заключеніе, предложивъ мнѣніе Курбскаго и Карамзина, говоритъ: «Кто же правильнѣе судилъ Іоанна. современный ли писатель, видѣвшій дѣла его, но питавшій къ нему злобу непримиримую, или позднѣйшій Историкъ, который не имѣлъ ни какого повода быть пристрастнымъ, и съ помощію многихъ свидѣтелей могъ открыть истину?» (LXII.) Отвѣчаемъ: ни тотъ, ни другой.

Наконецъ я долженъ поднять руку на самого себя. Въ 1824 году я писалъ о характерѣ Іоанна Гроз-

наго *, и старался доказать, что зло росло въ Иоаннѣ постепенно, и обнаружилось въ немъ гораздо прежде смерти Анастаси, которой нечего уже было унести въ могилу, вопреки мнѣнію нашего Исторіографа; что подозрительность, усиленная несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ была главною причиною всѣхъ его жестокостей, простиравшихся преимущественно на Боярство. Я не смѣлъ тогда еще коснуться до Судебника и до Казани, и видѣлъ въ Иоаннѣ человека, «рожденнаго съ душею, способною ко всему великому, страстьми пылкими, волею сильною.» Въ доказательство сего положенія, я указывалъ въ первомъ періодѣ его жизни на рѣчь, въ которой онъ просилъ прощенія у народа, Судебникъ и Казань; во второмъ, на бракъ съ Собакиною, не смотря на близкую, извѣстную ея смерть, возведеніе Филиппа въ санъ Митрополита, не смотря на его упреки, созваніе Депутатовъ со всего Государства, переписку съ Курбскимъ. Нынѣ, по внимательномъ критическомъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ, принужденный, такъ сказать, принять другое мнѣніе, я долженъ объяснить послѣднія обстоятельства иначе, чтобъ не быть въ противурѣчьи съ собою. Бракъ съ Собакиной — Иоаннъ могъ надѣяться на ея выздоровленіе, притомъ для него ничего не стоило жениться въ четвертый, пятый разъ. Возведеніе Филиппа — Филиппъ былъ вызванъ изъ Соловковъ для этого сана, далъ подписку за порукою Духовенства не вступаться въ дѣла правительственныя, и послѣ выгнавъ метлами изъ Успенскаго Собора. Созваніе Депутатовъ — великая опасность заставила Иоанна прибѣгнуть къ сему средству, необыкновенному въ то время. Переписка съ Курбскимъ — Иоаннъ хотѣлъ чѣмъ нибудь удовлетворить своей злобѣ на

* Это напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829 г. Часть 3.

него, и не могли казнить, хотѣлъ по крайней мѣрѣ обругать его. Какъ легко, скажетъ иной читатель, объяснять происшествія, по своему произволу! Отвѣчаемъ: Мы почитаемъ такого — то человѣка добродѣтельнымъ, и всѣ его дѣйствія толкуемъ въ хорошую сторону. Но мы получили доказательства, что онъ лицемеръ, и прежній взглядъ нашъ переиначается, и похвальное прежде дѣлается новымъ источникомъ новаго обвиненія. Главное здѣсь — въ основаніяхъ. Я предложилъ свои причины: пусть судить читатель, справедливы ли онѣ или нѣтъ.

Впрочемъ первую мою статью можно соединить съ этою, и изъ обѣихъ вывести заключеніе, что Иоаннъ не заслуживаетъ такой славы, за первую, и такой ненависти за вторую половину своего царствованія, какія у насъ ему приписываютъ; что онъ былъ человѣкъ обыкновенный, и душа его состояла изъ остатковъ того вещества, если можно такъ выразиться, изъ котораго сотворены были Генрихъ VIII, Лудовикъ XI, Филиппъ II, принимающіе надъ нимъ рѣшительное преимущество силою своихъ характеровъ.

М. ПОГОДИНЪ

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНІЕ АНГЛІИ *

=

Въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится нынѣ Великобританія, ничто не возбуждаетъ столько опасеній, какъ состояніе ея финансовъ. Сколь ни тягостно положеніе ея во всѣхъ другихъ частяхъ, но бремя государственнаго долга всего тягостнѣе. Наибольшая часть дохода обращена на платежъ однихъ процентовъ, между-тѣмъ, какъ сумма долга не только не уменьшается, но и нѣтъ ни какихъ видовъ къ ея уменьшенію. Удивительно ли, что Правительство доведено до такого затруднительнаго положенія, которое не дозволяетъ ему предпринять ничего рѣшительнаго и вообще затрудняетъ ходъ управленія? Не нужно имѣть дара пророчества, чтобы предвидѣть, что если всѣ другія сѣмена разрушенія, беспощадною рукою посеяныя среди насъ (Англичанъ) въ послѣдніе три года, не принесли еще свойственныхъ имъ плодовъ; если крѣпость государственнаго зданія доселѣ еще противилась всѣмъ потрясеніямъ, то запутанность финансовъ есть такое зло, которое должно наконецъ причинить ему упадокъ. Невозможно, чтобы нація, живущая, такъ сказать, со дня на день, временны-

* Статя эта, примѣчательная во многихъ отношеніяхъ, заимствована изъ одного изъ лучшихъ Англійскихъ Журналовъ, и притомъ не принадлежавшаго исключительно одной политической партіи: по этому она заслуживаетъ особенное вниманіе иностранцевъ, которые желали бы узнать настоящее положеніе дѣлъ Великобританіи. Сужденія писателя другой націи всегда могутъ казаться пристрастными: послушаемъ, что говорятъ просвѣщенные Англичане сами о финансахъ своего отечества, и какъ они судятъ о своихъ правительственныхъ формахъ, которыя въ Европѣ такъ часто почитаются образцовыми.

ми пособиями, и безпрестанно борющаяся съ недостатками доходовъ, могла надолго сохранить свое достоинство и то могущество, которое необходимо для поддержанія величайшей Державы, невиданной въ свѣтъ послѣ паденія Римской Имперіи.

Всѣ согласны въ томъ, что государственный нашъ долгъ безмѣрно великъ, и что послѣдствія его гибельны; но кто виною сему, и какъ отвратить сіе зло, въ этомъ мнѣнія столько же отдалены между собою, какъ полюсы одинъ отъ другаго. Партія Виговъ вопіеть, что Тори сдѣлали долгъ; что ихъ несправедная и вовсе безнужная война противъ Французской революціи прибавила долгу 600 милліоновъ фунт. стерл. (15,000 милліоновъ руб. асс.); что съ помощію сихъ денегъ они купили себѣ большинство голосовъ въ Парламентъ, которое поддерживало сію борьбу; и что, наконецъ, они оставили кормилло правительства, но тогда уже, когда нація дошла почти до банкротства, такъ, что теперь нѣтъ ни какой возможности выпутаться изъ сего затруднительнаго положенія. Противъ этого возражаютъ Тори, что война была необходима, по причинѣ разрушительныхъ и опасныхъ правилъ Франціи, поддерживаемыхъ въ Англии Вигами; что война сія продлила существованіе Англии на сорокъ лѣтъ, и учетверила нравственныя и физическія ея силы; что безъ того Англійская нація не только потеряла бы свое мѣсто между Европейскими Державами, но погибла бы неизбѣжно среди гигантскихъ усній враговъ своихъ въ сей страшной борьбѣ; и что бремя долга, тяготящее насъ столь жестоко и безнадежно, происходитъ отъ того, что послѣдующія министерства уклонились отъ твердыхъ и мудрыхъ правилъ финансовой политики Питта, и, устрасавъ народнаго крика, отмѣнили множество налоговъ, на которыхъ окончательное погашеніе долга было осно-

вано. Наконецъ, Радикалы, не принимая на себя труда разобрать историческій вопросъ, которая изъ двухъ партій, управлявшихъ государствомъ, виновна въ накопленіи долга, утверждаютъ, что теперь надлежитъ только рѣшить, что съ нимъ дѣлать; что разрѣшить сей вопросъ не трудно; что какъ долгъ сдѣланъ аристократами, то они же должны и заплатить его; и что единственный къ тому способъ, либо заставить кредиторовъ понизить фонды въ той же пропорціи, въ какой уменьшились государственные способы, либо наложить на нихъ большой налогъ, для облегченія промышленнаго класса народа, и такимъ образомъ взвалить бремя на плеча тѣхъ, для пользы которыхъ долгъ сдѣланъ.

Среди сей борьбы разныхъ мнѣній, состояніе государственныхъ доходовъ становится ежедневно хуже. Герцогъ Веллингтонъ оставилъ своимъ преемникамъ въ правленіи чистаго излишка доходовъ противъ расходовъ 1,800,000 ф. стерл. (45,000,000 руб. асс.) въ годъ, и капиталъ погашенія 2,900,000 ф. стерл. (72,500,000 руб. асс.); но все это такъ сократилось отъ потрясеній новой реформы и уничтоженія многихъ косвенныхъ налоговъ, что излишекъ весь исчезъ, а капиталъ погашенія совсѣмъ уже не существуетъ. Государственный доходъ недостаточенъ для покрытія всѣхъ расходовъ; недостатокъ сей въ послѣдніе годы простирался до неслыханной въ нашей Исторіи суммы 40 милліоновъ рублей! Такъ всѣ надежды на уплату долга исчезли, и нація принуждена подвергнуться навсегда ежегодному платежу 80,000,000 ф. стерл. (700 милліоновъ руб. асс.) процентовъ.

Уплата долга, или по крайней мѣрѣ постепенное его уменьшеніе, представляется еще болѣе безнадежнымъ, если мы примемъ въ уваженіе финансовыя мѣры реформированнаго Парламента и тѣ ожи-

данія, какими льстить себя народъ, избравшій своихъ представителей. Въ первое засѣданіе сего Парламента прибавлено еще долга, по самому умеренному расчету, 30 милліоновъ фунтовъ (750 милл. руб. асс.) Народные представители, удобно увлекающіеся всякимъ волненіемъ умовъ, нашлись въ необходимости допустить освобожденіе Негровъ изъ неволи, — мѣра безвременная, для которой 20 милліоновъ далеко недостаточны, чтобъ вознаградить потери владѣльцевъ. Страсть къ нововведеніямъ столько усилилась въ народъ, что даже безпримѣрное величіе нашей Державы въ Индіи не избѣгло переворота, и потребно 10 милліоновъ, чтобы проложить дорогу народному вторженію въ сей полуостровъ, и, можетъ быть, разрушить великолѣпнѣйшее царство на Востокъ. Между-тѣмъ, какъ народное богатство расточается такимъ образомъ въ заграничныхъ нашихъ владѣніяхъ, внутренніе расходы увеличались въ той же пропорціи.

При такой ужасной расточительности министерства Виговъ, неукротимый крикъ народа и его ожиданія отнимаютъ послѣднюю надежду на уплату государственнаго долга. По мѣрѣ того, какъ нынѣшніе наши правители, съ отчаянною безрасчетностію, сопровождающею и предвѣщающею близкое ихъ паденіе, сыплютъ деньги во всѣ стороны, какъ единственное средство къ отвращенію тѣхъ затрудненій, которыми сами они окружили правительство, народъ день ото дня все громче и громче вошеть, чтобы немедленно уничтожены были всѣ тѣ налоги, которые, какъ его увѣрили, наложены были только для поддержанія злоупотребленій партіи Торн. Народъ столь рѣшительно требуетъ отмены постоянныхъ налоговъ, *assessed taxes**, налога на солодъ

* Такъ называются налоги на дома и окна.

и другихъ важныхъ отраслей государственнаго дохода, что Министры едва успѣли отложить на время сію мѣру, убѣдивши Нижнюю Палату возстановить сегодня то, что вчера было разрушено; но не трудно предвидѣть, что, при увеличивающемся безсильи Министровъ и при усиливающимся ожесточеніи народа, скоро должно будетъ пожертвовать какъ сими, такъ и многими другими главными источниками государственнаго дохода. При такихъ замѣшательствахъ нельзя и подумать, ввести правильную систему финансовъ: правительство живетъ только съ одного дня на другой разными происками; революціонные крики нововводителей укрощаются на минуту пожертвованіемъ великихъ государственныхъ интересовъ; а жалобы владѣльцевъ, угрожаемыхъ разореніемъ, утишаются немедленнымъ обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, народныя тягости безпрестанно увеличиваются, капиталъ погашенія исчезъ, долги становятся неуплатными, сбереженія пятнадцати лѣтъ расточены въ одинъ годъ, и, въ награду за финансовыя реформы демократическаго Парламента, нація обременена новымъ долгомъ 30 милліоновъ, и ежегоднымъ платежемъ навсегда 1,500,000 ф. (37,500,000 р.) процентовъ: — и все это среди глубокаго мира!

Сколь ни странными должны казаться такія послѣдствія для тѣхъ, которые думали, что уничтоженія всѣхъ злоупотребленій и сокращенія расходовъ скорѣе всего должно ожидать отъ народнаго вліянія въ дѣла правительства; но онъ ни мало не удивителенъ для того, кто привыкъ смотрѣть на примѣры Исторіи. Представительныя правительства всегда были величайшими расточителями народнаго богатства, и это отъ того, что, бывъ основаны на страстяхъ народа, а не на прочныхъ его пользахъ, они имѣютъ нужду въ деньгахъ для поддержанія себя, а

о будущемъ не заботятся. Адамъ Смитъ именуе-
тъ націи, которыя въ его время наиболѣе обременены были долгами; то были: Генуя, Венеція, Голландія и Англія, — самыя тѣ, въ которыхъ народъ имѣлъ вліяніе въ дѣла правительства, и гдѣ, казалось бы, можно ожидать отъ его бдительности, что онъ не допуститъ ни какихъ злоупотребленій. Доходъ Англіи, въ царствованіе Плантагенетовъ, Тудоровъ, Стюартовъ, никогда не превышалъ 900,000 ф. ст. (22,500,000 руб. асс.) въ годъ; но онъ возвышенъ вдругъ Протекторомъ Кромвелемъ, главою вооруженной силы демократіи, до 1,868,000 ф. (46,700,000 р.); и въ продолженіе республиканскаго періода собрано было, разными притѣсненіями, не менѣе 83,331,000 ф., или 4,300,000 ф. въ годъ. Расходы Карла II, со всѣми его любовницами и при всей его расточительности, составляли 44,000,000 (968,000,000 р.) въ двадцать четыре года, или менѣе 2,000,000 ф. (50,000,000 р.) въ годъ; но Вильгельмъ III, принесенный въ Англію на плечахъ народнаго волненія въ 1668 году, увеличилъ ихъ до 3,895,000 ф. въ годъ (97,375,000 р. асс.). Налоги, взимаемые при Людовикѣ XVI, въ началѣ Французской революціи, не простирались до 600,000,000 франковъ въ годъ; но Национальный Конвентъ увеличилъ расходы, въ 1793 году, до неслыханной суммы 5,000 милліоновъ въ годъ, и если бы долги были уплачиваемы, то послѣдующія революціонныя правительства обременили бы Францію по меньшей мѣрѣ 25,000 милліонами. Наполеонъ, самодержавный Государь, былъ очень бережливъ. Государственные расходы при Карлѣ X простирались до тысячи милліоновъ франковъ въ годъ: они увеличены при его либеральномъ преемникѣ до 1,500 милліоновъ.

Такая единообразная цѣпь послѣдствій должна происходить отъ какой нибудь общей причины; и

кто хоть мало знает натуру человѣческую, тому эту причину открыть не трудно. Экономія требуетъ предусмотрительности и систематическаго плана въ дѣлахъ, для достиженія предположенной цѣли; но расточительность не заботится о будущемъ, и жертвуетъ имъ для настоящихъ наслажденій. Безпрестанныя перемены въ представительныхъ правительствахъ побуждаютъ Министровъ къ расточительности, безъ чего они не могутъ поддержать своей власти. Въ такомъ положеніи вещей можно ли помыслить о прочной системѣ финансоваго управленія? Такъ и въ Англіи: чѣмъ болѣе народъ получалъ вліянія въ дѣла государственныя, тѣмъ болѣе умножалась безрасчетливость въ управленіи финансами; наконецъ послѣдняя реформа довершила переломъ, и вся надежда на уплату общественныхъ обязательствъ исчезла совершенно.

Взглядъ на тѣ перемены, которыя сдѣланы были въ Англійскихъ финансахъ разными министерствами въ послѣднія двадцать лѣтъ, покажетъ безпрестанныя сокращенія въ капиталъ погашенія. Мы увидимъ, что чѣмъ болѣе народъ получалъ вліянія въ дѣла государственныя, тѣмъ болѣе расточали сей палладій Британскаго могущества, тѣмъ болѣе масса кредита для будущихъ вѣковъ уменьшалась, и притомъ безъ всякой внѣшней необходимости, единственно отъ нетерпѣливости и вліянія народа. Осуждали Лорда Кастельре, когда онъ жаловался на невежество народа въ дѣлѣ налоговъ; но жалобы его были справедливы. Если бы Англія имѣла счастье быть управляемою такими прозорливыми и рѣшительными Министрами, которые бы притомъ имѣли власть исполнять то, что они почитали справедливымъ, то, со времени Парижскаго мира донинѣ, государственный долгъ былъ бы почти весь выплаченъ, и могущество націи возрасло бы до неслыханнаго величія.

Чтобъ оцѣнить тотъ невознаградимый вредъ, который нанесенъ финансамъ и могуществу Англіи расточеніемъ капитала погашенія, надлежитъ знать, что сей капиталъ, подъ сильною рукою Питта, возросъ въ 27 лѣтъ, съ 1786 до 1813, отъ одного милліона до 15 милліоновъ ф. стерл. (отъ 25 милліон. до 375 милліон. руб. асс.), и если бы онъ остался неприкосновеннымъ, въ 1833 году возвысился бы безъ мала до 40 милліон. ф. (1000 милліон. руб. асс.); симъ капиталомъ можно бѣ было выкупить долгу, со времени Ватерлоскаго сраженія, болѣе 500 милліоновъ ф. Проценты на остальной долгъ составляли бы не болѣе 8 милліоновъ фунтовъ, и нація освободилась бы теперь отъ ежегоднаго платежа 20 милліоновъ: сумма сія была бы достаточна, чтобъ освободить насъ навсегда отъ всѣхъ постоянныхъ налоговъ, отъ всего налога на солодъ, на сахаръ и на чай; или, если бы она была обращена на погашеніе долга, весь долгъ въ 1839 году былъ бы уплаченъ совершенно. Для сихъ блистательныхъ успѣховъ не нужно было ничего болѣе, кромѣ той же добродѣтели, которая требуется и отъ частнаго человѣка для поправленія разстроеннаго состоянія, — неизмѣнной системы экономіи, совокупно съ строгимъ сохраненіемъ капиталовъ, отложенныхъ для платежа долга. Способы къ тому были въ нашихъ рукахъ; капиталы существовали; надлежало бы только постоянно слѣдовать начатой системѣ; но невѣжественная нетерпѣливость народа сбросила съ себя сіе легкое бремя, и расточила капиталы.

Истинная причина того разстройства, въ какомъ находятся наши финансы, есть безвременное уничтоженіе косвенныхъ налоговъ*. И такъ слѣдуетъ вопросъ: нужно ли, и полезно ли было ихъ уничто-

* Ихъ уничтожено болѣе 20 милліоновъ фунтовъ.

женіе? Очевидно, что не было въ томъ ни какой нужды, ни какой пользы. Какая польза произошла отъ уничтоженія налоговъ на мыло, кожу или каленкорь? Многіе изъ сихъ товаровъ весьма мало упали въ цѣнѣ, или почти ни сколько; но если бы они и весьма подешевѣли, то отъ этого произошло бы самое малѣйшее и почти непримѣтное облегченіе для каждаго семейства въ государствѣ. Кто выигралъ отъ уничтоженія налога на пиво, отъ котораго казна получала дохода не менѣе 3 милліоновъ фунтовъ (75 милліоновъ руб. асс.) въ годъ? Никто, кромѣ однихъ пивницъ въ Соединенномъ Королевствѣ; ибо хотя цѣна на *крепкое пиво*, пивственый напитокъ, значительно понизилась отъ уменьшенія налога, но цѣна на *столовое пиво*, напитокъ витательный и необходимый, почти ни сколько не упала, развѣ только отъ перемѣны достоинства ходячей монеты въ послѣднія восемь лѣтъ, то есть, не болѣе, какъ подешевѣли и другіе товары, на которыхъ не было ни какого налога. Равнымъ образомъ, какая польза послѣдовала отъ уничтоженія пошлины на водки? Ни какой, кромѣ усилившагося пьянства, отъ чего преступленія въ государствѣ почти удвоились. Однимъ словомъ: уничтоженіе косвенныхъ налоговъ едва ли принесло кому либо пользу, кромѣ продавцовъ тѣхъ товаровъ, съ которыхъ пошлина снята; но и они потерпѣли отъ скудости народной, произведенной сокращеніемъ государственныхъ расходовъ, отъ чего число покупателей и количество потребленія чрезвычайно уменьшилось. Наконецъ извѣстно всякому, что всѣ отрасли промышленности въ великомъ упадкѣ, больше, нежели то было въ военное время.

Есть особенная причина, заставляющая сожалѣть объ уничтоженіи столь многихъ косвенныхъ налоговъ въ мирное время. Съ того времени, и особен-

но съ 1819 года, когда Банкъ сталъ платитъ золотомъ, вмѣсто бумажекъ, цѣны на всѣ товары безпрестанно понижались, и можно сказать, что онѣ съ того времени понизились на $\frac{1}{2}$ среднимъ числомъ. И такъ, если бы косвенные налоги не были отмѣнены, цѣна на всѣ тѣ товары, съ которыхъ налогъ снять, понизилась бы сама собою, и следовательно, потребитель имѣлъ бы облегченіе. Дѣйствительно если бѣ цѣны возвышались, можно было бы сказать, что эта дороговизна происходила отъ налоговъ; но какъ онѣ безпрестанно понижались, то очевидно, что не было ни какой надобности спѣшить уничтоженіемъ налоговъ.

Далѣе: можно произвести большое пониженіе въ цѣнахъ посредствомъ машинной работы, вмѣсто ручной, и мы видѣли, что съ помощію паровой машины многія изъ самыхъ дорогихъ издѣлій сдѣлались нынѣ вшестеро дешевле противъ того, чего стоили они въ военное время.

Но всего важнѣе то, что косвенные налоги суть такая тягость, которую всякой несетъ произвольно, по мѣрѣ своего потребленія или роскоши. Налогъ сей сливается съ цѣною товара, такъ, что неприятенъ для покупателя. Это дѣло великой важности, и странно, какъ теоретическіе писатели того не примѣтили. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы собрать съ народа извѣстную сумму самымъ дешевымъ образомъ: для этого они предпочитаютъ прямые налоги, потому, что сборъ ихъ удобенъ и не дорого стоитъ. Но развѣ въ томъ состоитъ главное дѣло? Развѣ люди кусокъ дерева, отъ котораго можно отдѣлать извѣстную часть, все равно, топоромъ или скобелемъ? Развѣ ихъ имущество есть банковскій счетъ, съ котораго Канцлеръ Казначейства можетъ списать, сколько ему угодно, большими или малыми суммами? Не суть ли они, напротивъ, чув-

ственные существа, для которыхъ иные налоги тягостны, а другіе совершенно ничтожны? Налоги на предметы потребленія разлагаются на покупателя самыми малыми суммами и непримѣтнымъ образомъ, такъ, что они во множествѣ предметовъ вовсе нечувствительны; а напротивъ того, прямые налоги такъ ненавистны, что производятъ больше раздраженія въ народъ, нежели приносятъ дохода казнѣ.

Противъ какого налога единогласно возсталъ весь народъ въ 1816 году? Противъ налога на доходъ, *income-tax*, тягостнѣйшаго изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ. Противъ какого налога вопіялъ народъ въ 1833 году? Противъ налога на дома и окна, *assessed taxes* — ненавистнаго остатка прямыхъ налоговъ. Доходъ казны отъ сего налога весьма незначителенъ, въ сравненіи съ доходомъ отъ косвенныхъ налоговъ; онъ принесъ въ 1832 году:

| | | |
|-----------------------|------------|----------|
| Налогъ съ домовъ..... | 1,361,000. | ф. стер. |
| Налогъ съ оконъ..... | 1,185,000. | |
| | <hr/> | |
| | 2,546,000 | |

между-тѣмъ, какъ весь государственный доходъ въ томъ же году былъ 51,686,000. ф. стер. Однако налогъ сей, не составлявшій $\frac{1}{10}$ доли всего дохода, былъ тягостнѣе всѣхъ другихъ! Не ясно ли, что весьма неблагоприятно, удерживать ненавистное бремя прямыхъ налоговъ, пренебрегая косвенные, въ двадцать разъ значительнѣйшіе?

Скажемъ наоборотъ. Положимъ, что прямые налоги были бы увеличены, вмѣсто 2,500,000 ф. на 48,000,000 ф. въ годъ, а косвенные уменьшены на 3 милліона ф. Могъ ли бы народъ нести такое бремя хотя одинъ мѣсяць? Тотъ, кто теперь платитъ 10 фунт. съ дому и оконъ, долженъ бы былъ платить 200 ф. Гражданинъ средняго состоянія, которій платитъ теперь 30 фунтовъ ежегодно, дол-

женъ бы былъ платить 600 ф. Можно ли это стерпеть? Безъ сомнѣнiя нѣтъ; однако, это не что иное, какъ *reductio ad absurdum* того непонятнаго ослабленiя, которое предпочитаетъ прямыя налоги косвеннымъ.

Мы не можемъ вспомнить ни одной всеобщей жалобы народа, ни въ одинъ годъ со времени мира, на тягость какого либо изъ косвенныхъ налоговъ. Правда, были покушенiя, и къ несчастiю удачныя, со стороны торговцевъ разными припасами, къ уничтоженiю налога на ихъ товары; но причина тому ясная. Они надѣялись, удержавъ прежнiя цѣны или около того, весь налогъ или почти весь, спрятать въ свои карманы. Въ этой надеждѣ, они употребили всѣ усилiя, чтобъ вынудить пониженiе налоговъ, до нихъ относящихся, и, къ несчастiю, во многомъ успѣли. Когда сiе пониженiе было весьма значительно, торговцы не могли произвести того, чего желали, а принуждены были понизить цѣны на товары, и въ семъ случаѣ публика воспользовалась всею выгодною отъ пониженiя налога. Это случилось по статьямъ соли, водокъ и другимъ. Но гдѣ налогъ былъ незначителенъ, какъ напримѣръ, на кожи, шерсть, столовое пиво (не крѣпкое, не ale), тамъ пониженiе налога не сдѣлало ни какой разности въ цѣнѣ; публика ничего не выиграла, а казна потеряла, и только продавцы остались въ барышахъ.

Едва можно повѣрить, какая огромная сумма косвенныхъ налоговъ уменьшена въ послѣднiя двадцать лѣтъ мирнаго времени, и это одно очевидно объясняетъ нынѣшнее разстроенное состоянiе государственныхъ доходовъ. Изъ отчетовъ, недавно напечатанныхъ отъ Парламента, открывается, что количество налоговъ, сложенныхъ или уменьшенныхъ съ того времени, простирается до огромной суммы

42 милліоновъ ежегодно (1050 милліоновъ руб. асс.); что новыхъ прибавлено 5,500,000; за тѣмъ остается уменьшенныхъ налоговъ 36,500,000 ф. ст. (902,500,000 руб. асс.), изъ коихъ 18,500,000 прямыхъ, а 23,000,000 косвенныхъ налоговъ.

Теперь скажемъ, что надлежало бы сдѣлать, по нашему мнѣнію. Всѣ прямые налоги, какъ то, съ доходовъ, income tax, съ домовъ и оконъ, надлежало бы отменить разомъ, а также, можетъ-быть, съ экипажей и слугъ. Оставить неприкосновенными одни налоги косвенные, на потребленіе, съ налогомъ на книгопечатаніе и поземельнымъ сборомъ, land tax. При такой системѣ, можно смѣло сказать, что бремя налоговъ было бы нечувствительно для народа, а между тѣмъ польза народная и сила государства была бы неисчислима отъ могущественнаго и благотворительнаго дѣйствія капитала погашенія. Государство не было бы задавлено несноснымъ бременемъ, какъ теперь, бременемъ, отъ котораго освободиться нѣтъ ни какой надежды; и величество Короны не было бы принуждено унизиться, держась боязливой политики на все остальное время своего существованія.

Мы не отрицаемъ, что уменьшеніе косвенныхъ налоговъ было во многихъ случаяхъ благотворительно, въ нѣкоторыхъ весьма благотворительно для рабочаго класса народа. Потому, каждая сбереженная копейка, оставшаяся за необходимыми расходами и за обезпеченіемъ процентовъ государственнаго долга и капитала погашенія, не должна быть потеряна. Такимъ образомъ, самые тягостные для бѣдныхъ людей налоги, особенно, на соль, солодъ, мыло и свѣчи, можно было бы сложить. Но что касается до другихъ важныхъ налоговъ на предметы потребленія, то правительство не должно бы касаться ихъ, не смотря ни на какіе крики безсмысленной черни; ибо это зна-

чить, отдать распутному сыну капиталъ, назначенный на будущій его прожитокъ. Допустимъ, что уничтоженіе многихъ налоговъ на предметы потребленія было благотельно: спрашивается, можно ли это благодѣяніе почестъ возмездіемъ за ужасное зло — остаться навсегда подъ бременемъ долга? И вотъ до чего мы нынѣ доведены!

Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, если Радикалы не принудятъ насъ сдѣлать сдѣлку, то есть, другими словами, не доведутъ до всеобщаго банкротства, мы должны будемъ каждыя сто лѣтъ платить одними процентами впятеро больше всего нашего долга, и это — навсегда! Если бы нація имѣла столько благоразумія, чтобы давать, а наши Министры столько твердости, чтобы взимать, 15 милліоновъ косвенныхъ налоговъ, сложенныхъ съ 1815 года, этимъ капиталомъ было бы уже заплачено по сіе время 500 милліоновъ долга, а еще черезъ семь лѣтъ весь долгъ былъ бы уплаченъ совершенно. И что значить бремя 15 милліоновъ съ 1815 до 1840 года, въ сравненіи съ ежегоднымъ бременемъ 23 милліоновъ навсегда! Противъ этого нѣтъ возраженій.

Еще если бы народъ рѣшительно не могъ нести брeмени 15 милліоновъ, столь безрасчетно и безпредусмотрительно сложенныхъ со времени Ватерлооской битвы, то можно было бы сказать, что пагубныя послѣдствія сей мѣры, сколь ни плачевной, были неизбѣжны, и оставалось бы только о томъ сожалѣть, но не можно было бы никого винить въ безнадежности долга. Но, къ несчастію, не такъ. Очевидно всякому, что нація не получила *ни какой пользы* отъ уничтоженія налоговъ: напротивъ того, много потеряла уже и нынѣ, а впередъ потеряетъ еще болѣе.

Въ доказательство нужно только вспомнить, что въ продолженіе войны нація не только существо-

вала, по возвысилась, подъ бременемъ гораздо тягостнѣйшимъ того, какое она несла по окончаніи войны. Вся сумма расходовъ, вмѣстѣ съ капиталомъ погашенія, въ послѣдніе годы войны, была сравнительно съ послѣдними годами слѣдующая:

| Расходъ. | Собрано налогами. | Расходъ. |
|-------------------------|-------------------|------------------|
| 1813—107,644,000 ф. ст. | 1813—63,211,000 | 1830—55,824,000. |
| 1814—122,235,000 ф. ст. | 1814—70,926,000 | 1831—54,840,000. |
| 1815—129,742,400 ф. ст. | 1815—72,131,000 | 1832—50,990,000. |
| 1816—130,505,000 ф. ст. | 1816—76,834,000 | 1833—51,686,000. |

Но—всѣ мы помнимъ эти годы: они были не только не бѣдственны, но еще благополучнѣйшіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе благосостояніе было отчасти мнимое: то есть, оно происходило отъ того, что большіе капиталы, собранные съ народа, были израсходованы безплодно, и очевидно, что если бы это продолжалось на много лѣтъ, неизбѣжно послѣдовало бы совершенное разореніе. Но во всемъ есть средина. Какъ расходы до 1816 года были слишкомъ велики, такъ послѣ того слишкомъ малы. Сильные переходы столько же вредны въ политической жизни, какъ и въ гражданской. Внезапный переходъ отъ огромныхъ расходовъ къ скупой экономіи чрезвычайно вреденъ для націи.

Нѣтъ ничего справедливѣе, какъ по заключеніи мира сократить расходы на армію и флотъ, и тотчасъ прекратить разорительную систему займовъ. Но сдѣлавши это, надлежало бы на томъ остановиться, и не допускать такихъ сокращеній, которыя уничтожили капиталъ погашенія. Это была мѣра необдуманная, пагубная, произведшая величайшее стѣсненіе во всѣхъ отрасляхъ народной промышленности въ послѣднія восемнадцать лѣтъ.

Въ то время всѣ обманулись въ послѣдствіяхъ внезапнаго сокращенія расходовъ; всѣ смотрѣли на

это съ одной только стороны. Забыли, что если правительство сократить свои сборы, то и публика должна будет сократить свои требованія; что если казна перестанетъ взимать 75 милліоновъ въ годъ, она должна будетъ уменьшить и расходы на такую же сумму. Всякое сокращеніе налоговъ считали уменьшеніемъ народныхъ тягостей; но забыли, что оно влекло за собою уменьшеніе работъ и занятій рабочаго класса народа. Вотъ истинная причина того всеобщаго оскудѣнія и стѣсненнаго положенія, въ какомъ находились всѣ состоянія народа въ послѣднія десять лѣтъ!

Ни какая отрасль государственныхъ расходовъ не могла бы лучше поддержать народную промышленность и кредитъ, какъ капиталъ погашенія. Капиталъ сей, первоначально въ 15 милліоновъ, возрастающая постепенно до 20, 30 и 40 милліоновъ въ годъ, и будучи обращаемъ неизмѣнно на уплату государственнаго долга, или, что все равно, на выкупъ фондовъ изъ частныхъ рукъ, произвелъ бы удивительное дѣйствіе, какъ на поддержаніе кредита, такъ и на расширеніе коммерческихъ предпріятій. Фонды наши, при дѣйствіи огромнаго капитала выкупа, поднялись бы весьма высоко, и вѣроятно, они удержались бы постоянно по курсу отъ 90 до 100. Послѣдствіемъ сего было бы возвышеніе кредита и оживленіе коммерческихъ предпріятій. Выкупъ фондовъ былъ бы величайшимъ благодѣяніемъ для государства; разлилась бы рѣка богатствъ, съ каждымъ годомъ возрастающая и оплодотворяющая обширнѣйшія поля народной промышленности. Всеобщее благосостояніе, которое изъ того послѣдовало бы, сдѣлало бы сборъ налога легкимъ бременемъ; по всему вѣроятію, нація находилась бы въ лучшемъ благосостояніи, нежели теперь при противной системѣ, и приобрѣла бы еще ту неисчислимую вы-

году, что, въ продолженіе сихъ благополучныхъ лѣтъ, двѣ трети государственнаго долга были бы уплачены.

Мысль, разсвѣянная повсюду новѣйшими политическими экономистами, будто капиталъ погашенія есть не что иное, какъ обманъ, выдуманный для ободренія народа во времена бѣдственныхъ, — эта мысль совершенно неосновательна. Не вѣроятно, чтобы такой великій человекъ, каковъ Питтъ, былъ омраченъ обманомъ, еще меньше вѣроятно, чтобы система, основанная на обманѣ, имѣла такой удивительный успѣхъ, чтобы могла увеличить капиталъ одного милліона, въ 1786 году, на 15 милліоновъ въ 1814. Дѣйствительно, не было ни какой тайны, ни какого обмана, въ учрежденіи капитала погашенія. Совершенно справедливо, какъ доказываетъ Гамильтонъ, что доколѣ нація занимаетъ каждый годъ болѣе, нежели уплачиваетъ, она ни сколько не успѣваетъ въ уменьшеніи своего долга; и конечно Питтъ не былъ столько безуменъ, чтобы могъ думать, что если мы будемъ уплачивать ежегодно 15 милліоновъ, а занимать 30, то бремя государственнаго долга не уменьшится. Безъ-сомнѣнія, при такихъ обстоятельствахъ Гамильтонъ правъ, что весь расходъ капитала выкупа есть чистая потеря для народа. Но допустивъ, что все это справедливо *во время войны*; что нація, точно такъ же, какъ и частный человекъ, тогда только можетъ съ пользою распорядиться уплатою своихъ долговъ, когда расходы ея менѣе доходовъ, спрашивается: былъ ли тутъ какой обманъ въ капиталъ погашенія, когда война прекратилась, а вмѣстѣ съ нею прекратились и новыя займы? Вотъ, что надлежитъ разсудить! Съ 1815 года не было сдѣлано новыхъ займовъ. Не лѣзя отрицать, что съ того времени, если бы капиталъ погашенія не былъ уничтоженъ, онъ бы выкупилъ

долгу 500 милліоновъ. Тутъ нѣтъ ни какого обмана, ибо въ мирное время сей капиталъ былъ бы чисто излишекъ дохода противъ расхода — следовательно могъ бы, умножаясь процентами, произвести постепенное уменьшеніе государственнаго долга.

Тотъ совсѣмъ превратно понимаетъ политику Питта, кто думаетъ, что онъ основалъ капиталъ выкупа для того, чтобы уплачивать долгъ тогда, когда государство дѣлаетъ займы свѣше уплаты. Намѣреніе его было, основать такой капиталъ, который бы скоро и вѣрно произвелъ уплату долга въ мирное время. Удивительное свойство сего учрежденія состояло въ томъ, что оно припасало капиталъ, безпрестанно умножающійся даже во время войны, который начинаетъ дѣйствовать тотчасъ по окончаніи оной. Въ этомъ состоитъ вся важность, вся тайна. Дѣйствительно, опытъ доказалъ, что безъ того всѣ усилія къ уменьшенію долга были совершенно безуспѣшны. Питтъ зналъ сродную людямъ нетерпѣливость въ дѣлѣ налоговъ и всеобщее желаніе сбросить ихъ бремя, какъ скоро война прекратится. Онъ предвидѣлъ, что не возможно будетъ убѣдить народныхъ представителей, наложить новыя подати въ мирное время, и основать капиталъ погашенія для заплаты долга, сдѣланнаго во время войны. И такъ не оставалось другаго способа для достиженія сей вождельной цѣли, какъ имѣть въ готовности всю сію машину, во время войны, чтобы, *тотчасъ по заключеніи мира*, она могла дѣйствовать, не имѣя надобности испрашивать новаго закона отъ Парламента, а единственно послѣ прекращенія займовъ.

Послѣдствія совершенно оправдали мудрость его намѣреній. Не взирая на то, что капиталъ погашенія, въ послѣдніе годы, былъ многократно обрѣзываемъ, онъ весьма много уплатилъ госу-

дарственнаго долга въ продолженіе мира. Это доказывается отчетами, представленными Парламенту.

Изъ нихъ открывається, что по окончаніи войны въ 1815 году, обезпеченный долгъ былъ 864,822,000

Необезпеченный..... 48,510,000

Всего 913,332,000 ф. с.

А въ началъ 1830 года, обезпе-

ченный долгъ былъ..... 771,251,000

Необезпеченный..... 32,000,000

Всего 803,251,000 ф. с.

Уплачено въ 15 лѣтъ..... 110,081,000 ф. с.

И такъ, капиталъ погашенія, сколько ни былъ обрѣзанъ въ разныя времена, уплатилъ въ 15 лѣтъ болѣе девятой части долга. И этотъ капиталъ погашенія, произведшій такія чудеса при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, разрушенъ совершенно безразсудствомъ Виговъ!

Одинъ подвигъ Министровъ, въ последнее засѣданіе Парламента, заслуживаетъ величайшую похвалу, которую мы охотно имъ отдаемъ. Они рѣшительно воспротивились дальнѣйшему сокращенію налоговъ, которое заставило бы ихъ нарушить обязательство Правительства въ платежъ процентовъ государственнымъ кредиторамъ. Но сколь ни похвальна такая рѣшимость, нельзя однако не пожалѣть, что они признають постоянные налоги спасительнымъ якоремъ кредиторовъ, и держатся безумной системы, выдуманной сначала политическими экономистами, а потомъ поддерживаемой революціонерами, состоящей въ томъ, что главные налоги должны быть прямые. Система эта совершенно неосновательна, какъ то мы докажемъ.

Противъ прямыхъ налоговъ можно сдѣлать два возраженія, ничѣмъ неопровергаемыя.

Во-первыхъ, ни какой иной налогъ не падаетъ такъ прямо и непосредственно на рабочій классъ народа, какъ прямой. Ограничьте его, какъ хотите; наложите его на доходъ, на имѣнія, на дома, окна, лошадей, повозки, или вообще на богатыхъ людей: прямой налогъ всегда есть и будетъ тяжкое бремя для бѣднаго. Чѣмъ больше вы обложите доходъ или имѣніе богатаго, тѣмъ больше уменьшите его способности занимать работами бѣднаго. Если бы всѣ налоги Великобританніи, 50 милліоновъ ф. с. (1250 милліоновъ руб.) ежегодно, собираемы были по соразмѣрности съ высшихъ и богатѣйшихъ классовъ народа, то бѣдный не только не былъ бы тѣмъ облегченъ, но доведенъ бы былъ до такой степени нищеты, какой никогда не видано. Отнимите у богатаго способы давать бѣднымъ людямъ занятія: послѣдніе, не тысячами, а милліонами, останутся безъ работы, следовательно безъ хлѣба. И такъ, прямой налогъ на богатаго есть налогъ не на удобства и предметы роскоши, но на самыя необходимыя и пропитаніе бѣднаго; не на сахаръ и чай, на табакъ и водку, но на хлѣбъ и мясо, — на воздухъ, которымъ онъ дышитъ, на воду, которую пьетъ. Сія и другіе дары Природы были бы неприступны для рабочаго класса народа, если бъ онъ не могъ найти работы. И въ семъ-то состоитъ важное различіе между прямыми и косвенными налогами: Первые отнимаютъ часть капиталовъ, назначенныхъ для занятія бѣдныхъ людей работою; послѣдніе прибавляютъ только некоторую надбавку на товаръ при его потребленіи. Въ этомъ существенная разность. Въ первомъ случаѣ отнимаются способы для покупки товара; въ последнемъ надбавка на цѣну товара часто вознаграждается улучшеннымъ способомъ выдѣлки, или соблюденіемъ большей экономіи въ матеріалахъ, изъ которыхъ товаръ готовится.

Во-вторыхъ, косвенные налоги всегда меньше тягостны, потому, что они налагаются на расходъ, — на предметы роскоши, покупаемые излишними капиталами, накопленными трудолюбіемъ и промышленностію. Никто не разорился платежемъ косвенныхъ налоговъ; никто за неплатежъ ихъ не подвергся секвестру своего имущества; никто не можетъ жаловаться, что онъ обремененъ налогомъ свыше своихъ способствъ: всякъ добровольно платитъ его, покупая товаръ, обложенный налогомъ. Напротивъ, безпрестанно слышны жалобы на постоянные налоги, — и жалобы совершенно справедливыя. Налоги сіи тягостны для промышленнаго класса, потому, что они лежатъ не на предметахъ его роскоши, но на необходимыхъ его потребностяхъ, — на мастерской комнатѣ, въ которой онъ работаетъ, или на лавкѣ, въ которой торгуетъ. Обременять налогомъ сіи предметы есть обременять не избытокъ, или роскошь и довольство, но капиталъ, коимъ приобретается сей избытокъ; онъ есть налогъ не на произведение ремесленника, но на его орудія и снаряды, которыми онъ добываетъ себѣ пищу и содержаніе. Это налогъ не на урожай, но на сѣмя, которое земледѣлецъ ввѣряетъ землѣ, или на плугъ, которымъ онъ обрабатываетъ свое поле.

Наконецъ, — и это зло величайшее! — прямые налоги истребляютъ общественное богатство въ самомъ его зародышѣ, не допуская накопленія капиталовъ въ рукахъ мелочныхъ домохозяевъ и низшаго класса промышленныхъ гражданъ. Для нихъ постоянные налоги составляютъ вообще полные 5 процентовъ ихъ дохода. Если бы сего налога не было и деньги остались у нихъ, они составили бъ ихъ капиталъ, который, возрастая годъ отъ году, въ короткое время усугубилъ бы богатство и промышленность государства. Народное благосостояніе всего

надежныѣ должно быть основываемо на привычкѣ къ бережливости и сбереженіяхъ средняго класса людей. Посѣянные такимъ образомъ сѣмена большею частію падаютъ на добрую землю, и приносятъ плодъ, — сорокъ, шестьдесятъ, сто. Изсушать источники, питающіе эти сбереженія, значитъ отвращать народъ отъ бережливости и отнимать у него надежду на будущее его благосостояніе; значитъ зарѣзать курицу, которая несла золотыя яйца. Изъ всѣхъ многочисленныхъ золь, какими Политическая Экономія, ложно понятая, отягчила родъ человѣческій, самое величайшее то, что прямыя налоги предпочтены косвеннымъ.

Истина сія такъ сильно впечатлѣлась въ умахъ народа, что мы смѣло утверждаемъ, что въ цѣломъ государствѣ едва ли найдется десять человѣкъ, обуюнныхъ предразсудками политическихъ экономистовъ, которые стали бы ее оспаривать. Всякой, и всѣ классы народа, — купцы, лавочники, фабриканты, арендаторы, ремесленники всякаго рода, — всѣ одного мнѣнія о семъ предметѣ; всѣ увѣрены въ необходимости немедленнаго уничтоженія сихъ тягостныхъ и пагубныхъ налоговъ.

Если бъ сохраненіе государственнаго кредита зависѣло отъ продолженія постоянныхъ налоговъ, то, сколь они ни тягостны, мы первые настояли бы, чтобъ ихъ оставить неприкосновенными. Но не справедливо, чтобы государственный кредитъ былъ въ связи съ сими налогами. Все дѣло въ томъ, чтобъ снять одну тягость налоговъ, вмѣсто другой. Лордъ Алторпъ въ этомъ году уничтожилъ на сумму одного милліона (25 милліон. руб.) косвенныхъ налоговъ на мыло, черепицу, объявленія, афишки и другія мелочи, не стоящія словъ. Сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ, уничтоженныхъ Вигами, со времени ихъ Министерства, есть слѣдующая:

| | |
|--------------------------------------|-----------------|
| 1831. Каменный уголь, вина, черепаца | 1,031,112 ф. с. |
| Каленкорь..... | 529,000 |
| 1832. Сальныя свѣчи..... | 476,500 |
| 1833. Мыло, черепаца и проч..... | 1,000,000 |
| | <hr/> |
| | 3,036,612 ф. с. |

И такъ, косвенные налоги, уничтоженныя со времени министерства Вигговъ, простираются свыше 3 милліоновъ въ годъ, а налоги на дома и окна:

| | |
|---------------------|-----------------|
| налогъ на дома..... | 1,390,000 |
| ----- на окна..... | 1,202,000 |
| | <hr/> |
| | 2,592,000 ф. с. |

Слѣдственно, мы платимъ постоянные налоги не для того, чтобы это нужно было для поддержанія государственнаго кредита, но для того, что политическіе экономисты убѣдили правительство взимать ихъ, а сложить другіе, гораздо большіе, на которые ни одинъ человѣкъ не жаловался. Пусть знаетъ это народъ Англійскій и всѣ домохозяева, платящіе эти тягостные налоги. Они платятъ ихъ не для того, чтобы это было необходимо для поддержанія государственнаго кредита, но только въ угодность Мак' Куллоку, Парнеллю и политико-экономическому клубу! Вотъ та свобода, которую они себѣ купили реформою!

Далѣе: если бы нужно было найти, чѣмъ замѣнить сіи прямые налоги, то можно было бы указать на тѣ, которые уничтожены, подъ вліяніемъ того же ослабленія, прежнимъ Правительствомъ, именно:

| | |
|------------------------------------|-----------------|
| Въ 1826 году, крѣпкіе напитки..... | 1,038,000. |
| — 1830 — пиво..... | 3,055,000. |
| | <hr/> |
| | 4,093,000 ф. с. |

И такъ налоги на пьянственные напитки, сложенные партией Тори, по наущенію Виговъ и политическихъ экономистовъ, составляютъ свыше 4 милліоновъ въ годъ, почти вдвое противъ того, что составляютъ налоги на дома и окна. А чтобы видѣть послѣдствія такого уничтоженія налоговъ на пьянственные напитки относительно къ нравственности народной, обратимся къ другому парламентскому акту, обнародованному въ засѣданіе сего 1855 года, и показывающему число преступниковъ въ послѣдніе 21 годъ. Изъ нихъ открывається, что преступниковъ въ 1823 году было только 12,263, а въ 1852 году число ихъ возрасло до 20,829! То есть, уголовныя преступленія умножились болѣе нежели третьею долею со времени уничтоженія налоговъ на пьянственные напитки. Въ такомъ случаѣ, можно смѣло сказать, что сумма ненаказанныхъ преступленій, распутства и буйства въ частныхъ семействахъ, умножилась вдвое въ то же время и отъ той же причины. Постоянные налоги продолжаютъ взиматься не для того, чтобъ поддержать государственный кредитъ, но для того, чтобъ дать возможность пьяницамъ упиваться дешевле прежняго, ввергать себя и свои семейства скорѣе въ нищету, и умножать число преступниковъ отъ 12,000 до 20,000 въ годъ!

Подлинно, система финансовъ, которой слѣдовали наши Министры въ послѣднія восемнадцать лѣтъ, есть истинное бѣдствіе для націи. Она показываетъ, сколь пагубно вліяніе непросвѣщеннаго народа на власть законодательную. Къ чести Лорда Кастельри должно сказать, что онъ, какъ истинный государственный мужъ, воспротивился великому уменьшенію налоговъ въ 1816 году. Жаль только, что онъ уничтожилъ вдругъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, и не воспротивился дальнѣйшему уничтоженію косвенныхъ. Но послѣ его смерти вся финансовая система руши-

лась, и почти каждый годъ былъ ознаменованъ безнужнымъ уничтоженіемъ какой нибудь важной отрасли государственныхъ доходовъ, безъ всякой другой причины, кромъ той, чтобъ снискать народное благоволеніе. Одинъ Министръ уничтожаетъ налогъ на шиферъ, другой на черепицу; одного перевозятъ на публичныхъ площадяхъ и рынкахъ за уничтоженіе пошлины на водку; въ одно засѣданіе уничтожается налогъ на мыло, въ другое на кожу. Среди этого неслыханнаго замъшательства и безрасчетности, государственный доходъ быстро упадетъ, и не было другаго способа его пополнить, какъ наложить руку на капиталъ погашенія: 12 милліоновъ взято изъ него въ одинъ годъ, 13 въ другой; и эта безразсудная нерасчетливость дошла наконецъ до того, что сей огромный капиталъ, накопленный прозорливостію тридцати лѣтъ, совершенно исчезъ, и нація осталась безнадежно подъ ежегоднымъ бременемъ 28 милліоновъ процентовъ. Кажется, какъ будто въ послѣднія восемнадцать лѣтъ наши Министры совершенно оставили всѣ заботы о будущемъ и всѣ попеченія о постоянной системѣ; каждое министерство, отчаявшись спасти ветхій корабль, заботилось только о томъ, какъ бы отнять отъ него нѣсколько досокъ, чтобъ на нихъ удержаться на малое время, оставивъ древнее почтенное зданіе на произволъ волнамъ.

Въ разрушеніи прочной и благоразумно устроенной системы финансовъ Питта, никто особенно не виновенъ. Ни одно министерство не дерзнуло бы само собою нанести подобный ударъ. Но это произошло отъ непредусмотрительности, свойственной всякому представительному правительству, которое, будучи всегда шатко и кратковременно, заботится только о настоящемъ, старается только снискать минутное благоволеніе народа. Наши Министры виновны въ

томъ, что они вверглись въ сію бездонную пропасть сокращенія налоговъ, и не объяснили Парламенту съ твердостью и неустрашимостію, сколь обманчивы настоящія выгоды, въ пользу которыхъ рѣшился онъ пожертвовать всѣми будущими надеждами націи. Но не справедливо было бы, обращать весь упрекъ на Министровъ. Они никакъ не осмѣлились бы разрушить финансовую политику великаго ихъ предшественника, если бы не были въ томъ поддержаны націею. Упрекъ должны нести мы всѣ. Безрасчетность въ разсужденіи будущаго, невниманіе къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ предпринимаемыхъ мѣръ, заботливость о настоящихъ только выгодахъ, есть, повторемъ, коренной порокъ всякаго представительнаго правительства. При безпрестанной перемѣнчивости Министровъ и чиновниковъ, — любимый предметъ завистливости либераловъ — невозможно ни какому правительству избрать мудрую и постоянную систему. Никто не хочетъ трудиться для своихъ преемниковъ; никто не хочетъ подвергнуться народной ненависти, и нести бремя настоящихъ трудностей, для облегченія другихъ, съ которыми онъ не имѣетъ ни какой связи, которые принадлежать, можетъ-быть, къ противной партіи. Перемѣнчивость высшихъ властей и ихъ сослуживцевъ годится только тамъ, гдѣ, какъ подъ владычествомъ Римскихъ Консуловъ или Французской Директоріи, продолжается безпрестанная война, для завоеванія и разграбленія иностранныхъ Государствъ, и гдѣ каждый временной властелинъ старается прославить свое правленіе добычами побѣжденных народовъ. Но коль скоро прекратится сія система грабительства въ чужихъ странахъ, тогда чѣмъ инымъ можно снискать народное благоволеніе, какъ не такими мѣрами, которыя льстятъ настоящимъ выгодамъ? Грабительства продолжаются; но жертв-

вою ихъ дѣлаются уже не иностранныя государства, а потомство собственнаго отечества. Каждое послѣдующее министерство старается поддержать себя въ народномъ благоволеніи какимъ либо настоящимъ облегченіемъ, жертвуя будущею безопасностію; пока наконецъ, безпрестаннымъ уменьшеніемъ потомственнаго богатства, истощится и сей огромный капиталъ, и народъ, пробужденный изъ своей дремоты, съ ужасомъ увидитъ, что онъ расточилъ все способы къ уплатѣ своего долга и къ облегченію себя въ будущее время.

Финансовыя мѣры нашихъ Министровъ въ послѣднее засѣданіе Палатъ показываютъ чрезвычайную и безпримѣрную нерасчетливость — коренной порокъ всякаго правительства съ Палатами; и мы съ прискорбіемъ видимъ, что чѣмъ болѣе вліянія имѣлъ народъ на реформу, тѣмъ болѣе зло сіе успливалось. Питтъ предвидѣлъ, въ 1786 году, что онъ совершилъ важное дѣло, установивъ капиталъ погашенія въ милліонъ ф. стерл; и послѣдствія показали, что онъ въ томъ не ошибался, ибо, пока капиталъ сей небылъ разрушенъ въ 1813 году, помощію его уплачено государственнаго долга 236 милліоновъ фунтовъ. Герцогъ Веллингтонъ, одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ Министровъ, достойный итти по слѣдамъ великаго предшественника, не будучи большимъ ораторомъ, успѣлъ самою строгою экономіею возвысить сей капиталъ, послѣ многократныхъ расточеній, до 2,900,000 ф. И къ чему послужили финансовыя мѣры сихъ великихъ мужей противъ расточительности краснорѣчивыхъ либераловъ! Одною рукою они уничтожили косвенные налоги до такой суммы, что весь капиталъ погашенія совершенно исчезъ; другою прибавили въ одинъ годъ отъ 30 до 40 милліоновъ государственнаго долга безъ всякихъ способовъ къ выкупу! И это сдѣлано не для

того, будто представлялась какая нибудь опасность, — не отъ того, будто легіоны Наполеоновы угрожали нашей независимости, или факель революціи брошенъ на наши жилища, — но отъ того, что ихъ принудила къ тому необходимость быть въ мгновенной милости у черни. Новое бремя, наложенное на Англію безразсудными мѣрами нашихъ демагоговъ, есть Ирландія. Сперва они обѣщали уничтожить десятину, чтобъ тѣмъ удовольствоваться Ирландскихъ возмутителей, но это произвело всеобщее возстаніе противъ Духовенства, и когда двухлѣтнимъ опытомъ было доказано, что сборъ десятины невозможенъ, они ввалили тяжесть Ирландскаго Духовенства на Англійское Казначейство, предлагая вознаградить его налогомъ на Ирландскихъ помѣщиковъ: то есть, такъ какъ *A* отказывается платить долгъ, лежащій на немъ законно, то ты, *Джонъ Буль*, изволь заплатить его, а тебѣ заплатятъ, дастъ Богъ, наложивши его на *B*. Вотъ правосудіе, бережливость и прозорливость всѣхъ тѣхъ, которые управляютъ своимъ отечествомъ посредствомъ длинныхъ рѣчей, произносимыхъ послѣ обѣда!

Blackwood's Magazine.

ЗЕМНОЙ ШАРЪ ДО ПОТОПА

ПО СИСТЕМЪ КЮВЬЕ.

=

Изъ рчи Доктора Париже.

=

Идеи Кювье о переворотахъ, претерпѣнныхъ Земнымъ Шаромъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ положеній. Я покажу ихъ связь между собою. Первое изъ сихъ положеній состоитъ въ томъ, что море имѣло на нашихъ материкахъ продолжительное и спокойное пребываніе выше нынѣшняго стоянія воды; что оно положило вездѣ горизонтальныя пласты раковинъ, и потомъ вода сбыва: истина сія доказывается сама собою и означаетъ по крайней мѣрѣ одно измѣненіе Земнаго Шара. Второе положеніе есть то, что, поднимаясь, уподошвы бѣльшихъ цѣпей горъ встрѣчаешь другіе пласты, составленные изъ иныхъ раковинъ. Вначалѣ эти пласты были горизонтальныя, такъ же какъ и первыя; нынѣ они уже не таковы; они подняты; они расположены наклонно, а иногда даже вертикально; и притомъ они не останавливаются на первыхъ пластахъ, но спускаются ниже ихъ; они частію покрыты ими; слѣдственно они имъ предшествовали; слѣдственно они принадлежать къ древнѣйшей эпохѣ; слѣдственно Земной Шаръ претерпѣлъ по крайней мѣрѣ два переворота; а какъ раковины поднятыхъ пластовъ не тѣ, изъ коихъ состоятъ пласты горизонтальныя, то слѣдовательно жидкость, ихъ низвергнувшая, измѣнилась въ своихъ свойствахъ: она получила другія начала, другія составныя части. А если одно измѣненіе дѣлаетъ

вѣроятнымъ другое измѣненіе, то тѣмъ болѣе два столь очевидныя измѣненія дѣлаютъ вѣроятными безчисленное множество другихъ; и здѣсь границы возможнаго могутъ быть положены только существенностию. Теперь слѣдуйте за различными пластами земли; сравните органическія породы, которыя въ нихъ остались, — вы тотчасъ замѣтите различіе между тѣми и другими, и слѣдовательно замѣтите измѣненія въ ихъ состояніи, измѣненія, которыхъ число соотвѣтствуетъ числу сихъ пластовъ и породъ. Притомъ, эти измѣненія въ породахъ принадлежащихъ землѣ, морю и прѣснымъ водамъ, никогда не бываютъ рѣшительными или полными; первое измѣненіе какъ бы приготовляетъ второе, это приготовляетъ третье и такъ далѣе. Такимъ образомъ смежныя породы сохраняютъ почти одинакую физиономію, и цѣлое только въ оконечностяхъ различествуетъ само съ собою: но тутъ уже разница весьма велика.

Это великое зрѣлище весьма разнообразится неизмѣримымъ превращеніемъ въ положеніи, въ которомъ находятся иногда сіи ископаемыя. Пласты, наполненные растеніями и животными, принадлежащими землѣ или прѣснымъ водамъ, бываютъ иногда какъ бы погружены въ морскихъ пластахъ, даже самыхъ древнѣйшихъ, и наоборотъ въ пластахъ самыхъ верхнихъ и новѣйшихъ, земныя животныя встрѣчаются подъ произведеніями моря. Это измѣняется до безконечности, такъ, что въ одной могилѣ, составленной изъ лавы, находили двухъ великановъ земли и моря, слона и кита. Но этого еще мало: бедра слона поддерживала массу устрицъ, которыя какъ бы вросли въ нее. Слѣдовательно при жизни слона море пришло такъ скоро, что застигнуло его внезапно, и притомъ покрывало его такъ долго, что устрицы легли на часть его скелета; по-

томъ волненіе стихій привлекло къ нему кита, и наконецъ расплавленная масса, низвергнутая волканомъ, облекла ихъ обоихъ. Изъ сего видно, что отъ послѣдовательнаго повышенія и пониженія жидкости, материка были затопляемы, и обнаженное дно моря занимало ихъ мѣсто; цѣлыя созданія разрушались и образовались новыя. Нѣкоторыя изъ сихъ замѣщеній совершались медленно, но большая часть производилась внезапно и насильственно, что доказывается раздробленіемъ нѣкоторыхъ пластовъ земли, скопленными валунами и обломками, между которыми лежатъ эти растерзанные пласты. Къ этому я, вмѣстѣ съ Кювье, долженъ прибавить, что замѣщенія произвели послѣдствія не только не посредственныя, но и побочныя, весьма пагубныя. Они навсегда и совершенно измѣнили температуру мѣстъ, въ которыхъ совершались. Температура вдругъ понизилась, какъ она падаетъ иногда послѣ бурь; внезапная стужа овладѣла землею и водами. И дѣйствительно мерзлыя воды и земли Сибирскія сохранили въ себѣ носорога, открытаго лѣтъ за шестьдесятъ предъ симъ Палласомъ и огромнаго слона, который тридцать четыре года назадъ вдругъ явился за полярнымъ кругомъ, на берегахъ Ледовитаго моря, какъ бы выходцемъ изъ міровъ уничтоженныхъ. Онъ составлялъ во льду, его облакавшемъ, неправильную массу, которая растаяла не прежде, какъ лѣтъ въ пять. Волны выбросили его на берегъ. Мясо слона было столь свѣжо, что послужило пищею дикимъ звѣрямъ и рыбачьимъ собакамъ. Извѣстно, что носорогъ былъ покрытъ отчасти волосами, и что на слонѣ былъ мѣхъ, состоявшій изъ длинныхъ волосъ, густой шерсти и тонкаго пуха. Если бы кто вздумалъ основать на этомъ обстоятельстве положеніе, что климатъ въ Сибири былъ тогда такой же, какъ и нынѣ, и что слоны, защищенные такимъ

образомъ отъ стужи, могли жить въ ней, то невѣрность подобнаго мнѣнія доказать было бы не трудно. Не возможно утверждать, чтобы эти животныя были заброшены въ Сибирь какимъ либо переворотомъ: они занимаютъ, такъ сказать, каждую частицу тамошней земли; остатки ихъ покрываютъ всѣ берега Ледовитаго Океана, и наполняютъ всѣ проливы этого пространнаго моря въ Азійи и Америкѣ, и потому надобно допустить, что всѣ эти земли были ихъ родиною. Эти огромныя животныя не могли существовать иначе, какъ на счетъ сильнаго, обильнаго прозябенія, а это прозябеніе не могло существовать безъ температуры, если не весьма жаркой, то по крайней мѣрѣ болѣе возвышенной и особенно болѣе постоянной, чѣмъ нынѣшняя. Слѣдственно прежняя температура исчезла, и исчезла внезапно: иначе остатки слона и носорога разложились бы, разрушились, такъ сказать уничтожились, и не дошли бы до насъ сквозь нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Такимъ образомъ существованіе ископаемыхъ остатковъ и разность ихъ происхожденія неоспоримо доказываетъ, что пласты, заключающіе ихъ въ себѣ, во время жизни этихъ животныхъ были волнуемы неправильными, судорожными движеніями, которыхъ они сдѣлались жертвами. Перевороты сіи соотвѣтствуютъ разнымъ эпохамъ. Монмартрскій калеотеріумъ жилъ, конечно, прежде слона, котораго остатокъ найденъ въ Урксскомъ каналѣ; лошадь, открытая въ Готвильской (Hauteville) улицѣ, остатки тигра и китя, выкопанные лѣтъ за сто предъ симъ въ улицѣ Дофиновой, безъ сомнѣнія не могутъ быть отнесены къ одной и той же эпохѣ. И въ какомъ порядкѣ они одни за другими слѣдовали? Разсчитывая одни частныя и мѣстныя измѣненія, этого опредѣлить не можемъ; но сообразивъ всѣ пласты, доселѣ открытые, мы найдемъ цѣлый ихъ рядъ,

въ которомъ замѣтенъ порядокъ постоянный и неизмѣнный. Нельзя сказать, чтобы каждый пластъ являлся на своемъ мѣстѣ; иногда одного или двухъ пластовъ не достаетъ; но всякой разъ, какъ они являються, они всегда встрѣчаются на тѣхъ же мѣстахъ, и никогда не располагаются въ новомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, при полномъ числѣ пластовъ, надобно только замѣтить, какія ископаемыя соотвѣтствуютъ какимъ пластамъ, и тогда можно будетъ опредѣлить соотвѣтствующій порядокъ сихъ животныхъ, и заключать по ископаемымъ опластамъ и по пластамъ объ ископаемыхъ. Посредствомъ сего каждый пластъ будетъ означенъ тройкимъ образомъ: по мѣсту, имъ занимаемому, по массѣ, изъ которой состоитъ онъ, по ископаемымъ, которыя въ немъ заключаются. По этому предмету можемъ мы имѣть только такую хронологію; хронологію, совершенно относительную, которая не показываетъ намъ продолжительности существованія цѣлаго или частей его. Теперь, почему Природа слѣдовала этому порядку? и особенно почему, въ произведеніи живыхъ существъ; начинала она всегда съ простѣйшихъ? Неужели ей не доставало опытности, силы, матеріаловъ? Неужели могущество ея ограничено? Неужели она покоряется какой либо необходимости? Да, безъ сомнѣнія: необходимости разсудка; ибо въ нынѣшнемъ положеніи вещей существованіе растений прежде животныхъ травоядныхъ есть необходимость; существованіе животныхъ травоядныхъ прежде животныхъ плотоядныхъ также необходимость, а тѣ и другія предполагаютъ предварительное существованіе воздуха, воды, теплоты, начала или формы, которая привлекала бы къ себѣ стихіи, точки твердой и неизмѣнной, которая бы ихъ поддерживала и служила имъ опорой. Подобныя необходимости управляли ее сотвореніемъ первыхъ

существовъ. Ничто не произошло случаемъ, все произведено премудростію, которая есть высшая необходимость. Что касается до силъ, употребленныхъ Природою для произведенія столь многочисленныхъ переворотовъ, эти силы остались намъ почти невѣстными. Онѣ, вѣроятно, заключались въ первоначальномъ составѣ Земнаго Шара, и ежели справедливо, какъ говорятъ астрономы, что Юпитеръ находится еще въ состояніи хаоса; что жаръ, которымъ проникнута эта огромная масса, не позволяетъ морямъ покоиться на ея поверхности, или, если, занявъ на ней свое мѣсто, моря возмущаются огнемъ, кипятъ и извергаются изъ углубленій, которыя на время заняли; ежели Марсъ находится почти въ томъ же беспорядочномъ состояніи, — то надобно думать, что въ первобытныя времена тѣ же причины производили на землѣ такіе же перевороты. Но какъ бы ни вѣроподобна была эта гипотеза, какую бы вѣроятность ни придавали ей и форма Земнаго Шара, и опыты съ маятникомъ, и другіе опыты, которые, по-видимому, доказываютъ существованіе центральнаго огня, но въ ней всегда будетъ недоставать прямого доказательства; ибо мы не можемъ дойти довершины потока вѣковъ, и присутствовать при первомъ происхожденіи вещей. Притомъ, положивъ, что причиною переворотовъ земли была единственная въ Природѣ всемогущая дѣйствующая сила, огонь; надобно будетъ допустить, что эта причина дѣйствовала не одна, или что она не всегда была тождественна, по крайней мѣрѣ въ результатахъ. Первые перевороты были дѣйствительно, такъ сказать, одни только перемѣщенія почвъ. Въ послѣднемъ совершилось подѣ полюсомъ внезапное сотрясеніе. Масса воды, огромная по своему объему, поднялась изъ бездны и разлилась отъ сѣвера къ югу по всѣмъ материкамъ, уничтожалъ всѣ встрѣчающіяся

ей препятствія, межъ тѣмъ, какъ часть этихъ водъ, возлетѣвшая въ высшія пространства, низпадала дождемъ на землю, покрывала ее мракомъ, съ корнемъ исторгала лѣса и отверзала подъ ногами животныхъ могилы, въ которыя устремлялись волны. Цѣлыя массы матеріи, обломки небесныхъ тѣлъ, отрывки міровъ блуждали въ пространствѣ. Можетъ быть, одинъ изъ нихъ ударился въ землю; этотъ ударъ вышибъ воды изъ мѣстъ ихъ, затопилъ материки, пошатнулъ ось земли, измѣнилъ температуру климатовъ!..... Но кто я, чтобы осмѣливался приписывать образованіе земли подобной причинѣ, это явленіе! Оно могло произойти отъ множества другихъ причинъ, когда голосъ, раздававшійся у всѣхъ народовъ, провозгласилъ причину другаго рода, которую я долженъ уважать, которую уважали Декартъ, Лейбницъ, Ньютонъ? Какъ бы то ни было, но наводненіе было кратковременно. Глубоко напитавъ собою земли, истребивъ все ихъ оживлявшее, воды улеглись въ своихъ руслахъ, оставивъ земли бесплодными и обнаженными; и эти земли, вышедшія изъ подъ-воды, составляютъ большую часть материковъ, нами обитаемыхъ.

O.

Revue de Paris.

О ГРАНИЦАХЪ

и

ПЕРЕХОДАХЪ ЦАРСТВЪ ПРИРОДЫ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобы различить переходы жизни изъ одного царства въ другое, взглянемъ на противоположное отношеніе двухъ міровъ, составляемыхъ царствами Природы.

Въ міръ органическомъ жизнь стремится къ пересозданію стихій въ безчисленное множество тѣлъ высшаго образованія, стремится возвысить неорганическое бытіе, одаряя его въ разнообразныхъ видахъ производимостью, чувствомъ, произвольнымъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ ея къ одухотворенію и возвышенію, на каждомъ шагѣ замѣчаемъ ея упаденіе: какъ будто неорганической міръ противится ея великому дѣлу, какъ будто жизнь его обречена стремиться къ тому овестествленію, какого достигаетъ она въ разнообразныхъ видахъ минераловъ.

И въ самомъ дѣлѣ: велико, неодолимо это тяготѣніе колоссальнаго міра неорганическаго, хотя могущественно и стремленіе органической жизни къ возвышенію: отсюда велика тяжба царствъ Природы, которая содержитъ ихъ во внутреннемъ волнованіи, задерживаетъ ихъ ходъ впередъ, и не даетъ вѣчнаго мира сему міру.

Неорганическая Природа, покорствуя своему тяготѣнію, вноситъ оное и въ органическую Природу, подрываетъ великое дѣло ея жизни, и разрушаетъ ея стройныя созданія. Отъ того происходятъ безпрестанныя пониженія органическихъ тѣлъ на степень неорганическаго бытія, разнообразные переходы ихъ въ царства неорганическаго міра.

Син пониженія и переходы я означилъ именами: *смерти цѣпенънїя и смерти разрушенїя* *.

Смерть разрушенїя дѣйствуетъ обыкновенно скрытымъ, медленнымъ огнемъ тлѣнїя, и этимъ средствомъ она разоряетъ до основанїя органическаго тѣла, низводитъ ихъ до состоянїя стихїйнаго. Отъ такого разрушенїя они обращаются въ чернозѣмъ, которымъ земля, какъ траурною тканью, ежегодно прикрываетъ морщины старѣющаго лица своего. Оземленый сей остатокъ бытїя органическаго есть переходное существо, которое собственно не принадлежитъ ни къ какому царству: это безобразный хаосъ земной жизни, въ которомъ она свела концы свои, и пребываетъ неопредѣленною въ своемъ бытїи. Это могила и вмѣстѣ колыбель бытїя органическаго.

Другимъ образомъ дѣйствуетъ смерть оцѣпенънїя. Она не разрушаетъ тѣлъ органическихъ, но лишая ихъ производимости, погружаетъ въ ту всцественную пребываемость, въ какой находятся минералы, и которая составляетъ верхъ бытїя неорганическаго.

Зима представляетъ ежегодное торжество сего бытїя надъ органическимъ міромъ: она налагаетъ цѣпенънїе почти на всѣ растенїя, на большую часть животныхъ и на самага человека. Въ нашихъ странахъ лѣтнее солнце растопляетъ зимнее цѣпенънїе органической Природы, и возвращаетъ ей производимость ся; но полярные концы нашей планеты подпали вѣчному владычеству холода, и гранитные великаны земли гордо поднимаютъ свои ледяныя головы передъ дольнымъ міромъ.

Не думайте однако жъ, чтобы только холодною смертию томилась жизнь: не менѣе трудна для нея

* Размышленїя о Природѣ, гл. IV и VI.

бываетъ и знойная смерть цѣпенія. Жаркопесчаныя пустыни тропическихъ странъ представляютъ печальную картину вѣчнаго владычества зноя. Цвѣтущая жизнь томится и сохнетъ тамъ подъ опалюю солнца, животная жизнь тамъ ядовитѣе и лютеѣ, — тамъ человѣкъ чернѣе.

Конечно, есть растенія, которыя требуютъ для себя именно такихъ мѣстъ, гдѣ почва суше и песчанѣе, гдѣ припѣкъ солнца сильнѣе, и эти растенія суть самыя жирныя, сочныя, хотя своими корешками едва держатся на зыбкой почвѣ; но въ то же есть цѣлый классъ поростовъ, algae, для которыхъ непосредственное вліяніе солнца не выгодно, для которыхъ живительна влажная стихія. Такъ водорасли, hydrophyta, первородное племя растительнаго царства, въ морѣ наслаждаются непрерывнымъ произрастаніемъ, достигаютъ непомерной величины, питаютъ собою несметное множество подводныхъ животныхъ; но будучи заброшены волнами на берегъ, на вольномъ свѣтѣ, они засыхаютъ, приходятъ въ минеральное цѣпеніе, и только возвращенные морю опять начинаютъ жить органически. Такъ Исландскій поростъ, или мохъ, столь цѣлебный и многопитательный, олений поростъ, которому такое приволье въ снѣжныхъ пустыняхъ Сѣвера, и всѣ вообще агели, Lichenes, замираютъ, когда солнце производитъ засуху въ атмосферѣ: и вы можете ихъ содержать десятки лѣтъ въ этомъ минеральномъ состояніи, но положите ихъ въ воду, и они опять возобновятъ прерванное произрастаніе, опять начнутъ жить органически.

Однако жъ, какъ ни благотворною для органическихъ тѣлъ представляется вода, какъ ни говорите, что *все живое изъ жидкаго*, но и влажная стихія по-

могает неорганическому міру воевать органическую жизнь. Вода, столь живящая собою растенія, часто становится для нихъ мертвою водою, и уполяетъ ихъ до минеральнаго забытья, и мало по малу переводитъ ихъ въ минеральное царство. Такого образованія переходное существо называется «торфомъ.» Министыя тундры дремучей Сибири представляютъ въ большомъ размѣрѣ такое склоненіе растительной жизни къ минеральному бытію.

Но чтобы видѣть всю страшную моготу влажной смерти, обратитесь къ давно прошедшему бытію земнаго міра: разрываемое нѣдро земной коры представитъ вамъ одно великое кладбище органической жизни, одинъ огромный Геркуланумъ, ибо цѣлая земля нѣкогда, вскипѣвъ своими водами, растворила въ нихъ свою поверхность, извергла изъ себя эту влажную лаву, и залила ею весь допотопный міръ, задушила его на смертельной груди своей.

Такимъ образомъ допотопныя животныя и растенія вошли въ составъ земной коры. Многія изъ нихъ, наполняясь каменистымъ веществомъ, застывая въ земляномъ растворѣ, хотя и подпали тяжкому игу минеральнаго царства, но удержали еще свой органической образъ. Таковыя встрѣчаемыя вездѣ во множествѣ окаменелости рыбъ, раковинъ, улитокъ, лучевиковъ и другихъ животныхъ, и окаменѣлости разныхъ частей растеній. Таковы ископаемыя кости звѣрей, гадовъ, находимыя иногда цѣлыми ѡстовами. Наша Сибирь особенно изобилуетъ ѡстовами и костями мамонтовъ, или допотопныхъ слоновъ.

Одинъ изъ нихъ сохранился было въ цѣлости, замороженный Природою въ полярной льдинѣ; но сѣверные медведи открыли его еще прежде Г. Адамса:

они первые изслѣдовали допотопное мясо, и любопытный натуралистъ могъ представить С. — Петербургской Кунсткамерѣ только кости да кожу знаменитаго современника потопа.

Подобно сему огромному мамонту, уцѣляли и многіе мелкіе жители прежняго органическаго міра. Такъ маленькія водорасли попадаютъ заплавленными въ свѣтлой водѣ горнаго хрустала *. Въ янтарѣ, который самъ есть закаменѣлая смола допотопныхъ деревь, многія насѣкомыя, по словамъ Ломоносова, получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ, — и наши поморяне не даромъ называютъ янтарь «морскимъ ладономъ.»

Другія допотопныя существа измѣнялись въ своемъ образѣ и составѣ до того, что ихъ уже причисляютъ къ системѣ минераловъ. Такъ почти всѣ пламевики, составляющіе третій классъ минеральнаго царства произошли изъ растений: неорганическая Природа цѣлые лѣса ихъ претворила въ огромныя копи каменнаго угля; и не только ихъ обминералила самою земною стихіей, — тяжелымъ углеродомъ, но отделивъ отъ нихъ и содержимыя въ нихъ вещества, дала имъ минеральную особность, и обратила ихъ въ смольники, или минеральныя смолы: таковы, кромѣ янтаря, суть ретинитъ, элатеритъ, асфальтъ, или жидовская смола, нефть, или горное масло.

Подобнымъ образомъ и животныя входили въ составъ каменнаго царства: многіе большіе пласты известняковыя обязаны имъ своимъ происхожденіемъ. Когда вамъ случится быть въ Мячковѣ, гдѣ возвышается

* Если справедливо сіе названіе тѣхъ красивыхъ жлоковъ, кои находятся въ камняхъ, называемыхъ моховиками.

знаменитый курганъ, гдѣ находится богатая каменоломня, которой такъ много обязана Москва белокаменная, тамъ подъ тремя песчаными слоями и шестью слоями каменными, лежитъ слой известняка, толщиною въ аршинъ. Онъ состоитъ изъ полипниковъ, раковинъ, улитокъ, растертыхъ и смѣшанныхъ въ одну массу, въ которой нельзя уже признать ихъ вида, въ которой только изрѣдка попадаются еще уцѣлѣвшіе ихъ обломки ¹. Такого же происхожденія вѣроятно и многія мѣловыя горы... Самая бирюза, которая плѣняетъ васъ и лазурью неба, и незабудковымъ цвѣтомъ воспоминанія, часто есть только сувениръ допотопнаго звѣря, — его кость, проникнутая и окрашенная мѣдной рудою ²....

Наконецъ многія растенія и животныя оставили по себѣ одни отпечатки, или слѣпки на каменныхъ слояхъ, стиснутыя которыми они исчезли съ лица земли, завѣщавъ человѣку только слѣдъ бытія своего.

И человѣкъ углубляется въ нихъ своею думою, собираетъ останки умершей жизни, вспрыскиваетъ ихъ живою водою разумѣнія, — и эти слѣпки отдѣляются отъ каменныхъ скрижалей смерти, — и эти обломки, эти раскиданныя по землѣ кости срастаются въ цѣлыя, исполинскія тѣла — они сходятся, слетаются семьями на злачные доли, въ ли-

¹ Камень сего десятаго слоя на Мячковскихъ приломахъ называется горохомъ; пятый слой называютъ тамъ *лыскою*, шестой *товаромъ*, седьмой *клиннымъ*, восьмой *назолникомъ*, девятымъ *налогою*, одиннадцатымъ *донникомъ*, а двѣнадцатый, обыкновенно залитой водою -- *лещедкою*. Народъ вашъ весьма изобрѣтателенъ на термины, умѣетъ переводить на Русскій ладъ и иностранные: такъ туфштейнъ, осаждающійся изъ свѣрныхъ минеральныхъ водъ, на Кавказъ солдаты при ваннахъ называютъ *тупейникомъ*.

² Это такъ называемая бирюза новой породы; восточная же, бирюза старой породы, происхожденія неорганическаго.

лѣсные и пальмовыя лѣса, возстающіе изъ копей угольныхъ, изъ твердынь каменныхъ, и воздвигается цѣлый міръ стройный, колоссальный, для новой, мысленной жизни въ умъ человѣка!

Но человѣкъ своею системою совершаетъ только великую тризну по усопшемъ бытіи. У него нѣтъ той магической воли, которою могъ бы онъ вызвать этихъ мертвецовъ для жизни дѣйствительной, личной; — онъ не попалъ еще на ту точку, съ которой Архимедъ брался перевернуть землю; и смерть одолеваетъ еще власть его надъ жизнью, окруживъ землю останками допотопнаго міра, какъ трофеями своей роковой побѣды.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

МІРЪ И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ.

=

ASTRONOMY AND GENERAL PHYSICS etc. — Астрономія и Общая Физика въ отношеніи къ Естественному Богословію. Соч. Пастора Вильяма Вевеля. (Whewel) Лондонъ, 1833.

ON THE ADAPTATION OF EXTERNAL NATURE etc. — О приспособленіи вѣшней Природы къ физическому состоянію человѣка, особенно къ удовлетворенію его потребностей и упражненію умственныхъ способностей. Соч. Джона Кидда (Kidd) M. D. Лондонъ, 1833.

THE HAND, etc. — Рука, ея механизмъ и способности, какъ доказательство Высшаго намѣренія. Соч. Сиръ-Чарлса Белла (Bell). Лонд. 1833.

ON THE POWER WISDOM, AND GOODNESS OF GOD, etc. — О могуществѣ, мудрости и благости Божіей въ примѣненіи вѣшней Природы къ нравственному и умственному состоянію человѣка. Соч. Пастора Томаса Чамерса (Chalmers). Лондонъ, 1833.

Четыре сочиненія, которыхъ заглавія здѣсь выпишемъ, суть одинъ изъ благороднѣйшихъ памятниковъ настоящей образованности рода человѣческаго. Никогда Европеецъ не посвящалъ своихъ познаній и способностей важнѣйшей для его счастья и возвышеннѣйшей цѣли. Никогда смертный, обогащенный сокровищами планеты, на которой онъ обитаетъ, не могъ полезнѣе и лучше употребить части огромнаго своего достоянія, нежели какъ покойный Герцогъ Бриджватеръ, завѣщанію котораго обязаны мы этими твореніями, принадлежащими отнынѣ къ всеобщей Литературѣ человѣчества. Герцогъ Бриджватеръ, умирая, опредѣлилъ сумму восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ (200,000 руб.) въ награду тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе «О могуществѣ, мудрости и благости Бога», и докажетъ несомнѣнное его существованіе всѣмъ тѣмъ, что Науки точныя и изслѣдованія естествоиспытателей открыли человѣку въ этомъ отношеніи. Мысль прекрасная!

Нельзя было оказать большей услуги ни человеку, ни самимъ Наукамъ. Исполнители завѣщанія, не найдя никого, способнаго принять на себя подобный трудъ въ полномъ его пространствѣ, объемлющемъ почти весь отрасли познаній, принуждены были раздѣлить премію на восемь частей, и поручить восьми знаменитѣйшимъ Ученымъ трактовать одинъ и тотъ же предметъ, каждому по своей части. Четыре книги, о которыхъ сказано, суть слѣдствіе этого распоряженія.

Должно сожалѣть; что намѣреніе челоуколюбиваго завѣщателя не могло быть исполнено въ буквальный смыслъ: доказательства, которыя, бывъ собраны въ одну книгу, образовали бы одно цѣлое и одну утѣшительную Науку, разбросанныя въ восьми отдѣльныхъ сочиненіяхъ, теряютъ великолѣпіе единства, и влекутъ за собою важное неудобство безпрестанныхъ повтореній. Сверхъ-того и достоинство частей не одинаково. Сочиненіе Г. Чамерса, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ писателей нынѣшняго вѣка, по несчастію, и даже къ удивленію, не удовлетворило нашихъ ожиданій. Книга Г. Белля прелестна, восхитительна. Трудъ Доктора Кидда въ состояніи принести удовольствіе каждому, кто напередъ не пробѣжалъ мастерскаго творенія Г. Вевеля, долженствующаго, по нашему мнѣнію, предпочтительно предъ другими, сдѣлаться повсемѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что оно и полнѣе другихъ. Еще отягощенные высокими впечатлѣніями, которыя произвело въ насъ чтеніе этихъ четырехъ сочиненій, постараемся тутъ же сосредоточить въ немногихъ страницахъ главнѣйшія и самыя разительныя черты величественнаго предмета, — предмета, въ сравненіи съ которымъ все остальное мечта и ничтожность!

Никогда съ полнымъ убѣжденіемъ, челоукъ не постигнетъ живо положенія своего въ чинѣ вселен-

ной, если не посмотреть съ неразвлеченнымъ вниманіемъ выше и вокругъ себя, и не напряжетъ всѣхъ умственныхъ способностей къ изслѣдованію безконечной цѣпи бытія, которой самъ онъ звено. Доколь онъ ограничиваетъ свое любопытство исторіею себя подобныхъ, дивясь переходу отъ дремучаго лѣса къ многочисленному городу, содрогаясь отъ кроволитныхъ войнъ и междоусобій, которыхъ позорищемъ перебивали почти всѣ поля Земнаго Шара, — корпя надъ обветшалыми правилами Философій и Законодательства, или выдумывая новые планы устройства преходящихъ выгодъ, — до тѣхъ поръ онъ чуждъ сознанія высшихъ цѣлей, для которыхъ предназначены его способности. Мелочной, подневный навѣкъ ведетъ его къ понятіямъ совершенно ложнымъ, будто къ истинной цѣли, для которой дана ему жизнь. Считаая непосредственные предметы своего корыстолюбія или тщеславія исключительно достойными попеченій, — они забота его днемъ и грѣза ночью! — онъ задумываетъ о себѣ слишкомъ высоко, и это мѣшаетъ ему удѣлить единый помысль началу, исходу и послѣднему концу шестидесяти лѣтъ, — этого часа, — нѣтъ! даже и не мгновенія вѣчности, — которыя пришлись на его долю. Иногда впадаетъ онъ въ противоположную крайность. Путешествуя по Альпамъ или Андамъ, онъ блѣднѣетъ, когда молнія освѣтитъ ихъ вершины, увѣчанная снѣгами вѣковъ минувшихъ, дрожить отъ грома, потрясающаго страшныя толщи въ основаніи, а если змѣистая стрѣла раздвоитъ скалу, на которой стоялъ онъ недавно, какимъ мелкимъ насѣкомымъ дѣлается онъ въ собственномъ мнѣніи! Претерпѣвъ крушеніе у острововъ Сциллы, онъ озираетъ волны Океана, воздымающія главу къ небесамъ и грозящія разрушить всѣ преграды, которыя Природа и Искусство сговорились противопоставить ихъ ярости; глядитъ, — и мы-

сленно нисходитъ до степени раковинъ, которыя отхлынувшая волна оставляетъ за собою на взморь.

Однако жъ человѣкъ, безпрекословно подвергающійся дѣйствию котораго-нибудь изъѣтихъ противоположныхъ впечатлѣній, долженъ быть чуждъ размышленія или незнакомъ съ обыкновенными началами познанія. Правда, почти не проходитъ часа безъ множества напоминаній о нашей смертности. Но съ другой стороны, въ насъ таится гордое сознаніе, что не можетъ быть безъ достоинства то существо, которое такъ возвышено умомъ, такъ безпредѣльно въ способностяхъ, такъ выразительно, чудесно видно въ движеніяхъ, въ дѣйствіи такъ подобно ангелу, въ разумѣніи такъ подобно божеству!

Но этотъ самый умъ, эти самыя способности, должныствовали бѣ научать его, что хотя онъ подобенъ ангелу въ дѣйствіи, подобенъ божеству въ разумѣніи, но пока ступаетъ по землѣ, онъ ни тотъ, ни другое, а только можетъ быть причастенъ естеству обоихъ. Счастливъ онъ, если разумъ открылъ ему эту великую истину, обличилъ предъ нимъ тлѣнность всего вещества, созданнаго нарочно для временныхъ его потребностей, частію, чтобъ искусить его въ добродѣтели, частію, чтобъ приготовить духъ его къ тѣмъ безконечнымъ зрѣлищамъ, въ которыхъ онъ уже будетъ ангеломъ въ дѣйствіи, если и въ разумѣніи чуть не сравнится съ божествомъ.

Волею Промысла, благотвельною для милліоновъ людей, достиженіе такого знанія не было предоставлено однимъ усиліямъ ихъ собственнаго разума. Прямья, сверхъ-естественныя откровенія внушили имъ понятіе о бытіи Божества, безначальнаго и безконечнаго, котораго могуществомъ созданъ міръ, котораго мудростію всѣ различныя части его гармонически устроены, котораго благотвельною волею держится онъ въ теченіе безчисленныхъ въ-

ковъ. Но хотя вдохновенныя преданія требуютъ нашего безусловнаго довѣрія и исполнѣ его заслуживаютъ, однако жъ наступило, кажется, то время, что Наука и убѣжденіе должны итти объ-руку съ Вѣрою, что человекъ, самый гордый, самый дерзкій и ослѣпленный богатствомъ своихъ познаній, долженъ примириться съ откровенными истинами, и сознаться со стыдомъ, сколько онъ заблуждался въ своей недоувѣрчивости.

Многочратно пересмотрѣнные и накопленные результаты изслѣдованій геологовъ, астрономовъ и математиковъ не были предназначены для одной забавы тѣхъ, кто посвящалъ себя этого рода занятіямъ. Предназначеніе ихъ было гораздо высшее: только теперь узнаемъ мы его! Чѣмъ успѣшнѣе обрабатывались Науки, тѣмъ яснѣе, тѣмъ многочисленнѣе становились признаки и, можемъ прибавить, доказательства бытія Всемогущаго Разума, создавшаго всяческая.

Съ раннихъ временъ пастухи, стерегшіе стада свои на равнинахъ Азій, ознакомились съ замѣчательнѣйшими изъ огненныхъ точекъ, сіяющихъ на небѣ въ ночную пору, и извѣстныхъ Персамъ подъ общимъ именемъ астръ, звѣздъ. Съ этимъ словомъ первоначально сопрягался смыслъ управленія или указанія, потому, что свѣтила часто служили пастуху вожатымъ по обширнымъ пастбищамъ, которыя надлежало ему проходить, а земледѣльцу признакомъ годовыхъ переменъ. Долго думали, да и теперь большая часть людей въ тѣхъ мысляхъ, что звѣзды неподвижны; но телескопъ далъ намъ способъ утверждать съ достовѣрностію, что многія, — и съ большою вѣроятностію, — что даже, всѣ онѣ движутся, хотя мы сами, увлеченные общимъ движеніемъ міра, не можемъ замѣтить направленія, по которому

онѣ совершаютъ круговой путь свой въ орбитѣ вселенной.

Мы не имѣемъ досель, и, безъ сомнѣнія, никогда не будемъ имѣть средствъ исчислить этихъ блестящихъ обитателей безпредельной небесной пустыни. Каждое новое усовершеніе телескопа открываетъ зрѣнію нашему несмѣтное множество такихъ свѣтилъ, которыхъ глазъ человѣческой никогда прежде не видывалъ. Есть звѣзды двойныя и даже тройныя: простому зрителю онѣ кажутся однимъ свѣтиломъ, но вооруженный взоръ видитъ въ нихъ скопленіе двухъ и болѣе пылающихъ шаровъ, въ знатительныхъ, хотя едва примѣтныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Болѣе трехъ тысячъ двойныхъ звѣздъ открыто до сего времени, но мы еще не истощили обилія небесъ въ этихъ двойныхъ произведеніяхъ: многія изъ нихъ видимо движутся одно около другаго въ орбитахъ, для прохожденія которыхъ потребны имъ тысяча двѣсти нашихъ лѣтъ. Такія кругообращенія являютъ уму только слабый отблескъ вѣчности.

Астрономы, по аналогіи нашей собственной, то есть, солнечной системы *, заключаютъ не безъ основанія, что обтекая другъ друга, эти звѣзды, или, лучше сказать, солнцы не напрасно изливаютъ свѣтъ свой, и что каждое сопровождается своимъ причтомъ планетъ, которыя, какъ тѣла темныя, вѣроятно всегда будутъ скриваться отъ нашего зрѣнія въ блескъ дневныхъ свѣтилъ своихъ. Мысль эта ведетъ насъ къ заключенію, что двойныя звѣзды, отдѣленные другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ такими же разстояніями, какъ Уранъ отъ нашего солнца, т. е., тремя тысячами шестью стами милліоновъ верстъ, также имѣютъ свои планеты,

* Системою въ Астрономіи называется известное число земныхъ шаровъ, или планетъ, текущихъ вокругъ своего средоточнаго свѣтила, или солнца.

свои Меркуріи, Земли, Юпитеры и Сатурны, и составляютъ средоточія особыхъ системъ, разбѣянныхъ по всей пустынѣ небесъ. Если эти планеты населены разумными тварями, подобно Землѣ и, — какъ думаютъ, — прочимъ планетамъ нашей солнечной области, то мысленное созерцаніе мириадъ такихъ шаровъ, покрытыхъ обитателями, подавляетъ воображеніе.

Мы не имѣемъ средствъ удостовѣриться въ разстояніи какой бы то ни было звезды отъ Земнаго Шара. Мы измѣрили окружность, описываемую нами въ годичномъ путешествіи вокругъ солнца; возьмемъ поперечникъ этого круга, и примемъ его за основаніе треугольника, который бы вершиною упирался въ ближайшее изъ этихъ свѣтящихся тѣлъ. Однако жъ угла, образовавшагося такимъ способомъ у звезды, не возможно было бы опредѣлить по его малости и съ помощію совершеннѣйшаго орудія, изобрѣтеннаго человѣкомъ. Но уголь въ одну секунду градуса измѣримъ: слѣдственно разстояніе ближайшей, такъ называемой неподвижной звезды, должно превышать полупоперечникъ круга, окружность котораго, въ каждой своей секундѣ градуса, заключаетъ три тысячи шесть сотъ милліоновъ верстъ, то есть, оно должно быть въ двѣсти тысячъ разъ болѣе поперечника земной орбиты. Если голубка, невозвратившаяся къ Ною, послана была отнестъ, съ возможною для нея скоростью, оливную вѣтку на ближайшую изъ этихъ сферъ, то она бы до сихъ поръ все еще летѣла, и пронесшись въ высоту цѣлыя сорокъ столѣтій, не совершила бы и половины предназначеннаго пути.

Не изобрѣтено еще такого сваряда, — да теперь и вовсе кажется несбыточнымъ, чтобъ мы когда-нибудь придумали къ тому средства, — которымъ бы можно было опредѣлить величину даже самамалѣйшихъ

звѣздъ, потому, что мы никогда не видимъ ихъ дисковъ. Мы приобретаемъ ощущение бытія ихъ посредствомъ свѣтовыхъ лучей, которые иногда вѣроятно достигаютъ Земнаго Шара не менѣе какъ въ тысячу лѣтъ, не смотря на то, что свѣтъ проходитъ, какъ извѣстно, по триста восьмидесяти четыре тысячи верстъ въ секунду. Сиріусъ самое блестящее, — быть-можетъ потому, что ближайшее къ намъ — свѣтило, даетъ, по мнѣнію Воластона, столько свѣта, сколько четырнадцать солнцевъ, каждое величиною съ наше. Потому, какъ ни великолѣпна должна быть система, которой средоточіемъ Сиріусъ, но мы не видимъ ни одной ея части. Планета Сатурнъ, съ приборомъ колець и спутниковъ, представляетъ, когда видны кольца, такое зрѣлище, которое въ телескопъ посредственной силы показалось бы намъ величиною съ серебряный полтинникъ. Но если бъ кто посмотрѣлъ, въ подобный инструментъ, съ Сиріусовой планеты на наше солнце, то могъ бы съ своей стороны подумать, что всю нашу солнечную систему можно покрыть нитью паутины. Онъ выставилъ бы у себя на картѣ солнце неподвижною звѣздою, но глазъ его не замѣтилъ бы въ немъ ни какой перемѣны, потому, что и величайшая изъ нашихъ планетъ заслоняла бы ему не много болѣе сотой доли поверхности этой звѣзды, и слѣдственно не могла бы причинить замѣтной для него утраты свѣта. Для него этотъ Земной Шаръ, какъ ни обширенъ онъ кажется для нашихъ ограниченныхъ чувствъ и способностей, даже и не существовалъ бы. Онъ не удостоился бы стать точкою на его картѣ, и если бъ завтра сгинулъ изъ пространства, этого не примѣтили бъ ни съ одного изъ пятидесяти подобныхъ нашей Землѣ мировъ, которые вѣроятно плаваютъ въ волнахъ свѣта, изливаемыхъ Сиріусомъ. Чье око блюдетъ нашу сферу? Чья вѣчнопростертая рука ее поддерживааетъ?

Звѣзда, именуемая Омикронъ, въ созвѣздіи Кита, является намъ только двѣнадцать разъ въ одиннадцать лѣтъ. Недѣли двѣ видна она въ полномъ блескѣ, потомъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ постепенно уменьшается, и совсѣмъ пропадаетъ. Черезъ пять мѣсяцевъ она снова становится видима, и продолжаетъ прибывать въ три остальные мѣсяца своего періода. Другая звѣзда, именуемая Альголь, или Греческая буква β Персея, бываетъ видима въ продолженіе шестидесяти двухъ часовъ, потомъ внезапно теряетъ свой блескъ, и, хотя она второй величины, въ два или три часа умалается до четвертой. Затѣмъ опять начинается она прибывать, и въ три съ половиною часа достигаетъ прежняго блеска. Гудрикъ, открывшій въ 1782 году сіе замѣчательное явленіе, говоритъ, — и мысль его вообще принята теперь астрономами, — что такая перемѣна должна происходить отъ обращенія вокругъ Альголя какого нибудь темнаго тѣла, его собственной планеты, которое, находясь между нами и звѣздою, заслоняетъ большую часть ея свѣта. Очень вѣроятно, что подобное устройство измѣняетъ періодически свѣтъ Омикрона, хотя и въ другомъ размѣрѣ. Есть еще одиннадцать звѣздъ, представляющихъ сей феноменъ, и нѣкоторыя изъ нихъ не чаще одного раза въ сто лѣтъ: на нихъ можно смотрѣть, не боясь погрѣшности; мы осязаемъ ихъ зрѣніемъ, и намъ открывается видъ въ будущность. Когда остановимся мыслию на этихъ фактахъ, и на обстоятельстве, что лучи, посредствомъ которыхъ видимъ вечеромъ Плеяды, долженствовали выйти изъ своихъ источниковъ во время нашей Гептархіи или прежде, то чувствуемъ, что умъ, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ способность постигать мириады другихъ населенныхъ міровъ, кромѣ нашего, и проникать въ будущее и прошедшее съ быстротою, превосходящею скорость самаго свѣта, долженъ быть

созданіемъ какого-то высшаго Духа, сущаго въ вѣчности.

Находясь, какъ полагають астрономы, въ срединѣ всѣхъ системъ, оживляющихъ пространство *; и будучи обогащены сверхъ-естественнымъ Откровеніемъ и великими учеными приобрѣтеніями, мы однако жъ склонны спрашивать: существуютъ ли эти системы своею собственною силою, или сотворены могуществомъ, внѣ ихъ живущимъ? Если онѣ окажутся самобытными, то слѣдуетъ, что онѣ и непреходящи.

* Это мнѣніе не всеми принято: нѣкоторые, довольно правдоподобно, думаютъ, что солнечная система, то есть, солнце съ своими планетами, занимаетъ мѣсто близъ одного изъ краевъ огромнаго обломка пространства вселенной, являющагося намъ въ видѣ звездистаго міра, въ которомъ и наше солнце — только звезда; что этотъ звездистый міръ весь, съ нашимъ солнцемъ и нами, есть лишь большое созвздіе, родъ звезднаго облака, одушевленнаго движеніемъ внутри, и носящагося собственною, особою силою въ великомъ пространствѣ вселенной, въ которомъ безъ сомнѣнія существуютъ миллионы другихъ такихъ же звездныхъ облаковъ. Слѣдственно то, что мы видимъ на небѣ и подъ нашими ногами, есть только единица, одна изъ великихъ мировыхъ констелляцій, или созвздій вселенной; и мы видимъ только внутренность этой констелляціи, а о внутренности другихъ и понятія не имѣемъ, потому что наше зрѣніе не выходитъ за предѣлы звезднаго облака, въ которомъ повѣшены мы съ нашею звездочкою, то есть, солнцемъ. Такъ называемый Млечной Путь, состоящій изъ безчисленныхъ міриадъ звездъ разной величины, размѣщенныхъ въ различныхъ расстояніяхъ другъ отъ друга, но, по причинѣ неизмѣримой ихъ отдаленности отъ нашего глаза, славяющихся на небѣ въ одну свѣтлую массу, долженъ быть не что иное какъ площадь разсвѣченія нашего звездочнаго облака, и самая неровность краевъ этой площади, мѣстами довольно узкой, можетъ доказывать, что мы, съ нашимъ солнцемъ находимся гдѣ-то въ углу, по крайней мѣрѣ не въ центрѣ, этого облака звездъ. Въ сущность этой величественной гипотезы можно отдать себѣ отчетъ, представивъ себя стоящимъ въ какомъ нибудь рядкомъ лѣсу, не далеко отъ края: деревья, растущія къ вамъ поближе являютъ вамъ въ видѣ отдельныхъ тѣлъ: тѣ, которыя стоятъ по дальше, покажутся тощими и неясными, а за ними увидите вы только темную глыбну, нѣкую платяную массу растенія. Поглядите потомъ вокругъ себя: съ той стороны гдѣ лѣсъ тянется далеко, эта масса шире и темнѣе; со стороны края она рѣже и кажется вамъ неровною, по причинѣ близости пустаго пространства поля. Нашъ видимый міръ простой лѣсъ звездъ, и вѣроятно только одинъ изъ тысячи дремучихъ звездныхъ лѣсовъ, плавающихъ въ бездонномъ пространствѣ вселенной.

Но если брѣяность ихъ будетъ доказана, то слѣдуетъ, что онѣ не могутъ быть самостоятельны, и должны были бытъ сотворены вѣшнимъ могуществомъ, которое должно бытъ всеильно, по самому естеству его произведеній. Это могущество должно бытъ и самосуше, ибо ни какая власть, кромѣ всеильной, не могла произвести такого существа; оно должно бытъ вѣчно, ибо Всемогущему Существу не вѣдомы ни дѣтство, ни старость. Здѣсь-то, въ важнѣйшемъ для человѣчества изслѣдованіи, астрономическіе факты приспѣваютъ къ намъ на помощь съ убѣдительностію самаго точнаго математическаго доказательства, съ гораздо сильнѣйшею, нежели большая часть свидѣтельствъ, на которыхъ основана исторія дѣлъ человѣческихъ. Печать смертности, рука самой смерти была замѣчена на нѣкоторыхъ изъ блистательнѣйшихъ міровъ, какіе только виданы на небесной тверди.

Въ 125 году до Р. X., необычайное свѣтило привлекло на себя вниманіе Гиппарха, и подало ему поводъ къ составленію росписи звѣздамъ, древнѣйшей, какая только извѣстна: это свѣтило, эта звѣзда исчезла съ неба въ его время. Въ 589 году отъ Р. X. кака-то звѣзда сіяла въ созвѣздіи Орла близъ звѣзды α ; три недѣли оставалась блестящею, какъ Венера, и потомъ исчезла. Въ 1572 году, Тихо Браге, идучи однажды вечеромъ домой съ своей обсерваторіи, изумился, увидѣвъ толпу народа, дивующагося свѣтлой звѣздой, которой самъ онъ, сколько ни высматривалъ небо, не видалъ. Она явилась въ созвѣздіи Кассіопеи, блистала тогда какъ Сиріусъ, и нѣкоторое время была видима даже въ полдень; начала убывать въ Декабрь того жъ года, и, явивъ всѣ переходы горьшія, исчезла въ Мартъ 1574. Былъ ли это спутникъ какой-нибудь неподвижной звѣзды, который загорѣвшись,

предобразовалъ намъ судьбу, ожидающую, по словамъ пророковъ, нашъ собственный мѣръ.

«Подобные, хотя и не такъ блистательные феномены, говоритъ Сиръ Джонъ Гершель, являлись и позже: такъ ва, напримѣръ, звѣзда третьей величины, открытая Антельмомъ, въ головѣ Лебеда въ 1660 году, которая, пропавъ изъ виду, опять явилась, и послѣ одного или двухъ странныхъ измѣненій своего свѣта въ теченіе двухъ лѣтъ исчезла наконецъ совершенно, такъ, что съ тѣхъ поръ ея уже не видали. При тщательномъ переизслѣдованіи неба, и при сравненіи каталоговъ, оказывается, что теперь многихъ звѣздъ не достаетъ; и хотя нѣтъ сомнѣнія, что такія утраты иногда происходятъ отъ ошибочныхъ внесеній въ каталоги, но равно достовѣрно и то, что во многихъ случаяхъ, не было ошибки ни со стороны наблюдателя, ни со стороны вносителя: звѣзда дѣйствительно была наблюдаема, но такъ же дѣйствительно и исчезала.» *A treatise on Astronomy*, p. 384.

Существованіе и смерть Александра Великаго, возвышеніе и упадокъ Римской Имперіи, истребленіе землетрясеніями или вулканомъ городовъ, бывшихъ нѣкогда средоточіями торговли и искусствъ, — все это дошло до насъ по свидѣтельствамъ, отнюдь не имѣющимъ болѣе права на наше довѣріе, нежели тѣ, которыми подкрѣпляются астрономическіе факты, изложенные здѣсь Гершелемъ. Люди, исключительно посвятившіе себя долготѣнному наблюденію небесной тверди, согласно утверждаютъ, что во многихъ случаяхъ, звѣзды, которыя нѣкогда были коротко знакомы глазу, переставали являться, и притомъ на такіе періоды времени, которые ясно показываютъ ихъ уничтоженіе. Слѣдствіе явно и неизбежно; эти тѣла были созданы, — иначе они не могли бь подвергнуться разрушенію. Они совершили предназначенные имъ переходы существованія, дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость, и погибли, какъ погибаетъ человекъ, проживъ опредѣ-

ленное число лѣтъ. Если они были созданы, то должно было быть и какое нибудь могущество, давшее имъ существованіе и предписавшее законы, по которымъ эта ихъ жизнь достигла своего конца.

Но скажутъ, что все это одни только сказанія Астрономіи, Науки, занимающейся предметами, которые не могутъ быть подвергнуты осязанію или прогнаны сквозь ордацію опыта, — предметами объема неизмѣримаго, удаленными отъ насъ на разстоянія, которыхъ никогда нельзя будетъ привести въ извѣстность. Однако жъ каждый, кто заглядывалъ въ календарь, вѣрно допустить, что затмѣнія солнца и луны вычисляются заранѣе изъ минуты въ минуту. У насъ теперь передъ глазами роспись затмѣній на все текущее столѣтіе, и доколѣ хотя одно изъ этихъ вычисленій не окажется ложнымъ, до тѣхъ поръ надо согласиться, что Астрономія имѣетъ свои неоспоримыя достовѣрности, какъ Химія или Математика. Еще болѣе этого можно сказать объ изысканіяхъ Кеплеровъ и Гершелей. Первый, отгадавъ еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ небесный механизмъ, открылъ себѣ путь къ изложенію ряда законовъ, изъ которыхъ потомъ заключили съ большою увѣренностью, что планета, никогда еще не виданная человекомъ, будетъ открыта въ особой части неба, — и это предсказаніе сбылось. Кеплеръ показалъ, что извѣстныя тогда планеты, — Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, къ которымъ Вилліамъ Гершель (отецъ) присовокупилъ въ 1781 году Урана, — были, все какъ бы одной семьи, «связаны одною цѣпью, соединены узами взаимнаго соотношенія и стройнаго согласія, подвержены одному общему вліянію, простирающемуся отъ средоточія до отдаленнѣйшихъ предѣловъ своей обширной системы, которой все они, и самая Земля, должны почитаться отнынѣ членами.» Такъ

какъ промежутки планетныхъ орбитъ удваиваются или около того, по мѣрѣ удаленія планетъ отъ солнца, а гораздо бѣльшій промежутокъ, разделяющій Марса и Юпитера, составлялъ бы исключеніе изъ этого семейнаго закона, сохраняющаго однако жъ свою силу для другихъ, отдаленнѣйшихъ планетъ, то долго подозревали, что между Юпитеромъ и Марсомъ должна быть еще планета; и дѣйствительно, начало текущаго столѣтія ознаменовалось открытіемъ Цереры, Паллады и Юноны. Малость и неправильность вида этихъ планетъ, и тѣсное сближеніе ихъ среднихъ разстояній, вели къ заключенію, что онѣ могутъ быть обломками большой планеты, которая, въ какой нибудь отдаленный періодъ времени, занимала тотъ промежутокъ. Если такъ, то вѣроятно существуютъ и другіе обломки того же тѣла, и всего правдоподобнѣе было, — искать ихъ близъ узловъ открытыхъ частей планеты: этому именно глубокомысленному умствованію обязаны мы открытіемъ Весты. Осуществленіе такого рода наведенія, правильно основаннаго на предположеніяхъ началахъ, кажется, даетъ Астрономинъ право именоваться не одною теоріею вѣроятностей, а чѣмъ-то высшимъ и вѣрнѣйшимъ.

Быть-можетъ, изумятся, что мы, безъ всякихъ обиняковъ, коснулись существованія разныхъ тварей на мириадахъ шаровъ, обращающихся, какъ изъ всего должно заключать, около звѣздъ. Что звѣзды суть солнца, что наше солнце звѣзда, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Что нѣкоторыя изъ нихъ періодически заслоняются темными тѣлами, которыя суть, повидимому, члены ихъ планетной семьи, это мы уже видѣли. Положительное знаніе удостовѣряетъ насъ, что Земля обитаема, а аналогія ведетъ къ заключенію, что если темный шаръ, подобный Землѣ, обращается вокругъ Альгола, то конечно для

того, чтобъ, проходя орбиту свою около центральнаго солнца, пользоваться свѣтомъ, теплою, переѣнами годовыми и суточными, — дарами такого рода, что странно бѣ было подумать, будто Богъ надѣляетъ ими, безъ всякой цѣли, простую глыбу вещества!

Аналогія, распространяющія семейное сходство на всѣ системы нашего звѣздистаго міра, сдѣлаются еще понятнѣе, если мы обратимся на минуту къ другимъ планетамъ собственной нашей системы, которыя непосредственно подлежатъ глазамъ въ сферѣ нашего наблюденія. И Меркурій, и Венера, плотные шары вещества, поселившіеся въ промежуткѣ, отдѣляющемъ Землю отъ солнца, имѣютъ атмосферы, отягченныя облаками, которыя явно предназначены къ ослабленію сильнаго солнечнаго зноя и блеска. Разсмотримъ тѣсную связь, существующую между прозябеніемъ нашей Земли, даже между бытіемъ животной жизни и распространеніемъ звука и свѣта, даже между всѣми искусствами, ведущими общество къ образованности, и между существованіемъ той атмосферы, какою мы имѣемъ. Гдѣ ни увидимъ шаръ, одѣтый атмосферою, въ которой поднимаются облака паровъ, всегда можемъ достовѣрно заключать, что на такомъ шарѣ есть вода и суша, есть прозябеніе, есть животная жизнь, разумныя существа и образованность. Это заключеніе становится тѣмъ неизбежнѣе, что, по лучшимъ наблюденіямъ, на обѣихъ этихъ планетахъ, Меркуріи и Венерѣ, день и ночь почти одинаковой длины съ нашими. Въ Марсѣ, брошенномъ уже внѣ нашей орбиты, текущемъ въ отношеніи къ солнцу уже позади нашей Земли, ясно различены очерки материковъ и морей: у него также своя атмосфера и облака, а на полюсахъ блестятъ бѣлыя пятна, которыя, съ большею вѣроятностью, почитаютъ за спѣгъ-

Огнистый видъ его приписываютъ охреному цвѣту почвы, довольно сходной съ нашимъ краснымъ песчаникомъ. Его сутки разнятся отъ нашихъ немногимъ болѣе получаса. Все это показываетъ такое сходство съ Землею, при которомъ мысль, будто эти три планеты плаваютъ только для счету въ солнечной системѣ, становится совершенно несогласною съ дѣйствительнымъ нашимъ познаниемъ плодovitости, кипящей жизнию всюду, гдѣ сокупаются воздухъ, вода, теплота и свѣтъ. Приведемъ одинъ замѣчательный примѣръ дѣятельности, съ которою эти стихии выполняютъ свое предназначение:

«Я часто бралъ на булавочную головку каплю воды, и спускалъ ее на стекло, стоящее ребромъ въ микроскопѣ: капелька немного побольше сбѣжала бы по его поверхности; однако жъ, какъ ни мала была частица жидкости, она закрывала большую половину комнаты, въ которой я стоялъ, и имѣла двѣнадцать футовъ въ поперечникъ, когда я рассматривалъ ее по частямъ, съ помощію зеркала, поставленнаго въ пяти футахъ отъ лупы, или зрительнаго стекла. Употребивъ другую лупу, я бы конечно могъ превратить двѣнадцать футовъ въ двадцать четыре. Въ такомъ увеличенномъ размѣрѣ, капелька воды представлялась наполненною различными породами маленькихъ животныхъ, отъ $\frac{1}{16}$ доли дюйма до тринадцати дюймовъ величиною! Часто являлись они въ такомъ множествѣ, что на прострѣствѣ двѣнадцати футовъ не отыщешь мѣстечка, гдѣ бы оставить карандашъ. Нерѣдко видалъ я сплошные слои мелкихъ животныхъ, только-что выходящихъ на свѣтъ: они были съ булавочную головку, и ужъ никакъ не болѣе горошины: между тѣмъ крупныя и помнѣе образовавшіяся играли тутъ же около новорожденныхъ. Иногда бываетъ ихъ такъ много, что они образуютъ плотную движущуюся толщу, которую по необходимости разводилъ я чистою водою, чтобъ наблюдать движенія каждаго изъ нихъ порознь. Сколько миріадъ такихъ существъ въ Природѣ! До какой безконечной малости достигаютъ животныя виды! И всѣ они, безъ-

сомнѣнія, питаются живыми существами, которыя еще ихъ меньше, которыхъ уже не разглядишь и въ микроскопъ.

Рукописный дневникъ Сиръ Джона Гершеля.

Если малѣйшая капелька воды населена безчисленными толпами животныхъ различныхъ породъ, гдѣ жь тутъ философія – предполагать, вопреки всему, что свѣтъ, теплота, воздухъ, вода, прозябаніе, суточные перемѣны, даны Меркурію, Венерѣ и Марсу безъ всякаго промышленія объ органическомъ бытіи, безъ всякаго преднамѣренія сдѣлать что-нибудь для поддержанія и блага разумныхъ существъ, способныхъ оцѣнить всю сладость жизни! Этотъ доводъ еще съ ббльшею силою прилагается къ Юпитеру, Сатурну и Урану: для каждаго изъ нихъ придуманъ многосложнѣйшій снарядъ, явно на тотъ конецъ, между прочимъ, чтобъ вознаграждать недостатокъ въ солнечномъ свѣтѣ, которому бы они иначе подверглись, находясь въ такой дали отъ центра общей системы. Мы все одной семьи относительно къ веществу и къ движенію. Не должно ли заключать, что семейное сходство простирается такъ же и на особенный характеръ, какъ на внѣшній образъ бытія?

Мы говоримъ здѣсь объ однѣхъ планетахъ, не о спутникахъ, которые очевидно даны въ помощь первымъ для отраженія свѣта, для уравновѣшиванія ихъ воль, и, быть-можетъ, для поддержанія правильности ихъ обоюдныхъ движеній. Напримѣръ, наша Луна не кажется способною къ поддержанію животнаго бытія. Мы видимъ, что поверхность этого свѣтила; или, по крайней мѣрѣ, та его часть, которая видна съ Земли, покрыта вулканическими жерлами, изъ которыхъ многія чрезвычайно велики: мы не различаемъ на ней ни какого признака паровъ, — слѣдственно, тамъ нѣтъ и воды, или она скрыта въ пещерахъ, недоступныхъ для солнечныхъ

лучей. Безъ облаковъ и атмосферы животная дѣятельность не можетъ существовать. Справедливо ли или несправедливо это умствование, но то ясно, что не только Луна, но и Земля, которой она служитъ, и планеты съ ихъ спутниками, всѣ идутъ медленнымъ, но неизбѣжнымъ шагомъ, къ тому періоду, когда онѣ перестанутъ существовать, какъ бы ни удаленъ былъ этотъ предѣлъ отъ времени, въ которое намъ случилось жить на свѣтъ. По этому, доказательство, выведенное изъ смертности звѣздъ, подкрѣпляется явленіями системы, которой жилище наше, Земля, составляетъ такую малую часть.

Едва ли нужно припоминать кому-нибудь, что поперечникъ настоящаго солнечнаго шара, безъ окружающей его свѣтовой стихіи, вычисленъ въ восемьсотъ восемьдесятъ двѣ тысячи миль. Но, быть-можетъ, никто не обращалъ особеннаго вниманія на тотъ разительный фактъ, что если бъ всѣ одинадцать планетъ, которыя обтекаютъ солнце, въ различныхъ отъ него разстояніяхъ, съ восемнадцатью ихъ спутниками и двумя кольцами Сатурна, слить въ одинъ шаръ, объемъ этого шара едва составилъ бы трехсотую долю величины солнца. Яблоко, падающее съ дерева, возвращеніе къ землѣ камня, брошеннаго вверхъ, доказываютъ неодолимую силу огромной массы вещества надъ меньшею массою. По тому же самому закону, солнце притягиваетъ и Меркурія въ разстояніи тридцати семи милліоновъ миль. Но сила этого притяженія противудѣйствуетъ въ нѣкоторой степени притяженіе Венеры, равно какъ и всѣхъ другихъ планетъ и спутниковъ; и точность, съ которою соприноровлены всѣ эти многосложныя силы, есть уже сама по себѣ доказательство, что никто, кромѣ Божественнаго Разума, не могъ изобрѣсть и устроить такой великолѣпной машины. Магнитъ и палочка сургуча, согрѣтая трѣ-

емъ, притягиваютъ другія тѣла, посредствомъ электрической жидкости, которою первый постоянно наполненъ, а послѣдній заряжается временно. Но движенія небесныя учреждаются такою силою, которою надѣлена каждая частица вещества въ отношеніи ко всякой другой частицѣ его въ мирѣ.

Это взаимное тяготѣніе планетъ, на пути ихъ вокругъ солнца, производитъ и нѣкоторыя замѣшательства въ системѣ, которыя, какъ ни маловажны порознь, въ теченіе вѣковъ становятся значительными. Къ числу его слѣдствій принадлежитъ, напримеръ, то, что Луна совершаетъ мѣсячный оборотъ свой около Земли скорѣе прежняго, какъ видно изъ преданія о затмѣніи, за семьсотъ двадцать одинъ годъ до Р. Х. замѣченнаго Халдеями въ Вавилонѣ. Подобныя замѣшательства заключаются однако жъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которые перейти не могутъ. И такъ, въ этомъ отношеніи прочность солнечной системы обезопасена, и если бъ произошла для нея какой нибудь вредъ отъ очевиднаго недостатка въ механизмѣ, это было бы недостойно Великаго Строителя. Впрочемъ, даже не правдоподобно, чтобъ какая-нибудь существенная перемѣна случилась въ нашей системѣ, если допустить ту несомнѣнную для насъ истину, что эта система, вмѣстѣ съ прочими звѣздами и планетами, движется около средоточія вселенной, верховнаго солнца всѣхъ міровъ до котораго ввѣкъ не достигнетъ ни какое земное зрѣніе. Разумѣется, что движеніе такого рода для насъ должно быть совершенно непримѣтно. «Развитіе этой всеобщей перемѣны, замѣчаетъ Поэнсетъ, подобно несобъятной кривой линіи, которой мы видимъ столь малую дугу, что считаемъ ее прямою.» Въ такомъ предположеніи, истинный равноденникъ всѣхъ солнцевъ и всѣхъ освѣщаемыхъ ими міровъ проходилъ бы чрезъ центръ всемірной тяжести, и

въ этомъ-то центрѣ мы найдемъ несотворенное и единственное обиталище безусловнаго и вѣчнаго спокойствія, — престолъ Всемогушаго. Воображеніе не въ силахъ постичь, пока дѣйствительно не увидитъ величія этого хода безчисленныхъ шаровъ, одѣтыхъ свѣтомъ; окруженныхъ своими планетами, и текущихъ толпами въ видѣ пышнаго вѣнца радужныхъ огней около Верховнаго Разума, создавшаго все, — во всемъ сіяющаго славою и могуществомъ!

По разрушеніи какой-нибудь системы, заступаетъ ли всегда ея мѣсто другая, проявляя во всѣхъ вѣкахъ присутствіе вѣнодѣятельнаго Всемогушества? — объ этомъ не намъ пускаться въ заключенія. Но существованіе силы разрушительной доказано событіями въ разсужденіи звѣздъ, а что касается до нашей солнечной системы, то разрушительность является здѣсь въ видѣ упругаго посредства (medium), которое, не смотря на чрезвычайную свою разреженность и неощутительное досель дѣйствіе на Землю, наконецъ должно измѣнить формы планетныхъ орбитъ и повергнуть ихъ въ безпорядокъ и разрушеніе. Предположеніе о присутствіи и силѣ такой летучей, электрообразной жидкости, было любимую мыслию Картезианцевъ, которые, не предвидя всѣхъ слѣдствій своей теоріи, изъ однихъ отвлеченныхъ умствованій заключили, что все пространство вселенной наполнено какимъ-нибудь безконечно тонкимъ веществомъ. Напротивъ того, вычисленія Ньютона произведены были въ томъ предположеніи, что всѣ небесныя тѣла движутся въ совершенной пустотѣ. Замѣчательное новое открытіе показываетъ, что ученіе Картезианцевъ справедливо, но жидкость, о которой сказано, такъ рѣдка и выше всякаго осязанія тѣлесными чувствами, и конечныя ея результаты такъ отдалены, что вычисленія великаго астронома, въ сущности, ни сколько отъ того не потеряли.

Этимъ открытіемъ одолжены мы наблюденіямъ надъ тѣломъ, теперъ вообще именуемымъ кометою Эн-ке, и движущимся около солнца съ необыкновенной быстротою и въ чрезвычайно продолговатой, эксцентрической орбитѣ. Эту орбиту пролетаетъ оно въ три года и четыре мѣсяца, или точнѣе, въ тысячу двѣсти восемь дней. Неплотность Энковой кометы чрезвычайна; на нашемъ горизонтѣ является она будто облачко пару. Звѣзды просвѣчиваютъ сквозь нее, ни сколько не теряя своего блеска. Однако жъ, какъ ни легкокъ намъ кажется этотъ паръ, онъ занимаетъ пространство необъятное, и наблюденіями доказано, что на него дѣйствуетъ сила солнечнаго притяженія, какъ и на другія тѣла нашей системы. Легко было сообразить, что, если только части пространства, незанятія плотнѣйшими веществами, наполнены упругою, противопоставляющею какое-нибудь сопротивленіе, хотя и весьма разрѣшенною жидкостью, дѣйствіе подобной жидкости на такое тѣло, какова комета Энке, непременно должно быть примѣтно, и тогда его можно усмотрѣть съ Земли и вычислить: — такъ въ самомъ дѣлѣ и вышло! Энкову комету впервые увидѣли въ 1686 году; потомъ опять въ 1795, 1805 и 1819. Астрономы думали сначала, что это четыре разныя кометы. Но извѣстный Энке показалъ, что наблюденія ихъ могли прилагаться только къ четыремъ возвратамъ одного и того же тѣла, и онъ заранѣе вычислилъ, что оно опять явится въ южной части неба въ 1822 году. Однако, въ разсужденіи мѣста появленія между вычисленіями и наблюденіями оказалась существенная разница, какъ въ этомъ, такъ опять въ 1825 и 1828 годахъ. Безъсомнѣнія эти разности надлежало приписать отчасти и взаимному дѣйствию планетъ, отъ котораго, какъ мы выше видѣли, происходятъ замѣшательства. Но дѣйствія этихъ причинъ были вычислены съ вели-

кимъ тщаніемъ, и отстой феномена, какъ выражается Сиръ Джонъ Гершель, былъ выведенъ на чистую воду: остававшаяся разница уклоненія кометы отъ правильнаго ея пути привела насъ къ убѣжденію въ очевидномъ существованіи упругаго посредства (medium), разлитаго во всемъ пространствѣ и образующаго родъ воздуха вселенной, въ которомъ плаваютъ всѣ солнцы и всѣ ихъ планеты. Дѣйствіемъ этого посредства, этой эфирной жидкости было то, что время полнаго оборота кометы сократилось двумя днями съ тѣхъ поръ, какъ ее въ первый разъ открыли, и теперь она является почти десятию днями ранѣе, чего бы не могло быть, если бъ напоръ эфирной жидкости не стѣснилъ ея орбиты. Слѣдственно она будетъ наконецъ поглощена солнцемъ, какъ бы ни далеко было то время, когда это дѣйствительно случится. Но мы можемъ заимствовать у Г. Бевеля сужденія, сильнѣйшія нашихъ собственныхъ.

«То же посредство (medium), которое дѣйствуетъ на Энкову комету, должно имѣть вліяніе и на планеты, движущіяся въ тѣхъ же самыхъ пространствахъ; но дѣйствіе его на планеты должно быть гораздо слабѣе, нежели на комету, потому, что первая несравненно превосходить послѣднюю количествомъ вещества и его плотностью.

«Не легко, съ нѣкоторою вѣроятностью, показать силу, или даже какой нибудь предѣлъ дѣйствія эфирна на планеты. Намъ отнюдь неизвѣстны толщи кометъ сравнительно съ планетами, и слѣдственно мы не можемъ дѣлать ни какихъ вычисленій, основанныхъ на сравненіи этого рода. Ньютонъ старался показать, какъ ничтожно должно быть сопротивленіе этого посредства, если оно и существуетъ. Результатъ его вычисленія таковъ: если принять, что плотность посредства равна той, которую нашъ воздухъ будетъ имѣть въ трехъ стахъ верстахъ отъ поверхности земли, безъ всякаго измененія въ законъ извѣстнаго уменьшенія его плотности, по мѣрѣ удаленія отъ этой поверхности, и

предположить, что Юпитеръ движется въ такомъ посредствѣ, то въ миллионъ лѣтъ онъ не утратитъ и миллионной доли своей скорости; — если бѣ планета, обращающаяся около солнца, утратила отъ сопротивленія зѳира часть своей быстроты, то соразмѣрно этому она приблизилась бы къ солнцу, потому, что стремленіе къ центру перестало бы умвратъся въ надлежащей степени средобвжною силою, происходящею отъ быстроты тѣла; — и если бѣ сопротивленіе продолжало дѣйствовать, планета, все болѣе и болѣе приближаясь къ центру системы и тѣмъ скорѣе оканчивая свои обороты, наконецъ достигла бы центрального тѣла, и система перестала бѣ быть системою.

«Но результатъ все тотъ же, какъ ни мала часть скорости, отнимаемая сопротивленіемъ зѳира: вся разность въ томъ, что когда сопротивленіе не велико, то потребно болѣе времени, чтобъ движеніе прекратилось. Во всякомъ случаѣ, времена, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе задачъ этого рода, огромностью ужааютъ обыкновенное понятіе. Такъ, по выводамъ изъ дѣланныхъ доселѣ наблюденій, Энкова комета утратитъ въ десять полныхъ оборотовъ, то есть, въ тридцать три года, менѣе тысячной доли своей скорости; и если этотъ законъ не перемѣнится, быстрота ея убудетъ въ половину противъ нынѣшней не менѣе, какъ въ семь тысячъ оборотовъ, или въ двадцать три тысячи лѣтъ. Если бѣ Юпитеръ, въ миллионъ лѣтъ, терялъ миллионную долю своей скорости, — что, какъ мы выше видѣли, несравненно превосходитъ вероятную его утрату, — то, для потери тысячной доли этой скорости, потребно бы семьдесятъ миллионъ лѣтъ, и въ семьсотъ разъ столько жѣ времени для уменьшенія быстроты его вполнину. Такіе періоды времени совершенно подавляютъ воображеніе, и само собою разумѣется, что эти вычисленія сдѣланы безъ всякихъ притязаній на точность. Но, въ то же время, нѣтъ сомнѣнія, что хотя сроки этихъ перемѣнъ очень неопредѣленны, но рано или поздно должны произойти въ слѣдствіе существованія упругой стихіи. Какъ скоро есть замедлительная сила, дѣйствующая постоянно, при всей маломочности она погубитъ наконецъ небесное движеніе. Пусть пройдутъ миллиарды лѣтъ прежде нежели замедленіе въ ходѣ Земли

произведетъ прѣмѣтное дѣйствіе въ видимомъ движеніи солнца, все-таки наступитъ день, — если Провидѣніе, создавшее нашу систему, продлитъ до тѣхъ поръ ея существованіе, — наступитъ день, въ который эта причина всегдѣ измѣнитъ долготу нашего года и порядокъ его времени, а наконецъ и остановитъ движеніе Земли около солнца. Малость сопротивленія какъ ни предположимъ его ничтожнымъ, отнюдь не даетъ еще намъ повода отвергать эту достовѣрность. Есть препятствующая стихія, и слѣдовательно движенія солнечной системы не вѣчны! Съ той минуты, какъ бытіе такой жидкости дознаю, вѣчность движенія планетъ становится такъ же невозможна, какъ и *perpetuum mobile* на землѣ.» *Стр. 197—200.*

И такъ, изъ открытія упругаго посредства, наполняющаго собою прѣсторъ вселенной, выводится не только, что комета Энке наконецъ погибнетъ, но что и Меркурій, Венера, Земля, — всѣ планеты одна за другою повергнутся въ солнце, и исчезнуть съ лица вселенной. До истины этого довода не касается то обстоятельство, что для естественнаго достиженія къ этимъ событіямъ потребны милліоны лѣтъ, — періодъ, для насъ невообразимый, хотя едва ли не равный часу нашего времени для Существа, управляющаго вѣчностью: да и что за необходимость намъ воображать его! Способности наши принорованы къ цѣлямъ краткаго существованія на особой планетѣ. Даже шары вселенной, подобные нашему, и только требующіе для своихъ оборотовъ десятковъ нашихъ столѣтій, въ правѣ почитать насъ эфемерными, или, лучше мгновенными созданіями. Въ состояніи ли мы перечестъ предметы, которые микроскопъ открываетъ нашему взору? Успѣли ли сосчитать звѣзды, наблюдавъ ихъ около четырехъ тысячъ лѣтъ? Гдѣ жъ намъ вычислить, сколько лѣтъ остается прожить солнечной системѣ? Но трудность или, лучше, невозможность этого для насъ отнюдь не нарушаетъ достовѣрности открытія, которое показа-

ло, что хотя и далека, но, безъ-сомнѣнія, опредѣленъ тотъ часъ, когда солнечная система лишится своего бытія. Слѣдствіе прямое: она не вѣчна, — и должна погибнуть! Имѣя конецъ, она долженствовала имѣть начало. Было время, когда ея не было. Слѣдственно, она необходимо сотворена какимъ-то могуществомъ, которому такой необъятный трудъ по силамъ, — могуществомъ, во всемъ безпредѣльнымъ, — и мы опять возвращаемся, прямымъ путемъ, къ бытію Всемогущаго Создателя, для котораго наши милліоны лѣтъ, вычисленные по оборотамъ около солнца, суть даже не часы, не ожиданія, а только слѣдствія вѣчно изреченнаго закона.

« Мы иногда сравниваемъ переходящій удѣлъ человѣка съ долговѣчностью лѣсовъ, горъ, морей, — съ неизмѣнностію солнечнаго круга. Но эта прогивоположность — призракъ воображенія: тутъ все различіе въ степени. Дерево, проживъ столѣтія, умираетъ; горы рушатся и измѣняются, а быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ переворотахъ Природы и погибаютъ; море убываетъ, и берегъ перестаетъ оглашаться вѣчнымъ стономъ океана. Подобныя мысли толпились уже въ умъ геологовъ, а теперь видно, — что и небесныя движенія подвержены всеобщему закону смерти, — что не на однихъ горахъ и утесахъ, но и на солнцѣ и на лунѣ вырѣзанъ приговоръ: «быть концу!» — что и они не пользуются ни какими преимуществами передъ человѣкомъ, а одной льготой дальнѣйшей отсрочки. Поденка гибнетъ въ одинъ часъ, человѣкъ живетъ лѣтъ семьдесятъ. Царство или народъ насчитываетъ вѣки, быть-можетъ, тысячелѣтія; материкъ и острова, ему подвластные, имѣютъ свою эпоху подобно тѣмъ, которые имъ предшествовали; и самый ходъ свѣтилъ небесныхъ, которымъ измѣряются столѣтія, наконецъ замедлится и станеть.» *Везель, стр. 202, 203.*

Эти мысли ведутъ насъ къ заключенію, что области вселенной, которой мы составляемъ участокъ, предстоитъ еще длинный рядъ вѣковъ, прежде нежели, по обыкновенному ходу вещей, она должна

будетъ погибнуть. Даже и въ отношеніи къ Меркурию, дѣйствіе зэира еще не произвело ни какой при-
мѣтной для насъ перемѣны. И такъ мы можемъ быть
увѣрены, что вліяніе этого посредства, даже въ те-
ченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, очень маловажно; мо-
жемъ также надѣяться, что Создатель, творя по соб-
ственнымъ законамъ, дозволить имъ сохранить свое
дѣйствіе, и совершить предназначенное безъ всяка-
го перерыва. Слѣдовательно, шаръ нашъ долженъ
быть еще въ пеленахъ, и человѣкъ — сущій младе-
нецъ опытомъ. Мы не можемъ и предугадывать даль-
нѣйшихъ и высшихъ усовершенствованій въ Нау-
кахъ и Искусствахъ, въ гражданской образованно-
сти и особенно въ Религій, которыя еще могутъ от-
крыться человѣку на новыхъ, предстоящихъ ему
ступеняхъ бытія. Должно предполагать, что если не
ближе, то по крайней мѣрѣ черезъ сто тысячъ лѣтъ,
Христіанское ученіе и воспитаніе сдѣлаются всеоб-
щими на Землѣ. Поколѣнія этихъ временъ будутъ
видѣть въ нашихъ періодъ мрака и варварства.
Война, быть-можетъ, будетъ имъ неизвѣстна. Вся
необходимыя статьи Законодательства и Экономіи
вполнѣ будутъ обработаны. Сообщенія между все-
ми народами облегчатся до такой степени, какой
только можетъ достигнуть умъ въ своихъ изобре-
теніяхъ. Новыя Царства возрастутъ, и, — почему знать!
— новые матеріки возникнутъ изъ лона водъ, а умъ
и знаніе постоянно будутъ друзьями, а не врагами
Вѣры.

Едва ли есть какое-нибудь обстоятельство, сопря-
женное съ нашимъ бытіемъ, которое не представляло
бы намъ обильныхъ свидѣтельствъ Мудрости и Бла-
гости, управляющихъ вселенною, когда разсмотримъ
его со вниманіемъ. Стоитъ только взрыть землю у
ногъ своихъ, и мы найдемъ безчисленное множество
сѣмянъ, полезныхъ для человѣка. Стоитъ посмо-

травѣ вокругъ себя на поверхность земли, и увидимъ, что вездѣ кишитъ бездна животныхъ, служащихъ намъ не только для пищи, но и для удобства, для забавы. И море, и воздухъ населены къ нашимъ услугамъ, и чѣмъ глубже изслѣдуемъ законы, которыми управляется вся система растительной и животной жизни, тѣмъ яснѣе видимъ ихъ полное и исключительное приуровненіе къ той планетѣ, на которой они совершаютъ свое дѣяніе.

Такъ, во внутреннихъ отправленияхъ растеній мы усматриваемъ полный кругъ, точно соответствующій нашему году. Напримѣръ, большая часть нашихъ плодовыхъ деревьевъ ждутъ весны, чтобъ въ нихъ поднялся сокъ, лѣта и осени, чтобъ созрѣли плоды, и наконецъ зимы для укрѣпленія новаго слоя дерева, который передъ тѣмъ образовался. Пусть Земля будетъ на мѣстѣ Венеры: тогда годъ ея превратится въ семимѣсячный, и отъ этой переменны весь нашъ растительный міръ прійдетъ въ смятеніе. Дерево, одѣвшись листьями, цвѣтомъ, и зачавъ плодъ, вдругъ будетъ истреблено наступившею, въсто осени, зимою. Пусть Земля удалится къ орбитѣ Марса, годъ ея былъ бы тогда въ двадцать три мѣсяца. Шестимѣсячная весна или лѣто могутъ быть очень хороши для растительной жизни на Марсѣ, но на Землѣ они были бы пагубны. Если бѣ пшеничный колосъ выстоялъ шесть мѣсяцевъ на лѣтнемъ солнцѣ, зерно его превратилось бы въ мякину. Если бѣ онъ пробылъ зеленъ цѣлую такую весну, ему бы ввѣкъ не созрѣть. Или растенія наши приуровнены къ году, или годъ къ нимъ: въ обоихъ случаяхъ виденъ законъ обоюднаго приспособленія, доказывающій необходимость преднамѣренія.

Подобное замѣчаніе прилагается и къ долготѣ нашего дня. Множество цвѣтовъ, каковы денная лилія, обыкновенныя одуванчики, ноготки и другіе,

открываются и закрываются въ известные часы, какъ то могъ замѣтить всякой, кто обращаетъ вниманіе на цвѣточный міръ. Если бѣ день былъ значительно продленъ или сокращенъ, приспособленныя къ часовому дѣйствию пружины этихъ созданій потребовали бы совершенно другаго устройства, чтобъ согласоваться съ новымъ порядкомъ восхожденія и заката солнца. Ночь — время успокоенія для человѣка и для всѣхъ почти животныхъ: если бѣ сутки были въ сорокъ восемь часовъ, настоящія его силы не дозволили бѣ ему трудиться двадцать четыре часа, даже и съ отдыхами, къ которымъ привыкъ онъ теперь, и въ двадцати-четырёхъ-часовой ночи онъ подобнымъ же образомъ не могъ бы спать долѣе восьми или, по большей мѣрѣ, десяти часовъ, оставаясь остальное время въ темнотѣ, безъ дѣйствія и безъ средствъ къ пропитанію. Онъ не могъ бы воспользоваться имъ ни для умственного, ни для тѣлеснаго занятія. Вотъ другое явное доказательство преднамѣренія: или отпращиванія животнаго бытія приурочены къ періоду оборота Земли около ея оси, или этотъ оборотъ къ отпращиваніямъ.

Сила тяготѣнія, въ области, находящейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Земли, зависитъ отъ количества земной массы; а эта масса, какъ мы видѣли, есть одна изъ стихій солнечной системы. Хотя бы шаръ нашъ былъ величиною съ Юпитера или Сатурна, съ Палладу или Цереру, повидимому, не произошло бы отъ этого ни какого безпорядка въ общемъ движеніи системы, къ которой онъ принадлежитъ. Но будь земля съ Юпитера, степень тяготѣнія, то есть, сила притягающая все къ одному центру, къ внутреннему зародышу ея шара, до того бы возвысилась, что сокъ не могъ бы подниматься въ деревьяхъ, и жизненные движенія всѣхъ на-

шихъ растений совершенно бы остановились. Тутъ можно видѣть чудесное соотношеніе между толщею Земнаго Шара и распукольками подснежника. Дале : всякое значительное увеличеніе силы тяготѣнія противъ настоящей ея степени уничтожило бы мышечныя отправления всѣхъ нашихъ животныхъ. Лань почти такъ же была бы тяжела на ногу, какъ слонъ ; заяцъ тянулся бы подобно лѣнивцу, тигръ утратилъ бы способность кидаться на свою добычу, и самъ человѣкъ, ползая съ тяжкимъ трудомъ на четверенькахъ, упалъ бы до степени четвероногаго. Онъ едва бы могъ дышать отъ сгущенія нижнихъ слоевъ атмосферы ; срубить дерево стоило бь ему жизни ; онъ бы не въ силахъ былъ водить плугъ, вырыть колодезь, поднять камень отъ поверхности такого шара, какъ Юпитеръ, для строенія мостовъ и храмовъ, которые, если подобныя зданія есть на Юпитеръ, должны быть въ циклопскихъ размѣрахъ, чтобъ выдерживать наводненія и бури этой планеты. Ему не прожить тамъ дня, ежели сложеніе его не укрѣдится дополнительными мышцами, не обогатится прибавочными струями жизненнаго потока съ новыми путями для ихъ обращенія, и добрымъ запасомъ легкихъ, соразмѣрнымъ съ его могучимъ строеніемъ. Легкость, съ какою всѣ наши животныя, отъ слона до бѣлки, совершаютъ свои движенія, и проходятъ начертанный имъ кругъ бытія, показываетъ, что величина ихъ, члены, мышцы и самомалѣйшія орудія, служащія къ поддержанію ихъ жизни, приспособлены съ мелочною точностію къ силѣ тяготѣнія, которая дѣйствуетъ на нихъ изъ нѣдръ земной толщи. То же и съ человѣкомъ. На всемъ пространствѣ нашей планеты онъ въ точной соразмѣрности съ ея величиною : Всемогущій, такъ сказать, взялъ его, при сотвореніи, въ одну руку, а землю въ другую, и уравновѣсилъ ихъ между собою.

Удивительная правильность, съ какою Земля проходитъ свою орбиту, есть уже громкое доказательство божественнаго совершенства, проявленнаго въ начертаніи этой огромной орбиты. Десять дней, три недѣли, мѣсяць разницы въ долготѣ нашего года, подорвали бы трудъ земледѣльца, и сбили съ толку всякую хронологическую попытку. Исторія минувшихъ поколѣній была бы хаосомъ; предварительныя вычисленія астрономическихъ феноменовъ и все сопряженное съ временемъ — пустыми грѣзами. Мы не могли бы имѣть ни годовъ, ни мѣсяцевъ, а имѣли бы только рядъ дней, которыхъ бы и назвать не умѣли, — и весь нашъ нынѣшній житейскій бытъ перепутался бы до безконечности. Легкость, — если можно употребить здѣсь это выраженіе, — легкость, съ которою земля держится своей стези въ пространствѣ, минуя всѣ многочисленныя кометы, безпрестанно блуждающія во вселенной по всевозможнымъ направленіямъ, олетающія путь ея своими орбитами, движущіяся съ неизвѣстною быстротою, есть слѣдствіе предусмотрительности, долженствовавшей быть въ то время, когда еще ни одна изъ этихъ огромныхъ толщъ не катилась въ пространствѣ. Комета 1680 года влекла за собою хвостъ, превосходившій длиною весь промежутокъ, которымъ солнце отдѣляется отъ земли; хвостъ кометы 1769 года былъ въ девяносто милліоновъ верстъ, а хвостъ большой кометы 1811 года въ пятьдесятъ четыре милліона. Орбита маленькой кометы, названной именемъ Г. Бѣлы, Иозефштатскаго астронома, по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, почти пересѣкаетъ земную, и всѣмъ извѣстно, что если бы, во время прохожденія этой кометы въ 1832 году, Земля была только на мѣсяць впереди отъ тогдашняго своего мѣста, онъ бы непременно встретились. Комета Бѣлы очень мала: будучи притомъ,

подобно Эпиковой, почти не плотнѣе облака, она не могла произвести ни какого дѣйствія на земную орбиту. Но весьма вѣроятно, что, столкновениемъ своимъ, она разстроила бы составныя части нашей атмосферы, сдѣлала бы ее негодною для поддержанія животнаго бытія, и чрезвычайно усилила бы заразу, постигшую въ тотъ несчастный годъ столько народовъ.*

Средняя глубина моря, по мнѣнію Лапласа, отъ шести до семи верстѣ. Если бѣ существующія воды умножились четвертою долею, онѣ потопили бы всю землю, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высокихъ горъ. Если бы объемъ Океана увеличился только восьмою долею, значительныя части нынѣшнихъ материковъ были бы залиты, и времена года измѣнились бы на всемъ пространствѣ Земнаго Шара. Испареніе усилилось бы до такой степени, что непрестанными дождями оно истребило бѣ хлѣба, плоды и цвѣты, и поставило бы вверхъ дномъ все хозяйство Природы. Можетъ-быть, въ цѣлой системѣ нашей нѣтъ ничего прекраснѣе того процесса, которымъ поля орошаются съ неба, рѣки получаютъ пищу съ горъ, и Океанъ удерживается въ предѣлахъ, за которые не можетъ перейти, доколь процессъ будетъ продолжаться на нынѣшнемъ основаніи. Пары, поднимаемые солнцемъ съ моря, плаваютъ въ атмосферѣ, когда они легче ея; сгущенныя, они падаютъ на землю въ видѣ воды, или, притянутыя

* Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь одно обличеніе: за нѣсколько мѣсяцевъ до полученія у насъ этой превосходной статьи, сочиненной, какъ увѣряютъ, по запискамъ Г. Гершеля, который отправился на Мысъ Доброй Надежды для астрономическихъ наблюденій, та же самая мысль о приливѣ новыхъ газовъ къ нашему воздуху отъ присоединенія къ земной толщѣ кометныхъ массъ, объ измѣненіи прежняго его состава и началѣ болзвенности въ атмосферѣ, была изложена у насъ въ видѣ литературной шутки, въ Фантастическомъ Путешествіи на Медвѣжій Островъ, Барона Брамбеуса.

горами, скопляются на ихъ вершинахъ, разръшаются въ жидкость, и безпрестанно наполняютъ протоки, которыми всѣ горы снабжены снаружи или внутри. Этими протоками жидкость бѣжитъ въ рѣки, текущія по лицу земли, и въ родники, сокрытые глубоко въ ея недрахъ, и предназначенные доставлять человѣку чистѣйшую стихію. Если бъ теперь случилось, что море значительно убыло: тогда Амазонская Рѣка и Миссисипи, эти внутреннія текущія моря Западнаго Свѣта, вдругъ превратились бы въ ручейки; ручьи совершенно исчезли бы; атмосфера лишилась бы надлежащей степени влажности; вся Природа одѣлась бы печалію: птица опуститъ крылья, низшія животныя погибнуть на иссохшей почвѣ, и самъ человѣкъ зачахнетъ, наравнѣ съ тощею травой подъ его ногами. Да! тотъ долженъ быть слѣпъ совершенно, или, по крайней мѣрѣ, не умѣе обезьяны, кто, бывъ одаренъ человѣческими средствами къ соображенію, осмѣлится сказать, или даже подумать, что пружины, посредствомъ которыхъ, въ теченіе вѣковъ, постоянно происходитъ на землѣ процессъ испаренія и сгущенія, не являютъ ни какихъ слѣдовъ божественнаго знанія, могущества, и особенно благодати къ безчисленнымъ тварямъ, существующимъ и пользующимся счастіемъ бытія единственно отъ того обстоятельства, что воды Океана, земля и воздухъ неизмѣнно сохраняютъ настоящее содержаніе свое другъ къ другу.

Взглянемъ мимоходомъ на сумму богатствъ, которыми этотъ процессъ надѣляетъ ежегодно родъ человѣческій, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ люди, выполняя первое условіе благосостоянія, положенное Создателемъ, усердно старались воздѣлать землю. Франція, кипящая народомъ земледѣльцевъ, чуждая однако многихъ новѣйшихъ улучшеній, доведенныхъ

до такого совершенства въ Англіи и Бельгіи, производитъ ежегодно, среднимъ числомъ, около двадцати шести милліоновъ четвертей пшеницы, до тридцати девяти милліоновъ другого зерна, и до семидесяти двухъ милліоновъ картофелю и каштановъ, — всего, по умѣреннымъ цѣнамъ, на тысячу милліоновъ рублей, кромѣ богатствъ, приобретаемыхъ ею на оливахъ и винѣ. Всякаго рода зерно, рогатый скотъ, овцы, кожи, шерсть, масло, сыръ и живность, ежегодно производимые Англіею, оцѣнены въ двѣсти двадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (4500 милліоновъ руб.). Одинъ Французскій писатель, * котораго тщательно обработанныя таблицы хотя и не всегда точны, но по большей части близки къ истинѣ, полагалъ, что въ Англіи среднимъ числомъ овецъ сорокъ два милліона, рогатаго скота десять милліоновъ, и милліонъ восьмисотъ тысячъ лошадей. Вычислено, что шерсть, снимаемая въ годъ съ Англійскихъ овецъ, — по восемнадцати пенсовъ за фунтъ, — составила бы болѣе восьми милліоновъ стерлинговъ (2,000,000 руб.). Если возьмемъ въ соображеніе, что вина Франціи не что иное какъ пары, вытянутыя солнцемъ изъ моря, возвратившіяся на землю посредствомъ облаковъ и горъ, высосанные изъ нея виноградными лозами и растекшіеся по пурпуровымъ гроздамъ, которые, созрѣвъ, клонятся къ землѣ отъ тяжести, то сей-часъ увидимъ, что всякое существенное разстройство того процесса, о которомъ говорили мы выше, превратило бы всѣ виноградники Франціи въ хворостъ, годный только въ огонь. Помощію того же процесса, можно, при нѣкоторомъ уходѣ, размножить одно пшеничное зерно до четырехъ или пяти тысячъ. Въ *Philosophical Transactions* (1768, стр. 203) приведенъ любопытный примѣръ, что со-

* Г. Дюпентъ.

рокъ семь фунтовъ пшеницы дѣйствительно получены были изъ одного зерна. Подобнымъ образомъ, шерсть, молоко и мясо не что иное, какъ трава и хлѣбъ, превращенные въ вещество этого вида дѣятельностью животнаго тѣла, которая бы прекратилась, если бъ только половина морскихъ водъ ушла въ подземелья. Умъ подавляется сознаниемъ необъятнаго могущества вездѣсущаго и заботливаго обо всемъ Провидѣнiя, когда вообразишь, что въ эту самую минуту живетъ на землѣ около тысячи миллионовъ людей, ожидающихъ насущнаго хлѣба отъ паровъ Океана, которые всегда поднимались дѣйствiемъ солнечныхъ лучей, и не перестаютъ подниматься въ такихъ именно количествахъ, какія нужны для потребностей цѣлой этой массы человѣческихъ жизней, и сообразно съ временами года!

Атмосфера, которой не видимъ глазами, но которую ощущаемъ, густоту которой до извѣстной вышины можемъ измѣрить, которой чистота необходима для существованiя, которой упругое давленiе на легкiя и на все тѣло поддерживаетъ человѣка въ благополучномъ положенiи, съ поднятою къ небу головою, и внушаетъ ему искать тамъ вѣчнаго жилища, эта атмосфера, которая естъ ни водяное, ни земное испаренiе, а особая жидкость, налитая на планету и постоянно сопровождающая ее на пути около солнца, — неужели она даръ одной случайности? Предположимъ, что нѣтъ атмосферы, и что мы могли бъ существовать безъ нея: тогда за одинъ шагъ не услышимъ мы сильнѣйшей пушечной пальбы, лишимся музыки вошь морскихъ и пѣсни лѣсовъ, впетатлнiй искусственнаго сочетанiя прiятныхъ звуковъ, и даже выгоды очаровательной прелести голоса человѣческаго. Мы могли бы сообщать другъ другу свои нужды и чувствованiя знаками и тѣлодвиженiями, но языкъ былъ бы обреченъ невольному молчанiю.

Людскія племена бродили бы по землѣ дикими толпами, неспособными къ образованности, и знали бы только такія искусства, которыя помогаютъ употреблять другъ друга. Безъ существованія звуковъ языка, не существовали бы письмена, то есть, знаки, изображающіе звукъ. И такъ, безъ атмосферы у насъ не было бы ни изустныхъ, ни письменныхъ преданій о вѣкахъ минувшихъ. Каждому поколѣнію пришлось бы полагаться только на собственную опытность, и нынѣшнія поколѣнія не были бы умнѣ допотопныхъ. Не было бы ни книгопечатанія, ни Математики, ни Астрономіи, ни Словесности, ни пароходовъ, ни чугунныхъ дорогъ, ни фабрикъ. Одѣтые въ кожи дикихъ звѣрей, мы укрывались бы въ горахъ и чащѣ лѣсовъ; мы были бы неспособны сохранить Откровеніе, а собственнымъ разумомъ никогда бы не постигли той степени, которую занимаемъ въ мірѣ. Пусть кто-нибудь разсмотритъ ухо себѣ подобнаго человѣка или какого-нибудь животнаго, и потомъ скажетъ, — не дивно ли оно устроено къ принятію звука, который можетъ распространяться только посредствомъ атмосферы? Какъ же тутъ сомнѣваться, что ухо создано для атмосферы, а атмосфера для уха? Но кѣмъ? Когда Эпикуръ впервые прочелъ съ учителемъ стихи Гезіода: «Сначала возникъ хаосъ, древнѣйшее изъ существъ; отъ него родилась пространная земля, твердое жилище всѣхъ Безсмертныхъ» — по свойственной ему пылливости, онъ такъ же спросилъ: а откуда Хаосъ? Въ зрѣлыхъ лѣтахъ философъ удовольствовался мыслию, что Хаосъ произошелъ отъ случайнаго столкновенія атомовъ, и совсѣмъ позабылъ оставить намъ отвѣтъ на вопросъ, — откуда жъ атомы?

Атмосфера, при всей огромности своего объема, ибо она окружаетъ Землю со всѣхъ сторонъ на шесть-

десять или болѣе верстъ въ вышину, ни въ чемъ никогда намъ не мѣшаетъ. Мы отгѣсняемъ ее, поднимая руку, и упругая жидкость тотчасъ опять занимаетъ свое мѣсто. Она разливаетъ и умѣряетъ теплоту въ разныхъ климатахъ, течетъ отъ полюса къ экватору; поддерживаеъ облака въ ихъ расширенномъ состоянн, передвигаетъ ихъ съ одного мѣста въ другое, и такимъ образомъ уравниваетъ распределеи водъ по всей земной поверхности; сверхъ того, она непосредственно участвуетъ въ образованн и направленн вѣтра, который постоянно дѣйствуетъ для водворенн равновѣсія плодотворной теплоты и влаги. Намъ уже извѣстно, что, безъ атмосферы, ухо было бы бесполезно. Безъ нея и глазъ не имѣлъ бы полной дѣятельности: мы видѣли бы только предметы, на которые солнечные лучи падаютъ или прямо, или чрезъ отраженн, то есть, ослѣпляя насъ блескомъ въ обоихъ случаяхъ. Атмосфера, своею преломляющей силою, распределяетъ свѣтъ солнечныхъ лучей, какъ бы расправляя ихъ въ золотистую жидкость, и закрашивая то пространство, въ которомъ мы живемъ и движемся, — степенью освѣщенн, дивно размѣренной по чувствительности нѣжнѣйшаго изъ нашихъ органовъ. Такъ, мы усматриваемъ неразрывную связь между атмосферою, ухомъ, зрѣннемъ, и всеми удобствами и утонченностями, которыя звукъ и свѣтъ распространяютъ въ обществѣ. Подобныя соотношенн, при чрезвычайной простотѣ ихъ механизма, такъ явно обличаютъ присутствн разумнаго и благодѣтельнаго Могущества, что, не заткнувъ ушей отъ звука и не зажмуривъ глазъ отъ свѣта, не можемъ усомниться ни въ бытн этого могущества, ни въ его божественности.

Какъ многообразны земные климаты, и однако жъ какъ каждый изъ нихъ однообразенъ въ своей температурѣ, не смотря на то, что мы ежегодно

описываемъ въ пространствѣ вселенной кругъ, котораго поперечникъ слишкомъ въ двѣсти восемьдесятъ милліоновъ верстъ! Въ каждомъ климатѣ находимъ мы породы животныхъ и растений, изъ которыхъ многія не могутъ водиться въ другомъ мѣстѣ. Хотя, по видимому, дожди, вѣтры и морозы очень неправильны, однако жъ среднія показанія погоды и годовыхъ перемѣнъ замѣчательно постоянны. Очень жаркія лѣта или очень холодныя зимы весьма незначительно возвышаютъ или понижаютъ среднюю годовую пропорцію температуры, какого бы то ни было климата *. Наблюденія доказали, что составъ растений и свойство многихъ животныхъ исключительно приурочены къ тому климату, гдѣ назначено имъ водиться. Напримѣръ: прозябаніе, цвѣтущее въ томъ мѣстѣ, гдѣ средняя температура десять градусовъ Реомюра, засохнетъ при девяти. Если бъ средняя температура возвысилась или понизилась у насъ на одинъ градусъ, нашъ растительный міръ погибъ бы, а въ послѣдствіи его замѣнили бъ другіе роды, соотвѣтственные новому климату. Житель тропическихъ странъ, гдѣ средняя температура двадцать два градуса Реомюра, едва повѣрилъ бы, что растительная жизнь можетъ существовать въ климатѣ, каковъ нашъ. Мы то же самое думаемъ о полярныхъ странахъ. И онъ, и мы въ заблужденіи: попечительность благаго Провидѣнія не ограничивается ни какимъ климатомъ.

«На экваторѣ находимъ мы растительныхъ уроженцевъ Молуккскихъ острововъ, — гвоздичное и мушкатное дерево, перецъ и мушкатный цвѣтъ. Коричные кусты одѣваютъ поверхность Цейлона; благовошный сандалъ, черное дерево,

* Не смотря на непостоянство Петербургскаго климата, средняя температура года въ нашей столицѣ всегда одинакова, — около $2\frac{3}{4}$ град. по Реомюру; среднее давленіе воздуха на барометръ около $28\frac{1}{2}$ дюймовъ, и среднее количество безвѣтреннаго времени въ году, $\frac{1}{4}$.

баньяны растутъ въ Остъ-Индіи. Въ тѣхъ же широтахъ, въ Счастливой Аравіи, видимъ бальзамъ, ладанъ, мирру, кофейное дерево и тамаринъ. Но въ тѣхъ странахъ, по крайней мѣрѣ на равнинахъ, нѣтъ деревьевъ и кустовъ, которыми украшаются наши сѣверные климаты. И когда поидемъ далѣе на сѣверъ, то сборище растений съ каждымъ шагомъ измѣняется, вмѣстѣ и прибывая и убывая. Въ лѣсахъ къ западу отъ Каспійскаго моря, встрѣчаемъ мы абрикось, лимонъ, персикъ, орѣхъ. Въ той-же широтѣ, въ Испаніи, Сициліи и Италіи, находимъ малорослую сливу, кипарисъ, каштанъ, пробковое дерево; тамъ цвѣтутъ апельсинныя и лимонныя деревья, наполняя воздухъ благоуханіемъ; мирта и гранатъ растутъ дико, между утесами. Перейдемъ за Альпы: вотъ растенія, принадлежащія сѣверной Европѣ! Тутъ дубъ, букъ и вязъ — туземцы. Если поидемъ еще далѣе на сѣверъ, составъ лѣсовъ опять измѣняется. Въ сѣверныхъ областяхъ Россійской Имперіи есть цѣлыя лѣса разнаго рода сосенъ, Шотландская сосна, лиственница, и прочая. На Оркнейскихъ Островахъ нѣтъ другаго дерева, кромѣ оршника, попадающагося и на сѣверныхъ берегахъ Балтійскаго моря. И въ хладнѣйшихъ странахъ мы все еще находимъ такія прозябенія, которыя какъ бы нарочно созданы для этихъ мѣстъ. Съдой или снѣжный самбукъ показывается къ сѣверу отъ Стокгольма; дикая смоковница и горный ясенъ сопровождаютъ насъ до верховья Ботническаго залива; а когда отсюда двинемся чрезъ Доорефильды, то мнваемъ одинъ за другимъ предѣлы разнаго рода сосенъ и тѣхъ мелкихъ кустовъ, которые известны у ботаниковъ подъ именемъ малорослой березы и малорослой ивы. Здѣсь у арктическаго круга, или даже за нимъ, находимъ еще прекрасныя самородныя цвѣты, — дикій лавръ, желтую и бѣлую лилію, а гдѣ и это исчезаетъ, тамъ еще олений мохъ поддерживаетъ бытіе животныхъ и человека.» *Вевель, стр. 64 — 66.*

Есть также предѣлы прозябенію хлѣба, винограда и оливъ. Пшеница идетъ полосами отъ Англіи до Тибета; — она не родится ни въ полярныхъ странахъ, ни между тропиковъ, развѣ по мѣстамъ, зна-

чительно возвышеннымъ надъ поверхностью моря. Температура, потребная для успешнаго разведенія винограда, должна быть среднимъ числомъ не ниже восьми, и немногимъ выше тринадцати градусъ Реомюра, хотя въ теплыхъ климатахъ избытокъ жара поправляется возвышенностью мѣста. Кукуруза и оливы всего лучше растутъ во Франціи, Италіи и Испаніи. Съ рисомъ встрѣчаемся мы въ первый разъ къ западу отъ Милана; онъ простирается по сѣвернымъ областямъ Персіи и по всемъ тѣмъ мѣстамъ Южной Азіи, гдѣ есть удобства къ орошенію. Просо одинъ изъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Африкѣ. Хлопчатая бумага разводится въ Новомъ Свѣтѣ только до 40° широты, а въ Старомъ до 46°, такъ, что она есть и въ Астрахани. Должно почитать исключеніями сахарный тростникъ, индиговое дерево и шелковицу, которые, бывъ уроженцами Индіи и Китая, попали на благопріятный для себя климатъ въ Востъ-Индіи и Южной Америкѣ. Чайное дерево, по-видимому, не расположено плодиться въ Китаѣ, хотя у Юго-Американскихъ Индѣйцевъ и есть нѣчто похожее. Кассава (маніокъ), хлѣбное дерево, саго, капустное дерево, — родъ пальмы, какъ и саго, — всѣ, кажется, исключительно подарены тѣмъ островамъ, гдѣ они такъ роскошно произрастаютъ. Кто, подумавъ о безконечномъ разнообразіи естественныхъ богатствъ, и о приспособленіи каждаго ихъ рода къ своему климату, не убѣдился, что подлинно, съ самаго начала существованія жизни въ Земномъ Шарѣ, нѣкая таинственная рука разбросала сѣмена ихъ такимъ образомъ по планетѣ съ преднамѣреніемъ, возбудить и поддерживать въ ея жителяхъ елонность къ торговому и дружественному сообщенію, которое въ самомъ дѣлѣ тотчасъ и установилось между поселенцами странъ, самыхъ отдаленныхъ!

Новѣйшими геологическими изслѣдованіями обнаружены необыкновенные допотопные наносы, которые сильно подтверждаютъ библейскій разсказъ о порядкѣ сотворенія на Землѣ. Между этими осадками древняго бытія и древняго времени не отыскаю ни единого слѣда человѣка или дѣла рукъ его. Нѣдра земли, взрытой великими переворотами Природы, преимущественно состоятъ изъ остатковъ животныхъ, которые кажутся намъ отвратительными единственно потому, что мы къ нимъ не привыкли, и что давно уже это племя исчезло съ лица органической жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ родъ ящерицъ, другія ни ящерицы, ни рыбы. Ихъ находятъ иногда въ тростникъ и въ травъ, исполинскихъ размѣровъ, вмѣстѣ съ черепкожными, какъ напримѣръ, аммонитами и корабликами, которые были чрезвычайно пеуклюжи въ сравненіи съ нынѣшними. Стоитъ только взглянуть на образчики этихъ животныхъ: безчисленные ихъ остовы, иногда прекрасно сохранные, исторгнуты мощными руками Науки изъ внутренности планеты, и перенесены въ Музеи всѣхъ почти Европейскихъ столицъ: они попеременно должныствовали жить въ мелководьяхъ, въ морскихъ рукавахъ или большихъ озерахъ; на поверхности земли не было, въ ихъ время, ни горъ, ни утесовъ, а всякая гладь была покрыта пасмурною и туманною атмосферою. « Дѣйствительно, прибавляетъ Г. Белль: по всему должно полагать, что классы млекопитающихъ и птицъ еще не были тогда сотворены.»

Эти заключенія, подтверждаемая органическими тѣлами, найденными въ допотопныхъ наносахъ, совершенно согласуются съ сказаніемъ Книги Бытія. Прежде повелѣно было водамъ: « да изведутъ гады душъ живыхъ.» Потомъ созданы были птицы; далѣе земнородныя; наконецъ, человѣкъ, который, по

единогласному мнѣнію всѣхъ геологовъ, самый педавній жилецъ Земли, въ сравненіи съ прочими по родами животнаго царства.

«Мы уже намѣкали, замѣчаетъ Г. Белль, на открытіе геологовъ, что въ напластованіи горныхъ породъ очевидна правильная послѣдовательность образованія земнаго черепа, и что въ нихъ погребены и сохраняются животныя чрезвычайно различнаго строенія. Въ пластахъ, ранѣе образовавшихся, лежатъ животныя, такъ сказать, низкаго разряда; въ новѣйшихъ слояхъ открываются яйцеродныя огромной величины и сложнѣйшаго состава; поверхъ грядъ, которыя содержатъ въ себѣ этихъ яйцеродныхъ пресмыкающихся, видимъ млекопитающихъ, а еще выше, въ рыхлѣйшемъ пластѣ, находятся кости мастодоновъ, мегатеріоновъ, носороговъ и слоновъ. Всѣ согласны въ томъ, что человѣкъ сотворенъ послѣдній.» *Стр. 34.*

Эти величественныя истины даютъ намъ полное право заключать, что дни сотворенія далеко превосходили наши вѣки, или лучше, что это были эпохи, изъ которыхъ въ каждой, быть-можетъ, заключалось болѣе тысячи лѣтъ. Число этихъ эпохъ образованія земной жизни, оставившихъ послѣ себя толстые осады на ядрѣ планеты, соответствуетъ числу дней созданія, и Наука, недавно еще невѣрившая вдохновеннымъ преданіямъ, нынѣ сама явно свидѣтельствуетъ о неземномъ происхожденіи Моисеева показанія: могъ ли человѣкъ, однимъ своимъ воображеніемъ, отгадать въ такое отдаленное времято, на что требовалось почти четырехъ тысячъ лѣтъ совокупнымъ способностямъ рода человѣческаго, чтобъ открыть, сообразить и постигнуть? Нѣтъ сомнѣнія, что, въ минуту рожденія нашей планеты, законы вещества были уже изречены и приложены хотя къ нѣкоторымъ изъ прочихъ міровъ, наполняющихъ вселенную. По этимъ законамъ, очень сообразнымъ съ безиредѣльнымъ творческимъ могуществомъ сло-

ва Св. Писанія о первобытномъ состояніи земли — «бѣ невидима и неустроена,» — очевидно изображающія хаосъ стихій, которыя постепенно перемѣнялись, и слились въ шаръ силою круговращательнаго движенія около солнца.

Требовалось время для образованія ископаемыхъ, драгоценныхъ металловъ, каменнаго угля и другихъ подземныхъ сокровищъ, — полезныхъ, а частію и необходимыхъ для предпріятій челоуѣка. Земля, послѣ первоначальнаго ея образованія, нѣсколько разъ была, по-видимому, совершенно перелита, прежде нежели содѣлалась его жилищемъ. Мелководья, вязкія логовища ихтиосавра, высокія травы, густые и вредоносныя пары, постепенно исчезли. Горы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, подняли хребты свои, и способствовали къ очищенію атмосферы; морю назначены, были предѣлы; климаты установлены; наконецъ лѣса, долины и зеленѣющіе луга, въ полномъ своемъ убранствѣ изъ вѣтлыхъ рѣкъ, шумныхъ потоковъ, птицъ и цвѣтовъ, пестряющихъ тысячами отбѣнковъ, соединили въ своя прелести въ томъ Раѣ, который воспріялъ первенца нашего рода.

Слѣдя такимъ образомъ постепенный ходъ творенія, можемъ ли мы не видѣть разумаго Могущества, дѣйствующаго по законамъ, которыя и теперь еще въ силѣ? И, въ то-же время, не пробуждаются ли въ насъ высокія понятія о достоинствѣ челоуѣка даже предъ лицомъ его Создателя, благоволившаго употребить столько вѣковъ на уготовленіе ему жилища, которое, какъ всемогущій, однимъ движеніемъ своей воли онъ могъ бы вдругъ привести къ совершенному бытію?.....

Будь челоуѣкъ просто животною машиною, безъ ума, — и онъ беззащитнѣйшее твореніе на Земномъ Шарѣ. Слоны обладаетъ такимъ орудіемъ, что мо-

жетъ схватить своего непріятеля , и такую огромною тяжестью , что можетъ стоптать его въ прахъ. Медвѣдь одаренъ такою силою въ мышцахъ , что ему сломать человѣка — какъ намъ разгрызть орѣхъ. Левъ и тигръ въ состояніи броситься на свою добычу , и , пригвоздивъ ее къ землѣ когтями , терзать досыта. Но младенецъ , — какое безпомощное существо! и какъ долго онъ остается въ этомъ состояніи! Юродивый , никогда не имѣвшій разума , и сумасшедшій , который потерялъ его , — какъ жалки , какъ отъ всего зависимы въ сравненіи съ носорогомъ или орломъ. Не смотря на то , человѣку дано было покорить всѣ племена животной Природы своимъ ползамъ , и онъ выполнилъ это предназначеніе посредствомъ руки , совершеннѣйшаго физическаго орудія , какое намъ только извѣстно. Все искусство человѣческое досель не могло поддѣлаться подъ составъ и отправленія руки , или придумать въ ней какое нибудь улучшеніе. Галеново полное огня и краснорѣчивое описаніе человѣческой руки , хотя оно лучшее изъ всѣхъ , древнихъ и новѣйшихъ , едва ли отдало всю справедливость гибкости , нѣжности и силѣ этого чудеснаго орудія. За всѣмъ тѣмъ , она только орудіе — не болѣе , какъ простое орудіе , и отнюдь не была бы такъ сильна и дивна , если бъ не управлялась умственною способностью , которой непосредственно повинуется.

Дѣйствуя на внѣшность съ помощію руки , мы однако жъ не постигаемъ , какъ справедливо замѣтилъ Г. Бель , ни какого отношенія между нею и умомъ. Столько же отлична рука отъ розы , которую она протянулась сорвать , сколько умъ отъ этого органа своихъ произволсній. Конечно , каждый изъ насъ долженъ чувствовать , что пульсъ , бьющійся у кисти , не имѣетъ ни какого сношенія съ нашей волею. Мы можемъ употреблять руку для своихъ нуждъ , но

ея механизмъ, ея жизненность ни сколько отъ насъ не зависятъ. Дѣйствія сердца, обращеніе крови, совершаются по законамъ, которымъ душа не причастна. Намъ не предоставлено заводить свое тѣло, какъ часы, потому, что мы часто забывали бѣ завести его: оно живетъ само собою. Разрывъ одного волоконца въ чудесномъ сплетеніи нервовъ, которое связываетъ сочувствіемъ разные органы, причинилъ бѣ корчи, удушье и смерть. Но въ насъ есть, — и мы его чувствуемъ поминутно, — въ насъ есть что-то, которое непрерывно заботится о сохраненіи жизни въ тѣлѣ, напоминаетъ ему, что оно должно ее поддерживать, и хлопочетъ о потребностяхъ бессмысленной машины. И такъ, въ насъ два начала жизненности — одно духовное, другое тѣлесное: они совершенно отличны другъ отъ друга, и оба явно созданы Вѣщей Мудрости, которая, одаривъ одно изъ нихъ способностію наблюдать дѣйствія другаго, вмѣстѣ научила его достигать тайну безсмертія въ законахъ, предписанныхъ для раскрытія отдельнаго ихъ бытія. Планеты движутся вокругъ солнца отъ притягательной его силы; кровь обращается въ тѣлѣ нашемъ безъ всякаго отношенія къ духу. Планеты и самое солнце погибнутъ; кровь перестанетъ обращаться, и прекраснѣйшее произведеніе, смертности истлѣетъ въ прахъ, но душа живетъ независимо отъ вещества, какъ вещество отъ духа, и не болѣе потерпитъ въ существѣ своемъ отъ разрушенія тѣла, чѣмъ Сиріусъ отъ уничтоженія всей нашей солнечной системы.

Не только жизненные отправления тѣла независимы въ насъ отъ воли, но и каждый органъ, безъ вѣдома и согласія нашего, одаренъ способностями, чудесно приуроченными къ его назначенію, — способностями, которыя результатъ не умственной и не тѣлесной жизни, но особаго законоположенія.

основаннаго на преднамѣреніи, и приспособляющаго средства къ цѣли такимъ образомъ, что они удивительно отъ того совершенствуются. Такъ сердце, на которое любовникъ ссылается, какъ на вмѣститель пламенныхъ чувствованій, какъ на мѣжживѣйшій органъ всего состава человѣческаго, — можно крѣпко жать рукою, и оно не ощутитъ ни какого прикосновенія. После славнаго Гарвеева опыта, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. У одного молодаго человѣка, въ Англии, изъ благородной фамилиі Монтгомери, внутренности стали видны необыкновеннымъ образомъ после чирья, причиненнаго ушибомъ на одной сторонѣ живота. Молодой человѣкъ былъ представленъ Карлу I, и Гарвей, просунувъ руку въ отверстіе, взялъ за сердце, и продержалъ его такъ нѣсколько времени, а молодой человѣкъ и не почувствовалъ прикосновенія посторонняго предмета. Это открытіе подтвердилось потомъ другими наблюденіями, и теперь всѣ свѣдущіе въ Медицину признаютъ сердце — безчувственнымъ! Не смотря на то, каждому изъ насъ извѣстно, что на сердце дѣйствуютъ не только душевныя ощущенія, но и всякая переиѣна въ состояніи тѣлесномъ. Здѣсь полное доказательство преднамѣренія. Сердце, безчувственное къ осязанію, для котораго, по внутреннему своему положенію, отнюдь не предназначалось, живо ощущаетъ каждую переиѣну въ кровообращеніи, и сочувствуетъ, въ строгомъ смѣслѣ, со всѣми силами организациі. Однако жъ, ни въ жизненномъ началѣ, ни тѣмъ менѣе въ физическомъ составѣ сердца, нѣтъ ничего, сообщающаго безчувственность къ осязанію, и чувствительность къ впечатлѣніямъ, самую дѣятельную и утонченную. Какъ жизнь есть одушевленіе, даруемое тѣлу при его образованіи, такъ и эта *пріемчивость* сердца — даръ, которымъ надѣляетъ его Создатель.

Физики, объясняя законы зрѣнія, увѣряютъ, что образъ вѣшняго предмета рисуется на сѣткѣ свѣтовыми лучами, которые, отразившись отъ послѣдняго, преломляются въ глажномъ хрусталикѣ. Но они еще не открыли, какимъ процессомъ присутствіе образа, если онъ подлинно рисуется на сѣткѣ, переходитъ въ мозгъ — и въ умъ. Не вѣдаемъ теперь, и вѣроятно никогда не узнаемъ, какъ вещество одухотворяется въ идею.

«Намъ нечего сказать объ этомъ, замѣчаетъ Г. Белль: исключая, что сотрясенія нервовъ вѣшняго чувства суть знаки, которые Творцу Природы угодно было сдѣлать для насъ средствами сообщенія съ дѣйствительностію. Между чувственнымъ впечатлѣніемъ и возбуждаемою имъ мыслию такое же сходство, какое между звукомъ и понятіемъ, родившимся въ умѣ человѣка, который, смотря на бурное море, услышалъ пушечный выстрѣлъ, сопрягающійся для него съ мыслию объ отчаяніи и кораблекрушеніи, — или между впечатлѣніемъ свѣта на глазъ, и мыслию того, кто, долго опасавшись народной бури, видитъ издали пожарное пламя, — признакъ дѣйствительнаго взрыва страстей въ поправшихъ свой долгъ людяхъ.» *Стр. 170.*

Какъ ни безчисленны и сильны доводы въ пользу бытія Всемогущаго и Всеблагаго Создателя, заимствуемые изъ міра вещественнаго и физической Природы человѣка, однако жъ тѣ, которые происходятъ изъ феноменовъ духа, превосходятъ и по силѣ, и по достоинству. Но они не принадлежатъ къ предмету этого разсужденія.

Quarterly Review.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ПЛОДОПЕРЕМЕННОМЪ ЗЕМЛЕПАНСТВЕ.

Харьковскій помѣщикъ Н^{***}, наслышавшись и начитавшись много о преимущественныхъ выгодахъ плодоперемннаго земледѣлства предъ введеннымъ у насъ повсемѣстно трехпольнымъ, пожелалъ ввести его въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ; но, не имѣя практической опытности, подобно всѣмъ почти нашимъ помѣщикамъ, проведшимъ лучшіе годы своей жизни на службѣ, рѣшился, для сей особенно цѣли, объѣздить нѣкоторыя иностранныя государства, наиболѣе славящіяся своимъ земледѣліемъ. Успѣхи сей части въ Англіи и нѣкоторыхъ странахъ Саксоніи наиболѣе поразили его. Съ удивленіемъ увидѣлъ онъ тамъ превосходно обработанную землю, благоразумный порядокъ во всѣхъ частяхъ Сельскаго Хозяйства, крайнее сбереженіе рабочихъ рукъ, величайшее изобиліе земныхъ произведеній на самыхъ малыхъ пространствахъ, и знатный доходъ земледѣльца (арендатора), получаемый съ такого малаго участка, который у насъ почитался бы ничтожнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрился, что одного поверхностнаго обозрѣнія и свѣдѣній, изъ книгъ почерпнутыхъ, недостаточно для успѣшнаго подражанія; что въ дѣлѣ Сельскаго Хозяйства, можетъ-быть, болѣе нежели во всемъ другомъ, нужно долговременное, внимательное практическое изученіе и опытность, и безъ того

отваживаться на введеніе новаго порядка въ земледѣліи, тамъ, гдѣ ни умы не приготовлены, ни руки не приспособлены, значило бы безразсудно обречь себя на убыточные долготѣнія испытанія и неудачи. Почему, на возвратномъ своемъ пути въ Россію, онъ пригласилъ съ собою одного опытнаго арендатора, изъ Саксонцевъ, коего отличному порядку и успѣшности въ Сельскомъ Хозяйствѣ самъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ и долговременнымъ наблюдателемъ.

Съ симъ экономомъ возвратясь въ свои помѣстья, въ Харьковской Губерніи, онъ поручилъ ему главное управленіе своимъ имѣніемъ, изъ котораго однако же самъ не отлучался, какъ для того, чтобы прилежнымъ наблюденіемъ приобрести самому практическія познанія въ земледѣліи, такъ и особенно для того, чтобъ доставлять ему нужныя пособія и отвращать, по возможности, могущія встрѣтиться въ новомъ дѣлѣ прекословія и препятствія.

Къ сожалѣнію, послѣ трехлѣтнихъ трудовъ, обѣщавшихъ наилучшій успѣхъ, бѣдственный для Россіи 1812 годъ разрушилъ всѣ начинанія и положилъ конецъ такому предпріятію, которое могло бы служить образцовымъ. Господинъ Н^м, не взирая на свои старые годы, посвѣщилъ на защиту отечества, и въ сей войнѣ со славою легъ на полѣ чести; сыновья его, по долгу Дворянства, вступили въ службу, деревенское хозяйство разстроилось, эконому принужденъ былъ возвратиться на родину, и земля, прекрасно подготовленная къ плодотворной системѣ, опять обращена на старинное трехпольное хлѣбопашество.

Не стоило бы и говорить объ этомъ, если бы не осталось слѣдовъ того распорядка, который введенъ былъ иностраннымъ экономомъ въ начатомъ имъ дѣлѣ. Но будучи коротко знакомъ съ покойнымъ помѣщикомъ, я имѣлъ случай получить отъ него планъ новозаведеннаго земледѣлства, съ краткимъ, но довольно обстоятельнымъ объясненіемъ. Свѣдѣнія сіи здѣсь сообщая, въ надеждѣ, что они могутъ послужить въ пользу кому либо изъ нашихъ помѣщиковъ, ревностно занимающихся улучшеніемъ своего Сельскаго Хозяйства.

ОБЪЯСНЕНИЯ ПЛАНА ДЛЯ КРУГООБРАЩАТЕЛЬНОГО ЗЕМЛЕПашЕСТВА.

Для введения кругообращательнаго земледѣлія по моему методу, я выбралъ деревню Р — ву. Для меня важно, что здѣсь поля не раскиданы, а находятся вблизи, вокругъ крестьянскихъ избъ и ихъ огородовъ, все подъ глазами и подъ рукою. Отъ того сберегается много времени и труда, и работы идутъ успѣшнѣе; притомъ же навозъ менѣе теряется, и растраты сѣмянъ при уборкѣ меньше.

Въ сей деревнѣ только 80 работниковъ, и этого мнѣ слишкомъ достаточно для обширной обработки, мною предложенной, 360 десятинъ.

Грунтъ земли здѣсь не лучший, однако, при хорошемъ воздѣланіи, я надѣюсь, будетъ плодородный.

Пахатныхъ полей здѣсь еще мало; но есть много пусто-порожныхъ сухихъ луговъ, на которыхъ травы родится скудно, и та негодная. Я ихъ подыму и обращу изъ нихъ въ пашни постепенно.

Въ некоторыхъ мѣстахъ надобно было прорыть канавки для спуска болотной воды. На верху Туловой горки я вырылъ большой прудъ, куда стекаетъ вода изъ болота. Изъ сего пруда я пускаю воду по канавкамъ на поля и сѣнокосные луга во время засухи, и такимъ образомъ произвожу искусственное орошеніе. Недорогіе шлюзы удерживаютъ воду въ прудѣ, когда ея не нужно; а излишняя идетъ въ ручеекъ Рытный. Воды въ прудѣ всегда достаточно, даже въ самое жаркое лѣто.

Все пространство земли, занятой мною, подъ кругообращательное хлѣбопашество (rotation), заключаетъ въ себѣ 360 десятинъ, расположенныхъ, какъ я выше сказалъ, около крестьянскихъ избъ и ихъ огородовъ. Я раздѣлилъ ее на десять равныхъ полей, по 36 десятинъ въ каждомъ. Каждое поле отдѣлено отъ другаго дорожкой для проѣзда. Каждое имѣетъ свой номеръ, отъ перваго до десятаго; такимъ образомъ въ работахъ не можетъ произойти сбивчивости.

Прилагаемый планъ объяснить мое производство.

Хлѣбопашество мое имѣеть основаніемъ искусственныя травы, для здороваго и обильнаго корма скоту, и для полученія большаго количества позе́му. Это было необходимо, потому, что здѣсь безъ навозу земля ничего не родить. Для сего я выбралъ лучшія во всей этой странѣ сѣмена сѣна, и частію трилиственникъ (*trifolium complan.*), и особенно траву, называемую собачій зубъ (или стелющуюся пшеницу, *chien-dent, dog's-grass*), находящуюся вездѣ въ огородахъ, имѣющую превосходное сѣмя, которое даетъ большое количество добраго сѣна. Корень сей травы надлежитъ изрубить въ маленькіе кусочки, которые свѣются вмѣстѣ съ ячменемъ, какъ и другія сѣмена, въ унавоженныхъ и хорошо приготовленныхъ поляхъ.

Скота у меня теперь еще мало; но, по мѣрѣ подготовкн большаго количества корму съ искусственныхъ луговъ, я его прибавляю, стараясь по возможности имѣть свой собственный, доморощенный, только хорошій, особливо коровъ, которыя даютъ много молока. Дурной скотъ не стоитъ корму.

Когда все будетъ въ надлежащемъ порядкѣ, — что не прежде можетъ быть сдѣлано, какъ по прѣшествіи четырехъ лѣтъ, — тогда съ четырехъ полей ежегодно будутъ косить сѣянное сѣно по три или по четыре раза въ годъ, по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ климатѣ. Такимъ образомъ получится великое множество сѣна для корму скота. Поля, на конѣ посѣяно сѣно, дають оное 4 года сряду, а послѣ вспахиваются, для посѣва пшеницы и проч. Не должно лѣтомъ пускать туда на паству лошадей и рогатый скотъ, ибо для нихъ достаточно будетъ сѣянной на поляхъ травы.

Поле № 1.

Въ первый годъ я выбралъ это поле, хорошо унавоженное, вспаханное, и осенью засѣянное пшеницею. И такъ въ первый годъ оно принесло пшеницу; въ третій остается въ пару, но будучи хорошо вспахано и въ осень засѣяно пшеницею или рожью, которая сжинается въ четвертый годъ; послѣ жатвы, его пашутъ и хорошо унавоживаютъ, чтобы

въ пятый годъ посѣять ячмень съ сѣномъ; осенью жнуть ячмень; а въ 6-й, 7-й, 8-й, 9-й годы поле сѣе даетъ сѣно. Въ 10-й годъ поле сѣе оставляется для отдыха подъ парь, а осенью засѣвается пшеницею. Ежели земля песчана, то надобно посѣять рожь. Поле сѣе, бывъ подъ сѣномъ, не всегда требуетъ уваженія для посѣва на немъ пшеницы или ржи. Замѣчаніе сѣе относится до всѣхъ полей вообще.

Для краткости я только означилъ въ планѣ, какой родъ хлѣба, или траву, каждое поле даетъ въ годъ.

Поле № 2.

Поле сѣе въ первый годъ предположено оставить въ пару, но вритомъ хорошо обработанное для посѣва на ономъ осенью пшеницы или ржи. Въ планѣ означено, какія сѣмена поле сѣе имѣетъ въ слѣдующіе годы.

Поле № 3.

Поле сѣе есть старый лугъ, земля необработанная. Въ первый годъ оно должно быть вспахано, хорошо воздѣлано и уважено, дабы во второй годъ можно было посѣять на немъ пшеницу или рожь. Жатва слѣдующихъ годовъ означена въ планѣ.

Поле № 4.

И сѣе поле есть также необработанная земля или сухой лугъ; въ такомъ видѣ оно остается до втораго года; тогда поднимается или вспахивается; на третій годъ обрабатывается и готовится для посѣва пшеницы или ржи. Перемены остальныхъ годовъ означены въ планѣ.

Поле № 5.

И сѣе поле есть также необработанная земля, и въ такомъ видѣ остается до осени третьяго года. Тогда оно должно быть вспахано и обработано, для посѣву въ четвертый годъ пшеницы или ржи; слѣдовательно приноситъ плодъ уже въ пятый годъ. Посѣвы прочихъ годовъ означены въ планѣ.

Поле № 6.

Поле сіе есть также земля необработанная; такъ остается оно до четвертаго года; тогда вспахивается, а въ пятый обрабатывается для посѣву пшеницы или ржи; приноситъ же ту или другую въ шестой годъ. Жатва остальныхъ годовъ означена въ планѣ.

Поле № 7.

Поле сіе есть хорошо обработанная и уваженная пашня. И такъ въ первый же годъ она засѣяна ячменемъ и посянною травою; приноситъ сѣно во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й годы. Прочіе засѣвы означены въ планѣ.

Поле № 8.

Также хорошо обработанное, и за годъ передъ сѣмъ засѣянное рожью. И такъ въ первый годъ оно приноситъ, рожь, и потомъ хорошо уваживается и воздѣлывается для посѣва во второй годъ ячменя и сѣна. Оно даетъ сѣно до шестаго года. Прочее означено въ планѣ.

Поле № 9.

Поле сіе есть хорошо обработанная пашня. И такъ въ первый же годъ оно засѣяно рожью, которую приноситъ во второй годъ. Прочее означено въ планѣ.

Поле № 10.

Поле сіе также есть уже хорошо обработанное. И такъ въ первый годъ оно приноситъ горохъ или лѣтнюю пшеницу; во второй остается для отдыха въ пару, но будучи обработано для посѣва ржи или пшеницы осенью; следовательно приноситъ рожь въ третій годъ; въ четвертый хорошо обрабатывается и уваживается для посѣва весною ячменя съ сѣномъ; потомъ остается лугомъ до осьмаго года; въ девятый годъ оставляется въ пару для посѣва осенью пшеницы; следовательно даетъ пшеницу въ десятый годъ.

Такимъ образомъ расположены посѣвы на всѣхъ поляхъ на десять лѣтъ, по прошествіи которыхъ начинается слѣдующая же порядкомъ.

Въ планѣ моемъ ежегодно должна быть жатва хлѣба на четырехъ поляхъ, изъ коихъ каждое содержитъ въ себѣ 36 десятинъ; а съ другихъ четырехъ полей ежегодно снимаются сѣянныя, или неправильно называемыя, искусственныя травы. Я предпочелъ раздѣлить всю сію землю на десять полей, смотря по удобству, и чтобъ не слишкомъ обременить работниковъ, не поднимъ всехъ пустопорожныхъ луговъ разомъ въ первый же годъ, а буду дѣлать сіе постепенно.

Для обработки всехъ десяти полей, содержащихъ въ себѣ 360 десятинъ, надлежащимъ образомъ, полагаю достаточнымъ не болѣе 72 человекъ, хорошихъ работниковъ, которые, при хорошемъ порядкѣ, работаютъ только 2 дня въ недѣлю, а прочіе дни занимаются своими собственными работами. И такъ, на каждого работника достается въ каждомъ полѣ полдесятины вспахать, унавозить, обработать, засеять, сжать или скосить сѣно и убрать. Во всей здѣшней странѣ, и едва ли не вездѣ въ Россіи, какъ мнѣ случилось замѣтить, занимаютъ слишкомъ много рукъ по соразмѣрности работъ, отъ чего происходитъ безпорядокъ и напрасная трата труда человеческого, которымъ я дорожу; напримеръ, для такого поля, какъ мое, т. е. для 360 десятинъ, занимаютъ не менѣе 100 или 120 человекъ, вмѣсто 72, которыхъ для меня достаточно. Но у меня все производится другимъ образомъ, нежели какъ я здѣсь вижу вообще. Зима опредѣляется на молотьбу.

Здѣсь долженъ я замѣтить, что я не сѣю картофеля въ поляхъ. Драгоценный сей питательный продуктъ, къ сожалѣнію, мало разводится въ сей странѣ, и какъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, по какому-то странному предубѣжденію. Я однако же успѣлъ преодолѣть сей предрасудокъ, и убѣдилъ всехъ крестьянъ разводить картофель въ ихъ огородахъ; этого для нихъ достаточно.

И такъ у меня каждый годъ съ четырехъ полей снимается зерновой хлѣбъ; и хотя земля не изъ лучшихъ, однако до сихъ поръ ни въ одинъ годъ менѣе 2000 четвертей не собиралось, а почти всегда больше. Прежде сего едва ли четвертую часть сего количества давала вся сія земля.

Я не считаю здѣсь знатнаго дохода отъ коровъ и другаго скота, который еще больше увеличится, когда заведеніе для дѣланія масла и сыру приведется въ надлежащее устройство.

Въ моемъ планѣ находится только 360 десятинъ; но въ большомъ помѣстьѣ, имѣющемъ много земли, каковы суть вообще въ сей Губерніи, можно взять вдвое и больше, и завести такое хлѣбопашество въ разныхъ мѣстахъ. Никогда не надобно, для обработанія въ каждомъ полѣ полудесятины, больше одного человѣка, коему достанется работать только два дня въ недѣлю; а прочимъ крестьянамъ, по примѣру, въ Англіи введенному, можно отдать изъ найма старыя луга и пашни, или приготовить другимъ описанный способъ воздѣлыванія земли, оставляя имъ на волю, располагать, какъ хотять, и прилежно наблюдая, чтобъ они исправно платили надлежащую подать.

Не излишнимъ считаю сказать о здѣшнихъ крестьянахъ. При всемъ ихъ непросвѣщеніи, я нашелъ ихъ людьми добрыми, покорными, и столь смысленными и переимчивыми, каковыхъ едва ли можно найти въ другихъ странахъ между людьми ихъ состоянія. Я знаю всѣхъ ихъ поимянно. Всего лучше, когда работники всегда тѣ же самыя: тогда всякой будетъ отвѣчать за порученную ему работу. Отличающіеся прилежаніемъ я всегда награждаю: это служитъ поощреніемъ для другихъ. Вообще, людей можно болѣе привлечь ласковостію, нежели строгостію.

Впрочемъ, практика наилучше покажетъ, и уже досель довольно показала, какую выгоду сей способъ земледѣлія, при помощи Божіей и добромъ порядкѣ, доставитъ благомыслящему и попечительному помѣщику.

Г. ЯЦЕНКОВЪ.



| 7. | 8. | 9. | 10. |
|-----------------------------------|-----------------------------------|-------------------------------------|-----------------------------------|
| Ячмень съ сѣннымъ сѣменемъ. | Пшеница или рожь. | Обработан- ная земля въ пару. | Горохъ или пшеница лѣтная. |
| Дать сѣно. | Ячмень съ сѣннымъ сѣменемъ. | Пшеница или рожь. | Въ пару. |
| Сѣно. | Дать сѣно. | Ячмень съ сѣннымъ сѣменемъ. | Пшеница или рожь. |
| Сѣно | Сѣно. | Сѣно. | Ячмень съ сѣннымъ сѣменемъ. |
| Сѣно. | Сѣно. | Сѣно. | Сѣно. |
| Въ пару. | Сѣно. | Сѣно. | Сѣно. |
| Пшеница или рожь. | Въ пару. | Сѣно. | Сѣно. |

Я не
го скоти
дене для
устройс

Въ м
большо
вообще
завести
не надо
ны, бо
только
мѣру, т
рые лу
способн
лагать,
правно

Не в
При вс
рыми,
каковы
людьми
лучше,
будеть
ся при
нѣмъ
ласковы

Впр
доволь
при п
мысля

ИЛИ

В зе-
 мано,
 дове-
 какъ
 нвою
 если
 стоя-
 вод-
 юже-
 году
 жомъ
 въ
 ка въ
 едме-
 убой,
 всъ
 лется
 тол-
 уро-

наво-
 фер-
 ва. Но
 му, то
 и ис-
 травъ
 спъли
 дру-

О СКОТОВОДСТВѢ РОГАТАГО СКОТА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.



Какая это чудесная страна, Англія, во всѣхъ частяхъ земледѣльской промышленности! Какъ все тамъ придумано, рассчитано, одно съ другимъ согласовано, улучшено, доведено до полезнѣйшей цѣли! Каждый клочекъ земли, какъ садъ, расчищенъ, удобренъ, уводненъ, обсаженъ живою изгородю и приноситъ обильнѣйшій урожай. Но если земледѣліе въ Англіи находится въ превосходномъ состояніи, то это наиболѣе отъ наилучшаго въ свѣтъ скотоводства. Надобно видѣть, какой это скотъ, какое его множество, какъ онъ превосходно содержится, и какую выгоду отъ него получаютъ! Надобно видѣть, на Смитфилдскомъ рынкѣ въ Лондонѣ, огромныхъ длиннорогихъ быковъ въсомъ въ 80 пудъ, коровъ, дающихъ по 3 ведра молока въ день. Тамъ воспитывается скотъ для извѣстнаго предмета: волы для работы, сильные и проворные; быки на убой, тучные и тяжеловѣсные; коровы для масла и сыра; все для навоза. И тамъ, не такъ какъ у насъ, навозъ сыплется изрѣдка малыми кучками, а разстилается по полю толстымъ слоемъ и запахивается въ землю. Отъ того и урожай вдвое и втрое изобильнѣе нашихъ.

Какъ скоро дознано, что земля, безъ достаточнаго навоза, даетъ скудный урожай, то Англійскіе помѣщики и фермеры обратили все вниманіе на умноженіе скотоводства. Но какъ для большаго числа скота потребно и много корму, то они, сокративъ хлѣбопашество, распространили луга, и искусственнымъ уводненіемъ и посѣвомъ кормовыхъ травъ приобрѣли множество корму. Такимъ образомъ они успѣли сдѣлать и малыя поля плодоноснѣйшими, нежели въ дру-

гихъ странахъ обширнѣйшія пространства, тощія и мало-плодныя.

Размноженіе скотоводства у Англичанъ произведено не слѣпо, не наугадъ, но съ большимъ разборомъ. Они правильно судили, что дурной скотъ не стоитъ корму: отъ него ни работы, ни молока, ни позему. Они ознакомились съ разными породами домашняго скота, въ разныхъ провинціяхъ природнаго, и выбрали изъ нихъ тѣ, которыя соединяли въ себѣ въ высшей степени качества, нужныя для нихъ цѣли. Вывезли лучшій скотъ изъ Голландіи и Ирландіи, и размножили въ тѣхъ мѣстахъ, какія каждой породѣ свойственны. Сего не довольно; попечительные экононы сотворили, такъ сказать, новыя искусственныя породы рогатаго скота, случкою, кормомъ, воспитаніемъ и присмотромъ, подобно тому, какъ овцеводы произвели новыя породы овецъ, коноводы новыя породы лошадей. Такимъ образомъ размножились въ Англіи разныя породы рогатаго скота, изъ коихъ главные суть:

1. *Ланкастерскій* скотъ, съ длинными рогами, весьма крупный, кожа самая толстая, коровы молочныя, молоко жирное. Порода сія наиболѣе размножилась въ южныхъ провинціяхъ.

2. *Съ короткими рогами*; порода сія почитается образцовою въ Англіи, и нынѣ наиболѣе стараются размножить оную. Скотъ самый крупный, наиболѣе способный къ тучности, и следовательно наиболѣе имѣеть вѣсу и даетъ больше всѣхъ сала; кожа самая тонкая; но особенное, отличительное качество сего скота есть то, что коровы даютъ гораздо больше молока, нежели всѣхъ другихъ породъ. Бывали примѣры, что корова сей породы давала въ день молока 56 кварта (5 ведра), и отъ 12 коровъ получалось масла 48 кадочекъ (firkins), каждая кадочка $1\frac{1}{2}$ пуда, а среднимъ числомъ 5 кадочки ($4\frac{1}{2}$ пуда) масла отъ каждой коровы въ мѣсто, и $2\frac{1}{2}$ кварталы (два ведра) молока въ день. Волы не годятся въ работу, ибо не имѣють ни силы, ни проворства. Сія порода наиболѣе находится въ Линкольнширѣ, въ Графствахъ Йоркскомъ, Дургамскомъ, Нортумберланд-

скомъ и Бервикскомъ. Она первоначально вывезена изъ Голландіи, и отъ того часто называется Голландскою.

3. *Съ средними рогами, Девонширской или Гертфордширской.* Нѣкоторые экономы почитаютъ сію породу вообще за самую лучшую въ Англіи, соединяющую въ себѣ всѣ превосходныя качества: самый большой ростъ, красивыя формы, способность къ тучности, силу, крѣпость и проворство въ работѣ; и хотя коровы даютъ меньше молока, нежели длиннорогія, но молоко лучше и жирнѣе; мясо сего скота самое лучшее, и обыкновенно дороже продается. Въсь такого быка, получившаго награду въ 1852 году на Смитфильдской выставкѣ, былъ 80 пудъ. Покойный Король, Георгъ III, предпочиталъ сію породу всѣмъ прочимъ.

4. *Валлисскій:* малаго роста, но весьма годный къ работѣ; коровы даютъ мало молока.

5. *Суссекскій,* почти такъ же похваляется, какъ и N 3.

6. *Галловейскій:* безрогій скотъ; наиболѣе славится въ Шотландіи; величиною и въсомъ меньше другихъ, но мясо лучшее, жирное и, какъ называютъ Англичане, мраморовидное (marbled, съ проросью); коровы молочныя и даютъ лучшее молоко и масло. Сія порода наиболѣе разведена въ югозападныхъ областяхъ Шотландіи, откуда пригоняютъ сей скотъ большими стадами въ столицу, гдѣ продается онъ дороже другаго тяжелаго скота.

7. *Суффолькскій:* также безрогій; вѣроятно Галловейской породы: скотъ мелкій, но коровы молочныя и даютъ прекрасное молоко, обыкновенно 2½ кварты (два ведра) въ день, то есть, почти столько же, какъ и N 3. Лучшее масло и сыръ

* Вотъ всѣ и цѣна одного шакого быка въ 1802 году:

| | пуд. | фу. | | руб. | к. |
|------------------------|-------|-----|-------|-----------|----------------------|
| Двѣ переднія четверши. | 28 | 30 | по 1 | руб. за 4 | фуп. 287 50 |
| " заднія | 29 | " | по 1¼ | " | " 362 50 |
| Сала | 4 | " | по 1 | " | " 40 " |
| Кожа | 4 | " | " | " | " 40 " |
| | <hr/> | | | | |
| | 65 | 30 | | | <hr/> 750 " |

Здѣсь показана цѣна, бывшая въ 1802 году, а нынѣ говядина продается въ Лондонѣ по 30 руб. за пудъ, и дороже.

дѣлаются въ Суффолькѣ. Для домашняго хозяйства коровы сей породы суть самыя лучшія.

8. *Шотландскій*, или *островской* (Kiloe breed): скотъ мелкій, но крѣпкій, бодрый, наиболее выдерживающій стужу въ гористыхъ странахъ; коровы молочныя, даютъ 7 фунтовъ масла въ недѣлю, и не перестаютъ доиться. Сей породы Renfrew и Lyrshire почитаются самыя молочныя въ Великобританіи, какъ по количеству, такъ и по качеству молока: даютъ отъ $5\frac{1}{2}$ до 7 галлоновъ въ день (отъ 1 до 2 ведръ съ небольшимъ).

9. *Дикій*, или *горный*.

10. *Честерскій*: въ Графствѣ Честерскомъ, гдѣ дѣлается лучшій сыръ, извѣстный въ цѣломъ свѣтѣ подъ именемъ Честерскаго.

11. *Баквелскій*, или славный *Канлейскій*; сія порода произведена знаменитымъ экономомъ Баквелемъ, случкою другихъ породъ, кормомъ и воспитаніемъ. Она въ Англій высоко уважается; за случку платятъ по 5 гиней за каждую корову (130 руб. асс.); коровы продаются по 30 гиней и дороже (около 800 руб. асс.).

Каждая изъ сихъ породъ поселена въ тѣхъ странахъ, которыя наиболее ей свойственны, по климату, по качеству корма, по предмету назначенія. Улучшенія по сей части не останавливаются, но продолжаютъ непрерывно; и какъ въ Англій всѣ отрасли промышленности процвѣтаютъ отъ поощренія покровительствующихъ Обществъ, такъ и по части усовершенствованія скотоводства составились въ разныхъ провинціяхъ особыя Общества, которыя наставленіемъ, примѣрами, наградами, стараются болѣе и болѣе способствовать успѣхамъ онаго. Президентомъ одного изъ такихъ Обществъ братъ Короля. Каждый годъ бывають публичныя выставки скота, на которыхъ раздаются награды тѣмъ, кто наиболее развелъ скота въ своемъ имѣніи или на своей фермѣ; кто воспиталъ лучшія онаго породы; кто представилъ отличнѣйшихъ коровъ или быковъ, по вѣсу, силѣ и крѣпости, наружному виду, или по другимъ превосходнымъ

качествамъ. Такія выставки имѣютъ практическую пользу для сельскаго хозяйства; награды назначаются весьма значительныя: за лучшихъ быковъ съ короткими рогами большая награда 40 ф. ст. (1000 руб. асс.), но съ тѣмъ условіемъ, что хозяева оныхъ обязаны отпускать ихъ для случки; члены Общества имѣютъ право требовать случки каждаго такого быка съ 80 коровами имъ принадлежащими, съ платою по 10 руб. за каждую корову. Лучшій скоть находятъ тутъ же на выставкѣ охотниковъ, которые покупаютъ его часто за бѣшеную цѣну. Такъ распространилось и улучшилось скотоводство по всей Англій, къ величайшему подкрѣпленію земледѣлія и къ неисчетному обогащенію государства.

Полезныя послѣдствія такихъ поощреній были замѣчены и въ другихъ странахъ. По примѣру Англій, учредились подобныя Общества въ Австріи, Пруссіи и Франціи. Особенно въ Австріи они имѣли полный успѣхъ: и тамъ также Принцы Императорскаго Дома приняли сію часть Сельскаго Домоводства въ свое особенное покровительство; обнародовались наставленія, показываются примѣры, учреждены публичныя выставки, раздаются награды. Образцовою породою признанъ *Штейнмаркскій* рогатый скоть; быки сей породы разводятся повсюду для случки. Такъ размножилось и улучшилось скотоводство въ Австріи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣліе приходитъ въ лучшее состояніе. Примѣчательный наблюдатель съ удовольствіемъ видитъ, что Австрія въ послѣдніе годы тихо, безъ хвастовства, но ревностно и быстро подвинула впередъ всѣ отрасли сельской и мануфактурной промышленности.

Обратимся теперь къ нашему отечеству. Въ какомъ состояніи находится у насъ скотоводство? Судя по большимъ отпускамъ сала за границу, можно подумать, что оно у насъ въ преуспѣвающемъ состояніи. Но этотъ признакъ обманчивъ. Обширное скотоводство у насъ только въ степныхъ областяхъ; тамъ оно составляетъ родъ промышленности; оттуда огромныя количества сала и кожъ; оттуда многочисленныя стада быковъ для продовольствія столицъ. Не должно также забывать, что къ намъ пригоняются ежегодно большія стада Киргизскихъ барановъ, которыя увеличиваютъ коли-

чество отпускинаго сала: мы покупаемъ отъ южныхъ нашихъ сосѣдей для продажи на сѣверъ. — Но мы говоримъ здѣсь о томъ скотоводствѣ, которое необходимо для земледѣлія; о томъ скотѣ, который кормятъ не на убой, а для удобрения полей; и сіе-то скотоводство у насъ, говоря вообще, весьма въ скудномъ состояніи.

Извѣстно, что у насъ весьма мало такихъ земель, которыя могутъ обойтись безъ искусственнаго удобрения, развѣ только въ многоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ можно мѣнять пашни, оставляя тѣ, которыя отъ долговременныхъ посѣвовъ истощились, и распахивая новыя, небывшія еще подъ хлѣбомъ, или въ продолженіе многихъ лѣтъ отдылавшія. Но и для такихъ земель, кажется, уже рѣшено, что удобрение было бы не бесполезно. Вообще же во всѣхъ Велико-россійскихъ губерніяхъ земля требуетъ удобрения, и хорошаго удобрения, а безъ того ничего не произведетъ. Введенное у насъ повсемѣстно трехпольное земледѣльство, истощающее землю въ немногіе годы, дѣлаетъ еще болѣе удобрение земли необходимымъ, а для сего нужно имѣть доста-точно скота.

Я знаю нѣкоторыя губерніи, гдѣ земли много, и земля благодатная, а скота весьма мало; тамъ и земледѣліе въ самомъ жалкомъ положеніи. Они могли бы быть житницами для другихъ малопродуктивныхъ губерній, а теперь едва сами себя прокормить въ состояніи. Много и такихъ областей, которыя потому только считаются пшеничными, что не имѣютъ достаточно скота для хорошаго удобрения полей. Путешественники, посѣщавшіе въ послѣдніе годы разныя Велико-россійскія губерніи, съ сожалѣніемъ замѣтили разительное уменьшеніе скотоводства противъ того, какъ оно было лѣтъ двадцать тому назадъ. Для хорошаго удобрения я полагаю, нужно имѣть по 5 коровъ на десятину. Крестьянинъ, высѣивающій 5 четверти ржи въ поле, следовательно на 2 десятинахъ, долженъ бы имѣть 10 коровъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ, кромѣ мелкаго скота; но у него есть три, а нерѣдко только двѣ, и даже одна. Какого ж тутъ ожидать плодородія, и каково должно быть земледѣліе?

Когда я покупаю имѣніе, моя первая забота знать, много ли у крестьянъ скота. По этому и заключаю о ихъ достаткѣ или разореніи, и не ошибусь; по этому же заключаю и о богатствѣ или скудости ихъ земледѣльства. Само собою разумѣется, что сіе замѣчаніе не можетъ относиться до тѣхъ имѣній, гдѣ крестьяне живутъ промыслами, а не земледѣліемъ.

Другой недостатокъ нашего скотоводства есть тотъ, что у нашихъ крестьянъ, а весьма часто и у самихъ помѣщиковъ, скотъ по большей части мелкій, худой; онъ ни для земледѣлія, ни для домашняго хозяйства не годится. Большая разность, даетъ ли корова полведра молока въ день, и то худого, или два ведра хорошаго. Большая разность получить отъ быка 4 или 5 пудовъ сала, или 8 и 10 пудовъ. Такая же разность въ всѣхъ скотины, въ кожѣ, въ поземь, въ годности въ работу. Въ общемъ государственномъ объемѣ, сія разность есть величайшей важности, и можетъ простираться до многихъ милліоновъ. Есть и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ прекраснѣйшій скотъ: Украинскій, Холмогорскій, Сумскій, не оставляетъ желать лучшаго; но онъ у насъ гдѣ разведенъ, тамъ и остается, а въ другихъ областяхъ не распространяется. Мнѣ однако же извѣстны нѣкоторые богатые помѣщики, которые, заведши у себя Холмогорскій, и даже выписавши настоящій Голландскій скотъ, старались развести оный случкою не только у своихъ, но даже и у сосѣднихъ крестьянъ, такъ, что теперь въ цѣлой округѣ удовольствіемъ видишь прекраснѣйшій скотъ. Нѣтъ нужды припоминать, что тамъ и земледѣліе въ лучшемъ состояніи.

И такъ, для поддержанія нашего земледѣлія, необходимы двѣ потребности: 1) скота достаточно, и 2) скотъ хорошій.

Но какъ этого достигнуть, какъ надѣлать цѣлыя губерніи скотомъ, какъ улучшить его повсемѣстно? Для этого нужны большіе капиталы! Мѣры правительственныя до меня не принадлежать; объ нихъ лучше знаетъ само Правительство. Но мнѣ кажется, что учрежденіе Обществъ для поощренія скотоводства было бы и у насъ не бесполезно. Намъ должно слѣдовать хорошимъ примѣрамъ иностранныхъ государствъ, для водворенія въ нашемъ отечествѣ тѣхъ

учрежденій, которыя на опытѣ оказались полезными. Нельзя предоставлять этого важнаго дѣла произволу частныхъ лицъ; тутъ нужны изысканія, соображенія, примѣненія, система. Попечительные помѣщики могли бы уредить между собою такія Общества въ разныхъ губерніяхъ, назначить публичныя выставки скота, опредѣлить награды, обнародовать наставленія, показать примѣры. Такимъ образомъ мало по малу и у насъ бы распространилось и улучшилось скотоводство. Весьма пора о томъ позаботиться; а безъ того наше земледѣліе съ каждымъ годомъ будетъ упадать и ослабѣвать. Какъ много предметовъ, которые бы нужно было ввести для поддержанія нашего земледѣлія! Но мнѣ кажется, у насъ не съ того начинаютъ, съ чего бы должно: заводятъ лучшія земледѣльческія орудія, пробуютъ лучшія сѣмена, устраиваютъ дорогія мельницы, и проч. и проч.; все это хорошо, но не то главное: всего важнѣе, по моему мнѣнію, размноженіе хорошаго скота, не у однихъ помѣщиковъ, но и у крестьянъ. Это первая, существенная потребность; за нею уже слѣдуютъ дальнѣйшія улучшенія.

Г. Яценковъ.

**О ВРЕДНОСТИ МѢДНОЙ ПОВАРЕННОЙ ПОСУДЫ,
И О ЗАМѢНѢ ЕЯ ЧУГУННОЮ ГЛАЗУРОВАННОЮ.**

Давно уже было замѣчено, сколь опасно употреблять мѣдную посуду въ домашнемъ хозяйствѣ. Безпрестанно читаемъ въ публичныхъ листахъ жалкіе примѣры отравленія цѣлыхъ семействъ отъ неосторожности поваровъ. Приведемъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ:

Въ Ноябрь прошлаго года, трое дѣтей Викога N^м жалостно погибли жертвами неосторожности кухарки, оставившей кушанье простыть въ мѣдной посудѣ.

Въ *Лѣтописяхъ Гигіены и Медицины* (*Annales d'hygiène et de médecine*) содержится множество указаній на отравленіе мѣдью.

Г. Баррюель, и Жирардень, коимъ въ Апрѣлѣ прошлаго года поручено было отъ Физиката изслѣдовать причину внезапной и жестокой смерти женщины Б...., донесли, что сія несчастная отравлена колбасою. Сія Химики нашли въ оставшемся кускѣ колбасы значительное количество окисла мѣди (арн-мѣдянки), вѣроятно отъ неосторожности колбасниковъ и отъ нечистоты употребляемой ими мѣдной посуды; ярь родилась отъ соли, положенной въ мясо въ мѣдный котель, который вѣроятно былъ худо лужень.

Г. Навье приводитъ примѣръ отравленія цѣлаго семейства: отца, матери, дочери и трехъ мальчиковъ; трое были очень больны; дочь отъ того, что съѣла пирогъ, испеченный съ растопленнымъ масломъ, съ котораго кухарка снимала пѣну мѣдною ложкою, на которой масло застыло; отецъ, мать и мальчики отъ того, что съѣли говядины, вареной въ горшкѣ, съ котораго пѣну снимали тою же ложкою, невычищенною; двое другихъ были также очень больны отъ того, что покушали соуса съ цыпленкомъ, приготовленнаго съ тѣмъ же бульономъ.

Моризо-Деландъ рассказываетъ, что онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ жестокихъ болѣзненныхъ припадковъ у 20 человекъ, которые ѣли камбалу, жареную въ мѣдной кастрюлѣ, на которую налито уксуса, чтобъ она окрыпла, а потомъ рыба сія снята съ огня, и оставалась часа два въ той же кастрюлѣ.

Множество людей были отравлены соусомъ съ яйцами и зеленью, телятиной, вареною въ глиняной кастрюлѣ, закрытой мѣдною крышкою, раками, разными соусами, котлетами, сосисками и рубленнымъ мясомъ, приготовленными въ мѣдной посудѣ; въ томъ числѣ воспитанники Политехническаго Училища, Г. Дюбрюно, Профессоръ Химіи въ Коммерческомъ Училищѣ, и проч. и проч.

Не лзя не ужасаться сихъ несчастныхъ примѣровъ, а особливо зная небрежность и неопрятность нашихъ поваровъ

и кухарокъ, которые часто лѣнятся даже сказать, что надобно лудить посуду. Подлинно, одна только наша забывчивость производитъ то хладнокровіе, съ какимъ садимся за столъ, когда надобно бы дрожать каждый день. Если бы у насъ были публикованы подобныя несчастныя приключенія, мы читали бы ихъ въ газетахъ почти ежедневно.

Доказано, что кушанье, приготовленное въ мѣдной посудѣ, даже луженой, почти всегда содержитъ въ себѣ небольшія количества сего металла *. Г. Шеврель, Членъ Французскаго Института, нашелъ его въ бульонѣ, правда, весьма мало, однако жъ мѣдь тутъ была. Откуда жъ она тутъ очутилась? Несомнѣнно, что либо отъ той посуды, въ которой приготовлялся бульонъ, либо отъ вѣсовъ, на которыхъ вѣсили говядину.

Противъ сего скажутъ можетъ быть: 1. что мѣдь находится въ кушаньѣ въ самыхъ малыхъ количествахъ, следовательно не можетъ вредить; 2. что даже хлѣбъ, вино и другіе естественные продукты содержатъ въ себѣ иногда мѣдь; и это правда.

На сіе можно отвѣчать: Правда, что обыкновенно бываетъ весьма малое количество мѣди въ кушаньяхъ; но кто можетъ ручаться, что ея всегда будетъ мало? зависитъ ли это отъ повара? Ни сколько: мѣдь отдѣляется непримѣтными частицами, и легко случиться можетъ, что иное кушанье приметъ ея въ себя довольно большое количество, которое окажется весьма вреднымъ, особливо отъ кислоты.

Да и кто осмѣлится утверждать, что и самыя малые примеси мѣднаго окисла, поглощаемыя нами ежедневно и по нѣскольку разъ въ день, не производятъ ни какого вреднаго дѣйствія на наше здравіе, и не причиняютъ со временемъ разстройства въ жизненныхъ органахъ? Развѣ мы не знаемъ, что всѣ мѣдныя составы суть яды, болѣе или менѣе сильныя? Не отъ того ли, между прочимъ, крестьяне въ деревняхъ менѣе бываютъ подвержены болѣзнямъ, и живутъ долговѣчнѣе, что они почти вовсе не употребляютъ мѣдной поваренной посуды? .

* См. Journal des connaissances usuelles et pratiques; Journal de Chimie médicale, etc., 1833.

Если же некоторые изъ земныхъ продуктовъ, употребляемыхъ въ пищу, сами по себѣ естественно содержатъ въ себѣ нѣсколько мѣди, то мы тѣмъ болѣе должны остерегаться, чтобъ не прибавлять оной еще, приготовляя ихъ въ мѣдной посудѣ.

И такъ, всего лучше отказаться совсѣмъ отъ употребленія мѣдной поваренной посуды, если хотимъ предупредить отраву, медленную или внезапную и жестокую.

Въ Швеции это уже сдѣлано: тамъ не увидите въ кухнѣ другой посуды, кромѣ глиняной и чугунной. Въ харчевняхъ, ресторацияхъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ, гдѣ готовится кушанье и напитки на продажу, запрещено закономъ употреблять мѣдную посуду, подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Полиція наблюдаетъ за исполненіемъ сего постановленія.

Чугунная поваренная посуда начинаетъ входить въ употребленіе и въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи и Пруссіи, и недавно во Франціи. Она совершенно безвредна, и имѣетъ еще ту выгоду, что гораздо скорѣе нагревается, нежели мѣдная, слѣдовательно сберегаетъ топливо. Противъ нея не лзя ничего сказать, кромѣ только того, что отъ нея нѣкоторые кушанья чернѣютъ; но я это неудобство отвращено новѣйшими изобрѣтеніями. Найденъ способъ, лудить се, или покрывать внутри безвредною глазурью, подобно фарфору. Сія глазурь, искусно приготовленная, не трескается на огнѣ, но расширяется вмѣстѣ съ металломъ, а при остываніи сжимается въ той же соразмѣрности, какъ и чугунъ, не производя ни какихъ трещинъ. Въ Англіи и Пруссіи искусство глазурованія чугунной посуды доведено до высокой степени совершенства.

У насъ, въ Россіи, Г. Асманъ получилъ въ прошломъ году привилегію на подобное изобрѣтеніе. Глазурованной его чугунной посуды еще не видно въ продажѣ.

Пожелаемъ для блага человѣчества, чтобы употребленіе безвредной глазурованной чугунной посуды распространилось повсюду: тогда мы не услышимъ о тѣхъ несчастныхъ приключеніяхъ, которыя часто случаются отъ неосторожности и неопытности, и кончатся почти всегда смертію.

НѢКОТОРЫЯ ПОНЯТІЯ О ПАРОВЫХЪ МАШИНАХЪ.



Употребленіе паровыхъ машинъ съ каждымъ годомъ умножается; люди всѣхъ состояній ознакомились уже съ сею новою силою, съ симъ великимъ двигателемъ въ разныхъ искусствахъ и мануфактурахъ; весьма часто машины сіи бываютъ предметомъ разговоровъ въ обществахъ; но удивительно, что не многимъ извѣстны тѣ правила, на которыхъ основывается ихъ устройство. Часто говорятъ о машинѣ силою въ 20 или 30 лошадей, не имѣя вѣрнаго понятія о силѣ одной паровой лошади. Вообще думаютъ, что сія сила въ паровой машинѣ есть та же, какая и въ живой лошади; но сей последней не лзя никакъ опредѣлить съ точностію: большое различіе между ломовою лошадыю, подобною тѣмъ, какія употребляются въ Англійскихъ пивоварняхъ, и простою крестьянскою клячею. Въ этомъ весьма ошибаются. Сила лошади въ паровыхъ машинахъ гораздо больше силы живой лошади, и имѣетъ еще то преимущество, что она не знаетъ усталости и не требуетъ отдохновенія.

Весьма еще недавно во всѣхъ большихъ заведеніяхъ, устроенныхъ не при водѣ, сила живыхъ лошадей была единственнымъ двигателемъ. Сочтено, что средняя сила одной лошади, запряженной по нѣскольку разъ въ конскомъ приводѣ, въ цѣлый рабочий день, то есть, въ 8 рабочихъ часовъ, способна поднять 800 кубическихъ метровъ воды на одинъ метръ высоты (9,712 кубич. метровъ - кубич. сажени Россійской).

Совсѣмъ иначе опредѣлена сила лошади въ паровыхъ машинахъ.

Когда знаменитый часовой подмастерье Ваттъ усовершенствовалъ паровыя машины до такой степени, что онъ производили втрое болѣе противъ того, что прежде него, то онъ предложилъ одному Лондонскому пивовару, по имени Виттбреду, ввести сіи его машины вмѣсто конскихъ приводовъ. Пивоваръ на то согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы машина Ватта произвела такое же количество рабо-

ты, какое его лошади, запряженные въ приводѣ. Знаменитый механикъ принялъ сіе условіе. Тогда пивоваръ выбралъ самыхъ сильныхъ лошадей, изъ самой большой Англійской породы, и запрягши ихъ въ приводѣ, велѣлъ безпрестанно погонять, такъ, что каждая лошадь, въ 8 рабочихъ часовъ, подняла 2,120 кубич. метра воды на одинъ метръ высоты, то есть, почти втрое противъ того, сколько производятъ лошади, обыкновенно употребляемыя на фабрикахъ, какъ въ Англии, такъ и на твердой землѣ Европы. И такъ, чтобъ замѣнить одну изъ сихъ сильныхъ лошадей, паровая машина Ватта должна была произвести почти втрое болѣе силы, нежели какова обыкновенная сила одной лошади. Не нужно упоминать, что Ваттъ имѣлъ полный въ семь дѣлъ успѣхъ; съ того времени сила паровой машины опредѣлена была симъ размѣромъ. Но какъ живая лошадь работаетъ только 8 часовъ въ день, а паровая машина 24 часа въ сутки, не останавливаясь, то изъ сего слѣдуетъ, что паровая лошадь въ самомъ дѣлѣ въ 8 разъ сильнѣе живой лошади, то есть, первая въ 24 часа подниметъ 6,360 куб. метровъ воды на одинъ метръ высоты, а послѣдняя въ то же время подниметъ 800 куб. метровъ на ту же высоту.

Сія первая Ваттова машина и донинѣ находится въ той пивоварнѣ, и дѣйствуетъ превосходно. На ней выставлена надпись. Она есть предметомъ уваженія для всѣхъ любителей Механики и для работниковъ. Знаменитый ея устроитель покоится, подлѣ Королей Англійскихъ, въ Вестминстерѣ.

Съ того времени паровая машина во всѣхъ почти большихъ заводахъ и фабрикахъ замѣнила конскіе приводы съ великою выгодною, сбереженіемъ времени и труда. Съ того же времени произведенія мануфактуръ, такъ размножились, какъ то мы видимъ нынѣ въ Англии, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ Америки, и во многихъ другихъ странахъ. Одна изъ первыхъ машинъ, устроенныхъ въ Англии Смиттономъ, употреблена для поднятія воды для снабженія оною великаго Бирмингемскаго канала.

Въ послѣдствіи Ваттъ сдѣлалъ еще другое важное улучшеніе въ паровой машинѣ, на которое и получилъ привилегію, но оно приведено было въ дѣйствіе Горбловверомъ.

Прежде сего парь входилъ въ цилиндръ, поднималъ или опускалъ поршень, и свободно выходилъ вонъ, или стучался въ резервуарахъ холодной воды. Горнибловерь придумалъ сдѣлать цилиндръ длиннѣе и удержать въ немъ парь до тѣхъ поръ, пока отъ безпрестаннаго поднятія поршня, давленіе его сдѣлается почти ничтожнымъ. Такимъ образомъ онъ произвелъ два дѣйствія: одно то, которое имѣла прежняя Ваттова машина, и которое называется производительною силою; а другое силою происходящею отъ совершеннаго расширенія пара.

Сія машины извѣстны подъ именемъ паровыхъ машинъ съ двоякимъ дѣйствіемъ, или съ сугубымъ давленіемъ. Какъ въ оныхъ употребляется парь съ сильнымъ давленіемъ (обыкновенно равняющимся давленію четырехъ или пяти атмосферъ, а давленіе одной атмосферы равняется, какъ извѣстно, давленію водянаго столба вышиною въ 32 фута), то многіе возстали противъ сей системы по причинѣ опасности взрыва; однако паровыя машины сего послѣдняго рода болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе съ нѣкоторыми придуманными предосторожностями. По сей системѣ обыкновенно устрояются пароходы: ибо въ нихъ самое важное дѣло состоитъ въ сбереженіи горючаго матеріала, а паровая машина съ сугубымъ давленіемъ производитъ гораздо большую силу, одинаковымъ количествомъ угля, нежели простая машина.

О ЧУГУННЫХЪ ДОРОГАХЪ ВО ФРАНЦІИ.

Чугунныя дороги, начатыя постройкою во Франціи, имѣютъ протяженія, всѣ совокупно, около 32 Французскихъ миль (около 150 верстъ). Постройка оныхъ производится тремя разными Компаніями. Первыя сообщенія сего рода начаты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются угольныя копи, желѣзные заводы и наибольшее число мануфактуръ (въ Сентъ-Этіеннѣ).

Первая дорога идетъ отъ Сентъ-Этiенна до Лиона, вторая отъ Сентъ-Этiенна до Андресiе, третья отъ Андресiе до Роанна. И такъ, рѣка Рона соединена съ рѣкою Луарою, и скоро можно будетъ ѣхать изъ Лиона до Роанна по желѣзнымъ дорогамъ. Донынѣ окончана постройкою одна только линiя отъ Сентъ-Этiенна до Андресiе.

Сочтено, что одна миля ($4\frac{1}{4}$ версты) чугушной дороги отъ Сентъ-Этiенна до Лиона стоитъ, среднимъ числомъ, 855,000 франк. Въ Англiи то же пространство чугушной дороги отъ Ливерпуля до Манчестера стоило 1,651,000 фр. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ капиталы рѣдки, а разстоянiя весьма велики, удовольствовались средственною скоростiю, немного большею той, съ какою въ Англiи ѣдетъ почта по почтовой дорогѣ, и устроили чугушныя дороги во 100,000 фр. за каждую почтовую милю ($4\frac{1}{4}$ версты). Въ Англiи же, гдѣ капиталы изобильны, захотѣли и могли устроить образцовую дорогу, которая и стоила въ шестнадцать разъ съ половиною дороже.

ВІСЯЩІЕ МОСТЫ ВО ФРАНЦІИ.

Висящіе мосты умножаются во Франціи. Въ одной долинѣ рѣки Роны, на пространствѣ около 60 Французскихъ миль (260 верствъ) ниже Лиона, устроено уже девять такихъ мостовъ, изъ коихъ одинъ, въ Бокерѣ, необычайной длины, въ 700 футовъ, съ великолѣпными портиками. Черезъ рѣку Луару сдѣлано 4 или 5 такихъ мостовъ; черезъ рѣку Сону, въ Лионѣ, два моста изъ желѣзныхъ прутьевъ; черезъ рѣку Марну близъ Парижа желѣзный мостъ, длиною въ 500 футовъ, утвержденъ на чугушныхъ столбахъ; черезъ рѣку Эну, на пространствѣ 8 Французскихъ миль, устраиваются три моста. Большая часть такихъ мостовъ черезъ рѣку Рону стоила отъ 200,000 до 500,000 франковъ. *Изъ Французскихъ Журналовъ.*

**СПОСОВЪ КРАСИТЬ ВЪ ШАРЛАХОВЫЙ ЦВѢТЪ ЛАКЪ-
ДЕВЪ ЯРЧЕ И ПРОЧІЯЕ НЕЖЕЛИ КОШЕНИЦЮ.**

==

Положимъ, что нужно выкрасить кусокъ сукна, вѣсомъ въ 10 фунтовъ.

Возьмите котель, вмѣщающій отъ 50 до 60 литровъ, вычистите его со всевозможнымъ тщаніемъ, и налейте до трехъ четвертей прѣсною водою, хорошо распускающею мыло, — лучше всего рѣчною, возвысьте температуру воды почти до кипѣнія, подбавьте фунтъ кремортартару въ порошокъ, десять унцій крошеннаго желтаго сандалу и фунтъ съ четвертью приготовленнаго лаку; дайте разъ вскипеть, потомъ прибавьте фунтъ съ четвертью селитрокислаго олова, называемаго шарлаховымъ составомъ, и налейте на него столько воды, чтобъ въ котлѣ только осталось мѣста для сукна, которое послѣ того размачивайте, быстро переворачивая въ растворъ, и дайте ему кипѣть около часа. Если лакъ хорошъ и хорошо приготовленъ, то эта краска будетъ такъ же ярка, какъ получаемая посредствомъ кошенили. Качество шерсти много содѣйствуетъ красотѣ цвѣта: иная требуетъ болѣе состава, если цвѣтъ выйдетъ слишкомъ кармазинный, иная болѣе лаку, если онъ слишкомъ оранжевый.

Опытный красильщикъ легко это замѣтитъ: онъ вынимаетъ сукно, и прибавляетъ въ растворъ все что нужно.

Если понадобится красить шерстяную пряжу, то поступаютъ какъ съ сукномъ, только прибавляя поболѣе состава и лаку, потому, что сукно валеное, и принимаетъ красильное вещество только на поверхность, а пряжа вбираетъ его болѣе въ себя. Вотъ пропорція на фунтъ шерсти:

| | |
|----------------------|--------------------------|
| Кремортартару..... | 2 унціи |
| Желтаго сандалу..... | 1 унція |
| Лаку..... | отъ 2 1/4 унцій до 2 1/2 |
| Состава..... | 3 унціи |

Этими пропорціями получается самый лучший шарлаховый цвѣтъ, яркій и прочный какъ не лѣзя больше.

V.

КРИТИКА.

=

МАЗЕПА. Сочиненіе Фаддея Булгарина. Санктпетербургъ, въ тип. Вдовы Плюшаръ съ Сыномъ, въ двухъ частяхъ, въ-12., стр. 71. и 368 — 451. Изданіе А. Смирдина.

Критика?...Вы ожидаете отъ меня Критики?...Извините: у насъ нѣтъ Критики! Такъ утверждаютъ многіе изъ насъ, многіе изъ нашихъ собратій. Не далѣе какъ въ началѣ Января, одни изъ насъ кричали, что въ прошломъ году не вышло у насъ ни одной книги; другіе, что у насъ не стоить заниматься Словесностью, ибо она не представляетъ труженикамъ своимъ ни какихъ существенныхъ выгодъ; третьи, что у насъ нѣтъ единства въ Словесности; четвертые, что у насъ нѣтъ литературнаго міра; пятые, что у насъ нѣтъ Критики; шестые, что у насъ нѣтъ — нѣтъ да же Литературы!.....И такъ, вотъ до чего мы дожили!

У насъ нѣтъ Литературы! Что же такое значать 12,000 званій Русскихъ книгъ въ каталогъ нашей книжной торговли? Это вѣрно 12,000 Голландскихъ сельдей! Мы такъ вѣжливы къ другимъ народамъ, что говоримъ и пишемъ всякой день: Литература Санскритская, Литература Испанская, Скандинавская, Турецкая, Персидская, Татарская, — даже Литература Монгольская, хотя она состоитъ вся изъ одной исторической книги и ста восьми книжекъ Ганджура; мы притомъ такъ образованы и учены, что говоримъ и пишемъ это очень правильно, по голосу всей Европы; все это мы говоримъ и пишемъ, — а когда взглянемъ на наши 12,000 со-

чиненій, то съ уничиженіемъ, со стыдомъ, поту-
пя глаза и покраснѣвъ, какъ раки въ кастрюль,
произносимъ: у насъ нѣтъ Литературы!..... И это
говорятъ Русскіе Русскимъ же? И это говорятъ
въ глаза народу, у котораго были Ломоносовъ,
Державинъ, Озеровъ, Крюковской, Фонъ-Визинъ,
Карамзинъ и Грибоѣдовъ, — у котораго теперь есть
Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Марлинскій, Бул-
гаринъ, Загоскинъ, не считая другихъ по двадцати
пяти уважительнымъ причинамъ? Воля ваша, а вы
очевидно издѣваетесь надъ нами, беззащитными чи-
тателями, или — не хотите понять значенія слова
«Литература». Но если вы дѣйствительно тому вѣ-
рите, если вы не-шутя пришли въ эту степень
сплина, я скажу вамъ весьма простое средство ми-
гомъ исправить дѣло: сдѣлайтесь Монголами!..... У
васъ будетъ Исторія почтеннаго Ламы Сананъ-Се-
цена и Ганджуръ въ 108 прекрасныхъ книжкахъ, —
и на другой день вся ученая Европа скажетъ, что
у васъ есть Литература.

У насъ нѣтъ ни какихъ выгодъ быть Литерато-
ромъ! — Я этому не вѣрю, наравнѣ съ тѣми, ко-
торые то сказали.

У насъ нѣтъ единства въ Литературѣ! Единства! —
что это значить? О какомъ единствѣ изволите вы спра-
шивать?..... То есть, что у насъ нѣтъ одной огром-
ной литературной шайки, начальствуемой однимъ
литературнымъ атаманомъ, которая бы содержала
въ страхъ всю Словесность, разбивала всѣ возникаю-
щія внѣ ея предѣловъ дарованія, грабила ихъ не-
зависимость, убивала оригинальность? Полноте шу-
тить такъ жестоко! Единство, то есть, нѣкоторый
родъ единства, могло существовать въ Словесности,
когда вся Словесность жила на чердакъ, писала всю
ночь и утро на треногой скамейкѣ подъ дырявою
кровлею, и вполдень стремглавъ сбѣгала по черной

лѣстницѣ, чтобъ терзать голодными зубами жаркое гордаго мецената, а послѣ жаркаго тѣшить его чтеніемъ своихъ трудовъ; когда литераторъ въ значеніи и силѣ привлекалъ къ себѣ, какъ церковная паперть, все нищее сословіе писателей, и былъ для нихъ средоточіемъ надеждъ, литературнаго суда и славы; когда одинъ или два ветерана Словесности самовластно управляли Изящнымъ, удерживая въ рабскомъ повиновеніи весь молодья понятія, весь юные порывы таланта. Изъ такого единства происходили только — для литераторовъ уничтоженіе, для Словесности школа, самая пагубная умственная монополія. Теперь, когда Словесность перестала быть безпріютною сиротою; когда она выросла, возмужала, поступила на свой хлѣбъ и пошла въ люди; когда, прихотливая и исполненная чувства своей силы и своего благородства, стала сочинять свои страницы и въ пышномъ кабинетѣ вельможи, и въ уборной щеголихи, на розовой, надушенной бумагѣ, между счетомъ модистки и бурною запискою страстнаго любовника съ усами, и на дубовомъ, испещренномъ каплями чернилъ столикѣ грамотнаго лавочника, и въ безбѣдной горницѣ записнаго литератора, передъ лежащимъ на разбросанныхъ книгахъ контрактомъ на гербовой бумагѣ, заключеннымъ вчера съ книжною торговлею и записаннымъ по надлежащей формѣ у маклера, и даже среди военнаго шума, на прострѣленномъ непріятельскою пулею барабанѣ; теперь, когда книжное дѣло, склонность къ писанію, удовольствіе сообщать мысли свои публикѣ, каждый день болѣе и болѣе распространяются по всемъ вѣтвямъ общества, глядящимъ въ различныя стороны и лишеннымъ самую Природою возможности взаимнаго прикосновенія; когда вся Европа поздравляетъ себя съ освобожденіемъ Литературы отъ опаснаго вліянія заслуженныхъ писа-

телей и всякаго рода посредниковъ между умомъ и публикою; когда всякой можетъ быть оригинальнымъ, некланаясь о позволеніи у другаго, — теперь заговорили вы о единствѣ въ Литературѣ!.....Какая польза предвидится отъ соединенія въ одинъ кругъ, въ одно тѣло, литераторовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть независимымъ отъ другаго? Я предвижу одно изъ двухъ: или ссоры и напрасную трату времени въ совѣщаніяхъ, приговоры которыхъ не убьютъ ни чьего самолюбія, или школу, извѣстную литературную манеру, монополію, губительство общественнаго вкуса, угнетеніе юныхъ талантовъ и отличіе услужливой посредственности, если единодушіе случайно будетъ царствовать въ этомъ разнородномъ кругу. Лучшій и самый благородный центръ соединенія для литераторовъ — публика. Если у кого есть такое сильное влеченіе къ измѣненію своихъ чувствъ и мыслей передъ своими собратіями, никто не препятствуетъ ему жить въ личной дружбѣ съ нѣсколькими товарищами по собственному его выбору; но и это частное единство нѣсколькихъ словесниковъ имѣетъ свою опасность: оно обыкновенно превращается въ партію, которію.

У насъ не вышло въ прошломъ году ни одной книги, — разумѣется, достойной чтенія! Кто жъ написалъ въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ столько объявленій о хорошихъ книгахъ и разборовъ геніальныхъ, прекрасныхъ, превосходныхъ, отличныхъ, Богъ-вѣсть какихъ еще сочиненій? — разборовъ и объявленій, которые мы читали даже на страницахъ, утѣряющихъ насъ по окончаніи года, что во все продолженіе истекшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ не вышло въ Россіи ни одной хорошей книги, и что даже у нея нѣтъ Литературы. Следственно все эти разборы и объявленія были простая мистификація?.... А!

если такъ, то вотъ, по крайней мѣрѣ, хоть одна хорошая шутка! Смѣйтесь, читатели: славная шутка!.....

Но у насъ нѣтъ Критики! Да! что дѣлать, у насъ нѣтъ Критики! Откуда у насъ быть Критикъ! Во Франціи, въ Германіи, въ Англии, — это другое дѣло: тамъ есть Критика! — Критика безошибочная какъ самъ Папа, безпристрастная какъ чернилица, — Критика, которая, принимаясь за перо, прячетъ свое сердце въ карманъ, выбрасываетъ свои предразсудки за окно, свои страсти велитъ держать лакею за воротъ, свой умъ возводитъ въ седьмую степень магнитическаго ясновидѣнія, и пишетъ, — пишетъ и судитъ, — судитъ и никогда не дастъ крюку; Критика, у которой спросите, о чемъ угодно, и она, изъ всѣхъ типографій, изъ всѣхъ столиковъ и ящичковъ, изъ — подъ всѣхъ бѣлыхъ колпаковъ государства, отвѣчаетъ вамъ въ одно слово, какъ эхо въ расположенныхъ рядомъ пещерахъ, никогда себя не противорѣча; словомъ, совершенная, настоящая Критика, — нѣчто въ родѣ идеальной красоты. — Вотъ Критика! вотъ счастье, роскошь, объядніе! Давайте намъ такую Критику! — кричатъ намъ многіе изъ насъ, начиная писать сами, такъ сказать, Критику сочиненій авторовъ, состоящихъ въ единствѣ съ ними. Гдѣ она? Покажите намъ такую Критику въ Россіи!..... Не то мы вамъ ее покажемъ!

Что отвѣчать на подобную задачу?

Естественный отвѣтъ: начто вамъ Критика, когда у васъ нѣтъ Литературы! Прошу покорнѣйше: сами изволять утверждать, что у насъ нѣтъ Словесности, а въ то же время бранить бѣдную Русь за неимѣніе Литературной Критики! Къ чему намъ она нужна? На что очки слѣпому? — Но этимъ вы не отдѣляетесь отъ многихъ изъ насъ: они требуютъ

Критики, — Критики, во что бы то ни стало. Въ Россіи нѣтъ Критики! Откуда ее взять? Изъ чего составить? Какъ быть? Развѣ выписать изъ-за границы, занять у иностранцевъ, выучиться ей у Нѣмцевъ? Нѣмцы умнѣ Русскихъ:

А намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

У нихъ должна быть и Критика, ибо у нихъ есть вино и устрицы. — Нѣмцы! Англичане! Французы! давайте намъ Критику! Десять четвертей хлѣба за Критику! Пятьдесятъ пудъ пеньки за хорошую Критику! У кого изъ васъ есть Критика? Продайте, уступите ее намъ. Цѣлый грузъ сырыхъ кожъ за Критику, за часть, за маленькій кусочекъ Критики!..... Всѣ молчать. И послушайте только, что эти заморскіе люди на то отвѣчаютъ: — какой, говорятъ они, захотѣлось имъ Критики? — какое понятіе составили они себѣ о Критикѣ? — изъ-за чего они мечутся и приводятъ въ уныніе свою публику? — по какому поводу посѣваются въ умахъ соотечественниковъ отвращеніе къ народной ихъ Литературѣ, презрѣніе къ ихъ языку? — развѣ это полезное и патріотическое дѣло, унижать собственную свою Словесность въ глазахъ народа, стремящагося всѣми силами къ просвѣщенію, сокровища котораго раскрываетъ передъ нимъ Правительство съ такими издержками и пожертвованіями для его разработки? — право, они не знаютъ сами, чего хотятъ!.....

И я такъ думаю.

Вы, — то есть, многіе изъ насъ, — очевидно составили себѣ ложное понятіе о Критикѣ, и ищите того, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего въ порядкѣ вещей быть не можетъ, и браните Русь безъ всякой причины. Мы напрасно потеряли время, ища для васъ

такой Критики, какую выдумали вы въ пылкомъ своемъ воображеніи: не угодно ли теперь поискать ея вамъ самимъ во всей Европѣ?..... Я доставлю вамъ нужныя къ тому средства и поощреніе: учреждаю премію въ пользу того, кто изъ васъ найдетъ настоящую Критику на Земномъ Шарѣ. Ищите! Дюжина бутылокъ шампанскаго и жареная индѣйка съ трюфелями по-Перигёзски, тому, кто найдетъ такую Критику!..... Пошли искать. Ищите, ищите! — а я между-тѣмъ съѣмъ съ благосклонными читателями предназначенную вамъ индѣйку и разопью съ ними шампанское, потому, что знаю навѣрное, что вы ничего не найдете. Англія есть одно государство въ свѣтъ, гдѣ литературныя Журналы доведены до самой высокой степени совершенства; гдѣ настоящимъ образомъ понимаютъ журнальное искусство и чувствуютъ его достоинство; гдѣ собственно умѣютъ писать журнальныя статьи, и гдѣ находятся особыя критическія повременныя изданія, утвердившія свою славу въ цѣломъ грамотномъ мѣрѣ, и свое существованіе считающія десятками лѣтъ. Возьмите три Англійскіе Журнала, безспорно первенствующіе на всей землѣ, *Edinburgh Review*, *Quarterly Review* и *Westminster Review*; прибавьте къ нимъ, если угодно, еще *Monthly Review* и *Foreign Review*, — и прочитайте въ нихъ разборъ одной и той же книги: вы подумаете, что всякой изъ нихъ говоритъ о другомъ совершенно сочиненіи! Въ одномъ оно расхвалено, въ другомъ разругано въ прахъ; третій говоритъ, что оно посредственно; четвертый, что весьма дурно написано, но преполезно; пятый, что слогъ прекрасный, но содержаніе вздорно, — точно такъ же, какъ и на святой Руси! Однако жъ Англичане не приходятъ отъ этого въ отчаяніе, и Словесность ихъ процвѣтаетъ, и хорошія творенія торжествуютъ! О Франціи и говорить нечего: тамъ

даже нѣтъ собственно критическихъ Журналовъ, исключая Journal des Savans, занимающійся только учеными предметами: Литературная Критика представлена опытамъ, случайно помещаемымъ въ повременныхъ изданіяхъ, составленныхъ изъ статей безъ всякаго плана, и газетнымъ фельетонамъ, сочиняемымъ въ духъ самой газеты безпрестанно мѣняющимися сотрудниками. Критика во Франціи вся въ рукахъ литературныхъ и книгопродавческихъ козней, хотя иногда мелькаютъ въ ней, какъ и у насъ, хорошіе разборы, созданные перомъ искуснымъ и независимымъ. Можетъ-статься, вы думаете, что въ глубокомысленной и основательной Германіи есть прекрасная Критика? Вотъ вамъ выписка изъ одного изъ лучшихъ Нѣмецкихъ литературныхъ Журналовъ, издаваемого людьми весьма способными судить о состояніи Словесности, не только въ своей землѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

«Въ отношеніи къ литературной образованности и зрѣлости понятій, сколько намъ извѣстно, никогда еще Критика отечественной Словесности не стояла на низшей точкѣ. Даже никогда злоупотребленія по этой части не одерживали такой ужасной поверхности, какъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. — Литературная Критика, изрѣдка достойная и соответствующая своей священной цѣли, большею частію обнаруживается у насъ въ недостойномъ, бессмысленномъ, несправедливомъ или плоскомъ видѣ. Творческимъ критическимъ дарованіямъ не достаетъ хорошихъ точекъ опоры (т. е., хорошихъ повременныхъ изданій, посвященныхъ Критикѣ); редакторы Журналовъ не пользуются нужною независимостью. Кто не завязъ въ котеврѣлхъ, тотъ спутанъ тенетами книготисненія и книжной торговли. — Удерживаемся отъ дальнѣшаго разбора безтолковыхъ и безсовѣстныхъ издо-

«ровъ, наполняющихъ наши критическіе листы; но, въ заключеніе, повторимъ прежнее мнѣніе наше, что, не говоря уже о обыкновенныхъ литературныхъ харчевняхъ, знаменитые «Листки» Брокгаузовы (Blätter für literarische Unterhaltung), по своей безсовѣстности и лавочническому духу, суть одно изъ величайшихъ бѣдствій нашей Словесности. Таково нынѣшнее состояніе Критики въ Германіи.» (Zeitung für die elegante Welt, No 1 und 6, 1834.) Изъ чего же вы, господа многіе изъ насъ, бѣтаетесь, изъ чего такъ ужасно сердитесь и приходите въ отчаяніе? О чемъ хлопочете? Гдѣ же лучше? Зачто, въ своихъ литературныхъ огорченіяхъ, браните Русскую Литературу?

Москва, вишь, виновата!

Успокойтесь; примиритесь съ настоящимъ порядкомъ вещей въ Русской Литературѣ, и ободритесь духомъ: это порядокъ всего литературнаго міра. Вездѣ валяются градомъ на Словесность несправедливья, поверхностныя, рѣзкія и неприличныя Критики, и вездѣ, между этими грязными дрязгами дара слова, чаще или рѣже проявляются разборы, блестящіе умомъ, чувствомъ, знаніемъ дѣла, яснымъ и сильнымъ понятіемъ объ Изящномъ, вдругъ подвигающіе впередъ вкусъ и Словесность. Такіе разборы нерѣдко являлись и у насъ, въ Москвѣ и Петербургѣ. Вникните въ существо дѣла, познакомьтесь съ исторіею предмета, о которомъ разсуждаете. Хорошая Литературная Критика не есть ремесло, которому можно выучиться, ни система, которую можно привести въ исполненіе: это личное дарованіе.

Я доказалъ вамъ подлинными фактами, что ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи, нѣтъ корошей Критики; что вездѣ тотъ же, какъ и у насъ, безпорядокъ, тѣ же злоупотребленія, пристра-

стіе, лихоимство, взятки въ литературномъ правосудіи. Хотите ли теперъ, чтобъ я неоспоримымъ образомъ доказалъ вамъ противное, то есть, что во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, и вездѣ есть отличная, превосходная Критика?..... Извольте!

Истинная Литературная Критика есть личное дарованіе, индивидуальность, подобно истинному поэтическому таланту. Ни Пушкина, ни хорошаго критика, нельзя произвести искусственными средствами: того и другаго должна создать Природа, и если вы не видите около себя настоящей Критики, браните за то Природу, а не людей и Литературу. Гдѣ родится человекъ съ сильнымъ поэтическимъ чувствомъ, съ свѣтлымъ и вѣрнымъ понятіемъ Изящнаго, съ пылкимъ воображеніемъ, съ большою проницательностію ума, со способностью къ обширнымъ и мгновеннымъ соображеніямъ, съ разборчивымъ вкусомъ, и въ особенности съ твердою и непоколебимою логикою; когда, при такомъ счастливомъ устройствѣ головы, при такомъ могуществѣ души, получить онъ еще приличное образованіе, украсить свою память разнородными свѣдѣніями, достаточно познакомится съ людьми и свѣтомъ, приобрететъ навыкъ разсуждать собственною головою, думать собственными мыслями, и потомъ примется судить о Литературѣ и произведеніяхъ Изящнаго, — тамъ и тогда будетъ хорошая Критика. Но она будетъ вся въ немъ, въ его лицѣ, и внѣ его опять не будетъ Критики, ибо она не сообщается прикосновеніемъ, какъ чума, ни примѣромъ, какъ хохоть. Такіе люди рѣдко появляются въ Словесностяхъ, и они обыкновенно даютъ имъ направленіе. Хорошимъ критикомъ можетъ назваться только тотъ, кто, въ своихъ статьяхъ о сочиненіяхъ, открылъ публикѣ и писателямъ самое большое число новыхъ и здравыхъ видовъ о Словесности и образъ дѣйствія

разныхъ формъ Изящнаго на душу человѣческую; кто удѣлилъ имъ самое значительное количество сильныхъ и вѣрныхъ соображеній вкуса; кто одушевилъ современную Словесность самыми существенными и питательными для ея жизни понятіями. Не будучи безошибочною въ своихъ примѣненіяхъ, Критика подобнаго привилегированнаго челоуѣка иногда можетъ ужасно ошибаться на счетъ даннаго сочиненія, и въ то же время быть превосходною Критикою по новости и точности своихъ видовъ, которые никогда не остаются бесполезными для сочинителя и для читателя. Такими критиками могутъ безспорно назваться — въ Англій, безименный сочинитель разборовъ по части Изящной Словесности въ *Edinburgh Review*, во Франціи Карль Нодье, въ Германіи Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, судъ котораго, иногда довольно строгій, Гёте предпочиталъ всѣмъ лестнымъ похваламъ своихъ обожателей. Такимъ былъ еще весьма недавно въ томъ же краю Вольгангъ Менцель, издатель Тюбингенской Литературной Газеты. Примѣръ Менцеля самымъ блистательнымъ образомъ объясняетъ изложенныя мною разсужденія о существѣ и свойствахъ хорошаго критика. Менцель часто, очень часто ошибался въ приложеніи мощныхъ и свѣтлыхъ своихъ помысловъ къ разбираемымъ твореніямъ: онъ судилъ превосходно о лирической Поэзій, о сочиненіяхъ повѣствовательныхъ, созданныхъ игрою воображенія, о плодахъ ума веселаго и сатирическаго; но почти всегда произносилъ неудачныя умозаключенія о произведеніяхъ высшей творческой силы генія: между-тѣмъ его Критика, изобилующая тонкими и глубокими взглядами, могущественно двигала и оживляла Нѣмецкую Словесность, и его твердый, безпоощадно логическій разборъ Фауста напечатлѣлъ на ней рѣзкій слѣдъ отличнаго его ума, который не

скоро изгладится. Одинъ существенный недостатокъ Менцеля, пока онъ управлялъ литературными мнѣніями, была порой излишняя рѣзкость выражений: голосъ истиннаго критика, наставника и дядьки Словесности, всегда долженъ дышать кротостью.

Наконецъ, такимъ, какъ Фарнгагенъ и Нодье, критикомъ былъ у насъ Карамзинъ. О нынѣшнихъ, изъ приличія, я не скажу ни слова: не хочу ни съ кѣмъ заводить споровъ.

И такъ, нѣтъ ничего неумѣстнаго, какъ грозно возставать на мнимыя Критики, по охоть, расчетамъ или необходимости помѣщаемыя въ Журналахъ и газетахъ; ничего неловчаго, какъ поднимать по случаю ихъ тревогу, повергаться въ отчаянный пессимизмъ и вперять публикѣ, ищущей луча свѣта, отвращеніе къ народной ея Словесности; ничего необдуманнаго, какъ требовать хорошей Критики отъ того, кого Природа не создала критикомъ, или писать наставленія для критиковъ, тогда, какъ ихъ нельзя образовать наставленіями. Тотъ, въ чью голову Природа не забросила яркой, волшебной искры, которая озаряла бы движенія перерабатывающагося въ ней понятія о Прекрасномъ и Высокомъ, — тотъ никогда не будетъ критикомъ, какъ бы вы его ни учили этому искусству: онъ будетъ только подражателемъ по части Критики, педантомъ, толкующимъ о томъ, чего онъ не въ состояніи чувствовать въ полной мѣрѣ, придирнымъ литературнымъ подьячимъ, торгашемъ поддельныхъ, сухихъ и бесполезныхъ для Художества сужденій.

Оставьте такія Критики безъ вниманія: онъ его не стоятъ ни за свою брань, ни за свою лесть. Не гнѣвайтесь и не сердитесь на нихъ, а за нихъ да весь свѣтъ, — ибо онъ необходимы въ порядкѣ вещей: такъ устроены всѣ Словесности въ семь свѣтъ,

лучшемъ изъ всѣхъ созданныхъ свѣтовъ! Не гнѣвайтесь, и ожидайте появленія истиннаго критика въ нашей Литературѣ, — не то оборотитесь сами истинными критиками. Только, предваряю, меня вы не обманете, принявъ на себя имя истинныхъ критиковъ: прежде, чѣмъ читать ваши сужденія, я, съ позволенія вашего, посмотрю, какъ устроены ваши головы, — ибо критическія головы строятся Природою не по подряду, какъ наши, а на заказъ, совсѣмъ по другому плану.

Замѣьте, что, говоря о хорошей Критикѣ, я даже не упомянулъ о безпристрастїи, хотя объ немъ толкуютъ всѣ, отъ мала до велика. Я не упомянулъ объ немъ изъ уваженія къ читателямъ этого Журнала: въ такой умной и образованной компанїи не прилично говорить о простонародныхъ повѣрьяхъ.

Безпристрастіе! Безпристрастіе, въ Литературѣ, передъ лицомъ Прекраснаго!!..... Нельзя ли безпристрастія замѣнить въ Литературной Критикѣ правосудїемъ? Въ судахъ оно очень хорошо замѣняетъ безпристрастіе.

Въ ожиданїи появленія истиннаго критика, котораго, можетъ-быть, не дождемся, будемъ по прежнему стряпать Критику, простую, обыкновенную, незадорную, на томъ несомнѣнномъ основанїи, что у насъ есть не только Литература, которая все идетъ впередъ, но даже Критика, которая стоитъ всякой другой, — точно такая же Критика, какъ во Франціи, Англїи и Германїи, что бы ни говорили литературные наши алармисты. Въ нашей Критикѣ не найдете вы ни капли Критики, ибо для этого надо хоть съ каплю быть необыкновеннымъ чело-вѣкомъ; а найдете..... такъ! — что-нибудь! — нѣчто въ родѣ Критики! — то, что пишутъ всѣ люди, воображая себѣ, будто они пишутъ Критику; найдете мое личное мнѣніе, и, въ моемъ мнѣніи, доказательство

литературной независимости редакторовъ этого Журнала, въ которой многіе благоволили сомнѣваться: они дали мнѣ слово печатать мои разборы безъ всякой перемѣны. На починъ, беру Мазепу, Романъ, изданный самимъ хозяиномъ «Библіотеки для Чтенія»; и сочиненный моимъ пріятелемъ.

О Фаддѣй Венедиктовичъ! Гдѣ ты? Бросься скорѣе въ мои объятія! Обними меня въ послѣдній разъ! Прѣстись со мною и съ цѣлымъ свѣтомъ! Взгляни на мои слезы!..... Я тебя люблю и уважаю, но долженъ долженъ пожертвовать тобою, принести тебя перваго въ жертву литературному правосудію, для удостовѣренія всѣхъ и каждаго въ самостоятельности этого Журнала?

Вотъ Романъ Булгарина. Онъ, какъ на бѣду, историческій! А я не люблю Историческихъ Романовъ, — я люблю нравственность. Душѣ моей противно брать въ руки незаконнорожденного ребенка: Историческій Романъ, по моему, есть побочный сынокъ безъ роду, безъ племени, плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія Исторіи съ воображеніемъ. Я стою за чистоту нравовъ, и лучше желалъ бы имѣть дѣло съ законными чадами или одной Исторіи, или одного воображенія. Историческій Романъ, который многіе считаютъ чрезвычайно легкимъ родомъ изящнаго произведенія, на который всѣ перья, всѣ литературныя знаменитости и безыменности бросились, какъ на свою добычу, есть самое трудное и опасное для дарованія дѣло; потому, что это уродъ, составленный изъ двухъ разнородныхъ и противодействующихъ началъ, словесное осуществленіе загадочнаго понятія Египетскихъ жрецовъ, — сонникса, ложная форма Прекраснаго. Да! это ложная форма Прекраснаго. Прекрасное хорошо такъ само собою, такъ могущественно въ дѣйствиіи своемъ на наши чувства и увѣрено въ могущество своего дѣйствія,

что оно не имѣетъ надобности производить свои впечатлѣнія уловками и искать своего торжества въ нашемъ недоумѣніи, тогда, какъ ему открыты всѣ пути къ нашему убѣжденію. Между-тѣмъ Историческій Романъ дѣйствуетъ на насъ уловкою, обманомъ, умышленнымъ путаніемъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній и понятій: съ начала до конца это мистификація. Только человѣкъ, основательно знающій Исторію описываемой эпохи, можетъ, и то не всегда, понимать, что такое читаетъ онъ на страницахъ подобнаго творенія; только Ученый, вспомошествоваемый своею памятью и справками съ историческими матеріалами, можетъ опредѣлить съ точностью, что принадлежитъ преданію, и что произвольная прикраса: всякой другой читатель, безпрестанно волнуясь неизвѣстностью въ этомъ растворѣ истины и вымысла, хочетъ на каждомъ шагу вѣрить словамъ автора, и на каждомъ шагу боится быть обманутымъ, и по прочтеніи Романа или не знаетъ самъ, что думать о своихъ впечатлѣніяхъ, или добродушно предается обману. Такой образъ дѣйствія на чувства я считаю недостойнымъ Изящнаго. Не стану повторять смѣшнаго упрека, дѣлаемаго противниками этого рода сочиненій, — будто Историческій Романъ существенно вредитъ Исторіи, заражая вымысломъ свѣдѣнія, разлитыя въ публикѣ: охотно пожертвовалъ бы я однимъ наслажденіемъ, — Исторіею, если бѣ, черезъ это, другое и самое важное наслажденіе образованнаго человѣка, — Изящное, и самое благородное его занятіе, — Художество, могли обогатиться новыми средствами дѣйствія и усилить свое могущество новыми началами человеческого счастья. Но понесчастію, существо Историческаго Романа вредно и Изящному, и Художеству. Изящное унижается въ немъ до мучительной и бесполезной мистификаціи, Художество превращается въ ремесло починщика, штукатура

или перестройщика. Если вы почитаете всѣ слова Исторіи священнымъ для челоѣчества заѣтомъ, назначеннымъ для его политической вѣры и для руководства его потомства, то произвольная примѣсь одного обстоятельства, одной прикрасы, даже одного лишняго слова, уничтожаетъ эту святыню, и уже лишаетъ насъ одного великаго удовольствія, не создавъ еще другаго вмѣсто его. Если вы полагаете воображеніе храмомъ Прекраснаго и творческую его силу истиннымъ отпечаткомъ Божества на душу нашей, благороднѣйшимъ достояніемъ челоѣка, то, возлагая на писателя обязанность брать готовые характеры изъ Исторіи и прилетать свои помыслы къ данной цѣпи происшествій, вы ограничиваете, ниспровергаете владычество воображенія, отнимаете у него высокое право безпредѣльнаго творенія, обращаете его изъ званія перваго источника всего Прекраснаго въ низкую должность служить подпорою какой-нибудь, нерѣдко условной, истинѣ или быкомъ ветхому, оставленному общественною памятью, факту. Гдѣ воображеніе потеряло важнѣйшія права свои, тамъ Художество съ той самой минуты уже находится въ упадкѣ. Историческій Романъ есть порожденіе Художества, клонящагося къ паденію и старающагося поддѣльными, косвенными средствами еще дѣйствовать на челоѣка.

Подивитесь странной слабости нашего рода! Одинъ умный челоѣкъ; одаренный необыкновенно сильнымъ дарованіемъ и еще сильнѣйшею страстію изумлять людей, сталъ писать стихи новымъ, необычнымъ размѣромъ, и увлекъ за собою толпы подражателей. Онъ не имѣлъ истиннаго поэтическаго гениа, и подражатели легко подъ него поддѣлялись. Видя упадокъ своей стихотворной славы, онъ кинулся въ другую сторону, къ другому насильственному средству славы, или попросту шарлатанству, и сдѣлалъ

искусственную смѣсь истины и вымысла, слитыхъ такъ удачно, что нельзя было узнать въ цѣломъ — истина ли это, или вымыселъ. Это ему удалось выше всякаго чаянія, и въ свѣтъ явился Историческій Романъ. Родъ былъ не новый: Романы среднихъ вѣковъ, извѣстные подъ именемъ: *Romans de la table ronde*, уже были Историческіе, и они подали ему первую мысль. Но Вальтеръ-Скоттъ употребилъ всю силу своего дарованія и все богатство своей исторической учености, чтобъ его воскресить, обновить и облагородить. Новость затѣи изумила Европу. Энтузіасты провозгласили ее верхомъ Художества. Педанты тотчасъ создали систему, и выдумка Шотландскаго писателя была подведена подъ точныя, исчисленныя правила. Вальтеръ-Скоттъ имѣлъ удовольствіе при жизни испытать блистательную судьбу Гомера, по творенію котораго люди составили себѣ точныя правила о томъ, какъ сочинять хорошія Иліады, бывъ увѣрены, что стоять только въ точности поступать по этимъ правиламъ, чтобъ всѣмъ быть Гомерами. Подобнымъ образомъ, никто не сомнѣвался, что сдѣлается самъ Вальтеромъ-Скоттомъ, коль скоро напишетъ книгу по теоріи, выведенной изъ его Романовъ. Были даже такіе, которые, въ пылу теоретическаго разсужденія о новой выдумкѣ, предписывали свои правила и учили самого Вальтеръ-Скотта, какъ слѣдуетъ писать настоящіе Историческіе Романы, не примѣчая того, что изобрѣтатель обманывалъ ихъ своимъ изобрѣтеніемъ, и вмѣсто чистыхъ, высокихъ формъ Изыщнаго, продавалъ имъ изыщную куклу. Но всѣ теоріи къ чему не послужили: Вальтеръ-Скоттъ остался единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ Гомеръ въ своемъ. Родъ былъ ложный, но талантъ Вальтера-Скотта былъ огромный, истинно приспособленный къ этому роду, или, лучше сказать, самый родъ былъ на-

Т. II. — Отд. V.

рочно придуманъ для таланта и составлялъ чистый его результатъ. Приготовление Вальтера-Скотта было историческое и антикварское; душа его была исполнена высокой Поэзіи, не будучи поэтической; его дарованіе было отменно повѣствовательное, — повѣствовательное до безконечности, въ полномъ значеніи слова, — во всѣхъ оттенкахъ и изгибахъ своихъ повѣствовательное. Эти три начала употребилъ онъ съ рѣдкимъ искусствомъ, и остался неподражаемымъ. Нельзя не признать, что между его подражателями нашлись таланты несравненно сильнѣе и выше его: Викторъ Гюгò, напримѣръ, превосходитъ его всею высотой поэтическаго генія; однако жъ никто не сравнялся съ нимъ въ Историческомъ Романѣ, который онъ вынулъ изъ трехъ, лично ему принадлежащихъ и въ немъ одномъ соединенныхъ, началъ. И почему? — потому, что форма Изящнаго была ложная. Изъ всѣхъ, доселѣ вышедшихъ подражаній Вальтеру-Скотту, вѣроятно одно сочиненіе Виктора Гюгò, «*Церковь Парижской Богоматери*», останется для потомства: никто однако жъ, хоть нѣсколько свободный отъ предубѣжденій школы, не скажетъ того, чтобъ въ цѣломъ оно могло выдержать сравненіе съ лучшими Романами Шотландскаго мастера.

Нанесши убійственный ударъ Художеству выдуманною подложной формы Изящнаго, Вальтеръ-Скоттъ причинилъ еще болышій вредъ вкусу. Онъ вскружилъ головы молодымъ писателямъ, и непримѣтно приготовилъ публику къ чудовищной манерности. Онъ-то вывелъ на сцену, подъ защитою всей прелести своего повѣствовательнаго дара, палачей, цыганъ, жидовъ; онъ открылъ Европейской публикѣ отвратительную поэзію висельницъ, эшафотовъ, казней, рѣзни, пьяныхъ сборищъ и дикихъ страстей. Правда, всѣ эти насильственные и противословес-

ныя средства потрясенія чувствъ читателя были у него искусно разбросаны и скрыты подъ Великобританскою чинностью въ безчисленныхъ томахъ его Романовъ, но иногда являлись и въ довольно полномъ комплектъ; и, съ изданіемъ его *Квинтина Дурварда*, можно сказать, пробилъ на земль первый часъ Неистойвой Словесности. Молодые писатели, въ нылкости своего удивленія къ его таланту и производимому имъ впечатлѣнію, возмечтали, что, собравъ всѣ ужасы въ одну книгу, сжавъ ихъ еще плотнѣе, разнообразя ихъ еще болѣе, нежели какъ у наставника, они перещеголяютъ авторскую его знаменитость, сдѣлаются двойными, тройными Скоттами, — и пошла потѣха! Викторъ Гюгò исковеркалъ прекрасный свой талантъ единственно на Вальтеръ-Скоттъ; на немъ развратилъ онъ высокое стремленіе своего генія, и до сихъ поръ не можетъ создать ни одной повѣсти, ни одной драмы, безъ палача, жида, цыгана или висьлицы. Духъ нынѣшней Французской школы есть не что иное, какъ весь нечистый сокъ, выжатый въ судорожномъ порывѣ восхищенія изъ Историческихъ Романовъ Вальтера-Скотта на молодые воспаленные мозги, но выжатый отдѣльно, безъ выжатія изъ нихъ красоть всякаго рода, которыя остались всѣ въ его книгахъ; экстрактъ Вальтеръ-Скоттизма, приправленный философією буйныхъ молодыхъ головъ. Такова исторія образованія нынѣшняго вкуса, — исторія того, что называютъ обновленіемъ Словесности: оно состоитъ все въ подражательствѣ, дошедшемъ до послѣднихъ логическихъ слѣдствій взятаго въ подражаніе начала.

За всѣмъ тѣмъ, Вальтеръ-Скоттъ писатель великій, и достоинъ удивленія за необыкновенное искусство, съ какимъ выполнилъ онъ и представилъ свѣту задуманный имъ подложный родъ изящнаго.

Оль неподражаемъ въ своемъ подлогѣ, — но и его подлогъ едва ли стоитъ подражанія.

Я знаю средства защиты, которыя приверженцы Историческаго Романа могутъ употребить въ его пользу, и не стану опровергать ихъ, потому, что не одобряю этой формы Изящнаго а ргіогі, и нахожу ее ложною. Самое важное преимущество, которое, по мнѣнію многихъ, вполне искупаетъ уродливость этого рода сочиненія, есть возможность представлять картины нравовъ отдаленнаго времени. Это еще одна ложная сторона предмета. Картины нравовъ отдаленнаго времени! Напишите мнѣ картину нравовъ нынѣшней Италіи, не выдавъ ея сами, собственными глазами?... Попробуйте написать: вотъ вамъ всѣ путешествія въ Италію; всѣ описанія Италіи, всѣ остроумныя наблюденія, сдѣланныя надъ Италіянцами! Кто знаетъ, какъ не легко подсмотреть нравы собственнаго своего времени и вокругъ себя, какъ трудно сообщить имъ вѣрный рисунокъ и естественный колоритъ, не впадая въ карикатурность или сатиру, тотъ не скажетъ, чтобъ было возможно писать хорошія картины нравовъ отдаленнаго времени. Нравы — вещь отвлеченная, туманъ въ горящей зноемъ Аравійской пустыни, принимающій издали всѣ волшебныя формы, смотря по расположенію воображенія путника, и исчезающій въ ту самую минуту, когда онъ полагаетъ, что уже можетъ поймать его рукою. Обычан, наружный видъ утвари, архитектура, — это другое дѣло! Но для этого нѣтъ ни какой надобности передѣлывать Исторію, выводить на сцену историческія лица въ фантастическихъ формахъ, и обманывать простодушнаго читателя. Положимъ, что хорошая картина нравовъ отдаленнаго времени есть дѣло возможное: почему же не писать ея такъ, какъ пишутся съ натуры картины современныхъ нравовъ, безъ употреб-

ленія именъ великихъ или извѣстныхъ современниковъ? По какой причинѣ умершія историческія лица менѣе священны для Художества и достойнѣе сдѣлаться паствою нашего воображенія, чѣмъ современныя, чѣмъ, напримѣръ, всякой изъ насъ?.....

Но мода произнесла свой приговоръ, и всякое логическое разсужденіе должно сокрушиться, разсыпаться въ облако пыли отъ удара чародѣйскаго ел жезла. Почти всѣ писатели сочли необходимымъ повергнуть къ ступенямъ ел алтаря пріятное боже-ству жертвоприношеніе, — хоть пару Историческихъ Романовъ. Теперь уже не время разсуждать о дог-матѣ, когда вѣра восторжествовала. Дѣло соверши-лось: у насъ пишутся и читаются Историческіе Ро-маны, и мы уже должны разсматривать ихъ, какъ фактъ, не какъ начало. Всякъ хозяинъ своей воли: никто не имѣетъ права обвинять автора, почему на-писалъ онъ Историческій Романъ, а не что нибудь другое. Онъ написалъ, и мы должны принять, чи-тать и разсматривать его, какъ Историческій Романъ, съ тою же чистотою намѣренія, какъ бы мы напи-сали его сами.

Ни какой Романъ, быть-можетъ, не заслуживаетъ двухъ листовъ серіознаго разбора, исключая Философ-скій; но всякой Романъ Булгарина безъ сомнѣнія стоитъ этого пожертвованія со стороны Русской печати, ко-торая обязана нынѣшнейю своею жизнію сочине-ніямъ этого писателя. Безъ его «Ивана Выжигина» Богъ-вѣсть гдѣ бы мы еще были съ нашею прозою и съ нашими Романами. Онъ разбудилъ у насъ вкусъ къ чтенію, сладостно засыпавшій на по-слѣднихъ страницахъ Карамзина. «Иванъ Выжи-гинъ» была первая книга, которую прочитали, — про-читали всю до ижицы, измяли, изорвали, разнесли по листкамъ. Необыкновенный его успѣхъ расшевел-илъ публику и перья. Я говорю здѣсь не о вну-

треннемъ достоинствѣ сочиненія, а только о событіи, котораго никто, взявшись чистою рукою за совѣсть, не можетъ оспаривать. Булгаринъ, какъ писатель, будетъ всегда занимать высокое мѣсто въ Исторіи нашей Словесности, что бы ни говорила современная Критика: онъ оказалъ великія услуги Литературѣ, и не признавать ихъ было бы неблагодарно.

Не входя въ разборъ прежнихъ его Романовъ и не унижая ихъ достоинства, скажу откровенно, что послѣднее его сочиненіе, «Мазепа», есть гораздо болѣе Романъ, нежели оба его «Выжигина» и его «Самозванецъ». «Мазепа» неоспоримо Романъ: огромная масса воображенія брошена въ грудь занимательныхъ историческихъ фактовъ; множество драматическихъ эффектовъ и прекрасныхъ художественныхъ соображеній разсыпано почти съ избыткомъ, съ роскошью, по разнымъ частямъ плотно сжатого предмета; содержаніе повѣсти основано на сильномъ, отлично изящномъ помыслѣ.

Авторъ доказалъ умъ свой въ многочисленныхъ произведеніяхъ своего ловкаго и послушнаго воображенію пера, но я его поддѣну: я сяду за собственнымъ же его умомъ, какъ за щитомъ, и оттуда выскажу ему, вмѣстѣ съ должною похвалою, всю святую правду. Если онъ разсердится, я схвачусь обѣими руками за его умъ, и буду закрываться имъ отъ ударовъ. Но онъ знаетъ, что въ Словесности цѣль безусловно образцовыхъ твореній, chefs-d'oeuvre: есть только книги, заключающія въ себѣ большее число красотъ и меньшее число недостатковъ.

Мазепа въ молодости своей пользовался нѣжнымъ расположеніемъ одной замужней Польки: не знаю, историческое ли это, — но оно весьма похоже на доисторическую Исторію. Связь ихъ была открыта мужемъ. Мазепа бѣжалъ въ Запорожье, замужня

Полька бѣжала отъ мужа, — въ Польшь, кажется, это не безъ примѣра; она, какъ обыкновенно водится, не оставила домашнему тирану, вздумавшему разсердиться за подобную бездѣлицу, драгоценнаго сокровища, которое вовсе ему не принадлежало, — сына, похожаго какъ двѣ капли воды на Мазепу. Пробираясь въ Малороссію съ этимъ сокровищемъ, она ночевала въ корчмѣ. Палѣй съ своею вольницею напалъ на корчму, и сжегъ зданіе вмѣстѣ съ Жидами. Мать ребенка спаслась; дитя было найдено подъ лѣсомъ, и Палѣй взялъ его къ себѣ. Онъ назвалъ его Огневикомъ, воспиталъ въ Польшь у Іезуитовъ для письменныхъ дѣлъ, и любилъ какъ сына. Изъ подобранаго подъ лѣсомъ ребенка выросъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ Казаковъ, дерзкій, храбрый, миловидный, образованный. Мать его соединилась съ своимъ любовникомъ, Мазепою, подарила его въ замѣнъ пропавшаго сына дочерью, Наталією, которую тайно воспиталъ онъ въ Варшавѣ, и умерла. Кстаті: на затерянномъ сынкѣ остался образъ, данный Мазепою его матери, и который Огневикъ носилъ всю жизнь, какъ залогъ таинственнаго своего происхожденія.

Теперь Мазепа уже Гетманъ Малороссіи, Князь, любимецъ Петра Великаго, и мечтаетъ быть независимымъ властелиномъ. Наталія, уже взрослая красавица, возвратилась къ нему изъ Варшавы, и живетъ скрытно въ его домѣ, — почему скрытно, я не такъ-то хорошо понялъ: но это бездѣлица! Измѣна бродитъ въ его сердцѣ: онъ тайно приготовляетъ средства, клонитъ дѣла, ведетъ умы къ этой цѣли, и на каждомъ шагѣ боится быть открытымъ. Съ той же минуты справедливый гнѣвъ Неба начинается преслѣдовать вѣроломнаго и коварнаго честолюбца разными семейными несчастіями и ужасами, какъ бы для того, чтобъ усовѣститъ измѣн-

ника, и остановить въ душѣ его великое злодѣяніе, которое онъ уже умышляетъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго погруженія его въ безчестный замыселъ, самая судьба, слѣдуя неисповѣдимымъ видамъ Провидѣнія, дивнымъ образомъ помрачаетъ и путаетъ кровныя связи, чувства и обязанности членовъ семейства, которое въ своемъ лонѣ скрываетъ клятвеннопреступника и предателя своего отечества. Мысль высокая, достойная величайшаго таланта! Огневикъ, любимецъ, другъ и Секретарь Палѣя, смертельнаго врага Мазепы, познакомился съ Наталією въ Польшѣ: онъ не знаетъ, что она ему сестра, и страстно въ нее влюбляется. Наталія тоже любитъ Огневику. Молодой человѣкъ находится въ домѣ Мазепы, по-видимому съ предложеніемъ мира и покорности отъ имени своего начальника, но въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ похитить Наталію, освободить ее изъ рукъ ненавистнаго и презираемаго имъ человѣка, котораго подозреваетъ онъ въ умыслѣ пожертвовать невинною дѣвушкою своему сладострастью, не зная, что она его дочь. Огневикъ пойманъ ночью въ коридоръ, почти у дверей комнаты, гдѣ Мазепа совѣщался съ своими приближенными объ измѣнѣ. Гетманъ пораженъ страхомъ. Онъ притворнымъ великодушіемъ обезоруживаетъ Огневику, который защищался въ коридорѣ отъ тѣлохранителей Гетмана, и поверженъ имъ въ подземелье. Мазепа увѣренъ, что молодой Казакъ подосланъ Палѣемъ, чтобъ умертвить его, и подвергаетъ несчастнаго пыткѣ, — пыткѣ, собственнаго своего сына!

— «Ты долженъ непременно сказать, зачѣмъ вошелъ въ домъ мой ночью,» сказалъ Мазепа. «Въ противномъ случаѣ то, что ты называешь правдивымъ сознаніемъ, еще болѣе навлекаетъ на тебя подозрѣніе въ зломъ умыслѣ. Говори!....»

— «Это моя тайна,» отвѣчалъ Огневикъ: «и если бь ты

могъ превратить въ жизнь каждую каплю моей крови, и каждую изъ сихъ жизней исторгаль въками мученій, то и тогда не узнаешь ничего. Вотъ я безоружный передъ тобой!.... Рвѣжь меня на части..... тайна моя ляжетъ со мной въ могилу!....»

— «Заставь его говорить, Орликъ!» сказалъ ладнокрово Мазепа, сложилъ руки крестомъ на костыль, и опершись на него подбородкомъ, потупилъ глаза.

— «На встряску его!» сказалъ грозно Орликъ. Клевреты Гетмана потащили Огневику на средину погребѣ, сорвали съ него одежду и обнажили до пояса. Послѣ того повалили его на полъ, привязали руки къ желѣзному кольцу, а ноги къ двумъ деревяннымъ толстымъ отрубкамъ, продѣли веревку отъ кольца, къ которому привязаны были руки страдальца, въ кольцо, прибитое къ потолку, и ожидали дальнѣйшаго приказанія.

— «Скажешь ли правду?» возопилъ Орликъ, бросивъ гнѣвный взоръ на страдальца.

— «Я все сказалъ вамъ, что знаю и что могъ высказать,» отвѣчалъ Огневикъ: «и вы ничего не услышите болѣе отъ меня, кромѣ проклятій, вамъ, изверги!....»

— «Поднимай!» закричалъ Орликъ, ударивъ кулакомъ по столу. Два дюжѣ Сердюка и Татаринъ ухватились за конецъ веревки и стали тянуть медленно до тѣхъ поръ, пока страдалецъ не поднялся на рукахъ до того, что чурбаны, привязанные къ ногамъ, чуть дотрогивались до полу. Тогда удвоивъ усилія, они, по условленному знаку, дернули вдругъ за веревку. Всѣ члены страдальца хруснули въ составѣхъ, и онъ повисъ на рукахъ. Положеніе его было ужасно! Всѣ жилы вытянулись въ немъ до такой степени, что одна не полопалась. Истощенныя силы несчастнаго узника не могли выдержать сего внезапнаго напряженія. Сперва лице его покраснѣло, и вдругъ онъ поблѣднѣлъ какъ трупъ, глаза его закатились, голова перевалилась назадъ и кровь хлынула изъ рта и изъ носа..... Онъ дышался чувствъ.

• Мазепа сидѣлъ во все это время въ безмолвіи, потупя глаза, и, казалось, ожидалъ воплей страдальца, чтобъ возобновить вопросы. Но, не слыша ни какого звука, онъ под-

налъ голову, и, увидѣвъ Огневика безъ чувствъ облитого кровью, оборотился къ Орлику и сказалъ по-Латыни, хладнокровно: «Видишь ли, что нашъ Докторъ правъ! Онъ сказалъ, что гораздо лучше пытать чело­вѣка сильнаго и здороваго, нежели истощеннаго, увѣряя, что чѣмъ чело­вѣкъ здоровѣе, тѣмъ болѣе можетъ выдержать мученій и, притомъ, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ боль. Вотъ тебѣ наука, Орликъ! Ну, что теперь намъ съ нимъ дѣлать?»

— «Я не перемѣняю моего мнѣнія, ясновельможный Гетманъ!» отвѣчалъ Орликъ, также по-Латыни. «Мнѣ кажется, что лучше всего будетъ, если мы избавимся отъ него поскорѣе. Велите придавить его, да и въ землю!»

— «Для этого не стоило бы и начинать дѣла,» возразилъ Мазепа. «Нѣтъ, я непремѣнно хочу, во что бы ни стало, извлечь изъ него эту тайну. Тутъ должно крыться что нибудь весьма важное! Одно средство не удалось, попробуемъ другое. Вылечимъ его, выкормимъ, заставимъ полюбить пріятности жизни, — и тогда снова въ шттку..... Сня­мите его!» примолвилъ онъ по-Русски.

Истязатели опустили веревки, и несчастный упалъ, какъ трупъ, на землю. Мазепа всталъ съ кресель, приблизился къ нему, положилъ руку свою на его сердце и сказалъ: «Онъ живъ еще. Развяжите ему руки и ноги, а ты, Ковдаченко, подай воды и уксусу....» —

Вдругъ въ коридорѣ послышались быстрые шаги, дверь съ трескомъ отворилась, и въ погребъ вбѣжала, опрометью, женщина. Она остановилась, вскрикнула, бросилась стремглавъ къ Огневику, и, припавъ къ нему, обняла его, и, прижавшись лицомъ къ его лицу, оставалась неподвижно въ семъ положеніи, не вымолвила ни слова, не взглянула на сторону. Только, по сильному волпенію груди и по тяжкому дыханію, примѣтна была въ ней жизнь.

Мазепа стоялъ надъ трупомъ, какъ громомъ пораженный. Смертная блѣдность покрыла лице его, костыль дрожалъ въ рукѣ, и онъ смотрѣлъ на молодую женщину дикимъ взоромъ, въ которомъ попеременно изображались то злоба, то состраданіе. Наконецъ онъ оборотился къ Орлику, посмотрѣлъ на него значительно, покачалъ головою, и

горько улыбнулся дрожащими устами. Орликъ пожалъ плечами и молчалъ.

— «Тайна открыта, Орликъ!» сказалъ Мазепа: «но пытку суждено выдержать *милъ*! Ни какія мученія не сравнятся съ тѣмъ, что я чувствую теперь въ душѣ моей!..... Въ ней цѣлый адъ!... Наталія!... Наталія!... Опомнись!» примолвилъ онъ тихимъ, прерывающимся голосомъ.

Молодая женщина, казалось, не слышала словъ его, и не перемѣняла своего положенія.

— «Наталія!» сказалъ Гетманъ ласково: «отойди отъ него, дай намъ помочь ему.... Ты убьешь его, если не допустишь насъ помочь ему.» —

Молодая женщина подняла голову, осмотрѣлась кругомъ и, оставивъ блуждающій взоръ на Мазепу, сказала тихо: «Ты убилъ его.... Ты убилъ моего жениха!....»

— «Твоего жениха!» воскликнулъ Мазепа. «Орликъ, слышишь ли?» примолвилъ онъ голосомъ отчаяннѣя.

Молодая женщина быстро приподнялась; блѣдное лице ея покрылось пламеннымъ румянцемъ; она одной рукой держала безчувственную руку Огневика, а другой вынула ножъ изъ за пазухи и сказала тихимъ, но твердымъ и спокойнымъ голосомъ: «Гетманъ! Эта кровь погасила въ душѣ моей всѣ прежнія чувства къ тебѣ, и искупила долгъ мой. Теперь я свободна, и не признаю твоей власти надо мною! Ты призрѣлъ меня, сироту, заступалъ мѣсто отца, воспиталъ, хотя въ чужой сторонѣ, но съ родительскимъ попеченіемъ, и я ежедневно молилась за тебя, какъ за моего благодѣтеля. Однимъ ударомъ ты разрушилъ свое созданье, и убивъ того, кого я любила болѣе жизни, болѣе счастья, ты произнесъ мой смертный приговоръ.... Ты любишь кровь... насладись кровью!..» При сихъ словахъ она замахнулась на себя ножомъ; но Кондаченко, стоявшій рядомъ съ нею, схватилъ ее за руку и вырвалъ ножъ.

— «Наталія! ради Бога, успокойся!» воскликнулъ Мазепа въ отчаянствѣ. «Этотъ человекъ не убить, онъ живъ.... онъ будетъ живъ!... Помогите ему!» примолвилъ онъ: «Орликъ, помоги ему! Бѣгите за Докторомъ! О, я несчастный!» — Мазепа подошелъ къ Наталіи, взялъ ее за руки своими дрожащими руками, и, смотря на нее съ пѣжностью, па-

блюдалъ всѣ ея движенія. Между тѣмъ Орликъ послалъ за Докторомъ тюремщика, стоявшаго за дверями, и велѣлъ оттирать Огневику уксусомъ и спиртами, которые принесены были прежде, какъ принадлежности пытки.

Наталиа стояла неподвижно; глаза ея были красны, но въ нихъ не видно было слезъ, и въ чертахъ лица ея замѣтно было какое-то отчаянное хладнокровіе. Она пристально смотрѣла на безчувственного Огневика и не отвѣчала Мазепѣ.

Вдругъ Огневикъ открылъ глаза и вздохнулъ. Наталиа мгновенно вырвалась изъ рукъ Мазепы, бросилась снова къ Огневику, стала предъ нимъ на колѣни, взяла его за руки, и съ трепетомъ смотрѣла ему въ лице, какъ будто желая уловить первый взглядъ его. «Богданъ, милый Богданъ!» сказала она пѣжно: «взгляни на меня! Это я.... твоя Наталиа! Они не убьютъ тебя!....»

Этотъ голосъ проникъ до сердца Огневика, и возбудилъ въ немъ угасающую жизнь. Онъ пришелъ въ чувство, и устремивъ взоръ на Наталью, пожалъ ей руку. — «Теперь смерть будетъ сладка,» сказалъ онъ слабымъ голосомъ: «я видѣлъ тебя..... Пусть они убьютъ меня..... Смерть лучше разлуки!....»

— «Они не разлучатъ насъ,» сказала Наталиа: «мы умремъ вмѣстѣ, если не можемъ жить другъ для друга. Богданъ! съ этой минуты мы неразлучны!....»

Каждое нѣжное слово, каждая ласка Натальи, обращаемая къ Огневику, уязвляли сердце Мазепы. Онъ молчалъ, и смотрѣлъ на любовниковъ, какъ смотритъ змѣй, изъ желѣзной кѣтки, на недосыгаемую добычу. Страшно было взглянуть на Гетмана! Посинѣлыя губы его и навислыя брови судорожно шевелились; на блѣдномъ лицѣ мгновенно показывался румянецъ и снова исчезалъ; глаза пылали. Между тѣмъ пришелъ Патеръ Заленскій съ стклянками и перевязками, и, не говоря ни слова, сталъ натирать и перевязывать Огневика.

— «Наталя!» сказалъ наконецъ Мазепа: «тебѣ не прилично быть здѣсь. Ступай въ свои комнаты, я велю перенести твоего друга въ верхнее жильѣ, и ты сама станешь ухаживать за нимъ.» —

Наталя оглянулась и смотрела на Мазепу съ удивленіемъ, какъ будто не доверяя своему слуху.—«Ты позволишь мнѣ ухаживать за нимъ? Ты не запрешь его въ темницу? О мой благодѣтель, мой отецъ!» воскликнула она и бросилась къ ногамъ Гетмана.

Наталя тогда сама еще не знала, что она дочь этого изверга. Но тайна скоро объяснилась. Гетманъ, не видя другаго средства и мучимый подозрѣніями, соглашается отдать дочь свою за Огневика, воспламеняетъ его любовью къ старинной свободѣ Малороссіи, и хочетъ употребить орудіемъ къ достиженію своей преступной цѣли. Казакъ, обольщенный старымъ хитрецомъ, предается ему душою и тѣломъ; онъ будетъ его зятемъ; онъ беретъ на себя примирить его съ Палѣемъ, своимъ благодѣтелемъ, почти отцемъ. Онъ ихъ примиряетъ, и невинно погубляетъ своего благодѣтеля. Палѣй вѣроломно схваченъ во время бала, даннаго Мазепою въ Бердичевъ по случаю благополучнаго примиренія: его опоили опиумомъ, и, спящаго, ночью, перенесли въ католическій монастырь, спустили въ погребъ, находящійся подъ церковью, заперли въ гробъ. Мазепа весьма искусно приготовилъ было погибель и своему зятю, Огневику; но Марія Ломтиковская, хитрая, огненная и мстительная женщина, нѣкогда обольщенная развратнымъ Гетманомъ, а теперь служащая ему шпионкою, спасла его по поводу нѣжнаго расположенія, которое питала она къ удалому Казаку — красавцу. Она доставила ему средство проникнуть въ ту же ночь въ монастырь и повидаться съ Палѣемъ, котораго характеръ, дикій, бурный, хищный и вмѣстѣ весьма благородный, обрисованъ авторомъ съ удивительнымъ искусствомъ: это типъ страшнаго гайдамака, созданный въ минуту свѣтлаго вдохновенія.

Въ крѣпкомъ, новомъ дубовомъ гробѣ лежалъ несчастный Палѣй на спинѣ, окованный крѣпко по рукамъ и по ногамъ.

Крыша на гробъ была отодвинута на столько, чтобъ узникъ могъ дышать свободно. Огневикъ, взглянувъ на Палгя, не могъ удержаться, и въ первый разъ въ жизни зарыдалъ. Поставивъ фонарь, онъ сбросилъ крышу съ гроба, и прижался лицомъ къ лицу своего благодѣтеля, орошая его своими горячими слезами.

— «Ты плачешь!» сказалъ Палгй. «И такъ ты не измѣнилъ мнѣ!»

— «Неужели ты могъ подумать это, мой благодѣтель, мой отецъ?» возразилъ Огневикъ, рыдая.

— «Думалъ и вѣрилъ, потому, что ты меня довелъ до этого своими совѣтами.....»

— «Я былъ обмануть, опутанъ, ослѣпленъ любовію.....» сказалъ Огневикъ, утирая слезы.

— «Постой!» сказалъ Палгй. «Если ты не причастенъ Мазепинымъ кознямъ, то какимъ же образомъ ты попалъ сюда?»

Огневикъ рассказалъ ему подробно все случившееся съ нимъ съ самаго выѣзда изъ Бердичева.

— «Что жъ ты думаешь дѣлать?» спросилъ Палгй.

— «Пойду къ Царю, брошусь ему въ ноги, открою измѣну Мазепы, и буду просить твоего освобожденія.»

— «Мазепа не допуститъ, чтобъ Царь судилъ меня,» сказалъ Палгй. «Онъ хочетъ потѣшиться надъ моимъ тѣломъ и замучить меня до смерти. Если ты мнѣ вѣренъ и благодаренъ за мое добро, исполни сейчасъ волю мою и убей меня! Вотъ все, чего я требую отъ тебя, за мою любовь и попеченія о тебѣ! Не дай злодѣямъ ругаться надъ твоимъ батькою!»

— «Зачѣмъ ты хочешь лишать себя жизни?» возразилъ Огневикъ. «Марія знаетъ всѣ замыслы Мазепы, и клянется, что онъ не смѣетъ, и даже не хочетъ, покуситься на жизнь твою, а лишь только передадутъ тебя Русскимъ властямъ, спасеніе твое вѣрно. Царь любитъ правду, а я всѣмъ пожертвую, чтобъ довести правду до ушей Царскихъ.»

— «Ничему не вѣрю и ничего не надвюсь! Если ты вѣренъ мнѣ и меня любишь, — убей меня!» сказалъ Палгй. «Неужели тебѣ не жалко смотрѣть на меня, лежащаго за-

живо во гробъ, во власти сатаны, и стоять ли нѣсколько лѣтъ жизни, чтобъ для нихъ терпѣть эти мученія!»

— «Если бъ я даже хотѣлъ исполнить твою волю, то у меня нѣтъ оружія,» сказалъ Огневикъ.

— «А развѣ у тебя нѣтъ рукъ?» возразилъ Палый. «Задуши меня, и всему конецъ!» При сихъ словахъ Палый сдвинулся протянуть шею.

— «Нѣтъ, я не въ силахъ выполнить это!» сказалъ Огневикъ отчаяннымъ голосомъ. «Еще бъ я могъ, отворотясь, пустить пулю, но наложить на тебя руки, — никогда! Не могу!.....»

— «Баба!» примолвилъ Палый: «Я задушилъ бы роднаго отца, весь родъ мой и племя, если бъ только этимъ можно было избавить ихъ отъ позора и мученій. Задуши меня, или я прокляну тебя!»

— «Дѣлай, что хочешь, но я не подниму на тебя рукъ, и потому даже, что надѣюсь видѣть тебя скоро свободнымъ, въ славу и силу, а общаго нашего врага въ униженіи и на плахъ. Скрѣпи сердце, батько, вытерпи бѣду, и живи для мести. Завтра повезутъ тебя въ Кіевъ, завтра я буду на пути къ Царю!»

— «Не хочешь убить меня, такъ убей тотчасъ Мазепу!» сказалъ Палый.

— «Это тебѣ повредить. Тогда не будетъ надежды на твое освобожденіе. Злодѣй умретъ мученикомъ, а всю вину свалить на тебя!»

— «Какая нужда! Убей сперва меня, потомъ Мазепу, и дву конецъ!» сказалъ Палый.

— «Конецъ этого дѣла долженъ быть во славу твою и къ стыду изверга, Мазепы. Онъ долженъ пасть отъ руки палача, а не отъ моей!» отвѣчалъ Огневикъ.

— «Богъ съ тобой! дѣлай, что хочешь, и оставь меня въ покоѣ. Вижу, что въ тебѣ не Украинская кровь!»

— «Я несу въ жертву жизнь мою за тебя и за Украину!» возразилъ Огневикъ.

— «А не можешь отнять жизни у человѣка, который просить тебя объ этомъ! Дитя! баба!»

— «Потому, что эта жизнь дорога мнѣ и цѣлой Украинѣ.....»

— «Довольно! Ступай съ Богомъ, да смотри жъ, накажи дѣткамъ, чтобъ они не поддавались въ Бѣлой-Церкви! Кто молодець, тотъ умри на стѣнѣ, а кому охота жить, ступай на Запорожье. Поклонись женѣ, скажи мое благословеніе дѣткамъ..... Поблагодари хлопцевъ за вѣрную службу.... Прощай!.....» Глаза Палѣя были красны, но онъ не могъ пролить слезъ. Онъ только вздохнулъ. «Мнѣ тяжело съ тобой, Богданъ! Сердце ноетъ..... Ступай, куда Богъ ведетъ тебя!»

Огневикъ сталъ при гробѣ на колѣни и сказалъ : «Благослови меня!»

— «Богъ благословитъ тебя, дѣтя мое!» примолвилъ Палѣй. «Вѣрю, что ты не измѣнилъ мнѣ, и прощаю тебѣ неумышленную бѣду! Берегись бабъ! Вотъ видишь, къ чему ведетъ ваша глупая любовь! Прощай, Богданъ; мнѣ грустно смотрѣть на тебя! Можешь, — освободи, а не можешь, — сгомсти!»

— «Клянусь!» сказалъ Огневикъ.

— «Вѣрю,» отвѣчалъ Палѣй.

Огневикъ еще разъ поцѣловалъ Палѣя.

Онъ летитъ въ Петербургъ, тогда только-что возникающій изъ болотъ туманной Ингрин, и подаетъ Царю доносъ на Мазепу, но Гетманъ опередилъ его въ этомъ дѣлѣ: по его обвиненію, Палѣй уже заточенъ въ Сибирь, и Огневикъ, за свой дерзкій поступокъ, написанъ въ матросы; но его воля, — ибо онъ узналъ объ отъѣздѣ молодаго Казака въ новую столицу Съвера, та же самая Ломтиковская уже послана за нимъ въ погоню съ приѣмомъ яду, который ослабленный гнѣвомъ Божиимъ честолюбецъ самъ вручилъ ей — для своего сына!.....

Наушница гнуснаго, но еще могущественнаго, клятвопреступника, имѣетъ въ своихъ рукахъ жизнь любовника бѣдной Наталин, и даритъ его жизнию по причинѣ..... Ну, право, я желалъ бы, чтобъ это было по причинѣ, нѣсколько благороднѣйшей! Авторъ добровольно упустилъ изъ рукъ высокій драматиче-

скій интересъ, не давъ Ломтиковской прекрасной женской души, стыдливой, слабой, чувствительной, чувствующей свое несчастіе по природному влеченію къ добродѣтели, среди порока ненавидящей Мазену за его порочное сердце, и спасающей его жертвы только въ отомщеніе ему за собственное свое погубленіе. Какъ бы то ни было, Огневикъ уходитъ съ своею покровительницею изъ Кроншта-та въ Малороссію, гдѣ, при пособіи Ломтиковской, онъ навѣрное надѣется похитить Наталію изъ Бахмачскаго замка. Уже все устроено къ ея побѣгу, уже любовникъ ожидаетъ ее ночью въ условленномъ мѣствѣ, уже она потихоньку выходитъ въ садъ, когда Мазена, наблюдавшій всѣ ея движенія, поймалъ ее за руку, повелъ наверхъ въ покои, и, для большей безопасности, заперъ до завтра въ своей кладовой. Въ ту же минуту честолюбецъ узнаетъ, что его измѣна сдѣлалась извѣстною Русскимъ, и что самъ онъ въ опасности. Онъ принужденъ внезапно оставить Бахмачъ, и уѣзжаетъ, забывъ о дочери, запертой въ кладовой. Мазена присоединился къ Шведамъ. Огневикъ старается собрать отрядъ бывшихъ Палѣевскихъ Казаковъ, чтобъ взять приступомъ замокъ. Онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи, овладѣлъ Бахмачемъ, но въ замкѣ никто не знаетъ о Наталіи: онъ ищетъ ея по всѣмъ комнатамъ, ломаетъ двери, вторгается въ кладовую, и видитъ на полу бездыханный трупъ своей возлюбленной, — она умерла голодною смертію! — собственный ея отецъ, извергъ, честолюбецъ, убилъ ее!..... Его измѣна, его мѣроломство убило, его рукою, то, что онъ такъ любилъ, что обожалъ онъ выше всего въ мірѣ!.....

Несчастный Огневикъ лишается ума: въ припадкѣ сумасбродства, бѣшенства, онъ хватаетъ изсохшій трупъ Наталіи, вскакиваетъ на коня и несется съ нимъ въ степи. Онъ тогда только остановился, когда

лошадь его пала подъ нимъ мертвою. Въ этомъ мѣстѣ будетъ ея могила; въ этомъ лѣсу, на этой могилѣ, будетъ жить и умереть тотъ, который жилъ только ея душою.....

Спустя нѣсколько времени, онъ однако жъ узналъ о возвращеніи Палѣя въ Украину. Любовь къ старому другу, благодѣтелю, оживила истерзанное его сердце. Онъ рѣшается оставить могилу своей невесты, но для того только, чтобъ убить Мазепу. Онъ ищетъ его въ сраженіяхъ, ищетъ повсюду, и не находитъ. Уже Мазепа въ Турціи; уже слышится онъ, какъ на родной его землѣ раздаются страшные звуки церковнаго проклятiя измѣннику; уже всѣ его мечты и надежды исчезли: онъ испилъ чашу срама и горя, и только остается ему освѣжить клятвопреступныя уста нектаромъ духовнаго покаянiя, но — и въ этой сладости будетъ ему отказано. Удрученный болѣзнію, онъ лежитъ одинъ въ своей комнатѣ: вдругъ является у его постели разъяренный мститель, — Огневикъ, котораго Мазепа, какъ онъ въ томъ былъ увѣренъ, давно истребилъ съ лица земли. Съ кинжаломъ въ рукѣ пылкій сынъ степей грозно велитъ извергу выпить изъ его рукъ тотъ самый ядъ, который безсовѣстный честолюбецъ послалъ-было ему въ Петербургъ съ Ломтиковскою.

Мазепа взялъ стаканъ, дрожащею рукою, перекрестился, и, сказавъ: «Господи, да будетъ воля твоя!» — выпилъ ядъ.

Дрожь пробѣжала по всемъ жиламъ Огневика..... Онъ отворотился. Мазепа прилежъ на подушки, закрылъ глаза и молчалъ. — Огневикъ хотѣлъ выйти, но какая-то невидимая сила приковывала его къ ложу несчастнаго злодѣя.

Надъ изголовьемъ постели висѣлъ образъ, предъ которымъ теплилась лампада. Мазепа вдругъ открылъ глаза, и взглянувъ равнодушно на своего убійцу, сказалъ: «Дай живъ образъ! Я хочу приложиться».....

Огневику надлежало бы стать на кровать, чтобъ снять со стѣны образъ. Онъ разстегнулъ кафтанъ, сорвалъ съ груди своей образъ, и, подавалъ его Мазепѣ, сказавъ: «Молись и кайся!»

Мазепа перекрестился, поднесъ образъ къ устамъ, и вдругъ поднялся, устремилъ на Огневика пламенный взоръ и сказавъ дрожащимъ голосомъ: «Откуда ты взялъ этотъ образъ?»

Страшная загадка скоро объяснилась еще къ большому несчастію убійеннаго и убійцы. Мазепа узналъ въ Огневикѣ своего Богдана, своего потеряннаго сына!.....

Онъ испустилъ безобразную душу, обливая слезами косу изъ волосъ Наталіи, которую носилъ при себѣ его Богданъ.

«На третій день, когда собирались хоронить Мазепу, найдено тѣло Казака, выброшенное волнами на берегъ. Орлякъ узналъ въ утопленникѣ — Огневика!»

Надлежало бы напередъ явно отказаться отъ всякаго притязанія на литературную совѣсть, чтобъ смѣть сказать, что этотъ такъ смѣло задуманный, такую возвышенною Философіею, такою нравственностью напечатлѣнный, вымыселъ не принадлежитъ къ красотамъ перваго разряда въ области Изящнаго. Не только въ Русской, но и въ другихъ Словесностяхъ, мало знаю я Романовъ, идея которыхъ была бы столь сильна и блистательна, Но я далъ только бѣглый очеркъ основанія книги: прибавьте къ нему характеръ Мазепы, развернутый во всю длину разсказа съ примѣчательнымъ могуществомъ мысли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и выраженія; характеръ нѣмаго Татарина, вѣрнаго клеветы Мазепина, истиннаго злаго духа въ образъ человѣческомъ; множество счастливыхъ картинъ и эпизодовъ, которыми вообще изобилуютъ Романы этого автора; мно-

жество ловко схваченныхъ чертъ народныхъ обычаевъ, — и вы согласитесь со мною, что не всякой изъ насъ выдумаетъ такой Романъ, какъ «Мазепа». Я укажу въ особенности на сцену между Мазепою и Ломтиковскою, гдѣ льстивая наушница говоритъ ему: «Вѣдь Панъ Гетманъ одинъ на свѣтъ, какъ солнце!» — Мнѣ кажется, что я самъ слышалъ эти слова! Укажу на картину военного совѣта Польскихъ Пановъ, гдѣ всѣ они поклялись честнымъ словомъ безпрекословно повиноваться жребію въ томъ, кто долженъ оставаться въ замкѣ, а кто ѣхать на поискъ Палъевой шайки, и гдѣ Панъ Дорошинскій, когда вынули его имя, кричить: «Протестую!..... не соблюдены надлежащія формы!..... протестую! отлагаюсь!» — Въ одномъ этомъ словѣ заключается вся Исторія Польши! Укажу еще на потѣху Палъевой вольницы съ жидомъ; на превосходный эпизодъ страшнаго Палъя съ съдыми, полуаршинными усамы, внезапно вскакивающего съ толпою головорезовъ чрезъ окна, ночью; во время веселаго ужина, въ замкъ Пани Дульской, которая, на колѣняхъ передъ свирѣпымъ наѣзникомъ, въ слезахъ, въ отчаяніи, умоляетъ его жалобнымъ голосомъ: «Пане Гетмане! будь великодушенъ столько же, какъ ты храбръ и счастливъ! пощади жизнь нашу! сжался надъ слабыми, безвинными женщинами! возьми себѣ всѣ наши сокровища, только отпусти насъ!» — Укажу еще на описаніе ярмарки въ Бердичевѣ, бала у Мазепы, встрѣчи Ломтиковской съ настоятелемъ Кармелитскаго монастыря, и проч., и проч. Этихъ красотъ, безъ-сомнѣнія, довольно для одной книги. Теперь посмотримъ другую сторону медали.

Новое сочиненіе автора «Ивана Выжигина» не чуждо важныхъ погрѣшностей въ нѣкоторыхъ частяхъ созданія и, еще болѣе, выполненія: почтиаю долгомъ обнаружить ихъ столь же откровенно,

какъ и все достойное похвалы, для пользы самаго Художества, съ тою строгостью критики, которую заслуживаетъ дарованіе высшаго разряда.

Женщины автора — почти не женскаго рода! Наталья существо безцвѣтное и незанимательное: она ничѣмъ не возбуждаетъ приверженности въ читатель, тогда, какъ весь интересъ повѣсти долженствовалъ бы сосредоточиваться на ней и на Огневикѣ. Холодность наша къ ней весьма опасна и для успѣховъ ея любовника: онъ много теряетъ въ нашемъ сочувствіи единственно отъ того, что предметъ его любви не заслуживаетъ нашего вниманія. Слѣдовало тронуть насъ ея добродѣтелями, ея страданіями, ея добротою, — тогда мы иначе смотрѣли бы на все, имѣющее связь съ ея сердцемъ и судьбою. Книгиня Дульская кокетка, — это правда; но я не вижу въ ней женщины: это лице дипломатическое, составленное изъ одной наружности. Авторъ напрасно пренебрегаетъ внутреннюю драму женскаго сердца, самымъ обильнымъ источникомъ тонкихъ наблюденій для Романиста и очарованія для читателей. Что касается до Ломтиковской, то ея характеръ выходитъ изъ предѣловъ всѣхъ нравственныхъ вѣроятностей, и я очень сожалею, что она въ цѣломъ Романѣ не осталась такою, какою явилась въ первомъ разговорѣ своемъ съ Мазепою. Тамъ она была женщина, естественная, простая, немножко лукавая, очень любопытная — совершенная женщина въ своемъ родѣ и сообразно съ своимъ званіемъ. Далѣе, она вдругъ превращается въ «пламенную душу», въ жидовку, воспитанную отличнымъ образомъ, просвѣщенную, съ страшнымъ умомъ и высшимъ взглядомъ, проглотившую всѣ науки и желающую проглотить еще Огневика. Она все знаетъ; всѣ заговоры и помышленія, въ Великороссіи, Малороссіи и Польшѣ, ей извѣстны: жена простаго казачьяго

урядника, она въ связяхъ съ Петербургскими вельможами; для нея нѣтъ ничего невозможнаго въ свѣтъ. Подобныя лица, не спорю, весьма удобны для Романиста: но гдѣ они въ дѣйствительномъ свѣтъ? Если и существуютъ на землѣ, то и тамъ они не правдоподобны. Спасши Огневика отъ гибели, приготовленной ему Мазепою, она безъ чиновъ сама приступаетъ къ любовному изъясненію: по ея словамъ, она горитъ, въ ней пылаетъ адъ, сердце ея вырывается изъ груди. Молодой человекъ влюбленъ въ Наталію: нужды нѣтъ! — она не ревнуетъ его къ ней, не ненавидитъ своей соперницы: даже согласна пособлять имъ въ нѣжныхъ сношеніяхъ! Огневикъ предлагаетъ ей свою признательность; она отвѣчаетъ:

— «Этого для меня мало! будь моимъ, и люби себя Наталію, люби изъ-за меня! Я победила силою ума предразсудки общежитія, но не могу победить страсти моей къ тебѣ, Богданъ! Я люблю тебя, люблю со всемъ бышествомъ, со всемъ изступленіемъ страсти; мучусь, терзаюсь съ той самой минуты, какъ увидѣла тебя, и пока руки мои не окрѣпнуть, прижимая тебя къ сердцу моему, пока я не вопьюсь въ тебя моими устами, пока не задохнусь дыханіемъ твоимъ, до тѣхъ поръ адское пламя, жгущее меня, не утихнетъ..... Богданъ! сжался надо мною.....»

— «Ты любишь Наталію!» сказала она потомъ: «какою любовью можетъ она заплатить тебѣ за твою страсть? Въ жилахъ всѣхъ Европейскихъ (?) женщинъ течетъ не кровь, а молоко, подслащенное изнѣженностью. Въ моихъ жилахъ льется пламя, а чтобъ согрѣть, смягчить душу богатырскую, расплавить въ роскоши тѣло, вмѣщающее въ себя сердце мужественное, нужно пламя адское, а не молочная теплота! Во мнѣ кипитъ цѣлый адъ, Богданъ; но чрезъ этотъ адъ проходятъ въ рай наслажденій!..... Будь моимъ на одинъ день..... ты не оставишь меня никогда..... забудешь Наталію!.....»

Такъ женщины не изъясняются и въ Гетманщинѣ. Пошадивъ жизнь героя, бывшую совершенно

въ ея власти въ Кронштатъ, она вторично вспыхиваетъ любовнымъ пожаромъ, и тутъ же — общается женить его черезъ четыре мѣсяца на Наталіи, но съ условіемъ, что теперь онъ будетъ принадлежать ей не на одинъ день, а на четыре мѣсяца, — до благополучнаго совершенія свадьбы! Замѣчательно, что въ то же самое время она имѣла любовную связь съ Орликомъ, который имѣлъ таковую же съ Княгиней Дульской, которая имѣла таковую же съ Понятовскимъ, который былъ влюбленъ въ Наталію, которая была влюблена въ Огневика, который, будучи влюбленъ въ нее безъ памяти, кажется, не представлялъ роли Юсифа съ огнедышащею жидовкою. Авторъ, быть-можетъ, понимаетъ любовь со-всѣмъ иначе, какъ другіе Романисты; но я могу его увѣрить, что ни одна читательница не станетъ покровительствовать его героя своимъ сочувствіемъ за его невѣрность къ Наталіи. Онъ провозгласитъ его измѣнникомъ, — хуже самого Мазепы!.... Женщины не прощаютъ подобныхъ вещей ни какому любовнику, — даже Казаку Запорожской Сѣчи.

Авторъ щедрою рукою расточилъ множество высокихъ драматическихъ положеній, но не всѣ они раскрыты въ приличной степени изящной отдылки, и отъ этого нѣкоторыя остались почти безъ эффекта. Онъ можетъ отвѣчать мнѣ на это, что онъ не любитъ подробностей: я покажу видъ, будто вѣрю его словамъ, но подумаю: полѣнился, почтеннѣйшій!.... По моему мнѣнію, для содержанія читателя въ безпрерывномъ ужасѣ, — ибо авторъ мѣтилъ, кажется, въ этомъ Романѣ на ужасъ въ новѣйшемъ вкусѣ, — слѣдовало съ самаго начала Романа сообщить намъ страшную тайну, что Огневикъ сынъ Мазепы: тогда, внушивъ намъ сильную приверженность къ Натальѣ, заставивъ насъ любить, обожать ее разделять всѣ ея чувствованія и надежды, терзаться при

ея страданіяхъ; онъ гораздо легче и вѣрнѣе производилъ бы надъ нами полныя, страшныя впечатлѣнія. Здѣсь надлежало быть откровеннѣе съ читателемъ; напротивъ, ничего не говорить впередъ о цѣли Памъевой экспедиціи и не открывать преждевременно ея плана, ибо чрезъ это послѣдствія заранее дѣлаются извѣстными и теряютъ свой эффектъ.

При такомъ обиліи красотъ созданія, погрѣшности этого рода часто остаются непримѣтными для огромнаго большинства читателей; но писатель съ такимъ умомъ и дарованіемъ, какъ Г. Булгаринъ, долженствовалъ бы обращать болѣе вниманія на художественную часть своихъ Романовъ, ибо объ ней почти всякой въ состояніи судить болѣе или менѣе, а люди, не умѣющіе постигать высшаго, творческаго отпечатка сочиненія, по ней обыкновенно судятъ о достоинствѣ цѣлой книги. Безспорно, что у насъ по сю пору едва ли не надобно ожидать выхода въ свѣтъ произведенія Г. Булгарина, чтобъ имѣть удовольствіе прочитать Романъ, написанный чистымъ, плавнымъ слогомъ, по которому глаза скользятъ ровно и пріятно, какъ лодка по теченію тихой рѣки, не опасаясь наткнуться на торчащіе изъ воды камни или състь на мель, гдѣ волны безвкусія, отягощенныя пѣною пошлыхъ выраженій, дразгами дикихъ и шероховатыхъ оборотовъ, могутъ поглотить — *pavem et fortunam*, — смѣлаго пловца и его наслажденіе. Но не въ томъ сила: чистота и пріятность слога не устраняютъ необходимости нѣкотораго тщанія въ отдѣлкѣ его согласно съ предстоящимъ предметомъ. Это замѣчаніе клонится въ особенности къ разговорамъ. Въ «Мазепѣ» есть множество страницъ, гдѣ разговоръ веденъ съ жаромъ, съ силою, съ искусствомъ; но встрѣчаются и такія, на которыхъ лица бесѣдуютъ безъ церемоніи книжнымъ, дидактическимъ слогомъ. Авторъ не всегда принимаетъ трудъ

разсудить, что было бы естественнѣе и согласнѣе со вкусомъ разсказать самому, а что объяснить посредствомъ разговора: утомясь повѣствованіемъ, онъ заставляетъ своихъ героевъ досказать остальное тѣмъ же тономъ, и кладетъ имъ въ уста слова и обороты, неупотребительные въ бесѣдахъ, или внушаетъ мысли, не совсѣмъ свойственныя ихъ званію и не весьма ловкія по положенію. *Сей, оный, а потому,* и проч., довольно часто наворачиваются имъ на языкъ, и эпическіе изустные рассказы, напоминающіе классическаго Энея и «добраго Короля» Генриха IV, не устрашаютъ ни ихъ самихъ, ни ихъ слушателей. Небрежность именно этой части отдѣлки даетъ готовое оружіе въ руки порицателямъ прекраснаго таланта автора: истинные и неприкосновенные къ дѣлу любители хорошаго чтенія всегда находятъ въ его сочиненіяхъ столько превосходнаго и умнаго, что прощаютъ ему этотъ недостатокъ, но всѣ вообще желали бы не имѣть повода къ подобной снисходительности, — въ томъ могу его увѣрить. Еще одна покорнѣйшая просьба: нельзя ли, чтобъ дѣйствующія лица не обмѣнивались такъ часто и такъ симметрически горькими и сладкими улыбками!...

Объ историческомъ достоинствѣ Историческаго Романа «Мазепа» не скажу ни слова. Я слишкомъ уважаю творческій даръ въ человѣкѣ, слишкомъ люблю истинное Изящное, чтобъ не пожертвовать имъ Исторіею, которой никакъ не могу согласить съ воображеніемъ и его правами и преимуществами. Что касается до вѣрности нравовъ, то — сказать по совѣсти, — лгать не стану: я не путешествовалъ въ Малороссіи въ началѣ прошлаго столѣтія. Обычаи сходны съ современными ихъ описаніями, и если современныя описанія были сходны съ обычаями, то всѣ трудности вопроса тѣмъ самымъ устранены. Опять замѣчаніе: въ этомъ Историческомъ Романѣ,

по моему разумѣнію, слишкомъ много Романа и слишкомъ много Исторіи. За Романъ я не въ претензіи; но Исторія больно мѣшаетъ мнѣ наслаждаться вымысломъ: я сердить на Исторію; я вытолкаю ее въ двери, прогоню съ лестницы, и не вѣлю даже пускать ее на дворъ. Со смерти Наталіи до смерти Мазепы, одна не давала мнѣ покоя: на всякомъ шагу я встрѣчалъ Исторію, которая, какъ извѣстно, имѣетъ дурную привычку повторять все одно и то же, — то, что однажды гдѣ-нибудь сказала, — что я давно отъ нея знаю, — что всѣ отъ нея знаютъ. Охъ, ужъ мнѣ эта Исторія!.... Господи, прости тяжкій грѣхъ тому, кто пустилъ эту жеманную и придирную бабу въ Романъ, въ Изящное! Правда, она доставила мнѣ въ «Мазепѣ» прекрасную картину новорожденнаго Петербурга съ первымъ его миленькимъ дѣтскимъ лепетаньемъ, съ первыми ребяческими движеніями; съ улыбкою протягивающаго свои ручки къ Великому Родителю, копающагося въ песокъ, строящаго себѣ первые карточныя домики; но я готовъ подарить ей и эту картину, чтобъ только Романъ дѣйствовалъ скорѣе и не замедлялся въ своемъ ходѣ.

О вы, которые читаете эти честныя замѣчанія объ одномъ изъ лучшихъ произведеній нашей Словесности, объ одной изъ книгъ, достойнѣйшихъ вашего чтенія, — знаете ли вы, что такое читаете? Скажите, какъ называется по-Русски то, что вы теперь прочитали?.... Замѣчанія, указаніе погрѣшностей, нераздѣльныхъ со всякимъ твореніемъ ума человеческого, разсужденіе о томъ, что и какъ много могло бы въ немъ быть лучше, мысли о пользѣ Искусства, читателей и самого автора, — какъ называется все это техническимъ терминомъ въ нашей Литературѣ? Какъ называется это въ нашей книжной торговлѣ, въ нашихъ кандитерскихъ и на улицѣ при встрѣчѣ съ пріятелемъ?..... Это называется:

разругали! Да, «Разругали!» Слово чудесное, удивительное, заключающее въ себя всю Критику Лагарпа, Карла Нодье, Шлегеля, Менцеля и Фарнгагена, весь умъ Вольтера и Джефферса; слово, котораго нѣтъ ни въ какомъ другомъ языкѣ, въ которомъ завидуютъ намъ Англичане, Самоѣды и Китайцы. О, если бъ вы знали, какое волшебное дѣйствіе оно производить, бывъ нечаянно произнесено въ книжной лавкѣ или въ литературномъ собраніи!... «Разругали!» Послушайте только, какъ оно звучно: «Разругали!...» Это наше книжное — ура! И всѣ мои замѣчанія, которыя изволили вы читать, называются тоже — «Разругали!» Всякое замѣчаніе есть — «Разругали!» Сдѣлайте замѣчаніе и на мою критику, и это будетъ — «Разругали!» По нашему, если хвалить, такъ хвалить безусловно, а не хвалить, такъ — «Разругали!» Надо передать это слово потомству.

Но возвратимся къ «Мазепѣ». Я забылъ сказать вамъ объ одномъ важномъ обстоятельстве въ похвалу сочиненія, то есть, въ пользу его занимательности, ибо Романъ, не смотря на все это, очень, очень занимателенъ: авторъ въ концѣ Романа умертвилъ всѣ свои дѣйствующія лица. Это настоящий Синодикъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Сколько сильныхъ потрясеній для чувствительныхъ читателейницъ!

Наталья, — умерщвлена страшною, голодною смертію.

Ломтиковская, — нѣмой Татаринъ отрѣзалъ ей голову ножомъ, и голову положилъ въ мѣшокъ.

Нѣмой Татаринъ, — повѣшенъ на осинѣ вмѣстѣ съ мѣшкомъ.

Панъ Дорошинскій — убитъ Палѣемъ.

Палѣй — умеръ.

Мазепа — отравленъ собственнымъ сыномъ, Огневикомъ.

Огневикъ — бросился въ воду.

Всѣ погибли, всѣ до одинаго!.... Въ живыхъ остались только авторъ и критикъ. Боже мой! что будетъ со мною, когда авторъ узнаетъ о моемъ — «Разругали!» Я пропаль! Не миновать мнѣ смерти отъ мстительной его руки! Я такъ и вижу, что когда-нибудь надняхъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ бурную погоду, тогда какъ я спокойно буду читать книгу, или писать критику въ халатъ, туфляхъ и бѣломъ колпакъ, вдругъ окна затрепещатъ въ моей квартирѣ, зазвенятъ стекла, рамы разлетятся съ шумомъ, и, подобно страшному Палъю въ замкѣ Пани Дульской, вскочитъ ко мнѣ грозный, разъяренный авторъ, чтобъ меня убить, смести съ лица земли какъ пылинку, предать забвенію, какъ дурную книгу. Я дрожу, трепещу! Я уже вижу образъ его предъ собою! Глаза его пылаютъ местию; въ рукахъ сверкаетъ острый гусиный кинжалъ. Онъ поднимаетъ на меня смертоносное оружіе..... Ай!!! онъ уничтожаетъ меня однимъ этимъ ударомъ! Падаю на колѣни передъ тобою, могущественный наѣздникъ; молю, заклинаю тебя словами, которые должны непременно проникнуть до твоего сочинительскаго сердца: — «Пане Гетмане!.... Пане Романистъ!.... будь великодушень столько же, сколько ты храбръ и счастливъ! Пощади мою жизнь! Сжался надъ слабымъ, беззащитнымъ критикомъ! Возьми себѣ всѣ мои сокровища, мои перья, чернилицу, бумагу!.... брось ихъ въ огонь, въ Неву, къ чорту, только отпусти меня — писать хоть углемъ на стѣнѣ мои невинныя «Разругали!»

о. о..... о!

. ДИМЕТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ, *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе А. Хомякова. Москва, 1833 (1834).*

. РУКА ВСЕВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА, *Драма изъ отечественной Исторіи въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Н. К., писанное въ Октябрѣ 1832 года. С. Петербургъ. 1834.*

Самозванцы рѣшительно привлекли къ себѣ воображеніе нашихъ писателей: съ нѣкотораго времени лучшіе наши Романы, лучшія драматическія произведенія, лучшія труды по части Исторіи, посвящены Самозванцамъ. Ихъ оборотили на всѣ стороны, разглядели со всѣхъ боковъ, показали Самозванцевъ лицомъ, и вывернули ихъ наизнанку, чтобъ опять показывать. Полно мучить одну идею! Съ моей стороны я совершенно сытъ ею, и желалъ бы, для разнообразія Словесности, чтобы два сочиненія, о которыхъ будемъ здѣсь говорить, были послѣднимъ блюдомъ этого длиннаго пира воображеній, шумящихъ однимъ и тѣмъ же понятіемъ; желалъ бы этого тѣмъ болѣе, что, по крайней мѣрѣ, этотъ пиръ окончился бы громкимъ тѣстомъ, — пьесою Н. К., то есть, Г. Кукольника, при которой вся Россія отъ всего сердца прокричитъ торжественное — ура!

Я начну съ этой пьесы, которую, покаместъ, буду называть «пьесою» или «Поэмою», пока не прищемъ для нея настоящаго названія, потому, что это не Драма. Содержаніе Поэмы «Рука Всевышняго отечество спасла» уже извѣстна нашимъ читателямъ*. Въ ней непременно должно отдѣлать, для критическаго разбора, предметъ отъ художественной части. Предметъ столь великъ, столь дорогъ

* Б, для Ч, томъ II, Смѣсь, стр. 19.

для Русскаго сердца, такъ тѣсно связанъ съ самыми священными для насъ чувствами, со всѣми понятіями нашего народнаго счастья, величія и славы, что онъ вдругъ затмѣваетъ собою всякую другую мысль, заставляетъ забыть о писателѣ, чтобъ помнить только о насъ самихъ, и забыть о насъ самихъ, чтобъ трепетать сладостнымъ восторгомъ передъ лицомъ высокихъ, торжественныхъ воспоминаній прошедшаго и самыхъ радостныхъ ощущеній настоящаго : предметъ Поэмы есть картина блистательнаго, патриотическаго, совершившагося истинно въ народномъ духѣ, переворота, который возвелъ на Престолъ династію Романовыхъ. Этой картины, облеченной волшебными формами Поэзіи и превращенной въ драматическое зрѣлище, самый сильный и ослѣпительный образъ дѣйствія Изящнаго на чувства, именно недоставало въ нашей Словесности, и молодой поэтъ сдѣлалъ не только прекрасный подвигъ, но и безцѣнный для насъ подарокъ, стараясь пополнить своимъ трудомъ эту важную полость въ воздвигающемся колосѣ Русской Литературы. Самое величіе предмета долженствовало внушить ему множество возвышенныхъ мыслей и стиховъ, пылающихъ священнымъ огнемъ любви къ Престолу и отечеству, а его природное дарованіе доставить средства къ смѣлому, мощному и счастливому ихъ выраженію. По начертанному имъ плану, весь этотъ предметъ сосредоточенъ въ первомъ и послѣднемъ, то есть, пятомъ, актахъ, которые служатъ наружными стѣнами цѣлому зданію, и закрываютъ три средніе акта, — внутреннее расположеніе строенія. Въ этихъ двухъ актахъ онъ поэтъ, и самовластно владѣетъ нами и могуществомъ самаго предмета, и блескомъ поэтическихъ красокъ, употребленныхъ на его изображеніе. Чье сердце не загоритъ, слыша Минина, проносящаго на колѣняхъ :

Царю мой, Боже мой, Господь-Спаситель!
 Теперь весь свѣтъ еще въ глубокомъ снѣ;
 Никто тебя молитвою горячей
 Еще не призываетъ; — я одинъ,
 Съ моимъ несчастнымъ сердцемъ, предъ Тобою!
 О преклони Твой слухъ къ моей молитвѣ!
 Я весь горю спасти Святую Русь,
 Отъ нечестиваго избавить Ляха;
 Но средствъ къ тому меня лишило Небо:
 Слова мои не красны, умъ холопій,
 Рука моя въ бою не много значить.
 О Господи! Дай языку Козьмы
 Святую крѣпость, силу убѣжденья,
 Развей мой умъ познаніемъ добра,
 А сердце облеки въ кору стальную!
 Дай все, что только нужно для Руси
 И отними, когда гроза минуетъ!

Два послѣдніе стиха принадлежать даже къ Высокому. Или:

Въ серебряной приносятъ кружкѣ воду,
 Когда Святая Русь въ когтяхъ желѣзныхъ!
 И я, до сей поры, серебра не отдамъ,
 И я, до сей поры, пью, тмъ, несчастный,
 Я, окаянный грѣшникъ, пожалѣмъ
 Имущества для Христіанской жертвы! —

ЖЕНА. Помилуй, Мянничъ, сколько ты серебра
 Послалъ въ Москву, рублями и вещами? —

МИНИНЪ. То было мнѣ не нужное богатство.

Я пожалѣмъ Святыхъ Иконъ, сосудовъ,
 Изъ конхъ тѣл и пилъ. На что они?
 Чтобъ умножать враговъ Руси добычу?.... —
 Аминь, аминь! Неси сюда, жена,
 Всю маетность Козьмы, твою и дѣтищъ;
 Неси сюда домашнее серебро,
 Иконъ Святыхъ оклады, тотъ ларецъ,
 Гдѣ я копылъ на черный день копылку;
 Неси сюда одежду, даже обувь....
 Я бось пойду спасти Святую Русь;
 Я нагъ пойду въ крови купаться враждей!

Какая опять прекрасная и эффектная сцена, когда Мишинъ, объятый изступленіемъ патріотизма, увещеваетъ собравшійся на площади народъ; когда, въ нерѣшимости, кого избрать предводителемъ, слышнть имя, случайно произнесенное въ толпѣ, и принимается это за гласъ небеснаго предзнаменованія!

Я падаю предъ вами на колѣни!
Спасайте Русь, спасайте Церковь, люди!!

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДЪ.

Я все даю я самъ иду. — Я также. —
Я также. — И я также. — Всѣ даемъ. —
Все что имѣемъ и идемъ! — Ура!
За Вѣру и за Царство всѣмъ стоять! —
А Королю Креста не цѣловать. —
И Королевичу. — Бояръ не слушать. —
Всѣмъ за одно на Польшу и Литву. —
А дасть Господь Царя — служить Царю! —
Своихъ людей не выдавать Боярамъ. —
Въ Соборъ, къ присягѣ! — Всѣ въ Соборъ, къ присягѣ!
А кто не хочетъ.... Нѣтъ такихъ межъ нами! —
Въ Соборъ! Въ Соборъ! Къ присягѣ и на битву!....

МИШИНЪ. *(торжественно)*.

Возстанъ же, Русь! Последнія усилія!
Восторжествуемъ — или всѣ падемъ, —
Всѣ, до единаго Христіанина!
Пусть на землѣ расгетъ соблазнъ и скверна;
Пусть на Руси возоніетъ пѣтухъ,
Съ тѣхъ башенъ, гдѣ стоялъ Крестъ православный!
Пусть кровь ліютъ враги Святаго Царства;
На дѣтяхъ ихъ кровь наша отзовется!
Возстанъ же, Русь! — Отъ мала до велика:
Вы, мертвые, затерзанные братья,
Вы, потопленные въ рѣкахъ отчизны,
Вы, спящіе отравой и измѣной,
Возстаньте всѣ! Местъ воскрешаетъ мертвыхъ!
Да грозный гласъ раздастся на Востока

И на закатъ безпредельной Руси!
 Мы не одни; не только мужи, жены, —
 Земля возстанетъ съ мертвыми полями;
 Возстанутъ рѣки мутными волнами;
 Отмщеніемъ воспламенится лѣсъ
 И молніей займется сводъ небесъ!
 Казнь извергамъ! Безъ строя и вождя,
 Мы потечемъ, Москву огнемъ обьемъ,
 И въ ней всю Русь мы Богу предадимъ.
 И Богъ судилъ; пріемлетъ Русь на небо;
 А землю ту, гдѣ жило Православье,
 Сугубымъ пепломъ покрывасть; церкви
 Пять главъ своихъ съ крестами размешали;
 Угодниковъ Святыхъ изобразенья
 На небеса уносятся въ окладахъ;
 Крешеный міръ по лѣстницѣ восходитъ
 Въ Ерусалимъ небесный; поле — чахнетъ,
 Лугъ не даетъ травы, рѣка — воды,
 Лѣсъ закурилъ смолистый ошмѣтъ!
 Горишь земля! Ни одному врагу
 Жилья на ней не ставить; не топтать
 Святой Руси погаными ногами!
 Свершился судъ; — отъ моря до степей
 Лежитъ одно святое пепелище!

.....
 Кого жь избрать? Кого вождемъ назначить,
 Да православныхъ предведетъ на славу? —
 О вразуми насъ грѣшныхъ Русскихъ, Боже!
 Дай намъ вождя небеснымъ повѣщеніемъ, —
 Наименуя Стратига! *(Продолжительное молчаніе).*

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Князь Пожарскій
 Послалъ меня. — Зачѣмъ! — Узнать: какія
 Привезъ Козьма изъ-подъ Москвы извѣстья.

МИНИНЪ. Ты рекъ, Отецъ! Возрадуйтесь, граждане!
 Перстъ Божій указалъ намъ Воеводу.

ГОЛОСЪ. Кто жь этотъ Воевода?

МИНИНЪ. Князь Пожарскій!

Слѣдующій выходъ, гдѣ Пожарскій лежитъ боль-

ной ранами въ постели, уже готовится къ смерти, уже посылаетъ за священникомъ, и вдругъ къ нему являются Мининъ съ Нижегородцами, и чудо любви къ отечеству свершается надъ нимъ всенародно, и онъ встаетъ исцѣленнымъ, чтобъ спасти Россію, тоже превосходенъ и по изобрѣтенію, и по многимъ прекраснымъ стихамъ. Но мѣсто, въ которомъ Поэтъ соединилъ наиболѣе торжественнаго чувства и эффекта, и даже искусства, — которое всегда будетъ производить въ насъ самое сильное, возвышенное, патриотическое потрясеніе, — которое считаю я лучшимъ въ цѣлой пьесѣ, есть избраніе Царя Михаила въ Соборъ Бояръ, Воеводъ и выборныхъ людей.

ПОЖАР. (*сидя*). Свободна Русь, Господнимъ заступленьемъ!

Исчезли тмы враговъ и благодать Неба
 Избрать Царя намъ нынѣ дозволяетъ!
 Но, братія! съ слезами на очахъ,
 Молю: не избирайте иновѣрца!
 Святая Русь своихъ Царей имѣла,
 Единственно на свѣтѣ православныхъ!
 Родясь, уже Царь будущій пріемлетъ
 Помазанье отъ Господа-Царя!
 Царь на землѣ Господній представитель!
 Онъ мудростью небесною исполненъ,
 Онъ крѣпостью небесной препоясанъ!
 И можно ли, чтобъ чуждый иновѣрецъ,
 Священную Царей пріемля шапку,
 Въ душѣ своей всѣ чувства заглушилъ,
 Которыя его влекутъ за море!
 Мы видѣли ужасные примѣры
 Въ сосѣдствѣ нашемъ и у насъ самихъ.
 Еще въ предѣлы Царства не вступая,
 Ужъ сколько зла посѣялъ Владиславъ, —
 И, можетъ быть, десяткомъ лѣтъ, другой,
 Не высосутъ убійственнаго зла!
 Но благъ Господь! — Вы обратите взоры
 На поколѣніе Царей Московскихъ!

Неужели Богъ вовсе уничтожилъ
 Потомковъ Калиты и Иоанновъ?
 Неужели отъ Царской крови — вовсе
 Намъ отрасли последней не осталось?
 Отъ Царской крови.... Да, Соборъ Великій?
 Отъ Царской крови долженъ быть Владыка
 И Повелитель многихъ Царствъ и Княжествъ!
 Что личныя достоинства вельможи?
 Что предковъ рядъ и доблестныхъ и славныхъ?
 Монашеская летопись — и только!
 Раздоръ предъ нимъ, раздоръ за нимъ; невольно
 Гласъ слышится въ душѣ: *онъ былъ мнѣ равенъ!*
 Считается смѣшнымъ повиновенье
 Тому, кто самъ всегда повиновался!
 Прилична ли тому Царей держава,
 Кто царствовать, безъ трепета, не можетъ?
 А наконецъ скажу я вамъ: Держава
 Не можетъ быть наградой за труды,
 За личныя заслуги Государству. —
 На то помѣстья, золотыя цѣпи,
 И знаки разные Монаршей ласки,
 На то чины, на то Царей вниманье,
 Народная любовь и одобренье, —
 А наконецъ Небесъ благословенье.....
 А Царская порфира — не награда!
 И только тотъ ее свободно носить,
 Кто въ пеленахъ ее уже примѣрилъ —
 И каждый день крѣпясь и возрастая,
 Къ ней постепенно, долго привыкалъ!
 А нерожденному отъ Царской крови
 Она тяжка, какъ Божіе проклятье
 За святотатство! Мало ль честолюбцевъ,
 Подъ бременемъ порфиры, упали?
 И кто изъ васъ не помнитъ Годунова,
 Острепьева и Шуйскаго не помнитъ?

(Пожарскій пишетъ, и всѣ, разрывая лежащую по столамъ бумагу, на лоскуткахъ пишутъ, свертываютъ и оставляютъ предъ собой. Минувъ, невольно подвигаясь впередъ).

•Творецъ благій! Какой священный часъ!
 Какъ сердце замерло! Морозъ и трепеть
 По членамъ ходять! Господи! Пошли
 Единодушіе сему Собору!
 Да согласить всѣ нужды Государства
 И у Тебя испросить намъ Владыку!
 (Продолжительное молчаніе; избраніе продолжается).

ПОЖАРСКІЙ. (*тихо*).

Въ душѣ моей и трепеть и надежда! (*Молчаніе*).

МИНИНЪ. О не оставь въ послѣднюю минуту
 Святой Руси! (*Молчаніе*).

ПОЖАРСКІЙ. Ты вель меня на славу!
 О увѣнчай усилія честныя! (*Молчаніе*).

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, повели собрать.....

ПОЖАРСКІЙ. (*отирая слезы*). О братья, братья!
 Что, если здѣсь раздору сѣмена?

ТРУБЕЦКОЙ. По совѣсти, мы мнѣнія писали.....

ИЗМАЙЛОВЪ. И клятву вновь мы подтвердить готовы!

ПОЖАРСКІЙ. Не трепеталъ я смерти въ ратномъ полѣ;
 А здѣсь тоска и страхъ стѣснили сердце!
 Но благъ Господь и не оставитъ насъ.
 Ты голоса не подавалъ, Козьма!
 Такъ собери жъ чужіе голоса!

(Мининъ взявъ со стола золотое блюдо, обходитъ всѣ столы и собираетъ голоса).

Стань здѣсь, при мнѣ, — и отбирай: какой
 Кѣмъ данъ и на кого?

МИНИНЪ.

(отобразивъ множество голосовъ и предлагая каждый Князю Пожарскому,
 съ изумленіемъ).

Глазамъ не вѣрю!

(Продолжаетъ разбирать голоса тѣмъ же порядкомъ и, приходя постепенно въ большее и большее удивленіе.)

Не слыхано! Не видано!

(Опустивъ послѣдній голосъ.)

О чудо!

Твою ль десницу не узнаетъ грѣшникъ?

Единодушна Русь, единогласна!!

(Въ восторгѣ, поднявъ глаза и руки къ небу, стоитъ какъ бы пораженный въжикомъ чудомъ).

ИЗМАЙЛОВЪ. О не терзай Соборъ нетерпѣливый

И возгласи: кого Господь назначилъ?

ТРУБЕЦКОЙ. Смотрите: онъ безмолвенъ, недвижимъ!

Глаза горѣ вознесъ и льются слезы!

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, объяви!

ПОЖАРСКІЙ.

(съ жадностью и съ неменьшимъ удивленіемъ перебирая голоса.)

И я внимаю чуду!

Единодушно, такъ! единогласно

Соборомъ избранъ: Михайлъ Романовъ,

Сынъ Федора, въ монахахъ Филарета!

(*Вставъ*). Провозгласимъ отъ сердца и души:

Да здравствуетъ Царь Михайлъ Романовъ!

ВСѢ (*вставъ*). Да здравствуетъ Царь Михайлъ Романовъ!

ПОЖАРСКІЙ. Свершилось! Богъ благословилъ отчину!

Царь Михайлъ, помазанный отъ вѣка,

Пріемлетъ Русь въ родительскія руки —

И благо ей!....

Я въ будущность, какъ въ грамоту, смотрю,

И нѣтъ конца Великому Коляну!

О братія, смотрите: это Опъ!

Величіемъ безмѣрнымъ осіянный!

На море сталъ могучею пятой —

Изъ подъ пяты ряды ширококрылыхъ,

Огромныхъ кораблей несутся въ море!

Земля дрожить отъ тяжести Его,

А небеса Его главу вмѣщаютъ!

Неизмѣримъ сей Русскій Полубогъ!

Въ объятіяхъ онъ сжалъ Святое Царство,

Покровомъ обвивая многоцѣннымъ

Для насъ еще непостижимыхъ благъ!

Святая Русь! Обыкновенный разумъ

Судьбы твоей въ себѣ вмѣстятъ не можетъ!

О ты, Святая Матерь, Русь родная!
 Красуйся подъ державой Михаила!
 Чтобъ дня сего не истребилась память,
 Чтобъ Русскій родъ объ милости Господней
 Не забывалъ; — я къ вамъ взываю, братья,
 Святой Руси безчисленные дѣти! —
 Изъ вѣка въ вѣкъ, пока потухнетъ солнце,
 Пока людей не истребится память,
 Святите день избранья Михаила,
 День двадцать первый Февраля.

Здѣсь всѣ уста и всѣ сердца увѣнчаютъ чело юнаго Поэта хвалою и благодарностью! Здѣсь не можетъ быть разногласія!

Исполненный пріятнѣйшаго восторга, который возбуждали во мнѣ только-что приведенныя мѣста, я желалъ бы не быть въ обязанности говорить объ отношеніи этой Поэмы къ Искусству; но громкія похвалы, которыя воздалъ я первому произведенію автора, его драматической Фантазій «Торквато Тассо», возлагаютъ на меня долгъ чести и добросовѣстности, высказать и о томъ мое мнѣніе во всемъ его пространствѣ: это вмѣстѣ и долгъ уваженія не только къ читателямъ этого Журнала, но и къ таланту самого Поэта.

Я нарочно отдѣлилъ предметъ Поэмы отъ художественной ея стороны: предметъ состоитъ подъ защитою общаго нашего благоговѣнія, и онъ внѣ всякой Критики. Онъ даже въ извѣстной степени защищаетъ и самого писателя. Если бъ польза Искусства, польза Русской Словесности и самого Поэта, не требовали строгой оцѣнки количества таланта, какое пролилъ онъ въ этомъ сочиненіи какъ Художникъ, я не смущалъ бы его успѣха моими замѣчаніями. Теперь дѣло идетъ только объ его литературномъ искусствѣ.

Англичанинъ, прочитавъ «Драму» Г. Кукольника, сказалъ бы: *This book is misnamed*, — потому

что Англичанинъ имѣеть въ своемъ языкѣ прекрасное слово *misnamed*, котораго мы не имѣемъ. За недостаткомъ подобнаго слова, я долженъ сказать по-Русски, очень неловко, совсѣмъ не на манеръ Англійскій, — что авторъ не впопадъ назвалъ Драмою то, въ чемъ нѣтъ и слѣда Драмы. Нѣмцы, — о, я страхъ люблю Нѣмцевъ за ихъ аккуратность въ подобныхъ случаяхъ! — Нѣмцы называютъ творенія этого рода весьма скромно — *dramatische Vorstellung in fünf Abtheilungen*, что по-крещеному значить: *театральное представленіе въ пяти отдѣленіяхъ*.

Въ доказательство совершенной добросовѣстности разбора, я до сихъ поръ смотрѣлъ на эту пьесу только, какъ на *представленіе въ пяти отдѣленіяхъ*, и восхищался ея красотами, отнюдь не думая въ моемъ восхищеніи объ условіяхъ Драмы. Въ Критикѣ всегда есть двѣ точки воззрѣнія на подвергаемую суду книгу: можно глядѣть на нее снизу, и можно глядѣть сверху. Недоброжелательный литературный браковщикъ тотчасъ сталъ бы на высшей точкѣ, чтобъ обнаружить всѣ недостатки сочиненія, какъ Драмы; онъ пустился бы доказывать, что поэтъ не понимаетъ, что такое Драма; что тутъ нѣтъ ничего драматическаго, кромѣ наружной формы; что сочинитель не долженъ даже писать Драмъ, что это не его дѣло. Я не скажу, чтобъ авторъ Фантазіи Торквата Тассо не былъ въ состояніи написать превосходную Драму, — и приписываю только ошибку, разсѣянности, слишкомъ высокій литературный титулъ этой второй пьесы. Я смотрю на пьесу снизу, — говорю, что это *eine tranquille Sache*, театральное представленіе, особеннаго рода, торжественное дышащее чувствомъ высокой добродѣтели патріотизма, возбуждающее самыя лестныя и драгоцѣнныя для сердца воспоминанія, посвященное единственно потріотизму зрителей и

читателей, но созданное безъ страстей, безъ интриги, безъ характеровъ: словомъ представленіе въ лицахъ одного изъ величественнѣйшихъ событій нашей Исторіи, — и какъ «представленіе,» нахожу пьесу во многихъ частяхъ прекрасною.

Всѣ занятія человѣческія можно разделить на три части: занятія по тѣлу, по душѣ, и по душѣ и тѣлу. Трансцендентальный философъ рассуждаетъ только о душѣ. Нравственный философъ и драматистъ разсматриваютъ челоуѣка въ отношеніяхъ духа къ тѣлу. Кровь и духъ, — то есть, сердце и душа, — то есть, страсти и умственные совершенства или добродѣтели, составляютъ предметъ ихъ соображеній и трудовъ. Драматистъ есть въ то же время нравственный философъ. Страсти и умственные совершенства, слитыя въ одну массу, суть весь челоуѣкъ, и драматистъ наравнѣ съ нравственнымъ философомъ упражняется въ его разложеніи, съ тою лишь разницею, что нравственный философъ только разлагаетъ, тогда, какъ драматистъ, сочетая разложенныя начала, выливаетъ изъ этой массы новыя, изящныя виды. Страсти, ихъ быстрое, неровное, всегда запутанное движеніе, ихъ игра, также непрерывная и темная, какъ игра самой крови, образуютъ грунтъ или глубину его картины; по этому грунту пролетаютъ въ разныхъ направленіяхъ свѣтлыя молніи духа, и яркими чертами своими рисуютъ на немъ бѣглыя, фантастическія узоры, которые называемъ мы характеромъ. Характеръ есть отраженіе чертъ души на страстяхъ. Драмою называемъ мы теперь искусство, высочайшую степень искусства представлять изъ тѣла и духа, изъ страстей и дѣйствій ума, самыя изящныя и замысловатыя картины и явленія: это родъ физическихъ опытовъ Нравственной Философіи, производимыхъ публично, передъ зрите-

лями и слушателя. Патриотизмъ не страсть, но добродѣтель, восторженное состояніе души, минута изытїя изъ обыкновеннаго характера челоуѣка. И все это означаетъ, что гдѣ повѣсть пьесы исключительно основана на дѣйствїи патриотизма, тамъ могутъ быть блестящїя картины прекрасныхъ подвиговъ, но нельзя быть характерамъ, и слѣдственно тамъ нѣтъ Драмы, и это слово неумѣстно на заглавномъ листѣ пьесы.

Миницъ лице вдохновенное; Пожарскій, Патриархъ тоже, равно какъ и всѣ безсмертныя ихъ сподвижники. Нашъ Поэтъ романтикъ. Понятїя о существѣ Драмы перемѣнились. Самое слово драма получило въ наше время совсѣмъ другое значенїе. Нѣкогда Трагедїя и Комедїя стояли выше Драмы; теперь та и другая составляютъ только отрасли, виды Драмы, которая сдѣлалась типомъ, экстрактомъ всего Драматическаго Искусства, Белведерскимъ Аполлономъ Изящной Словесности. И такъ, не о чемъ болѣе и спорить.

Настоящее дѣйствїе пьесы заключается въ первомъ и пятомъ актахъ: должно сожалѣть, что поэтъ не ограничился ими. Я въ особенности о томъ сожалею, потому, что, подавъ по случаю перваго его творенїя столь въспреннїя объ немъ надежды, несчастїю не могу отыскать въ трехъ среднихъ актахъ новой его Поэмы тѣхъ даже драматическихъ красотъ, которыя искупили бы ихъ отъ имени посредственности относительно къ Искусству. Одна только важность предмета и хорошіе стихи спасаютъ ихъ честь, но — искусства, воображенїя, драматическаго таланта, рѣшительно въ нихъ нѣтъ ни какого. Это рядъ сценъ безъ связи. Заруцкїй, творенїе неясное, противопологическое, безотчетливое, дѣйствующее наудачу, изъясняющееся то по-мужицки, то по-философски, бросающееся на предпрїя-

тія и злодѣянiя безъ средствъ, безъ сообщниковъ и безъ слѣдствiй, ничѣмъ не останавливающее хода происшествiя и бесполезное для интриги, — совершенное отсутствiе которой въ состоянiи удивить всякаго, кто подумаетъ, что Авторъ, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ написать Драму. Марина — Вахантка, и совсѣмъ лишняя въ пьесѣ. Вся перипетiя этихъ трехъ среднихъ актовъ заключается въ угрозахъ, которыя не исполняются, въ спорахъ, которыя тотчасъ рѣшаются, и просьбахъ, которыя, по существу дѣла, не могутъ быть приняты. Повторенiя однихъ и тѣхъ же выраженiй и длинныя безконечныя рѣчи, увеличиваютъ еще число недостатковъ этой части Поэмы, которая была бы прекрасная, лирическая сцена если бъ вся состояла изъ двухъ актовъ, перваго и послѣдняго.

Но всего для меня прискорбнѣе, — для меня, который за видѣнiе Тасса, за смерть Лукреции, называлъ Г-на Н. К. великимъ Кукольникомъ и нашимъ юнымъ Гёте — что во всей этой пьесѣ отнюдь не вижу высокаго творческаго дара автора Фантази. Поэтъ рѣшительно повторился во второмъ своемъ произведенiи, не говоря уже, что и самая идея его Минина есть явное повторенiе Орлеанской Дѣвы Шиллеръ! Шиллеръ!.... Читая «Руку Всевышняго» я все думаю о Шиллеръ, — и потому мнѣ все хочется говорить по-Нѣмецки! — и потому невольно вырываются у меня слова *Vorstellung, tranquille Sache, u. s. w.*!.... Не подражайте, молодой поэтъ: вы уже доказали, что можете быть оригинальнымъ! Не повторяйтесь, Бога ради, не повторяйтесь: въ Литературѣ, это самый тяжкій грѣхъ; ваши завистники, — вы будете ихъ имѣть, и пропасть! — скажутъ, что у васъ нѣтъ воображенiя. Въ Фантази и въ такъ называемой Драмѣ большая часть положенiй и драматическихъ средствъ одни и тѣ же. Ми-

нинъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи самъ Пожарскій, очень напоминаютъ лирическое лице Тасса. Сцена больного героя не что иное, какъ отблескъ сцены больной Лукреціи. Молитвы и паденіе на колѣни — одинаковыя пружины эффекта въ обѣихъ пьесахъ. Марина, копія одного изъ сумасшедшихъ въ «Тас-съ», съ прибавленіемъ пьсенки милой Розины. Что это Богъ? что это Богъ! — неудачное повтореніе прелестнаго вопроса послѣдней: — Джуліо, что это за страсть? — Сердце разорвалось, — сердце лопнуло, — и множество другихъ выраженій и цѣлыхъ мыслей, созданныхъ для Фантазіи, выданы только на прокатъ новой Поэмъ. Прорицаніе Тасса и прорицаніе Пожарскаго.....: Конца не было бы этимъ сравненіемъ, если бъ я сталъ сближать всѣ сходныя мѣста. Нѣтъ, тутъ не бывалъ творческій гений!

Да послужить это урокомъ молодому поэту: безъ сильныхъ страстей нѣтъ Драмы въ Природѣ, и безъ зрѣлыхъ, искусныхъ, долго и глубоко обдуманыхъ соображеній нельзя произвести ничего Прекраснаго. Кто избираетъ предметъ патріотической, тотъ всегда можетъ быть увѣренъ въ громкихъ рукоплесканіяхъ и восторгѣ зрителей; но въ такомъ случаѣ долгъ сочинителя съ дарованіемъ удвоить, утроить свои усилія, чтобъ совѣстно исполнить обязанность свою въ отношеніи къ Художеству, и быть потомъ въ правѣ сказать себѣ и другимъ: Нѣтъ! я не подставилъ своей литературной славы подъ градъ рукоплесканій, которому назначено было упасть прямо на избранный мною предметъ; нѣтъ! я не похитилъ неправильно для себя восторга, возбужденнаго мною именемъ отечества! въ этомъ изліяніи патріотическаго одобренія половина рукоплесканій и восторга законно принадлежитъ Литературѣ, моему искусству, внутреннему достоинству моего труда! Авторъ удивительной Фан-

тази, почти отличной Драмы, «Торквато Тассо», въ состояніи создать и написать что-нибудь въ тысячу разъ лучше этихъ трехъ актовъ, и во столько же разъ достойнѣе итти рядомъ съ первымъ и пятымъ актами второй его Поэмы, которымъ я отдаю полную справедливость, какъ блестящей лирической картинѣ драгоцѣннаго для всей Россіи, для ея блаженства и славы, событія. Изъ любви къ Русской Словесности должно сказать эту рѣзкую истину молодому Поэту, чтобъ спасти высокое его дарованіе для нея самой: безусловныя похвалы уже погубили не одинъ талантъ. Самъ Поэтъ, я надѣюсь, оцѣнитъ благонамѣренность побужденія, исторгающаго у меня вслѣдъ за искреннею похвалою этотъ и для меня самого непріятный судъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что всякой новый истинный его подвижъ въ области Прекраснаго всегда найдетъ въ этомъ Журналѣ вѣрный отголосокъ заслуженной имъ похвалы, но и всякая слабая попытка его дарованія, начавшаго свое поприще столь блистательнымъ образомъ, услышитъ изъ него же строгій голосъ истины.

Теперь о Трагедіи Г. Хомякова. Гдѣ то счастливое время, когда читателю стоило только вспомнить, что дѣлалъ онъ, читая книгу, чтобъ сказать съ достовѣрностью, какой родъ сочиненія былъ у него въ рукахъ! Если въ книгѣ убили человека и онъ плакалъ, — то была Трагедія, безъ всякаго сомнѣнія: онъ могъ держать парп, присягнуть, стрѣляться, и убить спорщика по чистой совѣсти, въ томъ, что это Трагедія. Если никого не убили, и онъ смѣялся, то была Комедія: онъ зналъ и всѣ знали, что это Комедія, и Европа была спокойна. Если онъ плакалъ и смѣялся, — то была Драма; и тогда возникалъ страшный шумъ въ Европѣ. Зачѣмъ онъ смѣялся и плакалъ? Онъ долженъ былъ только смѣяться

или плакать! Кто осмѣлился такъ безчеловѣчно мучить сердце честнаго, невиннаго челоуѣка, возбуждая въ немъ два такіе противоположные рода судорогъ? Кто нарушилъ порядокъ чувствованій, установленный для всѣхъ людей съ такимъ вкусомъ Квинтиліаномъ, Петеромъ, Баттѣ и мосьѣ Лагарпомъ? Ловите его! держите! Заряжай критическія баттарен! стрѣлай въ него картечью! Пусть знаетъ, невѣжда, что не должно смѣшить людей и въ то же время заставлять ихъ плакать: это вредно здоровью, останавливаетъ пищевареніе и ведетъ Словесность къ упадку.

Прошло то время! — теперь позволено всякому, кто только беретъ перо въ руки, дѣлать съ челоуѣческимъ сердцемъ что угодно, — колоть, щекотать, жечь, и раздирать по кускамъ, — и самому же смѣяться! Драма эта, нѣкогда угнетенная, осмѣянная, покрытая стыдомъ и отречьемъ рабыня, — Драма отважно приподнялась, и, въ свою очередь, схватила двумя руками Трагедію и Комедію за причесанныя à la Lucrèce волосы, повергла изнѣженныхъ противницъ подъ свои толстыя и черныя ноги, и недовольная побѣдою, взяла еще горсть грязи и постыдно натерла имъ ею лица, ярко расписанныя бѣлилами и карминомъ. Драма восторжествовала. Она ограбила Трагедію и Комедію, овладѣла ихъ гардеробомъ и кладовою чувствъ, похитила смѣхъ, слезы, ужасъ, страданіе, злодѣянія, страсти, пороки, — словомъ, все Изящное. Драмъ позволено все, все: она можетъ убивать и дурачиться, отравлять и плясать, пѣть и сажать на копь, вздыхать и цыганить, хохотать во все горло и рыдать безъ памяти. На свѣтъ есть только Драма; безъ драмы нѣтъ ничего въ свѣтъ, — исключая скуки. Пусть и такъ! — переворотъ совершился, Драма возсѣла на престолъ Искусства, и я готовъ признать новую царицу, съ условіемъ, что

въ ея владѣніяхъ никогда не будетъ жить скука. Помни же наше условіе, могущественная Драма: это моя граммата, обезпечивающая права и преимущества моего лица, какъ покорнаго читателя: коль скоро ты ихъ нарушишь, я не выдержу, — я усну!

Послѣ всего этого, есть ли еще у насъ, въ Европѣ, въ 1834 году, Трагедія?... Богъ знаетъ! — кажется, нѣтъ! Но если предстанетъ предъ васъ порядочная книга, въ хорошей блѣдно-желтой или дико-зеленой оберткѣ по послѣдней модѣ, именуемая Трагедіею, и еще новыми вычурными буквами?... А! тогда нѣтъ другаго средства, какъ подать ей въжливо руку съ тремя Вестрисовскими поклонами, проводить запоздавшую гостью назадъ черезъ длинный рядъ тридцати трехъ годовъ, и, съѣздивъ на рубежъ XVIII и XIX столѣтій, приступить къ разсужденію съ нею о дѣлѣ, вдали отъ шумнаго царства Драмы, отъ безначалія ультра-романтизма. Въ томъ только мѣстѣ поймете вы другъ друга, и никто не помѣшаетъ вашей бесѣды; тамъ все тихо, чинно, благородно; тамъ господствуетъ строгій этикетъ, который говоритъ вамъ положительно: Если эта гостя убьетъ челоуѣка и заставитъ васъ плакать, принимайте ее съ почестями, должными Трагедіи; если она будетъ только смѣяться, такъ это Комедія, тоже лице важное; если же станетъ смѣяться и плакать, вести себя неприлично, — то значить, что она изъ разночинцевъ: обойдитесь съ нею, какъ угодно, — можете поцѣловать ее въ лице, если хороша собою!!

Все это прекрасно, — но я знаю одинъ казусъ, къ которому правила этого этикета не примѣняются: а если эта книга не заставитъ меня ни плакать, ни смѣяться, какой тогда у нея чинъ, и какъ ее принять?... И въ этотъ казусъ я попадаю очень

часто: вотъ, недавно имѣлъ я дѣло съ Драмою, которая была именно въ этомъ вкусъ; теперь является другая книга, приказавшая доложить о себѣ, что она Трагедія, и которая тоже не смѣется, и не плачетъ, хотя сперва отпускаетъ шутки, а потомъ убиваетъ человѣка. Тутъ станетъ въ тупикъ хоть какая Риторика, — и классическая, и романтическая!

У насъ рѣшительно хотятъ писать Драмы (Трагедія то же Драма) безъ страстей! А я рѣшительно буду говорить всякой Драмѣ безъ сильныхъ страстей, что она скучна, и не должна называться Драмою, хотя бы нарумянилась всеми красотами Поэзии и Прозы! Что значить этотъ морозъ въ двадцать четыре градуса, который хотятъ непременно водворить подъ блистательнымъ, палящимъ небомъ Изящнаго? Отъ чего кровь такъ у насъ застыла, что мы ужь сдѣлались безмятежны сердцемъ какъ схимники?... Господа, воспламенитесь! воспламенитесь чѣмъ бы то ни было! — хоть гнѣвомъ на своего критика: это то же страсть, и можетъ внушить вамъ что-нибудь сильное, пылкое трогательное, высокое. Словесность согрѣется и оживится: теперь она дуетъ въ пальцы и мерзнетъ отъ вашихъ Драмъ и Трагедій! Безъ живописи сильныхъ страстей нѣтъ изящнаго созданія, потому, что нѣтъ и настоящаго искусства со стороны писателя. Въ Наукахъ вы можете отличиться трудолюбіемъ, точностью, обширныя познаніями, важными открытіями, которыя тѣмъ именно возбуждаютъ къ вамъ удивленіе, что заставляютъ предполагать отъ васъ большое усиліе, побѣдившее много трудностей, ужасающихъ не-Ученаго. Но въ Словесности! — на чемъ можете вы опереть въ Словесности притязанія свои на удивленіе и славу? Вы являетесь къ читателю безъ всякихъ заслугъ въ умственномъ мірѣ; вы ничего не сдѣлали для человѣка; вы его, какъ вашего читателя, даже не научили

сдѣлать иголку скорѣе и дешевле: вы совершенно равны ему передъ обществомъ. У васъ есть воображеніе; у него тоже. Вы пишете, что воображеніе вамъ диктуетъ; онъ можетъ взять перо и списать то, что его воображеніе, разыгравшись, натворить въ его головѣ, — и быть-можетъ занимательность будетъ еще въ его пользу. Вся разница между имъ и вами, что онъ лѣнится писать, а вы преодоляи вашу лѣнь, и, увы! — торжество надъ лѣнью иногда принадлежить не вамъ, а нуждѣ! Все ваше передъ нимъ отличіе, что онъ не привыкъ владѣть даромъ слова, а вы легко имъ владѣете, — ничтожное отличіе, которое не возноситъ васъ выше хорошаго говоруна! Въ чемъ же заключается благородство вашего ремесла? Что называете вы своимъ Искусствомъ? Гдѣ высокій секретъ вашего Художества? — Онъ весь въ сердцѣ. Пусть ваша мысль смѣло бросится въ этотъ мрачный и бездонный колодезь страстей, и сильною рукою вынесетъ оттуда на свѣтъ завѣтныя истины моей животной жизни, и покажетъ мнѣ огненный міръ, который я только чувствую въ моей груди, не смѣя заглянуть въ него умомъ, и обнаружить глазамъ моимъ бореніе, игру стихій, изъ которыхъ въ темнотѣ страданій, ударяють въ мою душу грома несчастія, и порой бьетъ блистательная радуга счастья, окрашая роскошными цвѣтами туманные своды моего бытія хоть на короткое время; пусть ваше перо вѣрно изобразить эту ужасную и величественную игру духовъ внутренняго свѣта, который не есть ни адъ, ни небо, а смѣшеніе неба и ада, мой собственный свѣтъ, заключенный въ границахъ моего тѣла; пусть еще ваше слово сообщитъ этому изображенію подлинный, живой, теплый колоритъ предметовъ этого неприступнаго для обыкновенныхъ умовъ свѣта, хотя граничащаго съ ними, — будьте живописцемъ сердца и мятежныхъ его обитатель-

ницъ, страстей, — и я преклоноу передъ вами колъно, назову васъ Художникомъ, стану удивляться вашему искусству. Если вы вздумаете описывать мнѣ стихотворнымъ языкомъ наружныя дѣйствія тѣла, я скажу, что вы пишете газету въ стихахъ, и возьму читать Исторію, въ которой найду описаніе тѣхъ же дѣйствій, вѣрнѣе и лучше, потому, что тамъ нѣтъ примѣси воображенія. И не думайте, чтобы съ помощію одной холодной выдумки. обстоятельствъ для развитія этихъ дѣйствій, могли вы создать либо представить характеры, извѣстные нравственные типы. Характера нѣтъ, доколѣ сильныя страсти не задѣйствуютъ въ человѣкѣ, — есть только поведеніе. Оно принадлежитъ Исторіи. Характеръ есть слогъ страсти: освѣщенная съ одной стороны факеломъ вашей мысли, она бросаетъ на стѣну жизни тѣнь свою и слитой съ нею души, рисуя и вѣрный рѣзкій профиль послѣдней, — это есть характеръ. Тщетно будете вы подстрекать поведеніе мелкими или искусственными страстями, произведенными гражданственностью, чтобъ вывести его изъ себя и заставить показать душу: оно побѣдитъ эти ничтожныя вождедѣнія, и скроетъ отъ васъ человѣка. Если заставите его проболтаться, то упрекъ падетъ на васъ: вы представите только человѣка безъ поведенія, несообразнаго, неправдоподобнаго, не представляющаго ничего для Художества: вашъ человѣкъ будетъ чудакомъ, — вы, писатель безъ искусства. Не забывайте, что вашъ читатель самъ человѣкъ образованный, хорошій общественный лицемѣръ, то есть, съ хорошимъ поведеніемъ: онъ проститъ вашему человѣку неумѣстное открытіе тайнъ его души только въ случаѣ такой бури сердца, которой самъ онъ испугается такъ, что забудетъ о всѣхъ приличіяхъ и условіяхъ искуснаго поведенія.

Не мелкія и большею частію искусственныя

страсти, но сильныя, коренныя страсти человеческой природы составляют первую матерію изящнаго созданія въ Словесности, особенно Драмы. Это иначе и быть не можетъ. Междуэтими страстями Художество должно еще избирать такія, которыя понятны всѣмъ вообще сердцамъ, и отъ которыхъ никто не уклоняется, хотя въ правѣ не ощущать ихъ въ высокой степени. Инстинктъ всего человечества, съ незапамятныхъ временъ, отгадалъ и указалъ Художникамъ тѣ страсти, или тотъ рядъ страстей, въ которыхъ заключается истинное начало изящнаго и Драмы: это любовь, — любовь чувственная, материнская, отцовская, сыновняя, — но все любовь. Никто не оспаривалъ этой истины, доколѣ неумѣніе Художниковъ и плоское подражательство не наскучило однообразностью произведеній. Родившаяся въ наше время, гордое исчадіе матеріализма, система утилитарная, подводя душу и сердце подъ четыре ариѳметическія правила, переплавляя все въ вещество, числа и золото, превращая страсти въ паръ для фабричныхъ машинъ, подняла невѣжественный грубый вопль и противъ любви, стала осмѣивать ее замаранными производителею сажеею устами, и дерзнула управлять Изящнымъ по Политической Экономіи. По ея приказанію, люди, никогда не разсуждавшіе объ истинно Прекрасномъ и Художествѣ, или, по своей слабости, повиновавшіеся новымъ понятіямъ, которыхъ сами знали всю неосновательность и уродливость, рѣшились быть умнѣе вѣрнаго инстинкта своего рода, и стали писать Трагедіи безъ любви, — писать Драмы, писать Комедіи и даже Романы, безъ любви. Прочь, любовь! прочь, мерзкая и несвойственная человѣку страстишка! Гоните безобразное и скучное чувство изъ Словесности, изъ общества, изъ Европы, отсюду! Запереть всѣ парадныя лѣстницы! Если она опять появится, то

пусть ее прыгаетъ по черной лѣстницѣ, — въ дѣвичью, если же угодно! — не то въ Романы Поль-де-Кока! — туда, гдѣ нѣтъ Словесности!

Ни слова! очень справедливо! Любовь надоела: но покажите, что произвели вы хорошаго безъ нея? Много ли осталось, для потомства, твореній, которыхъ не оживила она своимъ огнемъ? Гдѣ они? Преспокойно спать на полкахъ библиотекъ, усыпивъ три четверти читателей! Или иногда еще пробѣгаютъ ихъ, зѣвая, истасканные жизнью холостяки, единственно на зло своимъ любовницамъ! Незавидная судьба для плода ума человѣческаго! Это понятіе, о Драмѣ безъ любви, — въ возможность которой многіе у насъ еще вѣрятъ или стыдятся не вѣрять, — было нѣкоторое время въ модѣ во всей Европѣ. Европа уже объ немъ забыла; но у насъ моды не такъ-то скоро проходятъ: ихъ длинный изорванный шлейфъ всегда долго еще тащится по нашей землѣ. Но что касается до Драмъ безъ любви, то, по-видимому, нашъ литературный міръ крѣпко ухватился за это понятіе, и держитъ его за хвостъ обѣими руками. Пустите его, пожалуйста: вы оторвете хвостъ, и сами опрокинетесь на землю. Съ нимъ ничего не выиграете! Пустите, и оглянитесь. Видите, вся Европа опять стряпаетъ Драмъ на любви, убѣдясь, что иначе быть не можетъ! Видите, Викторъ Гюгò, отчаянный ультра-романтикъ, непримиримый врагъ всего классическаго, человѣкъ, который жертвуетъ высокою своею судьбою, чтобъ казаться необыкновеннымъ, — самъ Викторъ Гюгò изъ любви выливаетъ первыя формы своихъ Драмъ. Вы спросите, почему? — потому, что въ немъ есть инстинктъ генія, который ясно видитъ существо дѣла. Любовь есть единая истинно-драматическая страсть въ Природѣ: во-первыхъ, она мила, трогательна, сильна и никому не противна; она непримѣтно распаляетъ зрителя и читателя,

и увлекаетъ его въ пользу повѣсти, въ которой господствуетъ; она основаніе занимательности всякой интриги; во-вторыхъ, она представляетъ художнику неисчерпаемый источникъ изящныхъ соображеній, потому что въ ней соединяются всѣ другія коренныя жизненныя страсти, — ревность, ненависть, месть, зависть, коварство, отчаяніе, — всѣ добродѣтели и всѣ злодѣянія, всѣ благородныя движенія души и всѣ злобныя порывы сердца; въ-третьихъ, отъ нея рѣзко и превосходно отражаются искусственныя страсти общественнаго человѣка, — гордость, тщеславіе, честолюбіе, скупость, и. т. п. Съ нею сочетается все: она всеобщая страсть Природы, и для драматическаго созданія нѣтъ на землѣ лучшей и богатѣйшей основы. Сверхъ-того драматистъ находитъ подлѣ нея двѣ важныя и самыя естественныя пружины занимательности, — красоту и юность. Изящное, отвергая любовь, отвергаетъ родную мать, потому что безъ любви мы не имѣли бъ и понятія объ Изящномъ.

Эти разсужденія показали мнѣ необходимы, и я съ удовольствіемъ распространился о предметѣ, который считаю чрезвычайно важнымъ для Искусства въ нашемъ отечествѣ. Въ нашей возникающей Словесности, для ея блага, должно всѣми силами обращать усилія писателей къ истиннымъ началамъ Художества, когда они увлекаются ложными понятіями, примѣчательными только по своей необычайности; должно откровенно предостеречь тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ будущая слава Литературы, что они берутъ на себя бремя сверхъ силъ человѣческихъ, и бесполезно теряютъ свои досуги на достиженіе невозможнаго: иначе, Русская Словесность всегда будетъ въ младенчествѣ, и мы не произведемъ ничего великаго, ничего удивительнаго. Но пора приступить къ Трагедіи Г. Хомякова, то есть, воз-

вернуться къ начатому: теперь уже не уклонюсь отъ предмета. Самозванецъ Г. Хомякова не похожъ на другихъ печатныхъ Самозванцевъ: поэтъ предпринялъ формальную апологію Гришки Отрепьева, и желалъ показать его человѣкомъ необыкновеннымъ, одушевленнымъ высокими помышленіями, но поставленнымъ въ ложномъ положеніи, преданнымъ въ руки глупыхъ и коварныхъ совѣтниковъ, слабымъ, и въ то же время твердымъ и слабымъ, — коротко, человѣкомъ высшаго разряда, но неопытнымъ и нерасчетливымъ. Быть можетъ, Г. Хомяковъ уже достоинъ похвалы за то, что не думалъ чужею головою, но смѣло излилъ на бумагу то, что самъ задумалъ, — и притомъ излилъ въ хорошихъ стихахъ. Но я не скажу, чтобъ такой Самозванецъ былъ вполнѣ лице драматическое, и могъ замѣнить собою въ повѣсти недостатокъ основнаго начала занимательности и Изыщнаго, — сильной и нѣжной страсти. Самозванецъ не въ состояніи быть занимательнымъ, — потому, что онъ самозванецъ. Мы не въ силахъ и не должны, принимать живаго участія въ плутъ, какъ бы знаменитъ онъ ни былъ. На комъ опирается интересъ Драмы Г. Хомякова, — если только въ его Трагедіи есть Драма? Рѣшительно, ни на комъ! Теперь научите меня средству выдержать до конца чтеніе книги въ 200 страницъ, изъ которой изгнаны за излишествомъ не только страсть, но и занимательныя лица!..... Всѣ дѣйствующія фигуры отвратительны: Самозванецъ — самозванецъ, и этого довольно; Шуйскій лицемѣръ, ханжа, холодный честолюбецъ; Марина и Патеръ Квицкій изверги, безъ поведенія; вдовствующая Царица и Басмановъ сообщники обмана и лица второстепенныя; прочіе — пролазы, льстецы, глупцы или слѣпыя орудія. Подобной ошибки въ планѣ, въ созданіи формы

изящнаго творенія, не искупить ни какой талантъ въ міръ.

Поэту оставались еще театральные эффекты, но онъ презрѣлъ и эту пружину. Двѣ сцены, въ которыхъ ожидалъ я встрѣтиться съ ними, суть — объясненіе Димитрія съ Царицею Марѳою, и совѣщаніе его съ женою. Я думалъ, что тутъ разразится громъ надъ Димитріемъ; что послѣ долгаго спора съ мнимымъ сыномъ, несчастная мать рѣшится на послѣднее средство, произнесетъ упрекъ, который собственное достоинство и гордость не позволяли ей обнаружить до того времени, и, въ отчаяніи, скажетъ ему, что онъ не ея сынъ, — что она знаетъ обманъ его! Димитрій, вдругъ уничтоженный среди ослѣпленія своего счастья; мать, доведенная добродѣтельнымъ гнѣвомъ до самаго унижительнаго признанія, — безъ сомнѣнія образовали бы прекрасное драматическое положеніе. Но у Г. Хомякова Димитрій и Царица Марѳа старые знакомцы: они обманываютъ вмѣстѣ, съ общаго согласія, и съ перваго слова знаютъ, какъ называть другъ друга. Послѣ этой *читательской* неудачи, я надѣялся, что, когда прійдетъ рѣшительная минута, авторъ доставитъ мнѣ по крайней мѣрѣ обратную эффектную сцену, и Самозванецъ, въ опасности, сдѣлаетъ съ женою, гордою знаменитостью своего рода и тщеславною до безконечности, то, что мать забыла съ нимъ сдѣлать, — что онъ разразитъ Марину, вѣтрено предающуюся упоенію величія, необходимымъ признаніемъ въ своемъ самозванствѣ. Ничего не бывало! Марина давно о томъ знаетъ; Димитрій никогда не скрывался передъ нею, и между ними это домашнее дѣло. Это ужъ не только не драматически, но и не правдоподобно! А сцена между супругами могла бы быть чудесна, — даже при небольшомъ искусствѣ!

Содержаніе Трагедіи, въ которой нѣтъ ни сла-

ныхъ страстей, ни занимательныхъ лицъ, весьма просто. Въ первомъ дѣйстви разговариваютъ объ охотъ, и Дьякъ Осиповъ уличаетъ Димитрія, въ присутствіи всѣхъ вельможъ; Шуйскій взять подъ стражу и преданъ суду. Во второмъ, Шуйскій приговоренъ къ смерти: всѣ ходатайствуютъ о помилованіи, и ему прощается. Въ третьемъ дѣйстви, Димитрій обиженъ посломъ Сигизмунда, и готовитъ войну Литвъ, но Марина его уговорила, и онъ для прелестныхъ ея глазокъ, терлетъ даже тѣхъ приверженцевъ, которыхъ снискала ему благородная его рѣшимость. Совѣщанія заговорщиковъ у Шуйскаго возобновляются, и здѣсь является тѣнь интриги, которая ослабѣваетъ въ длинныхъ сценахъ и исчезаетъ въ преждевременныхъ объявленіяхъ о томъ, что кто намъренъ дѣлать. Съ одной стороны Бояре готовы у Шуйскаго погнбелъ Самозванцу; съ другой Самозванецъ, увѣщаемый женою и Іезуитомъ, собирается однимъ ударомъ, во время пира, истребить всѣхъ Бояръ. Последняя сцена была бы прекрасна, если бъ Марина и Іезуитъ имѣли болѣе поведенія; но въ рѣчахъ Марины нѣтъ ничего женскаго, въ Іезуитѣ ничего Іезуитскаго. Наконецъ, Бояре предупреждаютъ ударъ, и Самозванецъ убитъ, какъ въ Романѣ Ф. В. Булгарина. Шуйскій достигъ верховной власти: онъ обманулъ всѣхъ!

Отнюдь не утверждаю я того, чтобъ въ этомъ произведеніи не было удачныхъ мѣстъ, даже хорошихъ сценъ; — напротивъ, въ немъ очень много прелестныхъ выраженій и стиховъ, но, по моему мнѣнію, при такомъ промахѣ въ созданіи цѣлаго, частныя красоты значать то же, что горсть золота, брошенная въ море для испрошенія попутнаго вѣтра, когда корабль застигнутъ тишью. Золото потеряно, — и корабль стоитъ на мѣстѣ. Послушайте заговор-

щиковъ, толкующихъ у Шуйскаго о обидахъ, претерпѣнныхъ ими отъ новаго Царя.

САЛТЫКОВЪ. Какъ дерзокъ Царь, какъ онъ неблагодаренъ!

Подумайте, какъ я служилъ ему,
И кланялся и билъ челомъ смиренно,
И съ Ляками былъ друженъ. Что жъ теперь?
На этихъ дняхъ уговорилъ я Мнишка,
Чтобъ онъ просилъ награды за меня;
И знаете ль, что отвѣчалъ Разстрига?

«Не дамъ ему: въ немъ подлая душа!».....

Душа, душа! Какъ видѣтъ бывший Дьяконъ!

КУРАКИНЪ. Ну, признаюсь! обиженъ Салтыковъ! (*Ахочутъ*).

САЛТЫКОВЪ. Да, смѣйтесь!

Я не привожу этого мѣста, какъ самое лучшее но только какъ образецъ тона, какимъ большею частію изъясняются дѣйствующія лица. Ища красоту Поэзіи въ этомъ твореніи Г. Хомякова, скорѣе взялъ бы я пѣснь слѣпца Антоція и слѣдующій за нею разговоръ, или нѣкоторыя мѣста изъ бесѣды Дмитрія съ Басмановымъ (Явл. VIII пятаго дѣйствія). Но истинно драматическая сцена, и одна во всей Трагедіи, гдѣ пылаетъ огонь, гдѣ Поэтъ возвысился до степени изящнаго соображенія, есть появленіе, ночью, въ келью Царицы Марѣы, слѣпца Антоція, клеветра Шуйскихъ и хитраго фанатика: онъ имѣетъ порученіе уговорить ее, чтобъ она торжественно объявила колеблющимся заговорщикамъ, что Дмитрій не ея сынъ; онъ старается подействовать на умъ набожной женщины однимъ изъ самыхъ трогательныхъ обстоятельствъ Вѣры, — тѣмъ, что она имѣетъ счастье быть матерью Святаго, ибо могила настоящаго ея сына уже начинается славиться чудесами. Но Марѣа поклялась Самозванцу предъ иконою, всегда свято хранить ужасную тайну подлога, и на другой день долженствовала всенародно

объявить Москвѣ, что онъ дѣйствительно тотъ самый, котораго считали убитымъ въ Угличѣ.

АНТОНІЙ..... И ты тому не вѣришь,
 Что вскормленный для будущихъ злодѣйствъ
 Отравами коварныхъ Іезуитовъ,
 Онъ общалъ учителямъ благимъ
 Смирить главу Святой Христовой Церкви
 И подъ пяту Латинскаго врага
 Ее сложить. Ты этому не вѣришь?
 Иди жь внимать, въ часы его забавъ
 Какъ нагло онъ надъ Вѣрою смѣется,
 Какъ въ дни постовъ, порой святыхъ молитвъ,
 Бѣснуется съ толпами скомороховъ
 Средь пѣсень, винъ и смрада гнусныхъ яствъ;
 Какъ иноковъ торговой казною муча,
 Обителей завѣтную казну
 Для праздниковъ безбожно расхищаетъ.
 Гляди, какъ Ляхъ вступаегъ въ чистый храмъ
 И за собой, хохоча, вводитъ стаю
 Нечистыхъ псовъ....-Иль нѣтъ, идемъ туда,
 Гдѣ въ сумракѣ церквей неозаренныхъ,
 Едва блещитъ ночной лампы свѣтъ;
 Тамъ слушай гласъ Іереевъ, звукъ анаемъ,
 Зовущихъ Божій громъ на Лже-Царя;
 Внимай, внимай, и послѣ — сихъ проклятій
 Тягчайшую, ужаснѣйшую часть
 Возьми съ собой! Ц. МАРФА. О пощади, Антоній!
 Ты грудь мою терзаешь; но увы!
 Я Шуйскаго отъ гибели спасал,
 Присягою тяжелой сопрягла
 Свою судьбу съ судьбой злодѣя. АНТОНІЙ. Клятвой?
 И этимъ ли окованъ робкій духъ?
 Сильнѣе ли обѣтъ безумной, грѣшной,
 Чѣмъ тотъ обѣтъ, что Богу ты дала
 При таинствѣ спасительной купѣли?

Ц. МАРФА. Нѣтъ, старецъ, нѣтъ; не знаешь ты тѣхъ словъ,
 Тѣхъ грозныхъ словъ, которыми навѣки
 Связала я свой трепетный языкъ.

АНТОНІЙ. Ты совершила страшный грѣхъ: но слушай!

Когда бь клялась ты Руси наивннть
 Иль въ спящаго, невинаго младенца
 Вонзить кинжалъ, иль Бога позабывъ,
 Поправъ Креста животворящу силу,
 Безсмертный духъ продать бвсамъ, — скажи....
 Должналь бы ты тогда обѣтъ исполнить?
 Все въ клятвѣ той соединила ты,
 Обманъ и кровь, отечеству измѣну,
 Предательство предъ Вѣрой и Творцемъ,
 И торжество нечистыхъ силъ, и болѣ
 О, болѣ еще. — Иди за мной,
 Союзъ грѣха расторгни покаяньемъ,
 Преступника оставь! **ЦАРИЦА МАРФА.** Я не могу.
 Не отвѣчай, подумай! я въ страданьяхъ,
 Въ презрѣннн влачила дни свои;
 Всѣ съ ужасомъ измѣнницы бѣжали;
 Онъ жизнь мою мгновенно оживилъ,
 Бездѣтную сыновнею любовью
 Онъ окружилъ, и мщенье мщенье далъ;
 Да: мщеніе, котораго такъ долго
 Алкала я; и дней моихъ закатъ
 Озолотилъ торжественной зарею. —
 И онъ мой сынъ, и я Царицей вновь:
 А гдѣ враги? во прахѣ. — О Антоній!
 Забуду ль все и измѣню ль ему,
 Чтобъ снова быть страдальцей презрѣннн?

АНТОНІЙ: Остановись! Такъ вотъ чему душой
 Ты жертвуешь, и Вѣрой и Россіей?
 А, вотъ чему! Безумной мишурѣ
 Мгновенныхъ почестей и змой гордынъ
 И мщенію! Но въдай же, Царица,
 Что безъ тебя судебъ твоихъ завѣтъ
 Свершитъ Господь; что безъ тебя съ престола
 Преступника онъ свергнетъ, безъ тебя
 Освободитъ онъ Вѣру Православну.
 Но ты, отвергнушая его призывъ святой,
 Раба грѣха, отнынѣ надъ тобой
 Клеймо суда, анаеема презрѣннн

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ :
 И казнь стыда и отверженья
 Съ названіемъ твоимъ къ потомству перейдетъ.

Ц. МАРѠА. Зачѣмъ, зачѣмъ столь грознымъ испытаньемъ
 Безсильная жена посѣщена?
 И робкому, волнуемому духу
 Зачѣмъ людей тяжелая судьба
 Поручена? АНТОНІЙ. И ты ль на Бога ропщешь?
 Ты, болѣ всѣхъ въ сей беззаконный вѣкъ
 Избранная и взысканная свыше?
 Ты ль на отвѣтъ Всевышняго зовешь?
 Межъ тѣмъ, какъ онъ, сіянемъ чудотворства
 И святостью видѣній неземныхъ,
 Царевича безгрѣшную могилу
 Прославилъ дивно? Ц. МАРѠА. Чью могилу? чью?
 Дмитрія? АНТОНІЙ. И ты того не знала,
 Не слышала? Ужель никто досель
 Преступницъ повѣдать не дерзнулъ
 Величіе отверженнаго сына?
 Уже давно въ дали степей глухихъ,
 Во тмѣ лѣсовъ, въ пустыняхъ полунощныхъ,
 Вездѣ гремитъ хвалебныхъ ликовъ гласъ
 Дмитрію, а ты одна не знаешь?
 Несчастливая! Ц. МАРѠА. О счастливая мать!
 Мой сынъ, мой сынъ небесною любовью
 Испушить. АНТ. Нѣтъ: отвергнетъ онъ тебя,
 Какъ ты его отвергла. Ц. МАРѠА. Боже, Боже!

АНТОНІЙ. Онъ чуждъ тебѣ: твой сынъ Разстрига злой,
 Избранникъ твой, любимецъ; съ нимъ прекрасный
 Свой путь свершишь, съ нимъ мзду примешь ты.
 И каждый лучъ небесной благодати
 Сіяющій надъ отрокомъ твоимъ,
 Надъ отрокомъ, отверженнымъ тобою,
 И каждое Разстриги злое дѣло,
 Какъ тяжкій гнетъ въ бездонной глубинѣ
 Тебя прижметъ, какъ мечъ вопьется въ душу.
 Какъ огонь сожжетъ. Ц. МАРѠА. И завтра я должна
 Отъ сына вновь отречься отъ Святаго,

И Патріархъ благословитъ обрядъ,
 И вся земля узнаетъ. АНТ. Завтра, завтра?
 Свою бѣду почувая хитрый врагъ. —
 Но съ нами Богъ! — Въ послѣдній разъ, Царица,
 Всевышняго ослушная раба,
 Зову тебя; послѣдній мигъ спасенья
 Даетъ Господь; расторгни плѣнь грѣха:
 Иди за мной, отвергни Самозванца.
 Ты медлишь? А! возьми же приговоръ!
 Внемли ему. — Твое отнынѣ имя
 Изгладится изъ Книги Живота,
 И въ небесахъ, среди блаженныхъ ликомъ,
 Какъ ложь, какъ грѣхъ, забудется оно;
 И отвратится Ангелъ покаянья;
 И въ безпредѣльной благодати Творца
 Тебѣ одной пощады не найдетъся. (*Беретъ ее за руку.*)
 Но ты дрожишь, ты стонешь, слезы льешь!....
 О, знаю я, ты не отвергнешь сына;
 Внемли, внемли, я слышу. онъ зоветъ!
 Возри горь: чело его сіяетъ.
 Съ своихъ небесъ, съ блаженныхъ тѣхъ высотъ,
 Онъ чистыя объятія простираетъ,
 И грѣшницу вѣнцами осыпаетъ,
 И въ Божій рай тебѣ отверзся входъ.
 О не бѣги призванія роднаго,
 Не отвергай младенца своего!
 За мной, за мной; я именемъ его
 Тебя зову. ЦАРИЦА МАРѢА. Антоній, я готова!

Какъ жалко видѣть подобную сцену, не смотря на ея непомѣрную длинноту, въ самомъ сочиненіи поставленной въ ледяномъ чертогѣ Трагедіи «Димитрій Самозванецъ», гдѣ и красоты свѣтятся не своимъ блескомъ, но холоднымъ огнемъ лучей солнца, отраженныхъ отъ гладкаго, полированного льда! То вѣрно, что путь къ безсмертію не черезъ Драмы, въ которыхъ нѣтъ сильныхъ страстей.

ПАНОРАМА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. Часть первая. С. - Петербург, 1834. Съ виньетами, планами и гравированными видами.

Какъ бы то ни было, я Москву уважаю, а люблю Петербургъ : это столица въ полномъ значеніи слова, — вмѣстѣ гавань, торговый городъ, музей, ярмарка, мануфактура, и бальная зала и фасадъ Россіи.

Москва имѣетъ свои преимущества, которыхъ я у ней не отнимаю. Она справедливо гордится своимъ садовитымъ Кремлемъ, множествомъ своихъ церквей, лѣсомъ своихъ грушеобразныхъ башень. Москва есть городъ, великолѣпно набросанный на большомъ пространствѣ прекрасно изваянной земли, огромный, многолюдный, пустопорожній, пестрый, живописный, странный; исполненный рѣдкостей и противоположностей, поражающій яркостью своихъ красокъ и глубокою мрачностью своихъ тѣней, носящій на своихъ зданіяхъ, видахъ, деревьяхъ, почвѣ, въ самомъ даже воздухѣ, тотъ плѣнительный отпечатокъ народности, котораго ни перенести въ другое мѣсто, ни поддѣлать не возможно, занятый рачитываніемъ своихъ богатствъ на тысячи душъ и своей славы на столѣтія, преданный шумнымъ забавамъ и философскимъ разсужденіямъ, и зѣвующій отъ скуки среди забавъ, разсужденій, тысячъ душъ и столѣтій. Все это презанимательно, — но я не охотникъ до Древностей, и предпочитаю Петербургъ : онъ выросъ съ нами, онъ намъ братъ, нашъ школьный товарищъ, дитя и представитель нашей образованности. Въ немъ родилась и теперь воспитывается будущность Россіи.

Посмотрите, какъ онъ молодъ, свѣжъ, красивъ, правилень, изященъ! Какъ убранъ, раскрашенъ, уставленъ безчисленными рядами Коринѣскихъ колоннъ и Шведскихъ печей на манеръ Аѳинскій! Это Европа юная и еще невинная.

И когда хочу я видѣть Петербургъ, который всегда имѣю предъ глазами, то надѣваю плащъ и га-лоши, и иду ровно въ два часа на Невскій Проспектъ: онъ тогда гуляетъ тамъ семейно, ведя за руку наряженное куклю, любимое свое дѣтище, — тщеславіе.

Что писать критику! Лучше пойдемъ на Невскій Проспектъ. Петербургъ тамъ!

Небо завалено мелкими сѣрыми обрывками облаковъ. Сѣверо-западный вѣтеръ распинаетъ флаги. Дождь не падаетъ каплями, но только, подобно счастию, нисходящему во время сна, легкимъ прозрачнымъ туманомъ осаждается на перила и тротуары, поламывая въ костяхъ у старыхъ холостяковъ, разоряя отставные усы у провинціаловъ, и развивая у красавицъ жидовскіе локоны, которые уныло, безъ жизни, безъ надежды, висятъ на розовыхъ озябшихъ щекахъ, какъ отчаяніе, по словамъ Г. Жанена, или подобно Черкесскимъ нагайкамъ, какъ выражается одинъ нашъ Русскій Философъ. Солнца не видно уже три недѣли. Петербургскіе жители, встрѣчаясь, говорить другъ другу:—Ахъ, какая прекрасная погода!...

Шляпы и шляпки роются на широкомъ и длинномъ тротуарѣ любимаго гульбища. Безчисленныя группы веселыхъ пѣшиходовъ, вѣрныя супружескія пары и пасмурныя одинокія фигуры текутъ туда и назадъ непрерывною струею, встрѣчаются, смѣшиваются, пересѣкаются, толпятся и опять расходятся. Цвѣта розовый и черный, голубой и желтый, красный и лиловый, — лица бѣлыя и смуглыя, блѣдныя и багровыя, — глаза синіе, сѣрые, черные, безцвѣтные, — движась, мелькая, исчезая, сталкиваясь невзначай, сливаясь въ радуги, сбиваясь въ массы, — и вдругъ разлагаясь, представляютъ живую, неподражаемую игру узоровъ, красивыхъ, пестрыхъ, уродливыхъ, скудныхъ, отвратительныхъ, чудесныхъ.

Женщины и мужчины бѣгутъ, тѣснятся, пробираются, толкаютъ и учтиво просятъ извиненія, для здоровья: здѣсь всѣ важно суетятся подъ этою общею вывѣскою. И эти три розовые капота, модные, легкіе, жеманные, страждущіе ознобомъ, но такіе тонкіе въ талии и такіе короткіе въ юбку, расхаживаютъ, побрякивая зубами, для здоровья. И эти двѣ миленькія ножки, насильно вбитыя въ пару тѣсныхъ Варшавскихъ башмаковъ, лѣзутъ прямо въ лужу для здоровья. И этотъ великолѣпный разноцвѣтный клочъ для здоровья тащится въ грязи. И эта обезьяна въ Англійскомъ сюртукѣ и съ Чухонскими глазками, увиваясь въ толпѣ, забѣгаетъ впередъ всякому и снимаетъ шляпу; и эта олицетворенная гордость, высокая и неприступная какъ стѣны Ахалцыха, шагаетъ въ галошахъ по скользкимъ плитамъ, фыркаетъ и презираетъ весь родъ человѣческой, — для здоровья. Франты вертятся, щеголи выставляютъ себя на показъ, влюбленные вздыхаютъ, кокетки улыбаются, старики кашляютъ, обольстители волочатся, неуклюжіе наступаютъ другимъ на ноги, маменьки важничаютъ, дочки стрѣляютъ изъ шляпокъ нѣжно-любопытными взорами, нахамы заглядываютъ дочкамъ подъ шляпки, гувернантки ворчатъ. А тутъ записные вѣстовщики загораживаютъ вамъ дорогу важною новостью, какъ колодою! Вы перепрыгнули черезъ важную новость, — а тамъ всемірные друзья, пожимая руку Проспекту, вывихнули у васъ палецъ, — тогда какъ вокругъ васъ знакомцы перемигиваются, щеголихи пересмѣиваютъ, счастливые выскочки не узнаютъ вчерашнихъ своихъ знакомцевъ, пріатели клеветуютъ, пріятельницы злословятъ, наушники подстерегаютъ.... Тфу, мерзавецъ! какой-то пролазь пролезнулъ между моихъ ногъ и чуть-чуть не повалилъ меня въ лужу, спѣша мелькомъ закинуть позади меня свое словцо, — лишнее сѣмя злобы, принимающееся всю-

ду, и на каменной почвѣ тротуаровъ, — способное прорыть гранитъ своими корнями, и, черезъ годъ, черезъ два года или болѣе, вырости въ гнусныя ветви интриги!..... По крайней мѣрѣ, покорные привѣжіе ходатаи, кланяясь Петербургу, поклонились и мнѣ съ благоговѣніемъ! Я забывъ о пролазѣ, и отраднo утопаю въ чувствѣ моего достоинства, — достоинства жителя всемогущей столицы. Вотъ плуты надуваютъ! Вотъ дѣловые степенно нюхаютъ табакъ! Вотъ должникъ рысью уходитъ отъ попавшагося на встрѣчу кредитора, и мотъ умильно просить денегъ дозавтра! Неблагодарныя отворачиваются и краснѣютъ, завистники терзаютъ невиннаго, проигравшіе дѣло проклинаютъ весь свѣтъ, и меня въисть, враги сердечно здороваются, и, отойдя, другъ друга предають чорту..... Въ самомъ дѣлѣ, гулянье сегодня необыкновенно пріятно!

Гдѣ жъ мой пріятель V***?... Гдѣ Петръ Петровичъ?... Я ихъ не вижу, — а безъ нихъ нѣтъ гулянья, нѣтъ Невскаго Проспекта, нѣтъ Петербурга!.... А! вотъ мой пріятель!.... Онъ держитъ кого-то за полу, зоветъ къ себѣ сегодня обѣдать, и исчисляетъ ему тѣхъ, которые уже обѣщали сдѣлать эту честь его повару. Петръ Петровичъ кажется, зазываетъ этихъ господъ на завтрашній аукціонъ къ Тамизь?... Тѣмъ лучше! Слѣдственно все въ порядкѣ. Всѣ предводители Невскаго Проспекта здѣсь на-лице! Ираклій Иракліевичъ пересказываетъ всѣмъ поочередно вчерашнюю свою партію виста; вотъ что у него было: «Тузь, король, дама, семерка самъ-шесть козырей; дама, валетъ, девятка, пятерка; тузь, дама, десятка..... Что жъ? Проигралъ левѣ!!.....» И Баронъ фонъ Гундшванцъ здѣсь съ своею собакою! И Вася Пускуновъ съ своими фразами изъ Бальзака, которыя громко лепечетъ онъ двумъ тощимъ дамамъ, чтобъ всѣ слышали, какъ онъ говоритъ по-Французски! Какой ком-

плектъ! Между-тѣмъ потокъ неестся съ шумомъ; между-тѣмъ все движется, плыветъ, кружится омутомъ и быстро уходитъ далѣе; около моей головы летаютъ рои словъ и звуковъ; со всѣхъ сторонъ, какъ щепки изъ подъ топора, прыскаютъ вамъ въ уши отрывки бѣглыхъ разговоровъ, острые осколки фразъ, черепки разбитыхъ мыслей, лопнувшіе въ воздухъ замѣчанія, уроненныя и раздавленныя ногами нежноти.—*Pardon, mesdames!*—Какой дуракъ!— Вы думаете, что онъ точно....?—*Обыграли его на вѣрняка.*—*Моя Персидская кобыла.....*—*Посмотри, маменька, на эту куклу! Il faut être un grand sot.....*—*Mille obligations!*—*Вотъ это мужъ той, которую.....*—*Ja wohl! das muss wahr seyn.*—Теперь она влюблена въ....—*Анасынѣ, бабасынѣ, Мустафа-Ага!*—*Indeed?*—*Ну, это понимается!*—*Mais elle charmante!*—*Questi signori Russi.....*—*....А бѣдный мужъ!....*—Онъ будетъ отвѣчать Полевому.—Скажите, откуда она добываетъ деньги!—*Соня, у тебя башмакъ развя....*—*Уфъ, Марья Ивановна!* зачѣмъ ты меня такъ ущипнула?—*Vous êtes bien boppe, madame!*—*Иванъ Ивановичъ!* что ты, батюшка? съ ума сходишь? зачѣмъ такъ пристально на нее смотришь?—Я ни какихъ книгъ не читаю.—Какой онъ милый?—Ваша собачка, сударыня?—Отворачивается! не узнаетъ!—*Ахъ, подлець!*—И эта карета не заплачена!—*Постой, голубчикъ!* прійдемъ домой; я съ тобой раздѣляюсь.—*Мой мужъ уѣдетъ въ седьмомъ часу.....*—*Задамъ же я этому негодяю!*

Послѣ такого моціона, всѣ Петербургскіе жители непременно должны быть здоровы! Я думаю, мы будемъ обѣдать сегодня съ большимъ аппетитомъ.

Постойте, однако жъ, милостивые государи! Мы гуляемъ какъ сапожники. Такъ гулять не возможно въ нашемъ вѣкѣ. Чтѣ пользы, что мы, городъ Петербургъ, собрались всѣ въ одной улицѣ, и ходимъ

взадъ и впередъ!.... Знаемъ ли мы, гдѣ ходимъ? и почему здѣсь ходимъ? кто здѣсь ходилъ прежде? и какъ здѣсь ходили наши предки? и что они думали, расхаживая? что говорили, думая? и наконецъ, что такое мы, Петербургъ? — Мы ничего этого не знаемъ! Мы не имѣемъ понятія о великолѣпномъ городѣ, въ которомъ живемъ, о рѣдкостяхъ и богатствахъ всякаго рода, вещественныхъ и умственныхъ, которыя въ немъ накопились въ теченіе столѣтій, и которыя мы окружены. Такъ ли гуляютъ на свѣтѣ другія столицы, которыя не стоятъ и половины нашей? Въ XIX вѣкѣ должно гулять не ногами, но головой, — гулять исторически, статистически и топографически, — какъ гуляютъ просвѣщенные народы, которые знаютъ, какъ слѣдуетъ расхаживать по своему городу. Надо дѣлать основательно. Я пришелъ сюда гулять съ книгою въ карманѣ, ученымъ и полезнымъ образомъ, — и вамъ совѣтую сдѣлать то же.

Вотъ она! Имя ей «Панорама Петербурга!» Посмотрите, какая красивая! Ее не стыдно показать и на Невскомъ Проспектѣ. Видали ли вы Русскую книгу милѣе этой? Ее должно бы знать на-изусть всякому посѣтителю этой улицы; а покрайней мѣрѣ имѣть у себя дома. Я предлагаю составить журналъ гулянья, и, въ полномъ засѣданіи Невскаго Проспекта, записать благодарность А. П. Башуцкому за его прекрасный трудъ и пожертвованія для насъ, Петербурга, и для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ счастья быть нами. Право, онъ достоинъ нашей благодарности! Если бъ онъ не имѣлъ чести родиться на Мойкѣ, я предложилъ бы вамъ поднести ему дипломъ на званіе Петербургскаго гражданина за эту прелестную снаружи и преплезную внутри книгу, съ правомъ гулять здѣсь одному въ девятомъ часу вечера. Во всякомъ случаѣ, нашъ долгъ хоть уступить ему почетное мѣсто на тротуарѣ Невскаго Проспекта, »

потомъ купить его сочиненіе, которое каждому изъ насъ необходимо.

Символь нашего возрожденія въ политическомъ свѣтъ, красивая, голова съ изящными Греческими чертами и благороднымъ челомъ, на гигантскомъ тѣлѣ Россіи, величественное осуществленіе блистательной мечты Генія, Петербургъ вполнѣ заслуживаетъ быть тщательно изученъ Русскимъ. Эта наша Пинивія, — памятникъ, воздвигнутый нашими Государями благоденствію и славъ возобновленаго отечества. И между-тѣмъ, быть-можетъ, нѣтъ ни одного города въ Европѣ, который бы менѣе былъ извѣстенъ его жителямъ, чѣмъ Петербургъ! Исторія его не многосложна, не окружена облакомъ древности, — и та уже, оставленная памятію безпрестанно мѣняющихся обывателей, перешла во владѣніе немногочисленнаго класса литераторовъ.

Земля, на которой построены Петербургъ, была, кажется, древнее достояніе Нордманно-Руссовъ. Многія историческія данныя заставляютъ думать, что Ингрія, Карелія и вся Финляндія, съ частію нынѣшней сѣверной Норвегіи, принадлежали предкамъ Рурика, — и были совокуплены въ одно государство съ Новымъ городомъ, Весью и Чудью, когда его династія распространила свое владычество въ тѣхъ странахъ. При царствовавшей тогда у Нордманновъ системѣ Удѣловъ, соединеніе это могло быть болѣе династическое, нежели правительственное; но и тогда, какъ линія Рурика совершенно отдѣлилась отъ своего Дома, и двинулась къ югу и востоку, основанная ею Финно-Славянская Русь не отказывалась отъ правъ своихъ на древнія владѣнія рода Русскихъ Князей, современемъ перешедшія подъ власть другихъ Княжескихъ родовъ Скандинавіи. Ингрія и Карелія долѣе другихъ областей оставались за Россією, и принадлежали Новугороду подъ названіемъ «Вотской

Пятины». Въ послѣдствіи Швеція утвердила здѣсь свое владычество. По взятіи Шлотборга, нынѣшняго Шлиссельбурга, въ 1703 году, —

«Видя себя властелиномъ Невы отъ истока ея до самаго устья, — ибо хотя Шведская эскадра находилась еще въ виду, но не могла войти въ рѣку, по недостаточной глубинѣ, — ПЕТРЪ вознамѣрился стать твердою ногой на возвращенномъ имъ силою оружія мѣстѣ, и укрѣпить оное такъ, чтобы вся покушенія Шведовъ къ обратному завоеванію оного содѣлать безплодными. Съ сею цѣлю, вскорѣ послѣ Усть-Невскаго дѣла, Царь собралъ Военный Совѣтъ, на которомъ было разсуждаемо: должно ли укрѣпиться въ Шлотбургѣ, или предпочесть иное мѣсто, не столь удаленное отъ моря? — Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, Шлотбургъ, по причинѣ тѣсноты, по слабымъ способамъ, представлявшимся къ его оборонѣ, и, всего болѣе, по отдаленію отъ устья Невы, положили срыть, и построить новую крѣпость ближе ко взморью. Для выбора къ тому мѣста, ПЕТРЪ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поѣхалъ осматривать острова, омываемые разными рукавами Невы, и здѣсь-то блеснула въ умъ его великая и полезная мысль: въ семъ уединенномъ, но богатомъ удобствами мѣстѣ, основать обширный городъ и оживить дикія пустыни Ингрія и Корелія народонаселеніемъ, торговлею и промышленностію. Необозримыя пространства лѣсовъ и болотъ, представлявшіяся со всѣхъ сторонъ взорамъ Царя, не остановили его исполнскаго намѣренія: оно было принято — и небольшой низменный островъ *Енисари*, или *Залчій*, лежащій на Большой Невѣ, предъ нынѣшнею Петербургскою стороною, избранъ для заложения крѣпости.

«Есть преданіе, будто еще предшественникъ Карла XII подарилъ знатному Шведскому вельможѣ (кажется, Графу Стенбоку) участокъ земли при Невскихъ устьяхъ. Графъ, прельстясь красивымъ и выгоднымъ положеніемъ мѣста, построилъ тамъ мызу, заселилъ ее и назвалъ *Lustholm* (увеселительный островъ). Не прошло двухъ, трехъ лѣтъ, какъ осенью, еще до появленія льда, нѣсколько изъ жившихъ при мызѣ поселянъ погибли отъ стужи, а вслѣдъ затѣмъ

выступившая изъ береговъ вода затопила все селеніе. Грабъ, увидявъ свои труды и падержки утраченными, не разсудилъ заблаго возобновлять разрушенныя строенія, назвалъ подаренное ему мѣсто Teufelsholm (чортовъ островъ), и утхалъ, оставивъ разоренную мызу въ запустѣніи и забвеніи. Преданіе сіе, не подтверждаемое свидѣтельствами современниковъ, вѣроятно вымышлено, но тѣмъ не менѣе удачно припоровлено къ понятію о Петербургскомъ климатѣ, который въ настоящее время еще умврѣннѣе прежняго отъ увеличивающагося съ каждымъ почти днемъ народонаселенія, и отъ сопряженныхъ съ онымъ осушенія болотъ и вырубкн лѣсовъ.»

Петропавловская Крѣпость, и баттарей, устроенная на *Лосинномъ* (Васильевскомъ) Острову на мѣстѣ нынѣшней Биржи, были первое ядро будущей столицы Сѣвера, о которой Петръ Великій тогда еще не думалъ. Для личнаго надзора за работами, Царь велѣлъ выстроить для себя на Петербургскомъ Острову, называвшемся по-Финнски *Койвисари*, или Березовымъ, скромный деревянный домикъ въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ берега Невы, который донынѣ сохраняется какъ святыня, — какъ жилище великаго челоуѣка, и первое зданіе внѣ крѣпости, — первый домъ города Петербурга. Народъ, собранный для производства работъ въ крѣпости, также строилъ себѣ хижины по разнымъ островамъ. Между тѣмъ, громы войны раздавались окрестъ, и малѣйшая неудача на полѣ брани грозила неминуемымъ разрушеніемъ воздвигающейся твердыни и хижинамъ. Въ томъ же году прибылъ въ Неву первый купеческій корабль подъ Голландскимъ флагомъ, для торга съ работниками и военными. Въ 1705, Царь приказалъ уже выстроить по близости своего домика и дома Меньшикова деревянныя лавки, и около ихъ большіе «Торговые ряды», гдѣ продавалась смѣсь разныхъ товаровъ. Шведы стояли лагеремъ на Фон-

танкъ; но тогда уже первыя черты будущаго города примѣтно начинали отдѣляться отъ хаоса сваленныхъ въ беспорядкѣ лѣсовъ, болотъ, пустынь, воды и нестройныхъ хижинъ.

«Не смотря на безпокойства, наводимыя Шведами на Петербургскихъ жителей, число ихъ безпрестанно возрастало. Финны, Эстляндцы, Лифляндцы, и даже самые Шведы, лишенные въ продолженіе войны своихъ жилищъ, приходили селиться въ новостроимый городъ, если не охотно, то по необходимости. Иноземные художники, ремесленники и матрозы также являлись цѣлыми семействами, для снискиванія пропитанія. Охотнѣе всѣхъ пріѣзжали въ Петербургъ мелочные торговцы, въ особенности изъ Новгорода. Кроме того, Татары и Калмыки, вызванные изъ дальнихъ странъ для крѣпостной работы, добровольно оставались въ Петербургѣ тысячами, ибо работая для частныхъ людей по найму, приобретаали чрезъ то столько денегъ, что могли строить собственные свои дома, подъ которые отводилась имъ безденежно земля, равно какъ и потребный лѣсъ. Если ко всемъ симъ поселенцамъ прибавить еще являвшихся изъ бѣговъ солдатъ, каковыхъ въ царствованіе Петра Великаго, особенно въ первой половинѣ, бывало весьма много, и которыхъ повелѣвалось отправлять на работы въ Петербургъ, и наконецъ, ко всему присовокупить гарнизонныя войска, коихъ число безпрестанно увеличивалось, то можно ли удивляться, что въ столь короткое время на мѣстахъ бѣдныхъ хижинъ возникли цѣлыя ряды домовъ и улицъ, и безмолныя пустыни, каковыми до того были мѣста, омываемыя устьями Невы, обратились въ населенный городъ?»

Такъ вотъ первоначальное, коренное народонаселеніе нашей столицы! Чухонцы, Латыши, Нѣмцы, Голландцы, Новгородцы, Татары, Калмыки!... Боюсь, чтобы, въ такомъ случаѣ, и самъ я не происходилъ отъ какого-нибудь Калмыка: мой сосѣдь очевидно происходитъ отъ этого племени, но, переражаясь въ теченіе ста тридцати лѣтъ, и облагораживаясь постепенно, изъ *Бирю-юкчи-Гундурь-Чипчена* онъ наконецъ превра-

тился въ *Губернскаго Секретаря Чипченова*. Онъ уже давно Русскій человекъ, и Чипченовъ. Въ слѣдующемъ столѣтїи родъ его, быть-можетъ, возвысится до точки *Высокоблагородїя*: тогда, вѣроятно, переселится онъ съ *Петербургской* стороны въ самый городъ, и исчезнетъ въ массѣ наноснаго народонаселенїя. Между-тѣмъ, мой сосѣдъ и сослуживецъ, *Губернскій Секретарь Чипченовъ* внушаетъ мнѣ особенное къ нему почтенїе: я смотрю на него съ умиленїемъ, какъ на типъ кореннаго *Петербургскаго* обывателя, какъ на человека, въ жилахъ котораго течетъ кровь первыхъ строителей этой столицы. Взглянувъ на него, я вижу передъ собою черты пяти или шести племенъ, рывшихъ фундаменты города, въ которомъ онъ смиренно обитаетъ! Эти гладкіе черные волосы и свѣтлоричневый цвѣтъ кожи безспорно принадлежать еще трудолюбивому *Бирю-юкчи-Гундурь-Чипчену*. Эти сѣрые глаза оставила въ его родъ хорошенькая *Чухонка*. Терпѣливость, флегма, склонность къ пуншу и молчанїю, принесены въ его домъ дочерью *Голландскаго* ремесленника. Носъ, губы и борода очевидно Русскїе. О, если бъ вы, почтенный *Г. Чипченовъ* могли всегда остаться такимъ же! Не мѣняйте вашихъ чертъ ни на какія другія въ мїрѣ, — ни даже на черты *Белведерскаго Аполлона*: онъ, въ моихъ глазахъ, благороднѣе и изящнѣе *Греческихъ* и *Римскихъ*. Вы должны гордиться чертами тѣхъ, которые трудились при глазахъ Великаго.* Живите всегда на *Петербургской* Сторонѣ, и, къ вашему скромному чину, прибавьте, прошу, почетный титулъ: «Потомокъ одного изъ основателей *Петербурга*.» А когда израсходуете ваше жалованье прежде срока трети, приходите на пуншъ ко мнѣ: я васъ поподчиваю настоящимъ *Голландскимъ* громомъ, — такимъ, какой одинъ изъ вашихъ предковъ, послѣ денныхъ трудовъ со скоблемъ въ *Адмиралтействѣ*, нѣкогда пивалъ въ *Аустерліи*.

Въ 1707 году, весною, явилось въ Петербургъ пятнадцать тысячъ работниковъ, собранныхъ по Царскому указу съ ближайшихъ городовъ и деревень, и работы оживились новою дѣятельностью. Пожаръ осенью едва не уничтожилъ всѣхъ трудовъ лѣта.

«Петербургъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый, въ 1708-мъ году, т. е. чрезъ пять лѣтъ по его основаніи, уже могъ въ полномъ смыслѣ называться городомъ — и городомъ Европейскимъ, ибо главные его жители были болѣею частію или иностранцы, или хотя и Русскіе, но люди чиновные, уже перенявшіе образъ жизни и обычаи просвѣщенныхъ Европейцевъ. Петръ видѣлъ съ восхищеніемъ плоды трудовъ, подъятыхъ имъ для созданія Петербурга, и желалъ сдѣлать участниками своего удовольствія особъ, близкихъ ему по родственнымъ связямъ. Сбираясь къ веснѣ въ Невскій свой городъ, онъ пригласилъ посѣтить оныя вдовствовавшую супругу Царя Іоанна Алексѣевича съ тремя дочерьми ея, Царевнами Екатериною, Анною и Параскевіею, равно и трехъ сестеръ своихъ, Царевенъ Наталію, Марію и Θεодосію, кои знали Петербургъ только по слуху, ибо жили постоянно въ Москвѣ, хотя уже во многомъ заимствовавшей Европейскую образованность, но во многомъ еще сохранявшей обычаи старины.»

Но опять туча собиралась надъ раждающимся городомъ. Шведскій Генераль Любекеръ внезапно появился у Шлиссельбурга. Тревога овладѣла всѣми Петербургскіе жители, оставивъ свои постройки, должны были приготовляться къ защитѣ отъ наступающаго непріятеля; хлѣбные припасы были убраны въ крѣпость; чего не успѣли убрать, то сожгли, и новые поселенцы, между отчаяніемъ и надеждою, ожидали развязки дѣла, которое, по счастью, кончилось ошибками Любекера и торжествомъ Апраксина.

Лѣвый берегъ Невы заселялся болѣе и болѣе, и самый Петербургъ начиналъ уже переходить на эту сто-

рону. Адмиралтейство, въ которомъ съ невзролтною поспѣшностью создавался первый Россійскій флотъ, — изъ котораго суда разной величины одни за другими слетали съ верфей на Невскія воды, было центромъ дѣятельности и промышленности жителей, и необходимо должно было сдѣлаться сердцемъ новаго города. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зимній Дворецъ, воздвиглась въ 1708 Реформатская церковь. Адмиралъ Крѣйсъ построилъ на дворѣ своего дома церковь для Лютеранъ, освященную во имя Св. Апостола Петра, и Толль, изъ Амстердама, былъ первымъ ея пасторомъ. Но слѣдующій годъ, ознаменованный Полтавскою побѣдою, навсегда утвердилъ и колеблющуюся судьбу Петербурга. Царь рѣшился перенести сюда столицу Имперіи. Министры и всѣ знатныя особы получили приказаніе переселяться въ «Невскій городъ.» Для отвращенія пожаровъ, не разъ угрожавшихъ превратить все въ пепелъ, повельно было строить каменные дома. Послы Царскіе между тѣмъ заключали трактаты съ иностранными Державами и городами о торговлѣ съ Петербургомъ.

«Обративъ вниманіе на красивое положеніе Лосиннаго Острова, гдѣ некогда стояла батарея Поручика бомбардирской роты Василія Корчмина, онъ (Менишиковъ) избралъ восточную часть онаго для построенія себѣ дома, который бы соотвѣтствовалъ важности его сана и любви его къ роскоши и великолѣпію. Съ средствами, какія имѣлъ сей знаменитый вельможа, первый любимецъ и другъ Царя, Губернаторъ города, и человекъ, обладающій несмѣтнымъ богатствомъ, ему не трудно было приводить въ исполненіе самыя обширныя планы, если только они не превышали силъ человека. Съ сими средствами приступилъ онъ, еще въ 1709 г., къ построенію, на берегу Большой Невы, огромнаго каменнаго дома въ четыре этажа, съ длинными по сторонамъ трехэтажными флигелями и съ большимъ садомъ, простиравшимся въ ширину острова до самой Малой Невы. Не смотря

на огромность работы, строение возникало съ невероятною быстротою; къ осени 1710-го года средняя и вмѣстѣ главная часть онаго и вся набережная сторона праваго флигеля были выведены, и многіе внутренніе покои отдѣланы. Въ числѣ послѣднихъ находилась высокая зала, удивлявшая всѣхъ жителей и посѣтителей Петербурга своею обширностію: въ продолженіе многихъ лѣтъ она служила для большихъ празднествъ и баловъ. Входъ въ сію залу велъ съ набережной по широкой, красивой лѣстницѣ, а изъ самой залы былъ выходъ на просторный балконъ, съ котораго можно было обозрѣвать пространство Большой Невы, омывающей Петербургъ, и весь лѣвый ея берегъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый. Смежныя съ залою комнаты, назначавшіяся собственно для жительства Князя, были украшены по потолку и стѣнамъ небольшими бѣлыми изрѣзками, съ изображеніями синяго цвѣта, заимствованными частью изъ Свѣтской Исторіи. Парадная комната украшалась gobсленовыми обоями, подаренными Петру въ бытность его въ Парижъ.

«Не мѣньшее великолѣпіе отличало домашнюю утварь, которая, вмѣстѣ съ краснымъ убранствомъ стѣнъ, отражалась на блестящихъ штучныхъ полахъ, изъ разноцвѣтнаго дерева. Надъ серединою набережнаго фасада, на полуовальномъ фронтонѣ, находилось лѣпное изображеніе княжескаго герба, а въ саду, разведенномъ въ Голландскомъ вкусѣ съ обширными прудами и оранжереею, построенное въ томъ же году двухъэтажное деревянное зданіе, Италіанской архитектуры, было назначено для помѣщенія пріѣзжавшихъ къ Двору, отъ чего и называлось *Посольскими хоромами*. Все пространство сихъ двухъ домовъ съ садомъ занимало до 55 т. квадратныхъ сажень, и заключалось между Большою и Малою Невною, чертою, на коей въ послѣдствіи построены зданія Двѣнадцати Коллегій, и нынѣшнюю Кадетскую лѣсію.

«Съ того времени Лосиный Островъ начали именовать *Княжескимъ*, или *Меньшиковымъ*, но болѣе называли его *Васильевскимъ*, по той причинѣ, что еще прежде того, Царь, посылая повелѣнія къ командовавшему на Стрѣлкѣ баттареею Поручику Корчмяну, обыкновенно надписывалъ

на оныхъ: «*Василію на Островъ.*» Другой, не столько обширный, мазанковый домъ построилъ Меньшиковъ на Адмиралтейской сторонѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Сената.»

Въ память побѣды при Полтавѣ, еще въ 1709 году была заложена церковь Св. Сампсона; въ слѣдующемъ году возникла Троицкая церковь, основана Александро-Невская Обитель на мѣстѣ, называвшемся *Виктори*, и построены магазины для съѣстныхъ припасовъ на островъ *Поцесари*, Столбовомъ, или Петровскомъ, и пороховые на островъ *Корпусари*, Еловомъ или Аптекаарскомъ. Заложение Лѣтняго Дворца и Лѣтняго Сада принадлежитъ къ 1711 году, въ которомъ оживились и окрестности Петербурга мгновеннымъ появленіемъ загородныхъ дворцовъ и домовъ, — Екатерингофа съ его бельведеромъ, или Подзорнымъ Дворцомъ, Петергофа и Стрѣльни. Островъ *Поцесари*, Петровскій, достался Царевнѣ Наталіи; *Ристисари*, Крестовскій, Меньшикову; *Киссари*, Каменный, Канцлеру Головкину, а *Мишинъ*, или Елагинъ, Вице-Канцлеру Шафирову. Въ то же самое время заложили еще каменный дворецъ, на берегу Финнскаго Залива, между деревьями Лахтою и Сестрорѣцкомъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города. Царь, прельщенный положеніемъ этого мѣста, откуда взоръ простирается къ Петербургу и Кронштадту, повелѣлъ насадить тамъ дубовую рощу, и посему назвалъ дворецъ «Дубки». Теперь почти нѣтъ его слѣдовъ. Прекрасный лѣсъ, гдѣ видны и дубы, посаженные, быть-можетъ, собственною рукою Основателя столицы, сохраняетъ донынѣ, какъ и самое мѣсто, первоначальное свое наименованіе. — Кто изъ Петербургскихъ жителей знаетъ, гдѣ лежать «Дубки»?.....

Расчищенная и укрѣпленная въ берегахъ рѣка *Мья*, *Мойка*, бывшая до того времени узкимъ, мутнымъ и мелкимъ протокомъ; Зимній Каналь; Почто-

вый дворъ, мазанковое строеніе на Петербургской Сторонѣ; Сенать и Аустерія, или трактиръ, въ которую иногда захаживалъ и самъ Царь, тамъ же; каменный домъ Кикина на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго Дворца; Италіянскій Дворецъ Царевича Алексія, тамъ, гдѣ теперь Училище Ордена Св. Екатерины; Литейный Дворъ, Провіантскіе Магазины и множество другихъ зданій украсили городъ въ 1712 году.

«Вельможи, стараясь угождать желанію Государя, продолжали застраивать городъ большими каменными домами. На берегу Большой Невы, нѣсколько выше Лѣтняго Сада, построилъ себѣ каменный домъ Сибирскій Генераль-Губернаторъ Князь Гагаринъ; подлѣ него, еще выше, Вице-Канцлеръ Шафировъ, затѣмъ нѣкто Строевъ, бывший учитель Царя Зотовъ, а на углу къ Литейному дому Генераль-Фельдцейхмейстеръ Брюсъ, братъ Оберъ-Коменданта. На Петербургской сторонѣ близъ угла, образуемаго Большою Невкою, построены деревянный домъ Князя-Пана Бутурлина, съ огромнымъ куполомъ, на верху коего находилась статуя Бахуса; тутъ же, на набережной противъ Выборгской стороны, селились Сенаторы и нѣкоторые другіе изъ знатныхъ особъ, отъ чего и улица, мимо оныхъ идущая, получила названіе *Большой Дворянской*.

«Царь, съ своей стороны, повелѣлъ отъ Адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю прорубить въ лѣсу прямую дорогу, получившую названіе *Невскаго Проспекта*, или *Большой Перспективы*; на Выборгской Сторонѣ учредилъ восковой заводъ, а на Петербургской сторонѣ, противъ Троицкой церкви, указалъ строить мазанковый съ черепичною кровлею Гостиный Дворъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній назначался подъ лавки, а верхній подъ кладовыя. Сквозь сіе зданіе, имѣвшее фигуру продолговатаго четвероугольника, шелъ каналъ, соединявшій ровъ кровля съ Большою Невкою, и имѣвшій сообщеніе, посредствомъ другаго канала равной ему ширины, съ Большою Невкою.»

Мы не можем слѣдовать за Г. Башуцкимъ въ безчисленныхъ и чрезвычайно любопытныхъ подробностяхъ, которыя собралъ онъ о постепенномъ увеличѣнн Петербурга, созидавашагося какъ-бы волшебною силою. Ничто такъ не напоминаетъ блистательныхъ мечтаній Тысячи Одной Ночи, или поэтической картины города Идоменеева, какъ историческая дѣйствительность, описываемая въ этой книгѣ елогомъ простымъ и естественнымъ. Если бъ это былъ Романъ, а не достовѣрная Исторія, читатель былъ бы въ правѣ сказать автору: Вы скорѣе строите дворцы и улицы, нежели какъ я успѣваю перекинуть страницу! Въ первыя десять лѣтъ, въ Петербургѣ, круглымъ числомъ строилось домовъ всякое лѣто почти по 3500. Въ 1714 году была сдѣлана первая перенись, и въ новомъ городѣ нашлось уже 34,500 домовъ. Хорошо, что это говоритъ Г. Башуцкій, который заслуживаетъ полное наше довѣрїе. Наниши это одинъ человекъ, котораго не назову, никто въ Россіи не повѣрилъ бы его сказкѣ! Полагая, среднимъ, умѣреннымъ числомъ, по 6 жителей на каждый домъ, народонаселеніе новой столицы въ одиннадцатый годъ ея существованія превосходило уже 200,000 душъ. Въ 1721 она имѣла уже 550,000 (тогдашнихъ) рублей дохода. И все это совершилось среди безпрестанной тревоги отъ непрїятеля, бродящаго въ окрестностяхъ, при четырехъ сильныхъ наводненїяхъ (въ 1706, 1715, 1721 и 1723), и не смотря на частые пожары, которые иногда поглощали цѣлыя части города, — не смотря на недоброжелательство закоснѣлыхъ приверженцевъ старины и на происки суевѣрїя, употреблявшаго обманъ и лжепророчества, чтобъ остановить подвигъ высокой мудрости! Извѣстный указъ, о собранїи каменщиковъ изъ всего Государства въ новую столицу, запрещавшій «подъ опасенїемъ лишенїя всего имѣнїя и ссылки,

производить гдѣ-либо въ Россіи каменное строеніе, кромѣ Петербурга,» послѣдовалъ только въ концѣ 1714, — слѣдственно уже послѣ переписи.

Одною изъ занимательнѣйшихъ частей сочиненія Г. Башуцкаго должно почитать представляемыя имъ картины празднествъ, баловъ и увеселеній, бывшихъ въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ, который, среди заботъ управленія и политики, еще находилъ время, съ даромъ безконечной разнообразности упражненій, свойственнымъ только совершеннѣйшему устройству человѣческой головы ума, лично обучать своихъ подданныхъ не только государственному и военному искусствамъ, не только новымъ обязанностямъ гражданина и новымъ средствамъ славы и богатства, но и домашнимъ удовольствіямъ образованной жизни тогдашняго Европейца. Читая эти описанія, кажется, видишь изумленіе и хлопоты, слышишь толки о дивныхъ новостяхъ, слышишь нелѣпыя замѣчанія и пересуды Петербургскихъ дамъ и кавалеровъ того времени. Можно себя представить, о чемъ говорили они, гуляя по песчаной въ лѣсу дорогѣ, названной по-Нѣмецки «Невскій Проспектомъ», когда вдругъ вышелъ указъ «Объ асамблеяхъ.»

«Положивъ прочныя основанія благочинно, тишинѣ и порядку города, Царь желалъ дать большее развитіе общественнымъ увеселеніямъ жителей, и приступилъ къ дѣлу, важному въ нравственномъ отношеніи, къ учрежденію тѣхъ собраний, которыя, подъ названіемъ *Ассамблей*, служили Петру Великому пріятнымъ отдохновеніемъ отъ трудовъ государственнаго управленія, и въ которыя онъ совершалъ не менѣе тяжкій трудъ, приучалъ подданныхъ своихъ къ общественности, и смягчалъ ихъ вкусы и привычки. Пересоздавъ уже многое, Петръ чувствовалъ, что ему еще предстояло сблизить дворянъ, раздѣленныхъ предразсудками, поселить въ нихъ любовь къ удовольствіямъ благороднымъ, о которыхъ въ Россіи тогда имѣли мало понятія, и

совершенно измѣнить отношеніе, издавна существовавшее между обоими полами; женщины, назначенныя быть украшеніемъ общества, только со временъ Царя Алексѣя Михайловича начали пользоваться въ Россіи нѣкоторою свободою, но и то до чрезвычайности ограниченной мнѣніями и деспотическою волею мужчинъ; отъ самой колыбели осужденныя на скучное затворничество, онѣ влачили единообразно существованіе, въ которомъ не было ни надеждъ, ни радостей, ни собственной воли, ничего кромѣ тоски и рабскаго даже въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ повиновенія чьей либо прихоти, отъ рожденія до могилы.

«Если одно невинное слово, сказанное чужому мужчинъ, могло навсегда лишить дѣвушку добраго имени, а жену любви супруга, то не трудно понять, что стали бы говорить и думать о той, которая рука въ руку, съ человѣкомъ, вовсе, можетъ быть, ей незнакомымъ, вздумала бы разговаривать и даже кружиться въ присутствіи многочисленнаго собранія?

«Сіе принужденное отношеніе между полами, несогласовавшееся съ образованностію и просвѣщеніемъ, которыя въ высшихъ сословіяхъ были не только замѣтны, но вкоренялись и усиливались постоянно, въ слѣдствіе стараній Петра, препятствовало его намѣреніямъ: Царь рѣшился измѣнить его. Съ сею цѣлю, онъ издалъ 26-го Ноября 1718 года Указъ объ *Ассамблеяхъ*, неслыханныхъ дотоле собраніяхъ обоюга пола. Приводимъ буквально здѣсь распоряженіе сіе, чрезвычайно любопытное, дабы читатель могъ судить о духѣ онаго.

«Ассамблея, — слово Французское, которое на Русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить не возможно, обстоятельно сказать, вольное, въ которомъ домъ собраніе или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговарить, также слышать, что гдѣ дѣлается, притомъ же и забава. А какимъ образомъ оныя Ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покаместъ въ обычаи не войдетъ:

«1) Въ которомъ домѣ имѣеть Ассамблея быть, то надлежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ,

*

«куда вольно всякому придти, какъ мужскому, такъ и женскому.

«2) Ранѣе 5 или 4-хъ не начинается, а далѣе 10 позволудни, не продолжается.

«3) Хозяинъ неповиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать и не точію вышеписаннаго неповиненъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; «но токмо повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, «свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто просить, игры, «на столахъ употребляемыя.

«4) Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто «въ которомъ хочеть, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочеть «и отъѣзжать воленъ, когда хочеть.

«5) Во время бытія въ Ассамблею вольно сидѣть, ходитъ, «играть, и въ томъ никто другому прешкодитъ или уникмать; также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ «и прочимъ отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ Великаго Орла, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ «почтить должно.

«6) Опредѣляется, какъ чинамъ на оныя Ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ «и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожь разумѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ свѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ, «также въ Австеріи, когда и въ прочихъ мѣстахъ будутъ «балы или банкеты, не вольно вышеписаннымъ служителямъ «въ тѣ апартаменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ «мѣстъ.»

«Вотъ правила Ассамблей, начертанныя рукою Великаго Петра! Царь прибавилъ еще распоряженіе, чтобы въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ карты, шашки и шахматы; въ третьей занимались разговорами и курили вокругъ столовъ, на которыхъ поставлены бутылки съ винами, разсыпанъ табакъ, спички и т. д.

«Царь любилъ играть въ шашки, въ чемъ столько былъ силенъ, что едва находилъ себѣ равнаго.

«Первая Ассамблея происходила 7-го Декабря того же года у Генераль-Адмирала Апраксина, вторая 9-го числа у Тайнаго Советника Толстаго, третья 11-го у Канцлера Головкина, затѣмъ 16-го у Вице-Канцлера Шафирова, 20-го у Вице-Адмирала Крюйса, такимъ образомъ поочередно у прочихъ знатныхъ особъ.

«Въ день Ассамблеи Генераль-Полицеймейстеръ былъ обязанъ чрезъ два или три часа послѣ полудня являться къ хозяину дома, и записывать всѣхъ прїѣзжающихъ. Въ 6 часовъ прїѣзжалъ Государь, нѣсколько позже Государыня и вдовствующая Царица съ Царевнами; танцы открывались Польскими, потомъ слѣдовалъ минуетъ и уже за симъ Англійскій контръ-дансъ. Пльнные Шведскіе офицеры отличались предъ всѣми, и нѣкоторое время были учителями Русскихъ дамъ и кавалеровъ. Между танцами, дамамъ разносили чай, кофе, медъ, варенья и проч.; въ послѣдствіи же, со времени пребыванія въ Петербургъ Голстинскаго Герцога, по примѣру его Ассамблей, вошли въ моду шоколадъ и лимонадъ; онъ же первый ознакомилъ Петербургскую публику съ прїятною, стройною музыкою, выписанною имъ изъ Вѣны; до того на балахъ Петербургскихъ гремѣли трубы, фаготы, гобои и литавры и, за неизмѣнимъ другой, эту грубую музыку находили прекрасною. Когда кто либо изъ посѣтителей преступалъ ассамблейныя правила, то на основаніи пятаго пункта оныхъ, подвергался наказанію осушить огромный кубокъ большаго орла, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ; отъ сего нельзя было отговориться: ни какія причины или оправданія не были принимаемы отъ виновнаго. Лѣтомъ ассамблей давались самимъ Царемъ въ Лѣтнемъ Саду.»

Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что въ одномъ изъ Московскихъ архивовъ хранится первый типографическій оттискъ этого указа, корректуру котораго держалъ самъ Петръ Великій, — оттискъ съ собственноручными поправками незабвеннаго преобразователя Россіи.

Въ этой первой части «Панорамы» заключается только городская и нравственная Исторія Петербур-

га отъ его начала до кончины Петра Великаго. Все сочиненіе должно состоять изъ четырехъ частей текста, — вмѣсто трехъ, обѣщанныхъ первоначальною программою; изъ двухъ тетрадей плановъ столицы въ листъ большаго размѣра; изъ двѣнадцати тетрадей видовъ, отлично гравированныхъ въ Лондонѣ, въ числѣ *ста* картинокъ; наконецъ, изъ двухъ, — также необѣщанныхъ программою, — тетрадей очерковъ медалей, чеканенныхъ въ разныя эпохи существованія Петербурга. Этотъ великолѣпный приборъ художественныхъ украшеній обѣщаетъ сдѣлать книгу Г. Башуцкаго роскошнѣйшимъ произведеніемъ Русской печати. И въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ давно уже заслуживалъ имѣть подобное, достойное его, твореніе: странно подумать, что самый изящный городъ въ Европѣ, одна изъ богатѣйшихъ, разнообразнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ столицъ образованнаго свѣта, до сихъ поръ была лишена этого необходимаго не только для пріѣзжихъ, но и для насъ самихъ, руководства.

Самое названіе книги, «Панорама», ставитъ уже ее внѣ притязаній Критики: я, по крайней мѣрѣ, не знаю, по какому плану должны составляться печатныя панорамы, — и въ этой «Панoramѣ» все мнѣ нравится безусловно. Я такъ люблю Петербургъ, что готовъ слушать объ немъ все, что мнѣ ни скажутъ, — а никто не можетъ сказать объ немъ болѣе и лучше Г. Башуцкаго, который, по роду своей службы и личнымъ своимъ отношеніямъ, былъ въ состояніи узнать множество важныхъ, рѣдкихъ и точныхъ подробностей. Если позволительно дѣлать какія-нибудь замѣчанія на книгу, которой знаете только четвертую часть, то съ моей стороны весь упрекъ ограничился бы тѣмъ, что въ ея слогѣ встрѣчаются иногда обороты, болѣе приличные канцелярскому, нежели литературному перу. Но какъ это

«Панорама», то здѣсь должны быть всѣ слоги: по-этому, я бросаю въ огонь мое замѣчаніе, — и опять въ полной мѣрѣ восхищаюсь ея выходомъ.

Не для замѣчаній, не для критическаго разбора или ничтожныхъ придирокъ, рѣшился я говорить сегодня объ этомъ новомъ явленіи, только-что родившемся на литературномъ горизонтѣ, и котораго досель видѣнъ лишь одинъ первый фазъ; но для того, чтобъ обратить на него вниманіе любителей всего полезнаго, красиваго, и притомъ Русскаго. Трудъ Г. Башуцкаго заслуживаетъ совершенное ихъ одобреніе и участіе. У насъ и въ наше время, это — первое, по своей обширности, литературное предпріятіе частнаго человѣка. По самому умѣренному расчету, изданіе «Панорамы Петербурга», съ такимъ множествомъ и такихъ изящныхъ плановъ и гравюръ, должно стоить сочинителю слишкомъ сто тысячъ рублей, и едва продажа полторы тысячи экземпляровъ можетъ возратить ему издержки. О прибыли и думать нечего; о славѣ,..... Увы! — такъ ли бы онъ прославился, написавъ полу-плохой романъ, за который книгопродавцы тотчасъ заплатили бы ему порядочныя деньги, еще прежде окончанія рукописи? Следственно, со стороны автора это безкорыстное и благородное пожертвованіе огромнаго капитала времени, трудовъ и денегъ; но я увѣренъ, что довольно объявить объ немъ нашей публикѣ, чтобъ она оцѣнила его и поддержала. Расчитавъ съ точностью, въ этомъ изданіи, каждый планъ, въ листъ большаго формата, приходится покупателю по 2 р. 50 к., а каждая гравюра видовъ и медалей по 50 копѣекъ. И дешево, — и мило!

Причины, побудившія автора къ такому пожертвованію, очень понятны для всякаго благомыслящаго человѣка, — совершенный недостатокъ и крайняя необходимость подобнаго сочиненія, — самая

красота предмета, — желаніе, при новомъ и точномъ описаніи столицы, доставить полныя историческія и статистическія объ ней свѣдѣнія, приложить къ нимъ притомъ такіе планы и виды, которые не были бы обидны для нашего самолюбія, произвести что-нибудь сообразное съ требованіями избалованнаго въ этомъ отношеніи вкуса, и проч. и проч. Но не каждому могутъ быть понятны причины, заставляющія меня такъ усердно хлопотать объ успѣхъ чужаго труда: я скажу ихъ откровенно, потому что мы живемъ въ вѣкъ удивительнаго чистосердечія. Прекрасная собою женщина и прекрасная собою книга производятъ надо мною неизъяснимое дѣйствіе: нѣкогда писалъ я длинныя посланія къ первымъ, — теперь..... ахъ, теперь мнѣ остается только воспѣвать похвалы вторымъ! Теперь я безъ памяти отъ красивой книги; и, какъ женщины меня оставили, я влюбленъ въ «Панораму.»

Т. - О.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ДЕКАБРЬ, 1833.

Ранса, Русская народная Трагедія, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, взятая изъ истиннаго происшествія въ Россіи, бывшаго во время царствованія **ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ**, и основанная на изустныхъ преданіяхъ. Сочиненіе А. Ш. С. - П. - бургъ, въ тип. Комрада Вансберга, 1833, въ - 8 стр. X и 100.

О Ранса!.....

Послушай, дочь: затѣла ты штуку,
Которой мнѣ никакъ не разгадать! (стр. 98).

Цѣль автора была написать Русскую народную трагедію.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненія Мюльнера, переводъ съ Нѣмецкаго Екатерины Хотяницовой. С.-П.-бургъ, въ типографіи III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеллріи, 1833, въ-8., стр. 141.

Вторая Трагедія Мюльнера, Die Schuld, «Преступленіе», Мюльнера, знаменитаго Нѣмецкаго трагика, комика и сочинителя остроумныхъ критическихъ разборовъ, недавно еще украсившихъ листки Morgenblatt и Zeitung für die elegante Welt, приобрѣла, послѣ достопамятной войны съ Французами въ 1812 и 1813 годахъ, необыкновенный успѣхъ въ Германіи. Здѣсь, въ Петербургъ, она была представлена по Русски въ Іюнь мѣсяць, 1833, въ переводъ Г-жи (Е)катерины Хотяницовой. Переводъ такъ хорошъ, языкъ такъ чистъ и плавеиъ, многіе стихи такъ удачны, что нѣкоторые

Г. П. — Отд. VI.

1 ¼

порицатели поэтических дарований прекрасного пола не хотят верить, чтоб это былъ плодъ дамскаго пера.

Путешествіе и отдыхъ. *Стихотворный ризказъ* Ѡ. Рындовскаго. *Казань, въ Университетской типографіи, 1833, въ - 8., стр. 177.*

XII Пъсенъ. *Отдѣленіе второе.* Т-м-ф-а. С.-П.-бургъ, 1833, въ-12., стр. 26.

Весьма недурныя пѣсни, дышущія во многихъ мѣстахъ и умомъ и милою простотою. Лучшая изъ нихъ: та, въ которой представляется любопытный мальчикъ, спрашивающій у своего дяди, — что такое свѣтъ?

MMCDXLVIII. 3448 годъ. *Рукопись Мартына Задска.* Москва, въ тип. Августа Семева, 1833, въ-12. Три части, стр. 179—198—204.

Идея остроумнаго Мерсье не умираетъ: его «L'an 2440» пустилъ еще новый отпрыскъ въ Москвѣ въ самое холодное время года, — въ Декабръ мѣсяцъ. Накройте его скорѣе! — онъ замерзнетъ! — бѣдный отпрыскъ!..... накройте чемъ-нибудь, — хоть ночнымъ колпакомъ того же Мерсье!..... Вы знаете, сколько ума въ этомъ колпакѣ, въ Мерсьеровомъ «Mon bonnet de nuit»? Накройте же имъ нѣжный, слабый, бѣдный ростокъ, неосторожно выскочившій отъ стараго корня въ суровое зимнее время; накройте, и, сдѣлайте милость, не заглядывайте, подъ колпакъ: пусть онъ тамъ сидитъ, согрѣется, укрѣпится, и выростетъ. Со временемъ, увидите, какое выйдетъ изъ него растеніе, когда онъ напитается умомъ такого знаменитаго колпака.

Мартынъ Задскъ, который будетъ жить въ 3448 году отъ Р. Х., описываетъ дивныя вещи, которыхъ намѣрень онъ быть свидѣтелемъ на землѣ въ томъ же 3448 году. Въ этомъ году Славяне будутъ жить въ Босфорѣ, то есть, въ Константинополѣ, а Турки въ Ливіи. Константинополь теперь въ большой модѣ у нѣкоторыхъ писателей: Гг. Фурье (одинъ изъ авторовъ Романа «Струэнзе») и Лешвалье утверждаютъ, въ своихъ *Etudes sur la science sociale*, вышед-

шихъ въ Парижъ почти въ тоже время, какъ и рукопись Мартына Задека въ Москвѣ, что этотъ городъ будетъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ «центромъ жизни человѣчества,» и что тамъ будетъ «сѣздь» очень любопытныхъ особъ изъ всѣхъ частей свѣта.» Весьма кстати подошла рукопись Мартына Задека: мы узнаемъ изъ ней съ большимъ удовольствіемъ, мы что тамъ будетъ и приличное помѣщеніе для членовъ этого сѣзда, — будетъ гостинница, по имени Вселенная, «на самой набережной, устланной Эвбейскимъ мраморомъ,» долженствующая славиться въ свое время «привольемъ и раздольемъ.» Въ эту гостинницу «будутъ сѣзжаться люди со всѣхъ концовъ міра, и будутъ тамъ, какъ дома. Прихотливый Европеецъ найдетъ тамъ,» въ этой гостинницѣ, Вселенной, «разнообразную смесь црства животного съ царствомъ растений, изготовленную по пылкому воображенію вкуса, Житель Ледовитаго Моря удовлетворитъ страсть «свою къ мясу кита и бѣлаго медвѣдя. Дикому Колумбійцу «подадутъ раковинъ, рыбной муки, юколу и ольховую кору, «облитуго жиромъ. Океанцу»..... гемы! — гумы! — «Океанцу, глну, разведенную ромомъ,» и прочая. Монсье Фурнье! Монсье Лешвалье! слышите ли, какая тамъ будетъ гостинница?..... Не забудьте сообщить адресъ ея членамъ вашего сѣзда: гостинница Вселенная, на самой набережной Боспора, славящаяся привольемъ и раздольемъ!.... Ее всѣ тамъ знаютъ! Постоите однако жъ: увидимъ, скоро ли это будетъ?

3448

1834

1614

Это будетъ черезъ 1614 лѣтъ. Такъ, точно: и по моему исчисленію тамъ будетъ гостинница, Вселенная, черезъ 1614 лѣтъ. Только, по моему исчисленію, черезъ 1614 лѣтъ будутъ писать по-Русски Романы гораздо замысловатѣе рукописи почтеннаго Мартына Задека.

Повѣсти П. Машкова. *С.-П.-бургъ, въ тип. Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1833., въ-8., стр. 207.*

Въ этой книжкѣ заключаются три Повѣсти и шесть стихотвореній. Это вторая часть сочиненія, которое должно состоять изъ пяти частей.

ПИСЬМА НАПОЛЕОНА КЪ ЖОЗЕФИНЪ, во время первой Итальянской кампании, консульства и царствованія, и письма Жозефины къ Наполеону и дочери. Перевелъ съ Французскаго А—ъ Т—ъ. Двѣ части. С. - П. - бургъ, въ тип. Д. Ваенныхъ Поселеній, 1833, въ-8., стр. XIII и 221 — 218. съ литографированнымъ снимкомъ руки Наполеона.

ВЛЮБЛЕННЫЙ НАСМѢШНИКЪ. *Согименте Госпожи Софій Гэ. Переводъ съ Французскаго. С.-П.-бургъ, въ тип. К. Крап, 1833, въ-8., стр. 263—263.*

БРАКЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ НАПОЛЕОНА. *Романъ въ трехъ частяхъ, соч. Софій Гэ. Переводъ съ Французскаго. С. - П. - бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1833, въ 8., три части, стр. 263—266—315.*

Три сочиненія, которыхъ прописаны здѣсь заглавія, заслуживали быть переведенными на Русскій языкъ, и вообще переведены хорошо. Письма Наполеона къ Жозефинѣ болѣе любопытны тѣмъ, что они письма Наполеона, нежели своимъ содержаніемъ. Большая часть ихъ состоитъ изъ обыкновенныхъ фразъ официальной супружеской вѣжности съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ армейскихъ новостей. Но два Романа Софій Гэ — прелесть! «Влюбленный Насмѣшникъ» есть такое милое твореніе, какъ сама его сочинительница: мужчина не написать подобнаго Романа. Онъ сочиненъ женскимъ умомъ и женскимъ сердцемъ, и женщины понимаютъ его, какъ разницу между отливами цвѣтовъ, идущими къ ихъ лицу, какъ значеніе взгляда любовника. «Бракъ въ царствованіе Наполеона» совершенно въ другомъ родѣ, но еще занимательнѣе перваго. Ахъ, если бы наши романисты писали хоть такіе Романы, какъ Г-жа Софія Гэ!..... Я бы читалъ ихъ съ утра до вечера.

ЛЮБИМЕЦЪ И ЛЮБА, *Повѣсти Вильгельма Блюменбагена. Переводъ съ Нѣмецкаго Е. Глаголева. С.-П.-бургъ, въ тип. Д. Вышней Торговли, 1833, въ-8., стр. 124.*

Двѣ очень занимательныя Повѣсти, и прекрасно переведенныя.

КРАСНЫЙ ТРАКТИРЪ. *Позысть Бальзака. С. - П. - бургъ, въ тип. Н. Грега, 1833, въ-8., стр. 63.*

АЗБУКА ВЪ СТИХАХЪ. *С. - П. - бургъ, въ тип. Д. Выпшней Торговли, 1833, въ-18, страницъ нумерованныхъ 36.*

КРАТКАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА, *изданная для обученія юношества Яковомъ Пожарскимъ. Изданіе второе. С. - П. - бургъ, въ тип. К. Крайя, 1833, въ-8, стр. 56.*

НОВАЯ РУССКАЯ ХРИСОМАТИЯ, *содержащая въ себѣ образцовыя мѣста изъ лучшихъ отечественныхъ писателей, расположенная по систематическому порядку, изданная В. Эртелемъ. С. - П. - бургъ, въ тип. Н. Грега, 1833, въ-8., стр. 300.*

ОПЫТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА *Россійской Имперіи. Составилъ Кандидатъ Философскаго Факультета Дерптскаго Университета, К. Д..... С. - П. - бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1833, въ-8., стр. V и 413.*

Г. К. Д....., слушавшій университетскія чтенія покойнаго Профессора Эверса, возымѣлъ счастливую мысль составить курсъ Россійскаго Государственнаго Права, по системѣ этого ученаго преподавателя. Ясность методы и множество любопытныхъ для всякаго Русскаго свѣдѣній отличаютъ это сочиненіе, достойное занять мѣсто въ библіотекѣ образованнаго чиновника и свѣтскаго чловѣка. Авторъ постепенно излагаетъ въ немъ образъ правленія и принадлежности Высочайшей Власти, существо государственной службы, преимущества, составъ и обязанности Духовенства, дворянскаго, средняго и крестьянскаго сословія; наконецъ устройство и кругъ дѣйствія высшихъ правительственныхъ мѣстъ и присутствій. Это не юридическія изслѣдованія, но собраніе фактовъ, которые долженъ знать всякій гражданинъ. Статья о государственномъ гербѣ, которую здѣсь выпишемъ, даетъ понятіе о образѣ изложенія предметовъ.

Древніе Государя обыкновенно имѣли въ гербѣ своемъ изображеніе ихъ Ангела; но мало по малу Московскій гербъ сдѣлался государ-

ственнымъ — Бѣлый конь въ красномъ полѣ Дмитрій Донской, по одержаніи знаменитой победы надъ Татарами, прибавилъ къ нему: Св. Георгія, поражающаго копомъ змія. Іоаннъ Васильевичъ ІІІ, по вступленіи въ бракъ съ Греческою Царевною, Софією, присовокупилъ къ оному двуглавоу орлу, гербу Восточной Римской Имперіи.

Нынѣ Россійскій государственный гербу: въ золотомъ полѣ, чернѣй двуглавый коронованный тремя коровами Орелъ, держащій въ правой ногѣ золотой скипетръ; на груди его изображенъ Московскій гербу: въ красномъ полѣ, Св. Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, сидящій на бѣломъ конѣ, и поражающій копомъ змія; на правой крылѣ: три щита съ гербами: Новгородскимъ, Кіевскимъ, и Астраханскимъ; на лѣвомъ также три: Владимірскій, Казанскій, и Сибирскій, а около щита государственнаго орла обвѣшена цѣпь Орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Въ большой же государственной печати, сверхъ вышесказанныхъ съ гербами щитовъ и Андреевской цѣпи, вокругъ щита, всѣхъ прочихъ Губерній и Областей гербы, въ дномъ кругѣ представляемыхъ.

Руководство къ устроению Артезіанскихъ (Артезіанскихъ), или водометныхъ колодезь, для добыванія посредствомъ оныхъ самой лучшей прѣсной воды; для осушенія погребовъ, болотъ, затопленныхъ лѣсовъ и мокрецовъ на нивахъ; для размягченія слишкомъ твердой и потому невыгодной для поствова землѣ; для приведенія мельницъ водою силъ колодезь въ движеніе; для повышенія воды въ судоходныхъ каналахъ и рѣкахъ, и наконецъ для украшенія садовъ живою водою, — составленное Коллежскимъ Ассесоромъ Егоровъ Классеномъ. Москва, въ тип. Авеуста Семева, 1833, въ-8, стр. XII и 118; съ двумя планами.

Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и с тарифъ. Адмирала Мордвинова. Изданіе третіе, съ дополнительными разсужденіями. С. - П. - бургъ, въ тип. Г. У. Путей Сообщенія, 1833, въ-8, стр. III и 88.

Письма изъ Болгаріи, писанныя во время кампаніи 1829 года, Викторомъ Тепляковымъ. Москва, въ тип. А. Семева, 1833, въ-8, стр. XVI и 210, съ литографированнымъ видомъ Гебеджинскихъ развалинъ и двумя снимками Греческихъ надписей.

Очень сожалѣемъ, что это сочиненіе вышло въ прошломъ, а не въ нынѣшнемъ году. Принявъ за правило говорить въ отдѣленіи Критики только о книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ со дня существованія этого Журнала, мы лишаемся удовольствія представить читателямъ подробный разборъ творенія Г. Тейлякова, путешествовавшаго въ Болгаріи въ качествѣ антикварія, но соединившаго въ письмахъ своихъ пріятность изящнаго разсказа съ описаніемъ своихъ археологическихкихъ открытій и наблюденій. Любопытство просвѣщенной публики вырчитъ насъ въ этомъ случаѣ прочтеніемъ самой книги, и не будетъ обмануто въ своихъ ожиданіяхъ.

UEBERSICHT DES GEGENWAERTIGEN KOLONIAL-BESTANDES der europäischen Staaten und aller Länder und Staaten der vier fremden Welttheile, den neuesten Angaben zufolge, von C. H. Hornschuch. St. Petersburg, bei K. Kray, 1833. 8. p. 44.

Это обзорнѣе нынѣшняго состоянія Европейскихъ колоній составлено изъ простыхъ таблицъ, заключающихъ въ себѣ географическія и статистическія данныя, и можетъ быть употреблено съ пользою преподавателями Географіи.

Истинный способъ быть здоровымъ, долголетимъ и богатымъ. Въ трехъ частяхъ. Изданіе второе. Москва, въ тип. Университета, 1833, въ-8, стр. XXXII и 408—371—222.

Собраніе описаній картины Карла Брюллова, Последній день Помпеи. С.-П.-бурезъ, въ тип. Х. Гинце, 1833, въ-8., стр. 59.

Новый Путеводитель по Москвѣ, первопрестольной столицѣ Государства Россійскаго, съ показаніемъ какъ историческихкихъ, такъ природныхкихъ и искусственныхкихъ достопримѣчательностей и приложеніемъ обзора статистическихкихъ свѣдѣній, промышленности, казенныхкихъ и частныхкихъ заведеній и присовокупленіемъ главныхкихъ правилъ, установленныхкихъ для каждаго заведенія, служащихихъ руководствомъ для проживающихихъ въ сей столицѣ лицъ разнаго сословія, основанный на достоверныхкихъ актахъ, и живописнаго историческаго путя

шестія по примыкающимъ окрестностямъ Москвы. Москва, въ тип. Универс., 1833, въ-8, двѣ части, стр. ХНІ и 312 — ХІ и 394.

Заглавіе этого сочиненія такъ подробно, что нѣтъ нужды говорить объ его содержаніи. Просимъ только читателей не судить о сочиненіи по этому заглавію: самая книга сочинена гораздо лучше заглавной ея страницы. Мы нашли въ ней множество занимательныхъ историческихъ свѣдѣній, но должны замѣтить путеводителю, что съ историческими свѣдѣніями нельзя даже попасть съ Кузнецкаго моста на Варварку. Почему Путеводитель не приложилъ для путешественниковъ плана города Москвы?..... Путешественники были бы ему за то очень благодарны; читатели, тоже.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 1 Января 1829 по 21 Марта 1833, служащее продолженіемъ Запискамъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. С.-П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1833, стр. ХІІ и 340.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ, изданныя для употребленія въ Военно-учебныхъ заведеніяхъ. С. - П. - бургъ въ тип. Х. Гинце, 1833, въ длинный листъ, стр. двойныхъ 21.

=

Я Н В А Р Ъ, 1834.

РУКА ВСЕВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА. Драма изъ отечественной Исторіи, въ пяти актахъ, въ стихахъ; сочиненіе Н. К., писанная въ Октябрѣ 1832 года. С. П. бургъ, въ тип. Х. Гинце, 1834, въ-8, стр. 141.

Второй поэтический плодъ автора превосходной драматической Фантазій, «Торквато Тассо». Содержаніе этой прекрасной Поэмы, названной фантастически Драмою, читатели наши найдутъ въ С м ѡ с и, подъ статьюю — «Русскій Театръ

въ С.-Петербургѣ.» Мы будемъ имѣть удовольствіе сообщить въ послѣдствіи наше объ ней мнѣніе въ отдѣленіи Критики.

МАЗЕПА. *Сочиненіе* О. Булгарина. С.-П.-бургъ, въ тип. Вд. Плюшаръ съ съюльзъ, 1834, въ-8., двѣ части, стр. V и 368 — 451.

ПАВТЕОНЪ ДРУЖБЫ НА 1834 ГОДЪ, *собранный* И. О-мъ, Москва, въ тип. И. Степанова, 1834, въ-8, стр. 347.

ДЕННИЦА НА 1834 ГОДЪ. Москва, въ тип. Университе-та, 1834, въ-18, стр. 240.

Два эти альманаха, блѣдный отблескъ нѣкогда свѣтлой альманачной эпохи, не отличаются изящностью изданія, первѣйшимъ въ наше время условіемъ успѣха подобныхъ собраній. Однако жъ нѣкоторыя статьи, особенно въ послѣднемъ, могутъ быть прочитаны съ удовольствіемъ. Мы желали бы обратить вниманіе издателей на необходимость типографской роскоши въ книжкахъ этого рода. Надобно дать занятіе нашимъ художникамъ, надо поощрить ихъ трудолюбіе: неужели мы не можемъ имѣть у себя ничего подобнаго Англійскимъ Кипсекамъ и Французскимъ Livres d'étrennes? Какъ было бы пріятно всякому изъ насъ подарить въ Новый годъ дочерямъ и сестрамъ нашимъ великолѣпную Русскую книгу, съ прекрасными гравюрами, вмѣсто иностранныхъ сочиненій, которыя теперь мы для нихъ покупаемъ! При распространяющейся въ публикѣ сильной любви ко всему отечественному, предприимчивые издатели, мы увѣрены, не были бы въ убыткѣ. Намъ возразятъ: но у насъ нѣтъ граверовъ! — Граверы мигомъ появятся, лишь только вкусъ къ роскошнымъ изданіямъ получитъ первое движеніе. Но должно рѣшиться и положить начало.

ДѢТСКАЯ КНИЖКА ДЛЯ ВОСКРЕСНЫХЪ ДНЕЙ. Въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцелярш. стр. 140, съ восьмью таблицами.

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ, *дѣтская сказка дядушки Ири-нел.* С.-П.-бургъ въ тип. X. Гитце, 1834, стр. 51, въ.....?

Въ.....? однимъ словомъ, треугольная книжка! Какъ первая, представляющая видъ длиннаго четырехугольника, такъ и треугольное сочиненіе дѣдушки Иринея, могутъ стяжать чадолубивымъ ихъ издателямъ искреннюю признательность просвѣщенной азбукою малолѣтней публики.

ДѢТСКІЙ ТВАТРЬ, съ гравированными и раскрашенными картишками. С.-П.-буревъ, въ тип. Виссера, 1834, въ-8 стр. 73.

ДРУГЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ, или повѣсти для юношества, сочиненіе Дессента, и проч. Переведено съ Французскаго В—мь Б—мь. Въ двухъ частяхъ. С.-П.-буревъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-8. Часть первая, съ пятью гравированными и раскрашенными картинками, стр. 240.

ФАНТАЗИН ЖЮЛЬ-ЖАНЕНА. Переводъ съ Французскаго, часть первая, С. - П.-буревъ въ тип. Виссера, 1834, въ-12, стр. 159.

ПАНОРАМА САНКТПЕТЕРБУРГА. С.-П.-буревъ, въ тип. Вд. Плюшаръ съ сыномъ, 1834, въ-12., стр. XIII и 263. Часть первая, съ гравюрами.

Мы возвратимся впоследствии, въ отдѣленіи Критики, къ этому чрезвычайно любопытному и необходимо нужному въ нашей Литературѣ сочиненію, которое отличается притомъ большою изящностью изданія. Г. Башуцкій, сочинитель и очень щедрый издатель этой книги, несомнѣнно заслужить своимъ прекраснымъ трудомъ полную признательность жителей и посѣтителей нашей великолѣпной столицы.

РАЗЫСКАНІЯ О ФИНАНСАХЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ. Сочиненіе Ю. А. Гагемейстера. С.-П.-буревъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. III и 247, съ 6 таблицами.

Это сочиненіе удостоилось быть увѣнчаннымъ въ Императорской Академіи Наукъ полною Демидовскою премією. Достоинство его признано принадлежащимъ и въ полной мѣрѣ ученымъ судомъ, и намъ остается только желать ему достаточнаго числа читателей, чтобъ оно могло назваться истинно полезнымъ для народнаго просвѣщенія.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ о переселеніи народовъ и образованіи новыхъ государствъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, отъ основанія Государства Россійскаго до разрушенія Восточной Греческой Имперіи. Соч. И. Ертова. Часть двенадцатая. С. - П.-буревъ, въ тип. Вд. Байковой, 1834, въ-8., стр. IV и 312.

Часть эта содержитъ въ себѣ продолженіе Исторіи Россіи, Польши, Венгрии и Богеміи, отъ начала XII столѣтія до второй половины XV.

НАЧЕРТАНІЕ МИФЛОГИИ, Соч. Аббатомъ Ліонне, вновь переведено и дополнено Словянскою Мифологіею, С. Ушаковымъ. Въ четырехъ частяхъ съ 222 гравированными картинками. Изданіе второе. С. - П. - буревъ, въ тип. К. Вингебера, 1834.

Выше-рѣченныя четыре части составляютъ только одну книгу въ 207 страницъ: мы отмѣчаемъ это для того, чтобъ не сказали, будто мы сочиняемъ каламбуры. Что касается до 222 картинокъ, украшающихъ 207 страницъ, то это не каламбуръ, а загадка, которую можно разгадать, выписавъ книгу по почтѣ. Изящность гравюръ почти баснословная. Изданіе это безъ Французскаго текста.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, или отборныя сочиненія отечественныхъ писателей въ прозѣ и стихахъ. Часть вторая. Стихотворенія. С. - П.-буревъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. XV. и 813.

НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, или легчайшій способъ научиться самому собою, читать, писать, говорить и разумѣть Нѣмецкихъ авторовъ, и проч. Изданіе шестое, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. С.-П.-буревъ, въ тип. К. Вингебера, 1834, въ-8., стр. 217.

КРАТКОЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ ЛУЧШИХЪ РЕЦЕПТОВЪ, взятыхъ изъ практическихъ наблюденій лучшихъ Германскихъ врачей, хирурговъ, акушеровъ и клиническихъ Профессоровъ, и проч. Перевелъ съ Нѣмецкаго Игнатій Соболевскій. С.-П.-буревъ, въ тип. К. Крайя, 1834, въ-8., стр. XVII и 383.

ОСНОВАНІЯ ЧИСТОЙ ХИМИИ, сокращенныя въ пользу учебныхъ заведеній, I. Гессомъ. С.-П.бурга, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. VII и 575, съ рисунками.

IMPRESSIONS ET SOUVENIRS DE FINLANDE, par Ch. St.-Julien, lecteur de littérature française à l'Université Impériale de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg, chez Pluchart, 1834. 8. p. 301.

Мы позже будемъ имѣть случай сказать нѣчто объ этомъ путешествіи въ Финляндію.

=

ПѢСНЬ РУССКИХЪ, «Боже, Царя храни» — сочиненная въ 1833 году. С.-П.-бургъ, гравировано и печ. у А. Штедлера.

Прекрасное переложеніе на музыку простыхъ, но драгоценныхъ для Русскаго сердца словъ, издано въ четырехъ различныхъ видахъ самимъ Г. Львовымъ, — для пѣнія съ форте-піано, для одного голоса съ форте-піано, для форте-піанъ на четыре руки, и для хора съ оркестромъ.

=====

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА. А. С. Пушкинъ избралъ этотъ любопытный предметъ для своихъ историческихъ трудовъ. Сочиненіе его уже готово. Публика безъ-сомнѣнія съ такимъ же удовольствіемъ будетъ читать это твореніе, съ какимъ читаетъ все, что выходитъ изъ пера Пушкина. Мы ожидаемъ его съ нетерпѣніемъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ. Подъ этимъ заглавіемъ скоро выйдетъ изъ печати новое сочиненіе Г. Вейдемейера, извѣстнаго уже своими историческими занятіями.

ИСТОРИЯ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ. Исторію Донскихъ Казаковъ давно уже занимается В. Б. Броневскій. Сочиненіе его вѣроятно уже печатается.

=====

* * П. П. Свининъ написалъ Историческій Романъ въ 4 частяхъ, подъ названіемъ: *Ермакъ, или покореніе Сибири*.

=

ФЕВРАЛЬ, 1834.

Димитрій Самозванецъ, *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* А. Хомякова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1833, въ-8, стр. 204.

Хотя съ числомъ 1833 года, это сочиненіе вышло только въ началѣ вчера истекшаго Февраля, и законно принадлежитъ къ Словесности нынѣшняго года. Общими силами надобно оспаривать его у прошлаго года: изъ всего вышедшаго въ Февраль мѣсяцъ, это одна книга, которую можно читать.

Лирическія стихотворенія *Виктора Гюго.* Перевелъ съ Французскаго М. Сорокинъ. С-Пбурск., въ тип. Беникснъ, 1834, въ-12, стр. 101.

Брошюрка, заключающая въ себѣ первые опыты молодого поэта, который обнаруживаетъ много дарованія. Читатели будутъ въ состояніи судить о родѣ этого стихотворнаго начинанія изъ слѣдующей Баллады, «Битва», въ переводѣ которой соединяются хорошая и слабая стороны пера, съ надеждою посвящающаго себя ихъ удовольствію.

Пастухъ, пазадъ! Смотри-ка, подь холманъ,
Льсь острыхъ коній движется густой;
Одна толпа къ другой толпѣ подходитъ:
Вожди ведутъ ихъ на кровавый бой.
Ты слышишь ихъ неистовые клики!
Треницишь ты!... То гулъ ихъ ивъсея диккъ.

«Соколъ, корпунтъ, врагъ, орелъ,
Мы для васъ готовимъ шипу:
Прилетайте къ симъ полямъ,
Какъ къ разрытому кладбищу!
Депь угаснетъ — и со днемъ
Врагъ издохнетъ подь мечемъ.
Ихъ послѣднюю вечерню
Ихъ священникъ прочитаъ;
Пасъ же патерь, отиуская
Въ дальній путь, благословляя»

Галбертъ, Баронъ Нормандс іѳ, и Романъ
Т II. — Отд. VI.

Князь Галловъ здѣсь сошлся; посмотри ты
 Норманецъ быстръ и пылокъ дикій Галль:
 Тотъ латами звелѣщими покрытый,
 Другой въ звѣриной шкурѣ: не шеломи,
 А волка пасть зубастал на немъ.

«Плачь, рви волосы, вдовнца!
 Сирота, тони въ слезахъ!
 Пыль и кровь мы завтра смоемъ
 Моря снѣга въ волнахъ.
 Стань въ оковы, рады стѣсните!
 Въ трубы звонкія трубите!
 Пусть дрожить презрѣнный врагъ!
 Мы его разрушимъ силу,
 И въ семь полѣ каждый холмъ
 Обратимъ ему въ могилу.»

Вотъ, подать знакъ! Сошлся рати ихъ,
 Сквозь пыль вдали, какъ молнія сквозь тучи.
 Какъ два копа, что удила грызуть,
 Или два вола сшибаются могучихъ:
 Такъ, съ яркимъ трескомъ, строй на строй летитъ,
 И звукуча мечь о щитъ, и мѣдъ блищитъ.

«Грянемъ!.... Рогъ призывный вестъ,
 Раздался оружіемъ стукъ,
 Гулъ Норманскаго кларнета
 И трубы Саксонской звукъ.
 Вы, сверкающія жала
 Алебарды и кинжала,
 И мечи, и топоры,
 Межъ разбитыми бронями,
 Какъ колющій тернъ въ поляхъ,
 Воздымайтесь остріями!»

Да гдѣ же солнце?... Вотъ, горитъ въ дыму,
 Какъ красный щитъ, въ горнилахъ раскаленныхъ.
 Отъ крови паръ, въ парахъ сверкаетъ сталь;
 И стало поле пелью разожженной.
 Подумаешь, что тамъ, осваривъ,
 Разверзся гда яростнаго звъ.

«Втиснулась толпа къ толпу;
 Бой гремитъ, долина споненъ,
 И вонтеля нога
 Въ лзвъ ранснана тонетъ.
 Въ дикой ярости своей,
 Грудь желззную коней
 Обгрызаетъ пяхотилецъ:

Конь испуганный дрожитъ;
Алсбарда, ударяясь
О чапракъ его, звенять.

Разсвѣны и вонны, и кони.
Окровавленной кожей облеченъ
Свирѣпый Галль; съ отвагою упорной,
Сражается на трупахъ братій огъ.
Какъ на стѣны устремлены ихъ пики,
Противъ Нормановъ, на коняхъ великихъ.

«Изломавъ свой мечъ, злодѣя
Камнемъ, посохомъ рази!
Ногтемъ ты его царапай,
Зубомъ ты его грызи!
Не дари врага пощадою
Слава падшему наградою.
Чтобъ и завтра волкъ изъ шастъ,
Ожидая новой брани,
Копія не выпускалъ
Изъ облитой кровью длани!»

Пойдемъ, пастухъ; ужъ почъ, а бой слышатъ,
Сильный мечъ и бердыши стучать;
Безъ всадниковъ въ долину кони рыщутъ.
Пойдемъ: безъ насъ они борьбу рвшатъ.
Всѣхъ завтра сонъ споконитъ вождевныиъ,
И побѣдителей, и умерщвленныхъ.

Воспоминанія при взглядѣ на памятники ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО. Стихотвореніе Василія Бакунина. С. - П. - бургъ, въ тип. Грегга. 1834, въ ; брошюрка въ 8 стр.

Запорожская старина. Харьковъ, въ тип. Университетской, 1833, въ 12., двѣ части, стр. 132—140.

Это небольшое сочиненіе вышло также въ минувшемъ евралѣ мѣсяцъ, хотя носить число 1833 года. Народныя алороссійскія Пѣсни и Думы, съ краткими историческими мѣчаніями издателя, составляютъ его содержаніе. Малоросы и наши литераторы, знающіе живописное нарѣчіе того яла, вѣроятно съ удовольствіемъ прочитаютъ это собраніе мятниковъ исчезающей провинціальной Словесности, которая еще хранится въ памяти мѣстныхъ Скальдовъ, — бандуство. Приведемъ, «Пѣснь о подвигахъ Лободы.»

Ой у городи у Батурнин
 Дзвони задзвонили:
 То Козаки Гайдомаки
 У Ради ридили.
 Ой у Ради-та ридил,
 Якъ на Польщу стати,
 Та на Ради присудили
 Вкрашу єдиати.
 Отъ, и вийшли Гайдомаки,
 Хочъ тысяча й двисти,
 Та богацько-та за ними
 Зведеться користи!
 А по переду Панъ Сулима
 Атаманъ Кошовий.
 Чєго-жъ жаху завадати,
 Що вишь чєрпобровий?
 Панъ Сулима, Панъ Сулима
 Козакнєвъ збирає,
 Та-й уснєть тимъ Гайдомакамъ
 Онь такъ промовляє:
 — Товарищи Гайдомаки,
 Чпиньтє мою волю!
 Що намъ треба видплатити
 Вкраїнську недолю.
 Хочъ пась, Паны Гайдомаки,
 П тысяча й двисти,
 Та богацько-та за нами
 Зведеться користи.
 Ой богацько-та користи
 Зведеться за нами,
 Коли скочете побиться
 Бучно изъ Ляхами. —
 Якъ на тєє обизвався
 Лободивськїй Чура;
 До Козакнєвъ укланяє,
 Отъ такъ промовляє:
 — Ой Паюве Гайдомаки,
 Добро себе майте,
 Що за мого Папа Йвана
 Ляхамъ видемщайте.
 Ой мїй Папе, Папе Йване,
 Дє-сь то ти зобгався,
 Що на Ляхнєвъ ставъ завперше,
 Та-й не сподивався.

Ой мій Ппане, Ппане Іване,
 Наливайкивъ друже,
 Що задавъ зъ нимъ зраду Ллахамъ,
 Задавъ, та-й байдуже.
 Ой мій Ппане, Ппане Іване,
 Де-сь то ты сподився,
 Що у мури у теминци
 Ллахамъ зпадобився.
 Ой Панове Гайдомаки,
 Ппана Івана вспоминайте,
 Та за мого Ппана Івана
 Ллахамъ видомстите.
 Коли хочете Украйну
 До себе єдпати,
 То вамъ треба Ппана Івана
 Добромъ помипати.
 Якъ Вкранну тін Ллахи
 До себе єдпали;
 Тоди наши зъ Ппаномъ Іваномъ
 Въ походы выступали.
 Якъ Вкранну тін Ллахи
 До себе єдпали,
 Тоди наши зъ Ппаномъ Іваномъ
 Ллахивъ воєвали.
 Ой и Ллахивъ воєвали,
 Якъ по Вугу стали;
 Та Гетьмана Потоцькаго
 Двичи загнали.
 Ой и Ллахивъ воєвали,
 Якъ по Пруту стали;
 Того було що-й Цоцору
 Добре пландровали.
 Добро було, добро було,
 Та сталася й зрада.
 Що забито Ппана Івана
 У недядю зрапа.....

Намъ не кажется, чтобъ эта, и другія пѣсни того же раз-
 вра, были сочиненія, современные съ происшествіями, ко-
 зорья онѣ описываютъ: это издѣліе прошлаго столѣтія, сти-
 зтворные переводы старинныхъ Думъ въ прозу.

Малороссійскія Думы, сочиненныя болъшею частію въ ду-
 въ поэтической риемованной прозы, чрезвычайно напоми-

нають романтическія Саги древней Скандинавіи. Ихъ даже можно назвать Славянскими Сагами, подобно тому, какъ балтуристовъ наследниками Скальдовъ, иногда воспевавшихъ въ тѣхъ же мѣстахъ, на языкѣ Норманновъ, подвиги покорителей Кіева. Эта область была настоящее гнѣздо Славянскою Нормандіи: здѣсь сосредоточивались всѣ ихъ обычаи и понятія, — и дальнѣйшія изслѣдованія, мы въ томъ увѣрены, обнаружатъ непрерывную связь между Днѣпровскою Скандинавіею Руссовъ и Україною Хмельницкаго. Нельзя не видѣть разительнаго сходства между обычаями, образомъ войны и морскимъ удалствомъ Запорожцевъ и Норманновъ X вѣка. Еще при Константинѣ Багрянородномъ Днѣпровскіе пороги обращали на себя вниманіе иностранцевъ, и названія ихъ были извѣстны другимъ народамъ: кажется, что тогда уже шайки Норманно-Руссовъ водились на островахъ Днѣпра, и жили въ независимости отъ Князей, занимаясь ремесломъ Балтійскихъ витязей, которое въ послѣдствіи грозно воскресло подъ именемъ Казачества. Нѣтъ сомнѣній, что въ X, въ XI и XII столѣтіяхъ Казаки уже существовали на островахъ, лежащихъ въ устьѣ этой рѣки, хотя еще не назывались Казаками, и вѣроятно говорили еще по-Нормански: вотъ, что говоритъ Арабскій космографъ, Демешки: «Тамъ есть семь острововъ, называемыхъ островами Руссовъ: на нихъ живутъ разбойники, и производятъ безпрестанные набѣги во всѣ стороны. На этихъ островахъ поселился народъ, именуемый *Русскіе*: они Христіане, и имѣютъ на своихъ островахъ города, деревни, виноградные сады и стада: острова эти чрезвычайно гористы и обильны лѣсами.» Другія подобныя шайки находились около Судака. Нельзя не узнать, въ описываемыхъ Арабскимъ сочинителемъ островахъ, позднѣйшихъ жилищъ Запорожцевъ, которые, очевидно, суть только мѣстное Норманнское преданіе, гнѣздившееся тамъ въ тѣни вѣковъ и варварства, долго неизвѣстное Европѣ, и наконецъ развернувшееся съ новою силою, но въ прежнемъ духѣ, какъ скоро обстоятельства опять стали благоприятствовать. Сравните морскія экспедиціи Норвежцевъ на Западъ въ IX, Кіевскихъ Норманновъ на Константинополь, Черноморскихъ Руссовъ XI, XII и XIII на Трбизондъ и другіе приморскіе города той части Азіи, и наконецъ Запорожцевъ

въ тѣ же самыя мѣста въ XVI и XVII. столѣтійхъ, и вы увидите, что Казачина, которую устроилъ Баторій, тѣсно соединяется съ Норманнскою, или Варяжскою, эпохою нашей Исторіи, съ ея правами и обычаями. Начало Украинскихъ Думъ, безъ сомнѣнія, сопряжено съ Исландскою Словесностью. Сколько любопытныхъ упражненій еще предстоитъ нашей ученой дѣятельности!

Рожденіе благословеннаго Дома Романовыхъ на Россійскомъ Престолѣ. Романическія картины историческихъ событій. Сочиненіе Сергѣяскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8.; четыре части, стр. VII и—292 300—296—287.

Повѣсти изъ Русскихъ народныхъ преданій, изданія М. И. Макаровымъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8., стр. 175.

Гулакъ, или непреборимая вѣрность, рыцарская Повѣсть. С. - П. - буреъ, въ тип. Края, 1834, въ - 8.; семь частей, стр. 120—105.

Думаю я самъ про себя. Романъ. Переводъ съ Англійскаго Анны Ситниковой. Часть вторая. С. - П. - буреъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. 173.

Это окончаніе довольно занимательнаго сочиненія, первая часть котораго вышла въ прошломъ году.

Жена какихъ много и мужъ какихъ мало, Комедія-водевилъ въ однои дѣйствіи. Сочиненіе П. Григорьева, актера Императорскихъ С. - Петербургскихъ Театровъ. С. - П. - буреъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. К., 1834, въ-12, стр. 81.

FENELLA Oper in fünf Akten, Musik von D. F. E. Auber. St.-Petersbourg, aus der Druckerei der III Abtheilung der höchsten Kanzlei S. M. d. K., 1834, 8°, 58 S.

ALMANAC pour l'an 1834, par J. W. St.-Petersbourg,

de l'imp. de la III section de la chancellerie de S. M. I., 1833 (1834), 8°, pp. 144.

НАЧАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ГРЕЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ по руководству Шнейдера, изданные Герм. Шадоу, Философии Докторомъ и Искскаго В. М. Общества Членомъ С.-П.-бурзь, въ тип. Вилкеберга, 1854, въ-8., стр. II и 82.

Это сочинение можетъ быть употребляемо съ большою пользою въ гимназическомъ преподаваніи Греческаго языка: известно, что превосходная Грамматика Бутманна для начинающихъ слишкомъ пространна и почти неудобна.

ПОЛЬСКАЯ ГРАММАТИКА, изданная И. Саввинчемъ. С.-П.-бурзь, въ тип. Краля, 1855 (1834), въ-8., стр. VIII и 56.

АРИМЕТИКА. Сочиненіе Бурдонъ, принятое Парижскимъ Университетомъ. Переводъ съ девятаго Французскаго изданія, В. Ч. — С.-П.-бурзь, въ тип. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-8., стр. 271.

Книга весьма полезная, хотя напечатанная съ большими ошибками. Но это только первая часть сочиненія: вторая, говорить переводчикъ на оберткѣ, уже печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ. Нельзя не замѣтить удивительной дешевости этого изданія въ нашемъ вѣкъ драгоценныхъ книгъ: оба тома будутъ продаваться по 5 рублей.

КАРТИНА ЧЕЛОВѢКА, опытъ миставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія, для всѣхъ образованныхъ сословій, изданный А. Галичемъ. С.-П.-бурзь, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8, стр. XI и 677.

.....omnis certat Dialecticâ turba sophorom! Это сказалъ еще Аузоній,—и отъ его временъ дѣло не сколько не перемѣнилось. Но діалектика книги, которой теперь прочитали вы заглавіе, не изъ самыхъ убѣдительныхъ.

Нѣтъ ничего занимательнѣе Умозрительной Философіи. Войдите только въ эту заколдованную область, и вы увидите людей, которые ходятъ по воздуху, глотаютъ облака мыслей, выражаютъ свои чувства туманомъ, и говорятъ съ вами какимъ-то иноплеменнымъ нарѣчіемъ, составленнымъ изъ словъ вашего же языка, по расположеннымъ такъ дивно,

что они вамъ кажутся иноплеменнымъ нарѣчіемъ. Выпишу вамъ нѣсколько строкъ изъ предисловія къ толстой «Картинѣ челоѵка», и вы сами признаетесь, что изъ Русскихъ словъ, съ небольшимъ умѣишемъ, можно сдѣлать прекрасный иностранный языкъ.

«Сія причина поставила мнѣ въ обязанность, съ одной стороны расширивъ внутренній составъ Человѣкоученія *настилкой* многоихъ новыхъ и характеровъ и цѣлыхъ статей, съ другой — отнять у него несправедливыя присвоенія, т. е. исключить всѣ задачи, принадлежащія другимъ Наукамъ. Такъ *теорія рожденія* находитъ свое мѣсто въ *умозрительной Физикѣ*, такъ *нравственные идеалы*, напр. *дружбы, скромности, патриотизма* и пр. я отослалъ — но принадлежності — въ *Мораль*, такъ описание и Исторію *возрастовъ, половъ, породъ* представляю я *Исторіи челоѵчества*, которую имѣю не только въ виду, но *значную* частью и въ *запасъ*. Наконецъ назначеніе Книги и для чтенія требовало — облизнить ея текстъ съ общими попятіями. Вотъ почему я старался, сколько позволяли мнѣ то и силы мои и права школы, выражаться — просто — по-Русски! Вотъ почему *физическая* сторона челоѵка, для иныхъ *скугноватая*, обработана короче духовной! Вотъ почему предметы, болѣе близкіе къ *жизни* и къ *сердцу*, расписаны часто — *широкою кистію* — какого нибудь *Каруса, Шульце*, (особливо въ изображеніи страждущихъ состояній души), — *Свабедиссена, Гейнрота, Фриса, Нейбига, Гиллебранта, Вагнеръ, Стидекрота, Тюго* и другихъ. Ибо

Имѣвъ подъ рукою множество иностранныхъ, особливо Нѣмецкихъ, книгъ по части Человѣкоученія, вышедшихъ въ послѣдніе 50 лѣтъ и помеченныхъ въ Исторіи и Литературѣ на страницахъ 27—33, я не презишулъ воспользоваться *дальними* ихъ замѣчаніями и *статейками*, въ той увѣренности, что за подобное *подспорье* въ моемъ, почти трехъ-лѣтнемъ трудѣ философски-литературномъ, не столько *побранитъ* меня Критикъ, всегда *чужой челоѵкъ*, сколько *попенялъ* бы родной читатель *назидательныхъ* Русскихъ книгъ.»

Но не въ томъ дѣло: я привелъ это мѣсто единственно для того, чтобъ показать, что эта книга — мало того, что она книга, — она даже книга «и для чтенія!» Книга, извольте видѣть, съ умысломъ сдѣлана для того, чтобъ не только могла стоять въ шкафу, но и быть читанной, — что уже есть большой *improvement*, немомѣрное улучшение въ искусствѣ выдѣлывать книги. Даже, если вѣрнѣе заглавному листу, ее должны читать всѣ сословія. И дѣйствительно, что любопытнѣе для челоѵка, чѣмъ онъ самъ? что слабѣе его тѣла въ

Природѣ, и величественнѣе его ума въ цѣломъ пространствѣ міроздавія? Станемъ же читать «Картину челоуѣка»: правда, портреть толстѣ, — но и родъ челоуѣчскій иногда представляеть не тонкіе оригиналы!

«Велики упомянутыя трудности; необъятенъ предметъ; но ему соотвѣтствуетъ точно такая-же безпредѣльность *силы* и *длительности неутонимаго любовдѣнія*, и изъ доблестныхъ бореній нашего рода съ упорною природою повсюду уже и притомъ все очевиднѣе, все побѣдительнѣе возникаетъ и расширяется самое *царство мыслящихъ душъ*, конхъ взоры вѣчно ищуть и встрѣчаютъ другъ друга, дабы въ ихъ несмѣтныхъ, *призматическихъ* отливвахъ постигнуть *единую сущность*, которая во всѣхъ равномѣрно, хотя, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе явственно, то въ яркихъ чертахъ и свѣтлыхъ образахъ, то въ тонкихъ намѣкахъ, обнаруживаетъ тайну своего значенія.»

Въ самомъ дѣлѣ, это книга для чтенія: едва ли есть въ свѣтѣ книга, которая болѣе была бы 'книгою для чтенія, чѣмъ эта! Напримѣръ, и это мѣсто, одно изъ тысячи подобныхъ мѣстъ, — очевидно сочинено для чтенія, — для неутонимаго, безпредѣльнаго чтенія: его надо читать два, три, десять, сто, тысячу разъ, пока постигнешь смыслъ; надо читать весь вѣкъ, — и такъ еще, быть-можетъ, постигнешь его не въ ту сторону. Такъ, по-настоящему, должны быть писаны книги «и для чтенія»!

Есть одинъ предметъ въ Человѣкознаніи, до сихъ поръ не тронутый никакимъ философомъ, — хотя мой любимый авторъ, умѣйшій изъ подьячихъ, Лукіанъ, сказалъ еще во II вѣкѣ, что челоуѣкъ не въ силахъ придумать такой безсмыслицы, про которую бы кто-нибудь изъ философовъ уже не доказалъ, что она несомнѣнная истина, — есть, говорю, одинъ не только нерѣшенный, но даже неизвѣданный любомудріемъ вопросъ, о которомъ я часто думаю, и который даже предлагалъ одному знаменитому ученику Канта: — почему иногда челоуѣкъ можетъ сказать такъ, что никто изъ людей его не понимаетъ? Люди были въ состояніи постигнуть самое сокровенное существо силъ солнечной системы, разгадать нѣмой языкъ законовъ Природы: какъ же подобный намъ челоуѣкъ, употребляя всѣмъ понятныя слова, дѣйствуя тѣми же мозговыми органами, какъ и наши, можетъ такъ озада-

читать уми человеческій, что самъ Кеплеръ, Ньютонъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, принуждены сознаться, что они его не понимаютъ? По мнѣ, это одинъ изъ удивительнѣйшихъ феноменовъ Психологін: вы понимаете, что, поймавъ въ руки «Картину человѣка», всего прежде искалъ я въ ней объясненія этой статьи, — понесчастію, она и здѣсь выпущена изъ виду, хотя могла бѣ доставить живописцу неисчерпаемый предметъ самыхъ тонкихъ умозрѣній!

Что это книга «для чтенія», о томъ, кажется, нельзя спорить. Хотите ли теперь увидѣть, какъ въ ней «предметы болѣе близкіе къ жизни и *сердцу* расписаны часто — широкою кистию — какого нибудь *Каруса*?

«Гнусныя исчадія любостязанія суть:

е) *Женитьба*—*блудныхъ сыновъ* на богатенькихъ уродахъ, *женитьба безталанныхъ молодцевъ* на дюжинныхъ, такъ называемыхъ, *воспитанницахъ* своего начальника, кои приносятъ въ приданое *штатныя* мѣста и въ добавокъ цѣлую колонію — *фонъ одиодворцевъ*,

ф) Тонкое воровство, извѣстное тѣмъ, кои *управляютъ* чужими дѣлами, именно же казеннымъ, сиротскимъ и нишнимъ Баръ-пустодомовъ,

г) Постройки и поставки всякаго рода для публичныхъ заведеній особенно же заготовленіе припасовъ *экономическими* образомъ,

h) Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытыя чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣчныхъ, погорѣвшихъ,

і) Исправленіе нѣсколькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностію не успѣвать ни по одной и однако жъ получать по каждой то ежегодныя награжденія, то арелды, то пенсіи,

к) Нищенство—салопинцы, ополченныя, заштатныя чиновниковъ, бенефициантовъ, издателей, которыхъ Аполлонъ пустилъ *по прокормежной*, т. е. на *подписку* или на сборъ *алмазаныхъ статей*,

l) Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернию, величасть и подписываетъ себя — юморомъ.»

Широко! Но лучше было бы взять кисть потоньше. Если это кисть «какого-нибудь *Каруса*», то, право, ею можно только красить какія-нибудь рамы, а не писать картины человѣка, то есть, *какого-нибудь* человѣка. Я не люблю спорить о словахъ, но въ такомъ случаѣ, когда философъ вноситъ въ умозрительную картину человѣка свои личные вкусы и отвращенія, Умозрительная Философія приличнѣе могла бы на-

зваться Подозрительною. Это мое мнѣніе. Я отдаю полную справедливость религіозному духу этого сочиненія и благонамѣренности самаго предпріятія, но подобное забвеніе цѣльлюбомудрія, хотя бы и кратковременное, не должно было оставаться безъ упрека, который оно вполне заслуживаетъ.

Само собою разумѣется, что умозрѣнія не могутъ обойтись безъ животнаго магнетизма: чудеса умозрѣнія и чудеса магнетизма объясняются одни другими, и сомнамбулизмъ есть верхъ умственного состоянія челоука. Я не воспрощаю ни какой Картины не только говорить о животномъ магнетизмѣ, но и имѣть ясновидѣнія, — хотя бы съ простою, весьма извинительною цѣлю, понять темныя мѣста собственныхъ сочиненія; но ни какое въ свѣтъ умозрѣніе не имѣетъ права положительно утверждать того, что опытная Наука подвергла величайшему сомнѣнію, что вредитъ самому челоукопознанію, и препятствуетъ безпристрастно изслѣдовать истину. Сказавъ, что первая степень дѣйствія животнаго магнетизма состоитъ въ утоленіи боли; что вторая степень есть магнитное усыпленіе, когда челоукъ осязаетъ внутреннии нервами состояніе собственного тѣла, «Картина» присовокупляетъ:

«Третье дѣйствіе и третья степень магнитнаго сна открываются тамъ, гдѣ внутреннее ясное самоощущеніе обращается наружу, и гдѣ общія способности, непосредственно называть удивительныя, периферическими чувствами, начинаютъ играть роль духовную, дѣлая своему запасу сводъ, не въ особенномъ, одинакомъ, но въ общемъ чувства, а именно (не столько въ ручныхъ и ногахъ пальцахъ, сколько) въ брюшной впадинѣ, у грудной лажбинки, гдѣ сердцевицею читаются закрытыя книги, запечатанныя письма, и проч.

Не одинакова опредѣлительность, не одинаковъ объемъ чудодѣйственной силы животнаго магнетизма. Высочайшая степень опредѣлительности называется *правозрѣніемъ, прозорливостію*, а самый огромный *размахъ*, самая обширная атмосфера — *дальновидностію*. Сія дальновидность *деулиневаго* сомнамбула — *Якуса*

а) Либо обращается назадъ — къ былому и воскрешаетъ въ живои памяти самыя давнія, обветшалыя, едва знакомыя душѣ впечатлѣнія, слова, происшествія,

Либо б) обращается къ предметамъ въ пространствѣ и прости-

раетъ свою зоркость на нѣсколько сотъ миль, перепоситъ себя на любое мѣсто и видитъ отсутствующее такъ точно, какъ настоящее, хотя естественнымъ образомъ внемлетъ тѣмъ смутнѣе и неопредѣлительнѣе, чѣмъ далѣе предметъ, и чѣмъ болѣе онъ заслоняется несоответственными промежутками,

Либо с) наконецъ обращается къ будущему и въ мѣткихъ предчувствіяхъ своихъ, смѣло раздвигая границы времени, *прорицаетъ*. Но именно потому, что здѣсь иныя вещи *проразумѣваетъ* сомнамбулъ не иначе, какъ изъ развитій даннаго уже природою положенія вещей, его даръ гаданій можетъ, какъ и вездѣ, простираться преимущественно на будущее состояніе собственнаго его здоровья и здоровья близкихъ сердцу, а отнюдь не на то, что совершенно зависитъ отъ свободы.

Не восходитъ ли человекъ въ животномъ магнетизмѣ на высшую степень бдѣнія? Правда, та его сторона, которая въ обыкновенномъ здоровомъ состояніи озабочена только отправлениями, для поддержанія бытія нужными, до нѣзвѣстной степени тутъ облагороживается; однако жъ не иначе, какъ на счетъ истинной, трезвенной, бодрой духовности, а именно потому, что сія послѣдняя здѣсь погрязаетъ въ естественной жизни, связываетъ себя узами плоти и слѣдственно отчуждаетъ свою свободу. Тутъ духъ человека выказываетъ себя въ униженномъ званіи духа звѣднаго, и живетъ жизнью своей планеты. (Онъ глубоко проникъ въ бездну своего временнаго, дальнаго бытія, но не такъ, чтобы овладѣть ею, а такъ, что она совершенно приняла его въ себя и поглотила, какъ китъ Іону. — Чувственны тутъ всѣ мысли сомнамбула; вотъ почему отъ состояній сего рода нельзя ожидать вразумленій на счетъ будущей жизни, ни на счетъ обитателей другихъ міровъ, ни вообще на счетъ метафизическихъ задачъ. Правда, симпатическая система иногда можетъ изнутри возбуждать дѣятельность мозга, который въ сихъ чрезвычайныхъ случаяхъ изобрѣтаетъ новыя машины и дѣлаетъ дивныя вычисленія; однакожъ не совершается ли это на пути къ пробужденію? Не есть ли это расцвѣтъ уже здраваго сознанія? Не примѣчаемъ ли подобныхъ явленій и въ обыкновенномъ снѣ?)

Вотъ вамъ всѣ чудеса магнитическихъ Журналовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ въ фіолетовыхъ оберткахъ, превращенныя въ аксіомы Человѣкознанія! «Картина человека», по-видимому, забываетъ, что сомнамбулизмъ, съ тѣмъ поръ, отъ месмеристовъ перешелъ во владѣніе учениковъ Доктора Галля, и служилъ орудіемъ френологамъ; что это обстоятельство, особенно въ Англіи и во Франціи, опять возбудило желаніе въ занимающихся опытною и положительною Наукою человека повѣрить рассказываемыя чудеса наблюденіемъ;

что наблюденія опять не подтвердили разсказовъ; но, — въ этотъ разъ довели до выкладки, совсѣмъ противоположной прежле-му понятію о сомнамбулизмѣ. Нѣкоторые даже предложили перемѣнить названіе феномена, и именовать его не *сомнамбулизмомъ*, или *сностраниствованіемъ*, но скоро *сомновигилизмомъ*; *sonnenvigilism*, *Schlafwachen*, то есть, *снободрствованіемъ*, потому, что дѣйствія, исполняемыя человѣкомъ въ этомъ состояніи наружнаго усыпленія, суть очевидно продолженіе дѣйствій бодрствующаго ума и тѣла. Многіе точные опыты даютъ право заключать, что человѣкъ въ сомнамбулизмѣ не спитъ, а только находится въ сонливомъ омертвѣніи нѣкоторыхъ органовъ: тѣло его бодрствуетъ, умъ его бодрствуетъ; онъ думаетъ, разсуждаетъ, выводитъ заключенія и пользуется полнымъ употребленіемъ умственныхъ способностей; болѣею частию онъ даже видитъ, какъ скоро вѣки его не плотно закрыты; а если не осязаетъ зрѣніемъ, то слышитъ все прекрасно. У иныхъ не остается ни какого воспомина-нія о дѣйствіяхъ, совершаемыхъ во время такого снобдр-ствованія, подобно тому, какъ многіе не помнятъ своихъ сновъ; другіе сохраняютъ объ нихъ понятіе только какъ о сновидѣніяхъ; но бывали примѣры, что, сомнамбулы, просну-вшись, сами разсказывали о томъ, что дѣлали или думали, и какія тщетно употребляли усилія, чтобъ выйти изъ лѣт-аргическаго усыпленія. Многіе явленія сомнамбулизма оказа-лись сходными съ явленіями закоснѣлаго пьянства; нима съ иными отправлениями бодрого состоянія. Замѣчено даже, что можно произвести искусственное сностраниствие безъ всякихъ магнитическихъ фиглей: въ Индіи, гдѣ жаркій климатъ уд-вительно располагаетъ Европейца ко сну, въ услевныхъ мар-шахъ войска Англійскіе солдаты иногда засыпали на ногахъ, продолжали идти впередъ подъ тяжестью полнаго воору-женія, и исполняли всю команду, не просыпаясь.

Я имѣю привычку, — быть-можетъ, дурную, можетъ-стать-ся, хорошую, во всякомъ случаѣ самую неясную, — не ина-че говорить о человѣкѣ, какъ съ улыбкою на устахъ: теперь я спохватился, что эта толстая «Картина» своимъ животнымъ магнетизмомъ опронула меня въ важное и скупое. Я въ отчаяніи: чтобъ исправить дѣло и развеселиться, выпившу вамъ за-

бавную сцену изъ Англійской газеты Times, отъ 18 Января 1834 года. Дѣло весьма недавнее, и кстати.

«Town-hall. Городовой Судъ, въ Соутваркѣ. Вчера, въ присутствіи Г. альдермена Торпа, предстала молодая и милостивая арестантка, по имени Мери Спенсеръ, обвиняемая въ неправильномъ похищеніи узелка при слѣдующихъ необычайныхъ обстоятельствахъ. Джонъ Гринъ, истецъ, объявляетъ Суду, что онъ по званію штукатуръ: въ прошедшую субботу, вечеромъ, окончивъ свои дѣла, онъ пошелъ съ нѣсколькими пріятелями пить въ Пимлико, и въ исходе десятаго часу возвращался оттуда домой: когда миновалъ онъ Боро, къ нему подошла какаля - то женщина, а у него на рукѣ былъ тогда узелокъ, въ которомъ находились панталоны, завязанные платкомъ. Больше онъ ничего не знаетъ, и не можетъ сказать, что съ ними происходило до втораго часу утра въ Воскресенье.

Альдерменъ Торпъ. Какъ! ты былъ такъ пьянъ, что ничего не помнишь? \

Истецъ (очень добродушно). Ваша Почестъ, я не шушу: это сущая правда. Повнесчастью, я подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, и, для безопасности отъ воровства, всегда крѣпко привязываю къ рукѣ то, что несу съ собою, чтобъ проснуться, если кто захочетъ вырвать у меня мои вещи.

Альдерменъ. Такъ какъ же ты знаешь, что именно эта арестантка, а не кто другой, подходила къ тебѣ, когда ты шелъ черезъ Боро? Если ты спалъ, ты не могъ ея видѣть!

Истецъ. Это можетъ показаться страннымъ Вашей Почести, но оно справедливо, что хотя я не въ силахъ выбиться изъ сна, когда нахожусь въ этой чрезмѣрной летаргіи, однако жъ, я все слышу и помню голоса разговаривавшихъ особъ. Какъ скоро эта женщина произнесла нѣсколько словъ, я тотчасъ узналъ ее по голосу, и готовъ присягнуть, что это была она. У меня есть привычка ходить такъ по нѣсколькимъ часамъ: если бъ кто-нибудь дернулъ за узелокъ, я бы проснулся. Но она отрезала платокъ, которымъ былъ онъ привязанъ къ рукѣ, и я это чувствовалъ.

Альдерменъ. О такомъ казусѣ я никогда и не слыхивалъ! А узелокъ нашан? Дежурный инспекторъ, Г. Мекъ - Кра, объявляетъ, что узелокъ отысканъ, изъяснилъ, что показаніе истца, на счетъ его странствованій по улицамъ во время сна, совершенно справедливо. Г. Мекъ - Кра производилъ слѣдствіе, и оно вполне подтвердило истину: обстоятельство это очень хорошо извѣстно полиціи.

Полицейскій констебль, Г. Ватсъ, показываетъ, что истецъ пришелъ къ нему въ Воскресенье, во второмъ часу утра, и объявилъ именно то же, что теперь передъ Г-мъ альдерменомъ. Констеблю показалося его сказка слишкомъ мистическою и невѣроятною, и онъ приказалъ ему сопровождать себя въ поискъ украденной собственности.

Истецъ говорилъ, что знаетъ гдѣ она находится, потому что лице, которое похитило ее, разговаривало подлѣ него съ другимъ, и объяснило ему свою квартиру. Констебль и истецъ отиравались въ-сть въ Боро, въ Кентскую улицу, и пришли къ одному дому, гдѣ, по словамъ просителя, долженствовало находиться узелокъ. Г. Ваттсъ поступался; ему отворили двери, и, вошедши въ одну изъ комнатъ, онъ увидѣлъ описываемую просителемъ потерю подлѣ спящей женщины. Какъ скоро эта женщина заговорила, истецъ сказалъ, что она та самая, которая отняла у него узелокъ, въ Боро. Констебль взялъ воровку съ собою, и отвелъ ее въ ближнюю караульню.

Тутъ истецъ объяснилъ Г. Альдермену, какимъ образомъ узелокъ былъ привязанъ и потомъ отрѣзанъ, и показалъ кончики платка, оставшагося на его рукѣ.

Г. Идмондъ, адвокатъ, защищалъ арестантку, доказывая, что сама она, быть-можетъ, сдѣлала это въ такомъ же припадкѣ сомнамбулизма, и какъ арестантка говорить, что не знаетъ, какимъ образомъ узелокъ очутился подлѣ нея, а истецъ утверждаетъ, что онъ сто собственность, то слѣдуетъ отдать ему узелокъ, и дѣлю съ концемъ.

Г. альдерманъ Торпъ, по зрѣломъ размышленіи, произвелъ приговоръ, что казусъ этотъ такъ страшенъ, что и самъ онъ не знаетъ, какъ поступить; а посянку Англійскіе законы не предвидѣли случая о просителяхъ изъ сомнамбуловъ, то арестантку отъ дальнѣйшаго преслѣдованія освободить, а узелокъ вручить истцу, по принадлежности.

Одинъ джентльменъ, присутствовавшій при производствѣ дѣла, еще засвидѣтельствовалъ, что знаетъ просителя много лѣтъ. Ему нередко случается быть застигнутымъ этою несчастною болѣзнію на лѣсахъ во время работы, которую однако жъ продолжаетъ онъ и во снѣ; не смотря на то, что онъ часто находился въ опасности слѣзть съ лѣса при малѣйшемъ оступленіи, съ нимъ никогда не приключалось несчастія, и на предлагаемыя вопросы онъ отвѣчаетъ такъ правдиво, какъ-будто вовсе не повергался летаргій.

Вотъ по крайней мѣрѣ хотя одно событіе этого рода, обезпеченное всѣми необходимыми условіями общественной достовѣрности, и не основанное на частной повѣсти энтузіастовъ и систематиковъ, называющихъ себя безпристрастными очевидцами. Оно бросаетъ большой свѣтъ на вопросъ о сомнамбулизмѣ: человекъ имѣетъ полное сознаніе того, что дѣлаетъ во время такой летаргій, и забвеніе дѣйствій или сохраненіе его въ памяти явно зависитъ только отъ устройства его мозговыхъ органовъ. Джонъ Гринъ знаетъ, что онъ спитъ и ходитъ; что онъ спитъ и беретъ съ собою вещи: онъ чувствуетъ опасность своего положенія отъ воровъ, и не смотритъ на

свой сонъ, привязываетъ вещи къ рукъ. Онъ повергается въ сомнамбулизмъ, идучи улицей и работая на лѣсахъ, и продолжаетъ идти и работать, со всеми предосторожностями бодрствующаго лица: слѣдственно, это состояніе есть простое продолженіе бодрствованія, а сонъ только случай, придача къ бодрствованію, превратное дѣйствіе животныхъ отправленій, перемѣщеніе нѣмоты нѣкоторыхъ органовъ изъ эпохи сна въ бодрый часъ жизни. Что жъ тутъ магнитическаго въ этомъ, впрочемъ весьма естественномъ, безпорядкѣ отправленій? Поэтому всѣ болѣзни и самый бредъ были бы слѣдствіе магнитизма, были бы сновидѣнія!

Примѣчательно, что сностранники въ дѣйствіяхъ своихъ, во время подобныхъ припадковъ, никогда не выходятъ изъ круга занятій и привычекъ, приличныхъ бодрому ихъ бытію. И такъ сомнамбулизмъ въ разныхъ своихъ степеняхъ соотвѣтствуетъ простому понятію о разныхъ степеняхъ продолженія или возобновленія бодрого бытія и о разныхъ степеняхъ перемѣщенія, въ тѣлѣ человѣческомъ, одного или нѣсколькихъ животныхъ отправленій вопреки установленному порядку. Первая степень сомнамбулизма, или этого неправильнаго перемѣщенія отправленій, есть говоръ во снѣ; послѣдняя, которая извѣстна съ достовѣрностью, превращеніе всего порядка чувствъ въ каталептическихъ и эпилептическихъ случаяхъ. Всѣ почти мы произносимъ слова во снѣ: и такъ, всѣ мы сомнамбулы. Никто однако жъ не думалъ приписывать магнитизму рѣчей, невольно вырывающихся у насъ на подушкѣ!

Для любопытства читателей, я не побѣжусь привести нѣсколько извѣстнѣйшихъ примѣровъ сомнамбулизма. Докторъ Эберкромбъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ умственныхъ силахъ человѣка, описываетъ, со всеми доказательствами подлинности факта, случай одного подверженнаго сностранствію адвоката, который нѣсколько дней сряду мучился надъ соображеніемъ дѣла и не могъ придумать, какой дать ему ходъ и въ какомъ видѣ представить его Суду. Онъ легъ спать; потомъ всталъ съ постели, сѣлъ у конторки, стоявшей подлѣ кровати, и началъ писать. Сочинивъ длинную бумагу, онъ положилъ ее въ ящикъ, заперъ конторку, и опять легъ въ постель, не просыпаясь. На слѣдующее утро, сталъ онъ раз-

сказывать жень, будто видѣлъ удивительный сонъ, который подалъ ему прекрасную мысль въ разсужденіи его дѣла. Бывъ свидѣльницею всего дѣйствія, когда собрался онъ поутру писать въ духъ этой мысли, она показала ему въ ящикѣ бумагу, сочиненную имъ ночью: адвокатъ удивился, нашедъ въ ней свѣтлое, превосходное изложеніе процесса, начертанное его же рукою и въ томъ самомъ смыслѣ.

Сожалю, что примѣръ Тартини, сочинившаго во снѣ одну изъ лучшихъ своихъ сонатъ, *Suonata del diavolo*, случайно уже нашелъ мѣсто въ другой статьѣ этой книжки Журнала, и постараюсь замѣнить его приключеніемъ молодого Французскаго священника, быть-можетъ не всякому извѣстнымъ. Оно было засвидѣльствовано мѣстнымъ Архіепископомъ. Не смотря на отличное дарованіе, священникъ тщетно трудился весь вечеръ, и не успѣлъ написать ничего порядочнаго, чтобъ заключить свою проповѣдь однимъ, сильнымъ, логическимъ выводомъ изъ разныхъ частей избраннаго имъ предмета. Утомясь и обремененный несвязными мыслями, онъ бросился на постель, и уснулъ. Въ продолженіе покоя, онъ всталъ, опять принялся за перо, и съ большимъ искусствомъ развернулъ предметъ съ того мѣста, гдѣ ввечеру остановился. Написавъ полторы страницы, онъ еще пробѣжалъ написанное, и сдѣлалъ многія поправки въ слоги, изъ которыхъ одна была примѣчательна: Онъ написалъ-было—*ce divin enfant*: пересчитывая, нашелъ онъ прилагательное *divin* слиткомъ короткимъ въ этомъ мѣстѣ и можетъ-быть противнымъ слуху по однозвучности носовыхъ окончаній; вычеркнулъ слово *divin*, и надписалъ *adorable*. Будучи доволенъ фразою—*cet adorable enfant*,— онъ занялся дальнѣйшимъ чтеніемъ, какъ вспомнилъ, что въ ней осталась грамматическая ошибка: перемѣнивъ прилагательное, надлежало также измѣнить и мѣстоименіе. Онъ опять откинулъ страницу, и къ мѣстоимѣнію *ce* прибавилъ букву *t*, такъ, что вышло правильно—*cet adorable enfant*.

Кто послѣ этого можетъ сказать, что умъ, память, воображеніе, не бодрствуютъ въ подобномъ состояніи челоука; что самый челоукъ не бодрствуетъ, не смотря на его наружный сонъ? Все чудесное въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что Англійскій адвокатъ и Французскій проповѣдникъ

писали съ зажмуренными глазами. Но станемъ ли увѣрять, что вѣки его были сомкнуты такъ плотно, что для зрѣнія не оставалось ни малѣйшей расщелины? Вы скажете, что они писали безъ свѣчей. Но развѣ не извѣстны примѣры особъ, читающихъ книги въ почной темнотѣ? Дѣятельность зрѣнія во мракѣ не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго: совы и летучія мыши умѣютъ ловить добычу безъ магнитическихъ ясновидѣній. Всякой человѣкъ можетъ видѣть ночью: доказательство, опытъ съ Гершеленымъ телескопомъ, который, бывъ наведенъ въ самую темную ночь на часы отдаленной башни, показалъ циферблатъ ихъ чисто, какъ днемъ. Все состоитъ въ устройствѣ глаза. Сверхъ-того, не доказано, чтобы человѣкъ вовсе ничего не видѣлъ во время обыкновеннаго сна: кому не извѣстно, что спящаго можно разбудить однимъ свѣтомъ, поставивъ свѣчу передъ его глазами? Слѣдственно и во время сна свѣтъ находитъ для себя пути, чтобы проникнуть до зрительнаго нерва, — а что сомнамбулы ощущаютъ нужду въ свѣтѣ, въ томъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія: они дѣйствуютъ только въ мѣсячныя ночи, и жадно ищутъ луннаго свѣта, — обстоятельство, которое нѣсколькихъ физиологовъ даже заставило вѣрить въ янію луны на нервную систему. Многіе изъ нихъ, безъ чиновъ, высѣкаютъ огонь, и зажигаютъ себѣ свѣчи.

Горстъ упоминаетъ объ одномъ мальчикѣ въ Бреславлѣ, который вставалъ съ постели, какъ скоро комната освѣщалась лунными лучами, одѣвался, взлѣзалъ на крышу дома, и подбиралъ птичьи гнѣзда. Возможно ли допустить здоровымъ разсудкомъ, чтобы онъ ходилъ по крышамъ, не ощущая въ себѣ совершенной бодрости тѣла и духа; чтобы ожидать луннаго свѣта для того, что зрѣніе было ему бесполезно въ опасныхъ его прогулкахъ; чтобы наконецъ сонъ его не былъ только наружное явленіе?

Докторъ Грегори пишетъ, что въ 1758 году зналъ онъ въ Лунсбургѣ одного офицера, въ которомъ можно было производить какія угодно ясновидѣнія, шепча ему въ ухо разныя слова во время сна. Его товарищи заставляли его спящаго дѣлать все, что хотѣли. Однажды, шутя, они поссорили его во снѣ съ его пріятелемъ: дѣло дошло до самыхъ грубыхъ упрековъ и до вызова на дуэль; сомнамбулу

дали въ руки пистолеть, — онъ выстрѣлить, и проснулся. Есть ли тутъ что-нибудь магнитическое или непонятное?... И этотъ родъ лунатизма одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ: иногда ограничивается онъ простою бесѣдою на словахъ; въ другой разъ, разговоръ сопрягается съ движеніями тѣла. Во всякомъ случаѣ, онъ очень важенъ для наблюдателя, потому что показываетъ, какимъ образомъ внѣшніе предметы пробиваются сквозь завѣсу сна, и проникаютъ въ умъ спящей особы. Тутъ слухъ дѣйствуетъ въ полномъ смыслѣ.

Маіоръ Эллиотъ сообщилъ ученому свѣту любопытное извѣстіе объ одной женщинѣ, страдавшей сомнамбулизмомъ, которая послѣ першаго припадка терпала память прошедшаго, послѣ втораго опять ее приобретала, лишалась ея послѣ третьаго, и такъ далѣе: въ этомъ состояніи, уже весьма близкомъ къ каталептическимъ явленіямъ, находилась она слишкомъ четыре года. Опять вопросъ: есть ли здѣсь что-нибудь необыкновенное, чего бы нельзя было понять безъ магнитическаго мистицизма? Не то ли самое случается съ въкоторыми пьяницами и опіатиками? Когда трезвы, они часто не помнятъ того, что дѣлали или говорили въ опьяненіи, и, чтобъ вспомнить, должны снова напиться. Не видятъ ли примѣровъ подобной перемежевки отравленій и въ другихъ феноменахъ жизни? Въ въкоторыхъ семействахъ, русые волосы бываютъ наследственны черезъ одно поколѣніе, переходя съ прадеда на отца, и съ отца на внука. Докторъ Симонъ свидѣтельствуетъ о существованіи одного семейства, въ которомъ всегда черезъ одно поколѣніе рождаются дѣти съ шестью пальцами; и, что удивительнѣе, тѣ изъ членовъ семейства, которые позволили сдѣлать операцію и избавить себя отъ шестаго пальца, освободили внуковъ своихъ отъ этого страшнаго наказанія Природою. Неужели и это магнитизмъ?

Что касается до эпилептическихъ и каталептическихъ явленій, которыми магнитисты воюютъ умы легковѣрные и склонные къ чудесному, то въ нихъ вся необычайность дѣла состоитъ въ перемѣщеніи чувствъ зрѣнія, обонанія и слуха въ оконечности пальцевъ и носа и въ грудную лопатку. Я не хочу спорить о подлинности всѣхъ дѣлъ, приписываемыхъ этимъ болѣзнямъ, хотя по сию пору они

еще состоять подъ споромъ; но подобное перемѣщеніе отнюдь не сверхъ-естественныя перемѣщенія сва въ бодрое бытіе челоуѣка. Не рѣшась быть слабоумнымъ или носить на плечахъ голову, разбитую параличемъ одной неподвижной идеи, не возможно оспаривать присутствія невещественнаго духа въ тѣлѣ челоуѣческомъ. Какимъ образомъ отдѣляетъ онъ съ тѣломъ труды земной жизни, того мы вѣроятно никогда не постигнемъ. Мы видимъ, что внѣшній предметъ отражаетъ свой образъ на зеркалѣ нашихъ зрачковъ; можемъ заключить почти съ достовѣрностью, что этотъ отраженный образъ переходитъ въ мозгъ посредствомъ нерва, нарочно къ тому приспособленнаго; что духъ принимаетъ, всасываетъ его въ себя изъ мозга, — но какъ?.... Здѣсь предѣлъ знанію. Мы не въ силахъ постичь способовъ прикосновенія между душою и мозгомъ; однако жъ никогда еще не приписывали магнитизму передачи наружной формы предмета глазомъ уму, то есть, душѣ. Когда въ данныхъ болѣзненныхъ припадкахъ зрѣніе переносится, — если только переносится! — въ оконечности пальцевъ или въ другой членъ, и умъ, понятіе, оставляютъ голову; я скорѣе вижу въ этомъ замѣшательствѣ въ отправленіяхъ, скорѣе перемѣщеніе души изъ обыкновеннаго центра ея дѣйствія въ другую страну животнаго зданія, нежели вліяніе осебеннаго и мудренаго вещества. Духовное начало челоуѣка необходимо должно тогда скопляться около того мѣста, черезъ которое образы внѣшнихъ предметовъ проникаютъ въ тѣло. Какимъ образомъ оконечность пальца передаетъ ихъ душѣ, не извѣстно, точно такъ же, какъ не извѣстно, какъ передаетъ ихъ мозгъ; но палецъ и мозгъ матерія; но духъ и матерія имѣютъ свои сообщенія; но мозговія фибры въ этомъ случаѣ отнюдь не умѣ и не духовныя фибры пальца, и душа, чтобъ видѣть черезъ послѣдніе, можетъ употреблять тѣ же самыя непонятныя для насъ средства, помощію которыхъ зрѣтъ она въ мозговые нервы. Ипотеза за гипотезу: я нахожу благороднѣйшимъ довѣрять душѣ, чѣмъ магнитизму. Если животный магнитизмъ хочетъ благороднымъ образомъ войти въ состязаніе съ другими несомнѣнными началами жизненности, то онъ долженъ напередъ отказаться отъ всякаго знакомства съ шарлатанствомъ. Докоудъ онъ съ нимъ въ связяхъ, разумокъ имѣетъ полное право сомнѣваться въ дѣй-

ствительности его могущества. Довольно замѣтить, что эпохи, въ которыя онъ былъ въ силѣ и въ модѣ, были въ то же время эпохи мистицизма, съ паденіемъ котораго всегда ослабѣвали и чудесныя свойства животнаго магнетизма. Что касается до силы, приписываемой каталептикамъ и другимъ подобнымъ пациентамъ, видѣть внутренность своего тѣла и прописывать себѣ лекарства, то эти доводы годятся только въ нянюшкины сказки. Есть ли средство повѣрять внутренность тѣла больного? И кто присягнетъ, что больной умеръ бы, если бъ не принялъ показаннаго имъ лекарства? Впрочемъ этого рода страдальцы, и по сознанию Медицины, выздоравливаютъ безъ всякихъ лекарствъ, и самая ихъ болѣзнь не что иное какъ выздоравливаніе отъ другаго какого-нибудь недуга.

Какъ еще Омеопатія не вошла въ составъ философической «Картины человѣка», подлѣ животнаго магнетизма? Омеопатія однако жъ ясно доказываетъ, что нынѣшній просвѣщенный вѣкъ можетъ еще вѣрять многому. Въ Германіи, и даже во Франціи, печатаются Журналы этого ученія, и «Омеопатическій Поваръ» ужъ имѣетъ два изданія, хотя сами Омеопаты объедаютъ крѣпко аллопатически, и пьютъ вино не «безконечно малыми» рюмками.

Омеопатія не наше дѣло; но Картина человѣка была бы не полна безъ Физіономики. О, не шутите надъ нею! Физіономика удивительное дѣло. Какія важныя, вѣковыя истины сообщаетъ она читателямъ «всѣхъ образованныхъ сословій!» Послѣ выхода въ свѣтъ «Картины человѣка», нельзя никому показаться на улицѣ: всѣ прохожіе разгадаютъ вашъ характеръ. У васъ толстыя губы? — вы эгоистъ! вы недлюдина! я съ вами не хочу имѣть дѣла!... И не сердите меня: а то скажу вамъ еще хуже: вы витійствующій оранг-утангъ! — На какомъ основаніи? спросите вы меня. А вотъ на какомъ основаніи:

«А какъ рѣчь есть частію органъ общежительныхъ сношеній, частію средство къ образованію; то губы толстыя обячаютъ либо эгоиста и недлюдина, либо витійствующаго Оранг-утанга. Сей физіономическій законъ опредѣлится еще точнѣе, когда раздѣлимъ ротъ на двѣ части проѣвля. Ибо тутъ толстая, отвѣсшая губа кляска означаетъ перевѣсъ животной и грубой части, а атлянувшаяся

низкая губа, которая тѣмъ самымъ вздымаетъ верхнюю, либо же, по крайней мѣрѣ, увлекаетъ за собою, перевѣсъ или могущество чувствительной, ушной, благородной части лица.»

И я знаю цѣлые народы, составленные изъ однихъ эгонстовъ и эгонстоковъ, нелюдимовъ и нелюдимокъ: первый нелюдимъ и эгонистъ въ свѣтъ—Гаитскій Президентъ Бойе: за нимъ всѣ Негры и всѣ Мулаты съ толстыми губами, не считая Каэровъ и одного моего пріятеля, который разорился жѣбосольствомъ.

Есть еще много другихъ фizioномическихкихъ «законовъ», чрезвычайно вѣрныхъ и замысловатыхъ. Напримерь: подбородокъ, ротъ и носъ, сбдиженные вмѣстѣ, означаютъ человека..... «*Царь Ликаона, разжалованнаго въ волки!*»

А глаза съ большимъ угломъ?.... «*Счастливыиъ глазъ постоянно илплетъ большой уголъ.*» Прошу теперь не вѣрить мамкамъ, что можно сглазить ребенка, когда Философіею доказано, что есть глаза счастливые и глаза несчастные!

Въ части лица имѣютъ свое значеніе, и вы найдете въ «Картинѣ человека» *постоянный* «законъ» на каждый казусъ лица вашего пріятеля. Одного носа, говорить «Картина» опредѣлить невозможно. Носъ вещь непостижимая: человекъ можетъ все понять, — но онъ не въ силахъ повѣтъ своего носа. Что значить носъ? Зачѣмъ растетъ онъ на лицѣ? Чего отъ людей хочеть?.... Носъ! ужасный носъ! проклятый носъ! Скажи, кто ты? откуда ты?.... Кончикъ носа есть острая скала, о которую разбиваются всѣ умозрѣнія. *Nic finis terganum.*

До сихъ поръ «Картина человека» возбуждала во мнѣ веселость; но теперь, какъ мы дошли до «законовъ» фizioноміи, мнѣ хочеть плакать, и съ уныніемъ я принужденъ спрятать носъ подъ мышку. И такъ, человекъ весь въ своемъ лицѣ!..... Ужасно подумать! А обо мнѣ мои пріятели ниюгда говорить, что я не такъ глупъ, какъ иному кажусь съ лица!.....

С. Амвросій ніюгда восклицалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ: *Ab Aristotele libera nos, Domine!* Св. Амвросій жилъ слишкомъ давно, и если бы онъ жилъ въ наше время, онъ бы вѣрно говорилъ: *A philosophia gorganica liber*

nos, Domine! — Anebulis mysticismi libera, libera nos, Domine!

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. *Сочиненіе А. Вейдемейера, служащее продолженіемъ Обзора главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончимъ Петра Великаго С.-П.-буръ, въ тип. Гинца, 1834, въ 8, стр. 143—143.*

Кто-то, не-знаю, сказалъ первый, — но что это было сказано къ-то первымъ, за которыми стали повторять другіе, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, — что нельзя писать Исторіи близкихъ временъ. Кто-то сказалъ второй, на зло первому, что нельзя писать Исторіи отдаленнаго времени. Можетъ, это правда! Можетъ, это ложь! Но въ такомъ крайне затруднительномъ обстоятельстве и сочиненіе Г. Вейдемейера можетъ быть читано съ удовольствіемъ, — тѣмъ болѣе, что лучшаго мы не имѣемъ.

Исторія. *Первая часть Введенія. Идеи, содержаніе и форма Исторіи. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ 8., брошюра въ 94 страницы.*

Трифона Коровейникова, *Московского Куница, съ товарищами Путешествіе въ Иерусалимъ, Египетъ и къ Синайской Горѣ въ 1583 году. С.-П.-буръ, въ тип. Вд. Байковой, 1833 (1834). въ 8., брошюра въ 64 страницы. Изданіе второе.*

ПОДАРОКЪ УЧЕНЫМЪ НА 1834 ГОДЪ. *О Царѣ Горохъ; когда царствовали Государь Царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ, и какъ Царь Горохъ перешелъ въ преданія народовъ до отдаленнаго потомства. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ 8., брошюра въ 35 страницъ.*

КАДЕТСКІЕ ВОПРОСЫ, или разборъ книги подъ заглавіемъ: *Руководство къ познанію Литературы. С.-П.-буръ, въ тип. Иверсена, 1834, въ 8., брошюра въ 38 страницъ.*

О хлопчатой бумагѣ и пряденіи оной. *Извлеченіе изъ иностранныхъ сочиненій и дополнено Ученымъ Листи-*

и. и. Андреевъ Озерскимъ. С.-П.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Г. бумагъ, 1833 (1834), въ 8., брошюра въ 68 стр., съ тремя рисунками.

ВЫСТАВКА АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1833 ГОДА. Брошюра безъ заглавнаго листа, въ 55 страницъ. Извлеченіе изъ Журнала Д. М. Народнаго Просвѣщенія.

ОТЧЕТЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ЗА 1832 ГОДЪ. С.-П.-бургъ, въ тип. Крайл, 1834, въ 8., брошюра въ 22 страницы.

БОЛЬНИЦА ВСѢХЪ СКОРВЯЩИХЪ. С.-П.-бургъ, въ тип. Греча, 1834; въ 8., брошюра въ 37 страницъ.

COUP D'OEIL SUR LES PRINCIPALES CAUSES ACTUELLES des maux de nerfs et des difformités de la taille des jeunes personnes, par M. d. C. Simon, docteur, conseiller d'état, médecin du département de l'Instruction Publique. St.-Petersbourg, chez Kray, 1834, 8°. Brochure de 46 p.

Въ этомъ брошюрномъ мѣсяцѣ, на этой бѣдной ярмаркѣ малорослой печатной Лопи, гдѣ нельзя купить куска мысли даже за тройныя деньги, а можно только упоиться музыкою унылаго скрипа немазанныхъ колесъ прѣзжихъ за литераторскою славою,—вотъ хотя одно сочиненьце, которое подняло на ноги важный фактъ, которое, по крайней мѣрѣ, предложило вопросъ обществу! Докторъ Симонъ въ теченіе своей долголѣтней и обширной практики, замѣтилъ, что съ нѣкотораго времени нервныя болѣзни и неправильности талии у молодыхъ особъ женскаго пола необыкновенно усилились въ Петербургѣ, и толпы блѣдныхъ и хилыхъ выходцевъ нашей столицы, бѣгущихъ къ заграничнымъ водамъ съ наступленіемъ всякой весны, годъ отъ году становятся огромнѣе. Чему приписать это страшное пониженіе здоровья?.... Г. Симонъ находитъ причину ему въ нашемъ образѣ воспитанія прекраснаго пола. Число женщинъ, получающихъ «хорошее воспитаніе» постепенно здѣсь умножается; хорошее воспитаніе дѣвицъ дѣлается болѣе и болѣе многосложнымъ и изысканнымъ: все мы надѣялись, что съ увеличеніемъ класса образованныхъ и

любезныхъ женщинъ, намъ будетъ пріятнѣе и веселѣе, — а тутъ вдругъ нервы стали разстраиваться, талии стали коверкаться, шеи, бѣленькія атласныя шеи, стали искривляться, — болѣзненная блѣдность вторглась въ порядочныя уборныя, безобразіе быстро покоряетъ область красоты, — скоро не въ кого будетъ влюбиться въ Петербургъ!..... Ужасная будущность! И вопльъ раздѣляю опасенія Доктора Симона, и совершенно съ нимъ согласенъ, что частное воспитаніе дѣвиць принимаетъ у насъ насильственный, ложный, вредный оборотъ. Да! вредный и — опасный. Не то, чтобы я боялся, что наши женщины скоро будутъ умнѣе и образованнѣе насъ самихъ: напротивъ, я желаю имъ этого отъ всего сердца, хотя желаніе мое, кажется, излишнее: оно уже исполнилось. Коротко сказать, желаю нашимъ Россіянкамъ навсегда удержатъ за собою то умственное превосходство передъ нами, вѣрными ихъ мужчинами, которымъ онѣ теперь болѣе чѣмъ когда либо отличаются. Но то справедливо, что чрезмѣрное умноженіе статей женскаго воспитанія нанесло у насъ жестокой ударъ здоровью и красотѣ молодыхъ образованныхъ женщинъ. Теперь дѣвушка уже не называется отличною воспитанною, если она не воспитана по-Французски, по-Русски, по-Англійски, по-Нѣмецки; если это воспитаніе не вознесено умножено еще Алгеброю, Исторіею, Статистикою и Риторикою; если Петербургская барышня не играетъ какъ артистка, не рисуетъ какъ ангелъ, не поетъ какъ божество, кромѣ двадцати другихъ Наукъ, совершенствъ, дарованій. Притомъ, она должна быть начитанная, — и она все читаетъ! Докторъ Симонъ усматриваетъ въ этомъ обстоятельстве другую, и весьма сильную причину быстрого и изумительнаго распространенія первическихъ недуговъ въ послѣдніе годы въ Петербургѣ. Уже одинъ знаменитый Парижскій врачъ, два года назадъ тому, обнаружилъ ужасныя слѣды дѣйствія новѣйшихъ Романивъ и Драмъ на нервныя системы молодыхъ особъ во Франціи: Докторъ Симонъ, не упоминая объ немъ и, быть-можетъ, независимо отъ его открытія, подтверждаетъ то же самое наблюденіями, сдѣланными здѣсь на-мѣсть. Эти неистовыя картины ужаса, свирѣпости, злодѣянія, сладострастія, потоковъ крови и лужъ порока, съ пламеннымъ слогомъ и частыми взрывами

страстной, превратной Философин, брошенные въ пылкія молодья воображенія, страшно потрясають всю нервную экономію избѣженной женщины, уже разслабленную усиліями мучительнаго воспитанія; производять внутреннюю борьбу, остроту соковъ, раздраженіе и бользнь. Закрывъ книгу, надо послать за билетомъ на Любекскій пароходъ, и ѣхать къ теплымъ водамъ лечиться отъ спазмовъ или отъ истерики, — Г. Симонъ лучше знаетъ, отъ чего именно. Папеньки, маменьки, дядюшки, тетушки, бабушка, мужья, братцы, кузины! читайте со вниманіемъ любопытныя и челоуѣколюбивыя замѣчанія Доктора Симона: дѣло важнѣе, нежели какъ вы предполагаете. Не думайте, чтобы ихъ воображенія были такъ холодны, какъ ваши, и кровь ихъ текла такъ тихо, какъ въ нашихъ канцелярскихъ жилахъ. Онѣ родились и живутъ совсѣмъ въ другомъ климатѣ, какъ мы. за тридцать градусовъ широты отъ насъ, хотя всякой вечеръ танцуютъ съ нами кадрили. Лѣтомъ онѣ окружены атмосферою, раскаленною до 20 градусовъ Реомюра; осенью и весною въ нихъ казавейкахъ вы всегда найдете 17 градусовъ. Всю зиму проводятъ онѣ въ комнатахъ, согрѣтыхъ по крайней мѣрѣ въ 14 градусовъ, и еще носятъ казавейки, шубы, и проч., которыя усиливаютъ температуру воздуха около кожи до 18 и 20 градусовъ, не считая баловъ и театровъ, гдѣ бываетъ отъ 18 до 22. Сложите все это, вы найдете, что средняя годовичная температура ихъ атмосферы не ниже 15 или 16 градусовъ: это климатъ Испаніи! — тогда, какъ мы живемъ большею частію въ природномъ Петербургскомъ климатѣ, котораго средняя температура не превосходитъ 3° теплоты. Мы ихъ воспитываемъ въ парникахъ, и онѣ нѣжны, какъ оранжерейныя растенія.

Докторъ Симонъ предлагаетъ нѣкоторыя простыя и легкія средства врачеванія этихъ мучительныхъ или безобразныхъ недуговъ въ самомъ ихъ началѣ. Я не докторъ. но осмѣлюсь сказать ему, что весьма удивился. не найдя, въ числѣ предлагаемыхъ средствъ, одного, весьма надежнаго: мнѣ кажется, что нервы, раздраженныя Французскими Романами и Драмами, легко можно успокоить нашею Словесностью!

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

=

1. *Смоляне въ 1611 году*, драматическая Хроника, въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Кн. А. А. Шаховскаго, (26 Января).

Дѣйствіе первое. Сраженіе за Смоленскою стѣною. Пушкаръ кричитъ со стѣны, что воевода Шеннъ

Весь Королевскій сбродъ, какъ прахъ земной разсыялъ.

Народъ кричитъ — ура, колокола звонятъ. Приходитъ Шеннъ съ Княземъ Горчаковымъ, Татищевымъ и другими.

Еще мы цѣлы!

Хоть Королевскіе полки какъ волки смѣлы,

Да Божьей помощью мы сперли ихъ назадъ.

.....
Изъ войска нашего ужъ многихъ тысячъ нвѣшь!

И същется ль шестьсотъ для обороны града,

А сдѣланъ взрывъ. Его чинить скорѣе надо,

говоритъ Шеннъ. А Князь Горчаковъ рассказываетъ, что сынъ его, Александръ, съ нимъ рядомъ бился,

Да вскрикнулъ вдругъ: хоругвь! и съ словомъ тѣмъ, впередъ.

Умчался изъ вида, какъ конь ретивый!

Дворянинъ Алексѣевъ объявляетъ Шенну и Горчакову,

Что, Патріархъ, Сивкитъ и весь народъ

Большихъ Пословъ прислали къ Сигизмунду.

Шеннъ говоритъ:

Чтобъ града не сдавать безъ Царскаго указа,

И не сдадимъ, покуда Владиславъ,

По православію Восточной Церкви

На царство взычаннъ, не повелитъ.

Шеннъ приглашаетъ согражданъ взглянуть

На Тулу, на Орель, на Нижній, на Калугу,

и продолжаетъ:

Какую тамъ народъ терпѣлъ и скорбь и тугу!

Какъ тамъ крамольники темнили небеса

Пожарнымъ дымомъ сель; и ужасомъ въ лѣса

Гоня людей, звѣрей выманивали въ поле

На смрадъ крещенныхъ тѣлъ.

Приходитъ жена Шенна, Евдокія, съ дочерью, Еленою.

и съ малолѣтнимъ сыномъ, Борисомъ. Шеннъ объявляетъ ей, что враговъ одолѣли. Жена въ отвѣтъ:

А мы молебствіе съ владыкой въ храмъ пѣли.

Потомъ продолжаетъ разсказывать мужу, что дочь ихъ съ весны какъ свѣчка таетъ, что она три дня безъ хлѣба.

Вбѣгаетъ молодой Князь Горчаковъ, Александръ, съ хоругвию въ рукахъ, и отдаетъ ее Шенну. Идутъ въ соборъ, чтобъ освятить хоругвь. Остаются Александръ, Евдокія и Елена. Евдокія посылаетъ Александра въ соборъ. Александръ неидетъ. Елена разсказываетъ ему о холодѣ и голодѣ, которые онъ терпятъ въ Смоленскѣ; разсказываетъ видѣнный ею сонъ. Мать, въ утѣшеніе ей, говоритъ:

Во снѣ какая связь!

И мнѣ въ болѣзни снились

Такія ль чудеса!

Какія же это чудеса, — она умалчиваетъ. Елена оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ:

Чу! чу! набашь! громъ! молнія! гроза!

Сраженье! кровь!..... все за клубилось!

Все, все, все и я *(падаетъ безъ чувствъ)*.

Александръ, полагая, что Елена умерла, приходитъ въ отчаяніе. Евдокія успокаиваетъ его, увѣряя, что —

Эшо съ ней и прежде ужъ бывало:

Пройдетъ; но чтобъ ее ни что не испугало.

Читатель, вѣроятно, полагаетъ, что бѣдная Елена подвержена падучей болѣзни? — нѣтъ,

Отъ горькихъ думъ, она изнемогла сперва,

И изнуренная всечаснымъ страхомъ силы

Не укрѣпляетъ злакъ притоптанныхъ полей;

А то, чѣмъ нашъ законъ мерзить повелѣваетъ,

Она, безъ ужаса, къ устамъ

Поднести не можетъ.

Александръ вскрикиваетъ:

Я, въ трепетѣ, вижу несправедливость неба:

Краса земли кончается безъ хлѣба!

Отъ чего же умираетъ съ голода одна Елена, а отецъ и мать ея и прочіе сограждане здравствуютъ? Конечно они изволятъ кушать то, —

Чѣмъ нашъ законъ мерзить повелѣваетъ.

На здоровье!

Александръ въ отчаяніи отъ того, что невѣста его, — виновать, забылъ сказать, что Елена, невѣста его, — умираетъ съ голоду, единственно отъ свой прихоти, увѣряетъ Потемкина, что —

Онъ днемъ однимъ и на челвѣ
То сдѣлаетъ, что шестеро рѣшились
На лодкѣ сдѣлать въ ночь.

Что жъ шестеро рѣшились сдѣлать на лодкѣ ночью? — Терпѣніе, Мм. Гг., терпѣніе! Скоро узнаете. Между тѣмъ:

Изъ стана прискакаль влетѣть, и черезъ ровъ —
..... грамошу съ кинжалнымъ клинкомъ бросиль.

Этою грамотою совѣтуютъ сдать Смоленскъ Сигизмунду. Воевода Шейнъ, Бояре, Дворяне и народъ на сіе не соглашаются.

Если вамъ наскучило подробное изложеніе перваго акта Хроники «Смоляне въ 1611 году,» то постараюсь разсказать остальные три дѣйствія, не переводя духа.

Дѣйствіе второе. Сбродное войско Сигизмундово пляшетъ и ссорится, поетъ и дерется, между собою. Приходитъ освобожденный изъ заключенія Московскій посолъ, Князь Мезецкій, и вмѣстѣ съ Мальтійскимъ кавалеромъ Новодворскимъ, отправляется въ Смоленскъ, чтобъ уговорить народъ къ сдачѣ города. Александръ и Потемкинъ съ товарищи, прѣхавшіе тайкомъ на лодкѣ, вбѣгаютъ въ палатку, гдѣ обѣдаютъ Польскіе военачальники. Стража, отъ испугу, опустила руки. Александръ схватываетъ корзинку съ хлѣбомъ для голодной своей невѣсты. Вотъ для чего онъ приплылъ на лодкѣ! Потемкинъ мимоходомъ захватываетъ непріятельское знамя, и оба убѣгаютъ. Товарищи не отстаютъ отъ нихъ. Дѣйствіе третіе. Смоляне задѣлываютъ проломъ въ стѣнѣ. Евдокія и Елена рѣшили, что «отъ голода теряютъ сонъ и бредъ находятъ.» Входятъ Новодворскій и Князь Мезецкій. Новодворскій сперва ругаетъ воеводу Шейна, Князя Горчакова и прочихъ Бояръ невѣждами; потомъ общаетъ имъ Сигизмундовы милости, если они сдадутъ ему Смоленскъ; наконецъ грозитъ имъ уничтоженіемъ сего города, если они не сдадутъ его. Шейнъ возражаетъ ему:

Хоть вамъ попуститъ Богъ,
Все жъ не живые мы падемъ у вашихъ ногъ.

Новодворскій спрашиваетъ его:

Ужель на воздухъ вы рѣшились взорваться?

Узнаешь послѣ! — отвѣчаетъ Шейнгъ. Мезецкій одобряетъ рѣшимость Смолянъ не сдавать города. Потемкинъ приноситъ захваченное имъ знамя. Раненый Александръ приноситъ хлѣбъ, отдаетъ его Еленѣ и умираетъ. Елена беретъ хлѣбъ, и — въ ротъ его, но поздно: зубы разучились дѣйствовать. Она умираетъ.

Князь Горчаковъ сказалъ Смолянамъ:

Мы въ смертную одежду облечемся

И въ гробъ готовые убійцъ искать пойдѣмъ.

.....

Хочу имъ зживо явиться мертвецомъ!

Конечно для того, чтобъ пугнуть Сарматовъ. Дѣльно! И вотъ дѣйствіе четвертое! Мужчины и женщины, старые и малые, ходятъ въ саванахъ. Поляки вламываются въ городъ. Смоляне взрываютъ его на воздухъ, и конецъ Хроники. Это новое произведеніе Князя А. А. Шаховскаго, въ особенности этотъ взрывъ, напомнили мнѣ старую Драму *Le dernier jour de Missolonghi*, игранную за три-четыре года предъ симъ и въ Москвѣ, въ Русскомъ переводѣ. Но можно ли сравнивать переводъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, съ оригинальнымъ твореніемъ! Кн. А. А. Шаховскаго.

Въ Хроникѣ «Смоляне» Г-жа Валберхова (Евдокія), и Гг. Брянскій (Шейнгъ), и Каратыгинъ ст. (Князь Мезецкій), заслужили общее одобреніе, не смотря на то, что они должны были только резонировать. Елену играла Г-жа Григорьева: это былъ второй ея дебютъ, а въ первый дебютъ свой она представляла Антигону въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ.» Таланта драматическаго въ ней не замѣтно.

2. *Дона Діана*, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, (29 Января).

Принцъ Ургельскій, Донъ Цезарь, чтобъ повѣрить своими глазами и своимъ умомъ красоту и гордость Графини Діаны, пріѣхалъ въ Барселону съ двоюродными своими братьями, Принцемъ Беарнскимъ и Графомъ де Фуа. Д. Цезарь отличился на Барселонскомъ турнирѣ.

Народъ рукоплескалъ отъ восхищенья,

Діана же осталась равнодушной.

Онъ —

Въ смущеніи ристалище оставилъ,
И съ той поры въ нее влюбился страстно!

Донъ Цезарь, сведя дружбу съ продувнымъ плутомъ, секретаремъ Графини, Периномъ, который явно продаетъ ее, открываетъ ему свое сердце. Непростительно владѣтельному Принцу съ умомъ, съ познаніемъ свѣтскихъ приличій, втѣрять свои чувствованія ничтожному человѣку, не будучи еще увѣреннымъ, можетъ ли онъ помочь въ любовной неудачѣ; но какъ было Д. Цезарю пропустить мимо ушей увѣренія Перина въ томъ, —

Что горе всякое млечитъ языкъ;
А языкомъ снимаютъ (!!) тягость сердца.

Какъ было не исполнить слѣдующихъ его наставленій:

Она холодностью васъ бьетъ, такъ что же?
Чѣмъ вы ушиблись, тѣмъ и лечитесь.

Отецъ Д. Діаны, Донъ Діего, въ отчаяніи, что дочь его не хочетъ идти замужъ, что она отвергла руку Принца Беарнскаго и руку Графа де Фуа, предлагаетъ имъ отправиться во-свояси. Но какъ эти забракованные женихи, такъ и Д. Цезарь, объявляютъ владѣтелю Барселоны, что они желаютъ остаться тамъ подолбе, то, нечего дѣлать, старикъ, сжавъ сердце, приказываетъ:

Чтобъ продолжалось прѣшество.

За это Принцъ Беарнскій утѣшаетъ Дона Діего тѣмъ, что дочь его можетъ еще влюбиться и вѣрно бы уже влюбилась, если бы они не забыли вступить съ нею въ разговоръ. Хороша память! Хороши женихи! Мало этого, — онъ и Графъ де Фуа обѣщаютъ постараться доказать надменной красавицѣ, —

Что Богъ имъ далъ и языки и ноги,
Полегче и мечей и копей.

Донъ Діего вводитъ ихъ всѣхъ троихъ къ Діанѣ. Она объявляетъ имъ, наотрѣзъ, что скорѣе умереть, чѣмъ выйдеть замужъ. Отецъ, прервавъ ее слѣдующею выходкою, —

Ты худо поняла мое желанье,
Я не о бракъ говорить пришелъ;
Но съ принцами должна ты объясниться,
Которые обижены тобой!

уходить.

Принцъ Беарискій и Графъ де Фуа начинаютъ мадригалить Донъ Діанъ; а Д. Цезарь увѣряетъ ее, что онъ, какъ и она, убѣгаетъ брака. Этотъ фарсъ обращаетъ на него особенное вниманіе ненавистницы любви. На предложеніе же Принца Беарискаго *попытаться покорить ея сердце*, она говоритъ:

Пусть музыка и танцы здѣсь начнутся,
И маски пусть кружатся среди насъ.
Пусть испытаніе сердечное рѣшишь;
Кому изъ нихъ принадлежитъ побѣда.

Донъ Цезарь, оставшись наединѣ съ Д. Діаною, заключаетъ съ нею условіе, платитъ за любовь презрѣніемъ.

Перинъ, избранный Д. Діаною въ помощники ея, *свести съ ума весь свѣтъ*, увѣряетъ Д. Цезаря, что она до полночи можетъ полюбить его и въ томъ ему признаться. На сомнѣніе въ этомъ Д. Цезаря, возражаетъ онъ:

Помилуйте, да что жъ тутъ дивнаго? Она
Не только женщина (?) во и дѣвица (!!)
А сверхъ того, прекрасная Принцесса;
Такъ, стало быть, и избалованнѣ прочіхъ,
И отъ того ей все желается сильнѣй.

По обыкновенію, существовавшему нѣкогда при Барселонскомъ Дворѣ, всѣ дамы должны были имѣть по рыцарю, который прислуживалъ бы имъ гъ маскарадахъ. Образъ избранія въ такіе рыцари сохранился еще нѣсколько въ нашей *игрѣ въ фанты*: надобно было кавалеру угадать цвѣтъ, выбранный дамою, чтобъ принять названіе ея рыцаря. Донъ Діанъ, по случаю, разумѣется, заранѣе подготовленному, достался въ рыцари Донъ Цезарь. *Пользуясь симъ случаемъ*, она ищетъ извлечь изъ него признаніе въ любви, для того только, чтобъ надъ нимъ посмѣяться. Злая Дона! Она успѣла. Донъ Цезарь палъ предъ нею на колѣни, умоляя ее не отвергать любви его. Насмѣшка — отвѣтъ на признаніе! Счастливая мысль, за которую онъ обязанъ двуличному Перину, спасла его отъ постыднаго униженія. Донъ Цезарь открытіе въ любви обращаетъ въ шутку, увѣривъ Д. Діану, что онъ хотѣлъ этимъ испытать только силу своего краснорѣчія. Торжество надменной красавицы уничтожено! Эта сцена вознаграждаетъ вполне скуку отъ длиннотъ, какими изобилуетъ разбираемая Комедія. Дона Діана съ досады

отказывается отъ бала, подъ предлогомъ болѣзни. Она больна, — и больна опасно! Искра первоначальной любви за- пала въ грудь ея. Мнимое презрѣніе обожаемаго предмета обратило искру въ пламя. Діана горитъ, пылаетъ! Надежда, эта усладительница жизни человѣческой, эта основа даже невозможной любви, не оставила Д. Діану. Узнавъ, что непреклонный рыцарь любитъ музыку, она рѣшается привлечь его къ себѣ звуками лютни. Эта продѣлка поручена Перину. Донна Діана, съ сестрами своими, Лаурою и Фенизою, сидятъ въ бесѣдкѣ и играютъ: она на лютнѣ, а сестры, одна на арфѣ, другая на гитарѣ. Подъ руководствомъ Перина, является Д. Цезарь. Онъ, будто не замѣчая Д. Діаны, восхищается мѣстоположеніемъ, цвѣтами. Это ее оскорбляетъ, бѣситъ, если позволено такъ выразиться о красавицѣ. Онъ хочетъ уйти. Она, потерявъ терпѣніе, сама останавливаетъ его. Сказавъ два-три истертыхъ компли- мента, Д. Цезарь раскланивается съ нею. Донна Діана въ отчаяніи: новая ихъ встрѣча рѣшила судьбу ихъ. Встрѣча эта интересна любовною стратегіею. Д. Цезарь увѣряетъ Дону Діану, что онъ влюбленъ въ Лауру. Дона Діана увѣряетъ Д. Цезаря, что она влюблена въ Принца Беарнскаго. Наконецъ, благодаря подложной твердости Д. Цезаря, гордая красавица, достойная соименница звѣроловой богини, запуталась въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ. Эти сѣти скрѣплены узломъ брака. Въмѣсто одной свадьбы, Д. Діего отпразднуетъ три: и другія двѣ его дочери помолвлены: Лаура за Принца Беарнскаго, а Фениза за Графа де Фуа.

По окончаніи пьесы, одинъ изъ кресельныхъ моихъ сосѣдей, вѣроятно, остроты ради, повторилъ слова Лауры:

Оно довольно, кажется, понятно,

А смысломъ здраваго все нѣтъ.

Нельзя съ нимъ согласиться. Кто имѣлъ несчастный случай испытать въ любви капризы прелестной, умной женщины, тотъ не скажетъ, чтобъ въ Донѣ Діанѣ не было здраваго смысла. Не угодно ли кому знать истинные недостатки этой Комедіи? Вотъ они: растянутыя сцены и натянутые діалоги. Она создана въ Испаніи, и передѣлана въ Германіи. Эта передѣлка переведена нынѣ на Русскую сцену. О самомъ переводѣ, безъ сомнѣнія, никто не спроситъ нашего мнѣ-

нія. Достоинство его слишкомъ ощутительно въ приведенныхъ стихахъ. Достоинство самой піесы зависитъ отъ Доны Діаны, Дона Цезаря и Перина. Ихъ играли Г. Карагыгинъ ст., Г-жа Каратыгина ст. и Г. Сосницкій. Піеса принята была сухо.

3. *Чрезвычайное происшествіе*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго и представленный 29 Января. — Артуръ Нельвиль, во время долговременной отлучки изъ Флоренці Корсиканца Субрегонди, обольстил жену его. Она родила. Въ этомъ помогалъ ей цирюльникъ (!), Клико. Проступокъ жены скрытъ былъ отъ мужа. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, Субрегонди останавливается во Франціи, въ одномъ трактирѣ, гдѣ встрѣчается съ Нельвилемъ. Содержатель этого трактира Клико, который женатъ на Лукреціи, бывшей въ услуженіи у жены Субрегонди, давно уже умершей. Болтливость Клико зажгла ревность въ Корсиканскомъ сердцѣ. Субрегонди почти увѣрился въ измѣнѣ свой жены, спустя два десятилѣтія. Не справедливо ли замѣчаніе, что дурное дѣло жены мужъ узнаетъ послѣдній! Спасибо новой Лукреціи! Она за нѣсколько тысячъ франковъ, обѣщанныхъ ей Нельвилемъ, приняла на себя преступленіе бывшей свой госпожи, и потому успокоила Корсиканца, и спасла, можетъ-быть, отъ смерти Нельвиля.

Этотъ Водевиль, прекрасно разыгранный Г-жею Самойловою стар. (Лукреція), и Гг. Петровымъ (Субрегонди), и Григорьевымъ ст. (Нельвиль) доставилъ часъ удовольствія просвѣщенной публикѣ.

9. *Венеціанскія забавы, или День карнавала*, Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сколько лѣтъ прошло, какъ Милонъ поставилъ этотъ Балетъ на Парижскій Театръ! Тогда онъ могъ быть интересенъ, и то не какъ Балетъ, но какъ Дивертиссементъ, въ который вставлены двѣ-три сцены, — напримѣръ свиданіе Дона Карлоса и слуги его, Фабриціо, съ замаскированными ихъ любовницами, и условленная встрѣча на Венеціанской площади; но съ тѣхъ поръ, какъ танцы арлекиновъ и полишинеля, единственныя украшенія этого Балета, перешли давнымъ давно едва не во всѣ Петербургскіе Ди-

вертиссементы и даже начали уже наскучивать образованным зрителямъ, съ тѣхъ поръ этотъ Балетъ на здѣшнемъ театрѣ не новость. Онъ былъ представленъ 31 Января.

4. *Игроки*, Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, сочиненіе А. С., представленная 5 Февраля. — Страсть къ азарднымъ играмъ — гибельнѣйшая страсть. Она истребляетъ все благородныя чувства. Игрокъ ужаснѣе разбойника: отъ разбойника можно отбиться оружіемъ; но чѣмъ спастись отъ тайнаго шулера, пользующагося всеми правами честнаго, полезнаго отечеству гражданина, и нерѣдко принадлежащаго къ лучшему обществу? чѣмъ спастись отъ него неопытному юношѣ, предавшемуся этой порочной, гнусной страсти? Первый законъ противъ игроковъ издавъ былъ, если не ошибаюсь, въ 1387 году Іоанномъ I, Королемъ Кастиліи, извѣстнымъ въ Исторіи потерей Любаротскаго сраженія, которымъ онъ мечталъ оспорить корону Португаліи у Іоанна I же, прозваннаго отцемъ отечества. Послѣ того, сколько написано подобныхъ законовъ въ благоустроенныхъ государствахъ! Не говоримъ о правительствахъ, покровительствующихъ игры, какъ изобильный источникъ финансовъ. Жалкія правительства! Сколько выведено на сцены, — Испанскую, Англійскую, Нѣмецкую, Французскую, Шведскую и Русскую, — жертвъ несчастной страсти, и что жъ пользы? Шулеры, похавъ и похавъ въ театрѣ, отправляются оттуда же прямо на свою добычу. Все сказанное мною старо, не спорю. Вотъ и новое: въ Драмѣ «Игроки» выведенъ молодой человекъ, завлеченный игрокомъ-разбойникомъ въ его сѣти; онъ проигрываетъ все свое имѣніе, лишается обожающей его подруги, и дѣлается, невольно, убійцею ближняго. И это старо, говорите вы: въ этомъ вините уже не меня, а автора піесы, Г-на А. С. Достоинство ея заключается въ нѣкоторыхъ монологахъ несчастнаго юноши, которые, кажется, вылились прямо изъ души автора. Данная предъ этою Драмою мистерія, «Маскарадъ», непостижима. Въ ней Мефистофель обыгрываетъ въ шахматы какую-то женщину, которая превращается потомъ въ скелета. Что хотѣлъ доказать этимъ драматургъ? Не то ли, что игра доводитъ человека до ничтожества? Согласился бы съ нимъ, если бы онъ заставилъ Мефистофеля об-

игрывать кого-нибудь въ карты; а шахматная игра не упичтожаетъ чловѣка,—напротивъ, подкрѣпляетъ умственные силы: слѣдственно, трудно повѣрить, чтобъ можно было отъ нея погибнуть въ нравственномъ отношеніи. Это не банкъ, не штось, и. т. п., гдѣ нужно только или счастье или мошенничество.

5. *Визитный билетъ, или Трубка табаку*, Комедія въ одномъ дѣйствіи (11 Января).

Комедійка: — *Nehmt ein Exempel daran*, переведена нынѣ на Русскій языкъ и названа «Визитный билетъ.» Первый порокъ или, учтивѣе, первая слабость, явилась въ мѣръ—когда?—какъ вы думаете, просвѣщенные читательницы? За 7212 лѣтъ предъ симъ. Не вѣрите: спросите у Греческихъ хронографовъ. Этотъ порокъ, или эта слабость — любопытство. Праматерь наша, Ева, проживъ счастливо въ раю 130 лѣтъ, вздумала впервые полюбопытствовать, и съ тѣхъ поръ, лишась рая, сдѣлалась изобрѣтательницею любопытства, которое донныгъ поддерживается съ честію достойными ея праправнучками. Одна изъ ихъ, Генріетта Лидина, молодая, образованная, прелестная женщина, которой дядя ея запретилъ, для шутки, а можетъ-быть тоже изъ любопытства посмотреть, что выйдетъ изъ этого запрещенія,—курить табакъ. Генріета, не обращавшая досель ни какого вниманія на это Американское растеніе, вдругъ получаетъ непреборимую охоту покурить трубку, и именно отъ того что это ей запрещено.

Генріетту играла Г-жа Самойлова младшая. На Генріетъ основана вся Комедія. Я видѣлъ ее два раза, — во второй разъ (14 Февраля). Г-жа Самойлова художнически выполнила эту роль. Едва ли возможно правдоподобнѣе ее передать подстрекнутое любопытство молодой, только-что вступившей въ свѣтъ, дамы.

Комедія переведена бѣлыми разномѣрными ямбами, и не дурно. Правда, попадаютъ въ ней кое-гдѣ стишки, которые называются у насъ рубленою прозою; но ихъ такъ мало, что промолчу о нихъ.»

6. *Екатерина Медичи*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго (12 Января).

Екатерина Медичи, вѣрно изображенная въ эпитафії, написанной вскорѣ послѣ ея кончины:

La Reine qui ci-gît, fut un diable et un ange,
Toute pleine de blâme et pleine de louange.
Elle soutint l'état et l'état mit à bas;
Elle fit maints accords et pas moins de débats;
Elle enfanta trois rois et cinq guerres civiles,
Fit bâtir des châteaux et ruiner des villes,
Fit bien de bonnes lois et de mauvais édits:
Souhaite - lui, passant, enfer et paradis.

Не думайте, встрѣтить этаго дьявола - ангела въ Драмѣ. Она есть произведеніе неутомимаго Ансело.

Екатерина Медичи, въ 1576 году, во время перемирія, прекратившаго кровопролитіе Протестантовъ и Католиковъ, пріѣзжаетъ въ замокъ Сень-Бри, назначенный мѣстомъ переговоровъ о заключеніи мира. Въ свитѣ ея находится Графиня Марія Нуармутъе, невинная дѣвица, хотя и принадлежитъ она къ легіону красавиць, которыхъ Екатерина употребляетъ по своимъ расчетамъ. Марія съ дѣтства любитъ Рене де Монберона, командующаго войсками Католиковъ. Въ замкѣ Сень-Бри, взаимная ихъ страсть вспыхиваетъ съ новою силою. Является тамъ и начальникъ Протестантовъ, Графъ Невильскій, съ извѣстіемъ о намѣреніи Короля Наварскаго видѣться съ Екатериною. Графъ спѣшитъ возвратиться къ своимъ войскамъ. Медичи, изъ политическихъ видовъ, употребляетъ Марію, чтобъ удержать его на нѣсколько времени въ Сень-Бри. Марія, получаетъ письмо отъ Рене, въ которомъ онъ признается ей въ любви. Откровенная съ Графомъ, Марія показываетъ ему это письмо. Графъ обѣщаетъ ей содѣйствовать къ браку ея съ Рене. Въ это время входитъ де Монберонъ, и, видя ласковое обращеніе Маріи съ Графомъ Невильскимъ, считаетъ его своимъ соперникомъ. Ревность кипитъ въ груди его. Екатерина, предваренная Графомъ, изъявляетъ свое согласіе на бракъ Рене съ Марією. Рене отказывается отъ него. Екатерина напоминаетъ ему о письмѣ. Онъ говоритъ, что это письмо было не къ Маріи, а къ

владѣтельница замка Сень-Бри, Графиня Маргарита. Вотъ каково писать письма безъ адреса! Впрочемъ это не новость: отъ подобной, по милости Вольтера, продѣлки, погибли и Танкредъ, и Аменаида. Маргарита въ восторгѣ, Марія въ отчаяніи.

Жизель, молоденькая, миленькая дѣвушка, — сдѣлайте милость, не судите о ней по представительницѣ ея, Г-жѣ Марсель! — Жизель, сестра Маргариты, пожалована во Фрейлины ко Двору Медичи. За что? — за то, что она открыла ей потаенную слуховую трубу, проведенную въ нижній залъ, назначенный для дипломатическихъ переговоровъ. Марія получаетъ письмо, — и весьма кстати! — отъ своей матери, заточившейся, добровольно въ какой-то монастырь, о томъ, что она, т. е., Марія, дочь любви; что отецъ ея есть Графъ Невильскій. Вотъ нравственно-сценическій эффектъ! Не получи она этого письма во-время, не обобралась бы грѣха. Спасибо Г. Ансело, спасибо ему! Екатерина диктуетъ Маріи письмо, — и еще письмо! — въ которомъ объщаетъ Генриху III перессорить между собою Принцевъ и военачальниковъ противной партіи, и узнать чувства вельможъ его. Жизель слушаетъ въ трубу, за которую она пожалована во Фрейлины, и слышанное передаетъ во всеуслышаніе Екатерины. Медичи, узнавъ, по передачѣ, что Графъ Невильскій одинъ стоитъ противъ ея хитростей, что онъ открылъ всѣмъ ея умыселъ противъ Короля Наварскаго, осуждаетъ Графа на смерть, и поручаетъ это исполнить Рене, который, какъ подобаетъ рыцарю XVI вѣка, отказывается отъ этого порученія, но не надолго. Узнавъ, что Марія скрыла Графа въ своей комнатѣ, онъ вбѣгаетъ туда, и изъ ревности ранитъ его смертельно. Графъ выходитъ, объявляетъ всѣмъ, что онъ отецъ Маріи, и, побранивъ Екатерину, умираетъ. Занавѣсъ опускается.

Изъ этого подробнаго изложенія читателямъ, вѣроятно, угодно было замѣтить, что Екатерина Медичи, эта единственная, — къ счастью! — изъ вѣщественныхъ женщинъ, властвовавшая надъ своимъ народомъ ложною нѣжностію и управлявшая имъ обольщеніями, хитростями, побывавъ въ рукахъ Г. Ансело, явилась обыкновенною, хотя кровожадною, женщиною.

Интересъ Драмы начинается съ послѣдняго акта, въ которомъ весьма хороши были Гг. Каратыгянъ (Рене), Брянскій (Графъ) и Г-жа Каратыгина (Марія).

7. *Вдова чиновница*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи (12 Января).

Это Русское произведеніе. Вдова чиновница, женщина лѣтъ подь пятьдесятъ, имѣетъ у себя молоденькую племянницу, Машиньку, и жильца на хлѣбахъ, музыканта Паузина. Музыкантъ влюбленъ въ племянницу вдовы; но она не хочетъ выдать ее замужъ прежде, нежели обвѣнчается сама. Пройдоха, Воронковъ, другъ Паузина, помогаетъ ему въ этомъ горѣ. Онъ входитъ въ домъ вдовы, знакомится съ нею, и поддѣльными своими нѣжностями доводитъ ее до того, что она, считая его за непремѣннаго будущаго своего мужа, выдаетъ племянницу за Паузина, а Воронковъ раскланивается съ полувѣковою невѣстою.

Въ этомъ Водевильѣ есть двѣ сцены довольно забавныя: первая, когда братъ вдовы, Лабазинъ, узнавъ о перепискѣ Паузина съ Машею, идетъ къ нему, чтобъ съ нимъ объясниться, и встрѣчаетъ въ его квартирѣ Воронкова, одного. Принимая этого послѣдняго за обольстителя племянницы, онъ начинаетъ упрекать его; Воронковъ же, не зная, въ чемъ дѣло, и считая Лабазина кредиторомъ Паузина, старается отъ него отыгратъся аріями Обера, Вебера. Вторая, когда вдова, влюбленная съ одного взгляда въ Воронкова, нѣжничаетъ съ нимъ. Жаль только, что эти обѣ сцены слишкомъ, слишкомъ разтянуты.

8. *Чортъ въ западнѣ*, Шутка въ одномъ дѣйствіи, представленная 12 Января.

Вотъ и еще новое и, къ сожалѣнію, оригинально-Русское же твореніе. Авторъ этой шутки зло подпудилъ надъ публикою. Кромѣ чорта, онъ поймалъ и ее въ западню, хотя совсѣмъ въ другую, — въ западню скуки. Впрочемъ публика не осталась въ долгу у шутника автора. Освободясь изъ этой западни, она порядкомъ отпикнула отъ подобныхъ чертей. М. Я.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. Г. Каньярь-Латуръ сообщил Академіи любопытныя подробности о *водородномъ фосфоръ* (hydrate de phosphore). Известно, что фосфоръ, согреваемый въ водѣ, состоящей въ прикосновеніи съ воздухомъ, скоро теряетъ на поверхности своей прозрачность. Онъ покрывается непрозрачнымъ сѣвато-бѣлаго цвѣта слоемъ, который долгое время принимали за окись фосфора, но который есть не что иное, какъ соединеніе этого тѣла съ водою, или водородный фосфоръ. Г. Каньярь-Латуръ положилъ палочку фосфора въ водяной молотокъ, то есть, въ стеклянную трубку съ водою въ безвоздушномъ пространствѣ, а другую палочку того же вещества въ трубку, изъ которой воздухъ не былъ выгнанъ; въ первой трубкѣ фосфоръ сохранился въ обыкновенномъ своемъ видѣ, а во второй покрылся непрозрачнымъ слоемъ. Г. Каньярь-Латуръ заключаетъ изъ этого, что присутствіе воздуха необходимо для оводотворенія фосфора, и что воздухъ, можетъ быть, дѣйствуетъ при семъ случаѣ, измѣняя расположеніе паровъ фосфора.

— Ученые уже съ давняго времени спорятъ о томъ, какимъ образомъ киты и моржи кормятъ дѣтей своихъ. Г. Жоффуа де-Сентъ-Илеръ читалъ въ Академіи записку о сосцахъ сихъ животныхъ. Онъ старается доказать, что это не настоящіе сосцы, и что жидкость, изъ нихъ вытекающая, разливается въ водѣ, изъ которой уже дѣтеныши ее почерпаютъ. Г. Дюмерси возразилъ на это, что онъ не постигаетъ, какимъ образомъ дѣтеныши китородныхъ животныхъ могутъ почерпать эту жидкость изъ воды, когда они, по сложенію своему, не могутъ пить. Если бы рыбы могли пить, сказалъ Г. Дюмерси, то онъ скоро бы умерли, потому, что при глотаніи пищи вода тотчасъ проникла бы въ ихъ желудокъ и наполнила его. Потому онъ одарены способностію

извергать воду, попадающую имъ въ ротъ, когда онъ жуютъ, или, лучше сказать, онъ, по строенію своего тѣла, находятся въ совершенной невозможности проглотить какую либо жидкость: какъ же дѣтеныши ихъ могли бы, по словамъ Г. Жофруа де-Сентъ - Илера, пить молоко своей матери, или мукусъ, какъ онъ называетъ это вещество, если бы оно не было, какъ вообще полагаютъ, впускаемо прямо во внутренность ихъ горла, но разливалось въ водѣ? Г. Жофруа допускаетъ, что мукусъ сгущается въ водѣ и уже въ полужидкомъ видѣ служитъ пищею дѣтенышамъ. Г. Бленвилль также старался подкрѣпить прежнее мнѣніе, по которому киты и моржи относятся къ классу сосцекармлиющихъ или млекопитающихъ. Уже съ давняго времени, сказалъ онъ, были производимы наблюденія надъ сосцами китовъ, и эти части ихъ тѣла совершенно известны; во время кормленія они бывають иногда въ футъ длиною и около осьми дюймовъ въ окружности. Дюбле, въ *Transaction's philosophiques pour l'année 1740*, говоритъ, что въ желудкѣ одного маленькаго кита, найдено было молоко, совершенно подобное коровьему. Г. де Бленвилль самъ однажды разсѣкалъ дельфина, и нашелъ настоящіе сосцы, изъ которыхъ еще можно было выдавить молоко; наконецъ Мерре, въ одномъ изъ сочиненій своихъ, которое приводитъ и Г. Жофруа, говоритъ, что онъ самъ видѣлъ самку морской свиньи съ дѣтенышемъ, который еще держался за сосокъ, когда ихъ привесли къ нему. Г. Жофруа де Сентъ - Илеръ говоритъ, что онъ не читалъ этого у Мерре; онъ очень хорошо знаетъ, что со временъ Аристотеля китородныя животныя почитаются млекопитающими; но это-то общее мнѣніе онъ имѣетъ и хочетъ опровергнуть. Впрочемъ Морской Министръ обещалъ доставить нѣсколько морскихъ свиней, и тогда Академія въ состояніи будетъ опытомъ рѣшить это сомнѣніе.

— Г. Араго сообщилъ Академіи подробныя свѣдѣнія о свѣтящихся метеорахъ, замѣченныхъ въ Англіи. 12 Ноября, въ четвертомъ часу по полуночи, все небо представляло подобіе огромнаго фейерверка; безчисленное множество огненныхъ шаровъ пробѣгали воздухъ, какъ падающія звѣзды; эти шары вылетали изъ одного мѣста, устремляясь въ разныя стороны, какъ лучи изъ центра; они составляли на-

стоящій огненный дождь. Ни одинъ изъ этихъ шаровъ не летѣлъ снизу вверхъ, и загорались они въ разныхъ разстояніяхъ отъ мѣста, откуда вылетали, и чрезъ нѣсколько времени потухали; многіе изъ нихъ были значительной величины, и нѣкоторые разрывались, производя легкой трескъ. Исчислить ихъ было невозможно, но можно полагать, что въ минуту пало около тысячи шаровъ, и что всего было ихъ нѣсколько милліоновъ, потому, что явленіе это началось въ двѣнадцатомъ часу ночи, и кончилось почти въ пятомъ утрѣ: во всемъ блескъ своемъ являлось оно въ четвертомъ часу. Эти шары нельзя сравнивать съ обыкновенными падающими звѣздами; послѣдніе метеоры являются въ высшихъ слояхъ атмосферы и летятъ обыкновенно по направленію вѣтра; но въ необыкновенномъ явленіи, о которомъ мы говоримъ, не было ничего подобнаго: оно отличалось въ особенности отъ другихъ сего рода явленій трескомъ, похожимъ на взрывъ бомбы, и происходившимъ въ центральномъ пунктѣ, изъ котораго шары разлетались въ разные стороны. Наблюдатель, помѣстившій замѣчанія свои о семъ предметѣ въ *National Gazette*, изъ которой заимствовалъ ихъ Г. Араго, не видалъ, чтобы эти шары были разныхъ цвѣтовъ, какъ утверждали другіе. Напротивъ, всѣ они издавали свѣтъ блѣватый и, потухнувъ, оставляли послѣ себя сѣроватую или голубоватую полосу. Въ то же время подобныя метеоры замѣчены были и въ разныхъ частяхъ Германіи.

—Г. Дютроше произвелъ, при помощи Химіи и микроскопа, весьма любопытные опыты и наблюденія надъ плѣсенью. Доселѣ мы считали плѣсень однороднымъ растительнымъ веществомъ; это, напротивъ, цѣлый, незамѣтный для невооруженнаго глаза, міръ, состоящій изъ лѣсовъ, горъ, и обитаемый милліонами самыхъ удивительныхъ животныхъ!..... Известно, что растенія, образующія плѣсень, принадлежать къ классу грибовъ и состоятъ изъ былиннокъ, простыхъ или вѣтвистыхъ, которыя носятъ на себѣ сѣмена или обнаженные или заключенныя въ прозрачномъ хранилищѣ. Этотъ родъ известенъ всякому, но не многіе, конечно, съ подробностію наблюдали явленія, имъ представляемыя, и породы, въ немъ заключающіяся. Онѣ образуютъ одно изъ послѣд-

нихъ звенъ въ цѣпи растительныхъ веществъ и, въ отношеніяхъ физическомъ и экономическомъ, весьма достойны размышленій изслѣдователей Природы.

Плѣсень обыкновенно покрываетъ вещества, приходящія въ гніеніе, и ускоряетъ ихъ разложеніе; долгое время не знали, какимъ образомъ эти растенія отраждаются, и почтитали ихъ самосѣйными; но внимательныя разысканія показали, что они отражаются такъ же, какъ и другія растенія, сѣменами, и могутъ родиться на какомъ-либо тѣлѣ только тогда, когда вѣтеръ перенесъ на него сѣмена ихъ.

Ботаники знаютъ около тридцати родовъ плѣсени, которыя въ глазахъ людей, не занимающихся этимъ предметомъ, кажутся однимъ и тѣмъ же, хотя формы ихъ весьма разнообразны. Слѣдующія слова Г. Поаре могутъ подать надлежащее понятіе объ этомъ маленькомъ мірѣ микроскопическихъ растеній: «Какое наслажденіе для наблюдателя Природы, когда, вооруживъ глазъ хорошимъ микроскопомъ, онъ видитъ на пространствѣ нѣсколькихъ линій цѣлый лѣсъ въ миніатюрѣ, состоящій изъ маленькихъ вѣтвистыхъ растеній, украшенныхъ на вершинѣ своей кистями зеренъ! Почва, разделяемая горами и долинами, покрыта пестрымъ дерномъ; желтый цвѣтъ мѣшается въ немъ съ зеленымъ, краснымъ и бѣлымъ; часто маленькія капли воды блестятъ на этомъ дернѣ, какъ рубины. Вскорѣ коробочка открывается или разрывается; изъ нея вылетаетъ сѣменоносное облако, которое разноситъ вдаль оплодотвореніе; крошечныя животныя ходятъ въ этомъ лѣсу, уродливыя личинки приподнимаютъ почву. Отнимите микроскопъ отъ глаза, и очарованіе исчезаетъ; всѣ эти явленія снова кажутся сѣрымъ пятномъ на кускѣ полугнилаго хлѣба или сыра.»

Г. Дютроше въ последнемъ сочиненіи своемъ изслѣдуетъ причины, благопріятствующія развитію плѣсени, и тѣ, которыя замедляютъ это развитіе, или препятствуютъ ему совершиться. Этотъ искусный наблюдатель сдѣлалъ открытія весьма любопытныя, и которыя будутъ полезны для физиологической исторіи произрастанія вообще.

Такъ, напримѣръ, опыты его доказываютъ, что плѣсень, даже въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ образоваться въ водѣ, если къ ней прибавлено нѣко-

торое количество бѣлковаго вещества; но если къ этой бѣлковой водѣ прибавить весьма небольшое количество (каплю на унцію) кислоты сѣрной, селитряной, соляной, щавелевой или фосфорной, то въ недѣлю образуется множество плѣсени. Потапъ и сѣра, въ количествахъ столь малыхъ, что они едва дѣйствуютъ на подсолнечниковую бумагу, производятъ то же самое дѣйствіе, хотя не такъ сильно, потому, что въ такомъ случаѣ плѣсень появляется недѣли черезъ три. Посему, для произрастанія этихъ тайнобрачныхъ растений, необходимо присутствіе свободной кислоты или извести, и кислота въ особенности имъ благопріятствуетъ. Ежели плѣсень легко образуется во всѣхъ жидкостяхъ, способныхъ къ броженію, напримѣръ, въ перегнанныхъ растительныхъ настояхъ, то это дѣйствіе надобно приписать кислотѣ или щелочи, образующейся при броженіи. Если зародышъ плѣсени не развивается въ бѣлковой водѣ, хотя бѣлковое вещество содержитъ въ себѣ воду, то это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что вода находится не въ свободномъ состояніи, и что яичный бѣлокъ надобно почитать, какъ Г. Дютроше и думаетъ, бѣлковой водою.

СОЛНЕЧНЫЙ МИКРОСКОПЪ. Всякой знаетъ или, по крайней мѣрѣ, всякой долженъ бы знать удивительныя дѣйствія обыкновеннаго солнечнаго микроскопа. Этотъ инструментъ, который, такъ сказать, открываетъ намъ цѣлый новый міръ, представляетъ любителямъ самыхъ тайныхъ явленій Природы зрѣлище любопытное и необычайное. Капля уксуса, немножко клейстера, былинка, крыло мухи, положенныя въ фокусъ микроскопа, въ который проникаетъ лучъ солнца, переносятъ на десять шаговъ оттуда, на экранъ, изображеніе тысячи змій, незамѣтныхъ для простаго глаза, которыя являются тутъ въ огромныхъ размѣрахъ; змѣй, которыя движутся по всѣмъ направленіямъ, занимаются своими дѣлами, вѣдаютъ, дерутся, такъ, что могутъ испугать человѣка, увидѣвшаго это въ первый разъ. Большіе угри плаваютъ въ этой каплѣ жидкости; прозрачность ихъ тѣла позволяетъ видѣть внутреннее ихъ строеніе, дѣйствіе ихъ органовъ и множество предметовъ, любопытныхъ и удивительныхъ. Мы такъ жадничаемъ новостію! Отъ чего же

микроскопъ употребляется досель одними Учеными, а люди, которые не знаютъ, что дѣлать со скуки, не прибѣгаютъ къ этому инструменту, чтобъ найти въ немъ забаву наставительную?

Единственное неудобство солнечнаго микроскопа состоитъ въ томъ, что не всегда имѣешь солнце въ своемъ распоряженіи. Это неудобство исчезаетъ при помощи аппарата, который Англійскій Лейтенантъ Друммонъ изобрѣлъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, для того, чтобъ приспособить его къ маякамъ, чего однако жъ досель еще не сдѣлано. Возьмите немножко кислорода, водорода, шарикъ извести, — и вы можете имѣть у себя въ комнатѣ маленькое солнце, столь блестящее, что большое солнце будетъ совсѣмъ ненужно. Не худо бы иногда осенью, да часто и лѣтомъ, имѣть самодѣльное солнышко, чтобы разгонять пары въ воздухъ и сушить улицы: авось либо, когда нибудь и заведутъ фабрики для приготовления искусственныхъ солнцевъ, столь же дѣйствительныхъ, какъ искусственныя минеральныя воды. А покуда, не худо имѣть и крошечное комнатное солнце для употребленія въ микроскопъ.

Вотъ какимъ образомъ это дѣлается. Нужно только взять кусочекъ негашеной извести и направить на нее струю кислорода и струю зажженного водорода. Вдругъ известковый шарикъ раскаляется и испускаетъ свѣтъ столь яркій, что не возможно смотрѣть на него. Этотъ свѣтъ, направленный на отражательное зеркало микроскопа, освѣщаетъ предметы столь же ярко, какъ и настоящее солнце. Изъ этого видно, что знаменитый газовый микроскопъ, о которомъ такъ много говорили, отличается отъ обыкновеннаго солнечнаго микроскопа только способомъ освѣщенія.

Многіе думаютъ, что это микроскопъ особеннаго устройства, увеличивающій предметы несравненно болѣе, чѣмъ обыкновенный; это несправедливо. И тотъ и другой увеличиваютъ предметы въ нѣсколько тысячъ разъ, но солнечный микроскопъ, одиннадцать мѣсяцевъ въ году, вещь совершенно бесполезная, а газовый микроскопъ можетъ быть употребленъ, когда угодно. Этотъ инструментъ весьма полезенъ въ Лондонѣ, да и у насъ въ Петербургѣ ча-

сто пригодится. Знаменитый Парижскій оптикъ, Г. Шевалье, которому ученый свѣтъ обязанъ столькими улучшениями въ микроскопахъ, принялся за дѣло тотчасъ по полученіи извѣстія объ Англійскомъ изобрѣтеніи, и скоро у него можно будетъ получать газовые микроскопы, превосходные, какъ и всѣ инструменты, которые онъ дѣлаеть.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ПОСЛѢ ОБЕЗГЛАВЛЕНІЯ. Многие Ученые занимались изслѣдованіемъ вопроса: можетъ ли животное чувствовать боль послѣ того, какъ ему отрѣжутъ или отрубятъ голову, и кажется, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Профессоръ Сю дѣлалъ опыты надъ пѣтухами, индѣйками, овцами, телятами. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, туловище и голова, хотя и раздѣленные, давали несомнѣнные знаки страданія. Обезглавленная индѣйка оставалась съ минуту безъ движенія; но потомъ встала, стояла минуты полторы, ходила, махала крыльями и поднимала лапку къ шеѣ, какъ будто для того, чтобы почесать ее. Тѣло обезглавленной овцы двигалось двѣнадцать минутъ такъ сильно, что три человека съ трудомъ его держали. Голова теленка цѣлыя шесть минутъ явственно двигала вѣками, ушами, мускулами рыла и губъ.

Альдини производилъ гальваническіе опыты въ Италіи надъ обезглавленными, въ Англии надъ повѣшенными, и убѣдился, что движеніе головныхъ мускуловъ продолжалось у первыхъ три четверти часа, а у послѣднихъ два часа.

Профессоръ Физиологій, Г. Можонъ, дѣлалъ въ Парижѣ въ 1804 году опыты надъ гильотинированными, и нашелъ слѣдующіе результаты. Черезъ четверть часа послѣ обезглавленія двѣ головы, подставленныя къ сильному свѣту, закрыли приподнятыя свои вѣки; высунутый языкъ ушелъ въ ротъ, когда его укололи булавкою, и всѣ мускулы лица выразили страданіе. Голова другаго гильотинированнаго преступника, Тилье или Дютилъе, обращала глаза въ ту сторону, откуда его кликали: посему позволительно думать какъ это и говорили), что голова Шарлоты Корде выразила негодованіе, когда палачъ, показывая ее народу, ударилъ ее по щекѣ.

Г. Жюль Фонтанель говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ отрубенныя головы шевелили губами, какъ бы стараясь вы-

разить свои страданія. Свиллингъ увѣряеть, что, раздража часть спиннаго мозга, оставшуюся у головы, онъ производилъ въ ней ужасныя конвульси.

Докторъ Кастель соглашается, что голова, отрубленная отъ туловища, еще можетъ чувствовать; но онъ говоритъ, что эта способность прекращается въ головѣ скорѣе, чѣмъ въ туловищѣ. Г. Фонтапель и Г. Сю утверждаютъ противное. «Мы имѣли случай удостовѣриться, говорятъ они, что голова послѣ отрубленія сохраняетъ нѣсколько времени венную кровь, потому, что вены сжимаются, и въ продолженіе этого спазмодическаго состоянія кровь течетъ весьма мало. Изъ тѣла, напротивъ, кровь вытекаетъ скоро, и оно тотчасъ охлаждается.» Г. Сю говоритъ, что чувствительность въ нѣкоторыхъ частяхъ головы можетъ продолжаться четверть часа, или даже нѣсколько болѣе.

Многіе животныя долгое время сохраняютъ послѣ обезглавленія способность двигаться. Черепаха, у которой вынуть мозгъ, живетъ еще полгода, совершая обыкновенныя свои движенія; если ей отрѣжутъ голову, обращеніе крови продолжается еще двадцать дней. Г. Шарра, химикъ при Ботаническомъ Саду, отрѣзалъ голову ящерицы, и эта голова, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, опасно ранила двухъ учениковъ.

Галлиенъ говоритъ, что Императоръ Коммодъ отрубалъ голову строусамъ столь проворно, что они продолжали бѣжать до конца ристалища. Бургавъ отрѣзалъ голову пѣтуху въ ту минуту, когда онъ бѣжалъ къ корму, лежащему въ двадцати шагахъ оттуда, и тѣло его продолжало бѣжать до самаго корма. Перро отрѣзалъ голову ящерицы, и туловище доползло послѣ того до камня, подъ которымъ она обыкновенно саживалась. Майскій жукъ ходилъ послѣ обезглавленія, осторожно пробуя мѣсто ногою: если оно казалось ему твердымъ, онъ переставлялъ другую ногу, и такъ далѣе. Сердце лягушки бьется часа два послѣ того, какъ ей отрѣжутъ голову. Бабочки, мухи, продолжаютъ послѣ того летать.

Фонтапель, въ заключеніе записки, представленной имъ въ Академію Наукъ, говоритъ, что казнь гильотинною есть мучительнѣйшая казнь, какую только можно выдумать, хотя

многіе утверждали противное, потому, что страданія обезглавленнаго ужасны и продолжаются до совершеннаго прекращенія жизненной теплоты.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОГО АНГЛИЧАНИНА У ИНДІЙЦЕВЪ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, вышла въ Англіи книга, которая надвѣвала много шуму и въ большомъ свѣтѣ и между учеными. Это описаніе приключеній Г. Гунтера у Индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ. *Аталы* этихъ странъ женщины очень некрасивыя, очень нечистоплотныя и очень не строгой добродѣтели, хотя патриархъ романтическихъ путешественниковъ, Г. Шатобрианъ, и говоритъ противное.

Г. Гунтеръ былъ похищенъ въ младенствѣ дикими Индѣйцами, и провелъ у нихъ всю юность. Онъ часто дрался съ молодыми Индѣйскими воинами, которые ругали его браннымъ именемъ, *блѣдный человекъ*. Старые воины наблюдали при этомъ, чтобы условія боя были совершенно одинаковы. Замѣчательно, что на берегахъ Марамела и Миссури существуютъ почти рыцарскіе обычаи и родъ феодальной системы. Каждое поколѣніе присвоиваетъ себѣ право охоты во всѣхъ лѣсахъ, и очень дорожить этимъ правомъ: отъ того происходятъ непрерывныя войны. Состояніе этихъ Индѣйцевъ походитъ нѣсколько на благословенныя старинныя времена, когда каждый владѣлецъ замка присвоивалъ себѣ исключительное право грабить протѣжающихъ въ его помѣстьяхъ, и добросовѣстно вѣщалъ всѣхъ остальныхъ воровъ. При всякой встрѣчѣ разныхъ поколѣній на охотѣ, происходятъ сраженія; въ одномъ изъ нихъ Г. Гунтеръ взятъ былъ въ плѣнъ поколѣніемъ Канзасовъ, которые однако жъ не сожгли и не съѣли его, а приняли съ добродушнымъ гостепріимствомъ, и одна женщина усыновила его. У этихъ дикарей есть довольно замѣчательные законы. Вотъ образчикъ ихъ *Нравственнаго Уложенія*, сообщеннаго Г. Гунтеру Тмутъ-ше-нау, или *Защитникомъ народа*.

«Не воруй ни у кого, кромѣ непріятелей; имъ ты долженъ дѣлать какъ можно болѣе зла. Когда сдѣлаешься человекомъ, будь храбръ и предприимчивъ на войнѣ; особенно защищай право охоты. Ни жены, ни дѣти твои не дол-

жны слышать изъ усть твоихъ слова — нѣтъ! Помни это, отмщай врагамъ своимъ. Не пей никогда крѣпкой воды, избрвтенной былыми; Великій Духъ послалъ намъ ее на погибель. Не бойся смерти: она страшна только трусамъ. Уважай старшихъ, особенно своихъ родителей. Умоляй Злаго Духа, чтобы онъ не сдѣлалъ тебѣ зла. Обожай и люби Великаго Духа, чтобы онъ посылалъ добычу на твои земли. Великій Духъ создалъ мѣръ и все живущее.»

Г. Гунтеръ скоро лишился своей матери, и его били за то, что онъ плакалъ: въ глазахъ Индѣйцевъ, это низость для воина. Однажды, на охотѣ, онъ и его товарищи встрѣтились съ племенемъ Озажей. Начальникъ Канзасовъ сказалъ предводителю Озажей: «Много лунъ затмѣлось уже съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ мое племя; тогда оно было въ мѣрѣ съ вашимъ племенемъ. Если мы теперь въ войнѣ, я этого не знаю. Примите же меня гостеприимно.» И они были приняты.

Хотя у всѣхъ этихъ племенъ сообщенія женщинъ съ мужчинами ни чѣмъ не ограничены, но онѣ вообще целомудренны, исключая только женщинъ тѣхъ поколѣній, которыя имѣютъ сношенія съ былыми, потому, что послѣдніе развращаютъ все народы, съ которыми знакомятся.

Въ случаѣ обольщенія дѣвушка, порицаніе падаетъ на мужчину. Молодой человекъ не осмѣливается оказать предпочтенія какой либо женщинѣ, если еще не прославился на войнѣ или охотѣ. Онъ только посылаетъ со своею матерью лучшую дичь къ своей любезной, а та старается выказать свое искусство въ приготовленіи этой дичи, и посылаетъ частицу къ своему любезному. Но когда онъ прославится на войнѣ или на охотѣ, тогда ему остается только выбирать: ни одна дѣвушка не откажетъ ему въ рукѣ своей.

Вдовство у нихъ для женщины величайшее несчастье. Вдова убитаго воина тотчасъ ищетъ ему мстителя. Принять это на себя, значитъ обещать жениться на вдовѣ.

Всякой молодой человекъ носить имя своей матери, пока какое нибудь отличное дѣяніе не дастъ ему права выбрать себѣ особое имя. Если это ему не удастся, порицаніе падаетъ на мать, которая не умѣла внушить ему мужества.

Въ памяти женщинъ хранится у нихъ Исторія народа; онѣ рассказываютъ дѣтямъ своимъ преданія старинныя.

Женщины слѣдуютъ за мужьями на войну, но онѣ поступаютъ весьма невеликодушно съ плѣнниками. Подъ залы Совѣта стоитъ столбъ, выкрашенный красною краскою: это столбъ спасенія. Но чтобы достигнуть до него, плѣнникъ долженъ пройти сквозь рядъ женщинъ и дѣтей, вооруженныхъ дубинами, кнутами, горящими головнями. Если плѣннику удастся пройти сквозь этотъ рядъ, съ нимъ послѣ обходятся хорошо, а если онъ погибнетъ подъ ударами, то его хоронятъ тамъ съ большими почестями, чѣмъ болѣе мужества въ страданіяхъ оказалъ онъ.

Племя Кикканусовъ, похитившее Г. Гунтера, жило прежде на берегахъ Иллиной; потомъ они перешли на рѣку Газанаду, и, хотя ослаблены внутренними раздорами, но еще защищаютъ свою независимость, Кикканусы были некогда могущественнымъ народомъ; теперь они могутъ выставить не болѣе 400 воиновъ.

Канзасы не многочисленны; они некогда были племенемъ могущественнымъ, но, побѣжденные своими непріятелями, Сіусами, принуждены были перейти съ праваго берега рѣки Миссури на рѣку Канзасъ.

Озажи раздѣляются на три племени: большихъ Озажей, малыхъ Озажей и Озажей Арканзасскихъ. Въ каждомъ изъ сихъ племенъ считается не болѣе двухъ тысячъ душъ, изъ коихъ только четверть въ состояніи носить оружіе.

ДУМЫ ЛЮБИТЕЛЯ СТАРЫХЪ ДРЕЗГЪ ПЕРЕДЪ СТАРЫМЪ ФАРФОРОМЪ. Я всегда имѣлъ какое-то дѣтское пристрастіе къ старому фарфору. — Какая милая вещь старый фарфоръ! — Когда мнѣ случается осматривать какой нибудь богатый домъ, я иду прежде всего осматривать не картинную галерею, а прошу отворить мнѣ кабинетъ, въ которомъ хранится Китайскій фарфоръ. Отъ чего происходитъ привязанность моя къ старому фарфору, — этого я не могу вамъ сказать: развѣ, можетъ быть, отъ того, что первыя наши удовольствія и наклонности живѣе всѣхъ прочихъ. Въ какую эпоху моей жизни втѣснились въ мое воображеніе и предельствія милаго голубовато-бѣлыя блюдечки и маленькіе

Китайскіе мандарины? Я не могу опредѣлить времени этого замѣчательнаго происшествія. Память моя не сохранила его; воспоминаніе объ этомъ происшествіи старѣ моего самопознанія, и теряется въ поэтическомъ мракѣ. Привязанность моя къ старому фарфору ровесница моей способности мышленія.

Я очень хорошо знаю, что много кой-чего можно сказать противъ маленькихъ этихъ человѣчковъ, голубоватыхъ и непокорныхъ законамъ рисованія и живописи, столь забавно важныхъ, носящихся, подобно ангеламъ, въ неопредѣленномъ пространствѣ, свободныхъ какъ воздухъ, и живущихъ въ какомъ-то мірѣ безъ горизонта и перспективы: знаю я все это, но я люблю ихъ, и мнѣ пріятно видѣть какъ-можно чаще моихъ старинныхъ пріятелей. Художникъ не соблюлъ законовъ разстоянія, — тѣмъ лучше: мы не потеряемъ ихъ изъ виду. Что мнѣ за надобность, — гдѣ они, на землѣ или въ воздухѣ! Предусмотрительный художникъ проведъ подъ ихъ Китайскими туфлями одну или двѣ прекрасныя лазурныя полоски, которыя вѣроятно значать: «Не бойтесь, не упадутъ!»

Что бы вы ни говорили, а я люблю этихъ маленькихъ мужчинъ съ женскими ножками, этихъ маленькихъ женщинъ, еще женоподобнѣе мужчинъ!

Посмотрите: вотъ маленький мандаринъ, красивенькій и учтивенькій, подаетъ чашку чаю своей мандариншѣ, которая стоитъ отъ него верстъ за десять. Прекрасно, художникъ! ты постигъ Китайскую поэзію! Это настоящее уваженіе мандарина къ своей дамѣ; это именно то почтительное отдаленіе, въ которомъ онъ долженъ стоять отъ нея. Далѣе та же красавица, или другая красавица (въ царствѣ фарфора этого нельзя разбирать слишкомъ строго), выходитъ изъ крошечной лодочки, и граціозно ставитъ свою миніатюрную ножку на голубую гору, верстахъ въ двадцати отъ туда.

Еще далѣе, — если только въ этомъ мірѣ далѣе и ближе существуютъ, — еще далѣе являются лошади голубыя, пагоды голубыя, цвѣты голубые, которые танцуютъ голубой танецъ въ этомъ воздушно-голубомъ царствѣ. А потомъ, корова и кроликъ, — оба одного роста, — снятъ подъ стѣною

крошечнаго голубаго цвѣтка, освѣщенные прозрачною Китайскою атмосферою.

Не ужали все это не мило?

О САМОУБИЙСТВАХЪ ВЪ АНГЛІИ И ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ. Не знаю, право, почему вообще полагаютъ, что Англичане склоннѣе другихъ народовъ къ самоубійству: развѣ потому только, что Англичане первые вздумали сообщать публикѣ о числѣ людей, умершихъ незаконнымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Докторъ Бюрровъ занимается исчисленіемъ самоубійствъ не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ, съ тѣхъ поръ ясно, что это мнѣніе совершенно несправедливо, и что самоубійствъ бываетъ болѣе въ другихъ странахъ, чѣмъ въ Англіи. Мы представимъ въ нѣсколькихъ строкахъ результатъ разысканій этого Ученаго.

«Въ 1793 году, послѣ революціи, которая ниспровергла столько состояній, число самоубійствъ простиралось въ Версали до 1,500. Докторъ Тальре утверждаетъ, что въ Руанѣ, въ Іюнь и Іюль мѣсяцахъ 1806 года, самоубійствъ было 60. Въ Гамбургѣ число самоубійць увеличивалось, по словамъ Профессора Гремана, слѣдующимъ образомъ: въ 1816 году только 2 человека лишили себя жизни; въ 1820-мъ 10, въ 1822-мъ 59, а между-тѣмъ народонаселеніе Гамбурга простиралось въ это время только до 112,000 человекъ. Тотъ же Профессоръ говоритъ, что въ небольшомъ округѣ Франкфуртскомъ (на Майнѣ) въ 1823 году было 100 самоубійствъ, а въ Копенгагенѣ, въ 1806 году, 300, хотя въ этомъ городѣ считалось тогда только около 90,000 жителей; съ тѣхъ поръ склонность къ самоубійству тамъ уменьшилась, но и нынѣ въ столицѣ Давіи бываетъ ежегодно до 100 самоубійць.

Докторъ Касперъ утверждаетъ, что число самоубійць составляетъ въ Берлинѣ $\frac{34}{100,000}$ человекъ, а въ Парижѣ $\frac{49}{100,000}$. Приведемъ нѣкоторые изъ разысканій этого Ученаго объ увеличеніи числа самоубійствъ въ Пруссіи. Съ 1758 по 1770. годъ, изъ 1800 умершихъ, самоубійца былъ только 1; но въ 1787. году эта пропорція удвоилась; наконецъ съ 1798 по 1822. годъ число самоубійць къ числу людей, умершихъ произвольною смертію, содержалось

какъ 1 къ 100. Устраненный этою пропорціею, Докторъ Касперъ сдѣлалъ общее исчисленіе по всему государству, и нашелъ, что число самоубійцъ во всей Пруссіи къ числу умершихъ во всемъ государствѣ содержалось, какъ 1 къ 400.

Главною причиною этихъ самоубійствъ Докторъ Касперъ почитаетъ пьянство. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, въ Берлинѣ на каждые четыре дома, вы вѣрно найдете одинъ шинокъ крѣпкихъ напитковъ. Приписывать большее число самоубійствъ нравственному расположенію Пруссаковъ была бы важная ошибка; но пагубная страсть людей низшаго класса къ крѣпкимъ напиткамъ погружаетъ ихъ въ уныніе, котораго результатомъ всегда почти бываетъ произвольная смерть. Знаменитый клубъ самоубійцъ, образовавшійся въ Берлинѣ, надѣлалъ много шума, но не произвелъ большаго вліянія; большая часть самоубійствъ бываетъ между солдатами и живущими въ городахъ простолюдинами, а эти люди, конечно, не посѣщаютъ клубовъ, но за то весьма пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ. Мнѣніе наше подтверждается еще тѣмъ, что въ 1829 году въ городахъ на 100,000 жителей было 14 самоубійцъ, а въ деревняхъ, гдѣ люди несравненно воздержнѣе, только 4 на 100,000.»

Замѣчено, что самоубійцъ менѣе тамъ, гдѣ слишкомъ уточненное просвѣщеніе менѣе распространено: Блауменбахъ замѣтилъ это въ Швейцаріи, а Касперъ въ Германіи. Вотъ нѣкоторые факты, могущіе служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Въ 1816 году въ Испаніи было только 16 самоубійствъ, а въ Неаполь, не смотря на то, что тамъ 380,000 жителей, лишили себя жизни въ 1823 году только 9 человекъ, въ 1826-мъ 13, а въ 1830-мъ только 11. Въ Швеціи, по оффиціальнымъ документамъ, число самоубійствъ не велико; такъ, напримеръ, въ 1826 году было ихъ во всемъ государствѣ только 151. Въ 1829 число это возвысилось до 160; но это увеличеніе не такъ велико, чтобы заслуживало вниманіе. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Россіи число самоубійствъ съ 1823 по 1826 годъ простиралось до 4,687; въ 1830 году оно составляло только 893, то есть, 1 самоубійство на 70.000 жителей.

Изъ Американскихъ Журналовъ видно, что самоубійствъ бываетъ ежегодно, въ Нью-Йоркѣ отъ 15 до 31, въ Фила-

дельнѣе отъ 7 до 19, въ Балтиморъ отъ 5 до 12. Сравнивая эти свѣдѣнія съ таблицами, которыя Г. Гитсъ ежегодно составляетъ о числѣ самоубійствъ въ Лондонѣ, мы увидимъ, что равность почти всегда въ пользу столицы Англіи. На миллионъ шесть сотъ тысячъ жителей тамъ бываетъ ежегодно отъ 120 до 130 самоубійствъ, и эта пропорція, конечно, не покажется удивительною въ сравненіи съ тою, которую мы замѣтили въ большей части означенныхъ выше городовъ; она ниже, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ на 300,000 жителей бываетъ ежегодно 89 самоубійствъ, и гораздо ниже, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ среднее число самоубійствъ въ годъ составляетъ 203, хотя народонаселеніе этого города почти въ половину менше Лондонскаго. Въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, не смотря на тягостныя обстоятельства, въ которыхъ Англія не разъ въ это время находилась, самоубійствъ въ Лондонѣ было среднимъ числомъ 114 въ годъ.

Нѣкоторые статистики распределяютъ самоубійства по возрасту, другіе по роду смерти, но всѣ эти таблицы служатъ только для удовлетворенія пустаго любопытства. Мы думаемъ, что гораздо будетъ полезно, если мы примемъ методу болѣе философическую, распредѣливъ многочисленныя случаи, намъ извѣстные, по побудительнымъ причинамъ. Читатели наши увидятъ, что къ самоубійству побуждаютъ не столько пороки, какъ нравственныя причины: порокъ унижаетъ душу и истребляетъ всякое возвышенное чувство, между тѣмъ, какъ перемѣна обстоятельствъ, домашнія огорченія, сильно дѣйствуютъ на душу, раздражаютъ страсти и побуждаютъ человека къ рѣшительнымъ поступкамъ.

Число самоубійствъ въ Лондонѣ съ 1770 по 1830 годъ, съ показаніемъ побудительныхъ причинъ.

| Побудительныя причины: | мужчинъ: | женщинъ: |
|------------------------------|----------|----------|
| 1. Нищета..... | 905. | 511. |
| 2. Домашнія огорченія..... | 728. | 524. |
| 3. Разореніе..... | 332. | 283. |
| 4. Пьянство и развратъ..... | 287. | 208. |
| 5. Игра..... | 155. | 141. |
| 6. Лишеніе чести и клевета.. | 125. | 97. |
| 7. Обманутое честолюбіе..... | 122. | 110. |

| | | |
|-----------------------------|-------|-------|
| 8. Любовныя огорченія..... | 97. | 157. |
| 9. Зависть и ревность..... | 94. | 53. |
| 10. Оскорбленное самолюбіе. | 53. | 53. |
| 11. Фанатизмъ..... | 16. | 1. |
| 12. Угрызенія совѣсти..... | 49. | 37. |
| 13. Мизантропія..... | 5. | 3. |
| 14. Неизвѣстныя причины... | 1381. | 377. |
| | <hr/> | <hr/> |
| | 4337. | 2545. |

6,882.

Мы окончимъ это краткое обозрѣніе обширнаго предмета, замѣчаніемъ, что изъ 114 самоубійствъ, бывающихъ ежегодно въ Лондонѣ, болѣе четверти ихъ совершается въ Вестминстерской Части, въ которой между тѣмъ считается только девятая часть народонаселенія. Но въ этой Части живутъ высшіе классы, въ которыхъ переменны состоянія случаются чаще и домашнія огорченія дѣйствуютъ сильнѣе.

ВОЙНА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Мы видели на послѣдней страницѣ разныхъ Французскихъ газетъ объявленіе крупными литерами объ издаваемомъ Парижскимъ книгопродавцемъ Панкукомъ собраніи Латинскихъ классиковъ, текста съ переводомъ, и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Какъ? возможно ли? собраніе Латинскихъ классиковъ въ Парижѣ, въ 1833 году!.... Это должно быть мистификація, — или Г. Панкукъ добровольно рѣшился обанкротиться? Кто станетъ читать прозу Цицерона послѣ прозы Бальзака? Кто такъ лишенъ вкуса и здраваго смысла, чтобъ читалъ Тацита послѣ Жюль-Жанена? Это должна быть шутка: Французы большіе шуты!.... Тогда, какъ мы терлись въ мысляхъ, чтобъ отгадать настоящій смыслъ этого объявленія, котораго не осмѣлились даже внести въ статью о новыхъ книгахъ, помѣщенную въ концѣ предъидущей книжки Б. для Ч., изъ опасенія быть обманутыми какою-нибудь книгопродавческою хитростью, вдругъ появилось въ Revue de Paris толкованіе этого страннаго феномена. Г. Низаръ, сотрудникъ Журнала Revue de Paris и газеты National, пораженный тою же мыслию при видѣ объявленія о новомъ изданіи Латинскихъ классиковъ, предпринялъ объяснить его

публикѣ: въ остроумной статьѣ своей, которую читатели наши найдутъ всю въ Сынѣ Отечества, чрезвычайно улучшившемся въ нынѣшнемъ году, онъ старался доказать, что во Франціи началось уже обратное литературное движеніе; что Непустовая Словесность, названная имъ «Нетрудною Словесностью», быстро клонится къ упадку; что она уже не въ модѣ. Доказательства свои Г. Низаръ почерпаетъ особенно въ слѣдующихъ трехъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, ученіе этой Словесности уже оставлено всеми лучшими Журналами: нѣтъ сомнѣнія, что это очень дурной знакъ ея состоянія; во-вторыхъ, учащееся юношество съ жаромъ принимается за трудныя и основательныя занятія, и всякой день болѣе пристращается къ литературнымъ красотамъ древняго классическаго міра, къ которымъ прежде оказывало оно рѣшительное отвращеніе: если это правда, то должно поздравить Францію съ такою переменою въ воспитаніи юношества; въ-третьихъ, ультра-романтизмъ, или «Нетрудная Словесность» очевидно выходитъ уже изъ моды въ Парижѣ, потому, что она начинаетъ быть въ модѣ въ провинціи; это всегда бываетъ признакомъ упадка модной вещи въ Парижѣ, иногда же и поводомъ Парижанамъ къ ея оставленію: Г. Низаръ, чтобъ усилить это доказательство, могъ бы еще прибавить — «тѣмъ болѣе, что ультра-романтизмъ пошелъ въ славу даже въ Москвѣ, даже въ Грузіи, гдѣ Парижскія моды обыкновенно начинаютъ господствовать спустя годъ и болѣе послѣ забвенія ихъ въ Парижѣ.» Но это обстоятельство ничего не доказываетъ. Самою важною для Исторіи Словесности и самою любопытною частью статьи Г. Низара мы считаемъ представленное имъ описаніе мятежа, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ учащееся юношество во Франціи, обольщенное ученіемъ новой школы, ея картинами сладострастія и распутства, ея бурнымъ и неугомоннымъ слогомъ, подняло противъ всего классическаго, всего Греческаго и Латинскаго, всего труднаго къ изученію. Профессоры и учителя не смѣли похвалить передъ учениками того, что они привыкли всю жизнь почитать прекраснымъ и образцовымъ. При одномъ имени Виргилія вспыхало возмущеніе въ классѣ. Многіе ученики, не кончивъ курса, оставили училища, чтобъ сочинять крова-

вые Романы и Драмы, съ вистъямицами, гильютинами, тюрьмами, ядами, кинжалами, пытками и съ «бълокурою дѣвою», ожидающею вечеркомъ на углу переулка «мечты своей», страстнаго юноши съ густыми бакенбардами. Чтобъ заставить мальчиковъ переводить съ Французскаго на Латинскій, съдые наставники принуждены были перелгать съ ними на языкъ Цицерона спелы изъ Виктора Гюго, писанные отрывистымъ и рѣзкимъ слогомъ Парижскихъ рыбныхъ торговъ. По увѣренію Г. Низара, теперь все это кончилось: юноши ревностно стали учиться Латинскому языку в другімъ пособіямъ осповательной учености, и шартіи романтическія по училищамъ подавлены любовію огромнаго большинства къ Наукамъ. Присовокупимъ, что послѣдняя книжка Журнала *Revue des deux Mondes*. сознается сама, что въ подрастающемъ поколѣніи во Франціи замѣтна удивительная набожность и твердость вѣрованія. Желаетъ, чтобъ это была правда!

Какъ бы то ни было, а острая статья Г. Низара взволновала весь романтизмъ, который опять сладостно засыпалъ на своихъ лаврахъ, проворчавъ нѣсколько гнѣвныхъ словъ на Эдинбургскій Журналъ за его ужасную выходку на нынѣшнюю Французскую Словесность. Жюль-Жаненъ, который недавно самъ осмѣивалъ новую школу, вдругъ схватилъ перо, чтобъ защищать ее. За нимъ обѣщали послѣдовать Библиофиль Жакобъ и Г. Сентъ-Бѣвъ. Въ *L'Europe littéraire*, Г. Фельидъ тоже поднялся на ходули, уже напечаталъ въ отвѣтъ одну статью, и еще обѣщаетъ напечатать другую и третью. Мы желали бъ сообщить читателямъ существо этихъ отвѣтовъ, но изъ нихъ нельзя извлечь ничего опредѣлительнаго. Статья Жюль-Жанена, названная имъ громкимъ именемъ «Манифестъ юной Словесности», которую читатели найдутъ въ Сынѣ Отечества, и еще прекрасно переведенную, состоитъ вся изъ колкихъ опроверженій нѣкоторыхъ фразъ Г. Низара, но не опровергаетъ приведенныхъ имъ фактовъ. Жаненъ доказываетъ, что нѣтъ въ свѣтѣ «Нетрудной Словесности», что всякая Словесность трудна, и что онъ, Жаненъ, пребудетъ всегда великимъ писателемъ мелкихъ статей въ пятикопѣечныхъ Журналахъ. Г. Фельидъ утверждаетъ, что это школьная сватка двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ

порицаетъ то, чему за годъ самъ удивлялся, а другой защищаетъ то, что самъ порицалъ не далѣе какъ за три мѣсяца. Между-тѣмъ, война возгорѣлась, чернила льются, и мы не оставимъ сообщить въ свое время точное извѣстіе объ ея послѣдствіяхъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1. *Рука Всевышняго Отечество спасла*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. В. Кукольника, была представлена на Александринскомъ Театрѣ 15 Января.

Русь стоитъ подъ измѣною дѣтей, и подъ злодѣяніями враговъ своихъ. Поляки неистовствуютъ въ ея столицѣ: мясникъ Козьма Мининъ и Стольникъ Князь Пожарскій спасаютъ ее: вотъ основа. Съ 1612 по 22 Февраля 1613 года: вотъ время дѣйствія. Нижній Новгородъ и Москва: вотъ мѣсто дѣйствія Драмы. *Рука Всевышняго Отечество спасла*, — начальный стихъ разсказа Боярина о Куликовской битвѣ изъ Трагедіи Озерова, *Димитрій Донской*: вотъ ея названіе.

Тѣмъ изъ нашихъ читателей и читательницъ, которые не имѣли случая ни видѣть на сценѣ, ни прочесть въ печати сей Драмы, имѣвшей блистательный успѣхъ на театрѣ, разскажемъ вкратцѣ ходъ ея. Дѣйствіе первое. Минина, подобно *Юаннь д'Аркъ*, (*Die Jungfrau von Orleans*, Trg. von Schiller), свыше яосѣтила мысль спасти отечество. Онъ сзываетъ на это дѣло Нижегородцевъ. Душа ихъ откликнулась на святой зовъ согражданина. Военачальникомъ избранъ Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Дѣйствіе второе. Безстыдная Марина, говоритъ Карамзинъ, кинулась въ объятія Заруцкаго, съ условіемъ, чтобы онъ возвелъ на престолъ Лжедмитріега сына-младенца, и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ нею. Эта Марина терзается мнувшимъ своимъ величіемъ, терзается настоящими надеждами. Казацкій Атаманъ Заруцкій замышляетъ умертвить Пожарскаго. Честолюбивая мысль Князя Димитрія Тимоѣевича Трубецкаго, мысль, что онъ Бояринъ, а Пожарскій Стольникъ, не допускаетъ его признать послѣдняго своимъ главою. Но убѣжденія дворянина Ржевскаго и Окольничаго Дьяка Измайлова, а болѣе слова Минина убъ-

ждають Трубецкаго итти къ Пожарскому съ поклономъ. Дѣйствіе третіе. Заруцкій сначала издѣвается надъ любовью къ отечеству Пожарскаго, а потомъ просить позволенія быть союзникомъ Русскихъ. Марина хитрыми словами ищетъ завлечь Пожарскаго въ сѣти, заставляя его содѣйствовать къ возведенію на Русскій Престоль сына ея. Но вида, что замысль сей ей не удался, она въ неистовствѣ проклинаетъ и Князя, и Русь. Дѣйствіе четвертое. Приступъ къ Москвѣ. Измѣнника Заруцкаго убиваетъ свой казакъ. Марина, узнавъ о смерти его, лишается разсудка и падаетъ мертвою. Народъ встрѣчаетъ спасителей своихъ. Въ пятomъ дѣйствіи, избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Свѣтлыя мысли, сильныя, звучныя ямбы и прекрасная игра Г. и Г-жи *Каратыгинъ*хъ ст. (Пожарскій и Марина) наполнили восторгомъ сердца многочисленнѣйшихъ слушателей и зрителей.

Минина сыграла Г. *Борецкій* хорошо. Хотя, по пословицѣ, *отъ добра добра не ищутъ*, но нельзя не сказать, что эта роль еще болѣе имѣла бы успѣха, если бы ее исполнилъ отличнѣйшій нашъ артистъ Г. Брянскій. Вероятно болѣзнь его лишила насъ этого наслажденія. Повторимъ съ Мининымъ:

О, Господи! пошли рабу сему..... отъ боли изцѣленье!

2. *Мирандолина*, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная 15 Января.

Мирандолина принадлежитъ Италіянскому репертуару; отгуда перешла она во Французскій (*La jenne hôtesse*) и въ Нѣмецкій; а изъ сего послѣдняго явилась нынѣ на Русской сценѣ. Эта трехдѣйная пѣса основана на игрѣ двухъ лицъ: Мирандолины и полувѣковаго Вальдорфа.

Мирандолина молодая, прекрасная трактирщица — кокетка. Сводитъ съ ума мужчинъ — страсть ея. Она, однако жъ, равнодушна къ прикащику своему, Францу, челоуѣку недалежнаго ума и весьма обыкновенной паружности, — Что жъ нашла она въ немъ необыкновеннаго? спрашиваютъ читательницы. — Не угодно ли вамъ обратиться съ этимъ вопросомъ прямо къ Мирандолинѣ, отвѣчаю я.

Въ трактиръ остановился Банкиръ Вальдорфъ, который терпѣть не можетъ прекраснаго пола. Извините, сударыни, я не выдумываю, а только пересказываю слышанное и видѣнное. Мирандолина, узнавъ это, берется, хотя никто не просилъ ея о томъ, перевоспитать этого Готентота, этого людоѣда. Взялась, и успѣла. Не прошло получаса, старикашка Вальдорфъ былъ влюбленъ въ нее по уши, да и по какія уши! Но кокетство прекрасной трактирщицы завело ее далеко, или, вѣрнѣе выразиться, привело ее близко, такъ близко къ Вальдорфу, что тотъ, при всей своей близорукой влюбленности, могъ разглядѣть, что его дурачатъ. Оскорбленная страсть зашевелилась въ пятидесятишестилѣтнемъ сердцѣ, которое до того времени принадлежало однимъ коммерческимъ расчетамъ. Вальдорфъ оставляетъ безъ оглядки Мирандолину. Мирандолина, съ своею хозяйскою любовью, обращается къ прикащику Францу. Не тутъ-то было! Францъ не совсѣмъ глушь. Онъ обѣщаетъ жениться на пей тогда, когда она исправится. Чудакъ! Ждать, пока красавица оставитъ кокетство, значить ждать до тѣхъ поръ, пока она станетъ безъ волосъ, безъ зубовъ и безъ бровей; но и тогда едва ли онъ дождется этой свадьбы: у насъ столько парикмахеровъ, столько дантистовъ! Впрочемъ Мирандолинѣ нечего думать о своей неудачѣ. Она мила, молода, ловка, и имѣетъ трактиръ на проѣзжей дорогѣ: слѣдственно за обожателями дѣло не станетъ. Авось навернется и мужъ! Желаемъ ей успѣха.

Г-жа Каратыгина ст., въ роли Мирандолины, была ловка. но недоставало ей этой ловкости, этой безпечной рѣзвости, этого кокетства *средней руки*, которыми восхищала Петербургскую публичку Нѣмецкая гостя, Г-жа фонъ-Гангъ.

3. *Веръ-Веръ*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, былъ представленъ 3 Генваря. *Ver-Vert* — это названіе попугая, прославленнаго въ 1735 году Грессетомъ въ Поэмѣ того же названія; въ Поэмѣ, принудившей творца своего оставить орденъ Іезуитовъ, къ которому онъ принадлежалъ. Былъ когда-то въ Неверѣ женскій монастырь, или, вѣрнѣе, женскій пансіонъ. Въ этотъ монастырь мужчины не имѣли входу, кромѣ садовника Жака, танцмейстера Лежера и шестнадцатилѣтняго мальчика, котораго мать прислала туда, безъ

сомнѣнія для того, чтобъ сдѣлать изъ него существо ни мужское, ни женское, а средняго рода. Гигантская мысль! Вотъ, этотъ мальчикъ воспитывается вмѣстѣ съ дѣвочками и двумя молодыми дамами. Васъ удивляютъ дамы въ пансіонѣ? Не удивляйтесь. Ихъ прислали туда родственники на смиреніе: но только не по просьбѣ мужей ихъ, — я это знаю навѣрное. Безперый Веръ-Веръ замѣнилъ у красавицъ пернатого, котораго онѣ лишились до привоза къ нимъ предполагаемаго амфибія. Всякая любовь слѣпа, говорятъ многіе; но едва ли найдете слѣпоту сильнѣе, нежели у материнской любви. Вотъ и примѣръ: Веръ-Веръ началъ уже привыкать къ новой жизни, началъ уже забывать, что онъ долженъ когда нибудь сдѣлаться мужчиною. Мало этого: онъ готовъ уже былъ *одѣваться*. Вдругъ матушкѣ соскучилось безъ него. Она посылаетъ за Веръ-Веромъ. Отправляютъ сынка въ дилижансѣ. Ой, ужъ эти дилижансы! Бѣда въ нихъ, — разумѣется, не всегда! — не только молодежи, даже пожилымъ дамамъ! Въ этомъ дилижансѣ Веръ-Веръ знакомится съ оперною пѣвицею. Запѣлъ нашъ Веръ-Веръ другую пѣсню. Прощай, матушкино намѣреніе! Прощай, сыновнее невѣдніе! Дилижансѣ останавливается у трактира. Тамъ Веръ-Веръ знакомится съ драгунскими офицерами. Тамъ развертывается въ немъ мужчина прежде времени; тамъ влечется онъ за пѣвицею; тамъ пьетъ онъ шампанское, и поитъ имъ свою *первую любовь*; тамъ беретъ онъ помочь двумъ офицерамъ соединиться съ ихъ женами. Двѣ дамы, о которыхъ я имѣлъ честь говорить вамъ прежде, жены этихъ офицеровъ. Веръ-Веръ успѣваетъ ихъ ввести въ монастырь, успѣваетъ свести съ женами, успѣваетъ даже открыть любовную связь старой надзирательницы съ танцевальстеромъ Лежеромъ. Эта надзирательница — вторая Пенелопа: что ни дѣлала добраго днемъ, все то портила ночью. Каковъ же Веръ-Веръ! Водевиль этотъ переведенъ съ Французскаго. Многіе куплеты, по требованію слушателей, были повторены. Въ немъ заслужили одобреніе Г-жа Шелтова младшая — Веръ-Веръ; Г. Дюръ — Лежеръ, и Г. Шемаэль-Жакъ.

4. *Хороша и дурна, и глупа и умна*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленный 15 Января. Провинціаль-

ные родители хотѣть дочку свою, милую, образованную дѣвицу, воспитанную въ столицѣ, выдать замужъ. Эта дочка боится замужства!!! При видѣ назначеннаго ей жепиха, она теряется, дѣлается неловкою, полунѣмою. Это жениху не понравилось. Онъ отказывается отъ руки ея. Узнавъ объ этомъ, эксъ-невѣста становится по-прежнему и ловка, и жива, и разговорчива. Женихъ въ нее влюбляется, и успѣваетъ обратить на себя ея вниманіе. Мало-по-малу они сблизаются. Свадьба оканчивается дѣломъ. И этотъ Водевиль называется новымъ! Помилуйте, да мы видали его лѣтъ пять тому назадъ! Точно такъ, милостивые государи и милостивыя государыни: вы видали его тогда на Французской сценѣ: это *La demoiselle à marier, ou La première entrevue, comédie-vaudeville en un acte, par MM. Scribe et Melesville*. Нынче онъ явился въ Русской передѣлкѣ. Что жъ тутъ передѣланнаго? спросите вы. А вотъ что. Парижъ передѣланъ въ Москву. M. Dumesnil передѣланъ въ Константина Прохоровича Язова, Mde Dumesnil передѣлана въ Степаниду Карповну, Baptiste передѣланъ въ Емельяна, и такъ далѣе. Кромѣ сего, принадлежать собственно Г. передѣлателью нѣкоторые куплетцы, напримѣръ: на вѣчность безатестатныхъ Титулярныхъ Совѣтниковъ, на губернаторскихъ сынковъ, на членовъ какого-то Земскаго Суда. Невѣсту играла Г-жа Самойлова мл.; талантъ ея развертывается быстро. Желаея блага нашей Оперѣ и Комедіи, желаемъ дальнѣйшихъ сценическихъ успѣховъ этой юной жрицѣ Эвтерпы и Талии.

5. *Донъ-Кихотъ и Санчо Панса*, комическій Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ (22 Января). Ветеранъ хореграфовъ, Милонъ, сочинилъ лѣтъ тридцать тому назадъ для Парижа плохой Балетъ *Les poses de Gamache*. Этотъ Балетъ явился нынѣ въ первый разъ на Петербургской сценѣ, поставленный Г. Блашемъ, — для чего? — для того, вѣроятно, чтобъ доказать, что не одни плохіе балетмейстеры творятъ произведенія дурныя, утомительныя и для артиста, и для зрителя, но и славный Милонъ рискнулъ своею славою. Содержаніе этого Балета любовь Базиля къ дочери трактирщика, Кетли, въ которую влюбленъ старый богатый глупецъ, Гамашъ. Сумасбродство Донъ-Кихота и достойнаго его ору-

жестова, Санхо-Пансы, соединяеть любовниковъ. Балетъ пріять былъ публикою весьма сухо. Не танцуй Г-жа Зубова не явись Санхо-Панса на лошакахъ — не было бы ни одного аплодисемента.

6. *Зораида*, героическій Балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. соч. Г. Блаша (22 Января). Альманзоръ, предводитель Абенсераговъ, въ отлучкѣ. Юная супруга его, Зораида, побудила любовь въ двухъ престарѣлыхъ вельможахъ. Старки эти, Ибрагимъ и Каледъ, встрѣтивъ ее одну, открываются ей въ любви. Зораида, будучи добродѣтельна, а можетъ быть и по расчету (любовники слишкомъ стары), отвергаетъ ихъ предложеніе. Оскорбленное самолюбіе старцевъ оклеветало бѣдную Зораиду. Они объявили народу, что Зораида невѣрна супругу, что они видѣли, какъ она дѣлала восторги съ молодымъ любовникомъ. А за это, во время оно, предавали извѣстныя сожженію. То-то былъ просторъ между женщинъ! Зораиду осудили на смерть, но несчастный случай спасъ ее. Ажесвидѣтели сблизь въ показаніяхъ: одинъ говорить, что онъ сорвалъ шарфъ съ любовника Зораиды; другой говорить, что они подняли этотъ шарфъ и мѣсть ея преступленія. Читатели помнятъ исторію Сусанны. Можетъ-быть, найдутся и видѣвшіе ее въ прекраснѣйшей Рубенсовой картинѣ, украшающей аудіенцъ-залу Королевскаго дворца въ Стокгольмѣ, или имѣющіе гравированный съ этой картины эстампъ. Неправда ли, что Зораида есть вторая Сусанна? И эту Сусанну представляла Г-жа Истомина. Балетъ поставленъ съ большою роскошью. Вотъ все его достоинство. Не ищите въ немъ ни поэзии созданія, ни поэзии группъ. Все холодно, натянуто, мертво! Дѣйствующія лица прійдутъ, размахнуть руками и уйдуть. Группы бѣгаютъ, бѣгаютъ и бѣгаютъ. Таланты Г-жѣ Истоминой, Пейсаръ, Бертранъ - Атрюксъ, Новицкой и Ивановой спасли этотъ Балетъ отъ гибели всеконечныя. Какъ не вспомнить единственнаго Дидло! Всѣ его хореграфическія произведенія, отъ какого-нибудь Дивертисемента до Балета *Раулъ де Креки*, суть произведенія поэтическія. Вотъ одно изъ тысячи доказательствъ: Дидло сочинилъ для Лондонскаго театра Балетъ, *Венгерская хижина*. Балетъ этотъ явился на Петербургскомъ театрѣ въ 1818 году, если еще

не прежде. Онъ выдержалъ съ тѣхъ поръ болѣе двухъ сотъ репрезантацій. Въ прошломъ году, т. е., черезъ пятнадцать лѣтъ, давали этотъ балетъ, и публика, по окончаніи его; вызвала на сцену Дидло! Надобно было слышать признательность многочисленнѣйшихъ зрителей, надобно было видѣть умиленіе хореграфа-поэта. Твореніе генія не старѣется, не издыхается отъ времени, а творенія Г. Блаша родятся въ преклонныхъ уже лѣтахъ; и если они не умираютъ одночасно, то за это долженъ онъ благодарить театральное начальство, которое ни чего не щадитъ для ихъ обстановки. *М. Я.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Angèle, новая Драма Александра Дюма.* — Запавъсь поднимается, и въ глубинѣ театра вы видите кровать. Г. д'Альвимаръ любитъ Г-жу де Ріё, или лучше сказать, Гжа де Ріё любитъ Г. д'Альвимара, а Г. д'Альвимаръ только ухаживаетъ за Гжею де Ріё для того, чтобы употребить въ свою пользу вліяніе при Дворѣ. Г. д'Альвимаръ называется Барономъ и носитъ орденъ Св. Лудовика, но, не смотря на его свѣтскую ловкость, тотчасъ видно, что онъ безчестный прощлецъ. Іюльская революція лишаетъ Г-жу де Ріё всего ея вліянія, и Г. д'Альвимаръ ее покидаетъ. Поблизости Пиренейскихъ водъ, на которыхъ они жили, Альвимаръ нашелъ прелестную дѣвушку, Анжелу Гастонъ, дочь Генерала, убитаго при Ватерло, а это послѣ революціи 1830 года сдѣлалось ключемъ къ милостямъ новаго правительства: Альвимаръ рѣшается на ней жениться. Бѣдная сирота попадаетъ въ сѣти опытнаго обольстителя. Тетка, у которой живетъ Анжела, занимаетъ квартиру уѣзжающаго Альвимара; но прежній жилецъ остается на нѣсколько дней тутъ же. Мудрено ли молодому человѣку, ловкому и одаренному терпѣливѣе говорить и слушать бредни, понравится доброй старушкѣ, охотницѣ рассказывать стародавнія исторіи? Альвимаръ приобретаетъ полную благосклонность тетушки, — важный шагъ къ племянницѣ! Подлѣ этихъ лицъ является прекрасной характеръ Миллера, благородного, безкорыстнаго; Миллера, который любитъ Анжелу и молчитъ, потому, что носитъ въ груди своей зародышъ болѣзни, отъ которой умерли мать

и брать его. Миллеръ ангель - хранитель Анжелы; но что можетъ онъ противъ обольстителя, который проводитъ съ нею цѣлые дни! Послѣ нѣсколькихъ неблагопристойныхъ сценъ, начинается второе дѣйствіе Драмы. Анжела блѣдна, но уже ясно видно, что она простила д'Альвимара. Остается только соединиться бракомъ: Анжела этого хочетъ, Альвимаръ общается и даетъ слово Миллеру, который спрашиваетъ объ его намѣреніяхъ.

Между-тѣмъ пріѣзжаетъ мать Анжелы, — случай благопріятствуетъ обольстителю: онъ спасаетъ госпожу Гастонъ отъ какой-то опасности. Г-жѣ Гастонъ только тридцать одинъ годъ. Она принимаетъ за чистыя деньги комплименты, которые говоритъ ей Альвимаръ, и рѣшается отдать ему свою руку. Альвимаръ видитъ, что для успѣха въ честолюбивыхъ его намѣреніяхъ, ему выгоднѣе жениться на матери, чѣмъ на дочери, и направляется въ эту сторону.

Дѣйствіе третье. Великолѣпные покои въ Парижскомъ домѣ Г-жи Гастонъ, балъ, веселье. Пріѣзжаетъ Анжела съ извѣстіемъ о смерти своей тетки; это однако жъ не мѣшаетъ балу: нѣжная маменька отпускаетъ дочку въ комнату, чтобы трауръ не нарушилъ всеобщаго веселья. Альвимаръ въ восторгѣ: онъ скоро получить руку Г-жи Гастонъ; но вдругъ приходятъ ему сказать, что дѣвицъ Анжелъ Богъ далъ сына, и что она въ большой опасности. Что дѣлать? Къ счастью, Миллеръ тутъ. Миллеръ врачъ; Альвимаръ завязываетъ ему глаза, и отводитъ его въ комнату Анжелы.

Четвертое дѣйствіе. Анжела здорова, но она худѣетъ и сохнетъ. Г-жа Гастонъ проситъ Миллера изслѣдовать состояніе ея здоровья. Миллеръ идетъ въ ея комнату. Они одни. Миллеръ вспоминаетъ это мѣсто, мебели, которыя онъ когда-то видѣлъ; онъ спрашиваетъ Анжелу; бѣдняжка смущается, и Миллеръ догадывается, въ чемъ дѣло.... Анжела падаетъ къ ногамъ его, и признается во всемъ. Миллеръ требуетъ, чтобы она открыла поступокъ свой матери. Сцена признанія отдѣлана мастерски. Наступаетъ послѣднее дѣйствіе. Альвимаръ удаляется отъ семейства, которое онъ покрылъ стыдомъ и поразилъ несчастіемъ.

Госпожа Гастонъ прѣзжаетъ къ нему, и употребляетъ все краснорѣчіе материнскаго сердца, бросается къ ногамъ обольстителя своей дочери, и убѣждаетъ его жениться на Анжелѣ. Альвимаръ соглашается, и велитъ призвать нотариуса. Г-жа Гастонъ спѣшитъ сообщить это извѣстіе несчастной жертвѣ, а гнусный обольститель, пользуясь этою минутою, торопится убраться изъ города, подходитъ къ дверямъ, но двери заперты, и у дверей ждетъ его Миллеръ. Они взглянулись, и поняли другъ друга: одинъ изъ нихъ долженъ исчезнуть съ лица земли. Они идутъ въ садъ. Прѣзжаетъ нотариусъ, и пишетъ контрактъ; въ саду раздается выстрѣлъ. Нотариусъ спрашиваетъ имя жениха. «Генрихъ Миллеръ!» отвѣчаетъ врачъ умирающимъ голосомъ. — «Гдѣ же д'Альвимаръ?» — «Умеръ. Прибавьте, что я признаю ребенка *моимъ* сыномъ, рожденнымъ прежде брака.»

Вотъ новая Драма Александра Дюма. Французскіе критики говорятъ, что это анахронизмъ въ правахъ, что нынче ни мужчины, ни женщины не таковы, какъ были при Людовикѣ XV; что Альвимаръ въ нынѣшнемъ обществѣ не возможенъ; говорятъ что лице Альвимара производить на сценѣ отвращеніе. Впрочемъ эта пѣса принята съ одобреніемъ: недостатки ея выкупаются двумя послѣдними дѣйствіями.

Новый Водевиль Г. Скриба. La chanoinesse. Дѣйствіе происходитъ въ 1815 году. Дѣвица Элоиза, канонисса, или, если вамъ угодно, зрѣлая дѣва, оставшаяся безъ мужа, ѣдетъ въ каретѣ Русскаго Генерала до Французскихъ аванпостовъ; ночью захватываетъ ее отрядъ гвардейскихъ гренадеровъ. Вино, ночь, мщеніе, трактиръ, и проч., и проч. Въ слѣдствіе сихъ причинъ Генералъ Фервиль позволилъ себѣ непозволительныя вещи съ дѣвицею Элоизою. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, Г-жа Элоиза канонисса нуще прежняго: только она представила знакомымъ своимъ маленькаго своего внука, сына ея племянницы, вышедшей замужъ въ Америкѣ. Все прекрасно. Жители города Тура очень хвалятъ внука Г-жи канониссы; хвалятъ также ея благотворительность, ея добродѣтели и ея материнскую любовь къ внуку.

Но вотъ беда! Племянница ея, которую канонисса выдала замужъ, и которой, Богъ-знаетъ за что, приписала она миленькаго сыночка, какъ нарочно прїѣзжаетъ изъ Нового Свѣта. Это она! она у воротъ замка! И бѣдная тетушка въ большомъ затрудненіи! Что скажетъ весь городъ Туръ, когда узнаетъ, что у этой племянницы, Графини Габріель, нѣтъ сына; что она даже не замужемъ; что напротивъ ей очень хочется замужъ; что она любитъ одного морскаго офицера, Г. Ганри, и любима имъ? Бѣдной канониссы нечего дѣлать, какъ признаться во всемъ своей племянницѣ Габріель, видя отчаяніе своей тетки, соглашается прослѣдить на нѣсколько дней матерью этого мальчика. Бѣдная Габріель очень печальна! Между-тѣмъ прїѣзжаетъ Г. Ганри, и съ нимъ его дядя, Генераль Фервиль, старый холостякъ, который не вѣритъ въ добродѣтель женщинъ. Вы можете вообразить, что Г. Ганри горюетъ, узнавъ, что Г-жа Габріель уже не дѣвица, что она вдова, и что у ней есть уже семилѣтній сыночекъ. Она все еще очень мила, по-увы!— вдова.

Вы можете вообразить, какъ громко хохочетъ насмѣшникъ Фервиль. Но обстоятельства измѣняются. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, старикъ Генераль узнаетъ, что онъ отецъ, и думаетъ, что милая, умная, прелестная Габріель мать этого дитяти. Въ порывѣ добродѣтели, онъ хочетъ *загладить свой проступокъ*, хочетъ непременно жениться на несчастной, которую онъ оскорбилъ такъ немилосердо въ военное время, на аванпостахъ, наканунѣ жаркаго дѣла, и заранѣе воображаетъ себѣ, какое благополучіе его ожидаетъ и какъ сладостна добродѣтель. Онъ даже признается, что наказаніе несоразмѣрно винъ его. Онъ даетъ честное слово жениться на матери сына. Но како-во же бѣдняку, когда, онъ узнаетъ, что долженъ жениться не на Габріель, а на канониссу! Подъломъ: чѣмъ согрѣшилъ, тѣмъ и наказанъ!

Премія за глупость. Въ концѣ года Парижскіе Театры даютъ пьесы, въ которыхъ производится обзоръ глупостей за цѣлый годъ. Вы можете вообразить, какой это обильный предметъ! На Водевильномъ Театрѣ играли нынче

пѣсу въ этомъ родѣ: *Le prix de la folie, Премія за глупость.*

Какой-то господинъ, въ институтскомъ мундирѣ, объявляетъ во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ раздавать преміи за глупость, какъ раздаются Монтионовы преміи за добродѣтельные поступки. Тутъ является Г. Клише, подрядчикъ, заготавлиющій Журналы съ картинками на манеръ Англійскаго *Peppu-Magazine*, Французскаго *Magazin pittoresque*, которые въ прошломъ году являлись въ Парижѣ дюжинами; Г-жа *Moyen-Age* (Среднебѣкова, если позволите перевести собственное имя), которая поставляетъ Романы и Драмы à *prix fixe*, по крайней цѣнѣ; тутъ являются и Франкони со своими лошадьми, и Г. Маэстро съ учеными блохами, и множество другаго народа. Все это мило, забавно, остроумно; публика хохочетъ, а Директоръ Театра собираетъ деньги. Сочинитель, говорятъ, вывелъ было на сцену литературныхъ критиковъ, въ томъ числѣ Жанена, которому хотѣлъ присудить премію; но потомъ оставилъ ихъ и его въ покоѣ.

Мужикъ и Боларинъ: Le serf et le boyard. Эта мелодрама, игранная въ Парижѣ въ прошломъ мѣсяцѣ, доказываетъ, что Французы все еще лучше знаютъ внутреннія земли Африканскія, чѣмъ Россію. Пѣса наполнена пельцостями и основана на совершенно ложномъ понятіи о нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Сюжетъ этой мелодрамы старая погудка на новый ладъ, передѣланная исторія Этеокла и Полиника. Этотъ сюжетъ не удался даже въ рукахъ Расина. Вы можете вообразить, что онъ долженъ быть въ рукахъ Г. Соважа! Дѣйствующія лица его называются Осипъ, Сидоръ, Алексій, Петергофъ и Федръ; но это ни сколько не придало имъ занимательности.

Мертвецъ, Le revenant, Опера въ пяти картинахъ, музыка Г. Гомиса. Фантастическій, фантастическая, фантастическое! — противъ этого ни двухъ словъ; это отвѣтъ на всевозможные вопросы. — Какой сюжетъ въ самой Драмѣ? — *Фантастическій!* — Откуда заимствованы ваши дѣйствующія лица? — *Фантастическія!* — Да что у васъ за развязка? — *Фантастическая!* — Да полно, Драма ли ваша Драма? — Помилуйте, да это Драма *Фантастическая!* Ясно!

Въ Фантастической Драмѣ, «Мертвецъ,» дѣйствіе сначала происходитъ въ Шотландіи, потомъ въ адѣ. Сирь Арондель умеръ уже шесть сотъ лѣтъ назадъ, но до сихъ поръ душѣ его еще не удалось попасть никуда, ни въ адъ ни въ рай; для перваго она не довольно преступна, для втораго не довольно чиста. Что дѣлать! За неизмѣнимъ мѣста на томъ свѣтѣ, она бродитъ на этомъ, и отъ скуки дѣлаетъ множество шалостей! Родственникъ Аронделя, Сирь Робертъ, скряга и мерзавецъ, умираетъ, не выдавъ квитанціи мызнику своему, Стрени, который за нѣсколько минутъ до его смерти, принесъ ему оброкъ. Сирь Джонъ, наследникъ Роберта, влюбляется въ Сару, невѣсту Стрени, и, чтобы помѣшать ему жениться, требуетъ у него оброчныя денегъ. Бѣдный Стрени увѣряетъ, что онъ заплатилъ ихъ. *Принеси квитанцію!* отвѣчаетъ Сирь Джонъ. Съ помощію души Сира Аронделя, Стрени идетъ за квитанціею въ адъ, получаетъ ее, и, въ заключеніе спектакля, какъ водится, женится на своей любезной, а душа Аронделя, въ награду за доброе дѣло, получаетъ мѣсто. Эта Опера очень безтолкова: но кто же ищетъ толку въ Оперѣ? Были бы только разнообразныя положенія дѣйствующихъ лицъ, чтобы композиторъ могъ попеременно выразить всѣ страсти.

Музыка Г. Гомиса весьма замѣчательна; къ несчастію онъ слишкомъ заботился о томъ, что пишетъ Оперу фантастическую. Увертюра «Мертвеца» расположена точно такъ же, какъ увертюра Фрейшица, то есть, перерѣзана на нѣсколько частей, явственно между собою раздѣленныхъ. Въ первомъ актѣ Г. Гомису, въ талантѣ котораго преобладаютъ страсть и сила, дѣлать было почти нечего: это дѣйствіе слишкомъ похоже на комическую Оперу. Впрочемъ тутъ есть прекрасное тріо съ колокольчикомъ, и хоръ, расположенный футою. Второе дѣйствіе превосходно: тутъ есть что-то таинственное, ужасное, и это производитъ прекрасное впечатлѣніе. Въ адѣ осужденные пьютъ и поютъ, и заставляютъ пѣть и пить Стрени. Въ музыкѣ хора видно какое-то подземное, ужасное веселье, составляющее прекрасную противоположность съ непринужденною радостію Стрени. Хоръ оканчивается припѣвомъ *Три-ла-ла-ла*, который всѣ осужденные тянутъ

на одну ноту. Этотъ припѣвъ поразителенъ. Вообще въ мѣстахъ, гдѣ нужна страсть пылкая, тамъ онъ превосходитъ.

ИТАЛІАНСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ НЕАПОЛѢ. 30 Ноября была представлена на театрѣ Санъ-Карло Опера Паччини, подъ названіемъ «Ирина, или Осада Мессины». Нельзя вообразить себѣ энтузіазма, какой она произвела въ публикѣ, знатокахъ и артистахъ, особенно при второмъ представленіи. Новость и замысловатость мотивовъ, отличный вкусъ, твердое знаніе музыки, какая-то необыкновенная теплота и жизнь, общающае этому творенію Г. Паччини безсмертіе, — которое безъ-сомнѣнія не скоро кончится. Весь Неаполь гремитъ мотивами и аріями изъ «Ирины».

ПОЛЬЗА НЕИСТОВЫХЪ РОМАНОВЪ. Въ Gazette de Bologne, 7 Декабря, 1853, напечатано слѣдующее извѣстіе: Вчера, 6 числа, казнена здѣсь смертію Г-жа *** , молодая, прекрасная и остроумная женщина, принадлежащая къ одному изъ лучшихъ домовъ нашего города (Болонья). Одаренная отъ Природы пылкою душою и огненнымъ воображеніемъ, она пристрастилась-было къ чтенію новыхъ Романовъ и драматическихъ произведеній нашего времени, исполненныхъ, какъ извѣстно, картинъ ужаса, порока, злодѣяній, и до такой степени привыкла къ мыслямъ объ удовольствіяхъ преступленія, что хладнокровно, отравила мышьякомъ, изъ ревности, двухъ прелестныхъ молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна была ея двоюродная сестра. Въ своей неопытности, въ своемъ добродушномъ довѣріи къ романтическимъ гениамъ, называющимъ себя живописцами дѣйствительности, она полагала, что, совершая злодѣяніе, не дѣлаетъ ничего необыкновеннаго; что всѣ такъ дѣлаютъ; что это въ порядкѣ вещей, и никто не долженъ обращать на то вниманія. Несчастный ея супругъ умеръ съ печали, съ отчаянія, за нѣсколько дней до ея казни. Онъ и все семейство, узнавъ о приговорѣ Уголовной Палаты и неизбежности постыдной кончины Г-жи *** , ходатайствовали въ Римѣ, у Папы, объ отпущеніи по крайней мѣрѣ духовнаго грѣха преступницы, но Его Святѣйшество отказалъ ей

и въ этомъ утѣшеніи, таинственномъ дарѣ святости и за-
логъ вѣчнаго спасенія, по поводу хладнокровно обдуман-
ныхъ обстоятельствъ злодѣянія, дѣлающихъ умыселъ ея
еще ненавистнѣйшимъ въ глазахъ Божества и общества.
Библіотека ея, заключающая въ себѣ полное собраніе тво-
реній новѣйшей школы, будетъ продаваться съ публичнаго
торга.

МЕМНОНОВЪ КОЛОСЪ. Въ первой книжкѣ Б. для Ч.
мы дали перечень мнѣній Г. Летронна о причинахъ древ-
ней звучности этого памятника. Г. Ивановъ, изъ Дерп-
та, сообщаетъ намъ теперь извѣстіе, заимствованное изъ
последнихъ номеровъ *Allgem. Literaturzeitung* минувшаго го-
да, объ изслѣдованіяхъ Г. Вилькинсона на-мѣстѣ по этому
предмету. Г. Вилькинсонъ долго былъ въ Египтѣ, часто
посѣщалъ Оивы, и недавно возвратился въ Англію съ
весьма богатыми археологическими приобрѣтеніями. Виль-
кинсонъ пытался рѣшить вопросъ, какимъ образомъ этотъ
колосьъ издавалъ звуки. Онъ внимательно осмотрѣлъ все
спнаружи, и ничего не открылъ. Наконецъ, при помощи со-
провождавшихъ его Арабовъ, удалось ему забраться внутрь
коLOSSа, имѣющаго, по его измѣренію, болѣе 60 футовъ
высоты. Въ брюшной полости онъ нашелъ пустоту, удоб-
ную для помѣщенія одного человѣка, и притомъ такъ, что
его ни откуда нельзя примѣтить. Въ этой пустотѣ висѣлъ
ствѣрный камень, отличный отъ самаго колосса. Онъ ударилъ
по немъ нѣсколько разъ и, — къ величайшему его удивле-
нію! — звуки были такъ сильны, что сопровождавшіе его
Арабы кричали: Ты бьешь по мѣди!

Извѣстно, что верхняя часть колосса разрушена Камби-
зомъ, и возобновлена по однимъ, Птоломеемъ, по другимъ
Адріаномъ. Открытая Вилькинсономъ пустота — въ той ча-
сти колосса, которая осталась невредимою отъ разрушенія:
слѣдовательно, нельзя приписать ея попыткамъ Грековъ
или Римлянъ возстановить прежній звукъ. Это прямо от-
носится къ плутовству жрецовъ, пользовавшихся всѣмъ для
усиленія своего вліянія на суевѣрный народъ.

МАСЛЯНИЦА. Она здѣсь! Она съ нами! Весна гордится цвѣтами апельсиновыхъ деревьевъ и благоуханіемъ розы; лѣто сладко засыпаетъ на желтоватомъ снѣгѣ; осень прячется подъ зелеными листьями винограда: три красныя эпохи берутся объ руку и, порхая, пляша, весело пробѣгаютъ мимо года, и онъ не знаетъ, за которую гнаться, которую ловить, — весну ли, лѣто ли, или бѣлокурую осень. Зима сидитъ одна. Она брюзгливо вырвалась изъ рукъ трехъ своихъ молодыхъ сестеръ; она сердита, она печальна: небо ничего не дало на ея долю, кромѣ горсти снѣгу. Посчастію, люди дали ей масляницу.

Масляница — розовый вѣнецъ, свадебный букетъ зимы! Вивать, рѣзвая, ненасытная, страстная, беззаботная, насмѣшливая масляница! Она прибѣгаетъ утѣшить зиму, когда зима уже замерзла, уныла; когда уже думала умереть со скуки и съ холоду. Послушайте, пріѣхала масляница! Слышите ли, воздухъ гремитъ звуками инструментовъ! Антоній говаривалъ, уходя съ пира: *боги уходятъ!* Мы скажемъ о себѣ; *масляница идетъ!* Она пришла; она здѣсь. Дрялая зима обвязала себѣ голову виноградною лозою: какъ она помолодела! Вотъ, уже прячетъ морщины свои подъ маскою; вотъ, переодѣвается прямою шутовкою. Впередъ! Огни блестятъ, мракъ рѣдѣетъ, ночь горитъ пожаромъ. Дни поселились въ жилища ночей; начинается большой праздникъ. Городъ укушенъ тарентулою, — онъ бѣситъ, онъ приходитъ въ изступленіе, — шумать, веселятся, пляшутъ! — дѣла забыты, отложены до завтра, — смѣйтесь, ружитесь, шалите! — кто спрашиваетъ о дѣлахъ?... Масляница!

Кто выдумалъ масляницу? — ужъ вѣрно не тотъ, кто Граматику! Я желаю писать Исторію масляницы, — она слишкомъ длинна: прійдется написать Исторію всѣхъ словѣческихъ глуостей. Она вѣроятно родилась на Сѣвѣ; она дочь мороза. Человѣкъ увидѣлъ ее прячущую и за сугробомъ снѣга; законодатель призвалъ ее въ помощь человѣку въ самое суровое и печальное время года. декабрь, Январь, Февраль, — какіе мѣсяцы! Снѣгъ валится,

вѣтеръ дуетъ, похороны тянутся одни за другими. Спливъ царствуетъ со всею силою, и самоубійство измѣнически гдѣ-нибудь зашло въ туманѣ. Какъ разсѣять общее уныніе? Призвали масляницу, — и она явилась съ жирными, румяными щеками, съ коварнымъ глазомъ, съ обнаженною грудью, не съ улыбкою на устахъ, но съ хохотомъ. Она заставила человѣка забыть о зимѣ, разогрѣла застылую кровь въ его жилахъ, схватила его за руки, и пустилась танцовать съ нимъ до обморока. По ея приказанію, потоки блеска свѣчей разбиваютъ мракъ, уносятъ его на своихъ волнахъ; земля озарилась, печаль потоплена пѣнящимся виномъ, молчаніе уступило мѣсто свое пѣсни, честной и доброй дѣвушкѣ, которая обхватила толстую руку масляницы, и держитъ ее съ удовольствіемъ. Затянемте пѣсенку?..... Ура!!..... Очень весело! Не хочу писать Исторіи.

Лучше буду забавляться этимологіею. Корнесловіе гораздо забавнѣе. Отъ чего происходитъ слово *масляница*?.... Ну, кто можетъ знать! Я думаю, *масляница* происходитъ отъ *блиновъ*. Подушимъ немножко буквы *масляницы*: пѣть сомнѣнія, сама она завязжить, что она урожденная *блинъ*. Слѣдственно, и это доказано: пойдемъ въ маскарадъ! — J. Janin.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. *Желатина.* Г. Ганналь въ продолженіе 70 дней дѣлалъ опыты *желатиною* надъ самимъ собою, и убѣдился, что она совсѣмъ не имѣетъ питательныхъ качествъ, — разумѣя это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно, когда говорятъ о веществахъ, употребляемыхъ въ пищу человѣкомъ или животными. Чтобы доказать это положеніе, Г. Ганналь предложилъ приверженцамъ противнаго мнѣнія, осудить себя вмѣстѣ съ нимъ питаться нѣсколько времени одною желатиною, чтобы наконецъ рѣшить этотъ важный вопросъ. Но изъ академикомъ не нашлось ни одного охотника поститься.

— *Электрическія теченія въ человѣкѣ.* Опытъ одного трудолюбиваго испытателя Природы о химическихъ свойствахъ испареній тѣла и о существованіи постоянныхъ электрическихъ теченій въ человѣкѣ и другихъ органическихъ

существовъ. Относительно къ последнему вопросу, авторъ вывелъ изъ своихъ изысканій слѣдующій весьма замѣчательный результатъ. Кислотная внутренняя плева и щелочная наружная плева человеческого тѣла составляютъ какъ бы два полюса столба, котораго электрическія дѣйствія заметны на гальванометрѣ. Такимъ образомъ, ежели одинъ изъ проводниковъ этого инструмента будетъ приведенъ въ сообщеніе съ слизистою плевою во рту, а другой въ соприкосновеніе съ кожей, магнитная стрѣлка начнетъ уклоняться на 15, 20 и даже 30 градусовъ, смотря по чувствительности гальванометра, и направленіе ея показываетъ, что плева слизистая или щелочная принимаетъ электричество отрицательное, а плева нажная, кислотная, электричество положительное.

Независимо отъ этихъ двухъ большихъ поверхностей, представляющихъ противоположное химическое состояніе, въ тѣлѣ животнаго существуютъ другіе органы, изъ которыхъ одни можно назвать кислотными, другіе щелочными, и которые являютъ тотъ же результатъ: напримѣръ, между желудкомъ и печенью всѣхъ животныхъ существуютъ весьма сильныя электрическія теченія.

Авторъ убѣдился въ существованіи тѣхъ же самыхъ электрическихъ явленій въ растеніяхъ. Для этого онъ помѣщалъ одинъ полюсъ гальванометра въ центрѣ стебля, а другой подѣ кожу: эти явленія всего замѣчательнѣе и явственнѣе въ плодахъ. Плодъ можетъ быть почитаемъ за гальваническій столбъ; сторона, прилежащая къ хвостику, въ пророслыхъ, каковы напримѣръ яблоко и груша, являетъ электричество отрицательное, а противная сторона, то есть, сторона глазка, электричество положительное; въ плодахъ свободныхъ, какъ напримѣръ въ персикѣ и сливѣ, напротивъ. Во всякомъ случаѣ электричество всего сильнѣе обнаруживается въ этихъ двухъ пунктахъ. Дѣйствіе электричества не столь сильно, если проводники гальванометра погрузить въ два какія нибудь другія мѣста; она совершенно прекращается, когда проводники прикасаются къ обоимъ бокамъ плода, въ равномъ разстояніи отъ центра и перпендикулярно къ площади, проходящей чрезъ глазокъ и ножку, *rédoncule*. Электрическія теченія въ растеніяхъ не могутъ про-

исходить отъ щелочнаго или кислотнаго состоянія разныхъ частей ихъ; какъ у животныхъ, потому, что сокъ плодовъ вездѣ болѣе или менѣе кислотенъ; но, по превосходнымъ опытамъ Г-на Біо, видно, что соки, проходящіе сквозь стебель въ какомъ-либо мѣстѣ плода, измѣняются; поэтому разность электрическихъ явленій въ двухъ концахъ плода надобно, можетъ-быть, приписывать разности въ химическомъ составѣ сока.

— Вотъ новыя изслѣдованія Г. Мажанди. *Стукъ въ сердце*. Сердце, центральный органъ обращенія крови, производитъ, какъ извѣстно, нѣкотораго рода шумъ или стукъ, который называется биеніемъ сердца. Въ обыкновенномъ состояніи здоровья, этотъ стукъ чувствителенъ только тогда, когда приложишь ухо къ груди; но въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, онъ дѣлается столь сильнымъ, что бываетъ слышенъ въ извѣстномъ разстояніи отъ тела.

Нельзя сказать, чтобы стукъ сердца былъ невѣстенъ физиологамъ, но они доселѣ пренебрегали имъ; нынѣ онъ возбуждаетъ сильное вниманіе тѣмъ болѣе, что опредѣленіе этого звука въ мельчайшихъ его отгѣнкахъ сдѣлалось однимъ изъ необходимѣйшихъ пособій труднаго искусства, Диагностики. Леннекъ первый изучалъ этотъ стукъ, и съ точностію, описалъ его. Онъ первый показалъ намъ, что въ привычномъ спокойномъ обращеніи крови, сердце при каждомъ своемъ биеніи издаетъ два звука, послѣдовательные, но весьма раздѣльные, которые, по различнымъ своимъ физическимъ качествамъ, названы одинъ *глухимъ стукомъ*, другой *стукомъ яснымъ*. Леннекъ не ограничился описаніемъ стука, производимаго сердцемъ въ здоровомъ состояніи: онъ означилъ многія другія явленія этого рода, принадлежащія къ болѣзненному состоянію. Многочисленныя его замѣчанія по этому предмету, большею частію подтвержденныя опытомъ, заслужили одобреніе всѣхъ просвѣщенныхъ практиковъ, и создали новую отрасль Семіологіи. Совѣтъ другое было съ идеями этого врача о механизмѣ образованія этихъ звуковъ; онъ сдѣлался предметомъ жаркаго спора, который и теперь еще продолжается, — это доказываетъ, что

предметъ еще не достаточно изслѣдованъ. Г. Мажанди находитъ, что стукъ сердца можетъ быть объясненъ простымъ и точнымъ способомъ, и онъ старается доказать это въ запискѣ. Не приводя еще фактовъ и опытовъ, на которыхъ основывается его теорія, знаменитый физиологъ излагаетъ гипотезы, придуманныя разными писателями: такъ, на примѣръ, Леннекъ приписываетъ стукъ сердца сотрясенію, производимому сжатіемъ мускульныхъ фибръ самаго сердца. Если бы это объясненіе было справедливо, оно составляло бы весьма важное открытіе въ животной Физикѣ; внезапный короткій стукъ, произведенный сжатіемъ мускула, былъ бы явленіемъ совершенно новымъ въ Науку.

Одинъ Англійскій Ученый, Докторъ Гопъ, который во время продолжительнаго пребыванія своего въ Парижѣ, познакомился съ употребленіемъ стетоскопа, первый нанесъ сильный ударъ теоріи Леннека: онъ понялъ, что, для постиженія настоящей причины стука сердца, надобно не подражать своимъ предшественникамъ, и сначала произвести опыты, а потомъ уже разсуждать и вывести заключеніе. Изысканія, произведенныя имъ съ величайшимъ стараніемъ при пособіи отличнѣйшихъ Лондонскихъ врачей и анатомистовъ, позволили ему заключить, опираясь на опыты: 1-е, что сжатіе ушковъ предшествуетъ первому стуку сердца; 2-е, что это сжатіе не сопровождается никакимъ звукомъ; 3-е, наконецъ, что второй стукъ сердца одновремененъ съ расширеніемъ желудковъ этого органа. Если бы Докторъ Гопъ продолжалъ идти по пути, по которому шелъ сначала съ такимъ успѣхомъ, онъ, безъ сомнѣнія, легко открылъ бы, какимъ образомъ производится стукъ сердца; къ несчастію онъ оставилъ экспериментальную методу, и началъ выдумывать, вмѣсто того, чтобы наблюдать.

Вотъ какимъ образомъ объясняетъ онъ механизмъ перваго стука сердца, или другими словами того, который сопровождаетъ сжатіе сердечныхъ желудковъ.

«Когда желудки сжимаются, говоритъ Г. Гопъ, частицы жидкости, находящіяся въ соприкосновеніи съ ними, получаютъ толчокъ, который сообщается отъ одной частицы другой, и порождаетъ звукъ.» Второй стукъ, или тотъ, который соответствуетъ расширенію желудковъ, произво-

дятся, по словамъ Г. Гона, механизмомъ простѣйшимъ, и слѣдственно болѣе однообразнымъ въ свои свойства. «Когда происходитъ расширеніе желудковъ, кровь, приводимая въ движеніе по причинамъ, которыя извѣстны физиологамъ, переходитъ внезапно изъ ушковъ въ желудки, ударяется въ ихъ стѣнки, и противодѣйствіе послѣднихъ на частицы крови, вдругъ остановленные въ ихъ движеніи границами расширенія, есть причина короткаго и яснаго звука.» Изложивъ эти различныя теоріи, Г. Мажанди переходитъ къ опытамъ, произведеннымъ имъ самимъ для опредѣленія истинной причины стука сердца. Прежде всего надлежало разрѣшить важный вопросъ: гдѣ происходятъ эти звуки, — въ самомъ-ли сердцѣ, какъ полагали всѣ врачи, отыскивавшіе причину этого явленія, — или оно имѣетъ какое другое происхожденіе? Всякому извѣстно, что сердце, вынутое изъ животнаго только-что убитаго, продолжаетъ попеременно сжиматься и разжиматься, и съ такою силою, что если сжать сердце руками, то онѣ поднимаются при каждомъ его движеніи, не будучи въ состояніи противиться этой силѣ. Между-тѣмъ сердце, подвергнутое такимъ образомъ самому внимательному наблюденію, не издаетъ ни какого звука, подобнаго стуку, производимому сердцемъ живаго животнаго. Но при этомъ опытѣ сердце пусто, или, лучше сказать, одинъ воздухъ наполняетъ пустоту его въ минуту діастола, или расширенія, и выгоняется изъ нея въ минуту систола, или сжиманія; и если бы звуки зависѣли отъ движенія, сообщаемого крови стѣнками желудковъ, то это бы ничего не доказывало. Этого мало: сердце удалено отъ эластическихъ стѣнокъ, его окружающихъ; посему, при производствѣ этого опыта, обстоятельства менѣе благоприятствуютъ образованію звука, чѣмъ когда сердце заключено въ груди животнаго. Чтобы уничтожить это возраженіе, Г. Мажанди долженъ былъ прислушиваться къ сердцу, обнаженному въ живомъ животномъ и содержащему еще своимъ сжиманіемъ и расширеніемъ обращеніе крови.

Мы не станемъ слѣдовать за Г-мъ Мажанди во всѣхъ его опытахъ; скажемъ только, что онъ объясняетъ себѣ стукъ сердца механизмомъ весьма простымъ и сообразнымъ съ зако-

нями Акустики. Онъ думаетъ, что стукъ сердца надобно приписывать ударенію его о стѣнки груди. И дѣйствительно, при каждомъ сжиманіи сердце перемѣняетъ свое мѣсто, подвигается впередъ и ударяется своею оконечностію въ заднюю часть грудины. Этотъ ударъ о звонкое тѣло производитъ первый стукъ сердца; второй происходитъ отъ ударенія задней стороны праваго сердечнаго желудка въ тѣ же части груди. Чтобы уничтожить стукъ сердца, надобно только какимъ-нибудь образомъ уничтожить это удареніе, или отнявъ заднюю часть груди, или удаливъ отъ нея сердце.

— *Обращеніе соковъ въ растеніяхъ.* Последнія наблюденія Г. Біо заслуживаютъ особенное вниманіе. Посредствомъ весьма простаго прибора, Г. Біо не только удостоверился въ существованіи двухъ жидкостей, изъ которыхъ одна восходитъ, другая нисходитъ въ вѣтвяхъ деревъ, но и получилъ каждую изъ этихъ жидкостей отдѣльно безо всякой примѣси. Г. Біо изслѣдовалъ свойства жидкостей, и замѣтилъ, что жидкость, нисходящая изъ верхнихъ частей дерева, всегда слаще и гуще восходящей жидкости, извлеченной изъ того же мѣста въ деревъ. Онъ не говоритъ, какая часть дерева служитъ проводникомъ этимъ жидкостямъ: восходитъ ли одна изъ нихъ въ центръ, а другая нисходитъ по окружности, или же обратно; или въ каждой части вѣтви дерева есть сосуды двухъ родовъ для этихъ двухъ разныхъ жидкостей. Можно также не соглашаться съ Г. Біо въ причинахъ, которымъ приписываетъ онъ большую или меньшую дѣятельность этого рода обращенія; быть-можетъ, что холодъ дѣйствуетъ при этомъ не только механически, но и производитъ, если можно такъ сказать, болѣе жизненное дѣйствіе. Какъ бы то ни было, по явленіе, замѣченное Г-мъ Біо, и инструментъ, которымъ онъ извлекаетъ сокъ, весьма любопытны и занимательны для Науки.

— *Вліяніе электричества на растительность.* Г. Беккерель, занимающійся опредѣленіемъ этого предмета, до окончанія труда своего, сообщилъ одинъ отдѣльный, но чрезвычайно любопытный фактъ. Г. Беккерель положилъ четыре совершенно одинаковыя луковицы въ сосудъ, наполненный водою съ тысячною частію морской соли. Двѣ изъ этихъ

луковицъ оставлены были при обыкновенныхъ условіяхъ ; третья приведена въ сообщеніе съ положительнымъ полюсомъ весьма слабого гальваническаго столба , четвертая съ отрицательнымъ полюсомъ. Первыя двѣ луковицы еще мало развились , третья тоже , между-тѣмъ , какъ четвертая скоро начнетъ цвѣсть. По-этому кажется , что отрицательный полюсъ всего болѣе способствуетъ растительности. Надобно замѣтить , что это тотъ же самый полюсъ , при которомъ образуется щелочь.

НОВОЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНІЕ. Юпитеръ , самая значительная планета солнечной системы , сопровождаемая четырьмя спутниками , или лунами , и которой годъ равенъ почти двѣнадцати нашимъ годамъ , по общепринятому измѣренію Лапласа считался , поверхностью своею , въ 150 разъ , а кубическою толщею въ 1474 разъ больше нашей Земли. Нынѣ находимъ мы въ Астрономическихъ Эфемеридахъ Г. Вайта на текущій годъ (White's Ephemeris for 1834) , что Профессоръ Эри (Airy) , наблюдая отстояніе четвертаго Юпитерова спутника , успѣлъ опредѣлить величину этой планеты съ болѣею точностію , и нашелъ измѣреніе Лапласово ошибочнымъ. Юпитеръ гораздо меньше , нежели какъ думали. Поверхность его превосходитъ только 322 до 323 разъ поверхность Земли , а кубическая его толща заключаетъ въ себѣ не болѣе 1048⁰⁰/₁₀₀ земныхъ толщъ , — открытіе , чрезвычайно важное для Астрономіи!

МОРСКІЯ ЯВЛЕНІЯ. Въ Англійскомъ Журналѣ New Monthly - Magazine напечатано было въ теченіе прошлаго года нѣсколько отрывковъ изъ морскихъ записокъ Томъ Крингля , которыя теперь вышли въ Лондонѣ особою книгою , подъ заглавіемъ «Воспоминанія морскаго офицера:» Прелестное это сочиненіе приписываютъ известному Англійскому поэту , Вильсону. Мы приведемъ изъ него описаніе нѣсколькихъ примѣчательныхъ морскихъ явленій.

1.

То было на разсвѣтъ. Я стоялъ на вахтѣ.

—Бурунь! бурунь! закричалъ караульный матросъ на мачтѣ.

— Бурунь? повторилъ Лейтенантъ Сплинтеръ съ удивленіемъ: быть не можетъ! Ты съ ума сошелъ, Дженкинсъ!

— Бурунь подь носомъ! Мы сейчасъ найдемъ на него! вскричалъ боцманъ.

Лейтенантъ Сплинтеръ клялся небомъ и чортомъ, что эти люди бредятъ; но между-тѣмъ бросился на бакъ, и я побѣжалъ за нимъ. Тутъ мы увидѣли большіе, опѣненные, вертящіеся валы, которые били въ носъ нашего корабля.

— Что за чортъ! откуда жъ это? вскричалъ Лейтенантъ. Во всей этой части океана нѣтъ подводныхъ камней!

Между-тѣмъ кипѣніе воды распространялось вокругъ, туазовъ на сто въ діаметръ, словно какъ будто какія внутренніе потрясенія колебали море. Водяной холмъ шелъ передъ нами и все раздувался, по мѣрѣ движенія, съ какимъ-то страннымъ шумомъ и кипѣніемъ. Мало-по-малу онъ принялъ видъ огромной колонны, которая поднималась надъ водяной горою, вертясь, свистя, и все вытягиваясь, и почти касаясь верхушкою до облаковъ. То было зрѣлище удивительное и великолѣпное. Лучи солнца окрасили этотъ длинный кристалльный столбъ, и цвѣта радуги, соединявшіеся въ немъ какъ въ призмѣ, освѣщали вершину его яркимъ блескомъ, а основаніе было какъ бы черный цоколь, стоящій на снѣгу.

— Это тромба! тромба! вскричали въ одно время офицеры и матросы.

— Готова ли носовая пушка?

— Да, Капитанъ!

— Заряжена?

— Заряжена!

— Придержись къ вѣтру..... Хорошо! Паля!

Ядро перерезало столбъ въ самомъ его основаніи: онъ вздрогнулъ, зашатался, и потомъ вдругъ обрушился, какъ огромная лавина, и чрезъ нѣсколько минутъ не видно уже было ни малѣйшихъ слѣдовъ этого необыкновеннаго явленія.

2.

Мы шли въ Ямайку; офицеры сидѣли еще за столомъ, пили, пѣли и смѣялись; четыре уже дня мы, благопріятствуемые вѣтромъ, бѣжали отъ Бермудскихъ Острововъ;

вечеръ уже спустился; море шипѣло, шумѣло, пѣнилось. Вѣтеръ свѣжалъ, валы росли, воздухъ становился сырѣе, и отдаленный шумъ стихій былъ для насъ пророческимъ предвѣстиемъ бури. Мы объ этомъ и не заботились: пѣсни и хохотъ не прекращались.

Вдругъ плывшая голова штурмана, какъ злобщее фантастическое привидѣнiе, просунулась въ отверстiе непритворенной двери.

— Извините, Лейтенантъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Г. Сплинтеру.

— Что тебѣ, Кенпеди?

— Да вотъ что, Лейтенантъ! отвѣчалъ старикъ, покачивая головою: я слышу шумъ близкаго паруса, который скользитъ по водѣ, но я ничего не вижу, и, кромѣ Г. Крингля врядъ-ли кто что разсмотреть въ такую темную ночь.

Ну, братъ Томъ! подумалъ я: принимайся-ка за работу. Встать изъ за стола, чтобъ звать на звѣзды, хорошо для влюбленнаго, а для голоднаго.....!

— Г. Крингль могъ бы постоять на палубѣ, пока мѣсяцъ взойдетъ; онъ скоро появится, и тогда дѣло кончено.

— Подите туда, любезный Томъ! сказалъ Лейтенантъ.

Погода была дурная: я надѣлъ старую куртку, покрылъ голову бобровою шапкою, рѣшившись защититься по возможности отъ сырости, и отправился на несносную свою вахту. Дождь съѣлъ мнѣ лице, пробивалъ платье; волны, разбиваясь о корабль, покрывали меня пѣною; удивительная фосфорность увеличивала прозрачность воды, которая все болѣе и болѣе бушевала. Утомившись продолжительнымъ напряженiемъ, зрѣнiе мое ослабѣвало; я отворотился, и закрылъ на минуту рукою глаза, чтобы освѣжить ихъ. Открывъ глаза снова, я увидѣлъ передъ собою самое странное привидѣнiе, какое когда либо являлось человѣку несуетврному: то была блѣдная, длинная фигура стараго Кенпеди, которая казалась еще блѣднѣе и страшнѣе отъ голубоватаго, мелькающаго, фосфорическаго свѣта, который игралъ тогда на лицѣ его. Я вздрогнулъ.

— Что съ тобой, Кенпеди? Отъ чего это лице твое какъ-будто освѣщено чѣмъ-то голубоватымъ?

— Я человекъ научный, Г. Крингль; но не думаю, никакъ не думаю, чтобы ваши книги объяснили вамъ это чудо. Нужды нѣтъ! глядите только себя, а тамъ что будетъ, то будетъ.

Пораженный удивленіемъ и — признаться сказать — страхомъ, я приподнялъ глаза, и увидѣлъ на концѣ бизань-мачты метеорическое пламя, издававшее слабый, голубоватый и мерцающій свѣтъ. Я читалъ описанія этого феномена, часто слышалъ о немъ, но никогда не видалъ его; и хотя ученіе и разсудокъ должны бы были успокоить меня, но это неожиданное зрѣлище оледенило мое мужество.

Въ самомъ дѣлѣ было нѣчто таинственное, сверхъ-естественное въ этой шарообразной, свѣтлой массѣ, которая явилась посреди глубочайшей темноты, слѣдовала за качаніемъ корабля, подвигалась то взадъ, то впередъ, сохраняя однако жъ свою форму и разливая на экипажъ какой-то гробовой свѣтъ, отъ котораго мы всѣ казались какъ бы привидѣніями.

Центръ этого свѣтящаго шара сіялъ блескомъ, болѣе сильнымъ и яркимъ, а окружность его постепенно помрачалась такъ, что наконецъ лишилась послѣдняго своего свѣта, и смѣшалась съ темнотою окружающихъ его предметовъ.

Всѣ выбѣжали на декъ, чтобы видѣть этотъ странный феноменъ, и мы разсматривали его съ боязнію, отъ которой и самые смѣлые не могли защититься, какъ это надводное пламя стало медленно опускаться и остановилось на декъ-транцѣ, о который опирался боцманъ. Вдругъ, въ эту минуту всеобщаго онѣмѣнія, что-то живое, холодное, мохнатое, спустилось внизъ по бизань-мачтѣ и схватило меня за горло..... Я ничего не видѣлъ; могильный свѣтъ еще блестя. Неодолимый страхъ овладѣлъ мною; я покатился на декъ и чуть было не свалился въ море.

— Боже мой! Что это такое? вскричалъ я.

При этомъ крикѣ матросы прибѣжали, и холодныя руки перестали душить меня.

— Э! это Жако, проклятая большая обезьяна, которую Капитанъ такъ любитъ, сказалъ Лейтенантъ.

Посмотрите! она точно геній этого туманнаго пламени.

Я отдохнулъ тогда, приподнявъ глаза и, увидѣвъ обезьяну; она опять вскарабкалась на мачту, и, сѣдя тамъ, кривлялась и жестировала такъ, что дѣйствительно походила на какого-нибудь фантастическаго и злобнаго генія.

Между-тѣмъ какая-то масса, сѣрватая и величественная, принесенная вѣтромъ, захватила свѣтящій шаръ, принудила его оставить наши снасти и унесла съ собою. Я последовалъ за ней глазами, погружая во мракъ пронизательные мои взоры. Я видѣлъ, что метеоръ снова носится въ воздухъ, съ тѣмъ же волненіемъ, мерцаніемъ и неподвижною колеблемостію, какъ и на вершинѣ нашей мачты. Внезапная мысль блеснула въ умъ моемъ. Я сталъ всматриваться, и форма туманной массы, которую мы уже видѣли, разсвѣла всѣ мои сомнѣнія.

— Корабль! неприятельскій корабль подъ вѣтромъ! вскричалъ я изо всѣхъ силъ.

На корабль поднялась суматоха.

3.

Ночь снова стемнѣла, стало мрачно, и погода сдѣлалась бурною. Мы продолжали путь свой.

— Видишь ли ты этотъ валъ, штурманъ?

— Чортъ возьми, вижу!

— Увернись! Береги корму!

Вдругъ эта огромная, катящаяся гора обрушилась на корму, проникла въ корабль, увлекая, опрокидывая одно на другое, людей, животныхъ, весла, снасти, канаты и курячьи клѣтки. Наводненный корабль нашъ, казалось, готовъ былъ тонуть, декъ покрылся бѣлою пѣною, валъ ушелъ, и со всѣхъ нашихъ нижнихъ парусовъ и снастей текла вода.

Въ этомъ хаосѣ, и я, подобно прочимъ, былъ опрокинутъ: я всталъ съ подбитымъ и распухшимъ глазомъ.

Между-тѣмъ шлюпка и боты, увлеченные валомъ, были внѣ корабля; они качались и стучались по бокамъ и сзади корабля, какъ-будто хотѣли представить морское сраженіе. Нѣсколько овецъ, сброшенныхъ въ волны, жалобно блѣяли; крики этихъ животныхъ, смѣшиваясь со стономъ волнъ и урагана, поражали слухъ нашъ однообразнымъ и зловѣщимъ шумомъ.

— Знаешь ли ты, что говорятъ намъ эти бѣдныя овцы? сказалъ штурманъ одному матросу.

Матросъ, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Не видать вамъ больше бараньихъ котлетъ! Не такъ ли, штурманъ?

Во время этихъ шутокъ, столь естественныхъ и обыкновенныхъ у моряковъ, море воздымалось, и мы заперли всѣ порты, приготовили насосы, работали непрерывно; всѣ руки были въ дѣлѣ; ведра наполнялись и опоражнивались съ удивительною быстротою, и вода, наполнившая трюмъ, уменьшалась весьма медленно. Опасность была велика, но мы такъ надвѣялись на доброту нашего корабля, что работали мужественно и весело. Вдругъ, въ Природѣ произошла перемѣна, внезапная и ужасная: море и небо погрузились въ глубокой мракъ, и самые смѣлые изъ насъ затрепетали, увидѣвъ угрожающую намъ опасность. Ночь вдругъ замѣнила свѣтающій день; океанъ, недвижимый какъ смерть, принялъ черный цвѣтъ чернилъ; одна только оконечность небосклона казалась въ волненіи; вѣтеръ упалъ, и вмѣсто его наступила ужасная тишь; тучи, собираясь, скопляясь, непрерывно увеличиваясь, спустились, наполнили своими массами все мрачное небо, и оперлись на наши мачты, какъ бы для того, чтобъ поглотить корабль. Между-тѣмъ дождь еще не шелъ; тучи были спокойны, какъ будто геній бури, во время этого зловѣщаго молчанія, собирався съ силами, чтобы рѣшительнѣе начать борьбу. Ни одна капля дождя не освѣжала атмосферы; ни малѣйшій шорохъ не нарушалъ этой роковой неподвижности. Природа, стихій, все было молчаливо, безмолвно, неподвижно. О! это ожиданіе бури казалось намъ несравненно страшнѣе самой бури! Какъ ни ужасна молнія, вдругъ зажигающая небо посреди глубочайшей темноты, или роковой рокотъ грома; но въ молніи, которая зажигается и погасаетъ, въ громѣ, который грохочетъ и умолкаетъ, есть по крайней мѣрѣ жизнь, а это молчаніе, эта неподвижность — смерть. Море казалось черною, сплошною поверхностію; небо гробовымъ сводомъ, а вѣтры даже не дышали.

— Томъ! сказалъ мнѣ Сплиндеръ: госпожа Природа похожа на разбойниковъ: готовясь начать дѣло разрушенія,

она будто не рѣшается, и останавливается, какъ они передъ преступленіемъ.»

Малѣйшія наши движенія производили шумъ въ этомъ мертвомъ молчаніи; шаги наши страннымъ образомъ раздавались; голосъ командовавшаго, голосъ, повторявшій команду, казались погребальнымъ пѣніемъ, оглашающимъ ничтожество, и мы могли бы подумать, что перенесены за предѣлы вѣковъ, за предѣлы жизни, если бы трепещущія сердца наши не пробуждали въ насъ чувства существованія.

— Посмотрите, Капитанъ! сказалъ Лейтенантъ Тринель, показывая на одно мѣсто на небѣ.

Мы все вдругъ обратили глаза къ этому мѣсту. На концѣ горизонта блѣватая линія раздѣляла на двое черный сводъ тучъ, разстилавшійся надъ нашими головами. Эта линія расширилась, и вдругъ увеличилась; густой туманъ ослѣпилъ насъ; послышался отдаленный гулъ, и рѣдкія крупныя капли дождя, падая то на наши лица, то на декъ, показали намъ, что гроза наконецъ началась. Тутъ раздался голоса бури; громъ покотился съ ужаснымъ трескомъ; тучи задвигались, заходили, какъ-будто вытолкнутыя изъ мѣсть своихъ, разорванныя невидимою силою, — и волны пѣнистыя, огромныя, поднялись со всѣхъ сторонъ. Вершины этихъ волнъ, отрываемыя, уносимыя вѣтромъ, — который, пробѣгая по нимъ, гналъ, увлекалъ ихъ, — сглаживались подъ этою ужасною силою: словно огромная, чугузная борона сравнивала эти глубокія борозды, и дѣлала гладкую, пѣнистую равнину изъ неровной, волнующейся поверхности океана. Снасти, желѣзныя скрѣпы наши, ломались какъ паутина, или гнулись какъ прутья олова. Канаты, веревки, уступали силѣ вѣтра, рвались и улетали. Мачты ужасно трещали, переломились какъ сухой тростникъ, и, упавъ въ море, оставили корабль нашъ безъ защиты отъ прихотей бури. Посреди ужаснаго несчастія не возможно было употребить ни какихъ средствъ спасенія. Самый маленькій парусъ былъ бы тотчасъ изорванъ. Корабль нашъ не слушался, и следовалъ волѣ волнъ и вѣтровъ. Все люди наши были заняты: работы было на всѣхъ; надобно было качать насосы, убирать разные обломки, держать руль, — работа трудная и утомительная, которая была свыше силъ большей части изъ

насъ. Эти заботы были для насъ важнѣе, чѣмъ направленіе хода корабля. Между-тѣмъ до тѣхъ поръ никто не терялъ мужества, каждый оставался на своемъ мѣстѣ, какъ вдругъ плотникъ, старый морякъ, мужественный, опытный и хладнокровный, вышелъ наверхъ. Лице его было блѣдно; съдысь, намоченные его волосы носились космами по вѣтру, и въ глазахъ его написано было отчаяніе. Не говоря ни слова, онъ пошелъ прямо къ Капитану, который велѣлъ привязать себя поясомъ къ кабану; подходя къ нему, онъ не могъ удержаться на ногахъ, и упалъ.

— Нѣтъ спасенія, Капитанъ! сказалъ онъ глухимъ голосомъ: нѣтъ спасенія! Вода насъ заливаетъ, остановить ее невозможно; мачта сильно ударилась о корму. Мы тонемъ!

4.

Еще одно явленіе: оно отнюдь не чародѣйское; всякой можетъ отгадать его причину, — но по сию пору никто не въ состояніи объяснить способа, какимъ оно происходитъ въ Природѣ. Мы заимствуемъ описаніе его изъ другого сочиненія, вышедшаго въ прошломъ году въ Англій. Капитанъ Овенъ, начальствовавшій надъ экспедиціею для обозрѣнія береговъ Африки, рассказываетъ слѣдующій удивительный случай съ двумя военными кораблями, — *Ливенъ*, на которомъ самъ онъ находился, и *Барракутою*, который былъ подъ его командою, но плавалъ отдѣльно (Narrative of voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar. By Captain W. F. W. Owen. 1833). Г. Овенъ находился съ своимъ кораблемъ поблизости Портъ-Денджера, на обратномъ пути къ Мысу Доброй-Надежды, какъ ввечеру, 6 Апрѣля 1832, увидѣли они Барракуту на разстояніи не далѣе двухъ морскихъ миль, или трехъ верстъ. Онъ и всѣ его подчиненные узнали своего спутника по особенному виду, по украшеніямъ и другимъ подробностямъ этого корабля: никто не могъ сомнѣваться въ подлинности его появленія, потому, что даже видны были на палубѣ Барракуты, лица знакомыхъ имъ особъ, которыя съ любопытствомъ смотрѣли на ихъ корабль. «Мы крайне дивились, говоритъ авторъ, почему они не подають намъ знаковъ, и не стараются соединиться съ нами, тогда, какъ имъ

было назначено сойтись съ нашимъ кораблемъ въ гавани Сеймонсъ-Бе, къ которой мы приближались: они, напротивъ, держали путь въ другую сторону.» Капитанъ Овенъ не обратилъ на это большаго вниманія, и продолжалъ плыть къ гавани. При закатѣ солнца они примѣтили, что Барракута спустила шлюпку на воду, для подобранія матроса, упавшаго въ море. Ночью не примѣчали они ни какихъ огней въ той сторонѣ, и потеряли сосѣда изъ виду. На слѣдующее утро, Барракуты уже не было на горизонтѣ: они вошли въ гавань, и цѣлую недѣлю съ нетерпѣніемъ ожидали ея прибытія. По справкѣ съ путевыми журналами оказалось, что въ то время, когда они такъ хорошо видѣли Барракуту, она находилась отъ нихъ въ разстояніи слишкомъ трехъ сотъ миль (около 500 верстъ). У мореходцевъ подобное явленіе называется *корабль-призракъ*, *phantom-ship*, и авторъ приписываетъ его особенному роду отраженія солнечныхъ лучей. Что свѣтъ играетъ здѣсь первую, можетъ-быть, единственную роль, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому, что на разстояніи пяти сотъ верстъ, за выпуклостью дуги Земнаго Шара, корабль долженствовалъ бы имѣть около двадцати верстъ вышины, чтобъ можно было завидѣть только верхушку его мачты, и самой верхушкѣ еще слѣдовало бѣ быть толщиною съ гору. Но по какому процессу происходитъ это невѣроятное отраженіе, такъ отчетливо сближающее съ нами предметъ, столь малый и столь отдаленный?..... За всеѣмъ тѣмъ, подлинность подобныхъ явленій не подлежитъ ни какому спору. Морскія летописи сохранили одинъ фактъ этого рода, еще труднѣйшій къ изъясненію. Старый сигнальщикъ гавани Св. Маврикія (Иль-де-Франсъ) имѣлъ даръ видѣть плывущіе къ ней корабли за день и за два до ихъ появленія, и съ точностью предсказывалъ ихъ прибытіе. Однажды, онъ объявилъ, что къ нимъ плыветъ корабль о *четырехъ* мачтахъ: это возбудило въ жителяхъ и мѣстномъ начальствѣ большое расположеніе къ веселости и насмѣшкамъ на счетъ пророческаго его дарованія. Спусти три дня, передъ гаванью дѣйствительно показался такой корабль, — тотъ самый, который и теперь отличается въ Англійскомъ флотѣ четырьмя своими мачтами. Когда старикъ открылъ его въ

морь, онъ былъ тогда по крайней мѣрѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ берега. Должно предполагать, что сигнальщикъ зналъ мѣсто, съ котораго это оптическое явленіе было видно глазамъ; но тогда, кромѣ лучей свѣта, еще свойства мѣстности участвовали бы въ образованіи призрака. Какія же именно?..... Почему отраженные лучи переносили образъ корабля только въ одно мѣсто, не разливаясь по всему берегу? И это мѣсто еще должно было заключаться въ одной, непримѣтной точкѣ: въ противномъ случаѣ, оно легко было бы открыто другими!

МАНУФАКТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АНГЛІИ, и ея вліяніе на промышленниковъ. Разсматривая необъятное развитіе богатства Великобританіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, невольно чувствуешь желаніе вникнуть въ начало того, что кажется чудеснымъ. Торговль ли, земледѣлю или мануфактурамъ обязана Англія своимъ богатствомъ? Всѣмъ тремъ промышленностямъ вмѣстѣ, скажутъ намъ. Но одна изъ нихъ, прибавимъ мы, участвовала въ этомъ болѣе обѣихъ другихъ, — именно: мануфактурная; она-то, создавая произведенія разнообразныя и полезныя, доставила Англійскимъ торговцамъ средства войти въ сношеніе со всеми народами Земнаго шара, и привлечь къ Англичанамъ на рынки товаръ, котораго они прежде не знали, и который сдѣлался для нихъ источникомъ новыхъ богатствъ. Однако жъ, есть ли какой-нибудь отъ этого непосредственный барышъ тѣмъ классамъ, которые творятъ такіа чудеса? — Вы увидите, что трудами пріобрѣтаютъ они бѣдность и униженіе!

Но что до этого себлюбивому вѣку! Народъ Великобританскій видѣлъ, что, въ пятьдесятъ лѣтъ, богатство его учетверилось, — чего же ему больше? Какъ начальникъ побѣдоноснаго войска не считаетъ заплатившихъ жизнь за побѣду, такъ Англійскій народъ ни во что не ставитъ несчастія, бѣдность, удручающія тѣхъ, которые, съ убійственной неутомимостью, безпрестанно трудятся, чтобъ увеличить благосостояніе массы. Мы покажемъ пожертвованія, которыхъ ежегодно стоятъ человечеству превосходство,

приобрѣтенное Англійскимъ народомъ въ мануфактурной промышленности.

Въ последнее пятидесятилѣтіе, направленіе работъ въ Англійи измѣнилось совершенно. Въ 1760 году, содержаніе земледѣльцевъ къ мануфактуристамъ было, какъ 6 къ 5; а въ 1830 году, содержаніе мануфактуристовъ къ земледѣльцамъ, какъ 2 къ 1. Да и не съ такого давняго времени, а въ какія нибудь двадцать лѣтъ, произошли большія перемѣны въ порядкѣ работъ. Вотъ вѣдомость, представляющая любопытные, въ этомъ отношеніи, выводы.

Число семей, занимавшихся въ Англійи.

| Десятилѣтія. | Мануфактурною промышленностью. | Земледѣльствъ. |
|--------------|-----------------------------------|----------------|
| 1811..... | 928,589. | 697,353 |
| 1821..... | 1,118,295. | 775,732. |
| 1831..... | 1.184,401. | 760,750. |

По показаніямъ Джона Маршала, съ 1821 по 1831 годъ населенность возрасла въ земледѣльческихъ округахъ одною двѣнадцатою, а въ мануфактурныхъ цѣлою четвертою, — индѣ и болѣе. Сравнимъ приращеніе населенности въ двухъ Графствахъ, принадлежащихъ обѣимъ этимъ промышленностямъ, Сравнительное приращеніе населенности Графства земледѣльческаго и Графства мануфактурнаго.

| Годы. | Норфолькъ. | Ланкастеръ. |
|-----------|-----------------------------------|---------------------------------|
| | (Гр. земледѣльческое) жителей. | (Гр. мануфактурное) жителей. |
| 1700..... | 210,000 | 166,200 |
| 1750..... | 215,000 | 297,400 |
| 1801..... | 273,371 | 672,731 |
| 1811..... | 291,999 | 828,309 |
| 1821..... | 344,368 | 1,052,859 |
| 1831..... | 390,000 | 1,335,800 |

Спору нѣтъ, что съ перваго взгляда этотъ выводъ обольстителенъ, и могъ бы доставить промышленности бездну защитниковъ, но изысканія наши на немъ не останутся: мы совершенно поднимемъ завѣсу, и, показавъ, какимъ причинамъ должно приписать это быстрое приращеніе мануфактурной населенности, обнаружимъ и пагубныя слѣдствія, происходящія для существованія ея отъ занятій, къ которымъ вынуждается она нищетою.

Въ слѣдствіе хозяйственныхъ способовъ, введенныхъ съ нѣкотораго времени и въ перевозку товаровъ и въ земледѣ-

ліе, множество поселянъ, оставшихся безъ работы, принуждены были искать убѣжища у фабрикантовъ, для которыхъ, впрочемъ, и нужно было ихъ присутствіе, при чрезвычайномъ расширеніи нашихъ мануфактуръ. Если къ этому прибавимъ, что отъ всегдашняго почти соприкосновенія обонихъ половъ въ мануфактурныхъ округахъ, плодovitость значительнѣе тамъ, нежели въ земледѣльческихъ, то получимъ удовлетворительное объясненіе этого чудеснаго возрастанія. Приписывать его тому, что обыватели мануфактурныхъ округовъ живучѣе, было бы совершенно ошибочно и противоположно всѣмъ выводамъ наблюдений и опыта, какъ видно изъ предлагаемой вѣдомости, составленной Слѣдственной Коммиссіей.

Средняя смертность въ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ Графствахъ Великобританіи.

| <i>Графства земледѣльскія.</i> | | <i>Графства мануфактурныя.</i> | |
|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|
| | Жители | | Жители |
| Глосстеръ, умираеть въ годъ | 1 изъ 64 | Честеръ | 1 изъ 55 |
| Герфордъ | 1 63 | Ланкастеръ | 1 55 |
| Монмутъ | 1 70 | Миддельсексъ | 1 47 |
| Суффолькъ | 1 67 | Стаффордширъ | 1 56 |
| Суссексъ | 1 72 | Ворвикширъ | 1 52 |
| Уйтсъ | 1 66 | Йоркширъ | 1 60 |
| Среднее число — 67. | | Среднее число — 53. | |

Но гибельное вліяніе мануфактуръ простирается не на однихъ взрослыхъ: онѣ пожираютъ и преждевременныя жертвы. Несчастныя дѣти, которыхъ бѣдность родителей заставляетъ работать на фабрикахъ, спозаранку находятъ въ нихъ сѣмена пагубныхъ началъ, долженствующихъ причинить имъ смерть въ незрѣлыхъ лѣтахъ. Вотъ выводъ изъ наблюдений, дѣланныхъ въ Манчестерѣ надъ семьюстами дѣтьми обоего пола, изъ которыхъ половина занималась на фабрикахъ.

Изъ 350 дѣтей, которыя не занимались на фабрикахъ, найдено:
 21 больныхъ.
 88 довольно здоровыхъ.
 241 совершенно здоровыхъ.

Изъ 350 дѣтей, которыя занимались на фабрикахъ, найдено:
 73 больныхъ.
 134 довольно здоровыхъ.
 143 совершенно здоровыхъ.

Если теперь, зная разность между смертностью въ мануфактурныхъ округахъ и въ земледѣльческихъ, прибавить, что мануфактурная населенность Англіи простирается до 6,000,000

душъ, то можно себя вообразить, чего стоитъ ежегодно этому классу поддержаніе успѣховъ ея промышленности. Медпцинскій Комитетъ, которому поручено было изслѣдовать состояніе мануфактурныхъ округовъ въ отношеніи къ здоровью, доказалъ существованіе пятидесяти недуговъ, сопряженныхъ съ разными вѣтвями промышленности, — недуговъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ другихъ сословіяхъ общества. Медицинскій Комитетъ полагаетъ, что болѣе 8,000 человекъ умираетъ ежегодно отъ надсады, отъ вредныхъ для здоровья жилищъ или вліянія предметовъ, надъ которыми они трудятся. Принявъ основаніемъ доказанную разность смертности между округами мануфактурными и земледѣльческими, то есть, разницу содержанія 53 къ 67, найдемъ, что Англія теряетъ въ годъ 840,000 душъ лишнѣ покойниковъ, чтобъ своими издѣліями одержать верхъ надъ прочими народами.

ВОЛЬШАЯ ВОДЯНКА, hydrophilus. Это плотоядное насѣкомое, одаренное воинственнымъ расположеніемъ духа, снабжено страшнымъ оружіемъ, которое легко наноситъ смерть его непріятелямъ, и которое употребляетъ оно съ величайшею жестокостію. Въ Маѣ мѣсяцъ часто видишь гнѣзда его, похожія на опрокинутое яйцо, потому что они состоятъ изъ мѣшечка въ видѣ сфероида, нѣсколько приплюснутаго, въ три четверти дюйма въ большемъ діаметрѣ и въ полдюйма въ маломъ; изъ него возвышается загнутый рогъ, длиною въ дюймъ, оканчивающійся остроконеціемъ. Въ сто хвоста у водянки есть два плавательныя пера, которыя чрезвычайно проворно движутся направо и налево, вверхъ и внизъ. Изъ этихъ перьевъ вытекаетъ бѣлая и клейкая жидкость, изъ которой насѣкомое дѣлаетъ гнѣздо свое, употребляя на то часовъ восемь. Наружная сторона яичнаго кармана состоитъ изъ клейкой матеріи, которая на воздухъ твердѣетъ и дѣлается непромокаемою. Внутри гнѣздо выложено весьма нѣжнымъ и бѣлымъ пухомъ, которымъ яйца бывають переложены для того, чтобъ они не стукались одно объ другое. Рогъ состоитъ изъ вещества шелковистаго, блестящаго и пористаго, и весьма походитъ на куколки бабочекъ.

При началѣ этого рога сдѣлано отверстіе для того, чтобы личинка могла выйти, когда вылупится изъ яйца. Это отверстіе закрыто бѣлою пленкою; чтобы вода не могла войти въ него. Гнѣздо не плаваетъ свободно по водѣ: насѣкомое обыкновенно привязываетъ его къ какому нибудь водяному растенію. Эти чрезвычайныя предосторожности, охраняютъ драгоценныя предметы, хранящіеся въ гнѣздѣ, отъ непріятелей водянки, пока дѣтеныши не вылупятся и не выйдутъ изъ своей колыбели.

Вылупившись изъ яйца, личинка растетъ весьма скоро, и по закону, который замѣтенъ во всѣхъ плотоядныхъ животныхъ, голова или челюсти развиваются скорѣе всѣхъ другихъ членовъ. Всѣ части личинки такъ прозрачны, что посредствомъ микроскопа, въ ней хорошо видно обращеніе жизненныхъ соковъ и всѣ движенія главныхъ артерій. Достигнувъ совершеннаго возраста, личинка имѣетъ продолговатый видъ; по бокамъ у нее видно семь паръ веселъ, посредствомъ которыхъ она весьма проворно движется въ водѣ. Эти части животнаго стоятъ внимательнаго наблюденія, и ихъ любопытно сравнить съ подобными частями у другихъ насѣкомыхъ. У личинки шесть ногъ, вооруженныхъ клещами, большая голова, крѣпкіе рожки и сильныя челюсти. Все тѣло ея желтовато-бураго цвѣта и длиною не болѣе полутора дюйма.

Докторъ Горингъ, который съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ это животное, говоритъ, что оно въказываетъ удивительный инстинктъ при нападеніи на своихъ непріятелей. Ежели тѣло его жертвы въ какомъ-либо мѣстѣ слабѣе, то водянка именно по этому мѣсту и поражаетъ ее. Вотъ какимъ образомъ она обыкновенно производитъ свои нападенія. Плыва горизонтально, водянка поднимаетъ голову такъ, что она составляетъ съ тѣломъ прямой уголъ, и такимъ образомъ даетъ насѣкомому возможность обозрѣвать все вокругъ его. Завидѣвъ добычу, водянка постепенно поднимается въ водѣ выше ея, схватываетъ ее клещами и потомъ смертельно поражаетъ своими челюстями; не выпуская, она приближаетъ ее ко рту и высасываетъ изъ нея весь сокъ. Но ежели насѣкомое, которое она преслѣдуетъ, покрыто твердою кожею или чешуею,

тогда она раздавливаетъ ее своими челюстями, и потомъ уже высасываетъ сокъ.

По приближеніи зимы, водянка вырываетъ себя ямку подлѣ пруда, закапывается въ нее и превращается въ куколку. При этомъ, кожа, покрывающая спину хищнаго звѣря, голова, ноги и другіе члены отпадаютъ; остается одна только куколка, которая чрезъ нѣсколько времени претерпѣваетъ послѣднее измѣненіе, и является уже въ видѣ совершеннаго насѣкомаго.

Водянка насѣкомое земноводное; лѣтомъ часто видимъ этихъ животныхъ на поверхности прудовъ, куда они выплываютъ для того, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Они плаваютъ очень хорошо; иногда для отдыха ложатся на спину и проворно вертятся. Днемъ они прячутся въ тѣни или погружаются въ воду, выходя оттуда только вечеромъ; но когда они долго оставались внѣ воды, то имъ уже трудно въ нее погружаться.

ГРЕМУЧИЯ ЗМѢИ. Г. Вудруфъ (Woodruff), который долгое время жилъ въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, напечаталъ въ *Edinburgh Philosophical Journal* любопытный результатъ наблюдений своихъ надъ гремучими змѣями. «Весною 1810 года, говоритъ онъ, жилъ я въ сѣверо-восточной части Штата Огайо, гдѣ, какъ извѣстно, этихъ гадовъ весьма много. Мнѣ говорили, что въ гремучихъ змѣяхъ замѣтно большое отвращеніе отъ ясеня; многіе, весьма просвѣщенные люди увѣряли меня, сверхъ того, что тамъ, гдѣ растетъ это дерево, гремучія змѣи совсѣмъ не водятся, и что охотники и вообще всѣ, которые для удовольствія, или по необходимости, ходятъ по лѣсамъ, обыкновенно кладутъ въ сапоги, въ башмаки, или даже въ карманы, ясеновые листья, чтобы предохранить себя отъ укушенія этого рода змѣй. По увѣренію тѣхъ же людей, никогда не слыхано, чтобы человекъ, принявшій эту предосторожность былъ укушенъ.

«Признаюсь откровенно, что я мало этому вѣрилъ, почитая все подобныя утвержденія за дѣйствіе невѣжества и суевѣрія, и горѣлъ желаніемъ изслѣдовать собственнымъ опытомъ истину этихъ разсказовъ. Наконецъ представился

удобный къ тому случай. Г. Марелендъ и Докторъ Доттонъ, которые оба жили тогда въ Полендъ, предложили мнѣ ѣхать на охоту, и мы отправились на берега одного болота, къ которому лани приходили пить.

«Прождавъ съ часъ, мы съ чрезвычайнымъ удивленіемъ увидѣли, вмѣсто ланей, огромную гремучую змѣю, которая выползла изъ расщелинъ скаль, окружающихъ это озеро, бросилась въ воду, и поплыла къ намъ, поднявъ голову и производя ужасный свистъ. Крики наши, или какое другое обстоятельство, остановили ее, и она почти зарылась въ песокъ, составляющій побережіе озера. Мы такъ были удивлены этою встрѣчею, что даже и не подумали взяться за оружіе; оно лежало на камнѣ, а мы, какъ-будто оцѣпенѣвъ, слѣдовали глазами за движеніями змѣи. Увидѣвъ, что она погрузилась въ песокъ, мы вообразили себѣ, что уже избавились отъ опасности и предались преждевременной радости, какъ вдругъ она перепрыгнула однимъ разомъ пространство, насъ разделявшее. Намъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ бѣжать. Благодаря неровностямъ скалы, на которой мы находились, и густому кустарнику, ее покрывавшему, мы скоро ушли отъ нашего непріятеля такъ, что онъ уже не могъ догнать насъ. Только тутъ пришло мнѣ въ голову, употребить хваленое предохранительное средство отъ укушенія гремучихъ змѣй, о которомъ говорили мнѣ въ Огайо: я вынулъ охотничій ножъ мой и отрѣзалъ отъ стоявшаго поблизости ясеня вѣтвь, футовъ въ восемь или десять длиною, а товарищей моихъ просилъ срѣзать вѣтви какихъ-нибудь другихъ деревъ, чтобъ удостовѣриться дѣйствительно ли одинъ только ясень имѣетъ такое сильное вліяніе на гремучихъ змѣй.

«Вооружившись такимъ образомъ, мы смѣло пошли на нашу противницу, которая тщетно усиливалась выпутаться изъ кустарника. Я подошелъ къ ней шаговъ на десять; змѣя раздула шею, собралась, высунула жало, испустила звукъ, возвыщающій обыкновенно, что она намѣревается начать нападеніе. Глаза ея горѣли; казалось, что они готовы выскочить, — такъ судорожно она ими вертѣла. Это время было благопріятно, чтобъ изслѣдовать заповѣдную сію моего талисмана. Если бъ я промедлилъ еще минуту, по-

гибель наша была бы неизбежна. Я тотчас воспользовался случаемъ и положилъ на змью мою ясеневую вѣтвь. Я никогда не видывалъ подобнаго превращенія. Змья опустила голову; глаза ея, столь живые, столь страшные, потухли и покрылись тройными своими вѣками; все тѣло ея затрепетало, и длинныя кольца ея хвоста собрались и сжались. Довольный полученнымъ успѣхомъ, я думалъ уже, что непріятель совершенно побѣжденъ и прибралъ ясеневую вѣтвь, чтобъ подойти поближе къ тому мѣсту; гдѣ змья лежала.

«Но освободившись отъ вліянія ясеневой вѣтви, змья съ гнѣвомъ поднялась; я протянулъ къ ней другую, дубовую вѣтвь: змья съ яростію на нее бросилась, и конечно ужалила бы меня, если бъ я не прибѣгнулъ опять къ ясеневой вѣтви, которую было оставилъ. Я нѣсколько разъ повторялъ этотъ двойной опытъ, и убѣдился, что ясень дѣйствительно имѣетъ какое-то свойство, отъ котораго змьи цѣпеняють. Я пробовалъ также ударять змью вѣтвю по срединѣ тѣла: это не производило въ ней совершеннаго окаменѣнія, но замѣтно было, что она находится подъ вліаніемъ тягостнаго впечатлѣнія, и старается избавиться отъ него, погружаясь головою въ песокъ. Я не хотѣлъ воспользоваться превосходствомъ моимъ надъ непріятелемъ, который удовлетворилъ моему любопытству, и такъ неоспоримо доказалъ мнѣ магнитическое вліаніе, производимое нѣкоторыми неорганическими тѣлами на существа органическія. Бросивъ на змью ясеневую вѣтвь, послужившую мнѣ для повѣрки опыта, и взявъ наши ружья, мы возвратились въ Полендъ, весьма довольные нашимъ походомъ, хотя цѣль нашей охоты и не была достигнута.»

ЦЕЙЛОНСКІЙ КВАСЪ. Г. Ферберн; Цейлонскій инженеръ, пишетъ въ одномъ Журналѣ слѣдующее: «Я строилъ дорогу между Коломбо и Гринкемале, и 20 Іюля возвращался съ работниками въ городъ. Пройдя нѣсколько миль, мы вдругъ услышали трескъ, громкій какъ пистолетный выстрѣлъ. Мы смотрѣли во всѣ стороны, чтобъ открыть откуда происходитъ этотъ непонятный звукъ, и замѣтили, что онъ произведенъ однимъ изъ стоящихъ по дорогѣ деревьевъ. Я подошелъ поближе, чтобъ изслѣдовать причину

этого, потому, что погода была тихая и ни почему нельзя было думать, чтобы то был трескъ сучьевъ, ломаемыхъ бурей. Сначала я не замѣтилъ ничего необыкновеннаго: только нѣсколько отлѣпленныхъ кусковъ древесной коры могли объяснить мнѣ это явленіе; но скоро возбудилъ мое удивленіе фонтанъ, который вдругъ началъ бить изъ подъ коры одного дерева; онъ описывалъ дугу, футовъ 12 въ хордѣ; толщиною былъ онъ съ палецъ, и жидкость съ шумомъ падала на сухіе листья и хворостъ, лежавшіе по дорогѣ. Увидѣвъ это, работники мои съ радостию приближались, потому что въ землѣ, гдѣ водяныхъ источниковъ мало, люди не пренебрегаютъ случаемъ добыть пріятное питье. Въ минуту, всѣ ихъ сосуды были наполнены. Истеченіе этой жидкости продолжалось минутъ двадцать, а послѣ того дерево тихо сочилось, какъ это часто бываетъ и съ другими породами. Я отвѣдалъ эту жидкость: цвѣтомъ она походила на молодое пиво, но скоро дѣлалась темнѣе и становилась слизистою. Вкусъ, въ самомъ началѣ, имѣла кислотатый и нѣсколько ѣдкій, но не противный. Изъ встѣхъ работниковъ, которые ее пили, ни одинъ не былъ боленъ, и они мнѣ говорили, что въ Цейланскихъ лѣсахъ это явленіе бываетъ довольно часто. Это дерево, называемое туземцами *Мадра-Маранъ*, весьма обыкновенно и растетъ большею частию на песчаной почвѣ или на берегу потоковъ.»

СТРАННОЕ ЛЕЧЕНІЕ ОНѢМѢВШИХЪ. Анатолий Брето, земледѣлецъ, живущій въ Лиель (Liesle), послѣ болѣзни, отъ которой онѣмѣла сначала вся правая нога его, совершенно лишился употребленія языка. Шесть лѣтъ уже не говорилъ онъ ни слова и, повидимому, предался судьбѣ своей, какъ вдругъ получилъ употребленіе языка, возвративъ его себѣ довольно страннымъ, внѣ-медицинскимъ способомъ. Ему говорили, что многіе нѣмые вылечивались, вдыхая въ себя дымъ горящихъ старыхъ башмаковъ. Онъ рѣшился попробовать это средство, всталъ въ четыре часа утра, собралъ всю старую обувь, какую только нашелъ у себя въ домѣ, прибавилъ къ этому нѣсколько старыхъ шлепъ, шерстяныхъ чулокъ, и проч., связалъ все вмѣстѣ, положилъ въ печь,

закрывъ трубу и зажегъ; потомъ нагнулся надъ отверстиемъ, оставленнымъ для котла, и началъ вдыхать въ себя эти вредные газы. Жена его, лежавшая еще въ постель, почувствовала неприятный, удушливый запахъ, распространившійся по всему дому: она бѣжитъ въ комнату, въ которой мужъ ея лечился такимъ отчаяннымъ образомъ, и видитъ, что онъ лежитъ навзничъ. При входѣ жены, Брего начинаетъ кричать: «Спасите! я погибъ! я самъ уморилъ себя!» Сосѣди, сбѣжавшіеся на крикъ, вытаскиваютъ его, почти задохшагося, изъ зловонной атмосферы, въ которой онъ былъ погруженъ. Его оттираютъ, и, послѣ сильнаго, продолжительнаго кашля и тошноты, Брего, къ удивленію всѣхъ, начинаетъ говорить. Черезъ нѣсколько времени Брего поднялся на ноги, и побѣжалъ рассказывать о своемъ счастьѣ знакомымъ и пріятелямъ. Истина этого происшествія засвидѣтельствована протоколомъ Ліельскаго мера.

ТУРЕЦКІЯ СПЕКУЛЯЦІЯ. Нѣтъ, можетъ-быть, страны въ мірѣ, гдѣ бы человечество было предметомъ такихъ спекуляцій, какъ въ Турціи. На Западѣ, дѣятельность спекулянтовъ или охотниковъ биться объ закладъ находить себѣ пищу въ фондахъ, въ колоніальныхъ товарахъ, въ дождѣ, въ хорошей погодѣ. На Востокѣ, кругъ оборотовъ хотя тѣснѣе, но не менѣе дѣятеленъ. Пусть у бѣдныхъ родителей много дѣтей: хороши ли они или дурны, здоровы ли сложеніемъ или нѣтъ, — все равно: тотчасъ явятся двадцать спекулянтовъ, чтобъ пустить ихъ въ оборотъ. Одинъ говоритъ: «Вашихъ мальчиковъ пристрою я въ сераль къ Султану..... продайте мнѣ ихъ, они какъ-разъ будутъ трубконосцы или ничогланы..... какая честь! какое для васъ счастье! — Дочка у васъ молодая, прекрасная, — для нея найдется вѣрное мѣстечко въ гаремѣ у одного богатаго эфенди. — А эти бѣдныя страждущія малютки, — на что они вамъ? можетъ-быть вамъ не чѣмъ ихъ и содержать? ввѣрьте ихъ мнѣ: муэззину Акрской мечети нуженъ крикунъ сзывать правовѣрныхъ на молитву; сынъ вашъ и безъ того чуть видитъ, — ослѣпить его, — сушная бездѣлица, и онъ ужъ будетъ на хорошей дорогѣ. — А тотъ, что прячется тамъ въ уголѣ: онъ едва похожъ на человѣка, — отдайте мнѣ его: самая легонькая операційка,

увѣрю васъ, — онъ будетъ такой евнухъ, что всѣ наши паши и бимбаша возьмутъ его наподхватъ! — Да скажите, не благословилъ ли васъ Пророкъ глухонѣмыми, хотя однимъ на первый случай: вы бы сейчасъ разбогатѣли, — вотъ тысяча піастровъ!» Торгъ слаженъ въ одинъ мигъ, дѣти отобранны, бѣдная лачуга превращается въ прекрасный домъ, и отецъ этихъ дѣтей, преданныхъ въ рабство и въ уничтоженіе, спокойно перебираетъ свои четки, и, потягивая дымъ изъ длиннаго чубука, медленно произноситъ: *Машаллахъ!*

«Въ продолженіе моихъ ученыхъ поисковъ, дѣланныхъ по разнымъ Турецкимъ областямъ, говоритъ докторъ Фропси, я бывалъ свидѣтелемъ зрѣлищъ самыхъ гнусныхъ; видалъ родителей, которые поступали съ дѣтьми безчеловѣчнѣйшимъ образомъ. А правду сказать, я отнюдь не искалъ этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ. Предаваясь вполне изученію своего предмета, я занимался только отыскиваніемъ рѣдкихъ растений и животныхъ; но вечеромъ, когда, утомленный своими поисками, обремененный гербаріемъ, случался я у дверей какой-нибудь деревенской избы и встрѣчалъ гостепріимство, какъ тогда избавиться отъ свѣдѣнія о звѣрскихъ жестокостяхъ, которыя происходили иногда у меня передъ глазами? Такъ, въ 1825 году, въ Караманіи, я поневоле былъ, въ Турецкой деревушкѣ, свидѣтелемъ одного случая, который оставилъ въ умѣ моемъ глубокое впечатлѣніе. Какой-то Аладжайскій муэззинъ, дряхлый, истощенный удовольствіемъ, одурѣвшій отъ опиума, едва могъ исправлять свою должность, состоящую, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ всходить, по пяти разъ въ день, на минареть мечети, и заунывнымъ дишкантомъ возвѣщать оттуда правовѣрнымъ часть молитвы: надлежало сыскать ему преемника, а это было не совсѣмъ легко, потому что минареть былъ очень высокъ, а доходъ мечети очень невеликъ. Притомъ, для совершенно благочестиваго исправленія этой должности, надо быть слѣпымъ: этого требуетъ цѣломудріе восточныхъ дамъ, которыя большую часть дня проводятъ на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ. Съ высокаго минарета, муэззину стояло бы только взглянуть на завѣтныхъ красавицъ, — какой срамъ! Проводникъ привелъ меня въ домъ кадія той деревни, который былъ отцемъ многочисленнаго

семейства, и уже давно подметил мѣстечко этого муззина для одного изъ сыновей своихъ, который окривѣлъ. Предложивъ мнѣ гостепрїимство съ почтительнѣйшею учтивостію, онъ спросилъ, не докторъ ли я, и не могу ли сдѣлать маленькой операциі, которую его крайне одолжу. Прежде нежели взятыя за дѣло, я хотѣлъ знать, въ чемъ оно состояло. Я провѣдалъ, сказалъ мнѣ кадїй, что въ одну Аладжайскую мечеть нуженъ муззинъ: вотъ у меня сынъ, — онъ окривѣлъ случайнымъ образомъ, и былъ бы хотѣ-куда въ эту должность; онъ знаетъ болѣе пяти сотъ стиховъ изъ Алкорана, вытвердилъ много кой-чего изъ Гафиза, и, право, чуть ли сыщешь кого способнѣе въ здѣшнемъ околоткѣ. Къ несчастію, есть одно, только одно препятствіе въ исполненїи моихъ желанїй: онъ кривъ, а тутъ надо слѣпаго. Докторъ! ужъ вѣрно есть у васъ такой рецептикъ, чтобъ довести его до этого безъ большой муки: уступите-ка его мнѣ. Я отказался наотрѣзъ отъ подобнаго предложенїя, но вечеромъ, ложась спать, услышалъ жалобные вопли и странную суматоху: батюшка самъ принялся увѣчить сына. Въ Шогрѣ, въ Алепскомъ пашалыкѣ, я видѣлъ двохъ дѣтей, отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, нарочно одуренныхъ сильными прїемами опиума, и сами родители мучительски уродовали имъ члены, чтобъ выгодно продать ихъ Алепскому пашѣ, который былъ страстный охотникъ до уродовъ. Въ Килисѣ, въ томъ же пашалыкѣ, я прожилъ нѣсколько дней съ обществомъ скопителей, поселившихся въ одномъ каравансераѣ со мною: они прибыли изъ Заветъ - зѣдейръ, деревни, извѣстной въ Оттоманской Имперїи лучшими операторами по этой части. Эти промышленники ходятъ по деревнямъ, и предлагаютъ свои услуги встрѣчному и поперечному. Они особенно любятъ посвѣщать лачужки бѣдныхъ, и за десять, много за двадцать паръ, сдѣлаютъ операцию кому угодно. Двѣ или три пары бритвъ, да сумочка съ порошкомъ для подживленїя, — вотъ въ чемъ состоитъ весь ихъ ученый скарбъ!

«Я спрашивалъ ихъ о слѣдствїяхъ подобныхъ операций и объ опасности, которой подвергались тѣ, кому ихъ дѣлаютъ. — Помилуйте! отвѣчали они: насъ около шестидесяти операторовъ въ одной деревнѣ, и увѣряемъ васъ, что если

операція сдѣлана въ-время, то есть, мальчикамъ отъ шести до семи лѣтъ, то, по нашимъ примѣтамъ, не умираетъ изъ нихъ и двадцатый. А за то, какое богатство разливаемъ мы здѣсь своимъ искусствомъ! Скажите сами: ну, чего стоитъ сынишка какого-нибудь арапа? Да на рынкѣ не дадутъ за него ста пиастровъ! — а на холможеномъ отецъ выручить отъ пятнадцати до двадцати тысячъ. — Я не хотѣлъ болѣе слушать гнусныхъ объясненій, и ушелъ въ свою комнатку.»

«Проезжая черезъ Кавказскія Горы, путешествуя по Черкесской Области, по нѣкоторымъ странамъ Грузин, и потомъ, приближаясь къ Анатоліи, я бывалъ свидѣтелемъ зрѣлищъ, можетъ-быть, не такъ ужасныхъ, какъ описанное выше, но не менѣ отвратительныхъ. То матери навязываютъ дочерей поставщикамъ на гаремы, то молодые люди ведутъ на продажу контрабандистамъ, промышляющимъ съ Персією и Турцією, глухонѣмаго брата, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, и проч. и проч. Вообще, на Востокъ, въ нижнихъ сословіяхъ, нѣтъ существа обиженнаго или одареннаго Природою до такой степени, чтобъ не быть предметомъ самыхъ прибыльныхъ оборотовъ.»

Хотя здѣсь дѣло о Турціи, но мы не можемъ не привести изъ послѣдняго сочиненія Г. Фрезера, чего-нибудь о спекуляціяхъ его пріятелей, Персіанъ. Вотъ одна изъ нихъ. «Въ городѣ Фарсъ мнѣ случилось жить подлѣ дома одного очень богатаго и скупаго купца. Онъ всегда обнаруживалъ крайнюю бѣдность, но его враги распространяли объ немъ обидный слухъ, будто онъ чрезвычайно богатъ. Купецъ сердился, и клялся, что у него нѣтъ ни гроша. Гуляя по своей террасѣ, каждый день поутру и ввечеру, я слышалъ въ его домѣ какой-то ровный стукъ подѣ такту и порой отдаленный, жалостный вопль: «Ай! ай! пощадите! ради Аллаха! *Валлахъ, биллахъ*, — клянусь жизни вашихъ дѣтей, — клянусь именемъ святѣйшаго Алія, — нѣтъ и никогда не бывало у меня денегъ!» Периодическій возвратъ этой музыки, регулярно повторявшейся дважды въ день, наконецъ возбудилъ во мнѣ любопытство узнать, что это значитъ. Предпріятіе было довольно трудное; но я успѣлъ проникнуть тайну. Что жъ вышло? Купецъ, встревоженный распространяющимся слухомъ объ его богатствѣ,

предвидѣть, что правитель города скоро доберется до его кармана подъ какимъ-нибудь предлогомъ и подвергнетъ его пята палочной банѣ, чтобъ исторгнуть побольше денегъ. Онъ рѣшился благовременно закалить свои подошвы, чтобы, въ случаѣ нужды, храбро выдержать пытку, и ежедневно послѣ завтрака и послѣ ужина велѣть своимъ невольникамъ стѣчь себя палками по подошвамъ, постепенно увеличивая приемы. Эти репетиціи на пятахъ новаго Митридата доходили до тысячи ударовъ во время моего пребыванія въ Фарсъ.»

ВОРЫ И МОШЕННИКИ ВЪ АНГЛІИ. Воры составляютъ посреди Англійскаго общества особый народъ, говорящій своимъ языкомъ, имѣющій свои нравы, свое гражданское устройство, и занимающійся тайными ремеслами, столь же разнообразными, какъ и обыкновенныя явныя ремесла. Они раздѣляются на множество классовъ: есть грабители, разбойники, дѣлатели фальшивой монеты, мошенники; люди, ворующіе товары; другіе, которые воруяютъ только часы и ридикюли; которые обкрадываютъ пьяныхъ или крестьянскія тележки; тѣ, которые крадутъ только якоря и другія корабельныя принадлежности; тѣ, которые хранятъ украденныя вещи, пускаютъ въ обращеніе фальшивую монету, и прочая, и прочая. Каждый изъ этихъ классовъ имѣетъ свои права и преимущества, свои нравы и обычаи.

Лондонъ главное поприще, на которомъ трудятся эти художники, но они часто совершаютъ и путешествія: напримеръ, общество мошенниковъ всякую весну отражаетъ нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ на ярмарки, конскія скачки и другія собранія. Господа грабители имѣютъ во всѣхъ мѣстахъ Англіи своихъ корреспондентовъ, которые, за установленную бюджетомъ ихъ общества плату, даютъ имъ знать, если представляется случай кого-нибудь ограбить; тогда оно отправляетъ одного изъ своихъ членовъ, который, щегольски одѣтый, ѣдетъ обыкновенно въ каретѣ съ хорошенькой женщиной, и везетъ съ собою ящикъ инструментовъ, принадлежащихъ къ его искусству, которые стоятъ до 150 ф. ст. (3750 р.), но противъ которыхъ за то, если ими управляетъ опытная рука, не устоитъ ни какой замокъ, ни какая дверь.

Дѣлатели фальшивой монеты и люди, которые занимаются выпускомъ ея въ обращеніе, производятъ настоящую торговлю, основанную на правилахъ высочайшей честности и добросовѣстности. Желаящій имѣть фальшивую монету объявляетъ фабриканту, сколько ему нужно, условливается въ цѣнѣ, и отдаетъ впередъ деньги; фабрикантъ назначаетъ, гдѣ можно будетъ получить ее, и пѣтъ примѣра, чтобы фабрикантъ когда-нибудь обманулъ покупателя своего.

Карманные воры, или мошенники, обыкновенно очень молодые люди, и общество ихъ многочисленнѣе всѣхъ прочихъ вмѣстѣ. Они большею частію сироты, незаконнорожденные дѣти, но между ими есть и молодые люди хорошихъ фамилій, завлеченные въ общество порочными своими наклонностями. Мошенники часто перемѣняютъ мѣста своего пребыванія, и самые искуснѣйшіе изъ нихъ поступаютъ въ другіе классы.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, сидя въ тюрьмѣ и готовясь къ отправленію въ Ботани-бей; написалъ письмо, въ которомъ изобразилъ жизнь свою и большей части своихъ товарищей. Оно было напечатано въ газетахъ.

«Я родился въ улицѣ Деюдъ-стричь. Я никогда не зналъ моей матери, но товарищи отца моего рассказывали мнѣ, что она пускала въ обращеніе фальшивую монету и была сослана; другіе утверждали, что она умерла съ горя въ тюрьмѣ, но я никогда не могъ узнать этого вѣрно. Батюшка мой, когда говорили о моей матери, всегда намуривался, принималъ печальный видъ и не могъ утѣшиться, пока не выпьетъ рюмки вина.

«Въ нашей улицѣ, кто искуснѣе красть, тому болѣе удивлялись; стыдъ состоялъ только въ томъ, чтобы быть пойманнымъ. Въ концѣ улицы я часто видывалъ людей хорошо одѣтыхъ, которые проѣзжали въ великолѣпныхъ экипажахъ, и думалъ, что они счастливѣе насъ воровали.

«Я умѣлъ только воровать изъ кармановъ: меня ничему другому не учили. Но за то я занимался должностію прилежно и исправлялъ обязанность мою усердно, дѣлалъ все, что велѣть, и велъ себя честно: никогда не красть у отца и не обманывалъ моей хозяйки. Слышалъ я кой-что о чертяхъ, но этому не вѣрилъ, потому, что они ни одного вора не

поймали; но я съ малолѣтства ужасно боялся одного олицейскаго чиновника: этотъ проклятый человекъ все зналъ и все видѣлъ; меня учили остерегаться его, и я долго обманывалъ его бдительность; но наконецъ онъ поймалъ меня.

«Въ тюрьмѣ священникъ растолковалъ мнѣ, какъ бы меня надобно было воспитывать: онъ признался, что я былъ мальчикъ исправный и порядочный, что я всегда прилежно занимался своимъ дѣломъ, и слушался старшихъ; но онъ сказалъ, что если бѣ я былъ по-старше, то меня бы поѣсили. За что же? Въ Лондонѣ я знаю много молодыхъ людей, которые живутъ точно такъ, какъ я.

«Когда меня судили, какой-то толстый господинъ говорилъ со мною очень милостиво, и я послалъ бы къ нему это письмо, если бѣ зналъ, гдѣ онъ живетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ открыть въ Деюдъ-стритъ школу, въ которой мальчиковъ будутъ учить добру. Это, право, было бы хорошо, потому что, по крайней мѣрѣ, когда нашу братью поймаютъ и судятъ, мы бы не въ первый разъ слышали, что дѣлали зло.

«Говорятъ, что меня пошлютъ въ землю, гдѣ я буду жить съ дикими. Я радъ этому,— даже и не желаю возвратиться въ Англию; дикіе, по крайней мѣрѣ, научатъ меня стрѣлять, ходить на охоту, ловить рыбу, жить своимъ, а не чужимъ добромъ. Здѣсь объ этомъ и не думали, а если бѣ меня не огорчала судьба остающихся здѣсь моихъ товарищей, если бы особенно я не надѣялся, что это письмо дойдетъ до толстаго господина въ парикъ, то и не думалъ бы оправдываться, и не сталъ бы просить Джона Рудда написать это письмо. *Джонъ Вилльдъ.*»

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. Германскій естествоиспытатель, Г. Руппель, изъ Франкфурта на Майнѣ, окончивъ путешествіе въ Абиссинію, привезъ оттуда множество драгоценныхъ предметовъ Естественной Исторіи. Этотъ отличный путешественникъ находится теперь въ Каирѣ, и намѣревается отправиться въ Европу. Имя Г. Руппеля уже известно съ весьма выгодной стороны ученому свѣту по разнымъ сочиненіямъ и результатамъ прежнихъ его путешествій въ Сеннааръ и Кордубанъ. Въ числѣ рѣдкихъ и замѣчатель-

ныхъ вещей, собранныхъ имъ въ это путешествіе, находят-ся Абиссинскія рукописи, которыя, какъ полагаютъ, относятся ко второму или третьему вѣку нашего счисленія, и золотыя монеты Абиссинскихъ Государей, современниковъ Императора Константина. Г. Рюппель занимался также опредѣленіемъ многихъ важныхъ географическихъ пунктовъ.

— Другой путешественникъ, не менѣе страстный къ Египту, Г. Буртонъ, прибылъ въ Александрію, и ожидаетъ случая отправиться въ Англію. Одиннадцать лѣтъ ѣздилъ онъ во всѣхъ направленіяхъ по разнымъ частямъ Египта, и особенно по пустынь, заключающейся между Ниломъ и Чернымъ Моремъ. Въ этихъ поѣздкахъ онъ собралъ множество матеріаловъ для Наукъ. Онъ дѣлалъ изысканія по Геологій, Конхиліологій и Зоологій. Онъ везетъ даже нѣсколько живыхъ животныхъ, въ томъ числѣ молодаго камелопарда и одно маленькое весьма рѣдкое животное, походящее на сурка и называемое по-Арабски *уэбаръ*.

Г. Буртонъ обращалъ также ученія свои изысканія и на іероглифы. Известно, что онъ издалъ по этой части нѣкоторые опыты, и новое изученіе предмета, конечно, доставить ему возможность пополнить ихъ. Надобно надѣяться, что труды Г. Буртона и другаго Англійскаго путешественника, Г. Вилькинсона, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ выѣхалъ изъ Египта, разольютъ новый свѣтъ на эту еще темную Науку. Г. Вилькинсонъ также глубоко изучалъ іероглифы. Мы должны прибавить, что Г-на Буртона сопровождалъ на всемъ его путешествіи искусный рисовальщикъ, Г. Гомфри, который списалъ множество іероглифовъ. Нѣкоторые изъ его рисунковъ литографированы въ Каирѣ.

ПАГАНИНИ. Въ Парижѣ, на театрѣ *Des Variétés*, играютъ теперь интермедію, *La chambre de Rossini*, въ которой актеръ Лери представляетъ Паганини, и представляетъ, какъ пишутъ въ Журналахъ, чрезвычайно сходно: тѣ же черные, жирные волосы, падающіе по плечамъ, тотъ же блѣдный лобъ, тѣ же безцвѣтныя губы, та же безсмысленная улыбка, тотъ же низкій поклонъ: однимъ словомъ, Лери чрезвычайно вѣрно скопировалъ всю эту странную фигуру, певольно

возбуждающую вниманіе, — фигуру человѣка, который получалъ во Франціи по лундору за каждую ноту, извлекаемую имъ изъ скрипки. Судьба Паганини во Франціи не менѣе странна, какъ и его фигура. Было время, когда Французы бѣгали за нимъ, рукоплескали ему, обожали, боготворили его, платили, что онъ хотѣлъ, за то, чтобы слышать, видѣть его; обогатили его въ однѣ сутки, пожертвовали ему всеми своими музыкантами. Этого мало! Ему дѣлали честь, которая достается только великимъ людямъ, Байрону и другимъ: его клеветали, ему приписывали даже преступленія, уверяли, что онъ отравилъ какую-то женщину. И что жъ? Все переменялось. Теперь Французы уверяютъ, что Паганини добрый и порядочный человѣкъ, хороший *bourgeois*, какъ и другіе. Французы не хотятъ уже ни слышать, ни видѣть его; онъ въ Парижѣ, — и никто этого не знаетъ; онъ увалъ, — и никто не заботится о томъ, гдѣ онъ, что онъ, что съ нимъ сдѣлалось, кого восхищаетъ онъ смычкомъ своимъ; — и отъ всей этой славы, клеветы, знаменитости, остались только алебастровая карикатура, сдѣланная художникомъ Дантаномъ, и живая карриатура — актеръ Лери. Какъ вѣтренны люди! скажете вы. Да, это неоспоримо; но въ этомъ случаѣ вѣтренность извиняется благороднымъ побужденіемъ. Французы разлюбили, забыли Паганини съ тѣхъ поръ, какъ онъ, не смотря на усильныя просьбы разныхъ лицъ, отказался играть безденежно въ концертѣ, который Парижскіе артисты давали въ пользу разорившихся въ Парижѣ Англійскихъ актеровъ труппы Г-жи Смитсонъ, — когда онъ, Паганини, собралъ въ Англійи милліоны!

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Le curé Métrio*, Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ. Мелодрама! — Богъ съ нею. Мы предпочитаемъ выписать здѣсь подробности о жизни и лицѣ героя пьесы, известнаго Испанскаго партизана въ рясахъ, приходскаго священника Мерино, который сражается теперь въ Испаніи за права Дона Карлоса; подробности, напечатанныя сочинителями Мелодрамы особю брошюркою для объясненія зрителямъ, что такое Мерино.

Приходскій священникъ Мерино, прозванный Пиренейскимъ разбойникомъ, происходитъ изъ семейства незначи-

тельнаго и небогатаго. Онъ отданъ былъ въ школу, но не кончивъ курса, возвратился домой и сталъ пастъ стадо козъ, принадлежавшее отцу его. Между-тѣмъ въ Валловиадо умеръ приходскій священникъ, и Мерино занялъ его мѣсто; но какъ приходъ былъ бѣденъ, то онъ продолжалъ пасты козъ по буднямъ, а по Воскресеньямъ служилъ обѣдню.

Ему приписываютъ множество отвратительныхъ поступковъ съ членами его семейства. Были слухи объ его связи съ двоюродною сестрою, которая подарила его ребенкомъ, дослужившимся теперь до подполковничьяго чина; объ умереніи матери дурнымъ обхожденіемъ съ нею; о зависти къ старшему брату и посяганіи на его жизнь; о безчеловѣчномъ обращеніи съ меньшимъ братомъ, который будто былъ высѣченъ и забитъ палками до-смерти, по приказанію Мерино: сестра отъ него бѣжала. Сколько богатыхъ сюжетовъ для нынѣшней Французской Драмы! Само собою разумѣется, что всѣ эти слухи почти не заслуживаютъ довѣрія: они только показываютъ мнѣніе объ немъ его соотечественниковъ.

Мерино не болѣе пятидесяти осьми лѣтъ, говоритъ брошюрка: онъ малъ ростомъ, худощавъ, говоритъ грубымъ и громкимъ голосомъ; черты лица его чрезвычайно рѣзки; виски такъ впали, что его обыкновенно сравниваютъ со старою лошадыю.

Онъ чрезвычайно здороваго сложенія, хотя и кажется хилымъ. Никто не переноситъ усталости лучше и болѣе его. Онъ не куритъ табаку, не пьетъ вина, ѣстъ мало и спитъ только *четверть часа на каждыя двадцать четыре лѣ(?)*. Мерино не любитъ, чтобъ шайка его носила мундиръ. Онъ позволяетъ всякому одѣваться, какъ кто хочетъ. Когда онъ входитъ въ городъ, его скорѣе можно принять за разбойника, бѣжавшаго съ галеръ: такимъ онъ *кажется по своей фигурѣ и своему костюму*. Онъ жестокъ или, лучше сказать, свирѣпъ, какъ нельзя вообразить. По его приказанію при немъ разстрѣляно до пятидесяти алькадовъ. Всѣхъ плѣнныхъ, попадающихся въ его руки, казнятъ..... мы не смѣемъ сказать, какую казнь, — и черезъ сутки разстрѣливаютъ тѣхъ, которые остаются еще въ живыхъ.

*

Мерино удивительный невѣжда, наглъ до крайности и циникъ въ высочайшей степени; онъ ненавидитъ поповъ и монаховъ, и если бъ это было въ его власти, онъ всѣхъ бы ихъ разстрѣлялъ или зарѣзалъ. Но, при всѣхъ порокахъ, нельзя отказать ему въ гении, хотя онъ не способенъ ни къ чему, кромѣ войны. Разбить его нѣтъ ни какой выгоды: шайки его возраждаются, какъ головы гидры; лучшіе Испанскіе Генералы разбивали, уничтожали въ прахъ солдатъ его: на другой день онъ явился еще съ большею шайкою.

Если и не невозможно, то по крайней мѣрѣ трудно овладѣть имъ. Онъ всегда водитъ съ собою трехъ лошадей, можетъ быть прекраснѣйшихъ и наилучше выѣзженныхъ во всей Кастиліи.

Во время войны, онъ передаетъ огню и мечу все встречающееся; задерживаетъ курьеровъ, и забираетъ все, что принадлежитъ правительству, противъ котораго онъ возсталъ. Если одинъ изъ солдатъ его украдетъ что-нибудь, его тотчасъ предають смерти. Мерино не знаетъ ни честолюбія, ни корыстолюбія. Во время войны за независимость, онъ овладѣлъ въ Кинтанеполмѣ нѣсколькими милліонами и драгоценнымъ имуществомъ, принадлежавшимъ Французамъ, и роздалъ все это своимъ солдатамъ, а себѣ оставилъ только нѣсколько паръ шелковыхъ чулокъ.

Мелодрама не сходствуетъ съ этою біографіею героя, біографія героя не сходствуетъ съ Мелодрамою. Авторы содрали двѣ кожи съ одного быка, сдѣлавъ изъ характера одного и того же лица двѣ различныя картины. Въ Парижѣ лучше приняли Мелодраму, чѣмъ біографію; мы предпочитаемъ біографію Мелодрамѣ.

2. *Сынъ Ниноны* Le fils de Ninon. Нинона вѣхала ночью изъ Монлери; на нее напали два разбойника и готовились ее ограбить, какъ вдругъ подоспѣлъ къ ней на помощь какой-то молодой человекъ. Нинона объ немъ думаетъ, Нинона ждетъ его. Входятъ разныя лица, дамы и мужчины, и между прочими и таинственный молодой человекъ, прекрасный юноша, такъ кстати подоспѣвшій на помощь Нинонѣ. Нинона смотритъ на прекраснаго юношу такъ нѣжно, что Г. де Ла-шатръ выходитъ изъ терпѣнія, и вызываетъ его въ

дуэль. Этотъ молодой человѣкъ не кто иной, какъ сынъ Ниноны и Г. де Виларсо. Нинона думаетъ, что сынъ ея умеръ; молодой Виларсо не знаетъ, что Нинона его мать. На дуэли съ Г. де Ла-шатромъ онъ получилъ рану; долго былъ безъ памяти, и, очнувшись, увидѣлъ у своего изголовья Нинону, — Нинону, которую онъ любитъ всѣми силами души своей. Нинона смотритъ на него съ нежностію, Нинона цѣлуетъ его. Вдругъ входитъ Г. Виларсо. Онъ вскрикиваетъ, и говоритъ на ухо — Нинопъ: *Это сынъ вашъ!* — молодому Виларсо: *Это Нинона Ланкло!* Молодой человѣкъ, уважая добродѣтель, отвергаетъ ласки Ниноны.

Нинона вполне предается новой любви своей, — любви материнской. Она хочетъ женить его и посылаетъ за дѣвицею Кателією Рамберъ. Услышавъ это, молодой Виларсо который сидѣлъ тутъ же спрятавшись, выбѣгаетъ. — А! ты хочешь женить меня на другой! говоритъ онъ, и бросается, чтобъ убить Нинону. Но старый Виларсо какъ тутъ: онъ говоритъ сыну: *Это твоя мать!* Молодой Виларсо говоритъ отцу: *Это моя мать!* Отецъ говоритъ: *Да!* Сынъ развѣваетъ ротъ, распростираетъ руки, разставляетъ ноги; и поражаетъ себя кинжаломъ въ желудокъ. Нѣтъ Виларсо сына! Нинона плачетъ, Нинона бросается въ объятія Виларсо отца, Нинона смотритъ съ нежностію на Виларсо сына..... Занавѣсъ опускается, — Драма Г. Ансело кончилась.

Жаль, что она такъ плоха! Нинона Ланкло была однако жъ женщина необыкновенная: изъ нея можнобъ было сдѣлать что нибудь позанимательнѣе. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, вѣкѣ прекрасныхъ женщинъ и умныхъ женщинъ, ни одна изъ нихъ не занимала свѣта столько, какъ Нинона Ланкло. Она родилась почти вмѣстѣ съ семнадцатымъ вѣкомъ, и съ нимъ сошла въ могилу. Она знала старика Ришелье и молодого человѣка Вольтера. Въ регентство Анны Австрійской она уже начинала господствовать; въ царствованіе Людовика XIV у ней былъ настоящій Дворъ. Умомъ, прелестями и незастѣнчивымъ поведеніемъ, она заняла въ свѣтѣ мѣсто, котораго никто кромѣ ея не занималъ: она была новѣйшею Аспазіей. Лучшее общество, умнѣйшіе люди собирались у Ниноны Ланкло; знакомство въ Ниноною Ланкло почиталось честью, необходимою для всякаго порядочнаго че-

ловѣка. Издалека прѣзжали посмотреть на нее. Королева Христина была у ней въ гостяхъ, и цѣловала ее предестными руками. Честнѣйшіе, отличнѣйшіе люди ее любили: Г. де Курвиль, Маркизь де Севинье, Г. де Виларсо, Маршалъ Шуазель, Шапель, Сень-Дерессонъ; Мольеръ читалъ ей первыя дѣйствія своего Тартюфа; двѣнадцати-лѣтнему Вольтеру она отказала въ завѣщаніе двѣ тысячи франковъ на покупку книгъ; великій Конде у ней часто ужиналъ.

Нинона Ланкло была мученіемъ другой умной женщины, которая тоже много занимала свое время, — Г-жи Севинье. Въ письмахъ своихъ она часто упоминаетъ о Нинонѣ: то бранить ее, то восхищается ею; но никогда ее не презираетъ. Не мудроно: Нинона Ланкло отняла у Г-жи Севинье сначала мужа, потомъ сына, потомъ внука; но она была женщина необыкновенно умна, а Г-жа Севинье умѣла цѣнить умъ. Этого мало: Г-жа Ментенонъ, ханжа Г-жа Ментенонъ, Французская Королева Г-жа Ментенонъ, была другомъ Ниноны Ланкло; онѣ неразъ сыпали на одной постели: это тогда было въ модѣ между пріятельницами. Вдова Скарронъ вышла замужъ за Короля, Нинона Ланкло ни за кого не вышла; одна жила при Дворѣ, во всѣхъ безпокойствахъ, во всей скукѣ величія, и, овдовѣвъ во второй разъ, умерла въ одиночествѣ, оставленная всеми; другая наслаждалась баснословною старостію; умерла, какъ жила, посреди друзей своихъ, девяноста лѣтъ и пяти мѣсяцевъ отъ роду, эпикурейкою до конца жизни, и оставила послѣ себя славу честнѣйшаго человѣка того времени. Она объ этомъ только и молилась Богу. «Дай Господи, чтобы я всегда была честнымъ человѣкомъ, а не честною женщиною!»

Въ тоже самое время играли въ Парижѣ Водевиль *Les papillotes*, въ которомъ та же женщина составляетъ сюжетъ пьесы. Водевиль былъ принятъ лучше нежели Мелодрама, хотя скоро будетъ забытъ такъ же какъ и она.

3. *Несчаствія красавца.* *Les malheurs d'un joli garçon.* Этотъ Водевиль теперь въ большой модѣ въ Парижѣ. Герой пьесы, по званію своему, красавецъ и прикащикъ одного кофейнаго дома. Бѣдный красавецъ! Вообразите, что онъ принужденъ жениться на женщинѣ которой не любитъ, тогда какъ у него тридцать шесть любовницъ. Не вообразимо, въ

какой лабиринтъ приключеній завлекаетъ бѣднаго красавца любовью его къ прекрасному полу и его смазливое лице. Дядя его колотитъ палкою по спинѣ, три любовницы бьютъ его по щекамъ; онъ въ бѣдѣ за то, что не любить, и за то, что любить; онъ входитъ въ домъ въ двери, а выходитъ въ окно; удары и дѣти сыплются на него градомъ. Однимъ словомъ, злоключенія бѣднаго красавца далеко превышаютъ несчастныя приключенія Г. Пурсоньяка. Водевиль очень забавенъ.

4. *Любовные успѣхи*, комическая Опера. *Les bonnes fortunes*. Тоже исторія несчастнаго красавца. Г. Изидоръ, франтъ, занесенный разными приключеніями въ Флоренцію, влюбляется во всѣхъ и каждую. Онъ любитъ, его любятъ; онъ бьетъ, его бьютъ; онъ входитъ въ дверь, вылетаетъ въ окно; хочетъ увести Маріанну, и ввозитъ тетку ея, перерзлую дѣву Розабеллу. Все это украшено легкою, веселою музыкою Г. Адама. Увертюра весьма хороша; куплеты съ акомпаниментомъ фагота возбуждаютъ всякой разъ восторженныя рукоплесканія: однимъ словомъ, музыка съ начала до конца заслуживаетъ большую похвалу.

5. *Мужь Музы*. *Le mari de la muse*, Водевиль Баяра. Знаете, что такое Муза? Муза — женщина, которая пишетъ стихи. Знатки въ Музахъ говорятъ, что Музы нашего времени женщины лѣтъ сорока или даже пятидесяти; что глаза у нихъ впали, волосы лезутъ, платье въ беспорядкѣ, башмаки спадываютъ; онъ жалуются на все, и вѣчно жалуются на мужа, жалуются на дѣтей; жалуются, плачутъ горько, и поютъ громко. Поютъ весну, поютъ зиму, поютъ любовь. Коварная любовь! веселая весна! горькая зима! Онъ мечтаютъ, погружаются въ сладостную задумчивость, носятся въ облакахъ, теряются въ туманной дали, готовы броситься въ объятія ничтожества! Жаль бѣдняжекъ! Впрочемъ, Муза Г. Баяра не такова: она молода и хороша; ее зовутъ Г-жа Пусе, или лучше сказать, Г. Пусе мужъ ея: Селеста Пусе и нѣкто Г. Эдуардъ очень любятъ заниматься вмѣстѣ поэзіею.

Боже мой, Боже мой! сколько этихъ Музъ на свѣтѣ! Сколько поэтическихъ признаній вытерпѣлъ человѣкъ въ свою жизнь, если человѣкъ вздумалъ быть журналистомъ! Чего же хотятъ почтенныя Музы? Почти ничего, — бездѣлки. Уто-

ленія ихъ скорбей, утѣшенія въ печали, сердца, которое бы отвѣчало біенію ихъ сердца, души, которая была бы эхомъ ихъ души, ары, которая бы пѣла отъ ихъ дуновенія, розоваго вѣнка, который бы онѣ могли положить на свѣжую могилу какого-нибудь злополучнаго юноши, въ цвѣтъ лѣтъ увядшаго, да еще шелковаго платья и новой шляпки. Вотъ все, чего онѣ хотятъ! Но довольно о старыхъ Музахъ. Возвратимся къ Водевилю и къ молодой Г-жѣ Пусѣ.

Г-жа Пусѣ страхъ любить стихи; она пишетъ стихи днемъ, пишетъ стихи ночью (ночью!); пишетъ стихи одна, пишетъ стихи съ Г. Эдуардомъ. Г-ну Пусѣ нравится все, что пишетъ, все что дѣлаетъ Г-жа Пусѣ. Однимъ словомъ, Г. Пусѣ такой добрый мужъ, что Г-жа Пусѣ чуть не начала заниматься съ Г. Эдуардомъ уже не стихами. Какъ бы то ни было, Г. Пусѣ дастъ вечеринку, и какую вечеринку, — литературную, — вечеринку въ стихахъ и прозѣ!... Какія заботы! Принимать столько народу, подавать этому народу пуншъ и сладкіе пирожки! Въ заключеніе вечеринки бѣдный мужъ застанетъ Г. Эдуарда на колѣняхъ передъ Музой: они разговариваютъ ужасною прозою! Въ этотъ разъ проза Г-жи Пусѣ не понравилась Г-ну Пусѣ. Водевилъ очень милъ.

ВОДНОЙ ТЕАТРЪ. Въ Парижѣ занимаются устроеніемъ новаго рода зрѣлища, которое назвали «наутическимъ театромъ». Цель его, представить въ величайшей точности, въ самой высокой степени оптическаго обмана, отблескъ и волненіе воды на морѣ или среди строеній, горъ и деревьевъ. Вся доселѣ употребляемая средства декораціи не могли изобразить даже тѣни подобія воды; самая искусная кисть не производила ни какого эффекта надъ зрителемъ. Теперь придумали заставить воду представлять собственное лице свое, — воду же. Вся сцена будетъ не что иное, какъ длинный прудъ, напущенный самою чистою и прозрачною водою. Полъ, устроенный надъ прудомъ, долженствуетъ служить поприщемъ дѣйствій, происходящихъ на сушѣ, на лугахъ, въ лѣсу, въ комнатахъ, на улицѣ или на площади. Когда потребуется видъ моря или озера на сценѣ, этотъ полъ разводится наподобіе плывучаго моста, и являются

или озеро съ прелестными островами, скалами, каскадами и лодками, въ которыхъ актеры гребутъ весломъ, или безконечное море съ Этною, Везувіемъ, Тенерифомъ вдали. При помощи весьма искусно устроенной перспективы, военные корабли будутъ удобно исполнять на немъ все морскіе манёвры и производить жаркія сраженія. Въ случаѣ нужды извѣстный Американскій водопадъ, Ніагара, предстанетъ глазамъ въ натурѣ. Посредствомъ подводнаго механизма, на этомъ морѣ вдругъ поднимаются огромныя волны, и съ шумомъ разражаются о скалы. Подобный театръ не боится даже пожара, и, кромѣ наводненія, для зрителей не можетъ быть въ немъ ни какой другой опасности.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Война, вспыхнувшая по поводу статьи Г. Низара, кажется, кончилась угрозами: Г. Жаненъ, такъ жарко возставшій для защиты «юной Словесности», опять принялся надъ нею подшучивать, и только знаменитый Аристотель ультра-романтизма, риторъ новой школы, Г. Фельдъ, еще продолжаетъ стрѣлять по обоимъ противникамъ, за свои личныя обиды. Въ первой книжкѣ Б. для Ч. помѣстили мы отрывокъ одной статьи изъ *Journal de Paris*, подъ заглавіемъ «Искусство литературныхъ объявленій.» Теперь оказывается, что это была статья Жанена, который вздумалъ вывести себя на сцену подъ именемъ Поручика Годара, представивъ въ Г. Проспектусъ лице, очень близкое Г. Фельду. Если что-нибудь любопытно въ этой полемикѣ, то слогъ Гг. Украшеній новой школы: рѣшительно, роскошь выраженій дошла до той степени, что теперь нужно до трехъ тысячъ словъ и трехъ сотъ фигуръ, одни страннѣе и безвкуснѣе другихъ, чтобъ сказать то, что прежде говорили въ пяти словахъ. Желая сохранить въ нашемъ Журналѣ, для удивленія будущихъ временъ, образецъ полемическаго слога, которымъ теперь люди воюютъ въ Словесности, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ творенія повѣйшаго Квинтилиана. Статья начинается такъ: *Et M. Nisard n'a été qu'un soldat à la suite; non point seulement posant le pied, criant haro, frappant du ceste à l'endroit même où les lourds savans d'Édimbourg et les bargneux rhéteurs de Genève avaient mis le pied, crié*

haro, frappé du ceste, toutes choses qui n'avaient rien que de fort naturel dans un homme, par qui l'art du calque et de l'imitation est tenu en si grande difficulté. D'ailleurs, sur la route, où ils avaient traîné notre jeune littérature, une corde au cou, un cierge de cire jaune à la main, pour lui faire amende honorable, ces messieurs avaient laissé sur leurs pas un si agréable parfum de souquenille et de toque doctorale, un si bon air de gourme magistrale, une si esquisse saveur collégiale, qu'on ne saurait s'étonner le moins du monde d'avoir vu s'enrégimenter après eux, tout ce que l'atelier Pankouke renfermait, en serre chaude, de sympathies extatiques pour la divinité classique, pour la pensée qui se rive à une autre pensée, pour la phrase qui s'ajuste à la phrase, pour le mot qui se cloue au mot. Mais à l'endroit où M. Nisard s'est rué en foudre de guerre, la moustache retroussée, le bâton ferré au poing, un enfant capricieux et rieur avait déjà fait courir son cerceau et siffler sa baguette; mais un gant jauneserin avait déjà légèrement frappé les joues qu'il a meurtries, lui, de son pesant gantelet de fer; sur le sable mouvant où son lourd dextrier a enfoncé jusqu'aux jarrets ses lourds sabots, le vent n'avait pas encore effacé l'empreinte de fragiles pantouffles de verre. Aussi, quand il a vu que par la porte qu'il avait si imprudemment laissé ouverte, un athlète, bien frotté d'huile classique pour une lutte à outrance, passait après lui, enfant qui n'avait voulu que jouer à l'escrime; quand il a vu etc.

Вся статья писана тѣмъ же слогомъ. Въ какое арлекинское платьѣ мысль должна наряжаться, чтобъ быть хорошо принятой «юной Словесностью»!.... Если только во всемъ этомъ есть хотя тѣнь мысли!

Но между тѣмъ событія нѣкоторымъ образомъ оправдываютъ показанія Г. Низара. Примѣру Панкука послѣдовали другіе книгопродавцы, и новыя изданія Латинскихъ классиковъ уже входятъ въ число литературныхъ объявленій. У студентовъ Парижскаго Университета существуетъ обычай, заказывать исключительно для себя театральное представленіе въ праздникъ Св. Карла-Великаго: пьесы для этого избираютъ они сами, и лучшіе Парижскіе актеры способствуютъ къ ихъ увеселенію. Въ нынѣшнемъ году, въ на-

часть Февраля, назначили они, по общему согласію, одну пьесу новой школы, *Henri III et sa cour*, и другую изъ старой Словесности, *Les fausses confidences*, сочиненіе Мариво. Сперва — выборъ удивилъ многихъ, потому, что въ прошлыхъ годахъ учащееся юношество въ этотъ день желало видѣть только самыя страшныя и самыя кровавыя произведенія романтизма; потомъ-удивило слѣдствіе спектакля: прославленная Драма Александра Дюма была принята ими холодно; Комедія Мариво доставила пылкимъ школьникамъ источникъ самой сердечной и шумной потехи.

— Но къ нынѣшней Французской школѣ, которая уже потеряла свой огонь и преждевременно клонится къ старости, прибавилась одна новая черта, и со дня на день становится она рѣзче. Известно, что главная мысль начальниковъ Французскаго романтизма, — мысль нелѣпая и столько же противная разсудку, сколько Религін, нравамъ и выводамъ Естественной Исторіи, — заключается въ томъ, будто супружество есть состояніе несогласное съ человѣческою природою. Гг. Бальзакъ, Мишель Ремонъ, Жаненъ, Викторъ Гюгъ, Фурье и другіе, ворочаютъ эту сумасбродную идею уже нѣсколько лѣтъ, и представляютъ ее въ различныхъ видахъ, почти при всякомъ случаѣ. Эта, достойная капустной головки, Философія начинаетъ уже приносить плоды. Она проникла въ убѣжденія прекраснаго пола, и женщины-писательницы съ каждымъ днемъ явнѣе и безстыднѣе начинаютъ возставать противъ супружества. Многочисленное общество дамъ-словесницъ издаетъ въ Парижѣ повременное сочиненіе, *Journal des femmes*, изъ котораго исключены мужчины: редакторы и директоры его — женщины. Этотъ Журналъ особенно отличается духомъ, враждебнымъ брачному союзу, и статьи Г-жи Дюдеванъ (Жоржъ Сандъ), одной изъ сотрудницъ, могли бѣ удивлять читателя страшною своею діалектикою, если бѣ не заставляли сожалѣть о сотрудницъ и даже о народѣ, въ которомъ узы, самыя священные и необходимыя для человѣческаго счастья, такъ гибельно начинаютъ расторгаться. Другой Журналъ въ томъ же родѣ называется *La tribune des femmes*; можно судить о духѣ по одному заглавію. Въ послѣдней его книжкѣ напечатана статья одной дамы, которая утверждаетъ, что но-

вая Драма, Angèle, Александра Дюма, — Драма жестокая, раздирающая, неблагопристойная до невѣроятности, — въ началѣ которой уже стоитъ на театрѣ «кровать оболъщенія», — есть самое нравственное и невинное твореніе въ мірѣ. Такъ называемое «освобожденіе женскаго пола» сдѣлалось модною идеей, и овладѣло умами несмѣтнаго множества образованныхъ женщинъ. Учители обоюго пола излагаютъ эту фантастическую науку публично, и аудиторіи полны разодѣтыми въ пухъ слушательницами. Мужьямъ должно быть весело!..... И Французскій романтизмъ можетъ поздравить себя съ прекраснымъ дѣломъ! Не смотря на то, по увѣренію очевидцевъ и по таблицамъ «Комитета географическихъ долготъ», люди женятся въ Парижѣ по прежнему. Родъ человѣчeskій неисправимъ!

— Второй выпускъ (livraison) Французскаго Конверсационскаго-Лексикона, Encyclopédie des gens du monde, вышелъ изъ печати въ теченіе прошлаго мѣсяца.

— Также вышли въ свѣтъ томы V и VI сочиненій Г. Бальзака. Въ нихъ отличается въ особенности Романъ его Eugénie Grandet, который Издатели здѣшной Revue Etrangère перепечатаваютъ въ своемъ Журналѣ. Это безспорно лучшее произведеніе моднаго автора: повѣсть простая, ясная, не безъ прелести и благопристойная; хорошо начата и, что удивительнѣе, даже хорошо оконченная. Въ ней тоже встрѣчаются ужасныя длинноты, и слогъ не чуждъ манерности; но по крайней мѣрѣ логика, съ которою Г. Бальзакъ такъ давно въ разбранкѣ, не поправа на всякомъ шагу. Eugénie Grandet, съ нѣкоторыми оговорками не въ пользу автора, можетъ быть сравнена съ «Вакфильдскимъ Пасторомъ.» А оговорки едва ли не превышаютъ итога точекъ этого сравненія! Г. Бальзакъ все-еще боленъ натяжкою: и въ этомъ, тщательнѣе другихъ отдѣланномъ твореніи встрѣчаются мѣста, гдѣ манерность и забвеніе здраваго смысла простерты до послѣдней точки смѣшнаго и нелѣпаго. Подивитесь только портрету героини Повѣсти! Она, говоритъ сочинитель, была прелестнѣе, нежели какъ сама полагала: во-первыхъ, у нея была огромная голова, — чело мужчины, но мужчины Юпитера, — и сѣрые глаза, на которыхъ чистая ея жизнь, вся туда сбѣгавшаяся, напечатлѣвала свѣтъ быющій; во-вторыхъ, въ

чертахъ лица ея видно было Христіанство. Каковы черты лица, что даже показываютъ вѣроисповѣданіе! И для вѣдшей изящности, эти черты, *нѣкогда свѣжія и розовыя*, еще огрубѣли отъ *кrotкой оспы*, которая *истребила бархатность кожи*. И притомъ она была надѣлена толстымъ носомъ, цвѣтъ котораго *состоялъ въ созвучіи съ ея красными, кошенилевыми устами*, — устами *полосатыми* какъ мелко-линейный ситець, *à mille gaies*, и отъ того полными любви и доброты. Словомъ, героиня не была *миловидная*, но она была *красавица*, — той именно красоты, которой *многіе такъ легко не понимаютъ*, а которую удивительно постигаетъ только художникъ, живописецъ. Этотъ живописецъ, всмотрѣвшись хорошенько, *вдругъ* нашелъ бы въ лицѣ красотки Г. Бальзака *врожденное благородство*, о которомъ *никто не въдаетъ*, — а *подъ* ея спокойнымъ челомъ (не забудьте, мужскимъ, и еще Юпитеровымъ) нашелъ бы онъ — что, вы думаете? — *цѣлый міръ любви!* — а въ очеркахъ ея глазъ, въ *привычкѣ* бровей ея, нашелъ бы еще *что-то не знаю божественное!* — Если Г. Бальзакъ понимаетъ самъ себя, то накажи меня, Богъ, такимъ же отсутствіемъ логики, какимъ наказалъ Ты его въ подобныхъ портретахъ красавицъ! Достоинство Повѣсти состоитъ все въ изображеніи нѣжныхъ чувствъ красавицы съ толстымъ, краснымъ носомъ на огромной головѣ. Любовь ея изображена прелестно.

— Наконецъ и Французскіе Академики со скуки рѣшились писать сказки; примѣру Г. Арно послѣдовалъ Г. Виенне, уже извѣстный однимъ Романомъ. Три Романа въ большой модѣ въ Парижѣ съ начала сего года — *Les Francs-Taurins* Библиофила Жакоба, имѣвшій уже нѣсколько изданій; *Le brasseur roi* Виконта Д'Арленкура, вмѣстѣ историческій Романъ среднихъ вѣковъ и современный пасквиль; и *La Four de St-Ange* Г-на Виенне, произведеніе, тоже не чуждое политики: въ предисловіи, авторъ жестоко мститъ тѣмъ, которые давали ему серенады на кастрюляхъ, и дѣлали изъ него каррикатуры. *Venezia la bella*, Романъ Г. Ройе, также приобретаетъ большія похвалы во многихъ Журналахъ: это, говорятъ, произведеніе души поэтической, чувствительной, печальной, нѣжной..... въ описательномъ родѣ. Но самый странный Романъ — *La Sainte-Baume*

Г-на д'Ортия, известнаго своими музыкальными статьями. Главы, вместо изложенія содержанія буквами, снабжены надписями въ нотахъ. Если читатель музыкантъ, то, прочитавъ гармоническій эпиграфъ главы, онъ можетъ знать, будетъ ли въ ней смѣяться или плакать. Такъ, напримѣръ, главѣ, гдѣ героиня Романа ожидаетъ своего любовника въ роцѣ, надписью служитъ музыка пѣсни Агаты изъ Фрейшюца. Другая глава, въ которой монахини собираются въ пещерѣ на молитву, имѣетъ девизомъ утренній гимнъ изъ Весталки Спонтини. Погребальный маршъ Бетгоvena, *Sinfonia eroica*, напечатанъ вверху послѣдней главы: какъ читатель знаетъ, что по регламенту новой школы, авторъ, — если онъ не трусь, — долженъ, послѣднимъ почеркомъ пера, истребить свою нѣжную героиню, блую и съ голубымъ глазомъ, то ему легко отгадать, что несчастная дѣва здѣсь погибнетъ. Въ самомъ дѣлѣ, маршъ не вретъ: она умерла и похоронена.

— Но самая занимательная книга и навѣрное лучшая изъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ здѣсь мы говорили, это *Mémoires et Voyages du capitaine Basil Hall*, переводъ съ Англійскаго. Всѣ критики отъ нея въ восхищеніи. Это исторія жизни одного моряка, отъ званія матроса до капитанскаго чина, — Романъ, Путешествіе и Исторія, но въ сущности Романъ. Должно по-справѣдливости признаться, что настоящій Романъ существуетъ только въ Англии, какъ настоящая Комедія только во Франціи. Г-жа Сталь сказала однажды и умно, и основательно, что у Англичанъ, въ тѣлѣ, есть окошко, въ которое они всовываютъ голову, и видятъ себя, свое сердце и всѣ движенія своей души.

— Прилагаемые нами въ концѣ Смѣси списки вновь выходящимъ книгамъ во Франціи, Англии и Германіи, назначены не столько къ удовлетворенію библиографическаго любопытства, сколько къ другой, важнѣйшей цѣли: они показываютъ духъ занятій и родъ предметовъ, къ которому умственная дѣятельность каждой изъ трехъ странъ направлена въ наше время. Предоставляя личному взгляду читателя ежемѣсячно оцѣнять по этимъ спискамъ качество ученыхъ и литературныхъ упражненій народовъ, предводительствующихъ

Европейскою образованностью, мы сообщаемъ здѣсь общую вѣдомость о книготисненіи во Франціи за 1833 годъ.

Всего, въ теченіе прошлаго года вышло тамъ 7,011 сочиненій; но въ этомъ итогѣ заключается 4,346 политическихъ брошюръ, рѣчей, пасквилей, адвокатскихъ записокъ, и проч., и 604 изданія на иностранныхъ языкахъ: слѣдственно, количество настоящихъ французскихъ книгъ ограничивается 2,061 произведеніемъ, по слѣдующему расписанію:

| | |
|---------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Стихотвореній..... | 275 |
| Медицинскихъ, юридическихъ, по части Естественной Исторіи и Политическихъ Наукъ | 532 |
| Историческихъ, статистическихъ, и проч. | 213 |
| По предметамъ Философіи и Нравственности..... | 102 |
| Богословскихъ и молитвенниковъ..... | 235 |
| По отдѣленію Изыщныхъ Искусствъ, Путешествій и проч..... | 170 |
| Романовъ и Повѣстей..... | 355 |
| Драматическихъ пьесъ..... | 179 |

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Съ начала года по сіе время мы еще ждемъ Англійскихъ Журналовъ, и не можемъ сказать ничего новаго о Словесности того края, хотя въ планъ нашего изданія именно входятъ этого рода извѣстія, которыя безъ-сомнѣнія пріятны для просвѣщенныхъ читателей, и любопытны по своей новости. Въ каждой книжкѣ мы намѣрены давать объ иностранныхъ Словесностяхъ статьи, подобныя предъидущей: въ разсужденіи Французской, исправно получаемые матеріалы дозволили намъ съ самаго начала года сообщать перечень важнѣйшихъ литературныхъ происшествій, и въ первой книжкѣ мы напечатали ее подъ заглавіемъ «Важное событіе во Французской Словесности,» во второй подъ заглавіемъ «Война во Французской Словесности». Съ нынѣшней книжки, подобныя извѣстія будутъ составлять, уже подъ общимъ наименованіемъ Словесности, къ которой они относятся, постоянныя статьи Смѣси, имѣющей цѣлю и обязанностью ограбить дочиста лучшіе иностранные Журналы, пришедшіе въ теченіе мѣсяца, из-

вская изъ нихъ все любопытное, занимательное и не слишкомъ длинное, чтобъ для многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ отмѣнить ихъ необходимость, и сберечь издержки на ихъ покупку. Объ Англійской Словесности въ этотъ разъ мы еще принуждены ограничиться новостями, доставленными изъ Лондона за Декабрь мѣсяць.

Въ исходѣ прошлаго года въ Англійской публикѣ дѣлали много шуму Романы — *Recollections of a Spy*, сочиненіе Леди Дакръ, и *Allan Breck* Г-на Больвера, автора «Пидьгама» и «Евгенія Арама». Въ особенности, сочиненіе Леди Дакръ принято съ большимъ одобреніемъ читательницами и Журналами; Романъ Г. Больвера нѣкоторые критики называютъ безнравственныхъ, хотя чрезвычайно занимательнымъ. Новые два Романа *Cecil Hyde* и *The Baboo* находили то же много обожателей, равно какъ *The Stoic*, Повесть Миссъ Стенфордъ.

«Прелестное и забавное» произведеніе Г-на Китли, подъ заглавіемъ — *Tales and popular fictions, their resemblance and transmission from country to country, by Th. Keightley*, — сколько можно судить по критическимъ его разборамъ, общаетъ много удовольствія любителямъ Англійской Словесности.

Но послѣдователи системы утилитаріевъ, люди положительные, люди серебряные, ариметическіе, расчетливые, — однимъ словомъ, Бентамисты, съ восхищеніемъ узнаютъ о выходе въ свѣтъ послѣдняго творенія покойнаго Бентама. Оно имѣетъ заглавіе — *Deontology, or the Science of Morality*, — *Деонтологія, или Наука о обязанностяхъ и нравственности*, — и издано известнымъ Докторомъ Боуриномъ. Подъ конецъ своей жизни; Бентамъ, который всѣ человѣческія занятія цѣнилъ на деньги, вздумалъ быть ариметическимъ Цицерономъ, или по крайней мѣрѣ доказать свѣту, что Латинское краснорѣчіе можетъ быть выражено Арабскими цифрами. Когда кто-то сказалъ у насъ недавно, что въ Европѣ скоро явятся карманныя таблицы, гдѣ всѣ наши чувствованія, страсти и помышленія будутъ расположены по алфавитному порядку, съ означеніемъ въ графѣ достоинства ихъ на рубли и копейки, онъ вѣрно не полагалъ, чтобы въ то самое время печаталась въ Лондонѣ

книга знаменитаго человека, въ которой эта шутка приведена въ дѣйствіе на правду. Вотъ какъ Бентамъ опредѣляетъ порокъ: «Порокомъ называется ошибка въ счетъ, — дурное численіе итоговъ удовольствія и страданія: это не что иное, какъ ложная нравственная Ариѳметика, — и какъ утѣшительно думать, что, съ помощію настоящей цыфры, можно рѣшить все почти нравственные и отвлеченные вопросы съ точностью, не уступающею математической!»



Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

LA FRANCE, description géographique, statistique et topographique, avec une carte et un dictionnaire biographique et bibliographique, par M. *Loriol*. 1 vol.

EXPOSÉ des principes élémentaires et raisonnés sur le meilleur système d'emprunts publics et sur le meilleur mode d'amortissemens, par *J. B. Juigny*. 1 vol.

TRAITÉ DE MÉTROLOGIE ancienne et moderne, par M. *Saigey*. 1. vol.

DE L'ÉDUCATION des mères des familles, ou De la régénération du genre humain par les femmes, par M. *Aimé Martin*. 2 vol.

HISTOIRE NATURELLE de l'homme et de la femme. 1 vol.

L'HOMME politique et social, par M. *Vernes de Luxe*. 1 vol.

L'HOMME considéré en grand, sous les rapports des appareils et des fonctions, par M. *Broc*. 1 vol.

HISTOIRE ET ROMAN. Avec l'épigraphe: Il y a toujours un peu de roman dans l'histoire, et un peu d'histoire dans le roman; par M. *Audibert*. 1 vol.

L'ESPAGNE. Souvenirs de 1823 et 1833, par *Adolphe de Bourgoing*. 1 vol.

HISTOIRE PITTORESQUE DU MONT ST.-MICHEL, par M. *Maximilien Raoul*. 1 vol. orné de 14 gravures à l'eau-forte.

LE CHATEAU DE SAINT-ANGE, roman, par M. *Viennet*. 2 vol.

SOIRÉES D'ABBOTSFORD, chroniques et nouvelles recueillies dans les salons de *Walter Scott*. 1 vol.

LE COMTE DE SAINT-GERMAIN et la marquise de Pompadour, roman nouveau, par Mr. *M****. 2 vol.

LES MAUVAISES TÊTES, esquises de moeurs, par M. *Perrin*. 2 vol.

THIEL-LE-RODEUR, roman et tableaux de genre, par *Frédéric Mercey*. 2 vol.

LE VICOMTE DE BÉZIERS, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

LA SAINTE-BAUME, roman, par *Joseph d'Ortigue*. 2 vol.

UN ACCÈS DE FIÈVRE, roman, par *J. Becard*. 1 vol.

CORPS SANS AME, roman, par *Jules Lacroix*. 2 vol.

UN AME EN PEINE, roman, par *M. Amédée Kermel*. 2 vol.

ELISA DE RIALTO, roman, par *M. Chaudesaigues*. 1 volume (furiboud).

PUBLICATIONS PAR SOUSCRIPTION ET PAR LIVRAISONS.

Oeuvres complètes de Saint-Jean-Chrysostome, Grec-latin.

Musée religieux, choix de plus beaux tableaux des peintres les plus célèbres.

Galerie des arts et de l'histoire, composée de tableaux et statues les plus remarquables des musées de l'Europe, etc., 700 gravures.

Classiques épistolaires, ou choix de meilleures lettres de tous les siècles, etc.

Le Magazine Français, nouvelle bibliothèque des romans modernes.

La France dramatique au XIX siècle, collection de pièces modernes.

Flore des jardiniers, amateurs et manufacturiers, avec 400 figures.

Idem.

Guide pittoresque du voyageur en France, avec 90 cartes, 70 portraits et 600 gravures.

Encyclopédie de l'agriculture pratique, maison rustique du dix-neuvième siècle.

Nouveau cours complet d'Agriculture théorique et pratique, par les membres de l'Institut de France, etc.

Английскія.

HISTORY OF SOUL, explained in six sermons. By *Bunbleton*. 1 vol.

THE WRITINGS OF GEORGE WASHINGTON, being his correspondences, addresses, messages etc. By *Jared Sparks*. 2 vols.

DEONTOLOGY, or the Science of Morality. From the Mms. of *Jeremy Bentham*, arranged and edited by *Dr. Bowring*. 1 vol.

CONVERSATIONS of a father with his children. 1 vol.

THE CRISIS OF ENGLAND, its danger, etc. 1 vol.

AN EXAMINATION into the causes of declining reputation of the medical faculty of the University of Edinburgh. 1 vol.

OBSERVATIONS on fumigating and other baths. By *Green*. 1 vol.

FLORA BATHONIENSIS, published by *C. C. Badington*. 1 vol.

THE RAILWAY COMPANION, being an account of rise and progress of railway between Liverpool and Manchester. 1 vol. with lithograph. sketches.

AN HISTORICAL AND DESCRIPTIVE ACCOUNT OF PERSIA, from the earliest ages to the present time. By *J. B. Fraser*. 1 vol.

VIEWS AND DESCRIPTION of cyclopien and pelagic remains in Greece and Italy, from drawings by the late *E. Dodwell*, and intended as a supplement to his tour in Greece. 1 vol. with 134 plates.

NARRATIVE OF A TOUR in North-America, Mexico and Cuba. By *B. Tudor*. 2 vols.

NARRATIVE OF A JOURNEY to the Falls of Cavery, with an historical and descriptive account of Neilgherry Hills. By *Lieut B. Jervis*. 1 vol.

EXCURSIONS IN THE HOLY LAND, Egypt, Nubia, Syria, etc. By *John Madox*. 2 vols.

GERMAN NATION AND ORIGINE, geographically and historically elucidated, with especial reference to the language. By *Henry Meidinger*. 1 vol.

THE FREENESS AND SOVEREIGNTY OF GRACE. By *Miss Graham*. 1 vol.

VILLAGE WALKS. Tales from the actual life. By the author of *Sophia Linau*. 1 vol.

NINE YEARS of an actor's life. By *R. Dyer*. 4 vol.

ALLAN BRECK. By the author of *Subaltern*: 3 vols.

THE DOCTOR. Sketches. 2 vols.

TALES AND POPULAR FICTIONS, their resemblance and transmission from country to country. By *Thomas Keightley*. 1 vol.

THE SKETCHES AND EXCENTRICITIES of Colonel David Crockett, of West Tennessee. 4 vol.

Нѣмецкія.

HANDBUCH DER DAMPFMASCHINENLEHRE, für Techniker u. Freunde der Mechanik. Von Dr. *Ch. Bernouille*. Mit 12 Steindrucktaf. Stuttgart.

UEBER DREI HOECHST SELTENE PERSISCHE HANDSCHRIFTEN. Ein Beitrag zur Literatur der orientalischen Arzneimittellehre. Von Dr. *K. Seligmann*. Wien.

TASCHENBUCH der Arzneimittellehre und Receptirkunde, nach dem neuesten Standpunkte dieser Wissenschaften, entworfen von *E. S. Schroff* und *K. D. Schroff*. Wien.

DIE KRANKHEITEN DER REICHEN. Diätetische Grundlinien für das höhere und conversationelle Leben von *L. Eleckles*. Wien.

ABHANDLUNGEN über Cameral- und fiscalämliche Gegenstände, nebst einer besondern Abhandlung über Adelsanmassungen. Von Dr. *J. Linden*. Wien.

DIE MECHANIK in ihrer Anwendung auf Künste und Gewerbe. Gemeinverständlich dargestellt von Dr. *A. Baumgärtner*. 2te verm. u. ganz umgearb. Aufl. Mit 9 Kupfertafeln. Wien.

- ALLGEMEINE STAATSLEHRE** von *D. G. von Ekendahl*. Zweiter Theil. Neustadt a. d. O.
- DIE WUNDER DER HOMŒOPATHIE**. Eine kurze und deutliche Darstellung dieses neuen Heilverfahrens für gebildete Laien, zur gründlichen Beurtheilung der Hahnemann'schen Schriften, nebst einer kurzen pragmatischen Lebensbeschreibung dieses grossen Mannes, von einem praktischen Arzte. Leipzig.
- DIE NEUEREN ERFINDUNGEN UND VERBESSERUNGEN** in Betreff der optischen Instrumente etc. Herausgegeben von *J. A. F. Arnold*. Mit 4 Tafeln Abbildungen. Quedlinburg.
- DIE FABRIKATION DES GLASES** nach den neuesten Erfindungen und Verbesserungen. Von *Bowles* Nach dem Engl. bearbeitet und mit Zusätzen vermehrt. Mit 2 Tafeln Abbildungen. Quedlinburg.
- DIE FABRIKATION DER GLASSPIEGEL** nach den neuesten Erfindungen und Verbesserungen. Von *C. Rothenhagen*. Mit 4 Taf. Abbildungen. Quedlinburg.
- POPULAIRES PHYSIKALISCHES LEXIKON**, oder Handwörterbuch der gesammten Naturlehre für die Gebildeten aus allen Ständen, von *Dr. G. O. Marbach*. Ersten Bandes erste Lieferung. Mit einer Kupfertafel. Leipzig.
- THEOFRID**, oder Vorbilder des Vertrauens, der Geduld und Standhaftigkeit unter grossen Unfällen und Gefahren. Für Freunde einer bildenden Unterhaltung, besonders die Jugend aufgestellt, von *J. H. Lehnert*. Mit Kupfern. Berlin.
- NOVELLEN** von *A. Bronikowsky*. Erster Band: der Schreibfehler und Monsieur le marquis. Leipzig.
- REIN HOMŒOPATHISCHES KOCHBUCH FUER KRANKE**, die sich homöopathisch heilen lassen. Von einem Verehrer der Homöopathik. Mit zwei Vorreden von *Dr. C. F. Schwarze*. Dresden.
- SAINT SIMON** und der Saintsimonismus. Allgemeiner Völkerbund und ewiger Friede. Von *M. Veit*. Leipzig.
-
- GRIMMENTHAL**. Romantisches Zeitbild aus dem sechzehnten Jahrhundert, von *L. Bechstein*. Hildburghausen.
- DRAMATISCHES GESPRÄCH IM REICHE DER TOTTEN**, zwischen Schiller, Wieland, Iffland, Kotzebue und Göthe. In 4 Abtheilungen. Von *** S**. Quedlinburg.
- SATYRISCHER FRAUEN- UND MÄDCHENSPIEGEL DER HEUTIGEN WELT**. Zum Scherz und Lachen. In Knittel- u. Rüttelversen, von *J. Spottvogel*. Quedlinburg.
- SELMA'S** Erzählungen aus der Romanenwelt des wirklichen Lebens. Herausgegeben von *J. C. Appenzeller*. Aarau.
- DIE BEGUINE**. Historischer Roman aus der Mitte des vierzehnten Jahrhunderts. Von *L. Storch*. Frankfurt a. M.
-

JAN 24 1930

